Для отзыва в журнал

Сборникъ статей

по исторіи права,

посвященный

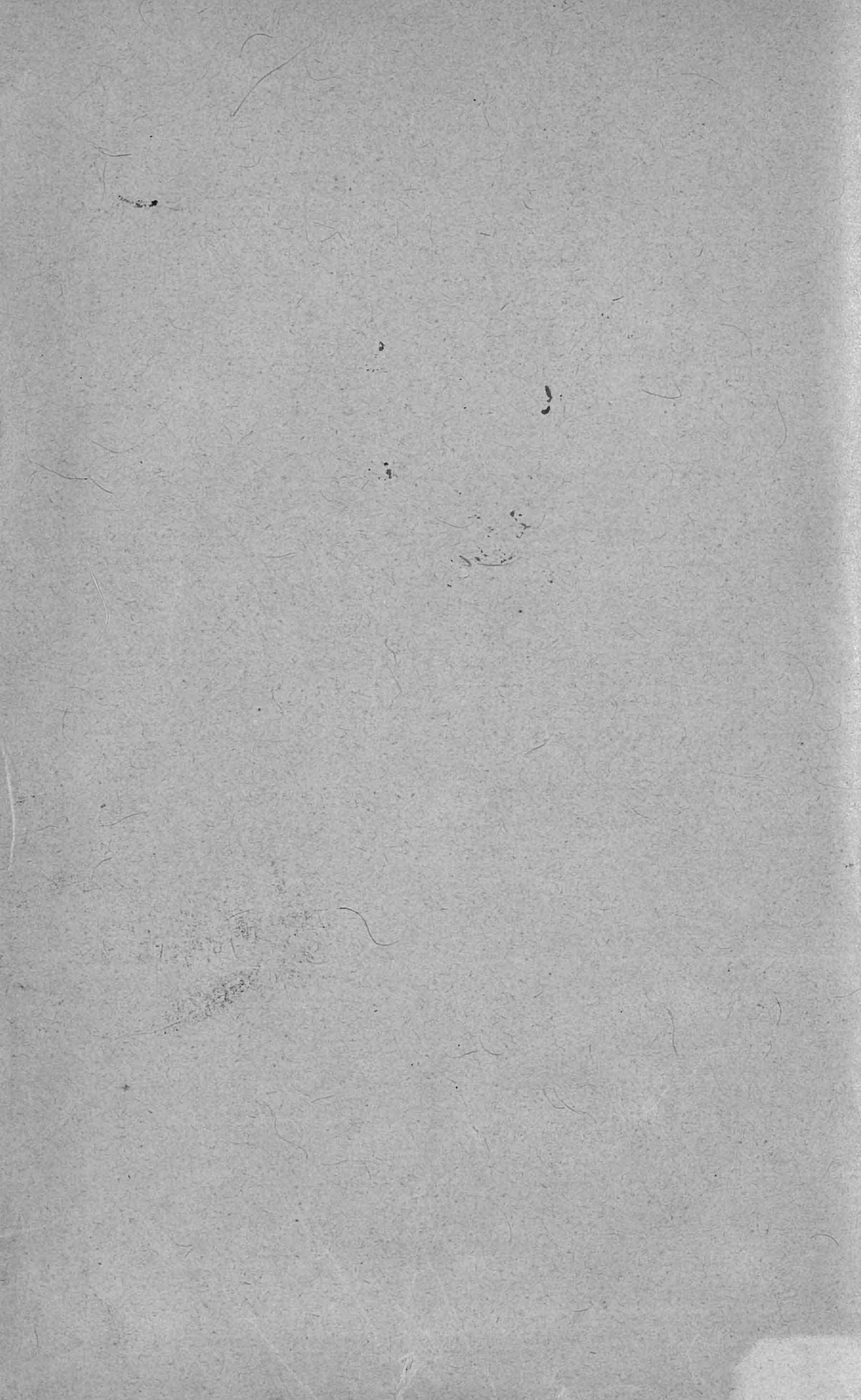
М. Ф. Владимірскому-Буданову

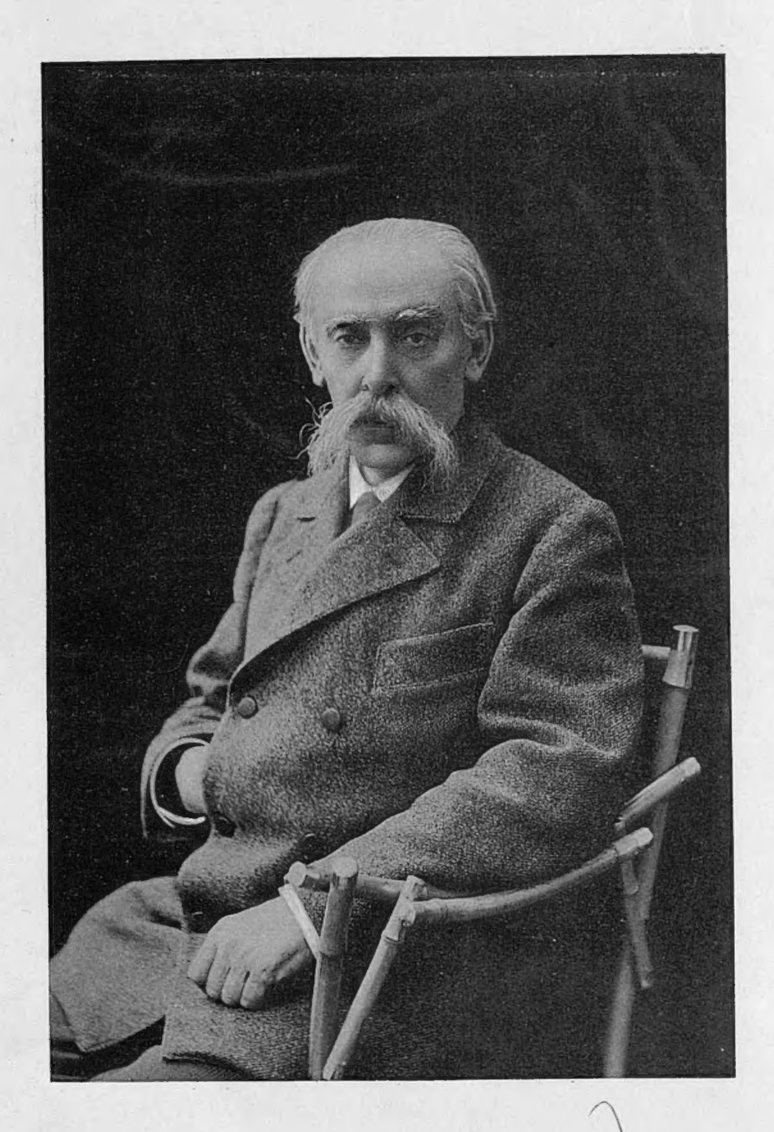
его учениками и почитателями.

Изданъ подъ редакціей

М. Н. Ясинскаго.

КІЕВЪ.
Типографія С. В. Кульженко. Пушкинская ул., д. № 4.
1904.





М. Владимирскій-Будановъ

Сборникъ статей

по исторіи права,

посвященный

М. Ф. Владимірскому-Буданову

его учениками и почитателями.

Изданъ подъ редакціей

М. Н. Ясинскаго.

КІЕВЪ.

Типографія С. В. Кульженко. Пушкинская ул., д. № 4.

1904.

Печатано по опредѣленію Юридическаго факультета Университета св. Владиміра.

30 января 1903 г. Деканъ **Н. Цытовичъ**.

Сборникъ статей

по исторіи права:

П. Г. Виноградова, И. Я. Гурлянда, Н. П. Дашкевича, Г. В. Демченка, М. А. Дьяконова, К. Я. Кадлеца, И. М. Каманина, М. М. Ковалевскаго, Ю. А. Кулаковскаго, І. А. Малиновскаго, Н. А. Максимейка, А. К. Митюкова, І. А. Покровскаго, Θ. В. Тарановскаго, кн. Е. Н. Трубецкого, В. А. Удинцева, А. Н. Филиппова, Т. Д. Флоринскаго, А. Я. Шпакова, А. Н. Ясинскаго и М. Н. Ясинскаго,

посвященный

Михаилу Флегонтовичу

Владимірскому-Буданову

по случаю

35-лѣтія его учено-литературной дѣятельности

(1868—1903 г.г.)

Вся выручка отъ продажи изданія предназначается для образованія при Юридическомъ факультетѣ Университета св. Владиміра фонда на премію за лучшее студенческое сочиненіе по исторіи русскаго права.

Оглавленіе.

Стр.

Отъ редакціи VII

Библіографическій перечень печатныхъ трудовъ М. Ф. Владимірскаго-Буданова XI

А. Н. Филипповъ. Начальныя стадіи процесса виндикаціи движимостей по leges barbarorum (Vestigii minatio и Anefang) 1

І. А. Покровскій. Частная защита общественныхъ интересовъ въ древнемъ Римѣ 27

Ѳ. В. Тарановскій. Политическая доктрина въ Наказѣ Императрицы Екатерины II 44

И. Я. Гурляндъ. Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ 87

М. А. Дьяконовъ. „Заповѣдныя лѣта“ и „старина“ . 110

К. Я. Кадлецъ. О трудовыхъ ассоціаціяхъ у славянъ . 125

П. Г. Виноградовъ. О нѣкоторыхъ особенностяхъ родового строя уельсскихъ кельтовъ 142

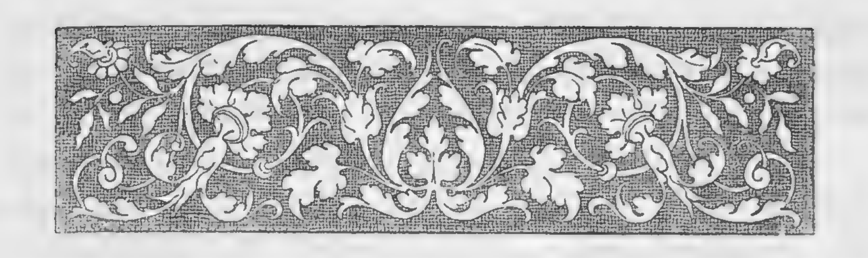
Г. В. Демченко. Къ вопросу объ участіи земскихъ добрыхъ людей въ древне-русскихъ судахъ . . . 153

И. М. Каманинъ. Новыя данныя для исторіи кіевскаго городского самоуправленія въ XVII вѣкѣ 176

М. М. Ковалевскій. Юридическій бытъ генуэзскихъ колоній на Черномъ морѣ во второй половинѣ XV вѣка 195

А. Н. Ясинскій. Введеніе „нѣмецкаго“ права въ селахъ Чехіи XIV вѣка 229

I. А. Малиновскій. Древнѣйшая русская аристократія . 256
В. А. Удинцевъ. „Подписка въ вѣрѣ“ (Къ ученію о древне-русскомъ залогѣ) 275
А. Я. Шпаковъ. Стоглавъ (Къ вопросу объ официальномъ или неофиціальномъ происхожденіи этого памятника) . . 299
Кн. Е. Н. Трубецкой. Къ характеристикѣ политическихъ идеаловъ эпохи Возрожденія 331
А. К. Митюковъ. „In diem addictio“, какъ частный случай продажи съ публичнаго торга 352
Н. П. Дашкевичъ. Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. 366
Н. А. Максимейко. Русская Правда и литовско-русское право 382
Ю. А. Кулаковскій. Къ вопросу о происхожденіи ѳемнаго строя Византійской имперіи 396
Т. Д. Флоринскій. Древнѣйшій памятникъ болгарскаго права 404
М. Н. Ясинскій. Закупы Русской Правды и памятниковъ западно-русскаго права 430



Отъ редакціи.

Въ ноябрѣ 1901 г., когда праздновалось 35-лѣтіе учено-педагогической службы профессора Михаила Флегонтовича Владимірскаго-Буданова, въ кружкѣ его ближайшихъ учениковъ и почитателей возникла мысль почтить исполнявшееся въ концѣ 1903 г. тридцатипятилѣтіе *учено-литературной* дѣятельности юбиляра изданіемъ особаго сборника статей, посвященныхъ той именно отрасли исторической науки, которая составляетъ главный предметъ научныхъ интересовъ чествуемаго ученаго. Различныя обстоятельства, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, помѣшали, однако, немедленному осуществленію возникшей идеи о сборникѣ, и лишь поздней осенью слѣдующаго 1902 года явилась возможность приступить къ выполненію задуманнаго. На происшедшемъ тогда же совѣщаніи ближайшихъ участниковъ и иниціаторовъ сборника была выработана въ общихъ чертахъ программа его, установлены приблизительный объемъ, срокъ доставленія статей и проч. детали предположеннаго изданія, а веденіе всего дѣла возложено на пишущаго эти строки. Въ началѣ 1903 г. поступили въ портфель редакціи первыя статьи и немедленно затѣмъ приступлено къ постепенному печатанію сборника, выпустить который предполагалось въ концѣ того же 1903

года. Предположеніе это, однако, не удалось выполнить по различнымъ причинамъ и, главнымъ образомъ, благодаря позднему доставленію нѣкоторыхъ изъ обѣщанныхъ статей.

Въ настоящемъ сборникѣ приняли участіе не только ученики М. Ф. Владимірскаго-Буданова, но и нѣкоторые изъ его многочисленныхъ почитателей. Къ сожалѣнію, не всѣ изъ желавшихъ почтить юбиляра въ данной формѣ, въ формѣ участія въ сборникѣ, могли сдѣлать это: одни вслѣдствіе характера содержанія сборника, посвященнаго исключительно исторіи права, другіе вслѣдствіе своихъ личныхъ обстоятельствъ, помѣшавшихъ изготовить статьи къ указанному сроку. Наконецъ, и предположенный объемъ сборника (въ предѣлахъ до 30-ти печатн. листовъ) не позволялъ расширить кругъ сотрудниковъ задуманнаго изданія и привлечь къ участію въ немъ многихъ лицъ, которыя съ удовольствіемъ дали бы свои статьи. Безъ всякаго сомнѣнія, при другихъ условіяхъ, число участниковъ въ сборникѣ было бы значительно большее, нежели какое имѣется нынѣ, несмотря на то, что намѣреніе издать означенный сборникъ не получило болѣе или менѣе широкой огласки.

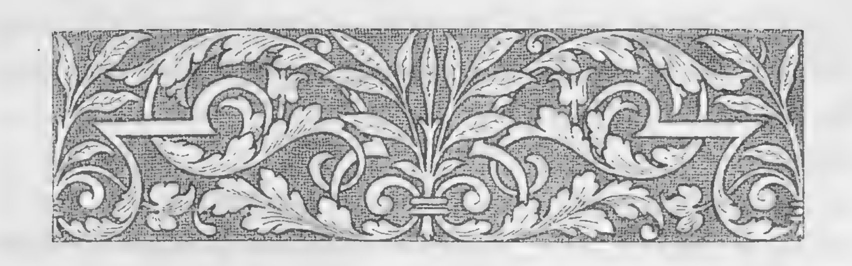
Такъ какъ статьи поступали къ редактору сборника весьма разновременно, то, во избѣжаніе задержекъ при печатаніи и вообще въ интересахъ ускоренія появленія въ свѣтъ сборника, пришлось совершенно отказаться отъ какой бы то ни было системы въ расположеніи, или размѣщеніи, вошедшихъ въ его составъ статей: онѣ печатались по мѣрѣ и въ порядкѣ ихъ поступленія.

Къ сборнику приложенъ портретъ М. Ф. Владимірскаго-Буданова (съ факсимиле) и библіографическій перечень его печатныхъ трудовъ. Нерѣдко къ подобнаго рода сборникамъ, пока еще довольно рѣдкимъ на Руси, прилагаются очерки .научной дѣятельности юбиляровъ и ихъ ученыхъ заслугъ. Въ настоящемъ сборникѣ этого не сдѣлано по слѣдующимъ соображеніямъ. Ученое имя и важнѣйшіе

труды проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы представлялась надобность въ подобномъ, обыкновенно болѣе или менѣе бѣгломъ, очеркѣ. Дѣлать же подробную оцѣнку и подводить итоги ученой дѣятельности чествуемаго нами юбиляра слишкомъ, по нашему убѣжденію, преждевременно: дѣятельность эта еще продолжается и, надѣемся, продолжится въ теченіе еще многихъ и многихъ лѣтъ на пользу и украшеніе родной науки.

Въ заключеніе редакторъ сборника извиняется за типографскія и всякія иныя погрѣшности, которыя, безъ сомнѣнія, вкрались въ изданіе. Нѣкоторымъ для него оправданіемъ пусть послужитъ то обстоятельство, что ему, при наличности многихъ другихъ занятій, пришлось взять на себя одного не только сношенія съ авторами статей, но и непосредственное наблюденіе за печатаніемъ, включительно до просмотра двухъ, а нерѣдко и трехъ корректуръ каждаго печатнаго листа.

27 февраля
1904 г.



Библіографическій перечень печатныхъ трудовъ М. Ф. Владимірскаго-Буданова *).

1. *Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ.* Журн. Мин. Народн. Просв. 1868 г., №№ 8, 9, 11, 12, и отдѣльное изданіе, Спб., 1868 г., стр. 302 [1]).

2—4. *Христоматія по исторіи русскаго права* [2]):

Выпускъ I. Изданіе 1-ое, Ярославль, 1872 г.; изд. 5-ое, Кіевъ, 1899 г., стр. 265.

Выпускъ II. Изданіе 1-ое, Ярославль, 1873 г.; изд. 4-ое, Кіевъ, 1901 г., стр. 262.

Выпускъ III. Изданіе 1-ое, Ярославль, 1875 г.; изд. 3-ье, Кіевъ, 1889 г., стр. 254.

---

*) Предлагаемый перечень составленъ съ возможною полнотою, но въ него все же могли не попасть нѣкоторыя мелкія журнальныя статьи, о каковыхъ, повидимому, забылъ и самъ ихъ авторъ, судя по

[1]) Сочиненіе это послужило диссертаціей для полученія степени магистра. Это же сочиненіе удостоено въ 1870 г. Академіей Наукъ Уваровской преміи, на основаніи рецензіи А. Павинскаго (см. Отчетъ о XIII-мъ присутствіи наградъ гр. Уварова).

[2]) Отдѣльныя части (выпуски) этого труда выдержали по нѣскольку изданій; мы ограничиваемся лишь указаніемъ *перваго* и *послѣдняго* (въ моментъ составленія перечня) изданій, опуская промежуточныя. Обозначеніе объема (въ страницахъ) каждаго выпуска относится лишь къ послѣднимъ изданіямъ, отличающимся отъ предыдущихъ не только нѣкоторыми измѣненіями въ комментаріяхъ и указателяхъ литературы, но и прибавленіями по части памятниковъ права.

5. *Государство и народное образованіе въ Россіи съ XVII в. до учрежденія Министерствъ.* Журн. Мин. Нар. Пр. 1873 г., №№ 10—11, 1874 г. №№ 4—5, и отд. изд., Спб., 1874 г.

6. *Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII в. Часть I-ая. Система профессіональнаго образованія (отъ Петра I до Екатерины II).* Врем. Демид. Юридич. лицея 1874 г., кн. 6—8, и отд. издан., Ярославль, 1874 г., стр. VI+325[3]).

7. *Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ* (по поводу статьи о нихъ В. И. Сергѣевича во II-мъ томѣ

тому, что въ приложенномъ имъ къ свой автобіографіи (см. Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Унив. Св. Владиміра, Кіевъ, 1884 г., стр. 111—117) спискѣ работъ имѣются пробѣлы. Эти пробѣлы восполнены нами, а равно исправлены и нѣкоторыя мелкія библіографическія неточности, вкравшіяся въ означенный списокъ.

Въ настоящій перечень не внесены: 1) относящееся къ 1864 г. (т. е. къ году окончанія университетскаго курса М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ) и оставшееся въ рукописи кандидатское разсужденіе: „*Древнія уставныя земскія грамоты*"; 2) курсъ географіи, читанный въ Кіевской военной гимназіи и изданный въ 1867 г. подъ заглавіемъ: „*Руководство къ изученію Русской земли и ея народонаселенія.* По лекціямъ М. Владимірскаго-Буданова составилъ и издалъ А. Редровъ; *ч. I — Европейская Россія, ч. II — Дополненія*". Кіевъ, 1867 г.; стр. XXXIV + 349 + 123; 3) рядъ устныхъ докладовъ М. Ф. Владимірскаго-Буданова въ засѣданіяхъ Историч. общества Нестора-лѣтописца (таковы, напр., доклады: „Свидѣтельство о существованіи ордалій въ концѣ XVII в.", „Объ одномъ неизданномъ актѣ Литовской Метрики, относящемся къ XV в. и содержащемъ въ себѣ отрывокъ писцовой книги Кіевскаго воеводства" и др., содержаніе которыхъ изложено вкратцѣ въ „Чтеніяхъ" означ. Общества, кн. I, II и др.), и 4) литографированные курсы лекцій по исторіи русскаго права, изъ каковыхъ намъ извѣстны изданія: 1877 г. (Конспектъ лекцій, читанныхъ въ унив. св. Владиміра въ 1876—7 акад. году, 2 выпуска), 1881—1882 г. (2 выпуска, обнимающіе лекціи по исторіи государств., уголовн. и процесс. права) и 1884 г. (лекціи по исторіи гражданскаго права).

[3]) Докторская диссертація.

Сборн. Государств. знаній). Университ. Извѣстія (Кіевск.) 1875 г., № 10, и отд., стр. 18.

8. *Объ обязательности народнаго образованія въ Россіи.* Педагогич. Музей за 1876 г.

9. *Изъ исторіи русскаго просвѣщенія. Первая гимназія въ Россіи.* Педагогич. Музей 1877 г., №№ 1—3.

10. *Критическій разборъ „Исторіи права Московскаго государства“ Н. П. Загоскина.* Унив. Извѣстія 1877 г., № 9, и отд., стр. 28.

11. *Отношенія между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ ц. Алексѣя Михайловича.* Сборникъ Государственныхъ знаній, т. IV (1877 г.), и отд., стр. 38.

12—13. *Историко-юридическія матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской* (два критическіе очерка). Унив. Изв. 1877 г., № 3 и 1878 г., № 4, и отд., стр. 35+18.

14. *Критическій разборъ изслѣдованій И. И. Дитятина о городскомъ устройствѣ и управленіи въ Россіи.* Унив. Изв. 1878 г., № 9, и отд., стр. 22.

15. *Критическая статья о книгѣ К. Дунина: „О Мазовецкомъ правѣ“.* Сборн. Государств. знаній, т. V (1878 г.).

16. *Народное образованіе въ Кіевскомъ учебномъ округѣ* (1, Распространенность образованія; 2, Учителя; 3, Стоимость образованія, и 4, Источники школьнаго дохода). Педагогич. Музей за 1879 г., №№ 1, 2—3, 4—5.

17. *Лекціи по исторіи русскаго законодательства И. Д. Бѣляева* (критич. этюдъ). Унив. Изв. 1879 г., № 6, и отд., стр. 29.

18. *Къ исторіи права русскихъ инородцевъ Ѳ. И. Леонтовича* (критич. очеркъ). Унив. Изв. 1879 г., № 9, и отд., стр. 24.

19. *Новыя открытія въ исторіи Уложенія ц. Алексѣя Михайловича* (по поводу изслѣдованій проф. За-

госкина и Д. М. Мейчика). Унив. Изв. 1880 г., № 2, и отд., стр. 21.

20. *Новыя изслѣдованія о боярской думѣ* (по поводу сочин. проф. Загоскина и Ключевскаго). Сборн. Государств. знаній, т. VIII (1880 г.), и отд., стр. 21.

21. *Отчетъ о годичной командировкѣ 1880—81 г.* Унив. Изв. 1881 г., №№ 11—12, и отд., стр. 55.

22. *Неизданные законы юго-западныхъ славянъ. Законникъ гор. Каствы и Законъ общины Вепринской.* Журн. Мин. Нар. Пр. 1881 г., № 3, и отд., стр. 46.

23—24. *Литература исторіи русскаго права за 1880—1882 гг. (I. Государства Московское и Литовское; II. Время Петра I).* Два критико-библіографич. очерка. Унив. Изв. 1882 г., №№ 5—6, и отд., стр. 48.

25. *Исторія Императорскаго Университета св. Владиміра. Т. I. Университетъ св. Владиміра въ царствованіе Императора Николая I.* Кіевъ, 1884 г., стр. 674+XLI.

26. *Жизнь и ученая дѣятельность проф. И. Н. Даниловича.* Біографическій Словарь профес. и преподав. Универ. св. Владиміра, 1884 г., стр. 147—173, и отд., стр. 27.

27. *Пятидесятилѣтіе Университета св. Владиміра.* Рѣчь, написанная для произнесенія на юбилейномъ актѣ Университета 8 Сент. 1884 г. Унив. Изв. 1884 г., № 8, и отд. изд., Кіевъ, 1884 г., стр. 59.

28. *Задружная теорія и древне-русское землевладѣніе* (по поводу книги г. Блюменфельда: „О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи“). Унив. Изв. 1884 г., № 11, и отд., стр. 22.

29. *Литовскіе евреи* (по поводу книги С. А. Бершадскаго: „Литовскіе евреи“ etc., и издан. имъ документовъ по исторіи литовскихъ евреевъ). Журн. Мин. Нар. Пр. 1885 г., № 1 (стр. 162—200).

30. *Населеніе Юго-Западной Россіи отъ полов. XIII до полов. XVII в.* Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. I, и отд. изд., Кіевъ, 1886 г., стр. 85.

31. *Обзоръ исторіи русскаго права*[4]). Выпуски I (*исторія русск. госуд. права*)[5]) и II (*исторія русскаго угол. права, гражданск. права и процесса*). Кіевъ, 1886 г., стр. VIII+225+282.

32. *Важнѣйшія явленія въ литературѣ исторіи русскаго права за 1887 г.* Унив. Изв. 1888 г., № 1, и отд., стр. 26.

33. *Привязываніе убійцы къ трупу убитаго* (изъ старой судебно-уголовной практики). Кіевская Старина 1888 г., № 1.

34. *Проекты Кіевской губернской канцеляріи, представленные въ Елисаветинскую и Екатерининскую законодательныя комиссіи.* Кіевск. Стар. 1888 г., № 5.

35. *Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго.* Кіевск. Стар. 1888 г., № 7, и отд. изд., Кіевъ, 1888 г., стр. 38.

36. *Обзоръ исторіи русскаго права.* Изд. второе съ дополненіями. Кіевъ, 1888 г., стр. 542.

---

[4]) Настоящій трудъ, предназначенный по мысли автора „служитъ только *пособіемъ при слушаніи лекцій*“, имѣлъ два послѣдующихъ, указанныхъ ниже, изданія. Каждое изъ этихъ послѣднихъ изданій отнюдь не представляетъ собою простой перепечатки предыдущаго, а сопровождалось измѣненіями и значительными дополненіями, что особенно относится къ послѣднему (третьему) изданію „Обзора“. Въ виду этого каждое изъ изданій „Обзора исторіи русскаго права“ занимаетъ въ настоящемъ перечнѣ свое особое (въ хронологическомъ порядкѣ) мѣсто.

[5]) Первая половина этого выпуска (исторія рус. госуд. права земскаго періода) годомъ раньше (въ 1885 г.) была напечатана въ болѣе краткомъ, конспективномъ, видѣ. Этотъ конспектъ (объемъ его 74 стр. in—8°) исторіи русск. госуд. права 1-го періода, долженствовавшій замѣнить собою литографиров. лекціи и положившій начало будущему полному печатному „Обзору исторіи рус. права по лекціямъ проф. Владимірскаго-Буданова“, въ продажу, однако, не поступалъ и предназначался исключительно лишь для слушателей автора.

37—39. *Очерки изъ исторіи литовско-русскаго права:*

I. Помѣстья Литовскаго государства. Чтенія въ Истор. обществѣ Нестора-лѣтописца, кн. 3, и отд. изд., Кіевъ, 1889 г., стр. 52.

II. Черты семейнаго права XVI в. Ibid., кн. 4, и отд. изд., Кіевъ, 1890 г., стр. 59.

III. Крестьянское землевладѣніе въ Западной Россіи до половины XVI в. Ibid., кн. 7, и отд. изд., Кіевъ, 1893 г., стр. 83.

40. *Населеніе Юго-Западной Россіи отъ полов. XV в. до Люблинской уніи* [6]*).* Архивъ Юго-Западн. Россіи, ч. VII, т. II, и отд. изд., Кіевъ, 1891 г., стр. 210.

41. *Отношеніе графа П. А. Румянцева къ порядкамъ бывшей гетманщины* (съ приложеніемъ актовъ по управленію Малороссіею гр. П. А. Румянцева за 1767 г.). Чтенія въ Историч. общ. Нестора-лѣтописца, кн. 5, и отд. изд., Кіевъ, 1891 г., стр. 44.

42. *Матеріалы для біографіи В. Стефановича (1697—1773 г.).* Ibid., кн. 7, и отд. изд., Кіевъ, 1892 г., стр. 26.

43. *Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Литовско-Русскомъ государствѣ XVI в.* Кіевскій Сборникъ, изд. въ пользу голодающихъ въ 1892 г., и отд., стр. 30.

44. *Учрежденіе Университета св. Владиміра и его судьбы при Императорѣ Николаѣ I.* (Эта статья составляетъ 2-ю главу въ роскошномъ in—4⁰ изданіи, выпущенномъ въ свѣтъ Университетомъ св. Владиміра ко дню открытія въ г. Кіевѣ памятника Императору Николаю I и озаглавленномъ: „Кіевъ и Университетъ св. Владиміра при Императорѣ Николаѣ I“, Кіевъ, 1896 г.).

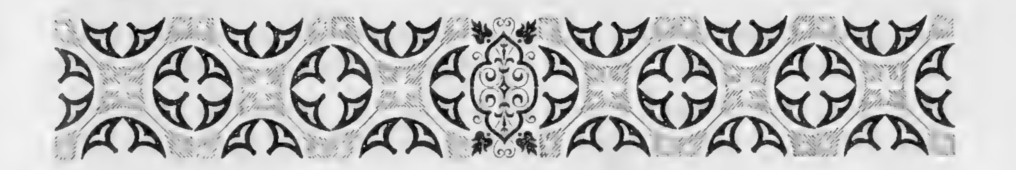
[6]) Настоящая монографія составляетъ предисловіе или, точнѣе, передовую статью ко 2-му тому VII ч. Арх. Ю.-З. Россіи. Вошедшіе въ этотъ обширный (210+644 стр.) томъ „акты о заселеніи Юго-Западной Россіи“ собраны М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ и изданы подъ его редакціей.

45. *Обзоръ исторіи русскаго права.* Изданіе третье, съ дополненіями. Кіевъ, 1900 г., стр. 667.

46. *Рецензія на сочиненіе М. Н. Ясинскаго: „Главный Литовскій Трибуналъ, его происхожденіе и организація", ч. I.* Унив. Изв. 1901 г., № 9, и отд., стр. 26.

47. *Судебникъ 1589 г.; его значеніе и источники.* Унив. Изв. 1902 г., № 3, и отд. изд., Кіевъ, 1902 г., стр. 65.

М. Я.



Начальныя стадіи процесса виндикаціи движимостей по leges barbarorum (Vestigii minatio и Anefang).

I.

Предварительныя замѣчанія.

Процессъ виндикаціи движимостей, какъ по *leges barbarorum*, такъ и по *Русской Правдѣ* и другимъ памятникамъ древнѣйшаго славянскаго права, представляетъ доселѣ немало неяснаго, даже загадочнаго, несмотря на массу усилій, потраченныхъ учеными, въ особенности германистами, для его изученія. Не только движеніе всего процесса въ цѣломъ, но и отдѣльныя его стадіи,—какъ, напр., *сводъ* по славянскимъ памятникамъ права, какъ *vestigii minatio, Anefang, intertiatio* (всего же болѣе такъ наз.—*agramitio*) по отдѣльнымъ leges barbarorum,—вызывали и еще нынѣ вызываютъ массу совершенно противорѣчивыхъ объясненій *текста* памятниковъ права, объясненій, ставящихъ весьма нерѣдко изслѣдователей въ совершенное недоумѣніе. Если, напр., 20 лѣтъ тому назадъ извѣстный французскій ученый *Thonissen*, говоря о знаменитыхъ (по спорности толкованія ихъ смысла) постановленіяхъ Салической Правды, касающихся вопроса, а именно о постановленіяхъ „De vestigio minando" (*XXXVII* tit.) и „De filtortis" (*XLVII t.*), совершенно справедливо, на нашъ взглядъ, утверждалъ, что „on pourrait faire un volume, rien qu'en résumant les controverses que le texte des chapitres *XXXVII* et *XLVII* ont suscitées parmi les germanistes" [1]), то не лучше стоитъ дѣло у германистовъ, съ объясненіями означенныхъ текстовъ, и теперь. Въ 1901 г. проф. *A. Zycha*, напр., помѣстилъ въ „Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte" статью, въ которой,—пред-

[1]) „L'organisation judiciaire, le droit penal et la procédure pénale de la Loi Salique", Paris, 1882, стр. 533, 1 прим.

лагая свое объясненіе *XXXVII* титула Салической Правды,—утверждалъ, что „es genügt vielmehr ein Blick auf den Literaturbericht, den R. Behrend und Geffcken ihren Ausgaben der Lex Salica beifügen, um zu erkennen, wie sehr noch immer *Meinung gegen Meinung* steht in allem, was den wesentlichen Inhalt der Quelle ausmacht, und das der genannte Titel *zu den bistrittensten* des ganzen salischen Gesetzes gehört“ [2]). Указанные отзывы о положеніи вопроса не представляются единичными, а, наоборотъ, въ немногихъ словахъ, говорятъ о томъ, что́, по разнымъ поводамъ, много разъ повторялось и повторяется еще германистами. Если мы обратимся къ русской юридической литературѣ, касавшейся древнѣйшаго нашего процесса вообще и процесса по виндикаціи движимостей въ частности, то и здѣсь найдется не мало разнорѣчивыхъ толкованій и не разрѣшенныхъ доселѣ еще недоразумѣній по занимаемому насъ теперь вопросу. Конечно, у насъ этихъ недоразумѣній и толкованій меньше, чѣмъ въ соотвѣтствующей литературѣ древняго германскаго права; едва ли, однако, это всегда объясняется бо́льшею полнотою и ясностью текстовъ древнѣйшихъ нашихъ памятниковъ права, сравнительно съ таковыми же памятниками права германскаго; скорѣе объясненіе этого лежитъ *въ меньшей разработанности* вопросовъ, касающихся древнѣйшаго нашего процесса. Во всякомъ случаѣ—какъ намъ, по крайней мѣрѣ, это представляется—и у насъ существующихъ разногласій (по толкованіямъ соотвѣтствующихъ древнѣйшихъ текстовъ) совершенно достаточно, чтобы подумать о пересмотрѣ отдѣльныхъ вопросовъ древнѣйшаго нашего права вообще и процесса въ частности. Едва ли, однако, такой пересмотръ—если только онъ будетъ дѣлаться *не* при свѣтѣ многообразныхъ данныхъ историко-сравнительнаго изученія права, которыми владѣетъ современнная наука—принесетъ намъ большую пользу, такъ какъ, по нашему убѣжденію, все *существенное*, что́ можно было извлечь изъ *особнаго*, тѣмъ или инымъ образомъ дѣлавшагося, *толкованія* Русской Правды и другихъ, близкихъ къ ней, памятниковъ права, то уже *извлечено*. Наоборотъ, *того*, что́ можно еще извлечь изъ *сравнительнаго* изученія *отдѣльныхъ* институтовъ древнѣйшаго славянскаго и германскаго права и процесса, остается еще неисчерпаемый источникъ. То громадное движеніе по изданію древнѣйшихъ памятниковъ германскаго—въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова—права, то обильное и часто весьма плодотворное ихъ толкованіе, которыми отличается въ

[2]) Zur Auslegung des Titels 37 der Lex Salica „De vestigio minando“ (Zeits. der S.-Stiftung für Rechtsgeschichte, germanistische Abtheilung, *XXII* томъ, 1901 г., стр. 155 сл.).

послѣднія 25—30 лѣтъ такъ называемая „германистическая" литература, остаются у насъ, въ цѣляхъ сравненія, до сихъ поръ еще весьма мало, говоря вообще, использованными, о чемъ нельзя не пожалѣть. Въ свою очередь, и древне-германское право—какъ намъ, по крайней мѣрѣ, думается—нуждается, для объясненія многихъ изъ своихъ институтовъ первобытнаго образованія, въ изученіи права древне-славянскаго вообще и русскаго въ частности. Мы указали выше, сколько споровъ возбуждали и донынѣ еще возбуждаютъ отдѣльныя постановленія Салической Правды по отношенію, напр., къ вопросу о виндикаціи движимостей по древнѣйшему германскому праву; не мало такихъ споровъ—и нерѣдко притомъ безъ всякихъ положительныхъ результатовъ—ведется и по другимъ вопросамъ права и процесса у древнихъ германцевъ. Намъ представляется, что и для германистовъ не было бы часто безплоднымъ *ознакомленіе* съ данными славянскихъ правдъ и ихъ толкованіями; оно, наоборотъ, могло бы нерѣдко приблизить ихъ споры къ болѣе или менѣе удовлетворительному разрѣшенію. Представленное ниже подробное изображеніе двухъ начальныхъ стадій виндикаціоннаго процесса у древнихъ германцевъ,—стадій, несомнѣнно, аналогичныхъ тѣмъ, которыми открывается этотъ процессъ и по Русской Правдѣ (какъ и другимъ славянскимъ памятникамъ права),—можетъ служить нѣкоторымъ подтвержденіемъ высказаннаго положенія о *важности* (для изученія древнѣйшаго *русскаго* права и процесса) *пользованія* богатыми данными древнѣйшихъ памятниковъ права *германскаго*. Но если движеніе виндикаціоннаго процесса у древнихъ германцевъ даетъ рядъ поучительныхъ аналогій, при изслѣдованіи отдѣльныхъ стадій того же процесса у славянъ, то уже *a priori* можно допустить и обратное явленіе: важность движенія виндикаціоннаго процесса *у славянъ* для пониманія такого же движенія его *у германцевъ*. И эта важность особенно можетъ оказаться значительною въ вопросахъ, подобныхъ излагаемому нами теперь. По сознанію самихъ же германистовъ, изслѣдованіе многихъ частностей даннаго вопроса не привело пока ни къ какимъ еще положительнымъ результатамъ, хотя, какъ выражается тотъ же проф. *A. Zycha*, ученые работали „mit vielem und anhaltendem Eifer" („aber mit wenig überzeugender Kraft",—какъ онъ сознается). Размѣры нашей статьи не даютъ намъ возможности *подробно* останавливаться на доказательствахъ означенной мысли о важности *древне-русскаго* виндикаціоннаго процесса для пониманія того же процесса *у древнихъ германцевъ*, но нѣкоторые выводы, къ которымъ мы уже пришли при сравнительномъ изученіи вопроса, могутъ быть, хотя кратко, отмѣчены нами и теперь. Два глагола: *agramire* и *intertiare*, и два дѣйствія,

означаемыя существительными, производимыми отъ этихъ глаголовъ: *agramitio* и *intertiatio*, составляли, да и доселѣ составляютъ, предметъ споровъ германистовъ, занимавшихся изслѣдованіемъ виндикаціоннаго процесса по Салической и Рипуарской правдамъ, гдѣ эти выраженія, между прочимъ, встрѣчаются. Но если по отношенію къ глаголу *agramire* (*adrhamire*, achramire, adframire и т. д., какъ еще иначе пишется этотъ глаголъ въ различныхъ спискахъ указанныхъ памятниковъ права) и, особенно, по отношенію къ выраженію—*res suas per tertia manu agramire*, споръ, какъ намъ кажется, въ значительной степени объясняется неясностью доселѣ для германистовъ *коренного* значенія самого слова *agramire*, почему и возможно, что одни (такихъ, впрочемъ, большинство) переводятъ его словомъ *geloben*, а другіе глаголами festhalten, festmachen, an sich ziehen и т. д., и т. д., то по отношенію къ глаголу *intertiare* (или *rem in tertiam manum mittere*) [3]) разногласія, по нашему мнѣнію, происходятъ главнымъ образомъ потому, что то дѣйствіе (*intertiatio*), которое обозначается (по соотвѣтствующимъ leges barbarorum) этимъ выраженіемъ, изображается здѣсь недостаточно понятно, а это, въ свою очередь, происходитъ, какъ намъ думается, оттого, что *intertiatio* франкскихъ правдъ,—соотвѣтствуя, по своему смыслу, вполнѣ *своду* славянскихъ памятниковъ права,—является въ этихъ правдахъ не въ томъ, чистомъ и первоначальномъ, своемъ видѣ, въ какомъ *сводъ* является, напр., въ Русской Правдѣ, а въ видѣ *символическаго акта*, значеніе коего можетъ казаться неяснымъ. По Русской Правдѣ, собственникъ, найдя во владѣніи другого лица свою вещь, долженъ идти съ владѣльцемъ вещи къ тому, у кого послѣдній ее получилъ. При наличности однихъ условій, онъ идетъ съ нимъ до *третьяго* свода, при наличности другихъ—до *конца* свода (ст. 29, 31, 33 Троицкаго списка). По *leges barbarorum*, т. н. *auctor'ы* [4]), или послѣдовательный рядъ *владѣльцевъ* вещи, вызываются собственникомъ пропавшей вещи, въ извѣстномъ установленномъ порядкѣ, *въ судъ*, и здѣсь символически продѣлывается процедура перехода вещи отъ одного владѣльца къ другому, но собственникъ вещи *не ходитъ* вовсе, какъ по Русской Правдѣ, отъ одного владѣльца къ другому. Такая проце-

---

[3]) См. указатель толкованій глаголовъ *agramire* и *intertiare* у новѣйшихъ издателей Салической Правды: у *R. Behrend'a*, Lex Salica, Weimarn, 1897, стр. 66 и сл., прим., стр. 98, прим., и у *N. Geffcken'a*, Lex Salica, Leipzig, 1898, стр. 154, 1[illegible] сл.

[4]) Словомъ *auctor* (такъ же, какъ и словами *fordro, warens, warantus, warend, gewër* и др.) первоисточники древняго германскаго права обозначаютъ лицо, на которое ссылается владѣлецъ отыскиваемой собственникомъ вещи, какъ на своего *предшественника* по владѣнію вещью.

дура изображена въ Рипуарской Правдѣ: „Quod si quis tabularium ex servo alieno facere praesumpserit, tunc illi, cujus servus est, super eum manum mittere debit. Et si tabularius est, vel regius, seu Romanus homo, qui hoc facit, super septem noctes, si Francus—14, *de manu in manu ambulare debet, quamvis multae venditiones ex illo factas fuissent, usque dum ad ea manu venit, qui eum ingenuum demisit*" [5]). *Ambulatio* вещи [6]) *de manu in manu*, продѣлываемая по Русской Правдѣ въ натурѣ, здѣсь совершается въ судѣ и лишь символически.

Если *intertiatio*, или *rei missio in tertiam manum* (или такъ назыв. „*Dritthandsverfahren*", какъ переводятъ это нѣмецкіе, или *entiercement*, какъ говорятъ французскіе ученые) есть не что иное, какъ *сводъ* Русской Правды и другихъ славянскихъ памятниковъ, т. е., по нашему мнѣнію, *сведеніе съ себя* подозрѣнія въ кражѣ вещи на *третьяго*, а именно на того, у кого пріобрѣтена вещь и т. д., то и *tertia manus* германскихъ правдъ, надѣлавшая германистамъ столько хлопотъ (особенно въ соединеніи съ глаголомъ *agramire—res suas per tertia manu agramire)*, есть не что иное, какъ фигуральное изображеніе того *auctor*'а, того *fordronis (fordro, Vormann*, какъ переводятъ германисты), который являлся *предшественникомъ*, по владѣнію вещью, лица, у котораго вещь найдена собственникомъ. Однако, и это вполнѣ для насъ ясное понятіе указанной „третьей руки" долго не было точно и опредѣленно установлено въ литературѣ германистовъ, да и нынѣ (хотя и рѣже, чѣмъ прежде) еще встрѣчаются колебанія и сомнѣнія въ толкованіи этого выраженія. И въ этомъ случаѣ, какъ намъ, по крайней мѣрѣ, представляется, сравнительное изученіе движенія виндикаціоннаго процесса у славянъ и у германцевъ могло бы принести пользу и для объясненія древне-германскихъ терминовъ. Обращаясь къ германистамъ, мы видимъ, что терминъ этотъ доселѣ, какъ сказано, понимается различно [7]). *Sohm* указываетъ, что прежде подъ выраженіемъ *tertia manus* всѣ понимали „*Treuhand*", ту „вѣрную руку", которой должна быть отдана *на храненіе* виндицируемая вещь, и хотя *Siegel* уже давно доказалъ, что *tertia manus* есть техническое выраженіе въ процессѣ виндикаціи движимости, при которомъ вещь каждый разъ передается въ *третью* руку, именно передается такъ наз. *auctor*'у (Sohm, ibidem, стр. 84) [8]),

[5]) См. объясненіе этого титула (tit. LVIII, 8) у *Sohm*'а: „Der Process der Lex Salica", Weimarn, 1867, стр. 107 сл.

[6]) Въ данномъ случаѣ раба (*servus'а*), котораго кто-либо превратилъ въ *tabularius*'а (о послѣднемъ словѣ см. ниже, 1 примѣчаніе гл. III).

[7]) Сводъ мнѣній см. у того же *R. Behrend*'а, Lex Salica, стр. 67, примѣчаніе.

[8]) По Зигелю, *rei missio in tertiam manum*, или *intertiare rem*, есть отсылка вещи изъ рукъ ея владѣльца въ данное время къ *третьему*, а именно къ *предшественнику*

отъ этого мнѣнія и теперь встрѣчаются отступленія. По мнѣнію, напр., *Iobbe-Duval'я*,—автора спеціальнаго изслѣдованія о виндикаціи движимостей по французскому праву, слѣдующаго здѣсь за Дюканжемъ,—глаголъ *intertiare (entiercer)* надо переводить глаголомъ *arretèr (sequestrare)*, т. е., при интерціаціи, по его мнѣнію, вещь тоже отдается въ *третью* руку, но совсѣмъ съ другими цѣлями, чѣмъ при нашемъ *сводѣ* (почему онъ и переводитъ слово *intertiatio* (entiercement), какъ „la saisie", т. е. *наложеніе ареста*) [9]), и такимъ образомъ выраженіе *tertia manus* получаетъ, конечно, совсѣмъ другое значеніе. Съ мнѣніемъ Iobbe-Duval'я соглашается проф. *Kohler*[10]) и др. Но столь существенныя разногласія (не говоря уже о многихъ другихъ) по объясненію означеннаго термина,—разногласія, совершенно непримиримыя между собою,—по нашему мнѣнію, не имѣли бы мѣста, еслибъ картина *свода*, рисуемая тою же, напр., Русскою Правдою, стояла передъ глазами германистовъ. При свѣтѣ сравнительнаго правовѣдѣнія, вѣроятно, не было бы и тѣхъ разногласій, какія мы теперь встрѣчаемъ у германистовъ по отношенію къ выраженію *res suas per tertia manu agramire*, при чемъ одни, напр., переводятъ это выраженіе „jurer avec deux cojurateurs", „jurer soi-tiers", другіе—„die Dritthand geloben", третьи—„sich selbstdritt zu Sachen ziehen" и т. д. Доказательство означенной мысли завлекло бы насъ очень далеко, почему мы и высказываемъ ее здѣсь только бѣгло. Замѣтимъ лишь также кратко, что все теченіе процесса по виндикаціи движимости,—съ отыскиваніемъ вещи *по слѣду*, съ т. наз. *Anefang'*омъ по германскому праву (эти двѣ стадіи процесса изложены подробно ниже), съ измѣненіемъ хода его, смотря по тому, была ли вещь найдена ищущимъ ее по слѣду *„usque in tres noctes"* или *„tribus noctibus exactis"*, какъ гласитъ Салическая Правда[11]), или *до* или *послѣ* истеченія *трехъ дней*,

его по владѣнію (*Siegel:* „Geschichte des deutschen Gerichtsverfahrens", Giessen, 1857 г., стр. 87).

[9]) Etude historique sur la revendication des meubles en droit français. Paris, 1880, стр. 38, 42 и д. *Du Cange* въ своемъ знаменитомъ „Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis" переводитъ глаголъ *intertiare—in manum tertiam ponere vel mittere.*

[10]) *I. Kohler*, разбирая въ III-мъ томѣ „Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft" книгу *Iobbe-Duval'я*, вполнѣ, между прочимъ, соглашается съ его толкованіемъ значенія глагола *intertiare:* „ebenso scheint mir die schon von *Du Cange* angenommene Bedeutung von *intertiare* — arrestiren", eigentlich „in dritte Hand legen .... von allen Erklärungen die plausibelste und treffenste zu sein" (стр. 306). Того же мнѣнія держится *R. Poincaré:* „Du droit de suite dans la propriété mobilière", Paris, 1883, стр. 39.

[11]) Знаменитый по спорности толкованія текста XXXVII титулъ Салической Правды—*De vestigio minando,* несомнѣнно, устанавливаетъ *два* различныя направле-

какъ надо заключить изъ Русской Правды, съ возможностью, напр., какъ по Рипуарской, такъ и Русской Правдѣ, взятія вещи собственникомъ, при извѣстныхъ условіяхъ, *безъ свода*, или *безъ интерціаціи* (какъ надо бы сказать, держась терминологіи *leges*),—создаетъ цѣлый рядъ въ высшей степени интересныхъ аналогій, наличность которыхъ (по крайней мѣрѣ по отношенію къ двумъ первоначальнымъ стадіямъ процесса) будетъ достаточно ясна изъ послѣдующаго. Спѣшимъ оговориться, что, настаивая на сходствѣ *основныхъ* моментовъ виндикаціоннаго процесса у славянъ и германцевъ по ихъ первоначальнымъ правдамъ, мы далеки отъ мысли,—какъ это и видно будетъ ясно изъ дальнѣйшаго изложенія вопроса,—совершенно отожествлять движеніе процесса у древнихъ славянъ и у германцевъ и не отмѣчать всѣхъ тѣхъ *различій*, которыя, при разности условій культурной жизни тѣхъ и другихъ, такъ или иначе даютъ о себѣ знать. Но эти различія не должны, однако, закрывать отъ насъ и *сходствъ*, сохранившихся въ томъ или другомъ видѣ у тѣхъ и другихъ народовъ,—сходствъ, вынесенныхъ ими, можетъ быть, изъ одной общей прародины и лишь видоизмѣненныхъ, но не потерянныхъ, позднѣе. Одинъ небольшой примѣръ, можетъ быть, послужитъ нѣкоторымъ поясненіемъ нашей мысли. Какъ мы сказали выше, и по Русской и по Рипуарской Правдѣ дозволялось взятіе вещи, при извѣстныхъ условіяхъ, безъ *свода* или, что̀ то же, безъ *интерціаціи*. Какія же это условія? Они частію общи, частію различны, какъ различны были, конечно, во многихъ отношеніяхъ и условія жизни древнихъ руссовъ и рипуарскихъ франковъ въ эпоху дѣйствія ихъ правдъ. Важно,

---

нія процесса по виндикаціи движимости, смотря *по времени* нахожденія вещи собственникомъ въ рукахъ другого, какъ это видно изъ 1 и 2-й части означеннаго титула, гласящаго слѣдующее: 1. Si quis bovem, aut caballo vel qualibet animal per furtum perdiderit et eum, dum per vestigio sequitur, consequutus fuerit *usque in tres noctes* et ille, qui eum ducit, emisse aut cambiasse dixerit vel proclamaverit, ille, qui per vestigio sequitur, res suas per tertia manu agramire debet. 2. Si vero jam *tribus noctibus exactis*, qui res suas requiret, eas invenerit, ille, apud quem inveniuntur, si eas emisse aut cambiasse dixerit, ipse liceat agramire. Замѣтимъ кстати, что какъ у древнихъ галловъ, такъ и германцевъ судебные, какъ и иные, сроки опредѣлялись не числомъ дней, а числомъ ночей. Уже „Комментаріи“ Юлія Цезаря говорятъ, какъ извѣстно, объ обычаѣ галловъ считать „по ночамъ“ (De bello galico, VI, cap. 18). Тацитъ въ своей „Германіи“ также отмѣчаетъ, что германцы „nec dierum numerum, ut nos, sed *noctibus computant;* sic constituunt, sic condicunt: nox ducere diem videtur“ (Germania cap. XI). По leges barbarorum этотъ традиціонный счетъ по ночамъ сохраняется, хотя и встрѣчается иногда счетъ по днямъ (напр., въ Рипуарской Правдѣ). См. *Grimm:* Deutsche Rechtsalterthümer (Göttingen, 1828 г.), стр. 868; *Sohm:* Die Fränk. Reichs und Gerichtsverfassung (Weimarn, 1871 г.), стр. 393 сл.; *Brunner:* Deutsche Rechtsgeschichte (Leipzig, 1892 г.), т. II, стр. 217 сл., 335, 442.

однако, отмѣтить, что, при наличности тѣхъ или другихъ условій, обѣ правды *допускаютъ* отступленіе отъ обычнаго порядка производства виндикаціи, т. е., по Русской Правдѣ—отъ *свода*, по Рипуарской—отъ совершенно аналогичнаго ему дѣйствія, т. е. отъ такъ наз. *интерціаціи*, какъ мы понимаемъ послѣднюю. Это и даетъ право на сравненіе постановленія двухъ правдъ, гласящихъ, по данному случаю, слѣдующее:

Русская Правда:

А челядинъ скрыеться, а закличють и на торгу, *а за три дни* не выведуть его, а познаеть и *третии день*, то свои челядинъ поняти... (26 ст. Троицкаго списка).

Рипуарская Правда:

Si quis animal suum per vestigium sequerit et *usque tertio die* ad domo cujus vel in qualibet loco eum invenerit, *liceat ei absque intertiato revocare* (tit. XLVII, 1).

Если Русская Правда допускаетъ взятіе „челядина" собственникомъ, при наличности указанныхъ въ данной статьѣ условій (между прочимъ—*срока*), безъ *свода*, который требуется ею въ другомъ случаѣ по отношенію къ тому же „челядину" (33 статья того же списка), то по Рипуарской Правдѣ, при наличности извѣстныхъ условій (между прочимъ—*того же* самаго *срока*, какой требуется и по Русской Правдѣ), допускается также взятіе собственникомъ своей вещи безъ *интерціаціи* (т. е., по нашему мнѣнію, безъ того же *свода*), которая требуется по Рипуарской же Правдѣ въ другихъ случаяхъ (см. tit. LXXII означенной Правды). Если только признать, что наше пониманіе *интерціаціи* варварскихъ правдъ, какъ *свода* славянскихъ правдъ, вѣрно, то едва ли можетъ возникнуть сомнѣніе въ допустимости *сравненія* двухъ указанныхъ только-что постановленій. Мы не имѣемъ возможности здѣсь подробно доказывать, что *интерціація* есть то же, что и нашъ *сводъ*, но замѣтимъ однако, что уже то толкованіе *интерціаціи*, какое дается германистами (хотя и не *всѣми*, такъ какъ этотъ вопросъ, какъ сказано, спорenъ въ германической литературѣ), даетъ намъ опору для уподобленія этого акта *своду*. А то превосходное описаніе, какое находимъ мы въ Русской Правдѣ по отношенію къ производству *свода*, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что изъ германистовъ правы именно тѣ, которые понимаютъ *интерціацію* варварскихъ правдъ,—или, какъ они переводятъ это выраженіе, „Dritthandsverfahren",—болѣе или менѣе близко къ Русской Правдѣ, гдѣ интерціація является, подъ наименованіемъ *свода*, въ своемъ первоначальномъ, а потому и болѣе ясномъ видѣ. Обращаясь къ толкованію, даваемому германистами выраженію вышеуказаннаго мѣста Рипуарской Правды—*absque intertiato* (или, какъ мы-бы перевели, *безъ свода*), мы находимъ, напр., что, по *Sohm*'у, слова

„absque intertiato“ имѣютъ здѣсь смыслъ: „безъ того, чтобъ владѣлецъ могъ сослаться на третьяго, на *auctor*'а“ („ohne dass der Besitzer auf den Dritten, den *auctor*, ziehen kann“)[12]. Но что же можетъ, однако, значить это дозволеніе собственнику взять свою вещь *безъ ссылки* ея владѣльца, въ данное время, на *третьяго* (или на своего *auctor*'а, какъ говорятъ варварскія правды), какъ не разрѣшеніе ему не принимать, при указанныхъ условіяхъ, вовсе во вниманіе указанія владѣльца вещи на своего *предшественника* по владѣнію, т. е., иначе говоря, не допускать процедуры *свода*, конечно, въ томъ символическомъ видѣ, въ которомъ она производится въ судѣ по *leges barbarorum*? *Intertiare* Рипуарской Правды равнозначуще выраженію Салической Правды—*rem in tertiam manum mittere*, какъ это указалъ тотъ же *Sohm*, и значитъ, по его мнѣнію, „виндицировать вещь, начать процессъ третьей руки“ („die Sache vindiciren, das Dritthandsverfahren beginnen“, ibidem, стр. 84). Но *tertia manus*, третья рука—по утвержденію большинства германистовъ—есть рука *предшественника* даннаго владѣльца, по владѣнію имъ вещью („Die dritte Hand, an welche die Sache gezogen wird, ist diejenige des ersten Vormanns des Besitzers“, говоритъ, напр., *Geffcken*, Lex Salica, стр. 185, приводя указанія на мнѣнія разныхъ авторовъ). Но что же можетъ значить „начать процессъ интерціаціи“ (или „Dritthandsverfahren“), какъ не начать процедуру *свода*; или, наоборотъ, взять вещь свою, не прибѣгая къ *интерціаціи*,—не значитъ ли взять ее *безъ свода*, въ томъ, конечно, символическомъ видѣ, въ какомъ онъ допускается по германскимъ правдамъ? Если для насъ, благодаря сравнительному анализу движенія виндикаціоннаго процесса у славянъ и германцевъ, такое пониманіе интерціаціи стоитъ внѣ сомнѣнія, то у германистовъ оно, какъ сказано, не является общепризнаннымъ, можетъ быть, именно потому, что сама процедура *интерціаціи* по leges barbarorum не такъ ясна, какъ процедура *свода* по Русской Правдѣ.

Заканчивая сказаннымъ наши предварительныя замѣчанія къ послѣдующему изложенію нашей главной темы, считаемъ необходимымъ отмѣтить еще слѣдующее. Въ дальнѣйшемъ очеркѣ мы останавливаемся главнымъ образомъ только на движеніи двухъ первоначальныхъ стадій виндикаціоннаго процесса *у древнихъ германцевъ* и лишь попутно отмѣчаемъ различія и сходства этихъ стадій съ таковыми же по *древнерусскому* процессу. Подробное изображеніе движенія указанныхъ стадій

[12]) Process der Lex Salica, стр. 88, прим. 20-е. Замѣтимъ здѣсь еще, для ясности, что, по толкованію германистовъ, въ разбираемомъ текстѣ Рипуарской Правды слово *intertiatus* употреблено вмѣсто слова *intertiatio*.

по древне-русскому процессу слишкомъ бы затянуло нашъ очеркъ, сдѣлать же это изображеніе *раньше* такового же изображенія по праву древне-германскому казалось намъ нецѣлесообразнымъ по многимъ причинамъ, частію выясненнымъ выше. Предполагая когда-либо изобразить русскій виндикаціонный процессъ *особо*, ограничиваемся пока только нижеизложеннымъ очеркомъ.

II.

De vestigio minando.

По нѣкоторымъ изъ германскихъ правдъ процессъ виндикаціи движимостей начинался — когда это только представлялось возможнымъ—съ отыскиванія пропавшей вещи *по слѣду*, оставленному уведеннымъ животнымъ, рабомъ, или же самимъ похитителемъ, такъ какъ, конечно, только съ момента нахожденія пропавшей вещи въ рукахъ другого могъ, въ той или иной формѣ, возникнуть самый процессъ объ ея возвращеніи собственнику (или — прежнему владѣльцу). Этотъ вполнѣ естественный и общій, на извѣстныхъ ступеняхъ культуры, всѣмъ народамъ способъ отысканія пропажи *по слѣду* (способъ, не потерявшій въ простомъ народномъ быту своего значенія и доселѣ) могъ, разумѣется, примѣняться лишь тогда, когда хозяинъ вещи или его домочадцы во-время замѣтили пропажу, а потому и могли разсчитывать—*по слѣдамъ*, оставленнымъ похитителемъ или уведеннымъ животнымъ, рабомъ, и пр. — *настичь* вора, вмѣстѣ съ предметомъ похищенія. *Vestigium sequi* или *vestigium minare*, по выраженію Салической и Рипуарской правдъ („слѣдъ гнати", „слѣдъ гонить", по выраженію Русской Правды), долженъ былъ *самъ* обокраденный (собственникъ вещи—какъ говорятъ одни германисты, владѣлецъ пропавшей вещи—другіе), такъ какъ, по замѣчанію *Sohm'a*, во времена народныхъ правдъ не было еще „полиціи", которая брала бы на себя заботу объ отысканіи вещи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о розыскѣ вора [1]). Поэтому, какъ только обокраденный узнавалъ о пропажѣ, онъ тотчасъ же извѣщалъ объ этомъ своихъ домашнихъ и во главѣ ихъ (или, по терминологіи *leges*, во главѣ такъ наз. *trustis*) [2]) отправлялся на поиски пропавшаго. Никто

---

[1]) *Sohm*, Process, 64; *Thonissen*, ibid., 531.

[2]) *Trustis*, по объясненію германистовъ, толпа свободныхъ людей, свита, дружина и т. п. („Geleit", „Gefolge" по Grimm'y, Vorrede къ „Lex salica", изд. I. Mer-

не имѣлъ права чинить какой-либо задержки, или сопротивленія, гонящейся по слѣду *trustis,* подъ опасеніемъ высшей пени, положенной по Салической Правдѣ за воровство, а именно въ 62½ (или 63) солида:

Lex Salica, XXXVII tit. [3]): Si quis bovem aut caballo vel qualibet animal per furtum perdiderit et eum, *dum per vestigio sequitur,* consequutus fuerit...

Ibid., capitulare I: *Si quis truste, dum vestigio minant,* detenere aut battere praesumpserit... solid. LXII cum dimidio culpabilis judicetur.

Если первое постановленіе Салической Правды не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что *vestigii minatio* являлось (когда это только было фактически возможнымъ) естественнымъ послѣдствіемъ утраты вещи „per furtum", то изъ приведеннаго текста капитулярія къ означенной Правдѣ вполнѣ ясно, что та или иная помѣха *trustis* въ предпринятыхъ ею поискахъ была наказуема и притомъ высшею пенею, какая полагалась по Правдѣ за воровство. Подобно тому, какъ сопротивлявшійся обыску дома, къ которому приводилъ слѣдъ, *ut fur habeatur,* какъ гласила Рипуарская Правда (болѣе подробно объ этомъ скажемъ ниже), такъ

---

kel'я (Berlin, 1850), стр. IX, „Schaar", по Sohm'у и London'у, „Die Anefangsklage in ihrer ursprünglichen Bedeutung" (Breslau, 1886), 45 стр.; „Schaar freier Männer, „Gefolge, Gefolgschaft", по Gengler'у, „Germanische Rechtsdenkmäler" unp. (Erlangen, 1875 г.), Glossar, hoc verbo. По Iobbe-Duval'ю, „*trustis* exprime ici l'ideé d'une troupe d'hommes libres", ibidem, 22 стр., прим., срав. также *Geffcken,* стр. 154, 165, *R. Behrend,* ibidem, 79 стран. Этимологія слова довольно спорна (*Gengler* и *Sohm,* ibidem). *Trustis,* въ вышеозначенномъ смыслѣ толпы сосѣдей, свиты, сопровождавшей обокраденнаго въ его поискахъ вещи *по слѣду,* не надо смѣшивать съ *trustis,* какъ съ особымъ институтомъ, организованнымъ позднѣе въ сотняхъ (*Sohm:* Die Fränkische Reichs und Gerichtsverfassung, Weimar, 1871, стр. 199; *Brunner,* ibidem, 147; Geffcken, ib., 262). Замѣтимъ еще, что, хотя въ Салической Правдѣ, при упоминаніи о *trustis,* во главѣ которой собственникъ предпринималъ свои поиски *по слѣду,* и нѣтъ никакихъ намековъ на *ея составъ,* ученые, обыкновенно, видятъ здѣсь сосѣдей (*Siegel,* ib., 42, *Sohm,* Process, 65, *Thonissen,* ib., 531, прим. 1, *Iobbé-Duval,* 21, и др.), или же сосѣдей и домашнихъ обокраденнаго (Brunner, 496, и др.). Присутствіе сосѣдей, столь естественное, на нашъ взглядъ, въ составѣ *trustis,* отрицается, однако, *Bethmann-Hollweg*'омъ: Die germanisch-romanische Civilprocess in Mittelalter (Bonn, 1768), т. I, стр. 480, прим. 8. По R. Schröder'у (Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, Leipzig, 1898 г.), *trustis* (Schaar) состоитъ изъ „auf das Gerüft heibeigeeilten Schreimänner", стр. 373. А по Русской Правдѣ надо „слѣдъ гонить съ чюжими людьми и съ послухи" (88 ст. Карамз. списка).

[3]) Постановленія Салической Правды мы цитируемъ постоянно по изданію *Geffcken'a:* „Lex Salica", Рипуарской—*Sohm'a:* „Lex Ribuaria et Lex Francorum Chamavorum" (Hannover, 1883).

почитался воромъ и тотъ, кто такъ или иначе помѣшалъ бы поискамъ *trustis*[4]). Призывая сосѣдей къ участію въ поискахъ, собственникъ пропавшей вещи могъ, вѣроятно, уже потому разсчитывать на ихъ помощь, что *отказъ* въ ней подвергалъ виновныхъ уплатѣ особой *пени*, что видно не только изъ древне-исландскихъ и англо-саксонскихъ законовъ, но и изъ одного постановленія, относившагося къ салическимъ франкамъ. Именно, такъ наз. „Decretio Chlotarii regis“ (§ 17) гласитъ, что всякій, кто не захотѣлъ бы, вопреки приглашенію, отправиться „ad vestigio vel latrones persequendo“, подвергался пени въ 5 солидовъ:

> Si quis ad vestigio vel latrones persequendo abmonitus penitus venire noluerit, solidos V a judice condemnetur[5]).

Спрашивается, *какъ* производились по древне-германскому праву поиски по *слѣду* или такъ наз. *investigatio, vestigii minatio* и т. п.? Прежде чѣмъ перейдемъ къ ихъ изображенію по древне-германскому праву, замѣтимъ, что въ то время, какъ по древне-русскому праву дается довольно подробное, въ цѣломъ, описаніе этихъ *поисковъ* и почти ничего не говорится о порядкѣ обыска того *дома*, къ коему приводилъ *vestigium minans*'а и лицъ его сопровождавшихъ слѣдъ, германскіе древніе законы, главнымъ образомъ, касаются вопроса о *порядкѣ* производства указаннаго обыска — любопытное обстоятельство, на нашъ взглядъ, наглядно свидѣтельствующее о тѣхъ культурныхъ *различіяхъ*, какія были на лицо при примѣненіи виндикаціоннаго процесса у славянъ и германцевъ, по ихъ древнѣйшимъ памятникамъ права. Развиваясь, несомнѣнно, изъ однихъ *общихъ* арійскихъ правооснововъ (что́ и даетъ основаніе къ ихъ сравненію), виндикаціонный процессъ, въ нѣкото-

[4]) *Sohm*, Process, 67, *Brunner*, ib., 497, *Thonissen*, 536, *Bethmann-Hollweg*, 480, *London*, 45.

[5]) *Sohm*, разбирая указанный текстъ, не видитъ никакого основанія различать, какъ дѣлаетъ это Siegel, *vestigium* и *latronem persequi*, такъ какъ, по его мнѣнію, германской виндикаціи именно свойственно „вмѣстѣ съ вещью искать и вора“ (Process, 65, прим. 4). Замѣтимъ еще, что хотя указанный текстъ входитъ въ составъ того узаконенія, которое постановляло объ организаціи въ сотняхъ (centenae) особыхъ *trustes* (29), съ помощью коихъ *vestigium sequens* отыскивалъ вора, нѣкоторые ученые, однако, находятъ возможнымъ понимать его болѣе широко, относя его поэтому не только къ тому случаю, когда *centenarius* во главѣ trustis, какъ особаго, организованнаго въ сотняхъ, института, гнался по слѣду за украденнымъ животнымъ и пр. Такъ, напр., *Jobbé-Duval* говоритъ: „ce texte est conçu de la façon la plus générale et ne doit pas s'appliquer seulement à l'hypothèse où le centenier, à la tête de la *trustis*, suit à la trace l'animal volé“ (ib., 22, прим. 2); срав. также *London*, 45 сл., *Del Vecchio*: „Sulla rivendicazioni dei beni mobili nell'antico diritto germanico“ (Archivio giuridico, XX vol., стр. 36).

рыхъ своихъ частностяхъ, представлялъ большія особенности у славянъ и у германцевъ. Впрочемъ, если не въ германскихъ правдахъ, то во всякомъ случаѣ въ весьма близкихъ къ нимъ англо-саксонскихъ законахъ мы находимъ нѣкоторыя постановленія, касающіяся самой процедуры производства *vestigii minationis*, напр., *отвода* слѣда съ своей земли на чужую и т. д. [6]). Обращаясь же къ германскимъ *leges*, мы видимъ, что, когда слѣдъ приводилъ ищущаго пропавшую вещь къ чьему-либо дому, ему позволялось войти въ домъ и произвести его *обыскъ*, или такъ наз. *scrutinium, inquisitio, hússuacha (Haussuchung), salisuochan* (*sala*—домъ, *suchen*—искать) и т. п. [7]). Владѣлецъ дома, къ которому приводилъ *слѣдъ*, не долженъ былъ препятствовать собственнику пропавшей вещи войти въ домъ для отысканія своихъ вещей (ad res suas requirendas), рискуя иначе самъ почесться за вора [8]). По Рипуарской Правдѣ также, въ подобномъ случаѣ, „ut fur habeatur"—хозяинъ дома, который сталъ бы „contradicere" въ производствѣ обыска (*scrutinium*'а) лицу, дошедшему по слѣду до его дома и предполагавшему, что именно тамъ находится искомое животное (а затѣмъ, конечно, и всякая другая, подлежащая виндикаціи, вещь):

XLVII, 2. Quod si in domo fuerit et *scrutinium*, cujus est domus, *contradixert*, ut fur habeatur.

Войдя въ домъ для обыска, собственникъ могъ производить его столь тщательно, „ut inquisitionem *nec mulieri* liceat denegare", какъ гласилъ бургундскій законъ, приведенный нами выше (см. примѣч. 8-ое).

Что касается далѣе вопроса о томъ, могъ ли *vestigium minans*, или *sequens*, насильственно войти въ тотъ домъ, къ коему приводилъ его

---

[6]) См., напр., законы короля Эльтестана, царствовавшаго въ I-ой половинѣ X вѣка: „et qui inuestigabit (si inuestigetur) pecus in alterius terram: *educat terre dominus uestigium illud extra terram suam*, si possit, si non possit, stet ipsum vestigium pro superjuramento, si aliquem compellet ibi" — „Die Gesetze der Angelsachsen", изд. Liebermann'a (Halle, 1898), т. I, выпускъ 1, стр. 169. Срав. изслѣдованіе *L. Laughlin*'a: „The Anglo-Saxon Legal Procedure", въ Essays in Anglo-Saxon Law (Boston, 1876 г.), стр. 207 и сл.; Hermann: Die Grundelemente der altgermanischen Mobiliarvindication (Breslau, 1886 г.), 41 сл.

[7]) *Brunner*, стр. 496, *Schröder*, 373.

[8]) По древне-бургундскому праву было, напр., постановлено: „quisquis *vestigium* de quolibet animali secutus fuerit et *ad domum alterius* vestigio deducente pervenerit, ac si eum (is) ad cujus domum venerit, *prohibuerit* domum suam *intrare ad res suas requirendas*, pro hoc quod reposcit, is qui eum de domo sua ab inquisitione repulit, *pro fure teneatur obnoxius*. Ita ut inquisitionem nec mulieri liceat denegare" (Lex Burgund., XVI,I). Срав. также *Sohm*, Process, 66, прим. 5, гдѣ приведены и другіе подобные примѣры.

слѣдъ, то онъ разрѣшался не одинаково по отдѣльнымъ германскимъ *leges*. Въ то время, какъ, напр., по Lex Ribuaria *насильственно* вошедшій въ домъ для обыска подвергался пени въ 15 солидовъ, по Lex Bajuwariorum пеню въ 6 солидовъ уплачивалъ входящій лишь въ томъ случаѣ, когда, войдя въ домъ *насильственно* (per violentiam), онъ не находилъ тамъ *ничего* своего; впрочемъ, и этотъ законъ не рекомендуетъ вхожденія въ домъ силою, такъ какъ это порождаетъ неудовольствія или ссоры [9]):

Lex Ribuar., XLVII, 3: Quod si *ibidem* (въ домъ, къ коему приводилъ слѣдъ) [10]) *violenter* ingressus fuerit, 15 solidos multetur, aut cum 6 juret.

Lex Bajuwar., XI, 2: Si autem in domum *per violentiam* intraverit et *ibi suum nihil invenerit,* cum 6 solid. componat.

Ibid., XI, 3: Nemo enim ingrediatur alienam domum per violentiam, quia hoc *scandalum* nascitur.

Самый обыскъ дома долженъ былъ, по германскому праву, производиться въ извѣстныхъ стародавнихъ формахъ, родство коихъ съ греческими, римскими, славянскими и кельтскими юридическими обычаями заставляетъ, по замѣчанію Бруннера, придти къ заключенію, что всѣ они исходятъ изъ общей древне-арійской основы. Не касаясь славянскаго права вообще и русскаго въ частности, приведемъ лишь нѣкоторыя данныя о порядкѣ производства обыска у древнихъ германцевъ. Такъ, у фризовъ собственникъ дома, къ коему приводилъ *слѣдъ,* долженъ былъ открыть всѣ входы во дворъ и въ домъ, куда затѣмъ и отправлялся обокраденный въ сопровожденіи одного человѣка, при чемъ оба они должны были, при производствѣ обыска, быть съ непокрытою головою, неопоясанные, съ засученными до колѣнъ штанами, съ тою цѣлію, конечно, чтобъ кѣмъ-либо изъ нихъ не была внесена въ домъ отыскиваемая вещь и тѣмъ не навлечено было на хозяина дома напраснаго подозрѣнія въ совершеніи кражи; внесеніе же украденнаго во дворъ и т. д. строжайше, напр., наказывалось по Салической Правдѣ:

---

[9]) *Siegel,* 42 сл., *Sohm,* прим. 7 на стр. 67; срав. также *London,* 84 сл., *Brunner,* 497.

[10]) Изъ § 1 того же титула ясно, что слово *ibidem* относится къ дому, къ коему привелъ слѣдъ ищущаго свою вещь: „Si quis animal suum per vestigium sequitur et tertio die *in domo* cujuslibet... invenerit"...; „quod si *ibidem* violenter ingressus fuerit" и пр.

Lex Salica, XXXIV, 4: Si quis per malo ingenio *in curte* alius aut *in casa* vel in quolibet *aliquid de furto miserit,* hoc est nesciente domino, et ibi inventus fuerit... solid. LXIII culpabilis judicetur.

Если входившій силою (per violentiam) въ домъ, предъ начатіемъ обыска, сознавался въ томъ, что вошелъ въ домъ, не имѣя на то права (injuste), то онъ долженъ былъ дать хозяину дома залогъ (wadium); если хозяинъ дома въ данное время отсутствовалъ, то входившій долженъ былъ положить этотъ залогъ на порогъ дома, при чемъ впослѣдствіи не могъ быть принужденъ къ уплатѣ пени болѣе 3-хъ солидовъ:

Lex Bajuw., *XI,* 4: Et postquam intraverit et se cognoscerit reum injuste quod intraverit, *det wadium* domini domui; et si ille defuerit, mittat ipsum wadium *super supralimitare* et non cogatur *amplius* solvere, quam 3 solidos.

Сопоставляя это постановленіе съ вышеуказаннымъ („Si autem in domum *per violentiam* intraverit et ibi suum *nihil* invenerit, cum 6 solid. componat"), надо заключить, что своевременный *отказъ* отъ обыска дома подвергалъ *vestigium sequens*'а половинной пени (въ 3 солида), по сравненію съ тою, какую бы онъ долженъ былъ заплатить въ случаѣ *насильственнаго* входа въ домъ и безрезультатнаго его обыска. Замѣтимъ еще, что въ позднѣйшее время обыскъ дома совершался (по Саксонскому Зерцалу и другимъ памятникамъ германскаго права) почти исключительно при содѣйствіи судей и соотвѣтственно этому могъ быть принудительнымъ[11]).

III.

Anefang.

Наконецъ, путемъ *investigationis,* а затѣмъ и послѣдующаго (когда это представлялось необходимымъ) *scrutinium'a* дома, вещь была найдена собственникомъ, т. е., иначе говоря, поиски его *по слѣду* увѣнчались успѣхомъ („Si quis... qualibet animal per furtum perdiderit et eum *dum per vestigio sequitur* consequutus invenerit..."—какъ гласитъ

---

[11]) *Grimm:* D. Rechtsalterth., 639; *Brunner,* 496 сл.; *London,* 47 сл.; 84 сл., *Bernhöft:* „Staat und Recht der römischen Königszeit" и пр. (Stuttgart, 1882), стр. 247 сл.; *Amira:* „Grundriss des germanischen Rechts" (Strassburg, 1897), стр. 162.

Lex Salica, *XXXVII* tit.), и вступительная стадія виндикаціоннаго процесса (или „Einleitungsact der deutschen Vindication“, какъ выражается Зомъ, 65) была тѣмъ закончена. Спрашивается, что должно было происходить далѣе?—Si quis rem suam cognoverit, *mittat manum super rem*—отвѣчаетъ на это Lex Ribuaria [1]), наиболѣе близкая Правда къ Lex Salica, положенія коей о виндикаціи движимостей представляютъ для насъ особый интересъ. Этотъ символическій актъ *наложенія руки* на опознанную свою вещь—*missio manus in rem* (или вѣрнѣе—*super rem*), носилъ въ древне-германскихъ памятникахъ различныя наименованія [2]), изъ коихъ въ современной нѣмецкой литературѣ вопроса привилось вполнѣ лишь одно - такъ наз. *Anefang* (или *Anevang*, также *Anfang*), происходящее отъ глагола *anfangen* въ его первоначальномъ значеніи *anfassen*, capere, трогать, хвататься, откуда и самый искъ, начинавшійся съ наложенія руки на вещь или ея схватыванія (а по Зому, въ эпоху дѣйствія leges barbarorum, каждая виндикація начиналась съ этого акта), носитъ наименованіе въ литературѣ „Anefangsklage“ или „Klage mit *Anefang*“ („Die Klage mit *Anefang*, d. i. mit körperlicher Ergreifung der Sache“, какъ опредѣляетъ, напр., Bethmann-Hollweg, ibid., 41 сл.) и противополагается такъ наз. „*простому иску*“ („die schlichte Klage“) среднихъ вѣковъ, неизвѣстному еще *эпохѣ leges* и не соединенному съ только-что отмѣченнымъ символическимъ актомъ [3]). Значеніе этого акта наложенія руки, или схватыванія вещи, этого „Anefangshandlung“, какъ выражается Зомъ, доселѣ еще представляется довольно спорнымъ въ обширной литературѣ вопроса о виндикаціи движимостей по древне-германскому праву. Зомъ, напр., сводя вмѣстѣ высказанныя по данному поводу мнѣнія, не соглашается ни съ тѣми, которые видятъ здѣсь исключительно символическій актъ [4]), ни съ тѣми, которые раз-

---

[1]) Tit. *XXXIII*, 1; срав. также tit. *LVIII*, 8: „quod si quis *tabularium* ex servo alieno facere praesumpserit, tunc illi, cujus servus est, *super eum manum mittere debet*“. *Tabularius*—отпущенный на волю *per tabulam*; эта форма манумиссіи, введенная церковью (manumissio per tabulam), дала указанное наименованіе и самому отпущенному на волю рабу (*Gengler, Glossar,* hoc verbo; ср. Schröder, 181, 223).

[2]) *Brunner,* 498, *Del Vecchio,* 39, *Schröder,* 374, прим. 107, *Sohm,* 68 сл.

[3]) О раздѣленіи исковъ по германскому праву см. *A. Heusler:* „Institutiones des Deutschen Privatrechts“, т. I (Leipzig, 1885) стр. 387 сл. т., II (Leipzig, 1886 г.), стр. 215 сл.; *Laband:* „Die vermögensrechtlichen Klagen nach den sächsischen Rechtsquellen des Mittelalters“ (Königsberg, 1869 г.), 513.

[4]) По мнѣнію однихъ (напр., *Albrecht'a*), цѣлію этого акта является заявленіе истцомъ о себѣ, какъ о хозяинѣ вещи, при чемъ онъ собственною властью возстановлялъ нарушенное господство надъ вещью; по другимъ (напр., по мнѣнію *Sachsse*),

сматриваютъ *Anefang*, какъ доказательное средство („ein Beweissmittel") —цѣлію коего являлось прежде всего лишь пресѣченіе обвиняемому возможности *отрицать* владѣніе спорною вещью (мнѣніе это было господствующимъ въ то время, когда Зомъ напечаталъ свое извѣстное изслѣдованіе „Der Process der Lex Salica)",—и находитъ, что даже въ позднѣйшемъ средневѣковомъ правѣ *Anefang* не было только актомъ символическимъ или средствомъ доказательства, но являлось прежде всего процессуальнымъ средствомъ *принужденія* („processualisches Zwangsmittel"), а именно посредствомъ *Anefang'a* отвѣтчикъ принуждается либо къ выдачѣ вещи, либо къ явкѣ вмѣстѣ съ истцомъ въ судъ. Значеніе *Anefang'a*, какъ принудительнаго средства, стоитъ, по мнѣнію Зома, внѣ сомнѣнія и для эпохи дѣйствія leges barbarorum, при чемъ проявляется здѣсь еще непосредственнѣе: *Anefang* понуждаетъ владѣльца (опознанной собственникомъ вещи) не альтернативно къ выдачѣ вещи, *или* къ явкѣ въ судъ, но непосредственно къ ея выдачѣ. Если отвѣтчикъ отказывался выдать данную вещь, то онъ, кромѣ принужденія къ возвращенію ея или другой, ей подобной, вещи, уплачивалъ пеню, какъ это съ особенною ясностью видно изъ древнебаварскаго права, а именно изъ „*Decretio Tassilonis*", въ коемъ постановляется:

IX,3: Qui manum immissione resisterit, quod *hantalod*[5]) dicunt, 40 solid. solvat in publico et *ipsam rem* quaerenti reddat, vel *aliam* similem.

Таково, въ краткомъ изложеніи, мнѣніе Зома относительно того значенія, какое имѣло *Anefang* въ древнемъ виндикаціонномъ процессѣ. Ученые, касавшіеся того же вопроса послѣ Зома (его изслѣдованіе по процессу Салической Правды появилось еще въ 1867 г.), частію повторяютъ его мнѣніе [6]), частію вносятъ въ него нѣкоторыя поправки. Такъ, напр., London, соглашаясь видѣть въ *Anefang*'ѣ процессуальное принудительное средство, думаетъ, однако, что указаннымъ актомъ прикосновенія къ спорной вещи отвѣтчикъ принуждается не къ не-

---

Anefang должно служить удостовѣреніемъ, о какомъ собственно предметѣ идетъ споръ (Sohm, Process, 69; срав. *Geffcken*, стр. 185).

[5]) *Hantalôd* древне-баварскаго права соотвѣтствуетъ *Anefang'y* древне-саксонскаго и нидерландскаго права, *Brunner*, 498, *Sohm*, 72 сл. прим., 19; ср. также толкованіе этого постановленія у *London'a*, 85 сл.

[6]) См., напр., *DelVecchio*, 40, который говоритъ буквально словами Зома слѣдующее: „oltreccio esso è essenzialmente *un atto procedurale di coercizione*, onde si obbliga il convenuto o a restituire la cosa, o a comparire al tribunale insieme al vendecante" и т. д.; срав. также *Bethmann-Hollweg'a*, 42 сл.

посредственному ея возвращенію собственнику (какъ полагалъ Зомъ), а лишь къ возраженію по поводу возбужденнаго противъ него иска[7]). Такъ, въ недавнее, сравнительно, время, Бруннеръ, признавая принудительное значеніе *Anefang'a*, утверждаетъ, что этотъ актъ вынуждаетъ владѣльца къ немедленному, согласному съ закономъ, возраженію собственнику и уполномочиваетъ послѣдняго (въ случаѣ, если бы такого возраженія не послѣдовало) ко взятію вещи, подвергшейся вышеописанному акту и пр.[8]); при этомъ, подобно Зому, Бруннеръ признаетъ *Anefang* не только внѣ-судебною подготовленною стадіею процесса, введеніемъ къ нему, но и началомъ иска („der Klage Beginn", какъ говорятъ позднѣйшіе германскіе памятники права). Если мнѣніе Зома о значеніи *Anefang*'а, какъ *принудительнаго* процессуальнаго средства, можетъ, кажется, считаться вообще болѣе или менѣе признаннымъ въ нѣмецкой литературѣ вопроса, то во французской, наоборотъ, встрѣчаются противъ него возраженія, коихъ авторы совершенно отказываются признать мнѣніе Зома убѣдительнымъ. Таковы, напр., возраженія *Iobbé-Duval'я* и его ближайшаго послѣдователя — *Poincaré*. Послѣдній утверждаетъ, что *missio manus in rem*, — иначе говоря, наложеніе руки на вещь, — не имѣетъ ничего общаго съ *Anefang'омъ*[9]), какъ это думаютъ

---

[7]) *London*, 50 сл. (здѣсь же указывается рядъ мнѣній другихъ ученыхъ по данному вопросу; срав. также замѣчанія *Hermann'a*, 92 сл., и *Heffcken*'а, стр. 185 сл.).

[8]) *Brunner*, 501. По Бруннеру, *Anefang* уполномочиваетъ истца (въ указанномъ случаѣ) ко взятію данной вещи, подобно тому, какъ, еслибъ она была имъ найдена своевременно при производствѣ описаннаго нами выше акта *investigationis*. Здѣсь также мнѣніе Бруннера не сходится съ мнѣніемъ Зома: согласно послѣднему, *Anefang* начинаетъ собою процессъ, послѣ того какъ *vestigii minatio* приводило истца къ нахожденію вещи во владѣніи другого (ibid., 68); по Бруннеру, *Anefang* имѣлъ мѣсто тогда, когда собственникъ находилъ вещь во владѣніи другого, независимо отъ указаннаго акта *investigationis* („Ohne Spurfolge" по выраженію Brunner'a), или по истеченіи установленнаго въ законѣ срока (ibid., 498). Рѣшеніе этого вопроса отлагаемъ до дальнѣйшаго сравнительнаго очерка вопроса по Салической и Русской Правдамъ, а пока лишь замѣтимъ, что, на нашъ взглядъ, *Anefang* можно было, кажется, примѣнять, какъ при актѣ „гоненія по слѣду", такъ и независимо отъ него.

[9]) „*La missio manus in rem* n'a, selon nous, rien de commun avec l' *Anefang*", говоритъ *Poincaré*, 38; срав. *Iobbé-Duval*, 45 сл. Говоря далѣе о безразличномъ употребленіи въ Салической Правдѣ глагола *intertiare* и выраженія *in tertiam manum mittere* и указавъ, что Рипуарская Правда также не раздѣляетъ этихъ выраженій по смыслу, *Poincaré* утверждаетъ, что въ титулѣ XLVII первой и въ титулѣ XXXIII второй Правды, гдѣ упоминаются глаголъ intertiare и слова — *mittere in tertiam manum*, дѣло идетъ о процессѣ интерціаціи („de la procédure de l'entiercement"), съ чѣмъ нельзя, какъ увидимъ позднѣе, вполнѣ не согласиться. Но нельзя согласиться, что интерціація — конфискація вещи, какъ утверждаютъ Iobbé-Duval и Poincaré. По мнѣнію перваго, истецъ прежде всего удостовѣряется въ тожествѣ спорной вещи съ укра-

нынѣ почти всѣ германисты (исключенія указаны у Brunner'a. 498, примѣч. 25-е), справедливо, на нашъ взглядъ, доказывающіе, что *mittere manum in (super) rem* обозначалось въ нѣкоторыхъ памятникахъ германскаго права чрезъ слово *Anefang*. Утверждая далѣе, что Lex Salica, подобно Lex Ribuaria, употребляетъ безразлично глаголъ *intertiare* и выраженіе *mittere in tertiam manum*, Poincaré, подобно *Iobbe-Duval'ю*, думаетъ, что здѣсь дѣло идетъ о процессѣ такъ называемой *интерціаціи* (*intertiatio* или *entiercement*, какъ переводятъ французскіе ученые первое выраженіе). Что же касается *intertiatio* (или *entiercement*), то подъ этимъ выраженіемъ,—какъ уже указывалось нами выше,—надо понимать, по мнѣнію названныхъ авторовъ, *конфискацію* вещи въ пользу третьяго лица (Iobbé-Duval, 42, Poincaré, 39). Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ, насколько справедливо мнѣніе о конфискаціи вещи, при интерціаціи, въ пользу какого-то третьяго лица, которому, по толкованію перваго автора, *довѣрялась вещь* послѣ ея нахожденія истцомъ у даннаго владѣльца, замѣтимъ лишь, что, несомнѣнно, *intertiatio* и *missio in tertiam manum* суть два различныхъ выраженія, обозначающія *одно и то же* дѣйствіе, которое носило въ древне-славянскихъ памятникахъ права наименованіе *свода*, какъ нами уже доказывалось выше. Въ современной литературѣ вопроса о древнѣйшемъ германскомъ виндикаціонномъ процессѣ дѣло идетъ (за немногими исключеніями) вовсе не объ отожествленіи указанныхъ выраженій (т. е. *intertiatio* и *missio in tertiam manum*) съ *Anefang*'омъ, а объ отожествленіи съ послѣднимъ, по смыслу, выраженія *missio manus super rem*[10]),

---

денною, а затѣмъ производитъ ея *конфискацію*, арестъ — „entiercement" (intertiatio): „le demaudenr constate d'abord l'indentité de l'objet litigieux avec la chose volée; puis il effectue *la saisie* ou *entiercement*". Тотъ же авторъ соглашается съ переводомъ *entiercer*, какъ *arrêter*, сдѣланнымъ въ началѣ XIII вѣка въ т. наз. „Coutume d'Amiens" (38, 42). То же въ сущности говоритъ и Poincaré: „aussi pensons-nous, qué l'entiercement constitue une veritabbe *saisie* de l'objet. M. Ortlieb ajoute, qu'il s'ensuivait *la mise sous séquestre en mains tierces* de la chose revendiquée. Et tel parait bien être effectivement le sens etymologique de nos expressions" (39). Замѣтимъ кстати, что въ нѣмецкой литературѣ мнѣніе *Iobbe-Duval'я* о значеніи *intertiare* раздѣляется извѣстнымъ ученымъ *Kohler*'омъ (ibid. стр. 306). Наоборотъ, *Heusler*, въ другихъ случаяхъ присоединяющійся къ толкованіямъ указаннаго автора, *отрицаетъ* здѣсь секвестрацію вещи въ пользу третьяго (II, 217).

[10]) *Sohm*, напр., приведя выраженіе *mittere manum super rem* (изъ Рипуарской Правды) и указавъ на то, что отыскивающій свою вещь *схватываетъ* ее для нагляднаго выраженія своей воли имѣть на вещь притязаніе, говоритъ, что это и есть *Anefang*, 68. По Бруннеру, тотъ, кто предпринимаетъ Anefang — „schlägt die Hand an die Sache, *mittit manum super rem*, 499; срав. также *Schröder*, 374; *Geffcken*, 185 сл.; *R. Behrend*, 66 сл.

или, какъ говорятъ *Iobbé-Duval, Poincaré* и др., *missio manus in rem,* каковаго выраженія,—замѣтимъ кстати,—и нѣтъ въ указанныхъ первоисточникахъ (какъ было уже отмѣчено, *Lex Ribuaria* гласитъ слѣдующее: „si quis rem suam cognoverit, mittat manum *super rem*"). Впрочемъ, словоупотребленіе самихъ первоисточниковъ давало до сихъ поръ (да отчасти еще и продолжаетъ давать) поводъ къ отожествленію указанныхъ выраженій съ *Anefang*'омъ. На мысль объ этомъ наводитъ, между прочимъ, замѣчаніе *Brunner*'a, что такъ называемая франкская *versio latina* первоначально обозначала слово *Anefang* словами *rem in tertiam manum mittere,* въ VI-мъ же вѣкѣ техническимъ для этого обозначенія явился глаголъ *intertiare* (ib., 498). Въ настоящее время почти всѣ германисты согласны въ тожествѣ значенія *rem in tertiam manum mittere* съ *intertiare* и тожество это ясно, на нашъ взглядъ, для всякаго непредубѣжденнаго изслѣдователя. Споръ же о томъ, къ этимъ-ли двумъ выраженіямъ, или же къ выраженію *mittere manum super rem* надо пріурочить дѣйствіе, обозначаемое словомъ *Anefang,* рѣшается большинствомъ германистовъ,—и также, на нашъ взглядъ, вполнѣ вѣрно,—въ пользу послѣдняго (т. е. mittere manum *super rem*). Наложеніе руки на вещь, или ея схватываніе (какъ наглядное выраженіе притязанія на нее со стороны собственника, или прежняго владѣльца, нынѣ нашедшаго ее во владѣніи другого), составляетъ существенную особенность такъ называемаго „Anefangsklage" сравнительно съ такъ наз. „schlichte Klage"[11]). Несомнѣнно, что этимъ актомъ прежде всего (а *не* конфискаціею вещи) начинался по leges barbarorum, какъ и по Русской Правдѣ, виндикаціонный процессъ. Если даже согласиться съ тѣми, которые говорятъ, что вещь передавалась *третьему* („einem dritten, als Treuhänder", см. у Brunner'a 498, прим. 25; „celle-ci—res intertiata—était alors confiée à un tiers", Iobbé-Duval, 42), то эта конфискація во всякомъ случаѣ могла послѣдовать лишь *за* наложеніемъ руки на вещь (т. е. имѣть мѣсто послѣ *Anefang*'a), быть *вторымъ* актомъ процесса, который нельзя смѣшивать съ первымъ, съ такъ наз. *missio manus super rem,* какъ нельзя отожествлять *Anefang*'a съ *intertiatio,* или нашимъ *сводомъ.*

---

[11]) *Heusler* (ibid.) говоритъ относительно этихъ исковъ, между прочимъ, слѣдующее: „mann kann mit *Planck* (съ авторомъ извѣстнаго труда — „Deutsches Gerichtsverfahren im Mittelalter") die Anevangsklage eine verstärkte Form der Fahrnisklage nennen, weil sie, ihrem Inhalte nach, auf dasselbe Ziel, wie die schlichte Klage gerichtet, den Angriff in einer besonders scharfen Weise eröffnet, *das Verfahren durch ein Ergreifen und Festhalten der vindicierten Sache einleitet.* Davon hat sie den Namen, *den anevangen ist soviel als anfassen*" (II, 216 стр.).

Прежде, чѣмъ мы перешли бы, однако, къ изображенію дальнѣйшихъ моментовъ виндикаціоннаго процесса, слѣдовавшихъ за такъ наз. *Anefang*'омъ, или *missio manus super rem*, необходимо еще остановиться на разрѣшеніи вопроса, *когда* собственникъ пропавшей вещи (или обокраденный, какъ говорятъ иначе), найдя ее въ рукахъ другого, имѣлъ право „*mittere manum super rem*“, или ее „*anevangen*“? Первое условіе, необходимо требуемое для совершенія указаннаго акта (начинающаго собою виндикацію движимостей по leges barbarorum), это возможность для собственника *наглядно* показать, что вещь, на которую онъ налагаетъ свою руку, или которую онъ схватываетъ рукою, дѣйствительно, принадлежитъ ему. *Rem suam cognoscere* или *rem super alterum agnoscere*[12])—т. е. „познать свое“ у кого-либо, какъ говоритъ наша Правда, а „познавъ“, показать это другимъ—могъ собственникъ, найдя лишь на своей вещи ту „*мѣту*“, или ту „*марку*“, которой снабжались у древнихъ германцевъ (какъ и у другихъ народовъ) наиболѣе цѣнные предметы тогдашняго гражданскаго оборота (преимуществено — домашнія животныя). По вѣрному замѣчанію *Iobbe-Duval*'я, благодаря употребленію германцами особыхъ домашнихъ и дворовыхъ мѣтъ („die Haus und Hofmarken“, какъ ихъ называютъ нерѣдко нѣмецкіе ученые), „ихъ движимая собственность нѣкоторымъ образомъ матеріализировалась и дѣлалась различимой“; обычай же налагать мѣты на животныхъ былъ необходимъ потому, что пастбища въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ были въ общемъ пользованіи (ibid., стр. 15 сл.). Неудивительно поэтому, что въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ сборникахъ права, напр., въ исландскомъ *Grágás*'ѣ, мы находимъ обширныя постановленія, касающіяся вопроса о томъ, когда и на какихъ домашнихъ животныхъ должны быть налагаемы мѣты (или „notae“), далѣе о порядкѣ наложеніе этихъ мѣтъ, объявленія о нихъ во всеобщее свѣдѣніе (напр., требовалось налагать одну и ту же мѣту на все стадо и затѣмъ показывать ее сосѣдямъ и народному сходу), наконецъ, вопроса о наказаніи за неналоженіе мѣтъ [13]). Въ нѣкоторыхъ leges barbarorum также

[12]) Первое выраженіе находимъ въ Lex Ribuaria, XXXIII, 1: „*Si quis rem suam cognoverit,* mittat manum super eam“; второе—въ Lex Salica, XLVII: „Si quis servum, aut caballum, vel bovem aut qualibet *rem super alterum agnoverit*“; tit. XXXVII: „si ille vero qui per vestigio sequitur, quod *se agnoscere* dicit“ и пр. Впрочемъ, глаголъ *cognoscere* находимъ и въ капитуляріяхъ къ Салической Правдѣ (Geffcken, стр. 66). „Si quis rem suam cognoverit“ соотвѣтствуетъ выраженію Русской Правды—„Аже кто познаетъ свое“ (29 ст. Троицкаго списка).

[13]) *Grágás,* изд. *Schlegel*'я, т. II, стр. 303—309, cap. XXXVII: „*De notis in pecore* disjunctis“; т. I, стр. 414—415, tit XI: „*De notis disjunctis in pecudibus*“. Приведемъ отрывокъ изъ послѣдняго постановленія: „legibus cautum est, ut quicunque oves vel armenta habens,

упоминается объ этихъ мѣтахъ, или знакахъ собственности [14]), и, конечно, только этимъ обычаемъ, сохранившимся (какъ и у на насъ по Русской Правдѣ и другимъ памятникамъ права) въ нихъ издревле, можно объяснить одно изъ постановленій Рипуарской Правды, коимъ запрещалось *intertiare* (т. е. виндицировать)[15]) одежды и тому подобные предметы „absque probabili signo", т. е. безъ знака собственности, достаточно ясно доказуемаго:

Lex Rib., LXXII, 9: Vestimentum autem seu his similia *absque probabili signo intertiare prohibemus.*

Если мы въ добавленіе къ только-что приведенному постановленію замѣтимъ, что Lex Salica упоминаетъ, какъ предметъ виндикаціи, только рабовъ и домашнихъ животныхъ [16]), конечно, потому, что рабы легко распознавались по своимъ индивидуальнымъ признакамъ, а животныя, обычно, имѣли на себѣ особыя мѣты („signa" или „notae", какъ выражаются вышеуказанные первоисточники),—то *собственнику* видицируемой вещи [17]) весьма облегчался этимъ процессъ опознанія *своего*, по-

---

notam disjunctivam omni suo pecori imponere debeat. Octo aestatis hebdomadibus peractis, pecora sua primae aetatis, quaecunque manu tractare potest, nota disjunctiva signare faciat. *Hoc si curare neglexerit, mulctam sibi contrahit.* Agnos tamen subrumos signare non tenetur nec eques notam disjunctivam imponere necesse habet"....

[14]) Напр., по Lex Salica, tit. XXXIII, 2: „si quis cervum domesticum, *signum habentem,* furaverit aut occiderit.... 45 solid. culpabilis judicetur"; tit. XXVII, 18 упоминаетъ объ *arbor signata.* По лонгобардскому праву, собственникъ, прося кого-либо отыскать пропавшее животное, долженъ былъ объявить ему ея „signa": „si quis ab alio homine rogatus fuerit, cabalum aut qualibet peculium querere, *signaque ei dictaverit"*... (Edictus Rottari, изданіе Bluhm'a, Ганноверъ, 1869 г., cap. 348; срав. Brunner, 500). Салическіе франки клали мѣтки на животныхъ, прокалывая имъ уши (Brunner, ibid.; литература о знакахъ собственности указана у *R. Behrend*'a, ibidem, стр. 50, прим. 19).

[15]) Такъ переводимъ мы глаголъ *intertiare,* слѣдуя здѣсь толкованію *Зома*, 84; правильнѣе, однако, было бы, по нашему мнѣнію, не употреблять здѣсь выраженія, служащаго для обозначенія всего *процесса,* а перевести *intertiare* сообразно тому смыслу, какое мы придаемъ слову *intertiatio;* но мы въ данномъ случаѣ держимся перевода означеннаго глагола, дѣлаемаго самими германистами; срав. также *Iobbe-Duval,* 39, *London,* 134 сл, гдѣ содержатся объясненія, касающіяся выше приведеннаго мѣста Рипуарской Правды.

[16]) *Sohm,* 57, *London,* 135 сл. По Русской Правдѣ—иначе.

[17]) Несмотря на то, что, по справедливому замѣчанію Зома, о природѣ германской виндикаціи движимости имѣется „рядъ несходныхъ мнѣній", едва ли подлежитъ сомнѣнію, что какъ по Салической, такъ и Рипуарской Правдамъ „виндикантъ", говоря словами того же Зома, есть собственникъ движимости" (56 и сл.; прим. 3 ibidem). Въ leges мы постоянно читаемъ такія выраженія: „qui res *suas* agnoscit..."; „qui res *suas* quaerit"... (Lex Salica, tit. XLVII, XXXVII); „si quis rem *suam* cognoverit", ille, *cujus* servus est, super eum manum mittere debet"... (Lex. Ribuaria, XXXIII, 1,

чему онъ и могъ, налагая руку на вещь (т. е. производя актъ, носящій наименованіе *missio manus super rem*, или *Anefang*), принести клятву, что онъ налагаетъ руку именно на *свою* вещь, въ случаѣ, если этотъ актъ вызывалъ возраженіе отвѣтчика[18]). Такой случай именно указываетъ Рипуарская Правда:

> Lex Ribuaria, XXXIII, 1: Si quis *rem suam cognoverit,* mittat manum super eam. Et si ille, super quem intertiatur, *tertiam manum* quaerat, tunc in praesente[19]) ambo conjurare debent cum dextera armata et cum sinistra ipsam rem teneant. Unus juret, quod *in propriam rem* manum mittat et alius juret, quod ad eam manum trahat, qui ei ipsam rem dedit.

Т. е., если кто познаетъ свою вещь, пусть наложитъ на нее руку. И если тотъ, у кого вещь виндицируется, ссылается на третье лицо (tertia manus), тогда оба (т. е. истецъ и отвѣтчикъ) должны принести клятву въ присутствіи (*trustis*), держа въ правой рукѣ оружіе, а лѣвой дотрогиваясь до вещи. Одинъ пусть поклянется, что онъ налагаетъ руку на собственную вещь, а другой, что онъ ссылается на то лицо, которое дало ему эту самую вещь.—Таковъ, по возможности, близкій переводъ указаннаго постановленія. „Manifesta et evidentia signa" (какъ выражается вестготскій законъ), благодаря наличности коихъ могъ познать (cognoscere) свою пропавшую вещь собственникъ или ея прежній владѣлецъ, должны были, такимъ образомъ, являться *первымъ* условіемъ, необходимо требуемымъ при виндикаціи движимости по древнегерманскому праву.

Не всегда, однако, ищущій свою пропавшую вещь имѣлъ право *manum super rem mittere,* въ знакъ выраженія своего притязанія на нее,

---

LVIII, 8); et venerit certus homo qui ipsum caballum *suum* dicat. (Edict. Rothari, cap. 232) и т. д. Тоже и по Русской Правдѣ.

[18]) Въ чемъ состояло или могло состоять послѣднее, объ этомъ мы здѣсь не будемъ говорить.

[19]) Выраженіе *in praesente* довольно спорно. Walter (Deutsche Rechsgeschichte, Bonn, II, 1857, 356 стр.) переводилъ его—„передъ судомъ", что справедливо опровергаетъ *Sohm*, 74, прим. 20, указывая на то, что вся разсматривая нынѣ нами часть виндикаціоннаго процесса велась *внѣ суда; Sohm,* однако, не даетъ своего объясненія указанному выраженію. Принимая во вниманіе, что выраженіе это находится въ постановленіи, которое касается первоначальной стадіи процесса по виндикаціи движимостей, именно того его момента, когда обокраденный, отыскивая вещь и находя ее у кого-либо, налагаетъ на нее свою руку, можно было бы, кажется (примѣняясь къ терминологіи Салической Правды), сказать *in praesente trustis,* т. е., въ присутствіи той толпы сосѣдей и пр., съ помощію которой онъ ищетъ пропавшую вещь.

еслибъ даже и могъ доказать „per manifesta signa" (какъ выражается тотъ же вестготскій законъ), что вещь дѣйствительно принадлежитъ ему. Современные германисты почти единогласно признаютъ, что виндикаціонный процессъ по отношенію къ движимостямъ былъ возможенъ по древне-германскому праву лишь въ случаѣ „*недобровольной*" утраты владѣнія вещью, въ случаѣ ея *воровского* похищенія кѣмъ-либо и т. п.[20]). По замѣчанію *Brunner*'а, тотъ, кто чинитъ *Anefang*, ударяетъ рукою по вещи— *mittit manum super rem*—потому, что она у него украдена или похищена[21]). Обычный, конечно, случай такой утраты вещи „ohne Wissen und Willen" собственника, какъ выражается Зомъ, представляла кража вещи („Si quis... qualibet animal *per furtum perdiderit* et eum, dum per vestigio seguitur"... и пр., гласитъ Lex Salica, tit. XXXVII), но возможны были, разумѣется, и другіе случаи, о которыхъ упоминаютъ германскія *leges* (напр., уходъ раба, убѣгъ домашняго животнаго и пр.)[22]). Интересно при этомъ отмѣтить, что въ то время какъ германисты, чтобъ подвести подъ выраженіе Салической Правды— *per furtum perdere*, возможные случаи утраты, недобровольнымъ образомъ, владѣнія вещью, пытаются понять это выраженіе возможно болѣе широко, не ограничиваясь только одною кражею въ собственномъ смыслѣ слова, наша Русская Правда сама отлично выражаетъ эту идею *недобровольной* утраты вещи (включая сюда и случай кражи), когда, въ аналогическомъ случаѣ, гласитъ: „аже кто познаеть свое, что будеть *погубилъ* или *украдено* у него что" и пр. (29 ст. Троицкаго списка). Виндикація движимостей не имѣла мѣста по древне-германскому праву въ томъ случаѣ, когда собственникъ отказывался самъ, въ силу *договора*, отъ владѣнія вещью[23]). Это положеніе отлично было еще въ XVIII-мъ столѣтіи выражено извѣстнымъ юристомъ Гейнеціемъ, утверждавшимъ, что, по германскому праву, ссуженную вещь не можетъ виндицировать у третьяго владѣльца ея *commodans* (ссудодатель), что по этому праву, въ данномъ случаѣ, вообще дѣйствуетъ

---

[20]) *Sohm*, 58; *Schröder*, 373; *Bethmann-Hollweg*, 479 сл.; *Del-Vecchio*, 30; *Heussler*, т. II, 216 сл. Послѣдній замѣчаетъ: „dieses Anefangsverfahren hat, so viel wir sehen, das alte Recht in dem Falle *nicht* gekannt, wo der Eigenthümer *gegen seinen Vertrauensmann* auf Rückgabe der anvertraufen Sache klagen wollte". Срав. также *London*, 391 сл., *Brunner*, 510, *Heffcken*, 153 сл.

[21]) „Wer ihm (Anefang) vornimmt, schlägt die Hand an die Sache, *mittit manum super rem*, weil sie ihm gestohlen oder geraubt worden sei", ib. 499 стр.

[22]) *Sohm*, 61 сл., примѣчаніе 13; *London*, 391 сл.

[23]) Поэтому, по Зому, „das *per furtum perdere* ist eben das Verlieren ohne Wissen und Willen, in *Gegensatz zur der Besitzentäusserung durch Contract*" (ib.).

правило—„Hand muss Hand wahren“, и что ссудившій вещь имѣетъ лишь *личный искъ* къ тому, кому онъ оказалъ довѣріе[24]). Если такимъ образомъ „недобровольное лишеніе“ владѣнія вещью создаетъ для собственника, отыскивающаго утраченное, положеніе выражаемое пословицами: „Ubi rem meam invenio, ibi eam vindico“, или „Wo Einer sein Gut findet, da spricht er es an“, то, наоборотъ, *добровольная* передача другому вещи не допускаетъ ея виндикаціи у каждаго третьяго владѣльца, а передъ собственникомъ отвѣчаетъ за вещь лишь тотъ, кому она передана, что́ и выражается не только приведенною выше юридическою пословицею („Hand muss Hand wahren“), но и другими: „Mobilia non habent sequelam“, „Biens meubles n'ont point de suite“, „Meubel haben keine Folge und die Habe kein Geleit“[25]).

Какъ указано выше, *кража* являлась нормальнымъ случаемъ „недобровольной“ утраты владѣнія вещью со стороны собственника, но это не исключало возможности подобной утраты какъ-либо иначе. По древнему германскому праву, всякое, напр., удержаніе кѣмъ-либо чужихъ вещей, съ намѣреніемъ ихъ себѣ присвоить, влекло обвиненіе въ кражѣ. Такъ, напр., почитался *за вора* тотъ, кто удерживалъ у себя незаконно чужихъ рабовъ и не выдавалъ ихъ въ теченіе установленнаго срока[26]); такъ, далѣе, взявшій или настигшій на дорогѣ чужого коня, раба или вообще какую-либо вещь, долженъ былъ объявить объ этомъ установленнымъ порядкомъ; поступавшій иначе рисковалъ почесться за вора[27]).

---

[24]) *Rem commodatam a tertio possessore vindicare jure germanico non poterat commodans,* non, quod dominus esse desiisset, sed quod generatim eo jure obtineret regula—*Hand muss Hand wahren.* Nam dominus, qui alteri rem *ultro* (mit seinem Willen) quocumque titulo dederat, eam, non amplius apud hunc exstantem, non poterat a tertio possessore vindicare, sed actione personali convenire debebat eum, cujus fidem fuerat sequutus“ (цитируемъ по *Del Vecchio,* 31). Срав. *Schröder,* стр. 373, прим. 100; *Brunner,* 510.

[25]) Всѣ указанныя пословицы приведены у *Del Vecchio,* въ подтвержденіе вышеозначенныхъ положеній, 30 сл. Срав., однако, мнѣніе *Iobbé-Duval'я,* который, разсмотрѣвъ подлежащіе тексты и разобравъ мнѣнія германистовъ, приходитъ къ тому выводу, что въ меровингскую и каролингскую эпоху не знали виндикаціи движимостей, но что собственнику украденныхъ или потерянныхъ вещей былъ открытъ, для ихъ отысканія, „путь уголовный“ („la voie criminelle est ouverte au propriétaire d'objets volés ou perdus“, 89). *Poincaré,* также отрицая примѣненіе виндикаціоннаго процесса у древнихъ германцевъ, доказываетъ, что и у нихъ дѣйствовало правило—„les meubles n'ont pas de suite“ (17 сл.).

[26]) „Si quis mancipia aliena *tenuerit* et infra dies XL *non redderet, latro mancipiarum teneatur obnoxius*“ (Decretio Childeberti regis, § 7). Срав. Geffcken, стр. 262.

[27]) Si quis caballum, hominem, vel qualibet rem in via *propriserit* (отъ *proprindere,* схватить, присвоить себѣ, *Gengler,* Glossar, hoc verbo) aut eum secutus fuerit, *per tres*

Въ заключеніе очерка перваго акта виндикаціоннаго процесса—такъ наз. *missio manus super rem* или *Anefang*—скажемъ нѣсколько словъ о той формѣ, въ которую выливалось иногда это дѣйствіе. Собственникъ украденной или потерянной вещи, гонясь по слѣду, оставленному воромъ или самою вещью, находилъ ее во владѣніи другого и налагалъ на нее свою руку или, какъ обычно говорятъ германисты, схватывалъ ее рукою. Если этою вещью было животное, то онъ бралъ его лѣвою рукою за ухо и, наступая ему на ногу, заявлялъ, что это животное принадлежало и нынѣ еще принадлежитъ ему, хоть и украдено у него [28]). Германскія древнія *leges* не сохранили прямыхъ указаній на ту формулу, какую произносилъ собственникъ, когда касался данной вещи, распознавъ въ ней „свое" („Si ille vero, qui per vestigium sequitur, *quod se agnoscere dicit...*"); предполагаютъ, что когда дѣло шло о животномъ, собственникъ, касаясь животнаго, произносилъ: „это—мое животное" или „это животное, которое у меня украдено" (Iobbé-Duval, 27). Намъ кажется, что, если стоять на почвѣ предположеній, то всего естественнѣе допустить, что собственникъ произносилъ при этомъ тѣ простыя слова, на которыя указываетъ наша „Правда" („мое", или „се—мое", Академ. сп., 13 ст., Троицк. сп., 29 ст.), и на что указаніе имѣется и въ вышеприведенномъ титулѣ Рипуарской Правды („...unus juret quod *in propriam rem* manum mittat"). Впрочемъ, формула—„се мое", такъ соотвѣтствующая духу этого перваго акта виндикаціоннаго процесса древнѣйшаго времени, сохранилась и въ древне-индусскихъ законахъ: такъ, по закону Ману собственникъ пропавшей вещи, найдя ее, говорилъ *mamedam*, т. е. буквально „се—мое", или *mamâyam*, т. е. это—мой [29]).

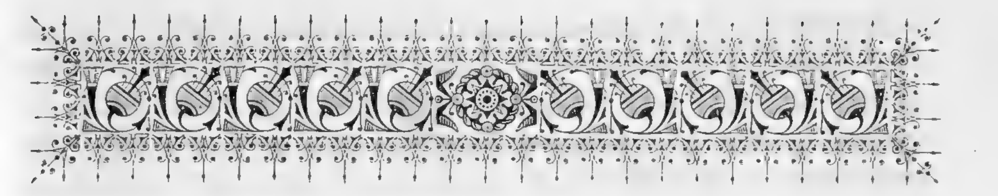
Александръ Филипповъ.

---

maceas ipsum ostendat et sic postea ad regis stapplum (regis stapplum—королевскій судъ). Sin autem *aliter* egitur, fur judicandus est" (Lex Ribuaria, LXXV). По Зому, здѣсь *marca*—собраніе марки, которому *трижды* долженъ былъ предъявлять чужую вещь человѣкъ ея нашедшій, прежде представленія въ королевскій судъ; стр. 63 и прим. 16, 17. Иначе *Iobbé-Duval*, 18, прим 6.

[28]) Такъ описываетъ этотъ актъ, на основаніи данныхъ собранныхъ Я. Гриммомъ, *Siegel*, стр. 91; срав. также *Brunner*, стр. 500.

[29]) *Bernhöft* „Ueber Zweck und Mittel der vergleichenden Rechtswissenschaft" (Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft, I томъ), стр. 19; срав. его-же „Staat und Recht" и пр., стр. 248 сл.



Частная защита общественныхъ интересовъ въ древнемъ Римѣ.

I.

Среди многочисленныхъ особенностей древняго Рима, въ эпоху наибольшаго развитія его правового творчества, есть одна особенность, могущая вызывать глубокое изумленіе современнаго человѣка.

Въ послѣднемъ столѣтіи Республики, т. е. именно въ ту эпоху, когда римскій гражданскій строй заканчивалъ выработку своихъ основныхъ принциповъ, твердо и незыблемо устанавливается начало, въ силу котораго всякое уголовное дѣло можетъ быть начато и доведено до конца только тогда, если все это преслѣдованіе преступника возьметъ на себя какое-нибудь частное лицо, какой-нибудь частный обвинитель. Этотъ принципъ частной *accusatio* примѣняется не только къ такимъ уголовнымъ дѣламъ, гдѣ оказывается пострадавшимъ частное лицо (вымогательство, нанесеніе ранъ, даже убійство), но и ко всякимъ вообще, т. е. даже и къ такимъ, гдѣ тѣ или другія отдѣльныя лица вовсе не затронуты, а преступленіе имѣетъ общій характеръ (преступленія политическія—crimen majestatis, поддѣлка документовъ и монетъ—crimen falsi и т. п.). „Nocens, говоритъ Цицеронъ въ одной изъ своихъ рѣчей [1]), nisi accusatus fuerit, condemnari non potest".

Въ частности принципъ accusatio выражается въ слѣдующихъ наиболѣе важныхъ положеніяхъ:

1) Уголовное преслѣдованіе вчинается только въ случаѣ предъявленія обвиненія со стороны какого-либо частнаго лица; слѣдовательно, ни судъ, ни магистратъ не имѣютъ въ уголовныхъ дѣлахъ иниціативы вовсе. Предъявленіе обвиненія носитъ техническое названіе

[1]) Pro Roscio. 20. 56.

nominis delatio[2]) и въ принципѣ составляетъ право каждаго изъ римскихъ гражданъ, предоставляется *cuilibet* ex populo[3]). Если одновременно является нѣсколько обвинителей и между ними не состоится какого-либо соглашенія, то рѣшеніе вопроса о томъ, кому вести процессъ, принадлежитъ магистрату[4]).

2) Дѣятельность accusator'а составляетъ необходимое основаніе и для всего дальнѣйшаго теченія процесса. Вслѣдствіе этого, напр., смерть обвинителя прекращаетъ данный процессъ, не мѣшая, конечно, предъявленію обвиненія со стороны какого-нибудь новаго лица[5]). Точно также принципіально прекращаетъ дѣло и добровольный отказъ accusator'а отъ дальнѣйшихъ процессуальныхъ дѣйствій[6]). Лишь въ 61 г. по Р. X. Senatusconsultum Turpilianum установилъ извѣстные штрафы за ничѣмъ не оправдываемую tergiversatio[7]).

3) При разборѣ дѣла судъ оперируетъ только съ тѣми доказательствами, которыя представитъ ему частный обвинитель: этотъ послѣдній выискиваетъ и приглашаетъ свидѣтелей[8]), онъ же производитъ, гдѣ нужно, обыскъ[9]) и т. д. Даже во время самаго разбора ни предсѣдательствующій въ судѣ магистратъ, ни его члены не имѣютъ права спрашивать свидѣтелей: опросъ производятъ стороны[10]).

Какъ видимъ, не только послѣдовательно, но даже порою болѣе чѣмъ послѣдовательно, проводится принципъ состязательности, по нашимъ нынѣшнимъ представленіямъ, умѣстный лишь въ процессѣ гражданскомъ.

Характерны еще двѣ детали этого аккузаціоннаго римскаго порядка.

Для огражденія частныхъ лицъ отъ неосновательныхъ обвиненій существуютъ слѣдующія средства. Во-первыхъ, каждый обвиняемый имѣетъ право тотчасъ же потребовать отъ accusator'а клятвы, что онъ вчинаетъ обвиненіе не ради шиканы (jusjurandum calumniae), а во-вторыхъ, послѣ оправданія обвиняемый можетъ потребовать признанія

---

[2]) *Mommsen.* Römisches Strafrecht (1899). S. 382.
[3]) ibid. S. 368.
[4]) ibid. S. 373.
[5]) ibid. S. 453.
[6]) ibid. S. 454.
[7]) ibid. S. 499.
[8]) ibid. S. 409.
[9]) ibid. S. 418.
[10]) ibid. S. 422.

обвинителя calumniator'омъ, что влечетъ за собою всегда infamia, а иногда сверхъ того еще и штрафъ [11]).

Съ другой стороны, успѣшно проведшій дѣло обвинитель получаетъ извѣстныя награды; иногда онѣ состоятъ въ благахъ неимущественнаго характера (освобожденіе самаго accusator'а и его дѣтей отъ военной службы, повышеніе гражданскихъ правъ и т. п.), а иногда—въ денежныхъ преміяхъ [12]).

Но и внѣ области уголовныхъ преступленій мы встрѣчаемъ въ Римѣ явленія такого же характера, т. е. длинный рядъ случаевъ, гдѣ защита общественнаго интереса поставлена въ зависимость отъ частной иниціативы отдѣльныхъ гражданъ. Мы говоримъ о т. н. *популярныхъ средствахъ*, т. е. уже чисто гражданскихъ искахъ и интердиктахъ, предъявленіе которыхъ предоставляется *cuilibet ex populo* и о которыхъ говорится, что черезъ посредство ихъ *„jus populi tuetur“* [13]). Сюда относятся [14]):

1) Популярные *интердикты относительно res sacrae* и *res publicae*. Таковыми, по общему признанію [15]), являются интердикты: „ne quid in *loco sacro* fiat“ и „quod in loco sacro factum erit ut restituatur“; „ne quid in *via publica itinereve publico* fiat, quo ea via idve iter deterius fiat“ и соотвѣтственный интердиктъ реституторный; „ne quid in *flumine publico ripave eius* fiat, quo peius navigetur“ или „quo aliter aqua fluat atque priore aestate fluxit“, и соотвѣтственные интердикты реституторные; два интердикта (прогибиторный и реституторный) de *cloaca publica*. Популярными также должны быть признаны и нѣкоторые другіе интердикты относительно loca publica, а также и interdictum de *homine libero exhibendo* [16]).

Денежная сумма, къ которой окажется приговореннымъ отвѣтчикъ при этихъ интердиктахъ, поступаетъ, вопреки предположенію *Моммзена* [17]), всегда и окончательно въ пользу истца, а не въ пользу государственной казны [18]).

---

[11]) ibid. S. 491, 494.

[12]) ibid. S. 509.

[13]) fr. I. D. de pop. act. 47. 23.

[14]) Ср. *Bruns*. Die röm. Popularklagen. Zeitschr. f. Rechtsgesch. Bd. III (1864). S. 405.

[15]) См. *Ubbelohde*. Interdikte des röm. Rechts (Glück's Kommentar). Bd. I (1889) S. 53.

[16]) l. cit. S. 54—58.

[17]) Die Stadtrechte der latinischen Gemeinden Salpensa und Malaca (1855). S. 464 и сл. Теперь—ср. Röm. Strafrecht S. 507 Anm. 1.

[18]) *Bruns*. Popularklagen. Z. f. Rg. S. 394 и сл. *Ubbelohde*. l. cit. S. 44.

2) Популярные *преторскіе и эдильскіе штрафные иски* (actiones populares). Сюда принадлежатъ [19]): actio de albo corrupto на 50 aurei, actio de sepulchro violato на 100 aurei, actio de positis et suspensis на 10 aurei, actio de effusis et dejectis въ случаѣ причиненной такимъ путемъ смерти свободнаго человѣка на 50 aurei, а въ случаѣ раны—на quantum aequum; actio de testamento aperto на 100 aurei и, наконецъ, эдильскій искъ на основаніи эдикта de bestiis въ случаѣ смерти свободнаго человѣка—на 200 aurei, въ случаѣ раны—на quantum aequum.

Сумма condemnatio и здѣсь, по справедливому замѣчанію *Bruns*'а [20]), идетъ вполнѣ въ пользу истца; исключеніе составляетъ actio de testamento aperto,—искъ, которымъ устанавливается штрафъ на случай вскрытія завѣщанія лица убитаго до уголовнаго опроса его рабовъ: здѣсь только половина дается истцу, другая же поступаетъ въ казну [21]).

3) Популярные *штрафные иски, устанавливаемые закономъ за нарушеніе различныхъ общественныхъ и городскихъ интересовъ.* Въ городскихъ статутахъ *Salpensa* и *Malaca* такіе штрафы назначаются: для магистрата, который не принесъ должностной присяги своевременно, для нарушителей порядка народныхъ собраній, для лицъ, снесшихъ самовольно городское строеніе, для лицъ, не представившихъ своевременно общинѣ отчета и нѣк. др. [22]). Подобнымъ же образомъ санкціонируются многія предписанія въ *Lex Iulia municipalis* [23]), въ *Lex Mamilia Roscia* [24]), въ *Lex Quinctia de aquaeductibus* [25]) и мн. др.

Штрафъ во всѣхъ этихъ случаяхъ идетъ безспорно и, повидимому, цѣликомъ въ городскую казну [26]).

Наконецъ, 4) *различные отдѣльные популярные иски* съ разнообразнымъ содержаніемъ и разнообразнымъ характеромъ, напр., assertio in libertatem, accusatio suspecti tutoris, actio de collusione detegenda (на случай объявленія вольноотпущенника свободнорожденнымъ по соглашенію съ патрономъ) и нѣк. др. [27]). Ихъ общей чертой является только то, что и они предоставляются cuilibet ex populo.

---

[19]) *Bruns.* l. cit. S. 343.
[20]) ibid S. 370—386.
[21]) ibid S. 377 и сл.
[22]) См. *Mommsen.* Die Stadtrechte etc. S. 461.
[23]) См. *Bruns.* Fontes. ed. 6 (1893) p. 105, 110, 111, 112.
[24]) Fontes, p. 97.
[25]) Fontes, p. 116.
[26]) Даже *Bruns.* Popularklagen. S. 405, S. 367.
[27]) См. *Bruns.* l. cit. S. 401.

Уже приведенное бѣглое перечисленіе популярныхъ граждански-правовыхъ средствъ показываетъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ дѣло идетъ о разнообразныхъ правонарушеніяхъ *полицейскаго* характера, которымъ, по нашимъ нынѣшнимъ представленіямъ, истинное мѣсто также въ кодексѣ уголовномъ, а не гражданскомъ.

Если же мы соединимъ область частной accusatio въ уголовныхъ дѣлахъ съ областью популярныхъ граждански-правовыхъ средствъ, то получимъ весьма яркую и весьма своеобразную картину римскаго гражданскаго строя: все то, что́ мы привыкли считать областью публичныхъ интересовъ, все то, что́, по нашимъ представленіямъ, должно охраняться непосредственной иниціативой самой государственной власти (полиціей, прокуратурой и т. п.),—все это въ Римѣ предоставляется иниціативѣ отдѣльныхъ гражданъ. Не будетъ въ какомъ-нибудь конкретномъ случаѣ такой частной иниціативы, не найдется никого, кто-бы взялъ на себя роль accusator'а передъ уголовнымъ судомъ или предъявилъ actio popularis передъ судомъ гражданскимъ,— и данное правонарушеніе останется безнаказаннымъ, какъ бы очевидно и вопіюще оно ни было.

Понятно, что современный человѣкъ останавливается передъ картиной такого порядка съ крайнимъ изумленіемъ. Что это такое, откуда этотъ порядокъ? Кажется, какъ будто мы имѣемъ дѣло съ нѣкоторымъ основнымъ правовоззрѣніемъ римлянъ, совершенно отличнымъ отъ правовоззрѣнія нашего. Что́ такое—общественный интересъ, какой поступокъ заслуживаетъ кары, это мы опредѣляемъ заранѣе и абстрактно формулируемъ въ (уголовномъ) законѣ, предписывая затѣмъ органамъ власти судить и карать in concreto. Общая картина римской accusatio и популярныхъ средствъ производитъ впечатлѣніе, какъ будто римляне мыслили совершенно иначе. Кажется, что общественнымъ интересомъ они считали лишь то, что́ *фактически, in concreto* возбуждаетъ интересъ общества, что́ находитъ себѣ каждый разъ активнаго защитника изъ среды этого послѣдняго. Какъ бы ни признавалось преступнымъ извѣстное дѣяніе теоретически, если не находится обвинителя изъ среды самого общества, значитъ, само общество въ лицѣ всѣхъ своихъ отдѣльныхъ представителей относится къ совершившемуся спокойно и безразлично, значитъ, голосъ народной совѣсти молчитъ, значитъ, дѣйствительнаго нарушенія общественнаго интереса нѣтъ, значитъ, и магистратамъ вмѣшиваться нечего.

Какъ ни страненъ такой порядокъ вещей съ нашей точки зрѣнія, какъ ни слабъ онъ съ точки зрѣнія практической цѣлесообразности (объ этомъ ниже),—ему все-таки нельзя отказать въ извѣстномъ,

если такъ можно выразиться, идейномъ величіи, въ извѣстной идейной красотѣ. Какой призывъ заключаетъ онъ въ себѣ къ общественной самодѣятельности, къ личному контролю надо всѣмъ, что́ творится въ обществѣ-государствѣ, какую роль отводитъ онъ отдѣльному индивидууму и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое довѣріе выказываетъ онъ къ частной иниціативѣ! Все римское государство представляется дружнымъ обществомъ, въ которомъ каждый отдѣльный членъ принимаетъ близко къ сердцу все, что́ вредитъ этому обществу, что́ позоритъ его честь, въ которомъ, поэтому, каждый отдѣльный членъ нравственно обязанъ лично заботиться о томъ, чтобы всякій вредный или позорный поступокъ былъ обнаруженъ, чтобы всякій недостойный сочленъ былъ наказанъ.

Но дѣйствительно ли мы имѣемъ здѣсь дѣло съ какимъ-либо особеннымъ и исконнымъ принципомъ Рима, съ какой-либо особенностью его интеллектуальнаго типа, или же, можетъ быть, описанный порядокъ выросъ исторически, подъ вліяніемъ какихъ-либо чисто практическихъ условій и причинъ?

II.

Въ литературѣ вопросъ о возникновеніи уголовнаго аккузаціоннаго начала рѣшается различно.

Болѣе старые историки римскаго уголовнаго права и процесса— *Geib*[28]) и *Zumpt*[29]), были того мнѣнія, что уже съ самаго начала въ Римѣ аккузаціонный и инквизиціонный порядки процесса существовали рядомъ. Такъ, по мнѣнію *Geib*'а, уже въ эпоху царей въ Римѣ, какъ и въ Греціи, каждый отдѣльный гражданинъ могъ выступить съ обвиненіемъ и довести дѣло до наказанія[30]). Но, съ другой стороны, уже въ эту эпоху были случаи и непосредственнаго, инквизиціоннаго вмѣшательства царя[31]). Когда, однако, уголовная юрисдикція съ установленіемъ республики перешла къ народнымъ собраніямъ, то право вести обвиненіе передъ ними получили только магистраты, ибо только они имѣли jus cum populo agendi[32]). Аккузаціонный принципъ появляется снова только съ учрежденіемъ quaestiones perpetuae, но зато дѣлается

[28]) Geschichte des röm. Criminalprocesses (1841).
[29]) Der Kriminalprocess der röm Republik (1871)
[30]) l. cit. S. 99.
[31]) ibid. S. 102—103.
[32]) ibid. S. 100.

тогда общимъ правиломъ [33]). Таково же, въ общемъ, и мнѣніе *Zumpt*'а. Оба элемента—какъ аккузаціонный, такъ и инквизиціонный,—говоритъ онъ, искони существуютъ въ римскомъ процессѣ рядомъ; первый, однако, съ теченіемъ времени усиливается и въ концѣ-концовъ остается единственнымъ [34]).

Съ этимъ мнѣніемъ—о существованіи аккузаціоннаго принципа искони рядомъ съ инквизиціоннымъ,— однако, едва ли можно согласиться. Оно, безъ сомнѣнія, покоится на смѣшеніи accusator'а съ простымъ доносителемъ. Какъ бы ни была велика фактически роль этого послѣдняго, онъ во всякомъ случаѣ дѣйствуетъ черезъ посредство магистрата и, такъ сказать, за его спиной. Такіе доносители играли, конечно, большую роль и до учрежденія quaestiones perpetuae, но, какъ признаютъ сами же Geib и Zumpt, пока уголовная юрисдикція принадлежала народнымъ собраніямъ, преслѣдованіе передъ ними могло быть начато лишь по иниціативѣ магистрата. Что касается періода царей, то и для этого времени вѣроятнѣе одинъ инквизиціонный порядокъ въ виду того, что общимъ источникомъ уголовнаго права и процесса въ эту эпоху являлась административная *coercitio* представителя высшей государственной власти [35]).

Такимъ образомъ, первое, что̀ можетъ считаться болѣе или менѣе прочно установленнымъ, это появленіе аккузаціоннаго начала съ его наиболѣе характерными чертами лишь съ учрежденіемъ *quaestiones perpetuae*, т. е. постоянныхъ уголовныхъ комиссій, состоявшихъ подъ предсѣдательствомъ магистрата изъ извѣстнаго количества присяжныхъ. Такія quaestiones—каждая для извѣстнаго рода дѣлъ—учреждались спеціальными законами (первая, quaestio de repetundis—закономъ Кальпурнія въ 149 г. до Р. X.; особенно много quaestiones было учреждено при Суллѣ) и въ этихъ спеціальныхъ законахъ получали свой какъ матеріальный, такъ и процессуальный регламентъ. Эти регламенты и являются юридическимъ базисомъ частной accusatio.

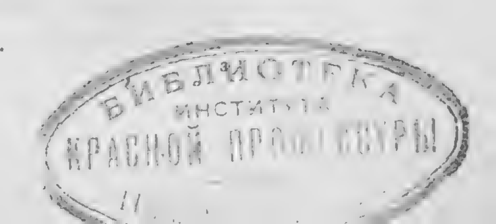
Если, однако, принципъ accusatio не является исконнымъ принципомъ Рима, если онъ появляется лишь въ quaestiones perpetuae, то естественно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ онъ сюда проникъ?

Отмѣченныя выше черты чистой состязательности невольно наводятъ на мысль, что производство въ quaestiones *построено по типу процесса гражданскаго и заимствовано изъ этого послѣдняго*. Это мнѣніе

[33]) ibid. S. 254-255.

[34]) l. cit. S. 34.

[35]) Ср. *Mommsen*. Strafrecht. S. 340, 341., S. 39 и сл.



высказываютъ, напр., *Mayпz*[36]) и *Моммзенъ.* Этотъ послѣдній представляетъ въ общемъ развитіе такъ. Въ послѣднихъ столѣтіяхъ республики рядъ спеціальныхъ законовъ, опредѣляя тѣ или другіе штрафы за различныя правонарушенія, устанавливаетъ взысканіе этихъ штрафовъ передъ обыкновеннымъ гражданскимъ судомъ и предоставляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ предъявленіе иска каждому отдѣльному гражданину (это тѣ actiones populares, о которыхъ было упомянуто выше, подъ рубрикой 3). Такіе процессы носятъ названіе *judicia publica* въ отличіе отъ уголовнаго суда народныхъ собраній—*judicia populi.* Однако, благодаря своему особенному характеру, эти процессы, проходя въ общемъ обыкновеннымъ гражданскимъ путемъ, имѣютъ, съ другой стороны, и нѣкоторыя процессуальныя отличія. И вотъ это-то производство въ judicia publica послужило прообразомъ для процесса въ quaestiones perpetuae[37]).

Что касается матеріальныхъ причинъ, вызвавшихъ установленіе аккузаціоннаго начала, то *Моммзенъ* даетъ слѣдующее объясненіе. Кто знаетъ, говоритъ онъ, состояніе Рима въ эпоху упадка республики, тотъ пойметъ, что предоставленіе частной инициативы въ уголовныхъ дѣлахъ обозначаетъ не ослабленіе, а, напротивъ, усиленіе государственной репрессіи. Хотя раньше магистраты и обязаны были вчинать преслѣдованія, но надъ ними въ этомъ отношеніи не было никакого иного контроля, кромѣ контроля ихъ совѣсти, и возможно, что масса правонарушеній оставалась, благодаря инертности магистратовъ, безнаказанной. Принципъ accusatio давалъ, напротивъ, возможность выступать съ обвиненіемъ не только всякому какимъ бы то ни было образомъ заинтересованному, но и различнымъ другимъ лицамъ, которыя такимъ путемъ нерѣдко начинали свою политическую карьеру[38]).

Hitzig не соглашается съ изложеннымъ ученіемъ Моммзена. Всѣ тѣ спеціальные законы, устанавливающіе actiones populares по поводу штрафовъ въ пользу казны или городской кассы, о которыхъ упоминаетъ Моммзенъ, всѣ они *моложе* quaestiones perpetuae. Старѣйшимъ случаемъ популярности, по мнѣнію Hitzig'a, является *accusatio suspecti tutoris,* гдѣ онъ видитъ слѣды вліянія греческаго права. Вѣроятно поэтому, говоритъ онъ, что и вообще процессъ въ quaestiones perpetuae развился *подъ вліяніемъ греческаго права,* гдѣ мы имѣемъ при публичныхъ искахъ (γραφαί) и судъ присяжныхъ подъ предсѣдательствомъ

---

[36]) Esquisse historique du droit criminel de l'ancien Rome въ Nouv. Révue hist. du dr. français et étranger. 1881, № 6 и 1882, № 1. (въ особ. посл. книжка, стр. 5).

[37]) Strafrecht. S. 180 и сл., ср. S. 508 и др.

[38]) l. cit. S. 345.

магистрата (ἡγεμῶν δικαστηρίου) и предоставленіе иска всякому желающему (τῷ βουλομένῳ) [39].

Едва ли, однако, эти замѣчанія Hitzig'а могутъ быть признаны убѣдительными. Съ одной стороны, греческій образецъ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ римскому подобію. Правда, греческія γραφαὶ предоставляются каждому гражданину, но при этомъ, во-первыхъ, есть неизвѣстныя римскому праву исключенія (всѣ т. н. δίκαι φονικαί, гдѣ предъявлять искъ можетъ только или самъ раненый или родственники убитаго [40]), а во-вторыхъ, по общему правилу, предоставленіе иска τῷ βουλομένῳ отнюдь не обозначаетъ собою невозможность преслѣдованія по почину магистрата [41]). Вообще, въ Греціи принципъ accusatio далеко не проведенъ съ такой силой и съ такой исключительностью, какъ въ римскихъ quaestiones perpertuae. Поэтому, если можно сопоставлять въ этомъ отношеніи Грецію и Римъ, то не въ смыслѣ заимствованія, а лишь въ смыслѣ аналогичнаго развитія явленій.

Съ другой стороны, совершенно невѣрно замѣчаніе Hitzig'а, будто случаи популярности въ гражданскомъ процессѣ моложе quaestiones perpetuae. *Несомнѣнную* популярность мы имѣемъ уже въ *Lex luci Lucerini*, гдѣ за оскверненіе священной рощи назначается извѣстный штрафъ и по поводу этого штрафа дается всякому (quis volet) manus injectio pro judicato [42]). Аналогичное постановленіе содержитъ *Lex luci Spoletini* [43]). Обѣ же эти inscriptiones относятся ко времени между 500 и 550 г. a. u. c. [44]) (254—204 г. до Р. Х.), т. е. къ эпохѣ значительно болѣе ранней, чѣмъ даже первая quaestio de repetundis.

Въ виду всего этого, мнѣніе Моммзена приходится признать болѣе правильнымъ, хотя, конечно, процессъ возникновенія и постепеннаго усиленія частной инициативы въ защитѣ общественныхъ интересовъ у Моммзена не можетъ считаться достаточно выясненнымъ.

---

[39]) Рецензія на книгу Моммзена въ Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht, 1900, S. 201—202. При этомъ онъ прибавляетъ (S. 202 Anm. 3): „предположеніе, что accusatio suspecti tutoris развилась въ зависимости отъ греческаго права, я уже высказалъ въ Zeitschrift der Savigny-Stiftung. Bd. XVIII. S. 165“. Въ этомъ мѣстѣ онъ говоритъ, однако, только слѣдующее: „Ob diese εἰσαγγελία κακώσεως irgendwie auf die römische accusatio suspecti tutoris eingewirkt hat, *wird sich kaum entscheiden lassen*“.

[40]) См. *Meier-Schömann-Lipsius*. Der attische Process (1883—1887), S. 199.

[41]) l. cit. S. 757, 758, 759.

[42]) *Bruns*. Fontes. p. 260.

[43]) Ibid.

[44]) См. *Girard*. Histoire de l'organisation judiciaire des Romains. I. (1901), p. 276, note 1.

III.

Какъ мы видѣли, Моммзенъ непосредственнымъ образцомъ для процесса въ quaestiones perpertuae считаетъ actiones populares по поводу различныхъ штрафовъ въ пользу городской казны. Но мы указывали выше, что, кромѣ этой популярности, *устанавливаемой закономъ*, есть еще другая обширная область популярныхъ средствъ, *устанавливаемыхъ преторомъ*: всѣ преторскія actiones populares и всѣ interdicta popularia. Въ какомъ историческомъ отношеніи находятся обѣ эти области другъ къ другу? Гдѣ зародился принципъ популярности впервые?

При отсутствіи сколько-нибудь точныхъ историческихъ датъ, вопросъ представляетъ, конечно, большія трудности.

Изъ преторскихъ средствъ, какъ извѣстно, старѣйшими считаются интердикты, а между интердиктами тѣ, которые относятся къ loca sacra и loca publica, т. е. именно тѣ, которые почти всѣ являются интердиктами популярными [45]). Вслѣдствіе этого поставленный выше вопросъ превращается въ такой: что старѣе,—actiones populares, устанавливаемыя закономъ, или же популярные интердикты?

Самъ Моммзенъ, повидимому, считаетъ популярные интердикты явленіемъ болѣе древнимъ; онъ, по крайней мѣрѣ, говоря о популярныхъ искахъ въ пользу казны, разсматриваетъ ихъ, какъ позднѣйшее „расширеніе" популярности за предѣлы старыхъ популярныхъ исковъ, касающихся loca publica [46]).

Въ такомъ же смыслѣ высказывается и *Bruns*, который опредѣленно заявляетъ, что „die prätorischen Popularklagen, namentlich auch die Popularinterdikte, *unzweifelhaft viel älter waren*, als jene Einrichtung der so zu sagen popularen Prokuratur für Staat und Gemeinden", что понятіе популярнаго иска имѣетъ свой старый корень въ преторскомъ эдиктѣ [47]).

И мы думаемъ, что вся вѣроятность въ пользу этого мнѣнія. Интердикты, и именно тѣ, которые имѣютъ своей задачей охрану неприкосновенности loca sacra и loca publica, должны быть признаны

---

[45]) Ср. *Ubbelohde*. Interdikte. Bd. II. S. 321 и сл.

[46]) Strafrecht. S. 507—508. Правда, на стр. 507 онъ говоритъ и о „Wucherklage der früheren Republik" (quadruplatores), но, во-первыхъ, на стр. 181 мнѣніе Моммзена объ этомъ искѣ звучитъ уже нѣсколько иначе, а, во-вторыхъ, популярность этого иска (по крайней мѣрѣ, ранняя) очень сомнительна. См. *Billeter*. Geschichte des Zinsfusses im griech.-röm. Alterthum (1898). S. 152—153, S. 129.

[47]) Popularklagen. l. cit. S. 387.

очень древними. Они органически выросли изъ полицейскихъ мѣропріятій магистрата въ этой области, а такія мѣропріятія должны были (въ такой или иной формѣ) существовать искони, т. е. съ той поры, когда появились въ Римѣ loca sacra и loca publica.

Какъ извѣстно, интердикты первоначально представляли изъ себя личныя приказанія магистрата, издававшіяся послѣ полнаго фактическаго разбора дѣла и приводившіяся затѣмъ въ исполненіе административными мѣрами власти (главнымъ образомъ, путемъ наложенія штрафовъ —multae dictio); словомъ, это было производство административное отъ начала до конца [48]).

Пока интердикты находились на этой стадіи своего развитія, о популярности въ техническомъ смыслѣ и рѣчи не могло быть. Какъ бы ни была широко развита частная иниціатива въ дѣлѣ охраны порядка на мѣстахъ священныхъ и публичныхъ, частныя лица могли дѣйствовать всякій разъ лишь черезъ магистрата, а не въ какой-либо самостоятельной роли; юридически они фигурировали въ качествѣ доносителей, денунціантовъ, а не въ качествѣ истцовъ.

Интердиктное производство пріобрѣтаетъ особенный видъ съ того момента, когда получаетъ исковую силу договоръ stipulatio. Магистратъ, обязанный прежде лично провѣрить всю фактическую сторону сдѣланнаго ему донесенія о непорядкѣ, увидѣлъ теперь возможность освободить себя отъ этой кропотливой работы: ему стоило только заставить денунціанта и денунціата облечь свои утвержденія въ форму двухъ встрѣчныхъ штрафныхъ stipulationes, и дѣло затѣмъ могло уже пойти обыкновеннымъ судебнымъ (гражданскимъ) порядкомъ.

Представляя такимъ образомъ существенное облегченіе для магистрата, подобный порядокъ производства имѣлъ еще и другое немаловажное преимущество: рискъ при недоказанномъ обвиненіи потерять сумму процессуальнаго заклада (summa stipulationis) являлся весьма надежной гарантіей противъ неосновательныхъ доносовъ.

Такимъ-то путемъ здѣсь, повидимому, впервые обыкновенный денунціантъ превращается въ истца. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря радикальному измѣненію процесса, штрафъ за нарушеніе порядка, взыскивавшійся раньше въ пользу казны, поступаетъ теперь въ пользу истца. Онъ является теперь для него, съ одной стороны, компенсаціей за нѣкоторый рискъ, связанный съ процессомъ, а, съ другой стороны, наградой за обнаруженіе проступка.

---

[48]) Подробнѣе объ этомъ см. мое соч.: „Генезисъ преторскаго права“ § 5.

Подобно тому, какъ прежде каждый (лично заинтересованный или незаинтересованный) могъ сдѣлать магистрату denuntiatio о нарушеніи порядка, такъ теперь каждый можетъ выступить съ соотвѣтственнымъ интердиктомъ, и такимъ образомъ естественно возникаютъ старѣйшіе популярные интердикты.

Однако, возникновеніе ихъ еще отнюдь не обозначаетъ установленія принципа *исключительности частной инициативы*. Магистратъ можетъ, конечно, и motu proprio вмѣшаться въ замѣченный непорядокъ, можетъ устранить его средствами обыкновенной coercitio. Популярные интердикты представляютъ собою облегченіе для магистрата, а не ограниченіе его власти.

Съ теченіемъ времени магистратъ (преторъ), все болѣе и болѣе занятый отправленіемъ правосудія (jurisdictio), все менѣе и менѣе имѣетъ возможности лично вмѣшиваться въ правонарушенія полицейскія. Вслѣдствіе этого способъ административной coercitio, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ для устраненія непорядка есть уже тотъ или другой интердиктъ, практикуется имъ все рѣже и рѣже. Общество привываетъ смотрѣть на дѣла этого рода, какъ на нѣчто такое, что ввѣрено частной инициативѣ, и эта частная инициатива охраняетъ необходимое благоустройство во всякомъ случаѣ ничуть не хуже, чѣмъ крайне недостаточная и несовершенная официальная римская полиція. Такимъ путемъ мало по-малу въ теченіе столѣтій вырабатывается довольно прочная традиція, которая приводить къ тому, что на вопросъ, можетъ-ли преторъ, вмѣсто интердикта, въ одномъ частномъ случаѣ поступить praetoria potestate, классическій юристъ (Ульпіанъ) отвѣчаетъ: „melius et civilius faciet, si eum per interdictum ad jus ordinarium remiserit“ [49]).

Принципъ популярнаго иска, зародившійся такимъ образомъ совершенно естественно и незамѣтно въ практикѣ преторовъ [50]), начинаетъ затѣмъ примѣняться отдѣльными законами къ тѣмъ или другимъ правонарушеніямъ, за которыя назначается опредѣленный штрафъ въ пользу казны. При этомъ отдѣльные извѣстные намъ законы это-

---

[49]) fr. 1, 2. D. si ventr. nom. 25, 5. Ср. „Генезисъ прет. права“, стр. 90.

[50]) А, можетъ быть, еще о ихъ предшественниковъ-консуловъ. Думаемъ, что специфическое интердиктное производство (co sponsio и restipulatio) возникло сравнительно скоро послѣ того, какъ stipulatio получила исковую силу. А это могло быть еще и до учрежденія претуры: точныхъ датъ относящихся сюда leges Silia и Calpurnia мы не имѣемъ; въ lex Aquilia (289—287 г. до Р. Х.) stipulatio является уже въ сложной формѣ adstipulatio—Ср. *Voigt.* Röm. Rechtsgeschichte. Bd. I (1892) S. 54—46.

го рода имѣютъ весьма интересные, именно для вопроса о развитіи популярности, оттѣнки.

Подобно тому, какъ interdicta popularia выросли естественно изъ полицейскихъ денунціацій магистрату, такъ весьма вѣроятно, что и первые законы этого рода имѣли уже для себя фактическія массовые прецеденты въ различныхъ денунціаціяхъ фискальныхъ [51]). Взысканіе всевозможныхъ штрафовъ въ пользу казны лежало, конечно, на обязанности магистратовъ (квесторовъ, цензоровъ) [52]), но желаніе усилить интенсивность надзора приводитъ къ расширенію круга лицъ, могущихъ возбуждать вопросъ о взысканіи, и къ постановкѣ ихъ въ болѣе независимое положеніе. При этомъ можно наблюдать, такъ сказать, различные законодательные опыты въ этомъ направленіи.

Такъ, напр., одинъ изъ наиболѣе раннихъ законовъ этого рода — законъ въ *Tabula Bantina*, относящійся къ 621—636 г. а. u. c. (133—118 до Р. Х.) [53]), говоритъ:

> „Seive advorsus hance legem fecerit.... (HS populo dare damnas esto et) eam pecuniam *quei volet magistratus exigito*... Sei quis magistratus multam inrogare volet... liceto"... [54]).

Здѣсь интересно, во-первыхъ, то, что взысканіе предоставляется не всякому вообще, а лишь *всякому изъ магистратовъ*, а, во-вторыхъ, то, что рядомъ съ гражданскимъ взысканіемъ сохраняется возможность *административнаго штрафованія*. Соовершенно основательно поэтому *Bruns* [55]) и *Maschke* [56]) видятъ въ этомъ законѣ (не хронологически, а матеріально) одинъ изъ первыхъ этаповъ на пути развитія популярныхъ средствъ, устанавливаемыхъ закономъ. Расширеніе и усиленіе контроля заключается здѣсь лишь въ томъ, что не только тотъ магистратъ, которому это принадлежитъ по компетенціи, но и всякій вообще можетъ поставить вопросъ о взысканіи штрафа.

Желаніе еще болѣе усилить контроль должно было привести къ предоставленію иска о штрафѣ и всякому желающему изъ народа [57]). Такое предоставленіе мы имѣемъ уже, какъ было упомянуто выше, въ *Lex luci Lucerini*, гдѣ говорится:

---

[51]) Ср. *Моммзенъ* Strafrecht. S. 508, Anm. 1: „Es lässt sich nicht erweisen, aber es hat innere Wahrscheinlichkeit, dass dies ausgegangen ist von den fiscalischen Denuntiationen, von der Behandlung des Hutgeldes und der Zölle".

[52]) Ср. *Girard*. Histoire de l'org. p. 266.

[53]) См. *Bruns*. Fontes. p. 48.

[54]) *Bruns*. Fontes. p. 54.

[55]) Popularklagen. Z. f. Rg. III. S. 364—366.

[56]) Z. der Sav.-Stiftung für Rg. Bd. VI (1885). S. 239.

[57]) *Bruns*. l. cit. S. 366.

„Sei quis arvorsu hac faxit, in ium quis volet pro joudicatod manum injectio estod. Seive macisteratus volet moltare, licetod“ [58]). Какъ видимъ, опять рядомъ сохраняется старый путь *multae dictio.*

Въ законахъ болѣе позднихъ, напр. въ *Lex Iulia municipalis* (45 г. до Р. Х.), *lex Mamilia* (59 г. до Р. Х.), *lex Salpensana* (82—84 по Р. Х.), о multae dictio, какъ объ альтернативномъ средствѣ, уже не упоминается. Весьма вѣроятно поэтому, что и въ этой области мало по-малу развивается такая же традиція невмѣшательства магистратовъ, какую мы отмѣтили выше по отношенію къ интердиктамъ.

Такимъ образомъ, когда обнаружились въ области уголовнаго права недостатки суда народныхъ собраній, когда назрѣлъ вопросъ о замѣнѣ этого суда особыми постоянными судилищами (questiones perpetuae), принципъ частнаго обвиненія имѣлъ уже прочные корни въ римской правовой почвѣ. Популярныя средства и въ области полиціи и въ области фискальныхъ интересовъ казны оказались не только весьма полезнымъ дополненіемъ для административныхъ мѣропріятій магистратовъ, но почти сплошь и успѣшной замѣной ихъ. Частная инициатива, призванная сначала только на помощь органамъ государственной власти, въ концѣ-концовъ сдѣлала вмѣшательство этихъ послѣднихъ почти совершенно ненужнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, развивается въ обществѣ и отмѣченное выше представленіе, что починъ въ охранѣ общественныхъ интересовъ долженъ исходитъ изъ среды самихъ гражданъ. На образованіе этого представленія оказали, конечно, свое вліяніе и общія демократическія теченія, усиливающіяся къ концу республики, особенно со временъ Гракховъ [59]).

При такихъ-то теоретическихъ и фактическихъ условіяхъ и возникъ аккузаціонный процсссъ въ quaestiones perpetuae. Это не было какое-либо радикальное новшество; это было лишь расширеніе еще на одну область принциповъ, примѣнявшихся задолго раньше къ другимъ областямъ общественныхъ правонарушеній. При этомъ опять таки нужно отмѣтить, что установленіе подсудности по тѣмъ или другимъ дѣламъ какой-либо quaestio, отнюдь не обозначаетъ собою уничтоженія права магистрата на самостоятельную coercitio, если только налагаемый магистратомъ штрафъ не превышаетъ законнаго maximum. Но, конечно, и здѣсь этотъ путь административной coercitio очень скоро заросъ травою.

---

[58]) *Bruns.* Fontes. p. 260.

[59]) Cp. *Paalzow.* Zur Lehre von den röm. Popularklagen. (1889). Cap. VIII.

Установленіе начала accusatio и здѣсь не только теоретически, но и на самомъ дѣлѣ представляло изъ себя усиленіе контроля и репрессіи, какъ это справедливо замѣтилъ Моммзенъ въ цитированномъ ранѣе мѣстѣ. Римскіе магистраты послѣднихъ временъ республики, занятые больше политикой и партійными раздорами, сидящіе въ должности не болѣе одного года, не могли относиться съ должной внимательностью къ различнымъ текущимъ дѣламъ, а, если и обращали вниманіе на то или иное дѣло, то это вниманіе вытекало нерѣдко изъ соображеній партійныхъ или чисто субъективныхъ. При такихъ условіяхъ принципъ популярности въ связи съ принципомъ состязательности являлся наилучшей гарантіей и для общественныхъ интересовъ и для безпристрастности суда.

IV.

Начало частной иниціативы въ защитѣ общественныхъ интересовъ, по реальнымъ условіямъ римской жизни на извѣстной ступени ея развитія, оказывалось, такимъ образомъ, совершенно естественнымъ и понятнымъ явленіемъ. Мы говорили уже и о томъ, что этому началу нельзя отказать въ извѣстной степени идейнаго величія. Но оно имѣетъ также и массу слабыхъ сторонъ, которыя не могли не сказаться уже въ самомъ Римѣ.

Первою изъ такихъ слабыхъ сторонъ является *исключительность* частной иниціативы въ преслѣдованіи преступленій. Незаинтересованность отдѣльныхъ лицъ въ раскрытіи того или другого преступленія, неувѣренность въ возможности доказать виновность, боязнь мщенія и многія другія соображенія могли во многихъ случаяхъ удерживать частныхъ лицъ отъ заявленія accusatio, и немало преступленій вслѣдствіе этого должно было оставаться безъ наказанія. Мы имѣемъ и положительные факты этого рода [60]), но главнымъ свидѣтельствомъ служитъ то, что законодательство должно было усиливать частную готовность къ accusatio путемъ наградъ, и даже денежныхъ (напр., извѣстная часть имущества, конфискованнаго у преступника).

Эта мѣра, однако, не только не улучшаетъ систмы, а еще значительно ее ухудшаетъ. Вчинаніе и веденіе уголовныхъ процессовъ дѣлается предметомъ профессіи и промысла. „Возможно, говоритъ

---

[60]) См. *Mommsen*. Strafrecht. S. 346, S. 299.

Zumpt[61]), что было время, когда въ Римѣ чувство справедливости было слишкомъ развито, когда голосъ общественнаго мнѣнія былъ слишкомъ силенъ, а должностныя лица слишкомъ безупречны, чтобы accusatio могла стать предметомъ злоупотребленій. Но съ теченіемъ времени все это измѣняется; не подлежитъ сомнѣнію, что въ цвѣтущую пору республики accusatio въ уголовныхъ дѣлахъ служитъ предметомъ промысла, приносящаго матеріальныя средства, а также извѣстный почетъ и общественное положеніе". Образовываются съ этой цѣлью многочисленныя компаніи. Послѣ убійства Клодія сразу нѣсколько такихъ компаній заявляютъ о своемъ желаніи предъявить обвиненіе. Нечего и говорить о массѣ отдѣльныхъ лицъ, которыя промышляютъ этимъ дѣломъ возлѣ того или другого суда, готовые по первому слуху приняться на свой рискъ за производство слѣдствія.

Но, понятно, для всѣхъ подобныхъ промышленниковъ не всякое дѣло представляло одинаковый интересъ. „Чѣмъ богаче былъ человѣкъ, чѣмъ выше стоялъ онъ на общественной лѣстницѣ, тѣмъ болѣе долженъ былъ онъ опасаться обвиненій; изобличеніе человѣка маленькаго и бѣднаго не могло обѣщать серьезной поживы и потому никого не интересовало" [62]).

Благодаря подобнымъ явленіямъ, измѣняется и взглядъ общественнаго мнѣнія на accusatio. Если въ прежнее время выступать съ обвиненіемъ не считали предосудительнымъ даже такіе государственные мужи, какъ M. Scaurus или M. Cato, то Цицеронъ считаетъ уже, за нѣкоторыми исключеніями, такое занятіе неблаговиднымъ. Когда онъ самъ выступилъ съ процессомъ противъ Верреса, онъ прежде всего находитъ необходимымъ оправдать себя въ этомъ поступкѣ и ссылается для этого на общее тревожное состояніе государства [63]).

Съ паденіемъ республики и установленіемъ принципата, всѣ эти слабыя стороны аккузаціонной системы начинаютъ обращать на себя вниманіе правящихъ сферъ. При Тиберіи въ сенатъ было внесено предложеніе ограничить назначеніе наградъ, но было отклонено [64]). Взамѣнъ этого, впрочемъ, усиливается личное вліяніе императора въ области уголовной юрисдикціи: императоръ, равно какъ и назначаемые имъ правители не считаютъ себя связанными частной инициативой и процессъ передъ-ними имѣетъ характеръ инквизиціоннаго (cognitio) [65]).

---

[61]) Der Kriminalprocess. S. 64 и сл.
[62]) *Zump.* l. cit. S. 67.
[63]) ibid. S. 66.
[64]) *Mommsen.* Strafrecht. S. 511.
[65]) Ibid. S. 348.

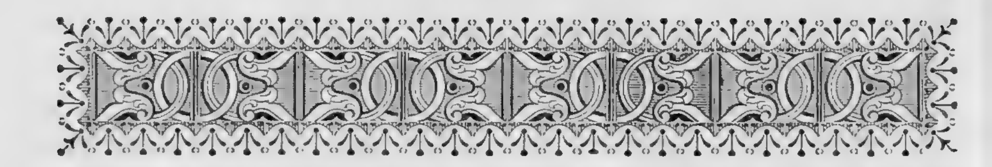
Вмѣстѣ съ тѣмъ аккузаціонная система мало по-малу во многихъ пунктахъ дополняется правомъ должностной инициативы, и въ позднѣйшую эпоху положеніе дѣла представляется въ слѣдующемъ видѣ:

„Почти во всей области уголовныхъ преступленій признаются какъ accusatio, такъ и cognitio; первой, однако, отдается предпочтеніе. При присущей всякой бюрократіи инертности и безпомощности обязанность государства карать преступниковъ во всякомъ случаѣ до извѣстной степени признается въ расширеніи cognitio, рядомъ однако признается и accusatio, при чемъ стараются только усиленіемъ штрафовъ за calumnia ослабить несомнѣнную опасность такой добровольной прокуратуры. Accusatio этой позднѣйшей эпохи есть въ сущности средство ограничить опасные и неблаговидные доносы тѣмъ, что доноситель, гдѣ можно, ставится въ положеніе обвинителя и такимъ путемъ дѣлается отвѣтственнымъ за всякое злоупотребленіе, между тѣмъ какъ въ то же время должностныя лица освобождаются отъ тяготы, разслѣдованія. Система, быть можетъ, нецѣлесообразная, но, конечно (для бюрократіи, разумѣется), очень удобная“ [66]).

Іосифъ Покровскій.

---

[66]) *Mommsen*. l. cit. S. 351.



Политическая доктрина въ Наказѣ Императрицы Екатерины II.

„Надобно установить вѣрную точку воззрѣнія на это, безъ сомнѣнія, важнѣйшее изъ сочиненій Екатерины".
(П. К. Щебальскій, журн. *Заря,* 1869 г., февраль, стрн. 114).

Среди юристовъ посвятили изслѣдованію Наказа наиболѣе вниманія и усердія наши криминалисты. Благодаря ихъ трудамъ, вполнѣ разработанъ вопросъ о проведенномъ въ Наказѣ воззрѣніи на преступленіе, наказаніе, задачи и формы уголовнаго суда; выяснены также съ исчерпывающей полнотой характеръ и пріемы заимствованій, сдѣланныхъ по указаннымъ вопросамъ императрицей Екатериной II у корифеевъ западной науки „вѣка просвѣщенія"; опредѣлено, наконецъ, дѣйствительное вліяніе теоріи Наказа на практику нашего уголовнаго законодательства.

Если бы содержаніе Наказа исчерпывалось вопросами уголовнаго права и процесса, историко-юридическое изученіе его можно бы было признать законченнымъ. Но даже бѣглое ознакомленіе съ Наказомъ показываетъ, что бо́льшая часть содержанія этого памятника относится не къ уголовному праву, а къ праву государственному и политической наукѣ. Съ точки зрѣнія послѣднихъ дисциплинъ Наказъ требуетъ особенно тщательнаго изслѣдованія. Между тѣмъ именно въ этомъ направленіи сдѣлано менѣе всего для его изученія. Правда, признаніе, что Наказъ далъ толчокъ къ научной разработкѣ русскаго государственнаго права, раздѣляется всѣми и, въ качествѣ школьной истины, входитъ во всѣ курсы и учебники. Установившееся въ этомъ отношеніи единодушное согласіе ученыхъ не подвергается ни сомнѣнію, ни дальнѣйшему, детальному изслѣдованію. Вслѣдствіе этого у насъ нѣтъ ни одной спеціальной работы, которая представляла бы изложеніе политической доктрины Наказа или, ближайшимъ образомъ опредѣляя предметъ,—той теоріи русскаго государственнаго строя, которую раз-

вила императрица Екатерина II въ своемъ Наказѣ. Болѣе или менѣе подробной разработки этого вопроса, повторяемъ, нѣтъ; на него даютъ лишь общій отвѣтъ: въ Наказѣ проведено начало законности управленія. Само собою понятно, что такой отвѣтъ вообще недостаточенъ и въ особенности недостаточенъ потому, что онъ не даетъ удовлетворительныхъ указаній на отношеніе политической доктрины Наказа къ ея источнику, т. е. къ *Духу законовъ*. Императрица Екатерина II сама созналась, что она „обобрала президента Монтескье", и на этомъ ея заявленіи ученые изслѣдователи успокоиваются. Тщательно отыскиваютъ въ *Духѣ законовъ* источникъ каждой отдѣльной статьи Наказа, но нисколько не заботятся объ опредѣленіи отношенія между этими двумя политико-теоретическими величинами, первоначальной и производной, въ ихъ цѣломъ. Посильное восполненіе указаннаго пробѣла въ изученіи Наказа и составляетъ задачу настоящей статьи.

I.

Теорія русскаго государственнаго строя, которую развила императрица Екатерина II, не исчерпывается двумя первыми главами Наказа, и вообще она не изложена компактно въ какомъ-либо одномъ мѣстѣ послѣдняго. Составныя части ея и отдѣльные штрихи разбросаны въ разныхъ мѣстахъ и въ отрывочныхъ статьяхъ Наказа. Поэтому прежде всего необходимо собрать всѣ разрозненныя опредѣленія и замѣчанія и привести ихъ къ систематическому единству.

„Государь есть самодержавный", гласитъ Наказъ (ст. 9) и этимъ не вполнѣ юридически опредѣленнымъ, но исторически сложившимся [1]) терминомъ „самодержавія" опредѣляетъ неограниченную монархическую форму правленія Россіи [2]). Послѣдняя обусловливается въ общемъ „естественнымъ положеніемъ" Русскаго государства (ст. 9—12; сравн. ст. 4) и для Россіи она, по мнѣнію императрицы, несомнѣнно „наилучше сходствуетъ съ намѣреніями, въ разумныхъ тваряхъ предполагае-

---

[1]) См. *В. И. Сергѣевичъ*, Русскія юридическія древности, томъ II, вып. II, 1896 г., стрн. 596—7 и 608—609.

[2]) Титулъ россійскаго самодержца привлекалъ въ XVIII вѣкѣ вниманіе нѣмецкихъ ученыхъ, которые путемъ историческихъ и филологическихъ толкованій объясняли сущность самодержавія въ смыслѣ неограниченной монархіи Запада. См. напр., *J. J. Moser*, Reflexiones über derer Russischen Monarchen Titul eines Autocratoris, въ его *Nebenstunden von Teutschen Staatssachen*, Frankfurt und Leipzig, 1757, Zweyter Theil, Anhang, S. 285—304.

мыми, и соотвѣтствуетъ концу, на который въ учрежденіи гражданскихъ обществъ взираютъ неотступно" (ст. 14). Мотивируя необходимость самодержавія каузально („естественнымъ положеніемъ" государства) и телеологически (соотвѣтствіемъ „концу, на который въ учрежденіи гражданскихъ обществъ взираютъ неотступно"), императрица Екатерина II не забываетъ въ тоже время традиціонной теократической основы государственнаго абсолютизма. Послѣдняя проглядываетъ въ молитвенномъ воззваніи, предпосланномъ тексту Наказа, и затѣмъ находитъ не допускающее сомнѣній, вполнѣ опредѣленное выраженіе въ дополнительной главѣ о „государственномъ строительствѣ", въ одномъ мѣстѣ которой (ст. 625) основаніемъ самодержавной власти признается „Богомъ данное званіе" (titre, qu'il tient de Dieu).

Цѣль („предлогъ") самодержавнаго правленія (l'objet de la souveraineté) заключается не въ томъ, „чтобъ у людей отнять естественную ихъ вольность", но въ томъ, „чтобы дѣйствія ихъ направити къ полученію самаго большаго ото всѣхъ добра" (ст. 13).

Приведенное опредѣленіе представляетъ собою не что иное, какъ строгую формулу теоріи т. н. просвѣщеннаго абсолютизма. Вѣяніе послѣдняго чувствуется уже въ одномъ признаніи законовъ „простымъ и правымъ разсужденіемъ отца, о чадахъ и домашнихъ своихъ пекущагося" (ст. 452). Если къ этому прибавимъ вмѣненіе правительству въ обязанность „дати всѣмъ гражданамъ надежное содержаніе, пищу, приличную одежду и родъ жизни, здравію человѣческому не вредящій" (ст. 346), и полную увѣренность, что „люди отъ онаго зависящіе всегда находятся въ глазахъ градскаго начальства; и мудрыя установленія о благочиніи препятствуютъ имъ впадать въ большія преступленія" (ст. 539), то для насъ станетъ понятнымъ самоувѣренное заявленіе ст. 520-й Наказа: „Боже сохрани! чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какій народъ больше справедливъ, и слѣдовательно больше процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ Нашихъ было бы неисполнено: нещастіе, до котораго Я дожить не желаю". Понятнымъ станетъ это заявленіе въ томъ смыслѣ, что у насъ не останется болѣе сомнѣнія относительно общаго характера политической доктрины его автора. Вполнѣ очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ доктриной просвѣщеннаго абсолютизма.

Передовыя преобразовательныя задачи послѣдняго ясно сознаются въ Наказѣ, который возлагаетъ на государственную власть обязанность воспитывать общество въ духѣ непрерывнаго прогресса. „Для введенія лучшихъ законовъ необходимо потребно умы людскіе къ тому приуготовить. Но чтобъ сіе не служило отговоркою, что не льзя

установить и самаго полезнѣйшаго дѣла. Ибо если умы къ тому еще не приуготовлены, такъ приймите на себя трудъ приуготовить оные" (ст. 58).

Просвѣщенный абсолютизмъ сочетался въ практикѣ XVIII столѣтія исключительно съ единоличнымъ правленіемъ, и послѣднее въ такомъ случаѣ (т. е. при наличности просвѣтительной политики) представлялось умамъ того времени не иначе, какъ монархическимъ, потому что одна уже наличность просвѣщенія у государя отличала его власть отъ власти деспота[1]). Это основное для „вѣка просвѣщенія" отличіе неудержимо влекло за собою и другія. Правленіе, ставившее себѣ просвѣтительныя задачи, очевидно, не могло оставаться безъ закона, безъ всякаго правила и увлекать все и всѣхъ однимъ лишь произволомъ и прихотью правителя. Просвѣщенный абсолютизмъ нельзя было не сочетать съ „прочными и установленными законами" [2]). Его нельзя было мыслить иначе, какъ въ формѣ правленія монархическаго и законнаго.

Начало законности полагается императрицей Екатериной II въ основу самодержавнаго государственнаго строя. Сущность законнаго монархическаго правленія основывается въ Наказѣ на самоограниченіи власти. Начало самоограниченія проводится не безусловно, но все же ему отведено мѣста столько же, сколько и проявленію неограниченной власти. „Есть случаи", говоритъ Наказъ: „гдѣ власть должна и можетъ дѣйствовать безо всякой опасности для государства въ полномъ своемъ теченіи. Но есть случаи и такіе, гдѣ она должна дѣйствовать предѣлами, себѣ еюжъ самою положенными" (ст. 512). Области примѣненія неограниченной и самоограниченной власти не разграничены въ Наказѣ разъ навсегда установленной гранью. Та или другая степень проявленія власти ставится въ зависимость отъ измѣнчивыхъ политическихъ коньюнктуръ и должна, повидимому, соразмѣряться съ требованіями того „самаго большаго ото всѣхъ добра", къ „полученію" котораго направляетъ дѣйствія людей самодержавное правленіе. „Самое вышнее искуство государственнаго управленія состоитъ въ томъ, что бы точно знать, какую часть власти, малую ли или великую употребить должно въ разныхъ обстоятельствахъ" (ст. 513). Отсюда слѣдуетъ, что самоограниченіе монархической власти вытекаетъ не изъ ненарушимости чьихъ-либо и какихъ-либо правъ, но изъ „вышняго

[1]) Toute la différence est que, dans la monarchie, le prince a des lumières, et que les ministres y sont infiniment plus habiles et plus rompus aux affaires que dans l'Etat despotique. *Montesquieu,* L'esprit des lois, I. III, c. 10, in fine.

[2]) Сравн. *Montesquieu,* l. II, c. 1, абз. I.

искусства государственнаго управленія“ съ просвѣтительными задачами послѣдняго. Такимъ образомъ, власть и въ той „части“, гдѣ она дѣйствуетъ „предѣлами себѣ еюжъ самою положенными“, не вступаетъ въ сферу принциповъ правового государства, но остается въ предѣлахъ просвѣщеннаго абсолютизма. Зато принципы послѣдняго проводятся со всею строгостью, такъ что узда просвѣщенія налагается и на ту „часть“ власти, гдѣ послѣдняя дѣйствуетъ „въ полномъ своемъ теченіи“ (dans toute son étendue). Такое именно значеніе имѣетъ ст. 511-я Наказа, которая гласитъ: „Самодержавство разрушается еще тогда, когда Государь думаетъ, что онъ больше свою власть покажетъ, ежели онъ перемѣнитъ порядокъ вещей, а не оному будетъ слѣдовать, и когда онъ больше прилѣпится къ мечтаніямъ своимъ, нежели ко своимъ благоизволеніямъ, отъ которыхъ проистекаютъ и проистекли законы“. Смыслъ этой статьи, при первомъ чтеніи недостаточно вразумительный, станетъ для насъ вполнѣ понятнымъ, если сопоставимъ ее не только съ прямымъ ея источникомъ (M. VIII, 6, 3), но и съ двумя другими мѣстами *Духа законовъ*, въ которыхъ говорится о различіи между монархіей и деспотіей по характеру власти (M. III, 10, in fine) и дается опредѣленіе деспотическаго правленія (M. II, 1, 1). Отличительной чертой характера монархической власти является „просвѣщеніе“ государя (que dans la monarchie le prince a des lumières), подъ чѣмъ, очевидно, слѣдуетъ разумѣть не случайную образованность той или другой вѣнценосной личности, но просвѣтительную задачу, присущую институту монархіи. Въ этой просвѣтительной задачѣ заключается сдержка личной дѣятельности государя-монарха; для государя-деспота такая сдержка не существуетъ, и въ деспотическомъ правленіи дѣйствуютъ „произволъ и прихоти“. Просвѣтительная задача не позволяетъ монарху увлекаться „мечтаніями“, несомнѣнно родственными деспотическимъ „прихотямъ“, и удерживаетъ его въ области „благоизволеній“, т. е. изъявленій руководимой разумомъ воли, не противящейся, но слѣдующей разумомъ же установляемому „порядку вещей“.

Первымъ моментомъ самоограниченія власти является самоустраненіе монарха отъ непосредственнаго управленія всѣми государственными дѣлами. Полнота самодержавія заключается въ томъ, что „государь есть источникъ всякія государственныя и гражданскія власти“ (ст. 19), и что изъ его благоизволеній проистекаютъ всѣ законы (ст. 511), а отнюдь не въ томъ, чтобъ онъ лично вѣдалъ всѣ дѣла управленія. „Что истребило владѣнія поколѣній Цина и Суи? говоритъ нѣкоторый Китайскій писатель; то, что сіи владѣтели, не довольствуясь

главнымъ надзираніемъ, однимъ только приличнымъ Государю, восхотѣли всѣмъ безпосредственно управлять и привлекли къ себѣ всѣ дѣла, долженствующія управляться установленіемъ разныхъ правительствъ" (ст. 510).

Итакъ, актомъ непосредственной дѣятельности государь только установляетъ законъ, какъ „простое и правое разсужденіе отца, о чадахъ и домашнихъ своихъ пекущагося" (см. ст. 452), а исполненіе этого закона предоставляется государемъ соотвѣтственно уполномоченнымъ и организованнымъ учрежденіямъ, надъ которыми государь имѣетъ „главное надзираніе". Такой порядокъ, проводимый въ управленіи, долженъ быть соблюдаемъ съ особенною тщательностью въ дѣлѣ суда. „Самодержецъ, представляющій и имѣющій во своихъ рукахъ всю власть, обороняющую все общество, можетъ одинъ издать общій о наказаніи законъ, которому всѣ члены общества подвержены; однако онъ долженъ воздержаться, чтобъ самому не судить: почему и надлежитъ ему имѣти другихъ особъ, которые бы судили по законамъ" (ст. 149). „Для сего Петръ Великій премудро учредилъ Сенатъ, коллегіи и нижнія правительства, которыя должны давать судъ именемъ Государя и по законамъ: для сего и переносъ дѣлъ къ самому Государю учиненъ толь труднымъ; законъ, который не долженъ быть никогда нарушенъ" (ст. 99). Передача дѣла исполненія законовъ особымъ учрежденіямъ мотивируется въ Наказѣ соображеніемъ политическаго характера. „Есть нѣкоторая удобность въ правленіи: лучше чтобъ Государь ободрялъ, а законы бы угрожали" (ст. 515). Если бы монархъ лично осуществлялъ всѣ законы, то ему пришлось бы непрестанно приводить въ исполненіе угрозы закона и этимъ возбуждать неудовольствіе лично противъ себя. Въ интересахъ авторитета и сохраненія престижа монархической власти, это въ высшей степени нежелательно. „И такъ надлежитъ быти правительствамъ" (ст. 100).

Самоустраненіе монарха отъ непосредственнаго личнаго управленія всѣми государственными дѣлами неизбѣжно ведетъ къ устраненію прямыхъ отношеній между государемъ и народомъ и къ образованію цѣлой лѣствицы учрежденій, становящихся между верховнымъ носителемъ власти и подданными, на которыхъ власть воздѣйствуетъ. „Законы, основаніе державы составляющіе, предполагаютъ малые протоки, сирѣчь правительства, чрезъ которые изливается власть Государева" (ст. 20). Эти неизбѣжныя „правительства" не нарушаютъ ни единства власти, такъ какъ „въ самой вещи Государь есть источникъ всякія государственныя и гражданскія власти" (ст. 19), ни единства правящей воли, такъ какъ „во всемъ, сколь ни пространно, государствѣ не

надлежитъ быть никакому мѣсту, которое бы отъ законовъ не зависѣло" (ст. 224). Тѣмъ не менѣе, „власти среднія, подчиненныя и зависящія отъ верьховной составляютъ существо правленія" (ст. 18). Отсюда слѣдуетъ, что самодержавный государственный строй характеризуется не только единоличностью верховной власти, но и тѣми „протоками, чрезъ которые изливается власть Государева". Наказъ признаетъ такими протоками „правительства", т. е. учрежденія бюрократическія [1]).

По отношенію къ бюрократическимъ „правительствамъ" самодержавный монархъ имѣетъ „главное надзираніе, одно только приличное Государю", непосредственными же своими „благоизволеніями" творитъ законы. Но и въ этой непосредственной своей дѣятельности монархъ не обходится безъ содѣйствія бюрократическихъ учрежденій. Содѣйствіе это отнюдь не является прямымъ соучастіемъ въ законодательной власти. Чтобы уяснить себѣ дѣйствительное значеніе этого содѣйствія, необходимо обратить вниманіе на слѣдующее.

Монархъ установляетъ законы своими личными „благоизволеніями". Какъ и всякій смертный, монархъ можетъ оказаться въ изъявленіяхъ своей воли не всегда послѣдовательнымъ; это можетъ вызвать противорѣчіе вновь издаваемыхъ имъ законовъ съ законами, существующими и новымъ закономъ не отмѣняемыми. Такое противорѣчіе можетъ вселить въ подданныхъ крайне нежелательную мысль, будто правотворящія „благоизволенія" монарха ничѣмъ не отличаются отъ его „мечтаній", или „прихотей". Отъ этого же, въ свою очередь, законность можетъ претерпѣть существенный подрывъ.

Чтобы избѣжать подобнаго печальнаго явленія, расшатывающаго принципъ законности, Наказъ установляетъ своеобразный институтъ охраны законовъ. „Надобно имѣть хранилище законовъ",—гласитъ ст. 22-я. Надобность эта не создаетъ, однако, учрежденія, которое становилось бы на ряду съ монархомъ. Императрица локализуетъ „хранилище законовъ" въ сферѣ подчиненной монарху бюрократіи. „Сіе хранилище", говоритъ Наказъ, „индѣ не можетъ быть ни гдѣ, какъ въ государственныхъ правительствахъ" (ст. 23).

Компетенція правительственныхъ учрежденій чужда самостоятельной власти и не идетъ далѣе права дѣлать монарху соотвѣтственныя

[1]) Терминъ „бюрократическій" употребляемъ въ настоящей статьѣ въ широкомъ смыслѣ управленія помощью профессіональныхъ чиновниковъ, а не въ тѣсномъ смыслѣ, противополагающемъ бюрократическое устройство правительственныхъ учрежденій коллегіальному.

всеподданѣйшія представленія. „Сіи правительства, принимая законы отъ Государя, разсматриваютъ оные прилѣжно и имѣютъ право представлять, когда въ нихъ сыщутъ, что они противны Уложенію..... что такій то Указъ противенъ Уложенію, что онъ вреденъ, теменъ, что нельзя по оному изполнить......, какимъ указамъ должно повиноваться, и какъ по онымъ надлежитъ чинить изполненіе“ (ст. 24 и 21). Такимъ образомъ, охрана законовъ сводится къ своего рода апелляціи a principe male informato ad principem melius informandum, при чемъ какъ „апелляція“, такъ и „информація“ предоставлены исключительно бюрократіи.

Конечная цѣль дѣятельности правительственныхъ учрежденій по охранѣ законовъ заключается въ томъ, „чтобы попеченіемъ ихъ (sc. правительственныхъ учрежденій) наблюдаема была воля Государева сходственно съ законами, во основаніе положенными, и съ государственнымъ установленіемъ“ (ст. 28). Послѣднее (по франц. constitution) не имѣетъ въ виду ограниченія абсолютной власти государя, но, напротивъ того, обезпеченіе ея въ качествѣ власти *монархической*. „Сіи наставленія возбранятъ народу презирать указы Государевы, не опасаяся за то никакого наказанія, но купно и охранятъ его (sc. Государя) [1]) отъ желаній самопроизвольныхъ и отъ непреклонныхъ прихотей“ (ст. 29), господство которыхъ, припомнимъ читателю, характеризуетъ не монархію, но деспотію. О ненарушеніи грани, отдѣляющей монархію отъ деспотіи, императрица Екатерина II заботится особенно ревниво. Поэтому, изложивъ порядокъ, ведущій къ отмѣнѣ противорѣчивыхъ, вредныхъ, темныхъ и неудобоисполнимыхъ указовъ, она многозначительно замѣчаетъ: „Сіи законы несомнѣнно суть дѣлающіе твердымъ и неподвижнымъ установленіе всякаго государства“ (ст. 21).

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что необходимость согласованія новыхъ законовъ со старыми, въ особенности же отдѣльныхъ указовъ съ цѣлымъ кодексомъ, а также необходимость устраненія вреда и темноты указовъ ведетъ къ самоограниченію монарха въ дѣлѣ законодательства. Такимъ образомъ послѣ отмѣченнаго выше самоустраненія монарха отъ непосредственнаго управленія мы встрѣчаемся теперь со вторымъ моментомъ общаго самоограниченія самодержавной власти, преслѣдующей просвѣтительныя задачи и опирающейся для этого на законность.

Въ разработкѣ технической стороны вопроса объ охранѣ законовъ Наказъ проявляетъ нѣкоторую непослѣдовательность. Сначала говорится о „хранилищѣ законовъ“, значитъ объ одномъ учрежденіи

---

[1]) Сравн. франц. текстъ статьи.

со спеціальной функціей. Въ этомъ смыслѣ Наказъ заявляетъ, что „въ Россіи Сенатъ есть хранилище законовъ“ (ст. 26). Но непосредственно за этимъ сказано: „Другія правительства долженствуютъ и могутъ представляти съ тою же силою Сенату и *самому Государю*“ (ст. 27; срвн. ст. 24 и 21), и Сенатъ лишается, такимъ образомъ, значенія единаго хранилища законовъ. Отмѣченное противорѣчіе въ технической сторонѣ не нарушаетъ, однако, самого принципа, на которомъ Наказъ настаиваетъ.

Всѣ правительственныя учрежденія должны быть, какъ отмѣчено уже, подзаконными. Вмѣстѣ съ тѣмъ они должны имѣть характеръ постоянный и неподвижный. Дѣйствіе монарха чрезъ органы временные и чрезвычайные осуждается точно такъ же, какъ непосредственное личное его управленіе всѣми дѣлами. Это положеніе высказывается въ Наказѣ спеціально въ примѣненіи къ суду. „Самая безполезная вещь Государямъ въ самодержавныхъ правленіяхъ есть наряжать иногда особливыхъ судей судить кого нибудь изъ подданныхъ своихъ. Надлежитъ быть весьма добродѣтельнымъ и справедливымъ таковымъ судьямъ, чтобъ они не думали, что они всегда оправдаться могутъ ихъ повелѣніями, скрытною какою то государственною пользою, выборомъ въ ихъ особѣ учиненнымъ, и собственнымъ ихъ страхомъ. Столь мало отъ таковыхъ судовъ происходитъ пользы, что не стоитъ сіе того труда, чтобы для того превращать порядокъ суда обыкновенный. Еще же можетъ сіе произвести злоупотребленія весьма вредныя для спокойства гражданъ. Примѣръ сему здѣсь предлагается. Въ Англіи при многихъ Короляхъ судили членовъ верьхней камеры чрезъ наряженныхъ изъ той же камеры судей; симъ способомъ предавали смерти всѣхъ, кого хотѣли изъ онаго вельможъ собранія“ (ст. 489—490).

Въ устройствѣ подчиненныхъ правительственныхъ учрежденій Наказъ проводитъ возможное разлученіе властей, именно—раздѣленіе органовъ полиціи и суда. „Гдѣ предѣлы власти полицейскія кончатся, тутъ начинается власть правосудія гражданскаго“ (ст. 562). „На примѣръ, полиція беретъ подъ стражу вора или преступника; она дѣлаетъ ему допросъ: однако произведеніе дѣла его препоручаетъ тому судебному мѣсту, къ которому его дѣло принадлежитъ“ (ст. 563). Раздѣленіе полиціи и суда получаетъ въ Наказѣ еще другую формулировку: „Въ судебныхъ мѣстахъ есть правило, чтобъ не судить ни о какихъ другихъ вещахъ, кромѣ представленныхъ въ оныя подлежащимъ порядкомъ къ суду. Напротивъ того полиція открываетъ преступленія, оставляя въ прочемъ судить дѣла другимъ правительствамъ, и отсылаетъ имъ оныя“ (ст. 565—566). Принципъ отдѣленія полиціи отъ суда

не выдержанъ въ Наказѣ вполнѣ. За полицейскими органами, пекущимися о сохраненіи благочинія въ обществѣ, Наказъ признаетъ въ концѣ-концовъ нѣкоторую карательную власть, хотя и ограниченную, но несомнѣнно узурпированную у суда. „Сему правленію не надлежитъ налагать на людей тяжкихъ наказаній; довольно для обузданія особъ, и содержанія въ порядкѣ дѣлъ оному порученныхъ, чтобъ онаго наказанія состояли въ исправленіяхъ, пеняхъ денежныхъ и другихъ наказаніяхъ, наносящихъ стыдъ и поношеніе на поступающихъ худо и безчинно и удерживающихъ въ почтеніи сію часть правительства и въ повиновеніи оному всѣхъ прочихъ согражданъ“ (ст. 564).

Дѣятельность всѣхъ подчиненныхъ „правительствъ“ должна отправляться неуклонно по законамъ. Особенно настаиваетъ на этомъ Наказъ въ отношеніи къ судамъ, каждый шагъ дѣятельности которыхъ ставится въ Наказѣ въ прямую зависимость отъ закона. „Власть судейская состоитъ въ одномъ исполненіи законовъ, и то для того, чтобы сомнѣнія не было о свободѣ и безопасности гражданъ“ (ст. 98). Этотъ общій принципъ получаетъ затѣмъ дальнѣйшее развитіе: „Доказательства должны быть опредѣлены закономъ, а не судьями, которыхъ приговоры всегда противоборствуютъ гражданской вольности, если они не выведены, на какій бы то ни было случай, изъ общаго правила, въ уложеніи находящагося“ (ст. 165). „Когда отвѣтчикъ осуждается, то не судіи налагаютъ на него наказаніе, но законъ“ (ст. 128). „Судьи и правительства, будучи сами частію только общества, не могутъ, по справедливости, ниже подъ видомъ общаго блага, на другаго какого нибудь члена общества наложити наказанія, законами точно не опредѣленнаго“ (ст. 148). „Приговоры должны быть, сколь возможно, ясны и тверды, даже до того, чтобъ они самыя точныя слова закона въ себѣ содержали. Еслижъ они будутъ заключати въ себѣ особенное мнѣніе судіи, то люди будутъ жить въ обществѣ, не зная точно взаимныхъ въ той державѣ другъ ко другу обязательствъ“ (ст. 129).

Настаивая на безусловномъ господствѣ закона въ судѣ, Наказъ держится нѣсколько иного мнѣнія относительно полиціи, полагая, что послѣдней „болѣе нужны уставы, нежели законы“ (ст. 538). Это частное противопоставленіе закона и устава приводитъ насъ къ тому общему дѣленію правотворящихъ актовъ власти, которое установлено въ Наказѣ. „Всѣ права“, гласитъ Наказъ, „должно раздѣлить на три части. Первой части будетъ заглавіе: *законы*. Вторая приймаетъ названіе: *учрежденія временныя*. Третьей дастся имя: *указы*. Подъ словомъ *законы* разумѣются всѣ тѣ установленія, которыя ни въ какое время не могутъ перемѣниться, и таковыхъ числу быть не можно великому.

Подъ названіемъ *временныя учрежденія* разумѣется тотъ порядокъ, которымъ всѣ дѣла должны отправляемы быть, и разные о томъ наказы и уставы. Имя *указы* заключаетъ въ себѣ все то, что для какихъ нибудь дѣлается приключеній, и что только есть случайное, или на чью особу относящееся, и можетъ со временемъ перемѣниться" (ст. 440—446) [1]. Политико-юридическое значеніе подобнаго раздѣленія могло бы заключаться въ предоставленіи указаннымъ видамъ правотворящихъ актовъ власти различной степени обязательнаго дѣйствія, именно: въ подчиненіи временныхъ учрежденій законамъ, а указовъ—еще и временнымъ учрежденіямъ. Но подобной дифференціаціи юридическаго дѣйствія законовъ, временныхъ учрежденій и указовъ, столь существенно важной для обезпеченія законности управленія, Наказъ не установляетъ [2]. Нѣтъ также никакого прямого основанія для сопоставленія только что приведеннаго дѣленія правотворящихъ актовъ съ институтомъ охраны законовъ, о которомъ мы говорили выше. Дѣло въ томъ, что установляемая въ Наказѣ охрана законовъ не ограничивается испытаніемъ одной лишь формальной легальности актовъ Высочайшей воли, но распространяетъ „прилежное разсмотрѣніе" и на ихъ цѣлесообразность: „хранилище законовъ" представляетъ государю не только о томъ, что новый указъ противорѣчитъ уложенію, но также и о томъ, что новый указъ вреденъ, теменъ или неудобоисполимъ. Принципъ дѣятельности хранилища законовъ, разъясненный нами выше, вытекаетъ изъ условій поддержанія престижа власти въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма, а отнюдь не изъ требованій правового государства, строго различающаго обязательность законовъ и административныхъ распоряженій. Не подходитъ подъ такія требованія и дѣленіе правотворящихъ актовъ на законы, временныя учрежденія и указы. Это дѣленіе имѣетъ въ виду не правомѣрность, но цѣлесообразность. Указанныя три „части правъ" (ст. 440) различаются не по силѣ ихъ юридическаго дѣйствія, но по большей или меньшей измѣнчивости тѣхъ отношеній, которыя онѣ регулируютъ. Обезпеченіе „собственнаго имѣнія и жизни каждаго гражданина" требуетъ, „чтобы въ правитель-

[1]) Статьи эти, замѣтимъ кстати, ни откуда не заимствованы и составлены самостоятельно.

[2]) „Въ XVIII ст. законы и Высочайшіе указы не различались, для законодательства не существовало никакой опредѣленной, отличительной формы", *Н. М. Коркуновъ*, Указъ и законъ, С.-П. Б., 1894 г., стрн. 309. Что же касается различія указовъ и уложенія, различія важнаго для института охраны законовъ (см. выше), то Н. М. Коркуновъ относитъ его къ „области смутныхъ предположеній", не переходившихъ въ дѣйствительную жизнь, *ibidem*, стрн. 310.

ствахъ такъ судили сего дни, какъ и вчера судили" (ст. 101), и дѣятельность суда, какъ наиболѣе неподвижнаго, такъ сказать, учрежденія, опредѣляется законами, т. е. такими актами власти, которымъ завѣдомо присвоивается особенно продолжительное дѣйствіе. Въ противоположность суду, охраняющему неизмѣнную по своему содержанію имущественную и личную безопасность гражданъ, дѣйствія полиціи „чинятся надъ вещьми, всякій день сызнова случающимися. И такъ великія наказанія тутъ не вмѣстны; и великіе примѣры не для сего правленія сдѣланы" (ст. 537). На этомъ основаніи признается, что полиціи болѣе нужны не законы, но уставы, т. е. акты, заранѣе названные временными. Эти временные уставы столь же безусловно обязательны, какъ и постоянные законы, и въ порядкѣ полиціи можетъ быть измѣнено то, что признается неподвижнымъ въ порядкѣ суда. Въ Наказѣ власть никогда не ограничиваетъ себя во имя чьихъ-либо и какихъ бы то ни было правъ, но всегда лишь во имя „самаго большаго ото всѣхъ добра". Заранѣе предваряя подданныхъ о томъ, что законы будутъ болѣе неподвижны, а уставы болѣе измѣнчивы, власть стремится не къ водворенію высшей правомѣрности, но къ тому, чтобы разсѣять возможное на сторонѣ подданныхъ предположеніе, будто ими правятъ не „благоизволенія", но „мечтанія" государя. Подданные впередъ знаютъ, что уставы временны, и потому они не будутъ удивляться частымъ перемѣнамъ въ направленіи полиціи, т. е., переводя терминологію XVIII вѣка на нашъ языкъ, въ порядкѣ управленія. „Государственная вольность въ гражданинѣ есть спокойство духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностію" (ст. 39). На этомъ основаніи гражданинъ, предупрежденный объ измѣнчивости внутренняго управленія, не утратитъ „мнѣнія" о наслажденіи безопасностью. Между тѣмъ для власти такая заранѣе выговоренная измѣнчивость въ высшей степени важна, такъ какъ предоставляетъ ей полную свободу дѣйствія въ духѣ „просвѣщеннаго абсолютизма" при видимомъ сохраненіи и „государственной вольности" и законности.

Наказъ, какъ мы только что видѣли, не проводитъ начала законности со всей послѣдовательностью. Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы Наказъ превращалъ „мнѣніе" гражданъ о томъ, „что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностію", въ одну лишь иллюзію. Относя къ вѣдѣнію полиціи „попеченіе" обо всемъ томъ, „что служитъ къ сохраненію благочинія въ обществѣ" (ст. 530), Наказъ, проникнутый духомъ просвѣщеннаго абсолютизма, очевидно, не допускаетъ мысли, чтобы этотъ государственный органъ, преиму-

щественно предназначенный просвѣтительной политикой XVIII вѣка къ насажденію „самаго большаго ото всѣхъ добра“, могъ нарушать своей дѣятельностью личную и имущественную „безопасность“ гражданъ. Такая возможность угрожала бы „государственной вольности“, если бы полиція вѣдала не одно лишь попеченіе о благочиніи въ обществѣ. Но разъ судъ отдѣленъ отъ полиціи, „уставы сея части суть со всѣмъ другаго рода отъ прочихъ гражданскихъ законовъ“ (ст. 531), и дѣятельность полиціи не требуетъ особой законной узды. Вся бдительность закона сосредоточивается на судѣ, такъ какъ отъ дѣятельности послѣдняго зависитъ, „чтобы сомнѣнія не было о свободѣ и безопасности гражданъ“ (ст. 98). И Наказъ тщательно оберегаетъ „государственную вольность“ отъ судебнаго произвола. Мы уже отмѣтили выше основныя положенія Наказа въ этомъ отношеніи. Теперь прибавимъ къ этому, что Наказъ, серіозно озабоченный борьбой съ судебнымъ произволомъ, обращаетъ особенное вниманіе на тѣ формы послѣдняго, которыя исторически принимали наиболѣе ужасающіе размѣры и больше всего угнетали „государственную вольность“. Такими формами несомнѣнно были: произвольное содержаніе подъ стражей и жестокія обвиненія въ оскорбленіи Величества. Съ этимъ зломъ Наказъ считаетъ необходимымъ особенно бороться. „Если властямъ“, гласитъ общее правило Наказа въ этомъ отношеніи, „долженствующимъ исполнять по законамъ дозволить право задержать гражданина, могущаго дать по себѣ поруки, то тамъ уже нѣтъ никакой вольности“ (ст. 135). Изъ этого общаго правила дѣлается исключеніе для лицъ, заподозрѣнныхъ въ преступленіяхъ, наказуемыхъ смертью, и для чрезвычайныхъ обстоятельствъ государственной смуты. „Развѣ когда его (гражданина) отдадутъ подъ стражу для того, чтобъ немедлѣнно отвѣчалъ въ доносѣ на него такой вины, которая по законамъ смертной подлежитъ казни. Въ семъ случаѣ онъ дѣйствительно воленъ; ибо ничему иному не подвергается, какъ власти закона ....Но ежели законодательная власть мнитъ себя быти въ опасности по нѣкоему тайному заговору противу государства или Государя, или по какому сношенію съ зарубежными недругами: то она можетъ на уреченное время дозволити власти по законамъ исполняющей подъ стражу брать подозрительныхъ гражданъ, которые не для инаго чего теряютъ свою свободу на время, какъ только чтобы сохранить оную невредиму на всегда“ (ст. 135—136). Наказъ не довольствуется однако установленіемъ основного принципа и указаніемъ общихъ изъ него изъятій. „Но всего лучше означить точно въ законахъ важныя случаи, въ которыхъ по гражданинѣ порукъ принять не льзя...... Чего ради законъ

долженъ точно опредѣлить тѣ знаки преступленія, по которымъ можно взять подъ стражу обвиняемаго" (ст. 137 и 163; см. ст. 159—174). Съ такою же, если еще не съ большею, бдительностью относится Наказъ къ законодательному опредѣленію преступленій въ оскорбленіи Величества. „Всѣ законы должны составлены быть изъ словъ ясныхъ и краткихъ, однако нѣтъ между ними никакихъ, которыхъ бы сочиненіе касалося больше до безопасности гражданъ, какъ законы принадлежащіе ко преступленію въ оскорбленіи Величества" (ст. 466), и 23 статьи (465—487) Наказа посвящены „изъясненію" этого преступленія.

Проводимая въ Наказѣ законность не вытекаетъ, какъ мы это уже указывали, изъ признанія субъективныхъ правъ гражданъ, въ качествѣ предѣловъ дѣятельности и воздѣйствія власти. Нѣтъ, она дается сверху, въ качествѣ объективнаго порядка управленія, рефлексомъ котораго является „государственная вольность" отдѣльныхъ гражданъ. Насажденіе законности является, такимъ образомъ, не чѣмъ инымъ, какъ одною изъ мѣръ просвѣтительной политики, борющейся съ безпорядками управленія, вытекающими изъ судебнаго и иного чиновнаго произвола. Однако, говоритъ Наказъ, „не довольно того, чтобъ узнать непорядки и выдумать способы для отвращенія ихъ; надлежитъ еще сверьхъ того не дремлющимъ окомъ смотрѣть, чтобы способы сіи были при встрѣчающихся случаяхъ самымъ дѣломъ исполняемы" (ст. 543). Наказъ заботится объ исполненіи законовъ „самымъ дѣломъ" и для обезпеченія этого проектируетъ въ различныхъ мѣстахъ рядъ соотвѣтственныхъ мѣръ и правилъ.

Прежде всего требуется для этого, чтобы смыслъ законовъ былъ общепонятенъ. „Законы дѣлаются для всѣхъ людей; всѣ люди должны по онымъ поступать; слѣдовательно надобно, чтобы всѣ люди оные и разумѣть могли" (ст. 458). Далѣе, необходимо, чтобы законъ былъ доступенъ населенію, „и уложеніе, всѣ законы въ себѣ содержащее, должно быти книгою весьма употребительною, и которую бы за малую цѣну достать можно было на подобіе букваря. Въ противномъ случаѣ когда гражданинъ не можетъ самъ собою узнати слѣдствій, сопряженныхъ съ собственными своими дѣлами и касающихся до его особы и вольности, то будетъ онъ зависѣть отъ нѣкотораго числа людей, взявшихъ къ себѣ во храненіе законы и толкующихъ оные. Преступленія не столь часты будутъ, чѣмъ большее число людей уложеніе читать и разумѣть станутъ. И для того предписать надлежитъ, чтобы во всѣхъ школахъ учили дѣтей грамотѣ поперемѣнно изъ церьковныхъ книгъ и изъ тѣхъ книгъ, кои законодательство содержатъ" (ст. 158).

Въ видахъ неукоснительнаго исполненія законовъ, Наказъ лишаетъ суды права толковать законы и примѣнять по общему ихъ разуму. „Всякій человѣкъ имѣетъ свой собственный ото всѣхъ отличный способъ смотрѣть на вещи, его мыслямъ представляющіяся", и потому, „если захотятъ слушаться не гласа непремѣняемаго законовъ неподвижныхъ, но обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій", то это учинитъ „судьбу гражданина премѣняемою переносомъ дѣла его изъ одного правительства во другое, и жизнь его и вольность на удачу зависящею отъ ложнаго какого разсужденія или отъ дурнаго расположенія его судіи" (ст. 153). Во избѣжаніе такого шатанія законности и ущерба „государственной вольности", Наказъ обязываетъ судей къ „строгому и точныхъ словъ придерживающемуся изъясненію законовъ" (ст. 154). Отнимаемое у судей право толкованія законовъ предоставляется Наказомъ единственно самому законодателю. „Такъ кто же будетъ законный оныхъ толкователь? Отвѣтствую на сіе: Самодержецъ, а не судья" (ст. 151). Въ самомъ изданіи закона законодателю „надлежитъ, гдѣ нужда потребуетъ, прибавить изъясненія или толкованія для судящихъ, чтобъ могли легко видѣть и понимать какъ силу, такъ и употребленіе закона. Воинскій уставъ наполненъ подобными примѣрами, которымъ удобно можно послѣдовать" (ст. 448). И при буквальномъ „изъясненіи" закона судьями могутъ возникать, признаетъ Наказъ, нѣкоторыя погрѣшности. „Сіи скоро преходящія погрѣшности обязуютъ законодавца сдѣлать иногда во словахъ закона, двоякому смыслу подверженныхъ, легкія и нужныя поправки" (ст. 154). Выраженное въ приведенныхъ мѣстахъ Наказа недовѣріе къ судьямъ находитъ себѣ объясненіе въ фактическихъ условіяхъ суда того времени [1]), а удержаніе за законодателемъ исключительнаго права толкованія вполнѣ соотвѣтствуетъ духу просвѣщеннаго абсолютизма, со-

[1]) „Кто знаетъ состояніе законодательства и уголовной юстиціи въ западной Европѣ, тотъ вполнѣ пойметъ всю справедливость нелюбви Беккаріи и за нимъ Екатерины II къ толкованію законовъ. Отрывочность и недостаточность законовъ повела къ тому, что судьи, пользуясь правомъ толкованія, присвоили себѣ власть приговаривать къ смертной казни даже, когда законъ не опредѣлялъ этого наказанія. Беккаріа въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что судьи присвоили себѣ право по своему произволу заключать въ тюрьму гражданъ, право лишать свободы своихъ враговъ подъ самыми ничтожными предлогами, и оставлять на свободѣ тѣхъ, которымъ они покровительствовали, несмотря на всѣ улики преступленія",—*А. Кистяковскій,* Изложеніе началъ уголовнаго права по Наказу императрицы Екатерины II, *Кіевск. Унив. Изв.,* 1864 г., № 10, стрн. 6—7.

гласно которому всѣ мѣропріятія идутъ сверху, а внизу требуется лишь исполненіе безъ разсужденій [1]).

Наконецъ, важнѣйшимъ обезпеченіемъ исполненія законовъ „самымъ дѣломъ“ признается въ Наказѣ гласность, если не въ формѣ открытыхъ и доступныхъ для всѣхъ засѣданій суда, то, несомнѣнно, въ видѣ публикаціи приговоровъ и производства по дѣламъ уже рѣшеннымъ. „Приговоры судей“, гласитъ Наказъ, „должны быть народу вѣдомы, такъ какъ и доказательства преступленій, чтобы всякъ изъ гражданъ могъ сказати, что онъ живетъ подъ защитою законовъ: мысль, которая подаетъ гражданамъ ободреніе и которая больше всѣхъ угодна и выгодна самодержавному Правителю, на истинную свою пользу прямо взирающему“ (ст. 183).

До сихъ поръ мы отмѣчали предписанія Наказа, направленныя на обезпеченіе неукоснительнаго и точнаго исполненія законовъ всѣми подчиненными властями. Но, съ точки зрѣнія просвѣтительныхъ идей XVIII вѣка, истинная законность не удовлетворяется однимъ внѣшнимъ исполненіемъ закона, каково бы ни было его содержаніе, и предъявляетъ къ послѣднему извѣстныя требованія внутренней справедливости. „Два суть рода поврежденія“, говоритъ Наказъ: „первый, когда не наблюдаютъ законовъ; вторый, когда законы такъ худы, что они сами портятъ; и тогда зло есть неизлѣчимо по тому, что оно въ самомъ лѣкарствѣ зла находится“ (ст. 507).

Только внутренняя справедливость закона и обезпечиваетъ, собственно говоря, его исполненіе. „Для нерушимаго сохраненія законовъ надлежало бы, чтобъ они были такъ хороши и такъ наполнены всѣми способами къ достиженію самаго большаго для людей блага ведущими, чтобы всякъ несомнѣнно былъ увѣренъ, что онъ ради собственныя своея пользы стараться долженъ сохранить нерушимыми сіи законы. И сіе то есть самый высочайшій степень совершенства, котораго достигнути стараться должно“ (ст. 43—44). Стремясь къ достиженію такого совершенства, законодатель никогда не долженъ забывать, что законы должны быть установляемы не съ инымъ намѣреніемъ, „какъ только, чтобы сдѣлать самое большее спокойствіе и пользу людямъ, подъ сими законами живущимъ“ (ст. 42). Лежащая въ основѣ просвѣщеннаго абсолютизма правительственная забота о благостояніи

---

[1]) Такого исполненія требуютъ представители просвѣщеннаго абсолютизма не изъ деспотической „прихоти“, но по глубокому убѣжденію въ томъ, что „люди глупы и неблагодарны; они сами не понимаютъ, въ чемъ ихъ прямое добро состоитъ“. См. *П. Милюковъ*, Очерки по исторіи русской культуры, С.-ПБ., 1903, ч. III, стрн. 291.

духовномъ и матеріальномъ благосостояніи народа признается основнымъ критеріемъ для опредѣленія внутренней справедливости законовъ.

Съ началомъ внутренней справедливости соразмѣряется районъ тѣхъ жизненныхъ отношеній, которыя должны подлежать законодательной регламентаціи. Районъ этотъ не опредѣляется путемъ положительнаго перечисленія; это было бы крайне затруднительно въ виду того, что сфера властнаго воздѣйствія на жизнь при просвѣщенномъ абсолютизмѣ крайне обширна: она охватываетъ, очевидно, всѣ тѣ отношенія, которыя должно и можно „направити къ полученію самаго большаго ото всѣхъ добра". Но зато тѣ немногія жизненныя отношенія, которыя для указанной цѣли индифферентны, не должны подлежать законодательной регламентаціи. Въ этомъ именно смыслѣ статья 461-ая Наказа гласитъ: „Законы, признавающіе необходимо нужными дѣйствія непричастныя ни добродѣтели, ни пороку, подвержены той непристойности, что они заставляютъ почитать напротивъ того дѣйствія необходимо нужныя за ненужныя" [1]). Исходя изъ такого общаго принципа, Наказъ обращаетъ особенное вниманіе на правильную постановку законодательнаго запрета. „Ничего не должно запрещать законами кромѣ того, что можетъ быти вредно или каждому особенно, или всему обществу. Всѣ дѣйствія, ничего такого въ себѣ не заключающія, ни мало не подлежатъ законамъ" (ст. 41—42). „Всегда, когда кто запрещаетъ то, что естественно дозволено или необходимо нужно, ничего другаго тѣмъ не сдѣлаетъ, какъ только безчестными людьми учинитъ совершающихъ оное" (ст. 344).

Указываются въ Наказѣ еще и другія требованія внутренней справедливости закона. Мы не ошибемся, если поставимъ среди нихъ на первое мѣсто равенство всѣхъ передъ закономъ. „Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, что бы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ" (ст. 34). Провозглашенное Наказомъ равенство не слѣдуетъ, конечно, понимать въ смыслѣ полной нивелировки закономъ общественныхъ различій и установленія т. н. государственно-гражданскаго порядка. Столь далеко „равенство" Наказа не простирается: оно не идетъ

[1]) Статья эта изложена какъ въ русскомъ, такъ и во французскомъ текстѣ Наказа крайне неуклюже и невразумительно. Смыслъ ея станетъ вполнѣ яснымъ, лишь когда обратимся къ прямому ея источнику. См. *Montesquieu*, L'esprit des lois, l. XXIV, c. XIV, абз. 6: „Les lois qui font regarder comme nécessaire ce qui est indifférent ont cet Inconvénient, qu'elles font considérer comme indifférent ce qui est nécessaire".

далѣе одинаковаго подчиненія всѣхъ гражданъ, особенно низшихъ состояній, закону и вытекающей изъ него защиты всѣхъ ихъ отъ чиновнаго произвола. „Сіе равенство“, поясняетъ Наказъ, „требуетъ хорошаго установленія, которое воспрещало бы богатымъ удручать меньшее ихъ стяжаніе имѣющихъ; и обращать себѣ въ собственную пользу чины и званія, порученныя имъ только, какъ правительствующимъ особамъ государства“ (ст. 35).

Несомнѣнно, что на счетъ требованій внутренней, или естественной, справедливости слѣдуетъ отнести предлагаемое Наказомъ самоограниченіе самодержавной власти, о которомъ мы говорили выше. Естественно-правовой принципъ внутренней справедливости законовъ получаетъ въ Наказѣ значеніе тѣхъ „начальныхъ основаній“ („принциповъ“ Монтескье) правленія, съ поврежденія которыхъ начинается почти всегда поврежденіе самаго правленія (ст. 502—519). Чтобы избѣжать такого поврежденія, въ монархіи слѣдуетъ не только соблюдать законы существующіе, но и слѣдить за тѣмъ, чтобы самые законы были внутренне справедливы; иначе монархія превратится въ деспотію. „Не надобно“, поучаетъ Наказъ, „смѣшивать великаго нарушенія законовъ съ простымъ нарушеніемъ установленнаго благочинія: сихъ вещей въ одномъ ряду ставить не должно“ (ст. 540), и непосредственно вслѣдъ говоритъ о пагубныхъ для государства послѣдствіяхъ нарушенія этого правила естественной справедливости: „Отсюду слѣдуетъ, на примѣръ, что поступокъ нѣкоего Султана, указавшаго посадить на колъ хлѣбника, пойманнаго въ обманѣ, есть поступокъ тиранна, не знающаго быть инако правосуднымъ, какъ переходя мѣру самаго правосудія“ (ст. 541).

II.

Изъ разрозненныхъ статей Наказа мы постарались составить довольно систематическую политическую доктрину. Почти всѣ составные элементы ея непосредственно заимствованы императрицей Екатериной II у западно-европейскихъ корифеевъ просвѣтительной политической мысли XVIII вѣка. Наглядную таблицу всѣхъ этихъ фрагментарныхъ заимствованій далъ въ послѣднее время Н. Д. Чечулинъ въ статьѣ: „Объ источникахъ Наказа“ [1]). Къ ранѣе признаннымъ источ-

[1]) См. Журн. Мин. Нар. Просв., 1902 г., Апрѣль, стрн. 306—317.

никамъ Наказа,—Монтескье и Беккаріи,—Н. Д. Чечулинъ прибавилъ еще французскаго экономиста Кенэ и, главное, нѣмецкихъ полицеистовъ,—Бильфельда и Юсти [1]). Послѣднее указаніе Н. Д. Чечулина особенно важно: вопросъ о вліяніи на Екатерину II нѣмецкой политической литературы заслуживаетъ отмѣннаго вниманія. Дѣло вотъ въ чемъ. Французская политическая литература XVIII вѣка, даже въ столь умѣренныхъ ея проявленіяхъ, какимъ былъ *Духъ законовъ* Монтескье, стремилась къ полному уничтоженію „стараго порядка", съ которымъ столь желанная всѣми свобода признавалась несовмѣстимой. Между тѣмъ въ нѣмецкой политической литературѣ, главнымъ образомъ среди полицеистовъ, такъ или иначе примыкавшихъ къ „философскому камерализму" [2]) Хр. Вольфа, свобода отступала на второстепенный планъ, а въ первую голову ставилось всестороннее благосостояніе народа, достижимое и при сохраненіи политическихъ основъ стараго порядка. Логически непослѣдовательное, но съ точки зрѣнія оппортунизма совмѣстимое сочетаніе французской свободы съ нѣмецкимъ благоденствіемъ и порядкомъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало тому направленію просвѣтительной политики, которое по обстоятельствамъ могла и въ сущности сама желала проводить императрица Екатерина II. Въ виду этого фактическое выясненіе вопроса о вліяніи на Екатерину II тѣхъ или иныхъ представителей и произведеній нѣмецкой политической литературы является въ высшей степени важнымъ. Къ сожалѣнію, для опредѣленія сношеній Екатерины II съ „ученой республикой" Германіи, насколько намъ извѣстно, ничего не сдѣлано. Между тѣмъ въ нѣмецкой литературѣ того времени имѣются указанія на то, что попытки сближенія Екатерины II съ академическимъ міромъ Германіи имѣли мѣсто. Такъ, извѣстный Іоаннъ-Стефанъ Пюттеръ разсказываетъ въ своей автобіографіи о томъ, что путемъ частной переписки велись въ 1766 году переговоры о вызовѣ въ Петербургъ геттингенскихъ профессоровъ-юристовъ для участія въ составленіи новаго уложенія [3]). Весьма важно было бы прослѣдить теченіе этихъ

---

[1]) См. l. c., стрн. 290—302.

[2]) Заимствуемъ выраженіе у *G. Marchet*, Studien über die Entwickelung der Verwaltungslehre in Deutschland, München, 1885, S. 226.

[3]) См. *Johann-Stephan Pütter*, Selbstbiographie, Göttingen, 1798, S. 487—489. Подлинный разсказъ Пюттера приводится in extenso въ *моемъ* Отчетѣ о заграничной командировкѣ, *Варшавск. Унив. Извѣстія*, 1902 г., кн. VIII, стрн. 9—10.—О приглашеніи геттингенскихъ профессоровъ упоминаетъ *P. G. Kirchhof* въ брошюрѣ: Die Glückseeligkeit des russischen Staats unter dem sanften Zepter Ihrer jetztregierenden Majestät Catharina der Zweyten. Kiel, 1771. Намекъ на это же приглашеніе и неудачный ис-

переговоровъ (не увѣнчавшихся успѣхомъ) по русскимъ архивнымъ источникамъ, а также выяснить надлежащимъ образомъ весь вопросъ о научныхъ связяхъ и сношеніяхъ императрицы Екатерины II съ Германіей. Обнаруженіе Н. Д. Чечулинымъ источника нѣкоторыхъ статей Наказа въ произведеніяхъ Бильфельда и Юсти во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ, что нѣмецкая политическая литература не была оставлена императрицей Екатериной II безъ вниманія.

Отлагая пока нѣмецкія вліянія въ сторону, мы должны считаться съ тѣмъ фактомъ, что главнымъ источникомъ политической доктрины Наказа является *Духъ законовъ*. Вопросъ о самостоятельности политическихъ идей Наказа сводится такимъ образомъ къ вопросу о томъ, въ какой степени и въ какомъ смыслѣ императрица Екатерина II „обобрала президента Монтескье“.

По этому вопросу высказываются въ нашей литературѣ два противоположныя мнѣнія: одно изъ нихъ видитъ въ Наказѣ рабское заимствованіе у Монтескье, другое признаетъ болѣе или менѣе свободное пользованіе *Духомъ законовъ*, какъ источникомъ Наказа. Первое изъ приведенныхъ мнѣній является наиболѣе распространеннымъ, почти общепринятымъ; второе высказано было изслѣдователемъ литературной дѣятельности Екатерины II П. К. Щебальскимъ и стоитъ довольно одиноко, будучи раздѣляемо весьма немногими учеными и то лишь отчасти [1]). Намъ необходимо разобраться въ этихъ двухъ мнѣніяхъ. Начнемъ со второго изъ нихъ, какъ съ болѣе смѣлаго.

„Подобно весьма многимъ своимъ современникамъ, Екатерина,— говоритъ П. К. Щебальскій,— подчинилась вліянію Монтескье, и въ Наказѣ мы встрѣчаемъ тому доказательство на каждомъ шагу; цѣлыя главы этого сочиненія заимствованы изъ *Духа законовъ*, многіе пункты буквально переведены оттуда,—словомъ основа Наказа почерпнута главнымъ образомъ у Монтескье: это не подлежитъ сомнѣнію. Но, съ другой стороны, слѣдуетъ замѣтить, что заимствованія Екатерины сдѣланы съ выборомъ, и что выборъ этотъ основанъ на соображеніяхъ самостоятельныхъ“ [2]). Приведенныя слова П. К. Щебальскаго

ходъ его сдѣланъ въ Feierliche Rede am Catharinen-Tage gehalten von *J. Nottbeck* aus Reval, Jena, s. a. См. объ этихъ двухъ изданіяхъ у *В. А. Бильбасова*, Исторія Екатерины Второй, томъ XII, часть 1-ая, № 172, стрн. 130—131, и т. XII, часть 2-ая, № 1281, стрн. 529.

[1]) См., напр., *В. Н. Латкинъ*, Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи, С.-П.Б., 1899 г., стрн. 65—66.

[2]) *П. К. Щебальскій*, Екатерина II какъ писательница, *Заря*, 1869 г., Мартъ, стрн. 117.

имѣли бы весьма важное значеніе, если бы въ подкрѣпленіе ихъ авторъ сдѣлалъ обстоятельный разборъ тѣхъ самостоятельныхъ соображеній, которыми руководилась императрица Екатерина II въ „обираніи“ Монтескье. Но, къ сожалѣнію, П. К. Щебальскій не сдѣлалъ этого. Онъ ограничился лишь тѣмъ, что отмѣтилъ „нѣкоторыя несовершенства“ Монтескье и указалъ, что Екатерина въ Наказѣ избѣжала ихъ. „Нѣкоторыя несовершенства“ П. К. Щебальскій видитъ въ ученіи Монтескье о принципахъ правленія [1]) и Екатеринѣ II вмѣняетъ, повидимому, въ заслугу то, что она не признала въ Наказѣ „честолюбія“ принципомъ самодержавной монархіи. „Обращая вниманіе читателя,—говоритъ затѣмъ П. К. Щебальскій,—на несовершенства Монтескье, я хотѣлъ показать, что неестественно было Екатеринѣ подчиняться безусловно его авторитету. Можно сказать, что она прониклась духомъ его сочиненія, но утверждать, какъ дѣлаютъ иные, будто Наказъ есть ничто иное, какъ перифраза *Духа законовъ*, значитъ признаваться въ весьма поверхностномъ знакомствѣ съ обоими этими сочиненіями“ [2]). Въ этихъ словахъ повторяется уже раньше высказанная мысль о самостоятельномъ выборѣ изъ Монтескье. П. К. Щебальскій идетъ затѣмъ еще дальше и нѣкоторые отдѣлы Наказа признаетъ совершенно самостоятельными и независимыми отъ политическихъ идей *Духа законовъ*. Таковы XI, XV и XVI главы Наказа, въ которыхъ, по мнѣнію П. К. Щебальскаго, по крайней мѣрѣ трудно найти слѣды заимствованія изъ *Духа законовъ*. „Предпослѣдняя изъ этихъ главъ,—говоритъ П. К. Щебальскій,—трактуетъ о дворянствѣ. Екатерина, признавая дворянство особымъ сословіемъ, съ особыми правами и обязанностями, не заключаетъ однакожъ его въ отдѣльный, отовсюду замкнутый кругъ и въ этомъ отношеніи вовсе не слѣдуетъ Монтескье, который, имѣя въ виду государства западной Европы и разсматривая дворянство съ исторической точки зрѣнія, называетъ это сословіе посредникомъ между государемъ и народомъ, считаетъ его однимъ изъ органовъ верховной власти, однимъ изъ звеньевъ административной іерархіи. Самостоятельность Екатерины обнаруживается и во многихъ другихъ мѣстахъ Наказа,—тамъ, напримѣръ, гдѣ она говоритъ о постановленіяхъ Петра Великаго и другихъ своихъ предшественниковъ, гдѣ рекомендуетъ языкъ Уложенія, какъ образецъ яснаго изложенія законовъ, гдѣ говоритъ о положеніи русскихъ крестьянъ и русскихъ помѣщичьихъ хозяйствъ, гдѣ дѣлаетъ весьма про-

[1]) l. c., стрн. 117—118.
[2]) l. c., стрн. 119.

зрачные намеки на мнѣнія многочисленныхъ критиковъ Наказа и проч." [1]).

Авторъ упомянутаго уже новѣйшаго изслѣдованія объ источникахъ Наказа, Н. Д. Чечулинъ ослабилъ силу доводовъ П. К. Щебальскаго тѣмъ, что свелъ почти все содержаніе XI-ой главы къ выпискамъ изъ Монтескье и нашелъ слѣды заимствованія изъ *Духа законовъ* въ главѣ XV-ой, двѣ начальныя статьи которой къ тому же приписалъ прямому вліянію произведенія нѣмецкаго полицеиста Юсти. Тщательно свѣривъ Наказъ съ *Духомъ законовъ*, Н. Д. Чечулинъ пришелъ къ убѣжденію, что „заимствованія, вообще говоря, точно и близко передаютъ духъ книги Монтескье, и что въ тѣхъ главахъ, которыя основаны на Монтескье, весь Наказъ есть, по преимуществу, повтореніе или изложеніе этой книги" [2]). Такимъ образомъ, Н. Д. Чечулинъ примкнулъ къ традиціонному взгляду на Наказъ и призналъ идущія въ разрѣзъ съ нимъ разсужденія П. К. Щебальскаго неубѣдительными. „Единственнымъ разногласіемъ съ Монтескье у императрицы Екатерины II,—говоритъ Н. Д. Чечулинъ,—является то, что она называетъ монархическимъ правленіемъ государственное устройство, которое, по классификаціи Монтескье, должно было быть отнесено къ числу деспотическихъ, и затѣмъ въ ст. 15—приписываетъ монархіи по ея собственному опредѣленію то, что, по ученію Монтескье, должно относиться къ монархіи въ смыслѣ государства, въ которомъ власть монарха точно ограничена законами. Но намъ кажется, что подобное уклоненіе отъ текста Наказа *(Духа законовъ?)* было слишкомъ естественно—даже необходимо—для императрицы Екатерины, чтобы видѣть въ этомъ существенное отличіе взглядовъ Екатерины" [3]).

Таковы два прямо противоположные взгляда по вопросу о самостоятельности политической доктрины Наказа. Для разрѣшенія существующей контроверзы необходимо, какъ это отмѣчено нами въ самомъ началѣ статьи, сопоставить Наказъ и *Духъ законовъ* не по мелкимъ частямъ и отрывочнымъ статьямъ, но въ болѣе крупномъ масштабѣ законченной политической доктрины. Къ этому мы и приступаемъ.

Политическая тема Наказа заключалась въ созданіи теоріи монархіи. Чтобы рѣшить, насколько Екатерина II въ разработкѣ этой

---

[1]) l. c., стрн. 119.

[2]) *Н. Д. Чечулинъ*, Объ источникахъ Наказа, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1902 г., Апрѣль, стрн. 289.

[3]) ibidem, стрн. 289 и 290.

темы является несамостоятельной или же самостоятельной по отношенію къ своему источнику, необходимо прежде всего показать, какъ изображаетъ монархію Монтескье. Основной отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ 4-ая глава II-ой книги *Духа законовъ*. Внимательное изученіе этой главы не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что Монтескье имѣетъ въ виду *сословно-монархическое* государство [1]), въ которомъ политическія привилегіи сословій являются именно тѣми установленными и неизмѣнными законами, посредствомъ которыхъ управляетъ монархъ. „Уничтожьте въ монархіи,—говоритъ Монтескье,—прерогативы господъ, духовенства, дворянства и городовъ, и вы скоро получите въ результатѣ государство народное или же деспотическое" [2]). Такимъ образомъ три сословія и, въ виду раздѣленія дворянства на аристократію (господъ) и среднее дворянство (просто дворянство), даже четыре сословныя группы составляютъ съ ихъ историческими прерогативами тѣ сдержки, помощью которыхъ монархъ удерживается въ предѣлахъ законности, и монархія оберегается отъ превращенія въ деспотію. Эти сословныя группы являются, несомнѣнно, тѣми посредствующими властями, наличность которыхъ образуетъ природу правленія монархическаго. Прерогативамъ господъ и городовъ Монтескье не придаетъ, повидимому, существеннаго значенія, такъ какъ не говоритъ о нихъ особо. Зато прерогативы дворянства и духовенства онъ считаетъ безусловно необходимыми. „Насколько власть духовенства пагубна въ республикѣ, настолько она умѣстна въ монархіяхъ и въ особенности въ тѣхъ, которыя склоняются къ деспотизму" [3]). Въ данномъ случаѣ имѣется въ виду именно прерогатива церкви, какъ политическаго учрежденія, а не одна лишь сила религіи, обуздывающая произволъ свѣтскаго владыки. Послѣдняя проявляетъ свое дѣйствіе даже въ деспотіи [4]). Для того, чтобы правленіе было монархическимъ, сила религіи признается недостаточной и требуется политическая сила церкви. „Я не питаю,—говоритъ Монтескье,—никакого пристрастія къ привилегіямъ духовенства, но мнѣ хотѣлось бы, чтобы его юрисдикція была разъ навсегда точно опредѣлена. Вопросъ не въ

[1]) Относительно термина см. *Fr. Tezner,* Technik und Geist des ständisch-monarchischen Staatsrechts, 1901, *въ* Staats—und socialwissenschaftliche Forschungen herausg. v. Gustav Schmoller, Band XXIX, Hft. 3.

[2]) Кн. II, гл. 4, абз. 3-ій. Переводъ привожу вездѣ по русскому изданію 1900 г. Л. Ф. Пантелѣева (подъ редакціей А. Г. Горнфельда, со вступительной статьей М. М. Ковалевскаго).

[3]) Кн. II, гл. 4, абз. 6.

[4]) Кн. III, гл. 10, абз. 6.

томъ, слѣдовало ли ее устанавливать, а въ томъ, установлена ли она; составляетъ ли она часть законовъ страны; связанную извѣстными отношеніями со всѣми прочими ея учрежденіями; должна ли существовать нѣкоторая взаимность въ положеніи двухъ властей, признаваемыхъ независимыми, и не все ли равно для всякаго добраго подданнаго защищать юстицію государя или тѣ границы, которыя она всегда предписывала себѣ" [1]). Не остается никакого сомнѣнія, что сохраненіе историческихъ прерогативъ духовенства признается Монтескье одною изъ основъ монархіи. Еще большее значеніе въ этомъ отношеніи придаетъ Монтескье дворянству, которое считаетъ „самой естественной" изъ посредствующихъ властей. На этомъ основаніи Монтескье выставляетъ свою классическую формулу: „point de monarque, point de noblesse; point de noblesse, point de monarque". Формулу эту понимаютъ нерѣдко въ томъ смыслѣ, будто дворянство составляетъ опору монархіи, и увеличеніе дворянскихъ привилегій обезпечиваетъ безпрепятственное усиленіе абсолютизма. Такое пониманіе—неправильно, т. е. оно не соотвѣтствуетъ основнымъ идеямъ ученія Монтескье о монархіи. Въ соотвѣтствіи съ послѣднимъ находится только прямо противоположный смыслъ формулы. Дворянство, согласно воззрѣніямъ Монтескье, является не опорой единоличной власти государя, но ея наиболѣе естественнымъ противовѣсомъ; только при наличности послѣдняго единоличная власть государя становится монархическою и не переходитъ въ деспотическую. Нѣтъ монарха, а есть деспотъ, тогда нѣтъ дворянства, но всѣ—рабы; съ другой стороны, если нѣтъ дворянства, то нѣтъ и монарха, а только деспотъ, власть котораго произвольна, потому что она не наталкивается на естественный противовѣсъ исторически сложившихся сословныхъ прерогативъ.

Посредствующими властями въ монархіи Монтескье являются сословія. Такъ какъ каждое изъ нихъ имѣетъ свои интересы и тянетъ такимъ образомъ въ свою сторону, то въ общемъ посредствующая власть сословій можетъ оказаться въ отношеніи къ цѣли монархическаго правленія [2]) силою центробѣжной. Чтобы предотвратить подобное явленіе, выступаетъ въ монархіи движущій принципъ ея—честь и питаемое имъ честолюбіе. „Честолюбіе,—говоритъ Монтескье,—вредное въ республикѣ, можетъ быть благотворно въ монархіи; оно одушевляетъ этотъ образъ правленія и притомъ имѣетъ то преимущество,

[1]) Кн. II, гл. 4, абз. 5.

[2]) Цѣль эта заключается въ славѣ государя и государства, см. М., кн. XI, гл. 5, абз. 1.

что неопасно для него, потому что можетъ быть постоянно обуздываемо. Все это напоминаетъ систему міра, гдѣ есть сила, постоянно удаляющая тѣла отъ центра, и сила тяжести, привлекающая ихъ къ нему. Честь приводитъ въ движеніе всѣ части политическаго тѣла; самымъ дѣйствіемъ своимъ она связываетъ ихъ, и каждый, думая преслѣдовать свои личные интересы, стремится къ общему благу" [1]. Монтескье никогда не забываетъ, что единоличная власть способна распространяться въ безпредѣльную ширь, подобно разливу моря, и что для удержанія ея въ предѣлахъ необходимо пользоваться и „малѣйшими преградами" [2]. Поэтому принципъ чести, долженствующій сдерживать центробѣжныя стремленія сословій, Монтескье обращаетъ въ то же время въ нѣкоторую преграду противъ напора сильнаго теченія единоличной власти [3]. „Честь подсказываетъ намъ, что государь никогда не долженъ требовать отъ насъ дѣйствія несогласнаго съ честью",—говоритъ Монтескье и поясняетъ свое мнѣніе примѣромъ изъ исторіи Франціи [4].

Такова картина монархическаго правленія у Монтескье. Сопоставляя ее съ изложенной нами выше теоріей самодержавія, развитой въ Наказѣ, нельзя не прійти къ убѣжденію, что между ними весьма мало общаго. Фактъ расхожденія Екатерины II съ Монтескье въ теоріи монархіи подмѣченъ изслѣдователями, но, къ сожалѣнію, этому факту придаютъ нерѣдко лишь поверхностное значеніе. Такъ, въ послѣднее время Н. Д. Чечулинъ (см. выше) признаетъ „единственнымъ разногласіемъ съ Монтескье императрицы Екатерины... то, что она называетъ монархическимъ правленіемъ государственное устройство, кото-

---

[1]) Кн. III, гл. 7, абз. 2—3.

[2]) См. кн. II, гл. 4, абз. 7.

[3]) Кн. III, гл. 10, абз. 7. Dans les Etats monarchiques et modérés la puissance est bornée par ce qui en est le ressort, je veux dire l'honneur, qui règne, comme un monarque, sur le prince et sur le peuple.

[4]) Кн. IV, гл. 2, абз. 19—20. Il n'ya rien dans la monarchie que les lois, la religion et l'honneur prescrivent tant que l'obéissance aux volontés du prince; mais cet honneur nous dicte que le prince ne doit jamais nous prescrire une action qui nous déshonore, parce qu'elle nous rendroit incapables de le servir. Crillon refusa d'assassiner le duc de Guise; mais il offrit à Henri III de se battre contre lui. Après la Saint-Barthélemi, Charles IX ayant écrit à tous les gouverneurs de faire massacrer les huguenots, le vicomte d'Orte, qui commandoit dans Baïonne, écrivait au roi: „Sire, je n'ai trouvé parmi les habitants et les gens de guerre que de bons citoyens, de braves soldats, et pas un bourreau: ainsi, eux et moi supplions votre majesté d'employer nos bras et nos vies à choses faisables". Ce grand et généreux courage regardoit une lâcheté comme une chose impossible.

рое, по классификаціи Монтескье, должно бы было быть отнесено къ числу деспотическихъ, и затѣмъ въ статьѣ 15—приписываетъ монархіи по ея собственному опредѣленію то, что, по ученію Монтескье, должно относиться къ монархіи въ смыслѣ государства, въ которомъ власть монарха точно ограничена законами." Съ подобнымъ мнѣніемъ никакъ нельзя согласиться. Правильно въ этомъ мнѣніи лишь замѣчаніе, что „монархія" Екатерины отлична отъ „монархіи" Монтескье. Но утвержденіе, будто „монархія" Екатерины не что иное, какъ замаскированная „деспотія" Монтескье, безусловно неправильно. Въ самодержавной монархіи Екатерины съ бюрократическими учрежденіями, въ качествѣ посредствующихъ властей, никоимъ образомъ нельзя усмотрѣть ни „деспотіи" съ великимъ визиремъ и прочими аттрибутами государственности Востока [1]), ни той вырождающейся въ деспотію монархіи, въ которой „государь, все относя единственно къ самому себѣ, сводитъ государство къ своей столицѣ, столицу—къ своему двору, а свой дворъ—къ своей особѣ" [2]). Ясно, что „монархія" Екатерины отличается отъ деспотіи восточнаго и западнаго образца по существу [3]), а не однимъ лишь названіемъ, взятымъ будто бы на прокатъ ради политическаго эуфонизма, если такъ можно выразиться. У Екатерины были положительныя основанія къ тому, чтобы назвать развиваемое въ Наказѣ самодержавное правленіе монархическимъ. Однимъ изъ этихъ основаній является мысль Монтескье о томъ, что наличность просвѣщенія у государя отличаетъ монархію отъ деспотіи [4]), другимъ—категорическое утвержденіе того же Монтескье, что одно лишь отдѣленіе судебной власти дѣлаетъ правленіе умѣреннымъ, что примѣнительно къ единоличной власти значитъ—монархическимъ [5]). Екатерина несомнѣнно руководилась просвѣтительными идеями вѣка и столь же несомнѣнно проводила начало отдѣленія судебной власти; слѣдовательно, она имѣла полное основаніе считать самодержавное правленіе Наказа монархическимъ, а не деспотическимъ. Поэтому и

---

[1]) Монтескье, кн. II, гл. 5.

[2]) Кн. VIII, гл. 6, абз. 4.

[3]) Правъ поэтому Сорель, когда говоритъ: „Montesquieu n'a fait qu'entrevoir, de très loin et confusément l'autocratie des tsars. Ce que la Russie montrait dejà et ce qu'elle a montré depuis, ébranle beaucoup de ses maximes et, en ruine quelques unes". *Albert Sorel,* Montesquieu, Paris, 1889, p. 100.

[4]) См. объ этомъ выше, стрн. 48, текстъ и прим. 1-ое.

[5]) Кн. XI, гл. 6, абз. 7: Dans la plupart des royaumes de l'Europe, le gouvernement est modéré, parce que le prince, qui a les deux premiers pouvoirs, laisse à ses sujets l'exercise du troisième.

въ ст. 15-ой Наказа, приписывая „самодержавному правленію“ общія цѣли монархіи, Екатерина II не впадала въ какую-либо передержку.

„Самодержавное правленіе“ Наказа есть монархія, но не сословная, а *бюрократическая,* если позволено такъ выразиться. Монтескье знаетъ только сословную монархію; если прерогативы сословій упразднить, то получится, по увѣренію Монтескье, государство народное или же своеобразная западная деспотія, въ которой государство сводится къ столицѣ, столица къ государеву двору, а государевъ дворъ—къ особѣ государя. Монтескье совершенно не знаетъ той формы монархіи, въ которой вмѣсто лишенныхъ политической прерогативы сословій являются бюрократическія учрежденія. Эту форму монархіи облекала въ стройную теорію въ XVIII вѣкѣ консервативная политическая мысль Германіи, гдѣ эта форма получила впослѣдствіи характерное названіе Beamtenstaat'а. Именно Beamtenstaat, котораго Монтескье не знаетъ или же который онъ умышленно игнорируетъ [1]), развиваетъ въ своемъ Наказѣ императрица Екатерина II, и въ этомъ ея сомостоятельность по отношенію къ „президенту Монтескье“, который стоялъ твердо на сословныхъ прерогативахъ и во имя послѣднихъ предлагалъ въ монархіи продажу должностей [2]), —принципъ, прямо враждебный бюрократическому строю.

Монархія Монтескье, какъ сказано, сословная. Не считая „господъ“ и городовъ, которымъ самъ Монтескье не придаетъ особеннаго значенія, необходимо имѣть въ виду прерогативы, т. е. политическія привилегіи, духовенства и дворянства, какъ необходимые элементы монархическаго правленія. Именно этихъ элементовъ не беретъ Екатерина II въ свое „самодержавное правленіе“. Что такъ поступаетъ она съ духовенствомъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Наказъ составлялся послѣ извѣстнаго дѣла съ Арсеніемъ Мацѣевичемъ и предназначался для комиссіи, въ которой духовенство не имѣло прямыхъ представителей. Вполнѣ понятно, что Наказъ вовсе не упоминаетъ о духовенствѣ и не допускаетъ никакой „взаимности въ положеніи двухъ властей, признаваемыхъ независимыми“ [3]). Можетъ возникнуть сомнѣніе относи-

---

[1]) Намекъ на бюрократическую монархію имѣется въ слѣдующихъ словахъ Монтескье: „Les tribunaux d'un grand Etat en Europe frappent sans cesse, depuis plusieurs siècles, sur la jurisdiction patrimoniale des seigneurs et sur l'ècclésiastique. Nous ne voulons pas censurer des magistrats si sages; mais nous laissons à décider jusqu' à quel point la constitution en peut être changée“ (кн. II, гл. 4, абз. 4).

[2]) См. *Montesquieu,* кн. V, гл. 19, абз. 12—14.

[3]) Монтескье, кн. II, гл. 4, абз. 5. Въ отношеніи къ духовенству императрица Екатерина II, рѣшительно отступая отъ воззрѣній Монтескье, приближается къ мнѣнію другого политическаго писателя, которымъ она также пользовалась при составле-

тельно дворянства: неужели Екатерина отрицаетъ за нимъ то значенiе, которое приписываетъ ему Монтескье? Обыкновенно думаютъ, что по дворянскому вопросу царитъ наиболѣе трогательное согласiе у императрицы съ „президентомъ Монтескье". Ближайшее изученiе Наказа показываетъ, что такое мнѣнiе невѣрно. Еще П. К. Щебальскiй замѣтилъ, что императрица Екатерина II расходится съ Монтескье по вопросу о дворянствѣ и въ составленiи XV-й главы Наказа является вполнѣ самостоятельной. Н. Д. Чечулинъ обнаружилъ въ XV-ой главѣ частичныя заимствованiя изъ Монтескье и на этомъ основанiи счелъ возможнымъ отрицать въ данномъ случаѣ какую бы то ни было самостоятельность императрицы. Такое заключенiе Н. Д. Чечулина нельзя не признать нѣсколько поспѣшнымъ въ виду того, что ему удалось найти у Монтескье источникъ всего только для двухъ статей (364 и 365) XV-ой главы, причемъ, какъ признаетъ самъ Н. Д. Чечулинъ, въ этихъ статьяхъ заимствована только общая мысль Монтескье. Сопоставимъ двѣ эти статьи съ ихъ источникомъ.

Духъ законовъ.	*Наказъ.*
Il n'ya rien dans la monarchie que les lois, la religion et l'honneur prescrivent tant que l'obéissance aux volontés du prince; mais cet honneur nous dicte que le prince ne doit jamais nous prescrire une action qui nous déshonore, parce qu'elle nous rendroit incapables de le servir. (IV, 2, 19).	La Vertu et l'honneur la (*sc.* la Noblesse) gouvernent, lui préscrivent l'amour de la Patrie, le Zèle pour le Service, l'obéissance et la fidélité envers le Souverain, et lui dictent sans cesse de ne jamais faire d'action deshonorante (ст. 364).
Il n'ya rien que l'honneur prescrive plus à la noblesse que de servir le prince à la guerre: en effet, c'est la profession distinguée, parce que ses hasards, ses succès et ses malheurs même conduisent	Il n'y guère de profession qui fournisse plus d'occasion pour acquérir de l'honneur, que le Service militaire: Défendre sa Patrie, en combattre les ennemis; voilà le pre-

нiи Наказа,—Бильфельда. Послѣднiй категорически заявляетъ: „Clergé doit être respecté; mais il doit être subordonné au Gouvernement" (*Bielfeld,* Institutions politiques, Paris, 1762, tome I, *см.* Table des matières *sub voce:* clergé), и безусловно осуждаетъ всякiй status in statu: „Une pareille indulgence ne sauroit manquer d'avoir des suites les plus funestes" (ibidem, t. I, гл. III, § 23, стрн. 61).

à la grandeur. Mais, en imposant cette loi, l'honneur veut en être l'arbitre; et s'il se trouve choqué, il exige ou permet qu'on se retire chez soi (IV, 2, 21).

mier droit de la Noblesse, et la profession qui lui convient (ст. 365).

Изъ приведеннаго сопоставленія видно, что императрица Екатерина II не заимствуетъ, но искажаетъ общую мысль Монтескье. Монтескье говоритъ объ установленіи предѣловъ повиновенія монарху, сообразныхъ законамъ чести; Екатерина II видитъ въ чести воспитательный принципъ для самихъ дворянъ, не допуская мысли о томъ, что монархъ можетъ потребовать отъ нихъ поступка безчестнаго, и не повторяя поучительнаго въ этомъ отношеніи примѣра изъ исторіи Франціи, приведеннаго въ данномъ мѣстѣ у Монтескье [1]). Далѣе, Монтескье говоритъ, что дворянская честь предписываетъ служить монарху на войнѣ; Екатерина II указываетъ въ военной службѣ лучшій путь къ достиженію дворянской чести и, сообразно своей точкѣ зрѣнія, не допускаетъ возможности, чтобы на этомъ пути честь когда-либо почувствовала себя оскорбленной и дозволила воину вернуться домой.

Указанное искаженіе общей мысли Монтескье не случайно, но преднамѣренно. Оно вызвано вполнѣ сознательною мыслью о необходимости приспособить дворянство къ бюрократическому режиму. Въ этомъ направленіи составлены всѣ остальныя статьи XV-й главы, не имѣющія ничего общаго съ воззрѣніями Монтескье. Отдавъ дань „военному искусству“, какъ „самому древнѣйшему способу, *коимъ достигали до дворянскаго достоинства*“ (ст. 366), императрица Екатерина II тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ поучаетъ: „Однакожъ и правосудіе не меньше надобно во время мира, какъ и въ войнѣ; и государство разрушилось бы безъ онаго. А изъ того слѣдуетъ, что не только прилично дворянству, но и *пріобрѣтать сіе достоинство можно* и гражданскими добродѣтелями такъ, какъ и военными“ (ст. 367—368). Какъ далека отъ Монтескье мысль, ведущая къ отождествленію „гражданскихъ добродѣтелей“ съ явно подразумѣваемою въ цитированномъ мѣстѣ Наказа табелью о рангахъ! Императрица Екатерина II видитъ въ дворянствѣ не политическій элементъ монархическаго правленія, но лишь „нарицаніе въ чести“ (ст. 360), которымъ „принято издревле отличать *добродѣтельнѣйшихъ и болѣе другихъ служащихъ людей*“ (ст. 361), причемъ, какъ видно изъ приведенной выше ст. 368-й Наказа, *добродѣтель* и *служба* яв-

[1]) См. выше строн. 68, прим. 4-е.

ляются въ пониманіи императрицы Екатерины II синонимами. Историческую прерогативу сословій, которую Монтескье считалъ существенно необходимой для монархіи, замѣняютъ въ Наказѣ „чины и званія, порученныя имъ только, какъ правительствующимъ особамъ государства" (см. ст. 35). На этомъ основаніи императрица Екатерина II не вводитъ въ Наказъ формулы: „Point de monarque, point de noblesse; point de noblesse, point de monarque", и не дѣлаетъ „чести" принципомъ „самодержавнаго правленія".

Итакъ, мы видимъ, что въ основныхъ принципахъ политическая доктрина Наказа оказывается самостоятельной въ отношеніи къ *Духу законовъ*. Тѣмъ не менѣе мы не отрицаемъ, что императрица Екатерина II „обобрала президента Монтескье". Намъ остается поэтому еще разсмотрѣть тѣ своеобразные пріемы „обиранія", которые дали возможность автору Наказа сочетать принципіальную самостоятельность съ заимствованіемъ подробностей изложенія [1]).

III.

Пріемы „обиранія" Монтескье мы разсмотримъ въ порядкѣ той внутренней послѣдовательности, которую мы установили въ первой части статьи въ видахъ систематическаго изложенія политической доктрины Наказа.

Терминъ „самодержавный" не заимствованъ императрицей Екатериной II у Монтескье, но извлеченъ изъ русской исторіи, на которую она вообще старается опираться въ развитіи своихъ самостоятельныхъ воззрѣній.

Каузальная мотивировка необходимости самодержавія въ Россіи (ст. 9—12) заимствована у Монтескье, но съ существеннымъ измѣненіемъ мысли послѣдняго [2]). Монтескье полагаетъ, что монархическое правленіе свойственно государству съ территоріей средней величины, а обширнымъ имперіямъ свойственна власть деспотическая (кн. VIII, гл. 17 и 19). Между тѣмъ въ Наказѣ обширность территоріи выставляет-

---

[1]) Подъ такимъ угломъ зрѣнія у насъ не изучали еще „источниковъ" Наказа. Только въ самое послѣднее время П. Н. Милюковъ примѣняетъ подобную точку зрѣнія къ оцѣнкѣ заимствованій императрицы Екатерины II изъ книги Беккаріи. См. *Очерки по исторіи русской культуры*, часть III, 1903 г., стрн. 261—263.

[2]) Для детальныхъ справокъ отсылаемыхъ читателя къ цитированной выше таблицѣ Н. Д. Чечулина.

ся какъ естественная причина необходимости самодержавнаго правленія. Спрашивается, какое имѣла основаніе императрица Екатерина II къ отступленію отъ положенія Монтескье, который прямо говоритъ, что положительные законы вообще, въ томъ числѣ и законы о формѣ правленія, должны соотвѣтствовать величинѣ страны (кн. I, гл. 3, абз. 14). Отвѣчая на поставленный вопросъ, мы должны сказать, что основаніе для подобнаго отступленія даетъ самъ Монтескье. Дѣло въ томъ, что онъ самъ не признаетъ безусловной связанности законодателя естественнымъ положеніемъ [1]). Доказательство этому находимъ въ его ученіи о соотвѣтствіи законовъ климату страны. Власть климата Монтескье считаетъ первою, т. е. наиболѣе сильною изъ всѣхъ властей [2]). Казалось бы, что климатическія условія страны фатально предопредѣляютъ развитіе ея положительныхъ законовъ. Между тѣмъ Монтескье въ иныхъ случаяхъ думаетъ иначе. Тѣхъ законодателей, которые поощряютъ пороки, порожденные климатомъ, онъ считаетъ дурными законодателями и, наоборотъ, признаетъ хорошими тѣхъ законодателей, которые борются съ этими пороками [3]). Въ дальнѣйшемъ оказывается, что не только слѣдуетъ бороться съ „пороками климата", но „если физическая мощь нѣкоторыхъ климатовъ нарушаетъ и естественный законъ... и законъ разумнаго существа, то—дѣло законодателя дать намъ гражданскіе законы, которые противодѣйствовали бы природѣ климата, возстановляя силу первоначальныхъ законовъ" [4]). Разъ сильнѣйшая власть климата нейтрализуется положительными законами, то нѣтъ основанія отрицать возможность такого же законодательнаго воздѣйствія на „власть величины" страны. Вѣдь положительные законы должны не только соотвѣтствовать физическимъ свойствамъ страны, но и „состоять въ извѣстномъ отношеніи... къ цѣлямъ законодателя" [5]); цѣлью же императрицы Екатерины II было установленіе не деспотіи,

---

[1]) Мѣткія замѣчанія по этому поводу находимъ въ статьѣ *Е. В. Спекторскаго:* Къ вопросу о систематизаціи въ обществовѣдѣніи, *Варш. Унив. Извѣстія,* 1903 г., Май, стран. 22, подстрочн. прим. Этими замѣчаніями мы и пользуемся.

[2]) Кн. XIX, гл. 14, абз. 6: L'empire du climat est le premier de tous les empires.

[3]) Кн. XIV, гл. 5: Que les mauvais législateurs sont ceux qui ont favorisé les vices du climat, et les bons ceux qui s'y sont opposés.

[4]) Кн. XVI, гл. 12, абз. 4: Quand donc la puissance physique de certains climats viole la loi naturelle des deux sexes et celle des êtres intelligents, c'est au législateur à faire des lois civiles qui forcent la nature du climat et rétablissent les lois primitives.

[5]) Кн. I, гл. 3, абз. 14: elles (les lois politiques et civiles) ont des rapports....... avec l'objet du législateur.

но моанрхіи на прочныхъ основахъ бюрократическаго режима. Положительные законы, въ сущности говоря, всемогущи. Они могутъ, по признанію Монтескье, „обращать людей въ животныхъ и животныхъ въ людей“ [1]). Тѣмъ болѣе могутъ они, очевидно, удержать монархію отъ стихійно угрожающаго ей съ ростомъ территоріи деспотизма [2]). На этой точкѣ зрѣнія, для которой можно найти оправданіе у самого Монтескье, стояла императрица Екатерина II. Въ неразрывной связи съ этой точкой зрѣнія находится телеологическая мотивировка необходимости „самодержавнаго правленія“ (ст. 14 Наказа). „Намѣренія, въ разумныхъ тваряхъ предполагаемыя, и соотвѣтствіе концу, на который въ учрежденіи гражданскихъ обществъ взираютъ неотступно“, заставляютъ императрицу Екатерину II устранить „пороки величины страны“ [3]). Въ данномъ случаѣ императрица прямо слѣдуетъ совѣту Монтескье—противодѣйствовать физическимъ условіямъ страны, если они нарушаютъ законъ разумнаго существа [4]).

Теократическую основу власти (ст. 625) Екатерина приводитъ самостоятельно,—ея нѣтъ ни у Монтескье, ни у Бильфельда [5]). Признаніе „Богомъ даннаго званія“ расходится со свободомысліемъ XVIII вѣка и примыкаетъ къ традиціи московскаго „богословія“. Вводя въ Наказъ традиціонное теократическое обоснованіе власти, императрица Екатерина II не становилась вслѣдствіе этого въ коренное противорѣчіе съ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ, представительницей котораго она выступала. Дѣло въ томъ, что просвѣщенный абсолютизмъ находится въ генетической связи съ непосредственнымъ „божественнымъ

---

[1]) Кн. XII, гл. 27: Les moeurs du prince contribuent aut ant à la liberté que les lois: il peut, comme elles, faire des hommes des bêtes, et des bêtes faire des hommes.

[2]) См. у *Монтескье*, кн. VIII, гл. 17, абз. 6: Les fleuves courent se mêler dans la mer: les monarchies vont se perdre dans le despotisme.

[3]) Вводимъ выраженіе, аналогичное „les vices du climat“ Монтескье.

[4]) Кн. XVI, гл. 12, абз. 4 (см. кстати выше, предыд. стрн., прим. 4). Именно это мѣсто *Духа законовъ* мы и считаемъ идейнымъ, если можно такъ выразиться, источникомъ ст. 14-й Наказа. Рѣшительно не можемъ согласиться съ *Н. Д Чечулинымъ*, которой усматриваетъ источникъ 13-й и 14-й статей Наказа въ 6-й и 7-й главахъ III-й книги *Духа законовъ*. Послѣднія посвящены всецѣло ученію о „чести“, какъ принципѣ монархіи; между тѣмъ въ Наказѣ, какъ мы уже указали выше, „честь“ нигдѣ не признается принципомъ „самодержавнаго правленія“.

[5]) Н. Д. Чечулинъ указываетъ, что общая мысль ст. 625-й Наказа заимствована изъ соч. Бильфельда, Institutions politiques, т. I, гл. XII, § 2. Н. Д. Чечулинъ пользуется трехтомнымъ изданіемъ Бильфельда (въ Гаагѣ и Лейденѣ, 1760—1772 гг.). У меня въ рукахъ Парижское изданіе 1762 г. въ 4-хъ томахъ. Цитируемое Н. Д. Чечулинымъ мѣсто приходится по моему изданію такъ: т. II, гл. 2, § 2. Несомнѣнно,

правомъ" монарховъ. Когда власть церкви ставилась выше власти государства, монархи имѣли только посредственную, делегированную церковью „власть отъ Бога". Тогда попеченіе о духовномъ развитіи народа и въ значительной части о матеріальномъ его благосостояніи (народное призрѣніе, образованіе, отчасти здравіе и продовольствіе) находилось въ рукахъ церкви. Съ эманципацiей свѣтской власти отъ духовной, „божественное право" перешло непосредственно на монарховъ, и государство приняло на себя попеченіе о народномъ благостояніи какъ матеріальномъ, такъ и духовномъ. Эта связь теократической идеи и политики народнаго благосостоянія вполнѣ отчетливо сознавалась современниками и первыми теоретиками просвѣщеннаго абсолютизма. Такъ, нѣмецкій публицистъ XVII в. Зекендорфъ выводитъ все государственное попеченіе о народномъ благосостояніи изъ требованій и задачъ „христіанской полиціи" [1]). Въ дальнѣйшемъ развитіи религіозный источникъ просвѣщеннаго абсолютизма замѣнился раціоналистическимъ. Дѣятельность Екатерины II относится къ этой послѣдней стадіи. Императрица была поклонницей раціоналистическихъ идей своего вѣка, но по обстоятельствамъ мѣста она снисходила къ „расположенію народа" (см. ст. 5 Наказа) и выставляла религію опорой своей просвѣтительной политики. Такой смыслъ имѣютъ двѣ начальныя (1-я и 2-я) статьи Наказа: онѣ, несомненно, сродни „христіанской полиціи" нѣмецкихъ государствовѣдовъ XVII вѣка. Правда, статьи эти позаимствованы у Монтескье (кн. 24, гл. 1, абз. 5). Но какая разница въ принципіальной постановкѣ вопроса у Монтескье и у императрицы Екатерины II!

что раздѣленіе „богатствъ Государевыхъ" на „просто владѣльческія" и „богатства Самодержца" основывается на книгѣ Бильфельда, но не на одномъ лишь указанномъ Н. Д. Чечулинымъ мѣстѣ, а на соображеніи нѣсколькихъ мѣстъ, напр.,—т. II, гл. 2, § 5, § 7; т. I,гл . III, § 28. Что же касается „Богомъ даннаго званія", то о немъ нигдѣ не говоритъ Бильфельдъ. Мало того, его трезвое ученіе о способахъ достиженія суверенной власти (т. I, гл. 3, § 17) разрушаетъ всякія иллюзіи насчетъ „божественнаго права" монарховъ. Бильфельдъ упоминаетъ объ обязаностяхъ монарха по отношенію къ Верховному Существу (т. I, гл. 3, § 33), но хранитъ молчаніе о полномочіяхъ, получаемыхъ монархами свыше.

[1]) „In einer christlichen Polizey kan und muss die Obrigkeit hierinnen auch weiter gehen, und nicht allein die Ordnung auf die groben äusserlichen Misshandlungen, welche wieder die menschliche Gesellschaft, Einigkeit und Friede der Unterthanen gantz offenbarlich streiten, sondern auch etwas weiters, auf Pflanzung Ehre und Tugend in den Gemüthern und gemeinem Leben und Wandel richten...... Nechst der Seelen-Wohlfarth ist Nichts edlers einem jedwedern Menschen, als die Gesundheit und gute Leibes-Constitution",—*Veit Ludwig von Seckendorf,* Teutscher Fürstenstaat (1655 г.), по изд. Biechling'a 1720 года, стрн. 207 и 216.

Монтескье развиваетъ основы своего ученія отъ доводовъ свободнаго разума [1]), стоитъ на точкѣ зрѣнія человѣческаго мышленія [2]) и только въ 24-ой книгѣ своего трактата заговариваетъ о религіи въ видахъ сочетанія религіозныхъ интересовъ съ политическими [3]). Иначе поступаетъ Екатерина II: она говоритъ о законѣ христіанскомъ въ самомъ началѣ и старается вывести изъ него всѣ положенія, составлявшія достояніе раціоналистическаго просвѣщенія.

Слѣдуя такимъ образомъ „разположенію народа", она въ то же время обезоруживала духовную власть, принимая теократическую миссію на себя. Этимъ же достигалась еще и третья цѣль, именно: укрѣплялось сознаніе, что „самодержавное правленіе" Наказа — монархія, а не деспотія [4]).

Ученіе о цѣли („предлогѣ") „самодержавнаго правленія" (ст. 13) развито Екатериною самостоятельно [5]). Монтескье признаетъ какъ за историческими государствами, такъ и за отдѣльными формами правленія вообще только относительныя цѣли, которыя ограничиваются какой-либо одной стороной соціальной или индивидуальной жизни [6]). Императрица Екатерина II полагаетъ самодержавному правленію абсолютную цѣль, охватывающую всѣ стороны жизни,— „полученіе самаго большаго ото всѣхъ добра", нѣчто въ родѣ классическаго εὖ ζῆν. Въ этомъ отношеніи императрица Екатерина II явно приближается къ нѣмецкимъ теоретикамъ политики благосостоянія и водворенія всеобщаго счастья. Поучительные принципы этого рода императрица Екатерина II могла позаимствовать у Бильфельда [7]).

---

[1]) Напоминаемъ слова авторскаго предисловія къ *Духу законовъ:* „... Quand j'ai découvert mes principes, tout ce que je cherchois est venu à moi".

[2]) Comme dans cet ouvrage je ne suis point théologien, mais écrivain politique, il pourroit y avoir des choses qui ne seroient entièrement vraies que *dans une façon de penser humaine,* n'ayant point été considérées dans le rapport avec des vérités plus sublimes (кн. 24, гл. 1, абз. 3).

[3]) A l'egard de la vraie religion, il ne faudra que très-peu d'équité pour voir que je n'ai jamais prétendu faire céder ses intérêts aux intérêts politiques, mais les unir: or pour les unir, il faut les connaître (ibidem, абз. 4).

[4]) См. положеніе Монтескье: La religion chrétienne est éloignée du pur despotisme (кн. XXIV, гл. III, абз. 1).

[5]) См. выше, стрн. 75 прим. 4-е.

[6]) См. кн. XI, гл. 5.

[7]) См. *Institutions politiques,* tome I, гл. 3, § 3: „La Politique qui fait ici l'objet de nos recherches n'est autre chose que *la connoissance des moyens les plus propres pour rendre un Etat formidable et ses Citoyens heureux*"; ibidem, § 5: „Etat régulier n'est autre

Въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма императрица Екатерина II уподобляетъ власть законодателя, т. е. самодержца, отеческой со свойственнымъ послѣдней попеченіемъ о дѣтяхъ (ст. 452). Монтескье въ соотвѣтственномъ мѣстѣ (кн. XXIX, гл. 16, абз. 11) высказываетъ ту мысль, что законъ долженъ содержать въ себѣ „не искусство логики, но здравыя понятія отца семейства", т. е. быть доступнымъ пониманію заурядныхъ людей, тѣхъ boni patres familias, съ рачительностью которыхъ соразмѣряло свои различныя требованія еще римское право. Императрица Екатерина II измѣняетъ мысль Монтескье и надѣляетъ монарха аттрибутами отеческой власти, приписывая ему патріархальную опеку надъ подданными.

Столь же свободно и не менѣе тенденціозно пользуется Екатерина мыслями Монтескье въ 539 и 58 статьяхъ Наказа. Монтескье говоритъ, что въ случаѣ нарушенія благочинія виновата полиція (XXVI, 24, 2), очевидно, въ томъ, что не проявила достаточной дѣятельности по предупрежденію. Это умѣренное замѣчаніе превращается въ Наказѣ въ самоувѣренное и категорическое заявленіе о томъ, что „мудрыя установленія о благочиніи препятствуютъ впадать въ большія преступленія". Монтескье ведетъ рѣчь о томъ, сколь необходимо, чтобы умы были приготовлены къ воспріятію даже наилучшихъ законовъ (кн. XIX, гл. 2), но не разрѣшаетъ вопроса о томъ, должна ли власть брать на себя приготовленіе умовъ [1]). Екатерина прямо возлагаетъ на власть трудъ приготовленія умовъ. Въ этомъ отношеніи императрица приближается къ Бильфельду, который полагаетъ первой задачей политики культурную полировку управляемаго народа [2]). И эта полировка, требуемая Бильфельдомъ, не приспособляется, какъ воспитаніе у Монтескье, къ принципамъ различныхъ формъ правленія, но имѣетъ общечеловѣ-

---

chose que l'assemblage d'une multitude de Citoyens, qui habitent la même contrée, et qui réunissent leurs forces et leurs volontés, pour *se procurer tous les agréments, toute l'aisance, et toutes les sûretés possibles*".

[1]) Можно даже предполагать, что Монтескье относится къ подобной задачѣ государственной власти отрицательно или, по меньшей мѣрѣ, считаетъ нужнымъ поставить эту задачу въ извѣстные предѣлы. Можно предполагать это по тому, что непосредственно слѣдующая глава открывается такой мыслью: „Il ya deux sortes de tyrannie: une réelle, qui consiste dans là violence du gouvernement; et une d'opinion, qui se fait sentir lorsque ceux qui gouvernent établissent des choses qui choquent la manière de penser d'une nation" (кн. XIX, гл. III, абз. 1).

[2]) *Institutions politiques,* tome I, гл. III, § 36: Premier Objet, Il faut polir la Nation que l'on doit gouverner. Слѣдующая IV глава цѣликомъ посвящена ученію о пріемахъ этой полировки.

ческій характеръ. Интересно отмѣтить, что такими же общечеловѣческими чертами характеризуется основная программа воспитанія, данная въ XIV-ой главѣ Наказа. Такой характеръ былъ неизбѣженъ съ точки зрѣнія эвдемонистическаго принципа,—„полученія самаго большаго ото всѣхъ добра". Но этимъ отмѣняется выставляемая Монтескье необходимость развитія въ дворянствѣ путемъ воспитанія специфической „чести", какъ своего рода политической гарантіи противъ произвола единоличной власти.

Основныя положенія о самоограниченіи монархической власти (ст. 512, 513 и 511) заимствованы у Монтескье. Частный смыслъ этихъ статей переданъ точно, но общее ихъ значеніе иное въ *Духѣ законовъ*, чѣмъ въ Наказѣ. Происходитъ это отъ того, что Монтескье имѣетъ въ виду *сословную монархію*, въ которой предѣломъ власти государя являются прерогативы сословій, составляющія основной законъ [1]), а императрица Екатерина II развиваетъ *монархію бюрократическую*, основанную на одномъ лишь самоограниченіи, производимомъ по политическимъ соображеніямъ. Нельзя однако умолчать о томъ, что для замѣны юридическаго ограниченія власти политическимъ самоограниченіемъ Екатерина могла найти нѣкоторое основаніе у самого Монтескье, именно въ нѣкоторой сбивчивости его ученія о монархіи. Достаточно указать, что признаніе примѣненія той или другой степени власти простымъ пріемомъ правленія въ монархіи высказано Монтескье (кн. XII, гл. 25, абз. 2) и только повторено Екатериной, встрѣтившей подобную мысль, само собою разумѣется, сочувственно. Прибавимъ еще, что Монтескье не облекаетъ положенія сословій въ строго опредѣленную юридическую форму и въ одной и той же главѣ говоритъ о сословныхъ прерогативахъ и о „жалобѣ и мольбѣ", предъ которой смиряется гордость безграничной, повидимому, власти [2]). Такая сбивчивость Монтескье, быть можетъ вынужденная цензурными соображеніями и вытекающей изъ нихъ неизбѣжностью „эзоповскаго языка", была какъ нельзя болѣе наруку императрицѣ Екатеринѣ II, сумѣвшей воспользоваться ею для своихъ цѣлей.

---

[1]) Le gouvernement monarchique a un grand avantage sur le despotique. Comme il est de sa nature qu'il y ait sous le prince plusieurs ordres qui tiennent à la constitution, l' Etat est plus fixe, la constitution plus inébranlable, la personne de ceux qui gouvernent plus assurée (кн. V, гл. 11, абз. 1);..... les monarques qui vivent *sous les lois fondamentales* (ibidem, абз. 8).

[2]) Кн. II, гл. 4, абз. 7: Ainsi les monarques, dont le pouvoir paroît sans bornes, s'arrêtent par les plus petits obstacles, et soumettent leur fierté naturelle, à la plainte et à la prière.

Положеніе Наказа о томъ, что законы проистекаютъ изъ благоизволеній монарха, самостоятельно прибавлено императрицей къ тексту Монтескье [1]). Извѣстное основаніе для такого положенія императрица Екатерина II могла найти въ общемъ заявленіи Монтескье, что въ умѣренныхъ монархіяхъ государь сохраняетъ за собой законодательную и исполнительную власть и только судебную передаетъ своимъ подданнымъ [2]). Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что Монтескье нигдѣ прямо не признаетъ воли монарха источникомъ закона. Такое положеніе рѣшительно не гармонировало бы съ выставленной имъ сословной монархіей. Логическимъ завершеніемъ послѣдней несомнѣнно являются генеральные штаты съ ихъ участіемъ въ законодательствѣ. Объ этомъ участіи Монтескье опять-таки нигдѣ прямо не говоритъ, потому что въ его время генеральные штаты уже отсутствовали въ государственномъ строѣ Франціи. Зато послѣдствія униженія государственныхъ чиновъ изображены въ одномъ мѣстѣ *Духа законовъ* такими чертами [3]), что не можетъ оставаться никакого сомнѣнія въ томъ, что Монтескье не одобрялъ того порядка, при которомъ законы проистекаютъ изъ благоизволеній государя. Но, какъ мы уже указывали, по вопросу о монархіи Монтескье не договаривалъ своихъ мыслей до конца. Этой вынужденной сдержанностью мыслей президента Монтескье умѣла пользоваться императрица Екатерина II.

Принципіально важную замѣну сословной монархіи бюрократическою императрица Екатерина II производитъ путемъ незначущей на видъ вставки только одного слова. Этотъ пріемъ „обиранія президента

---

[1]) Монтескье говоритъ: „La monarchie se perd lorsqu'un prince croit qu'il montre plus sa puissance en changeant l'ordre des choses qu'en le suivant; lorsqu'il ôte les fonctions naturelles des uns pour les donner arbitrairement à d'autres; et lorsqu'il est plus amoureux de ses fantaisies que de ses volontés" (кн. VIII, гл. 6, абз. 3). Въ Наказѣ это мѣсто воспроизводится такъ: „La Monarchie se perd encore, lorsqu'un Prince croit qu'il montre plus sa puissance en changeant l'ordre des choses qu'en le suivant et lorsqu'il est plus amoureux de ses fantaisies que de ses volontés, *dont émanent et sont émanées les loix*" (ст. 511).

[2]) См. кн. XI, гл. 6, абз. 7.

[3]) Le cardinal de Richelieu, pensant peut être qu'il avait trop avili les ordres de l' Etat, a recours pour le soutenir aux vertus du prince et de ses ministres; et il exige d'eux tant de choses, qu'en vérité il n'ya qu'un ange qui puisse avoir tant d'attention, tant de lumières, tant de fermeté, tant de connoissances; et on peut à peine se flatter que d'ici à la dissolution des monarchies, il puisse y avoir un prince et des ministres pareils (кн. V, гл. 11, абз. 7).

Монтескье" настолько характеренъ, что считаемъ не лишнимъ привести соотвѣтствующія мѣста en regard [1]).

Духъ законовъ.

Ces lois fondamentales supposent nécessairement des canaux moyens par où coule la puissance (кн. II, гл. 4, абз. 1).

Наказъ.

Les lois fondamentales d'un Etat suppose nécessairement des canaux moïens, *c'est à dire des Tribunaux* (сирѣчь правительства), par aù se communique la puissance souveraine (ст. 20).

Итакъ, тамъ, гдѣ Монтескье намѣренъ говорить о сословіяхъ, Екатерина II подставляетъ бюрократію,—тѣ „правительства" (Tribunaux), которыя приводятся у Монтескье въ качествѣ естественныхъ враговъ *сословной* монархіи [2]). Искаженъ и передѣланъ по-своему императрицей Екатериной II и институтъ „охраны законовъ", заимствованный изъ *Духа законовъ*. Задачу „хранилища законовъ" Монтескье полагаетъ въ публикаціи законовъ и напоминаніи о законахъ, когда ихъ забываютъ (кн. II, гл. 4, абз. 10). Что это напоминаніе можетъ простираться далеко и касаться самого государя, объ этомъ можно судить по тому, какъ одобрительно относится Монтескье къ приводимому имъ протесту президента Белльевра противъ незаконнаго образа дѣйствій короля Людовика XIII [3]). Институтъ охраны законовъ по Наказу, изложенный нами выше, не простирается столь далеко.

Точно также расходится императрица Екатерина II съ Монтескье по вопросу о томъ, кому ввѣрить охрану законовъ. „Недостаточно", говоритъ Монтескье: „чтобы въ монархіи были посредствующія власти; она еще нуждается въ учрежденіи, охраняющемъ законы" (кн. II, гл. 4, абз. 10). Послѣднее должно быть, по мысли Монтескье, учрежденіемъ самостоятельнымъ, какъ по отношенію къ государю, такъ и по отно-

---

[1]) Это, какъ и сдѣланное выше сопоставленіе, не безполезно имѣть въ виду при оцѣнкѣ взгляда сторонниковъ рабской зависимости Наказа отъ *Духа законовъ*. Послѣдніе заходятъ иногда черезчуръ далеко. См., напр., отзывъ *Н. С. Тихонравова:* „Замѣчательно, что заимствованія были до того вѣрны подлиннику, что Бальтазаръ, переводчикъ Наказа на французскій языкъ, счелъ для себя удобнѣйшимъ выписать прямо изъ Монтескье тѣ мѣста, которыя у него заимствовала Екатерина". *Сочиненія*, томъ III, часть 2-я, Москва, 1898 г., стрн. 327.

[2]) См. Кн. II, гл. 4, абз. 4, и выше, стрн. 70, прим. 1-е.

[3]) См. Кн. VI, гл. 5, абз. 9.

шенію къ посредствующимъ властямъ. Въ прямую противоположность мысли Монтескье императрица Екатерина II заявляетъ: „сіе хранилище индѣ не можетъ быть нигдѣ, какъ въ государственныхъ правительствахъ“ (ст. 23), т. е. въ посредствующихъ властяхъ (см. ст. 21).

Въ дѣлѣ примѣненія къ монархіи начала раздѣленія властей императрица Екатерина II строго послѣдовала идеямъ Монтескье [1]). Послѣдній высказывается по данному вопросу въ двухъ мѣстахъ: въ одномъ (кн. XI, гл. 6, абз. 7) онъ говоритъ, что въ большинствѣ европейскихъ королевствъ установленъ умѣренный образъ правленія, потому что ихъ государи, обладая законодательной и исполнительной властями, предоставляютъ своимъ подданнымъ отправленіе власти судебной; въ другомъ мѣстѣ (кн. XI, гл. 7, абз. 2) Монтескье замѣчаетъ, что въ извѣстныхъ ему монархіяхъ три власти не распредѣлены и не соединены по образцу англійской конституціи; въ каждой монархіи есть свое особое распредѣленіе, которое болѣе или менѣе приближаетъ ее къ свободѣ, безъ чего монархія выродилась бы въ деспотизмъ. Въ Наказѣ и проводится свое особое распредѣленіе, выражающееся въ томъ, что отправленіе суда ввѣряется постояннымъ подзаконнымъ учрежденіямъ, и отъ суда отдѣляется полиція, надѣленная все же низшей карательной властью.

Включеніе въ понятіе законности принципа внутренней справедливости сдѣлано императрицей Екатериной II въ полномъ согласіи съ идеей Монтескье, который признаетъ естественное право необязательнымъ только для деспота [2]). Но естественное право является въ Наказѣ принципомъ для самоограниченія самодержавной власти. Поэтому оно принимается въ соображеніе только съ объективной стороны и отнюдь не выступаетъ въ Наказѣ въ субъективномъ своемъ значеніи,—въ видѣ какихъ-либо прирожденныхъ правъ подданныхъ [3]). При такой постановкѣ дѣла, требуемая Наказомъ внутренняя или естественная справедливость положительнаго закона остается принципомъ просвѣщеннаго абсолютизма и не имѣетъ значенія субъективной гарантіи правового государства.

---

[1]) Противоположное мнѣніе высказываетъ *В. Н. Латкинъ,* см. Учебникъ исторіи русскаго права періода Имперіи, С.-П.-Б., 1899 г., стрн. 65—66.

[2]) См. кн. III, гл. 10, абз. 6.

[3]) О значеніи естественнаго права, какъ предѣла государственной власти, въ объективномъ и субъективномъ смыслѣ, см. *O. Gierke,* Johannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien, Breslau, 1880, S. 272—274 и 297—304.

Резюмируя сдѣланный нами обзоръ Екатерининскихъ пріемовъ „обиранія", мы не можемъ не признать въ Наказѣ принципіальной самостоятельности его автора по отношенію къ „президенту Монтескье". Изъ богатой сокровищницы *Духа законовъ* императрица Екатерина II, не стѣсняясь, брала отдѣльныя жемчужины, но нанизывала ихъ на свою нить и вышивала ею свой собственный узоръ [1]. Узоръ этотъ является самостоятельнымъ только въ отношеніи къ Монтескье. Если же разсматривать политическую доктрину Наказа съ болѣе широкой точки зрѣнія, чѣмъ сравненіе ея съ идеями Монтескье, то нельзя не подмѣтить въ ея основѣ общей канвы бюрократической теоріи просвѣщеннаго абсолютизма, родиной которой была Германія и первоисточникомъ въ XVIII вѣкѣ—камералистическая философія Хр. Вольфа. Въ изготовленіи своеобразнаго сплава изъ либеральныхъ идей Монтескье и доктрины просвѣщеннаго абсолютизма императрица Екатерина II не была оригинальна: ее предупредилъ въ этомъ дѣлѣ политическій наставникъ прусскаго принца баронъ Бильфельдъ [2], книгу котораго императрица Екатерина II ставитъ въ Наказѣ рядомъ со своимъ „молитвеннникомъ" — *Духомъ законовъ* [3].

Изложеніемъ политической доктрины Наказа и опредѣленіемъ отношенія ея къ *Духу законовъ* мы по мѣрѣ силъ и умѣнія выполнили задачу, которую поставили себѣ для настоящей статьи. Теперь позволимъ себѣ прибавить къ основному изложенію нѣсколько заключительныхъ замѣчаній.

---

[1]) Въ этомъ отношеніи императрица Екатерина II поступала, какъ и другіе поклонники и послѣдователи Монтескье. „Son influence,—говоритъ о Монтескье Сорель,—est lointaine et indirecte: il n'agit que par les détails de son ouvrage, et des grandes lois qu'il trace, ses contemporains ne recueillent guère que des formules détachées". *Albert Sorel,* L'Europe et la Révolution française. Première partie: Les moeurs politiques et les traditions, 2-e éd., Paris, 1887, p. 100.

Образчикомъ свободнаго обращенія Екатерины II со своимъ „молитвенникомъ"—*Духомъ законовъ*, можетъ служить тотъ фактъ, что принципіально важная мысль Монтескье „объ идеяхъ единообразія" (кн. XXIX, гл. 18: Des idées d'uniformité) не была воспринята императрицей ни въ Наказѣ, ни въ фактическомъ направленіи ея внутренней политики.

[2]) „Bielfeld prend à Montesquieu toute l'essence de ses Institutions politiques; mais il la noie dans le droit naturel et tâche de concilier, par cette mixture, l'Esprit des lois avec le système de Wolf", *Albert Sorel,* Montesquieu, 2-e éd., Paris, 1889, p. 142.

[3]) Книга Бильфельда была переведена на русскій языкъ по выбору и указанію самой императрицы; см. объ этомъ у *Н. Д. Чечулина,* l. c., стрн. 294.

Наказъ развиваетъ теорію бюрократической монархіи. Спрашивается, насколько императрица Екатерина II слѣдовала въ этомъ отношеніи исторической традиціи Россіи или же вводила новшества? Подробный и обстоятельно аргументированный отвѣтъ на этотъ вопросъ представляется въ высшей степени труднымъ: исторія бюрократіи у насъ вовсе не разработана, даже не затронута и еще ждетъ спеціальныхъ изслѣдователей. Отвѣчая же общимъ образомъ на поставленный вопросъ, можемъ, кажется, безошибочно сказать, что бюрократическій порядокъ былъ у насъ при вступленіи императрицы Екатерины II на престолъ уже существующимъ фактомъ.

Главными отличительными чертами бюрократическаго строя являются: отмѣна непосредственнаго личнаго управленія государя, управленіе при посредствѣ профессіональнаго чиновничества и іерархическая лѣствица правительственныхъ инстанцій. Всѣ эти принципы легли въ основу того коренного преобразованія государственнаго управленія, которое произведено было Петромъ Великимъ [1]). Недаромъ на Петра I ссылается Екатерина въ своемъ Наказѣ (ст. 99). Не станемъ входить въ разсмотрѣніе всей правительственной системы великаго преобразователя Россіи. Укажемъ лишь на *Табель о рангахъ*, которая въ корнѣ подорвала принципъ сословно-государственнаго управленія и положила начало развитію профессіональнаго чиновничества.

Изданіемъ табели о рангахъ, учрежденіемъ сената, коллегій и „нижнихъ правительствъ“ (см. ст. 99 Наказа) установлялся у насъ бюрократическій [2]) режимъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что это было пока лишь фактическое установленіе, и при Петрѣ Великомъ бюрократическій строй не получилъ идейной, такъ сказать, основы и не былъ возведенъ на степень стройной раціоналистической теоріи. *Правда воли монаршей* опредѣляетъ доводами разума непосредственныя права мо-

---

[1]) Нельзя согласиться съ *П. Н. Милюковымъ*, когда онъ говоритъ о существованіи у насъ бюрократіи въ XVII вѣкѣ (см. *Очерки по исторіи русской культуры*, часть III, С.-П.Б., 1901—1903 г., стрн. 88). Врядъ ли можно признать бюрократическимъ тотъ строй, при которомъ возможны были случаи, когда всѣ правительственныя учрежденія упразднялись и царь рѣшалъ лично, въ качествѣ первой инстанціи, дѣло о какой-либо слѣпой ворожеѣ Ѳенькѣ. (см. *В. И. Сергѣевичъ*, Русскія юридическія древности, томъ II, вып. 2, С.-П.Б., 1896 г., стрн. 415—416). Да, и по П. Н. Милюкову „бюрократія“ XVII вѣка является, по меньшей мѣрѣ, неполной, потому что самъ П. Н. Милюковъ находитъ „первую попытку правильной бюрократической организаціи областного управленія“ только при Петрѣ Великомъ (см. *Очерки по исторіи русской культуры*, часть I, изд. 2-ое, стрн. 155).

[2]) Въ какомъ смыслѣ употребляемъ этотъ терминъ, см. выше, стр. 50, прим.

нарха и столь же непосредственное отношенiе его къ подданнымъ, но нигдѣ не упоминаетъ о бюрократическомъ „средостѣнiи". Послѣднее выдвигаетъ только Наказъ, который создаетъ стройную теорiю „посредствующихъ властей, сирѣчь правительствъ". Наказъ, признающiй, что „власти среднiя... составляютъ существо правленiя" (ст. 18), является своего рода конституцiонной хартiей, закрѣпляющей до него сложившееся уже положенiе бюрократiи и открывающей широкiй просторъ для дальнѣйшаго ея развитiя.

Разсмотрѣвъ политическую доктрину Наказа, мы хотѣли бы въ нѣсколькихъ словахъ поставить ее въ связь съ Комиссiей о сочиненiи проекта новаго уложенiя. Вопросъ о причинахъ неудачъ этой комиссiи тщательно и талантливо разработанъ въ нашей литературѣ. Мы не станемъ его пересматривать; позволимъ себѣ сдѣлать лишь одно замѣчанiе. Наказъ, данный въ руководство комиссiи выборныхъ представителей, развиваетъ теорiю такого государственнаго строя, въ которомъ для небюрократическаго учрежденiя не оказывается ни малѣйшаго мѣста [1]. Этотъ фактъ слѣдуетъ признать въ высшей степени знаменательнымъ. На основанiи его можно, думается намъ, заключить, что, если бы своевременное уясненiе неудачнаго исхода комиссiи и повело къ новымъ и болѣе удачнымъ опытамъ [2]), то врядъ ли послѣднiе получили бы особенно широкое развитiе; Наказъ не открывалъ простора для такого развитiя. При незыблемомъ сохраненiи основныхъ началъ Наказа и новыя комиссiи не могли бы выйти изъ рамокъ „индуктивнаго метода" [3]) просвѣтительной политики, задача котораго доставить власти точныя свѣдѣнiя о томъ, „съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно".

Прямой путь отъ политической доктрины Наказа велъ не къ законодательнымъ комиссiямъ съ представительнымъ составомъ, но

---

[1]) Несоотвѣтствiе между созывомъ комиссiи и основными правилами Наказа подмѣтилъ еще Дидро, конечно, съ своей точки зрѣнiя, и выразилъ это въ своихъ замѣчанiяхъ на Наказъ. См. *Maurice Tourneux,* Diderot et Catherine II, Paris, 1899, p. 564 et 573.

[2]) „Неудачный исходъ Екатерининской комиссiи можно было предвидѣть. Надо, только жалѣть, что истинныя причины его не были поняты своевременно. Это могло бы повести къ новымъ, болѣе удачнымъ опытамъ". *В. И. Сергѣевичъ*, Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссiи? *Вѣстникъ Европы,* 1878 г., томъ I, стр. 263.

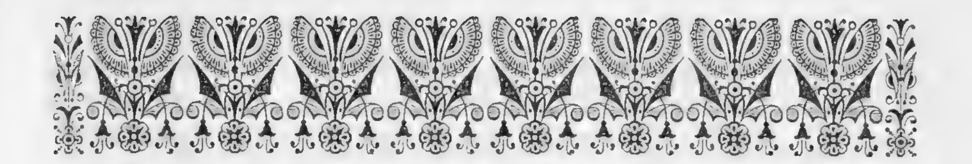
[3]) Заимствуемъ выраженiе у *А. Л. Блока,* Политическая литература въ Россiи и О Россiи, Варшава, 1884 г., стрн. 65.

къ бюрократическому *Учрежденію о губерніяхъ* [1]), оказавшемуся впослѣдствіи наиболѣе прочной изъ правительственныхъ реформъ императрицы Екатерины II.

Ѳ. Тарановскій.

Варшава.
28 Марта 1903 г.

[1]) Вслѣдъ за изданіемъ *Учрежденія о губерніяхъ* Екатерина II писала Гримму (29 Ноября 1775 г.): „Mes derniers réglements du 7 Novembre contiennent 250 pages, in quarto imprimées, mais je vous jure que c'est ce que j'ai jamais fait de mieux et que vis-à-vis de celà je ne regarde l'Instruction pour les lois dans ce moment—ci que comme un bavardage“ (*Сборникъ И. Р. И. О.,* томъ XXIII, стрн. 39). Такой отзывъ о Наказѣ слѣдуетъ отнести исключительно насчетъ „горячей головы“ императрицы, увлекавшейся всегда своимъ послѣднимъ дѣломъ.



Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ.

I.

Въ книгѣ о Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ намъ уже пришлось сдѣлать нѣсколько замѣчаній о Приказѣ Сыскныхъ Дѣлъ [1]). Критика, отмѣтивъ эти замѣчанія, указала, однако, на желательность дальнѣйшей спеціальной работы [2]). Охотно идемъ на встрѣчу этому указанію. Оно—заявимъ кстати—вполнѣ совпадаетъ съ нашими намѣреніями: не говоря о томъ, что всегда желательно обосновать предположенія и догадки, ранѣе высказанныя лишь вскользь, слѣдуетъ подчеркнуть, что Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ—весьма характерная иллюстрація къ вопросу объ одномъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ исторіи русской администраціи. Этотъ моментъ—появленіе у власти патріарха Филарета.

Крупная, давно привлекающая къ себѣ общее вниманіе, историческая фигура! Но странное дѣло: взглядъ на Филарета установился какъ бы разъ навсегда, и большинство проходитъ мимо, какъ около явленія совершенно изученнаго. Рѣдко кто углубляется въ детали. Къ сожалѣнію, и мы въ настоящемъ опытѣ располагаемъ только немногими деталями. Быть можетъ, однако, ознакомленіе съ ними принесетъ свою долю пользы.

Литература вопроса о Приказѣ Сыскныхъ Дѣлъ крайне ограничена. Въ сущности, она исчерпывается тѣмъ, что можно найти въ классическомъ трудѣ Неволина [3]). Остальные авторы, почему-либо касавшіеся вопроса, обыкновенно только повторяютъ Неволина. Два-три

---

[1]) Гурляндъ, „Приказъ великаго государя Тайныхъ Дѣлъ", Яр. 1902 г., стр. 95—101.

[2]) Платоновъ, „Статьи по русской исторіи", СПБ. 1903 г., стр. 258.

[3]) Неволинъ, „Управленіе въ Россіи", Жур. Мин. Нар. Просв., т. XLI, 1844 г., стр. 98—99.

замѣчанія можно еще найти у г. Барсукова [4]). Въ свое время высказалъ нѣсколько предположеній, къ сожалѣнію вполнѣ произвольныхъ, г. Мейчикъ [5]). Даже въ курсахъ исторіи русскаго права, въ главѣ о приказахъ, Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ почти никогда не упоминается.

Олеарій называетъ Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ приказомъ, вѣдомству и рѣшенію котораго подлежали всѣ необычайныя, новыя еще дѣла [6]). Котошихинъ о Приказѣ Сыскныхъ Дѣлъ не упоминаетъ вовсе. Въ другихъ источникахъ этого рода, насколько намъ таковые извѣстны, также нѣтъ никакихъ свѣдѣній объ этомъ учрежденіи.

Остается актовая литература. Упоминанія о Приказѣ Сыскныхъ Дѣлъ не часты въ ней, но все-таки встрѣчаются. Мы находимъ ихъ почти во всѣхъ изданіяхъ Археографической Комиссіи, а также въ Дворцовыхъ Разрядахъ, въ Актахъ Московскаго Государства, въ цѣломъ рядѣ частныхъ изданій актовъ. Но на этомъ матеріалѣ нельзя было основываться. Выбравъ и систематизировавъ его, мы лишь подошли къ цѣлой сѣти новыхъ вопросовъ; на нихъ каждый изъ этихъ документовъ давалъ свой отвѣтъ, вѣрнѣе—не давалъ никакого.

Опредѣлилась, такимъ образомъ, прямая необходимость привлечь къ изслѣдованію новый матеріалъ. Но гдѣ искать его? Почему въ одномъ архивѣ, а не въ другомъ? При началѣ предпринятыхъ розысковъ въ нашемъ распоряженіи были лишь немногія данныя: мы знали, что въ Архивѣ Оруж. Палаты хранится книга „записная приговорамъ" начальника Приказа Сыскныхъ Дѣлъ боярина Михаила Борисовича Шеина, отъ 1620 г. [7]); кромѣ того, мы могли, слѣдуя печатнымъ описямъ Архива Министерства Юстиціи, отыскать въ этомъ архивѣ отвѣтъ Разряда на запросъ Казанскаго Дворца о дѣлахъ Приказа Сыскныхъ Дѣлъ. Казанскій Дворецъ въ 1685 г., нуждаясь въ какихъ-то справкахъ, запросилъ Разрядъ: гдѣ находятся дѣла Приказа Сыскныхъ Дѣлъ отъ 1642 г.? Разрядъ отвѣтилъ слѣд.: „въ Розряде въ записной книге всякихъ дѣлъ 150 году того Сыскного Приказу о делѣхъ записки не объявилось, и ныне тѣ дѣла въ которомъ приказе, того

---

[4]) Барсуковъ, „Родъ Шереметевыхъ", т. III. стр. 122, 208—209.

[5]) Мейчикъ, „Дополнительныя данныя къ исторіи Уложенія", Сборн. Археол. Инст., кн. 3, СПБ. 1880 г., стр. 121—122.

[6]) Олеарій, пер. Барсова, М., 1870 г., стр. 295.

[7]) Указана впервые г. Мейчикомъ въ статьѣ—„Поѣздка слушателей Археол. Инст. въ Москву", Спб. Археол. Инст., кн. 2, СПБ. 1879 г., стр. 8. Книга описана Викторовымъ въ его „Описаніи записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ", вып. 2-ой, М., 1883 г., стр. 643.

въ Розряде не вѣдомо" [8]). Эти данныя наводили на слѣдующія предположенія: во-первыхъ, едва ли слѣдуетъ сосредоточить розыски въ Архивѣ Министерства Юстиціи; во-вторыхъ, необходимо разъяснить, какимъ путемъ могла попасть записная книга Приказа Сыскныхъ Дѣлъ 1620 г. (сколько мы знаемъ, единственная въ своемъ родѣ) въ Архивъ Оружейной Палаты, гдѣ преимущественно хранятся дѣла и книги дворцовыхъ приказовъ и гдѣ изъ дѣлъ другихъ приказовъ находимъ лишь дѣла Холопьяго Приказа и Галицкой Чети. Дальнѣйшіе розыски въ Архивѣ Министерства Юстиціи привели къ слѣдующему документу: 27 ноября 1651 г. Разрядъ запросилъ кн. Юрія Алексѣевича Долгорукова, начальника Приказа Сыскныхъ Дѣлъ, сколько у него въ Приказѣ подьячихъ и сколько кому изъ нихъ дается жалованья; кн. Ю. А. Долгоруковъ отвѣтилъ: „во 157 г. для государева сыскного дѣла изъ розныхъ Приказовъ взяты въ подьячіе 15 чел. (слѣдуютъ имена)" [9]). Этотъ документъ открылъ все. Если въ 1648—1649 гг. былъ произведенъ наборъ новыхъ подьячихъ, всѣхъ сразу, то, слѣдовательно, либо въ этомъ году Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго промежутка, былъ возобновленъ, либо въ этомъ году онъ получилъ отдѣльный штатъ подьячихъ. Первое предположеніе устранялось само собой, такъ какъ есть возможность указать, что еще въ іюнѣ 1648 г. и уже въ ноябрѣ того же года, т. е. и въ 156 и въ началѣ 157 года, Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ функціонировалъ. Оставалось второе предположеніе. Но какія причины могли вызвать необходимость въ созданіи отдѣльнаго штата подьячихъ? Очевидно, только одна: дѣлами Приказа вѣдали подьячіе какого-либо другого приказа, объединеннаго съ нашимъ Приказомъ личностью начальника. Изучая списокъ начальниковъ Приказа, нельзя было не остановить особаго вниманія на кн. Борисѣ Александровичѣ Репнинѣ, любимцѣ патріарха и царя. Этотъ бояринъ вѣдалъ одновременно: Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ, Приказъ Приказныхъ Дѣлъ, Новую Четь, Галицкую Четь, Оружейную Палату и Серебряный Приказъ. Казалось, вопросъ разрѣшенъ: дѣла нашего Приказа вѣдались подьячими Оружейной Палаты.

Если бы это предположеніе оправдалось, то было бы разъяснено и то, какимъ образомъ указанная выше книга 1620 г. попала въ Архивъ Оружейной Палаты. Но это противорѣчило бы всему, что мы знаемъ объ организаціи Оружейной Палаты. Она — учрежденіе по преимуществу хозяйственное. Подьячіе Оружейной Палаты, которыхъ,

---

[8]) Арх. Мин. Юст., Моск. столъ, № 674, л. 164 и л. 162.

[9]) Арх. Мин. Юст., Моск. столъ, № 325, л. 244.

кстати сказать, всегда было очень немного, спеціализировались въ дѣлѣ, которое ничего общаго не имѣло съ задачами Приказа Сыскныхъ Дѣлъ. Мы не могли не обратить вниманія еще на одно: въ Приказѣ Сыскныхъ Дѣлъ уже съ 1638 г. и еще въ 1643 г. сидѣлъ дьякъ Мина Грязевъ; въ томъ же Приказѣ уже въ маѣ 1643 сидѣлъ дьякъ Петръ Лутохинъ [10]); эти же дьяки въ тѣ же годы (Мина Грязевъ съ 12 сентября 1641 г.) вѣдали и Галицкую Четь [11]). Сопоставивъ указанныя данныя, мы пришли къ увѣренности, что дѣла Приказа Сыскныхъ Дѣлъ должны были попасть въ тотъ Архивъ, въ который перешли дѣла Галицкой Чети, т. е. въ Архивъ Оружейной Палаты, и что искать эти дѣла слѣдуетъ тамъ по описямъ дѣлъ не-дворцовыхъ приказовъ, т. е. по второму разряду. Наше предположеніе превратилось въ фактъ, когда поиски не только привели къ тѣмъ результатамъ, изложенію которыхъ посвящено все дальнѣйшее, но и къ находкѣ слѣдующаго документа: въ 1652 г., 8 августа Пушкарскій Приказъ запросилъ Галицкую Четь о томъ—„Приказу Сыскныхъ Дѣлъ подьячимъ, которые сидѣли у сыскныхъ дѣлъ у боярина у князя Бориса Александровича Репнина, а были тѣ дѣла въ Володимерской и въ Галицкой Чети, и тѣмъ подьячимъ, для ихъ прибылые работы, сверхъ ихъ четвертныхъ годовыхъ окладовъ, государева жалованья, въ приказъ, поскольку рублевъ на годъ давано?". Галицкая Четь отвѣтила, что подьячимъ, къ 150 рублямъ, была сдѣлана за лишнюю ихъ работу прибавка въ 100 рублей ежегодно [12]).

Мы сообщаемъ эти свѣдѣнія далеко не съ тѣмъ, чтобы со всей подробностью возстановить путь произведенныхъ розысканій. Важно установить, что мы пользовались не случайно оказавшимися дѣлами, а архивомъ Приказа Сыскныхъ Дѣлъ. Все ли сохранилось, чѣмъ въ свое время располагалъ этотъ архивъ, или сохранилась только часть его, какая это часть и проч.,—на эти вопросы отвѣта, конечно, нѣтъ. Но, вслѣдствіе объясненнаго выше, мы имѣемъ право утверждать, что разсмотрѣнію были подвергнуты дѣла разнаго рода изъ числа тѣхъ, которыя производились въ интересующемъ насъ учрежденіи, и что мы избѣгли опасности узнать со временемъ, что гдѣ-либо хранится категорія дѣлъ, совсѣмъ не бывшихъ у насъ въ виду. Какъ могло бы это случиться, разъ очевидно, что дѣла Приказа смѣшались съ дѣлами Галицкой Чети и въ дальнѣйшемъ пережили судьбу этихъ послѣднихъ?

---

[10]) См. Приложеніе.

[11]) Миллеръ, „Московскіе старинные приказы", Др.Вивліоѳика, XX, стр. 297.

[12]) Арх. Оруж. Пал., 2 отдѣлъ, 160 г., № 79.

Не попало въ Архивъ только то, что вообще не уцѣлѣло или что съ теченіемъ времени перешло, вмѣстѣ съ частью дѣлъ Галицкой Чети, въ другіе наши архивы; напримѣръ, въ Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Но опять таки нѣтъ основаній думать, что вообще не уцѣлѣла или попала на храненіе въ другой архивъ вся какая-нибудь категорія дѣлъ цѣликомъ, настолько вся цѣликомъ, чтобы никакихъ слѣдовъ ея существованія мы не могли найти въ дѣлахъ, подвергшихся нашему обслѣдованію.

Остается сказать нѣсколько словъ о самыхъ этихъ дѣлахъ. Мы разбиваемъ ихъ на три категоріи: 1) памяти Приказа Сыскныхъ Дѣлъ въ другіе приказы и отвѣты Приказу, 2) дѣла о сыскѣ закладчиковъ и бѣглыхъ, 3) дѣла судныя о помѣстьяхъ. Къ этой третьей категоріи причисляемъ и книгу „записную приговорамъ" боярина Шеина.

II.

Документы позволяютъ совершенно точно установить, что Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ возникъ въ 1619 г. и что онъ именно и есть то учрежденіе для обороны противъ сильныхъ людей, о которомъ намъ сообщаютъ извѣстныя окружныя грамоты 1619 г. [13]). Въ этихъ окружныхъ грамотахъ, излагающихъ рѣшенія собора 1619 г., читаемъ: „а на сильныхъ людей, во всякихъ обидахъ, велѣли есмя сыскивать и указъ по сыску дѣлати бояромъ своимъ князь Ивану Борисовичю Черкаскому да князь Данилу Ивановичю Мезецкому съ товарищи". А вотъ документъ, найденный нами въ Архивѣ Оружейной Палаты: „Лѣта 7127 г., июля въ 25 день. По государеву (титулъ) указу, память Семену Михайловичю Колтовскому да дьяку Ѳилиппу Митрофанову. Прислать имъ въ Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ къ бояромъ—ко князю Ивану Борисовичю Черкаскому да ко князю Данилу Ивановичю Мезецкому, да къ дьякомъ— Добрынѣ Семенову да къ Андрѣю Степанову, дѣло Баженка Минина сына Вешника, портново мастера, съ Семеномъ Чемодановымъ, за дьячею приписью. Діакъ Андрѣй Степановъ" [14]).

Сомнѣваться тутъ не приходится. Засѣданіе собора происходило между 24-мъ іюня (днемъ постановленія на патріаршество Филарета) и 3-мъ іюля (днемъ, которымъ помѣчена одна изъ сохранившихся окружныхъ грамотъ), а найденная нами память датирована 25-мъ іюля. Ясно,

[13]) А. Арх. Эксп., III, 105; Г. Гр. и Дог., III, 47.
[14]) Арх. Оруж. Пал., опись 32, 127 г., № 49.

что эта память—одинъ изъ первыхъ актовъ новаго учрежденія, созданнаго соборомъ. Соборъ опредѣлилъ это учрежденіе лишь описательно: бояре кн. Черкаскій и кн. Мезецкій съ товарищами должны „сыскивать на сильныхъ людей" во всѣхъ обидахъ и по сыску чинить указы. Найденная нами память знаетъ уже названіе этого учрежденія и опредѣляетъ товарищей упомянутыхъ бояръ. Названіе — Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ; товарищи—два дьяка: Добрыня Семеновъ и Андрей Степановъ.

Установленный фактъ объясняетъ многое. Едва ли слѣдуетъ сомнѣваться, что соборъ 1619 г. былъ самостоятельнымъ соборомъ. Но допустимъ, что онъ, какъ думаютъ нѣкоторые изслѣдователи, только продолжалъ собой сессію 1615—1616 гг. Отмѣтимъ также, что въ нашемъ распоряженіи нѣтъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы точно сказать, обсуждались ли вопросы, о которыхъ узнаемъ изъ окружныхъ грамотъ 1619 г., и до постановленія Филарета на пратріаршество, или же они впервые были выдвинуты новымъ патріархомъ. Но и при такихъ оговоркахъ все ведетъ къ заключенію, что эти вопросы на соборѣ 1619 г. были разрѣшены подъ непосредственнымъ вліяніемъ Филарета.

Возвратясь послѣ продолжительнаго плѣна на родину, Филаретъ засталъ страну въ состояніи полнаго разоренія. Города и села запустѣли; въ платежахъ давала себя знать ощутительная убыль; въ самомъ хаотическомъ положеніи находился столь существенный вопросъ, какъ вопросъ о томъ, кто какимъ владѣлъ помѣстьемъ и какой получалъ окладъ; между населеніемъ и государствомъ стояли сильные люди. Правда, за время отъ 1613 до 1619 гг. кое-какія мѣры были уже приняты: были посланы дозорщики; царь, поговоря съ боярами, приказалъ учинить „справку помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ, что кому было при царѣ Васильѣ и что кому придано подъ Москвою". Но дозорщики исполнили свое дѣло недобросовѣстно, а произведенная „справка" только осложнила отношенія, такъ какъ многіе пользовались положеніемъ и „поимали помѣстья противъ своихъ большихъ вылганныхъ окладовъ".

Филаретъ оправдывалъ царя. Такъ, въ одномъ интересномъ документѣ (о „большомъ сыскѣ"), въ томъ самомъ, изъ котораго мы только что сдѣлали нѣсколько выписокъ, читаемъ: „а въ тѣ поры большого сыску государь не указалъ для того, что государство было разоренное и война была большая съ Литовскимъ королемъ" [15]).

[15]) Чт. О. И. и Д. 1894 г., кн. 2, „О большомъ сыскѣ", сообщ. А. Зерцалова.

Приходилось, однако, сознаться, что не только не указалъ царь произвести своевременно большой сыскъ, но что и вообще за эти годы, въ сущности, ничего не сдѣлано. Никто, напримѣръ, не позаботился даже о томъ, чтобы были собраны свѣдѣнія объ истинномъ положеніи страны: сколько со всѣхъ городовъ всякихъ денежныхъ и хлѣбныхъ запасовъ по окладу и сколько доходовъ, и что въ приходѣ, и что въ расходѣ, и что въ доимкѣ, и что отъ разоренія запустѣло и т. д. То, съ чего слѣдовало начать, пришлось, какъ извѣстно, сдѣлать лишь собору 1619 г.

Не выставляя ни противъ кого опредѣленныхъ обвиненій, патріархъ Филаретъ едва ли не винилъ во всемъ бояръ и думныхъ людей. Царь молодъ и неопытенъ, но о чемъ думали и что дѣлали его совѣтники? Отчего они не озаботились принятіемъ необходимыхъ мѣръ для устроенія земли? Не оттого ли, что разоренье и неустройство имъ на руку? Неустройство позволяло держать въ напряженіи страну, корыстоваться около добродушнаго юноши-царя, забирать силу. Патріархъ Филаретъ сразу выдвинулъ на первый планъ всѣ боевые вопросы времени: вопросъ о новомъ дозорѣ, о борьбѣ съ закладничествомъ, въ которомъ населеніе видѣло для себя основное зло, вопросъ о притѣсненіяхъ и обидахъ со стороны сильныхъ людей. И всѣ эти вопросы были разрѣшены самымъ категорическимъ образомъ противъ знати, въ пользу населенія. Черезъ три года патріархъ поставилъ собору 1622 г. вопросъ о большомъ сыскѣ и провелъ его опять таки противъ тѣхъ, кому путаница въ опредѣленіи истинныхъ размѣровъ помѣстныхъ дачъ была только выгодна. Если мы вспомнимъ, что соборы засѣдали и до возвращенія Филарета изъ плѣна, если вспомнимъ далѣе, что всѣ эти вопросы возникли не именно въ 1619 г., а существовали, конечно, и раньше, — у насъ невольно явится мысль объ особой роли, которую взялъ на себя въ этомъ дѣлѣ Филаретъ. Если эти вопросы получили въ теченіе 1619 — 1622 гг. указанное разрѣшеніе, то только потому, что нашелся авторитетный защитникъ какихъ-то новыхъ взглядовъ на задачи момента. На смѣну случайнымъ мѣропріятіямъ, полу-мѣрамъ, выдвигается опредѣленный планъ дѣйствій.

Тутъ мы вступаемъ въ область гаданій. Нѣтъ въ нашемъ распоряженіи такого документа, который позволялъ бы точно опредѣлить: вотъ программа, которую выработалъ для страны ставшій у власти патріархъ. Но одна часть этой программы и именно та, которая ближайшимъ образомъ должна интересовать насъ, можетъ быть возстановлена. Эта часть программы — сознаніе въ необходимости начать борьбу съ сильными людьми. Въ окружной грамотѣ 1619 г. читаемъ: „а иные многіе люди бьютъ челомъ на бояръ и всякихъ чиновъ людей

въ насильствѣ и въ обидахъ, чтобъ ихъ пожаловать, велѣти отъ сильныхъ людей оборонить". Были ли такія челобитья въ дѣйствительности и если были, то такъ ли ихъ было много, чтобы требовалось создать для ихъ разсмотрѣнія цѣлое отдѣльное учрежденіе,—мы не знаемъ. Но вся постановка этого вопроса вполнѣ совпадаетъ съ извѣстіями, которыя дошли до насъ о характерѣ и воззрѣніяхъ Филарета. Филаретъ не признавалъ въ государствѣ никакихъ другихъ „сильныхъ" людей, кромѣ царя и себя. Сильный человѣкъ—одинъ изъ важнѣйшихъ показателей государственнаго нестроенія. Бороться съ сильными людьми значило непосредственно приступить къ водворенію порядка въ государствѣ, къ достиженію идеала, о которомъ не разъ говорятъ грамоты этого времени: „чтобы всѣ люди нашего государства, Божью милостью, нашимъ царьскимъ призрѣніемъ жили въ покоѣ и въ радости" [16]).

Такимъ образомъ, мы думаемъ, что новое учрежденіе, созданное соборомъ 1619 г., если и имѣло подъ собой извѣстную реальную почву, то все-таки въ гораздо большей степени явилось слѣдствіемъ тенденціи, проводимой патріархомъ. Въ той программѣ, которую онъ выработалъ, приступая къ управленію страной, одно изъ серьезныхъ мѣстъ занимало убѣжденіе въ необходимости устранить съ дороги всякую силу, стремящуюся стать между царской властью и населеніемъ. Поручить столь важную функцію существующимъ учрежденіямъ значило бы и недостаточно оттѣнить первостепенное значеніе этой функціи, и заранѣ обречь начинаніе на судьбу обычнаго текущаго дѣла. Весь смыслъ попытки заключался въ томъ, чтобы образовать инстанцію, которая самымъ фактомъ своего существованія была бы грозна насильникамъ и обидчикамъ. Пусть никто не возлагаетъ слишкомъ большихъ надеждъ на собственную силу—на всякую силу найдется въ этомъ учрежденіи управа.

Достаточно просмотрѣть списокъ начальниковъ Приказа Сыскныхъ Дѣлъ (а мы уже установили, что этотъ именно Приказъ и былъ учрежденъ земск. соборомъ 1619 г.), чтобы согласиться съ сказаннымъ. Кн. Иванъ Борисовичъ Черкасскій, бояринъ Михаилъ Борисовичъ Шеинъ, бояринъ Семенъ Васильевичъ Головинъ, бояринъ Борисъ Михайловичъ Лыковъ, бояринъ кн. Юрій Яншеевичъ Сулешевъ—все это вліятельнѣйшіе люди своего времени, пользовавшіеся къ тому же особымъ расположеніемъ патріарха. По каждой обидѣ отъ сильныхъ людей они должны были сыскивать и по сыску чинить рѣшеніе. Совершенно

[16]) Гурляндъ, Приказъ Тайн. Дѣлъ, стр. 96 и 257.

естественно, если Приказъ немедленно же получилъ названіе Приказа Сыскныхъ Дѣлъ.

Предполагалось, очевидно, что у новаго учрежденія будетъ очень много дѣла: кромѣ двухъ бояръ, въ Приказъ были назначены еще два дьяка. Весьма вѣроятно, предполагалось также, что дѣла эти будутъ разнообразны. По крайней мѣрѣ. соборное опредѣленіе редактировано въ самыхъ общихъ выраженіяхъ: „сыскивать на сильныхъ людей во всякихъ обидахъ". Посмотримъ теперь, во что обратилось это новое учрежденіе при столкновеніи его съ дѣйствительностью.

III.

Отъ 1619 г. мы знаемъ только одинъ документъ: вышеприведенную память въ Холопій Приказъ о присылкѣ въ Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ дѣла портного мастера Вешника съ Семеномъ Чемодановымъ [17]). Отъ 1620 г. мы знаемъ также только одну память: въ Помѣстный Приказъ о присылкѣ разныхъ справокъ „для вершенья спорнаго помѣсного дѣла" [18]). Но отъ того же 1620 г. до насъ дошла цѣлая книга: „Записная приговоромъ боярина Шеина" [19]). Книга эта обнимаетъ приговоры за сентябрь—декабрь 1620 г. Всѣхъ приговоровъ сравнительно очень немного (16), но слѣдуетъ отмѣтить, что рукопись сохранилась плохо, листы перенумерованы на удачу; возможно, слѣдовательно, что ряда листовъ не достаетъ.

Вотъ на выдержку нѣкоторые изъ этихъ приговоровъ:

„Въ прошломъ во 128 году, августа въ 26 день, по челобитью Ивана Андрѣева сына Крюкова и по подписной его челобитной, за помѣтою думного дьяка Томила Луговсково, взято было въ Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ, къ боярину къ Михаилу Борисовичю Шеину да къ дьяку къ Василию Яковлеву, исъ Помѣсново Приказу помѣсное дѣло Ивана Крюкова съ Еремѣемъ Ящерицинымъ. И про то ихъ дѣло 129 г., сентября въ 17 день бояринъ Михайло Борисовичь Шеинъ да дьякъ Василей Яковлевъ сказывали бояромъ. И бояре того ихъ дѣла слушали. И приговорили: по прежнему своему боярскому приговору, тѣмъ помѣстьемъ, что было дано Ивану Крюкову, поворотити Еремѣю Ящерицину и у Еремѣя того помѣстья отымати не велѣли. А велѣли ему

[17]) Арх. Оруж. Пал., оп. 32, 127 г. № 49.

[18]) Арх. Мин. Юст., Моск. столъ, № 13. л. л. 77, 80, 326.

[19]) Арх. Оруж. Пал., по описи книгъ № 1184.

тѣмъ помѣстьемъ владѣти по прежней даче. А Ивану Крюкову въ томъ помѣстье велѣли отказать" (Л. 2).

„Въ нынѣшнемъ во 129 г., ноября въ 11 день, по челобитью Московского Немецкого перевотчика Еремѣя Еремѣева и по подписной его челобитной, за помѣтою думново діака Томила Луговского, взято было въ Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ, къ боярину М. Б. Шеину да къ діаку В. Яковлеву, помѣсное его дѣло съ Григорьемъ Томиловымъ. И 129 г., ноября въ 18 день бояринъ М. Б. Шеинъ да дьякъ В. Яковлевъ, сего дѣла слушавъ, приговорили: сему дѣлу быть по томужь, какъ написано въ приговоре діака Герасима Мартемьянова: владѣти тѣми пустошьми Григорью Томилову по прежнему, а Немецкому перевотчику Еремѣю Еремѣеву отказать. И сей боярской имъ приговоръ сказанъ. И то ихъ помѣстное дѣло послано въ Помѣсной Приказъ" (Лл. 5-6).

„Въ нынѣшнемъ во 129 году, ноября въ 23 день, по челобитью Зубченина Назарка Лошакова и по подписной челобитной, за помѣтою думного діака Ивана Грамотина, взято было къ б. М. Б. Шеину да къ д. В. Яковлеву помѣсное дѣло Кашинца Ивана Лазарева да Беленина Лаврентья Наумова съ нимъ, Назаркомъ. И 129 г., ноября въ 23 день б. М. Б. Шеинъ да д. Василій Яковлевъ, слушавъ сего дѣла, приговорили: лишнею землю, что вымерили дозорщики Петръ Охлябьевъ въ Пошехонскомъ уѣзде у Ивана Лазарева изъ его помѣсные земли въ нынѣшнемъ во 129 г., 135 чети, дать Лаврентью Наумову въ помѣсье, со всѣми угодьи, а Назарью Лошакову да Ондрѣю Зезевитову отказать, потому что ту лишнею землю вымерели дозорщики у Ивана Лазарева, по ево, Лаврентьеву, челобитью, а Назаръ да Ондрѣй пристали къ его челобитью; и велѣли Лаврентью на ту лишнею землю дать государеву грамоту. И то ихъ дѣло и приговоръ отослано въ Помѣсной Приказъ" (Лл. 9—11).

И этихъ выписокъ достаточно, чтобы составить понятіе о дѣятельности Приказа Сыскныхъ Дѣлъ въ данное время. Это была какъ бы высшая судебная инстанція (по общему правилу о „переносныхъ дѣлахъ") по помѣстнымъ дѣламъ. Лица, недовольныя рѣшеніемъ Помѣстнаго Приказа, подавали царю челобитную; челобитная заслушивалась въ думѣ и съ „подписью" черезъ Челобитный Приказъ поступала въ Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ. Этотъ Приказъ требовалъ къ себѣ изъ Помѣстнаго Приказа дѣло, и или бояринъ и дьякъ сами рѣшали споръ, или вносили его къ боярамъ, въ думу. Изъ 16 случаевъ, зарегистрованныхъ въ цитируемой книгѣ, въ думу дѣла были внесены въ 7 случаяхъ. Въ одномъ случаѣ книга передаетъ намъ точное содержаніе помѣты на подписной челобитной: „и на челобитной его помѣта дум-

ново дьяка Томила Луговского: государь указалъ то дѣло взять и вершити по указу боярину М. Б. Шеину да дьяку В. Яковлеву" (Л. 25).

Отъ 1621 г. мы знаемъ одну память: въ Холопій Приказъ о присылкѣ „привода и записки" Якова Боборыкина, „что онъ привелъ въ Приказъ Холопья Суда бѣглыхъ людей"; память требуетъ также и присылки этихъ бѣглыхъ людей и суднаго дѣла, „что онъ, Яковъ, искалъ въ Холопьемъ Судѣ тѣхъ бѣглыхъ людей" [20]). Сопоставляя эту память съ вышеуказанной памятью 1619 г., гдѣ также рѣчь идетъ, очевидно, о бѣгломъ человѣкѣ, думаемъ, что Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ былъ высшей судебной инстанціей (повторяемъ: поскольку можно говорить о судебныхъ инстанціяхъ въ XVII вѣкѣ) и по дѣламъ Холопьяго Приказа. Это подтверждается также и тѣмъ, что за послѣдующіе годы сохранился рядъ такихъ же памятей въ Холопій Приказъ о присылкѣ въ Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ спорныхъ людей или дѣлъ о холопствѣ [21]).

Но Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ за эти же первые годы своего существованія исполнялъ, видимо, и нѣкоторыя особыя порученія. На это наводитъ память изъ Приказа Сыскныхъ Дѣлъ въ Новую Четь отъ 21 декабря 1622 г. Въ ней читаемъ: „Лѣта 7131 г. декабря въ 21 день. По государеву (титулъ) указу, память дьякомъ Ивану Варганову да Александру Иванову. Въ прошломъ во 130-мъ году, февраля въ 22 день, по государеву имянному приказу, исъ Приказу Сыскныхъ Дѣлъ отъ боярина отъ Семена Васильевича Головина да отъ дьяка Ивана Льговского, дано въ Каменной Приказъ, для поспѣшенья на Московские на всякие подѣлки изъ борныхъ денегъ, что взяты на дворянехъ и на дворовыхъ людехъ, 500 рублевъ; а въ то мѣсто указалъ государь тѣ деньги, 500 рублевъ, взяти въ Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ изъ Новые Чети. И память о тѣхъ деньгахъ въ Новую Четь къ боярину ко князю Ивану Никитичю Одоевскому да къ тебѣ, къ дьяку Олександру, послана въ прошломъ же во 130-мъ году, февраля въ 28-мъ числѣ. А велено тѣ деньги, какъ будутъ въ зборѣ, прислать въ Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ тотчасъ. И тѣхъ денегъ изъ Новые Чети и по ся мѣстъ не присылывали" [22]).

Какой именно сборъ былъ тутъ возложенъ на Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ, изъ документа не видно, но ясно, что какой-то сборъ былъ ему порученъ.

Этотъ же актъ наводитъ и на слѣдующую мысль. Дѣло въ томъ, что около 1625 г. въ документахъ, наряду съ Приказомъ Сыскныхъ

---

20) Арх. Оруж. Пал., 2 разр., 129 г. № 190.

21) Арх. Оруж. Пал., 2 разр., 136 г., № 13 (14 л.л.); 140 г., № 71 и др.

22) Арх. Оруж. Пал., 2 разр., 131 г. № 26.

Дѣлъ, то вмѣстѣ съ нимъ, то отдѣльно, начинаетъ встрѣчаться Приказъ Приказныхъ Дѣлъ. Впервые мы натолкнулись на упоминаніе объ этомъ Приказѣ въ памяти отъ 5 ноября 1625 г. Въ ней говорится о томъ, что царь указалъ изъ денегъ, что „взяты на дворянехъ и на дьякѣхъ и на дворовыхъ людехъ“, дать 150 рублей въ Пушкарскій Приказъ. Память подписана дьякомъ Семеномъ Бредихинымъ [23]). Дьякъ Семенъ Бредихинъ въ это именно время былъ и дьякомъ Приказа Сыскныхъ Дѣлъ [24]). Сборъ, который былъ порученъ Приказу Приказныхъ Дѣлъ, очевидно, тотъ же сборъ, который въ концѣ 1622 г., какъ указано выше, вѣдался Приказомъ Сыскныхъ Дѣлъ. Слѣдовательно, весьма вѣроятно, что Приказъ Приказныхъ Дѣлъ—учрежденіе, выдѣлившееся изъ Приказа Сыскныхъ Дѣлъ и нѣкоторое время существовавшее отдѣльно отъ него. Прошелъ годъ-другой, и эти учрежденія вновь слились, хотя каждое и сохранило свое отдѣльное названіе. Что же, однако, изъ сферы дѣятельности Приказа Сыскныхъ Дѣлъ дало содержаніе дѣятельности этого выдѣлившагося изъ него новаго учрежденія? Не основная функція—судебная, а именно тѣ спеціальныя порученія, о которыхъ мы только что говорили. Приказъ Приказныхъ Дѣлъ, т. е. приказанныхъ дѣлъ,—дѣлъ, которыя приказаны, иначе—Приказъ особыхъ порученій. Такъ объясняемъ мы это названіе.

Въ дальнѣйшемъ судьба Приказа Приказныхъ Дѣлъ такова. Въ 1626 г. имъ вѣдаютъ бояринъ кн. Юрій Яншеевичъ Сулешевъ и дьякъ Иванъ Переносовъ, которые въ то же время сидятъ и въ Приказѣ Сыскныхъ Дѣлъ [25]). Въ 1627—1630г.г. имъ вѣдаютъ не тѣ бояре и дьяки, которые сидятъ въ Приказѣ Сыскныхъ Дѣлъ, а особые; слѣдовательно, этотъ Приказъ опять сталъ самостоятельнымъ [26]). Въ 1630—1633 гг. судьба Приказа намъ неизвѣстна. Съ 1633—1634 г.г. Приказъ Приказныхъ Дѣлъ имѣетъ своего боярина и дьяка и своихъ подьячихъ [27]). Съ 1634 г. Приказъ Приказныхъ Дѣлъ былъ отданъ въ

---

23) Арх. Оруж. Пал., 2 разр., 134 г. № 18.

24) См. Приложеніе.

25) Указн. книга Помѣстнаго Приказа въ „Описаніи документовъ и бумагъ, хранящихся въ Архивѣ Мин. Юстиціи“, кн. 6, М., 1889 г., стр. 35. Ср. Приложеніе.

26) Въ 1627 г.—бояринъ Мих. Бор. Шеинъ (Рус. Ист. Библ., IX, стр. 470); въ 1628 г.—бояринъ Вас. Петр. Морозовъ (Дв. Разр., I, стр. 1030); въ 1629 г.—бояринъ Ѳед. Ив. Шереметевъ и дьякъ Семенъ Бредихинъ (ц. с. Мейчика, стр. 122); въ 1630 г. —они же (Рус. Вѣстн., 1842 г., № 11—12, стр. 99). Ср. Приложеніе.

27) Въ 1633—1634 г.г.—бояринъ Дмитрій Петровичъ Пожарскій и дьякъ Григорій Волковъ (Арх. Оруж. Пал., 141 г. № 106; 142. г. №№ 19, 115, 126, 153). Ср. Приложеніе.

завѣдываніе кн. Ивану Ивановичу Шуйскому, кн. Андрею Васильевичу Хилкову и Василію Ивановичу Стрѣшневу, которые въ то же время сидѣли въ Приказѣ Сыскныхъ Дѣлъ [28]). О судьбѣ Приказа Приказныхъ Дѣлъ за дальнѣйшее время до 1639 г. мы ничего не знаемъ. Въ 1639 г. въ Приказѣ Приказныхъ Дѣлъ сидѣли бояринъ Ѳ. И. Шереметевъ, въ то время какъ Приказомъ Сыскныхъ Дѣлъ вѣдалъ бояринъ кн. Петръ Александровичъ Репнинъ [29]); наконецъ, съ 1640 г. въ обоихъ этихъ Приказахъ сидѣлъ кн. Борисъ Александровичъ Репнинъ [30]). Послѣ 1643 г. о Приказѣ Приказныхъ Дѣлъ документы, насколько намъ это извѣстно, уже не упоминаютъ. Имѣются основанія думать, что Приказъ около этого времени окончилъ свое существованіе [31]).

Къ сожалѣнію, несмотря на всѣ поиски, мы нашли очень немногое о дѣятельности этого учрежденія. Рядъ памятей за 1633—1634 г.г. показываетъ, что Приказъ Приказныхъ Дѣлъ располагалъ довольно значительными средствами, изъ которыхъ, по царскимъ указамъ, выдавались различныя суммы, то на жалованье ратнымъ людямъ то на укрѣпленіе городовъ [32]). Совершенно ясно, слѣдовательно, что время отъ времени Приказу Приказныхъ Дѣлъ поручалось производство различныхъ сборовъ; едва ли слѣдуетъ сомнѣваться—экстренныхъ.

Въ Указной книгѣ Помѣстнаго Приказа находимъ слѣдующее мѣсто: „Приправочные, писцовые и дозорные книги, каковы даны писцомъ и дозорщикомъ для приправки, а послѣ пожару уцелѣли у дьяка у Воина Трескина, да которые были у дьяка у Ивана Остапова, а нынѣ у приказныхъ дѣлъ у боярина Юрья Яншѣевича Сулешева да діяка у Ивана Переносова, указали взяти въ Помѣстной приказъ“ [33]).

Это мѣсто не ясно. Зачѣмъ въ Приказъ Приказныхъ Дѣлъ были переданы приправочныя и дозорныя книги? Быть можетъ, случайно или по поводу какихъ-нибудь „переносныхъ“ дѣлъ, для справокъ; но, быть можетъ, и потому, что Приказъ Приказныхъ Дѣлъ имѣлъ порученіе вести общій надзоръ за дѣятельностью дозорщиковъ. Такое предположеніе не лишено правдоподобности. Если бы оно оправдалось, мы имѣли бы новое подтвержденіе связи Приказа Приказныхъ Дѣлъ

28) Дв. Разр., II, стр. 394. Ср. Приложеніе.

29) Дв. Разр., II, стр. 596. Ср. Приложеніе.

30) Гурляндъ, Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, стр. 98, прим. 7.

31) Лѣтопись Зан. Археогр. Коммис., вып. XIII, стр. 3—4, примѣч. 8, нашей статьи.

32) Арх. Оруж. Пал., 141 г. № 106; 142 г. №№ 19, 115, 126, 153.

33) Указн. кн. Помѣстн. Прик., цит. изд., стр. 35.

съ Приказомъ Сыскныхъ Дѣлъ, а ихъ обоихъ съ программой, началомъ осуществленія которой явились рѣшенія собора 1619 года.

Наконецъ, мы знаемъ, что въ 1642 г. Приказу Приказныхъ Дѣлъ было поручено дѣло реставраціи иконописи Успенскаго собора въ Москвѣ [34]).

Необходимо обратить вниманіе еще на одно неясное указаніе источниковъ. Въ Дворцовыхъ Разрядахъ подъ 1639 г. имѣется извѣстіе, что въ томъ году бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ сидѣлъ въ Приказѣ, что на сильныхъ бьютъ челомъ, и у приказныхъ дѣлъ [35]). Принято толковать это мѣсто такъ: Приказъ, что на сильныхъ бьютъ челомъ, есть именно та комиссія, которая была организована соборомъ 1619 г., въ составѣ изъ князей Черкасскаго и Мезецкаго [36]). Пока мы не знали, что соборъ 1619 г. никакой комиссіи не учреждалъ (откуда собственно видно, что предполагалось организовать именно комиссію, т. е. учрежденіе временное?), а создалъ новый Приказъ, который тутъ же получилъ названіе Приказа Сыскныхъ Дѣлъ, такое толкованіе могло пользоваться кредитомъ. Теперь же неизбѣжно другое объясненіе. Но какое? Приказъ, что на сильныхъ бьютъ челомъ— не комиссія 1619 г., не Приказъ Приказныхъ Дѣлъ, такъ какъ иначе упоминаніе о „приказныхъ дѣлахъ" въ разбираемомъ мѣстѣ Дворц. Разр. не имѣло бы смысла; наконецъ, не Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ, такъ какъ въ 1639 г. въ Приказѣ Сыскныхъ Дѣлъ сидѣлъ кн. Петръ Александровичъ Репнинъ [37]). Очевидно, что Приказъ, что на сильныхъ бьютъ челомъ, былъ отдѣльнымъ Приказомъ. Правда, въ 1639 г., какъ указываетъ разбираемый памятникъ, Приказъ, что на сильныхъ бьютъ челомъ, личностью начальника объединялся съ Приказомъ Приказныхъ Дѣлъ. Возможно, что онъ объединялся съ этимъ Приказомъ и раньше, быть можетъ,—и послѣ 1639 г.. Возможно, что онъ никогда не имѣлъ такого начальника, который въ то же время не стоялъ бы во главѣ какого-либо другого Приказа. Возможно, наконецъ, что въ 1639 г., онъ вообще сохранялъ только названіе, а по существу былъ поглощенъ Приказомъ Приказныхъ дѣлъ. Но совершенно ясно, что былъ моментъ, когда онъ существовалъ на правахъ Приказа съ самостоятельной задачей. Мы не знаемъ, да никто и не укажетъ такого случая, когда Приказъ, имѣющій свое названіе, не имѣлъ бы въ моментъ образова-

[34]) Гурляндъ, Прик. Тайн. Дѣлъ, стр. 99, прим. 2.

[35]) Дв. Разр., II, стр. 596.

[36]) Такъ думалъ Неволинъ (ц. м.), Барсуковъ (ц. м.). Къ этому же мнѣнію склоняется и проф. Платоновъ въ „Лекціяхъ", изд. 3-е, Спб. 1901 г. стр. 273.

[37]) См. Приложеніе.

нія своей задачи. Въ самый короткій срокъ первоначальный планъ могъ переродиться, въ кругъ вѣдомства даннаго Приказа могли вторгнуться другіе Приказы, данный Приказъ могъ войти въ кругъ вѣдомства другихъ Приказовъ, но непремѣнно, разъ встрѣчается учрежденіе съ опредѣленнымъ наименованіемъ, былъ моментъ, когда учрежденіе это выражало собой ту или иную задачу управленія.

Никакихъ опредѣленныхъ данныхъ для разрѣшенія такъ поставленнаго вопроса у насъ нѣтъ. Но намеки нѣкоторыхъ документовъ дозволяютъ отважиться на предположенія. Мы замѣчаемъ, что уже съ 1620 г., рядомъ съ Приказомъ Сыскныхъ Дѣлъ, точно бы его двойникъ, существуетъ какой-то другой Приказъ, который иногда также называется Приказомъ Сыскныхъ Дѣлъ, а иногда просто по имени боярина, въ немъ засѣдающаго. Вѣдаетъ этотъ Приказъ тѣ же переносныя спорныя дѣла. Такъ, въ документѣ отъ 25 ноября 1620 г., съ ссылкой на іюль того же года, читаемъ, что одно спорное помѣстное дѣло приказано вершить въ Приказѣ Сыскныхъ Дѣлъ боярину Ивану Борисовичу Черкасскому да окольничему Семену Васильевичу Головину да дьяку Ивану Льговскому[38]. Между тѣмъ изъ книги „записной приговорамъ Приказа Сыскныхъ Дѣлъ" мы отлично знаемъ, что и въ ноябрѣ, и въ декабрѣ 1620 г. въ Приказѣ Сыскныхъ Дѣлъ сидѣлъ бояринъ Михаилъ Борисовичъ Шеинъ и дьякъ Василій Яковлевъ. Въ этой же книгѣ находимъ и ссылки на этихъ же лицъ, датированныя августомъ, іюлемъ и даже маемъ 1620 г. Мы знаемъ это и изъ ряда другихъ документовъ[39]. Второй примѣръ: въ 1625 г. въ Приказѣ Сыскныхъ Дѣлъ сидѣлъ бояринъ Борисъ Михайловичъ Лыковъ, съ 1626—1630 г.г. въ этомъ Приказѣ сидѣлъ кн. Ю. Я. Сулешевъ. Эти факты подтверждаются рядомъ документовъ[40]. Между тѣмъ встрѣчаются памяти, датированныя декабремъ 1628 г., изъ которыхъ слѣдуетъ, что въ Приказѣ Сыскныхъ Дѣлъ сидѣлъ бояринъ Борисъ Михайловичъ Лыковъ[41]. Отчего не предположить, что въ Приказѣ сидѣли оба боярина одновременно? Но тогда почему же они не пишутъ памяти отъ общаго имени, а каждый изъ нихъ съ своимъ дьякомъ—отдѣльно? Но далѣе. Мы имѣемъ прямыя и многочисленныя доказательства, что въ 1638 г. въ Приказѣ Сыскныхъ Дѣлъ сидѣлъ

---

38) Арх. Мин. Юст., Моск. столъ, № 13, л. л. 326, 77, 80.

39) Арх. Оруж. Пал., по оп. книгъ, № 1184. Ссылка на май—л. 25. См. также—Арх. Оруж. Пал. 2 разр. № 14; Арх. Мин. Юст., Моск. столъ, № 13, л. 94.

40) См. Приложеніе.

41) Арх. Оруж. Пал., 2 разр., 613, г., № 13, л. л. 3—4.

бояринъ П. А. Репнинъ [42]). Но существуетъ документъ, въ которомъ читаемъ: „Лѣта 7146, по государеву указу, память дьякомъ думному Михаилу Данилову да Ивану Переносову да Андрею Строеву. Въ Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ къ боярину къ Өедору Ивановичю Шереметеву да къ дьяку Өедору Панову написано.....“ [43]). Замѣтимъ, что рѣчь идетъ здѣсь о томъ самомъ Ө. И. Шереметевѣ, который тогда же сидѣлъ у Приказныхъ Дѣлъ и въ Приказѣ, что на сильныхъ бьютъ челомъ. Прибавимъ, наконецъ, что тотъ же Өедоръ Ивановичъ Шереметевъ сидѣлъ въ Приказѣ Сыскныхъ Дѣлъ въ 1636 г. [44]).

Этими немногими данными исчерпывается весь матеріалъ, собранный нами по настоящему вопросу. Но развѣ не наблюдается здѣсь одна общая черта: бояринъ, который раньше сидѣлъ въ Приказѣ Сыскныхъ Дѣлъ, уступивъ свое мѣсто другому, продолжаетъ время отъ времени исполнять функціи, принадлежащія Приказу Сыскныхъ Дѣлъ? При этомъ функціонируетъ не одинъ бояринъ, а неизмѣнно съ дьякомъ; слѣдовательно—не лично, а въ качествѣ представителя какого-то учрежденія. Какого же именно? Дукументы говорятъ прямо: Приказа Сыскныхъ Дѣлъ. Тогда, слѣдовательно, одновременно существовали два Приказа Сыскныхъ Дѣлъ: одинъ—постоянно функціонировавшій, другой—время отъ времени. По существу, такъ оно, вѣроятно, и было. Но мы готовы высказать увѣренность, что второй, параллельный, Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ и былъ тѣмъ Приказомъ, который въ указанномъ мѣстѣ Дворц. Разр. названъ Приказомъ, что на сильныхъ бьютъ челомъ.

Возникновеніе и исторію этого учрежденія мы представляемъ себѣ слѣдующимъ образомъ. Соборъ 1619 г. учредилъ Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ, во главѣ котораго были поставлены бояре кн. Черкасскій и кн. Мезецкій. Но кн. Мезецкаго уже въ мартѣ 1620 г. видимъ воеводой въ Новгородѣ [45]). Такъ какъ, во всякомъ случаѣ, съ мая Приказомъ Сыскныхъ Дѣлъ вѣдалъ бояринъ Шеинъ, то слѣдуетъ думать, что, по отъѣздѣ Мезецкаго изъ Москвы или вскорѣ послѣ того, и кн. Черкасскій пересталъ быть начальникомъ Приказа Сыскныхъ Дѣлъ. Но рядомъ съ этимъ, хотя вся масса дѣлъ перешла къ Шеину, дѣла особыя, дѣла важныя по лицамъ, въ нихъ участвовавшимъ, такъ сказать, causes célèbres, поручались попрежнему кн. Черкасскому. Вспом-

---

[42]) См. Приложеніе.

[43]) Мейчикъ, ц. с., стр. 122.

[44]) А. Моск. Госуд., II, стр. 28.

[45]) Руск. Ист. Библ., VIII, стр. 141.

нимъ, что Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ бралъ къ своему разсмотрѣнію только то, что поручалось ему съ Верху. Царь, поговоря съ боярами, либо бояре одни приказывали вѣдать данное дѣло тому или другому боярину. Бояринъ Шеинъ былъ меньше боярина Черкасскаго. Вполнѣ естественно, если дѣла исключительной важности (а важность ихъ опредѣлялась лицами, участвовавшими въ процессѣ) поручались и болѣе знатному боярину. Въ товарищи Черкасскому былъ назначенъ окольничій Семенъ Васильевичъ Головинъ, дьякомъ былъ назначенъ Иванъ Льговскій [46]). Образовался Приказъ. Въ отличіе отъ Приказа Сыскныхъ Дѣлъ, предполагаемъ мы, онъ былъ названъ Приказомъ, что на сильныхъ бьютъ челомъ. Но это названіе, какъ новое, легко заслонялось названіемъ, уже вошедшимъ въ употребленіе, и учрежденія, съ которыми сносился кн. Черкасскій, какъ начальникъ вновь образованнаго Приказа, продолжали по старой памяти называть Приказъ кн. Черкасскаго Приказомъ Сыскныхъ Дѣлъ.

Если это такъ, то остальное ясно. То сливаясь съ Приказомъ Сыскныхъ Дѣлъ, то объединяясь съ Приказомъ Приказныхъ Дѣлъ, то существуя самостоятельно, Приказъ, что на сильныхъ бьютъ челомъ, появляется въ документахъ иногда подъ своимъ собственнымъ наименованіемъ, иногда обозначается Приказомъ Сыскныхъ Дѣлъ. Во главѣ его всегда стоитъ одинъ изъ знатнѣйшихъ бояръ и, вѣроятно, всегда такой, который уже вѣдалъ Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ; другими словами—лицо, на комъ естественно было остановиться царю и боярамъ, разъ нужно кому-нибудь поручить разсмотрѣніе важной тяжбы.

IV.

Попытаемся объединить сказанное.

Филаретъ сейчасъ же послѣ того, какъ былъ поставленъ на патріаршество, выдвинулъ рядъ вопросовъ, по обсужденіи которыхъ на соборѣ 1619 г. была принята цѣлая система мѣръ. Въ числѣ мѣръ одна изъ нихъ сводилась къ учрежденію Приказа Сыскныхъ Дѣлъ. Теоретически этотъ Приказъ долженъ былъ бороться съ эгоистическими стремленіями сильныхъ людей, практически онъ быстро превратился въ судебное учрежденіе, занимавшееся розыскомъ и постановлявшее опредѣленія по „переноснымъ“ помѣстнымъ и холопьимъ дѣламъ. Но мысль о необходимости борьбы съ сильными людьми не была

---

[46]) Арх. Мин. Юст., Моск. столъ, № 13, л.л. 326, 77,80.

оставлена. Она повела къ образованію Приказа, что на сильныхъ бьютъ челомъ. По формѣ дѣйствій и по роду дѣлъ, разсматривавшихся въ немъ, это тотъ же Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ; но онъ не обремененъ обычными дѣлами, онъ дѣйствуетъ лишь въ особо важныхъ случаяхъ. Такъ какъ Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ, кромѣ своего прямого дѣла, получаетъ время отъ времени и особыя порученія, то довольно скоро онъ разбивается на два Приказа: Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ и Приказъ Приказныхъ Дѣлъ. Всѣ эти три приказа тяготѣютъ другъ къ другу. Они изъ одного корня. Но каждый иногда живетъ и своей отдѣльной жизнью, хотя временами всѣ три, а временами какіе-нибудь два изъ нихъ оказываются въ завѣдываніи однихъ и тѣхъ же лицъ. Въ 1639 г. Приказъ Приказныхъ Дѣлъ и Приказъ, что на сильныхъ бьютъ челомъ, имѣли одного общаго боярина, Приказъ же Сыскныхъ Дѣлъ имѣлъ своихъ отдѣльныхъ должностныхъ лицъ. Какая судьба постигла Приказъ, что на сильныхъ бьютъ челомъ, послѣ 1639 г.—мы не знаемъ. Думаемъ, что вообще послѣ смерти Филарета скоро исчезла и самая память объ этомъ Приказѣ. Несомнѣнно, что Приказъ Приказныхъ Дѣлъ, работавшій отдѣльно отъ Приказа Сыскныхъ Дѣлъ въ теченіе 1635 или 1636 гг. и до 1640 г., съ 1640 г. объединился съ Приказомъ Сыскныхъ Дѣлъ личностью начальника—боярина кн. Б. А. Репнина. Можно думать, что ссылка Репнина въ Астрахань (въ 1643 г.) повела къ уничтоженію Приказа Приказныхъ Дѣлъ. Тогда въ системѣ московскихъ приказовъ изъ этихъ трехъ, выросшихъ изъ одного корня, учрежденій уцѣлѣлъ только Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ. Онъ перешелъ и въ слѣдующее царствованіе.

Выше мы прослѣдили дѣятельность Приказа Сыскныхъ Дѣлъ за первые годы его существованія. Обратимся теперь къ документамъ за послѣдующіе годы. Вплоть до 1652 г. Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ вѣдалъ „переносныя“ помѣстныя и холопьи дѣла. Это обстоятельство можетъ быть прослѣжено по длинному ряду документовъ, преимущественно по памятямъ въ Помѣстный и Холопій Приказъ. Въ памятяхъ находимъ обыкновенно предписаніе прислать въ Приказъ данное дѣло, дать ту или иную справку, прислать спорныхъ людей и т. д. Почти всегда въ памяти указывается, что требуемое нужно Приказу „для вершенія спорново дѣла“, „для того переносново дѣла“ и т. д. [47]).

---

[47]) Арх. Оруж. Пал., 2 разр., 144 г. № 38; 148 г. № 40; 150 г. № 31, № 32; 153 г. № 5; 157 г. № 5, № 8, № 26; 158 г. № 59; 160 г., № 49, № 79; Арх. Мин. Юст., Моск. столъ, № 71, л. 163—165; № 135, л. 293—295; Помѣстный столъ № 8145, л. 28. Вр. Общ. Ист. и Др., 1849 г. кн. 4, стр. 29—30 (Помѣстное дѣло). Акты Гражд. Распр., изд. Ѳедотовымъ-Чеховскимъ, II, стр. 205, 282.

Въ 1630 г. Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ имѣлъ порученіе перевести изъ городовъ въ Москву на житье, въ пополненіе суконной и гостинной сотенъ, посадскихъ людей. Эта мѣра была вызвана жалобами Московскихъ сотенъ на невозможность своими силами справиться съ лежавшими на нихъ тяготами. Людей брали не только изъ городовъ, но и изъ Московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ. Такъ какъ посады и слободы, изъ которыхъ брали лучшихъ людей на житье въ Москву, не могли оставаться равнодушными къ такой мѣрѣ, то отсюда, понятно, возникали многочисленныя жалобы. Разсмотрѣніе ихъ также сосредоточилось въ Приказѣ Сыскныхъ Дѣлъ. Съ этимъ дѣломъ Приказъ не покончилъ еще и въ 1649 г.[48]). Въ 1634 г. Приказу Сыскныхъ Дѣлъ былъ порученъ розыскъ и судъ надъ Шеиномъ, Артемьемъ Измайловымъ и др.[49]). Время отъ времени Приказъ, быть можетъ, получалъ порученіе произвести розыскъ по жалобамъ на злоупотребленія того или иного должностного лица. Впрочемъ, къ этимъ даннымъ мы относимся съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ. Мы знаемъ два такихъ дѣла: одно отъ 1636 г., по обвиненію нѣкоего Дмитрія Овцына (разсыльщикъ, вѣроятно), который въ 1634 г., сбирая въ Новгородскомъ уѣздѣ со всѣхъ пятинъ задаточныхъ людей, бралъ съ иныхъ лишнія деньги, бралъ и съ тѣхъ, съ кого не слѣдовало, не давалъ въ деньгахъ отписей и т. д.; второе дѣло отъ 1639 г., по жалобѣ Чердынцевъ на притѣсненія воеводы Рыльскаго, изъ-за происковъ котораго многіе Чердынскіе лучшіе люди были посажены въ тюрьму и разорены[50]). Дѣла извѣстны намъ только въ отрывкахъ. Очень похоже на то, что обвиненія возникли лишь по поводу исполненія данными должностными лицами порученій изъ Приказа Сыскныхъ Дѣлъ. Если это такъ, то розыскъ по изслѣдованію этихъ обвиненій производился Приказомъ Сыскныхъ Дѣлъ не въ силу какого-либо спеціальнаго порученія, а по общему правилу приказной практики: приказъ, ведя извѣстное дѣло, велъ и всѣ дѣла, изъ него возникавшія.

Приблизительно около 1638 г. на Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ возлагается очень отвѣтственное и хлопотливое дѣло: сыскивать закладчиковъ и водворять ихъ на мѣста прежняго жительства. Мы такъ смѣло указываемъ именно на эти годы не только потому, что лишь съ этого времени начинаютъ встрѣчаться въ документахъ Приказа дѣла о сыскѣ закладчиковъ, но и потому еще, что разсмотрѣніе массы со-

[48]) А. И. III, № 164; Д. А. И., III, № 47; Д. А. И., VI, № 39, I.

[49]) А. Э., III, 251, 348 и др.

[50]) Арх. Оруж. Пал., 2 разр., 144 г. № 38, л. 3 и сл.; А. И., III, № 204.

хранившихся (полностью) дѣлъ этого рода постоянно ведутъ насъ къ одной и той же датѣ, а именно къ сентябрю 147 г. Замѣтимъ кстати, что именно въ сентябрѣ 1638 г. въ завѣдываніе Приказомъ вступилъ новый бояринъ—кн. Петръ Александровичъ Репнинъ.

Дѣлъ о сыскѣ закладчиковъ мы знаемъ достаточно: Всѣ эти дѣла (по Костромѣ, Твери, Новгороду, Коломнѣ, Зарайску, Можайску, Устюгу, Мценску и т. д., и т. д.) дошли до насъ цѣликомъ, въ прекрасномъ видѣ, очень часто съ современной описью документовъ въ началѣ каждаго дѣла [51]). Что такое закладчики, въ чемъ состояла цѣль борьбы съ закладничествомъ—едва ли въ настоящемъ опытѣ мѣсто разсматривать эти вопросы. Для нашей задачи достаточно установить, что эти дѣла производились въ Приказѣ Сыскныхъ Дѣлъ и что Приказъ вѣдалъ ихъ во всѣхъ ихъ частяхъ: онъ предписывалъ воеводамъ производитъ сыскъ, наряжалъ спеціальныхъ сыщиковъ, разсматривалъ жалобы, подвергалъ наказаніямъ за укрывательство закладчиковъ и т. д.

Какъ было уже указано выше, съ 1640 г. Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ пересталъ имѣть своихъ подьячихъ. Дѣла Приказа съ этого года велись въ Галицкой Чети. Почему такъ случилось, свѣдѣній у насъ нѣтъ. Мы знаемъ только, что въ это время начальникомъ Приказа былъ кн. Б. А. Репнинъ, который одновременно, въ числѣ другихъ нѣсколькихъ Приказовъ, вѣдалъ также и Галицкую Четь. Знаемъ также, что такой новый порядокъ продолжался до конца 1648 года, когда вновь были набраны для Приказа Сыскныхъ Дѣлъ особые подьячіе [52]). Во всякомъ случаѣ, тотъ фактъ, что съ 1640—1648 гг. Приказъ обходился трудомъ подьячихъ другого учрежденія, достаточно наглядно показываетъ, какъ постепенно уменьшался кругъ дѣлъ, вѣдавшихся въ Приказѣ, а соотвѣтственно, слѣдуетъ думать, и значеніе Приказа. Весьма увлекательно объяснять данное обстоятельство прежде всего смертью Филарета и измѣненіемъ, въ силу этого, всего режима.

Въ концѣ 1648 г. Приказъ, бывшій тогда подъ вѣдѣніемъ кн. Ю. А. Долгорукова, оживился. Въ немъ, кромѣ боярина, видимъ трехъ дьяковъ и 15 подьячихъ, спеціально набранныхъ изъ разныхъ Приказовъ [53]). Такой подъемъ дѣятельности имѣлъ, однако, только времен-

---

[51]) Арх. Оруж. Пал., 2 разр., 147 г. № 27, 28, 29, 30, 33; 148 г. № 41, 53; 150 г. № 31. Отдѣльные документы можно найти: А. Э. III, 279, 311; Акты Шуйскіе, изд. Гарелина, стр. 69, 92—94 и др.

[52]) Арх. Оруж. Пал., 2 разр., 160 г. № 79; Арх. Мин. Юст., № 325, л. 244.

[53]) Приводимъ списокъ взятыхъ подьячихъ: изъ Приказа Большого Прихода—Иванъ Брянцевъ и Ѳедоръ Протопоповъ; изъ Стрѣлецкаго—Иванъ Семеновъ; изъ Казанскаго Дворца—Афанасій Ѳаворовъ, Харламъ Юрловъ; изъ Суднаго Владимір-

ный характеръ. Объясняется онъ тѣмъ, что на Приказъ было возложено срочное порученіе: ему было велѣно, согласно 19 главѣ Уложенія, „про слободы, и про крестьяне, и про бобыли, и про закладчики, и про торговые люди сыскать и отписать на себя, великаго государя“ [54]). Когда именно Приказъ закончилъ это порученіе, намъ неизвѣстно. Въ 1653 г. Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ еще несомнѣнно существовалъ [55]).

Существовалъ онъ и въ 1657 г., но исполнялъ уже совсѣмъ особое порученіе. Какъ извѣстно, въ 1654—1655 г.г. часть страны была жестоко опустошена моровымъ повѣтріемъ. Когда повѣтріе улеглось, явилась необходимость, во-первыхъ, выяснить размѣры произведеннаго имъ опустошенія, во-вторыхъ, наблюсти, чтобы въ Москвѣ и на городахъ никто не утаивалъ „выморныхъ дворовъ и выморныхъ животовъ“ и „напрасно выморными дворами и животами и въ рядахъ лавками и товары не завладѣвалъ“. Первая часть порученія была возложена на особую комиссію, а вторая часть, т. е. сыскъ „выморныхъ животовъ“— на Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ, который былъ тогда въ завѣдываніи думного дворянина Афанасія Осиповича Пончышева (очевидно, Прончищева) и дьяка Якима Плохово [56]). Появленіе во главѣ Приказа думнаго дворянина послѣ бояръ да еще самыхъ знатныхъ бояръ—одно это показываетъ, что къ данному моменту во взглядѣ на Приказъ произошелъ серьезный поворотъ и, конечно, не въ выгодную для Приказа сторону. Роль Приказа замѣтно умалялась. Въ 1660 г. мы встрѣчаемъ нашъ Приказъ уже съ нѣсколько видоизмѣненнымъ названіемъ: онъ именуется Приказомъ Сыскныхъ Заставныхъ Дѣлъ. Подъ этимъ именемъ онъ учреждаетъ, въ предупрежденіе отъ заноса повѣтрія, заставы, заботится о похоронахъ какой-то старухи, умершей отъ невѣдомой болѣзни, сыскиваетъ по дѣлу о конскомъ падежѣ [57]). Слѣдуетъ думать, что временное порученіе сыскать „выморные дворы“ закрѣпило за Приказомъ эту новую для него отрасль дѣятельности и привело къ тому, что его спеціализировали на дѣлахъ такого рода. Спеціализирован-

скаго—Степанъ Львовъ; изъ Разбойнаго—Иванъ Мурзинъ, Тимофей Митьковъ; изъ Владимірской Чети—Лука Навильевъ; изъ Устюжской Чети—Владиміръ Демидовъ, Гавріилъ Осиповъ; изъ Земскаго Приказа—Дмитрій Шаблыкинъ; изъ Холопьяго—Дмитрій Протопоповъ, Иванъ Селуяновъ, Михайло Ларіоновъ. Арх. Мин. Юст., Моск. ст., № 325, л. 244.

[54]) А. Э. IV, № 32, также—35, 36, 39.

[55]) Арх. Мин. Юст., Моск. ст., № 325.

[56]) Акты Шуйскіе изд., Гарелина, стр. 152—154; Доп. А. Ист., III, 119.

[57]) Акты Моск. Госуд., III, №№ 88, 468, 600.

ный, онъ получилъ и соотвѣтствующее наименованіе. Какъ Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ, какимъ мы его знали раньше, онъ уже не существуетъ.

Но память о немъ остается. И вотъ, когда въ 1662 г. возникло большое и сложное дѣло о виновникахъ Московскихъ волненій (бунтъ въ Коломенскомъ), былъ сформированъ спеціальный Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ, въ составѣ бояръ кн. Ив. Андр. Хованскаго и кн. Ѳед. Ѳед. Волконскаго и дьяка Тимоѳея Маркова. Этотъ Приказъ существовалъ независимо отъ Приказа Сыскныхъ Заставныхъ Дѣлъ и, быть можетъ, функціонировалъ даже послѣ окончанія суда надъ мятежниками [58]).

Съ 1682 г. появляется новый Сыскной Приказъ, не имѣющій уже ничего общаго съ тѣмъ, исторіи котораго посвящено наше изложеніе. Подъ этимъ именемъ выступилъ прежній Разбойный Приказъ. Назывался онъ то Разбойнымъ Сыскнымъ Приказомъ, то Сыскнымъ Приказомъ. Въ 80-хъ годахъ установилось названіе: Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ [59]). Учрежденіе съ этимъ названіемъ перешло и въ XVIII вѣкъ [60]).

Неволинъ, говоря о Приказѣ Сыскныхъ Дѣлъ первой половины XVII вѣка, т. е о томъ учрежденіи, исторіи котораго посвященъ нашъ опытъ, высказалъ предположеніе, что Приказъ уничтожился самъ собой, лишь только Алексѣй Михайловичъ образовалъ Тайный Приказъ. По времени, какъ мы видѣли, эти два обстоятельства дѣйствительно совпадаютъ. Напомнимъ, что Приказъ Тайныхъ Дѣлъ возникъ не ранѣе ноября—декабря 1654 г. и не позднѣе января 1655 г. [61]). Но, съ другой стороны, все, что мы знаемъ о Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ, противорѣчитъ предположенію Неволина. Возникъ онъ своимъ особымъ путемъ, пережилъ свою особую исторію, исполнялъ свое особое назначеніе. Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ, созданный для осуществленія мѣръ, принятыхъ соборомъ 1619 г., пересталъ быть нужнымъ, когда явилось Уложеніе. Въ этомъ законодательномъ памятникѣ были объединены и получили общее значеніе тѣ начала, которыя по поводу отдѣльныхъ

---

[58]) Чт. О. И. Др. 1890 г., 3., ст. Зерцалова „О Московскихъ мятежахъ", стр. 308 и др.

[59]) Акты Шуйскіе, стр. 301, 334—335, 337, 341; Акты отн. до юрид. быта, I, стр. 342, 370, 423—424; Чт. О. И. Др., 1864 г., кн. 4, Акты г. Семевскаго, стр. 33. Ср. Неволинъ, ц. с., стр. 97.

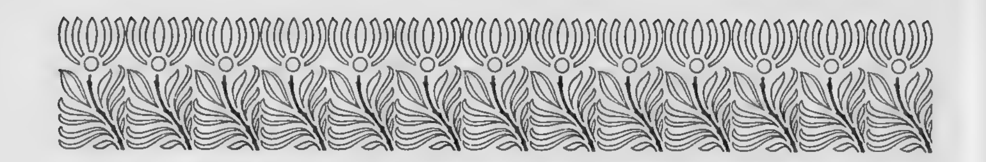
[60]) Съ 1730 г. является еще одинъ Сыскной приказъ. Подробное изложеніе исторіи этого учрежденія см. Описаніе док. и бум. Арх. Мин. Юст., кн. 2 и 4.

[61]) Гурляндъ, Прик. Тайн. Дѣлъ, гл. I.

случаевъ вырабатывались Приказомъ Сыскныхъ Дѣлъ и выдѣлившимися изъ него Приказомъ Приказныхъ Дѣлъ и Приказомъ, что на сильныхъ бьютъ челомъ [62]).

Н. Гурляндъ.

[62]) **Приложеніе.** *Судьи и дьяки Приказа Сыскныхъ Дѣлъ.* Въ 1619 г.—бояринъ кн. Ив. Борис. Черкасскій и бояринъ кн. Дан. Ив. Мезецкій; дьяки: Добрыня Семеновъ и Андрей Степановъ (Арх. Оруж. Пал., оп. 32, 127 г. № 49). Уже, во всякомъ случаѣ, съ мая 1620 г.—бояринъ Мих. Бор. Шеинъ и дьякъ Василій Яковлевъ (Арх. Оруж. Пал. по описи кн., № 1184). Въ 1621 г. при томъ же бояринѣ—дьякъ Семенъ Собакинъ (Арх. Ор. Пал., 2 разр., 129 г. № 190). Не позже февраля 1622 г—бояринъ Семенъ Вас. Головинъ и дьякъ Ив. Льговскій (Арх. Ор. Пал., 2 разр., 131 г. № 26). Въ 1625 г. (уже въ октябрѣ)—бояринъ Бор. Мих. Лыковъ и дьякъ Семенъ Бредихинъ (Арх. Ор. Пал., 2 разр.. 134 г. № 19). Съ 1626—1630 г.—бояринъ Юр. Якшеевичъ Сулешевъ и дьякъ Ив. Переносовъ (Указ. кн. Помѣст. Приказа, изд. г. Сторожевымъ въ Опис. бум. Арх. Мин. Юст., кн. 6, стр. 88; Арх. Ор. Пал., 2 разр., 136 г. № 13; А. Ист. III, 164; Доп. А. Ист. III, 47). Уже въ іюнѣ 1630 г.—окольничій Левъ Ивановичъ Далматовъ-Карповъ и дьякъ Ѳедоръ Пановъ (Акты Гражд. Распр., изд. Ѳед.-Чех., 1, стр. 329). Съ 1630—1632 г.—окольничій Артемій Измайловъ и дьяки Ѳедоръ Пановъ и Иванъ Михайловъ (Вр. О. И. Др. 1849 г., кн. 4, помѣст. дѣло, стр. 29—30; Арх. Ор. Пал., 2 разр., 140 г. № 71). Въ 1632 г—дьякъ Ѳедоръ Дружининъ (Арх. Ор. Пал. 140 г. № 71). Въ 1632 г. (мартъ и апрѣль)—бояринъ Матвѣй Михайловичъ Годуновъ и дьякъ Иванъ Софоновъ (Арх. Мин. Юст., Моск. столъ, № 71, лл. 163—165). Въ 1634 г.—бояре: князь И. И. Шуйскій, кн. Андрей Вас. Хилковъ, Василій Ив. Стрешневъ, и дьяки: Тихонъ Бормосовъ и Дмитрій Прокофьевъ (А. Э. III, 251, 348 и др.; Акты Моск. Госуд., II, стр. 14). Въ 1636 г.—окольничій Степанъ Матвѣевичъ Проѣстевъ и дьякъ Мина Грязевъ (Арх. Ор. Пал., 2 разр., 144 г. № 38). Въ томъ же году—бояринъ Ѳедоръ Ив. Шереметевъ и дьякъ Григорій Нечаевъ (Акты Моск. Гос., II, стр. 28). Съ 1638—1640 г.—бояринъ кн. Петръ Александр. Репнинъ, и дьякъ Мина Грязевъ (А. Э. III, 279; А. Ист. III, 204). Во всякомъ случаѣ, уже въ октябрѣ 1640 г. и до 1643 г.—бояринъ кн. Бор. Алек. Репнинъ и дьяки Мина Грязевъ и Пахомъ Лучниковъ (Арх. Мин. Юст., Влад. ст. ;№ 60; А. Шуйскіе, стр. 92—94; А. Эксп. III, 325; Арх. Ор. Пал., 2 разр., 148 г. № 41, № 53; 150 г. № 31). Уже въ маѣ 1643 г. и до 1645 г.—бояринъ кн. Юр. Анд. Сицкой и дьякъ Петръ Лутохинъ (Арх. Ор. Пал., 2 разр., 150 г., №№ 31, 32). Не позднѣе февраля 1645 г.—бояринъ Василій Петровичъ Шереметевъ и дьякъ Семенъ Софоновъ (Арх. Ор. Пал., 2 разр., 150 г. № 31). Не позднѣе августа 1645 г. и еще въ 1653 году—бояринъ кн. Юрій Алексѣевичъ Долгоруковъ и дьяки Иванъ Патрекѣевъ и Степанъ Чернышевъ; между мартомъ и маемъ 1649 года—Глѣбъ и Иванъ Патрекѣевы и Богданъ Обобуровъ; между мартомъ и августомъ 1652 г.—Григорій Одинцовъ и Андрей Галкинъ (А. Э. IV, 32, 35, 36, 39; Доп. А. Ист. III, 47; А. Ист. IV, 29; Акты Шуйскіе, стр. 254—255; Арх. Мин. Юст., Помѣст. столъ, № 8145, л. 28; Арх. Мин. Юст., Москов. столъ, № 325 л. 244; Арх. Ор. Пал., 2 разр., 153 г. № 5, 8, 26; 158 г. № 59; 160 г. № 49, 74).



„Заповѣдныя лѣта“ и „старина“.

Во 2-й книгѣ Чтеній Общества исторіи и древностей за 1902 годъ оконченъ печатаніемъ трудъ И. И. Побойнина — „Торопецкая старина. Историческіе очерки г. Торопца съ древнѣйшихъ временъ до конца XVII вѣка“. Въ приложеніи къ этому труду напечатана Торопецкая уставная грамота 7099 года. Въ самомъ концѣ этой грамоты стоитъ любопытное правило о порядкѣ вывоза на пустыя мѣста старыхъ тяглецовъ, напоминающее подобное же правило Важской уставной грамоты 1552 г. Привожу эти два параллельныхъ текста:

Важская грамота.

„А на пустые имъ мѣста дворовые, въ Шенкурьѣ и въ Вельску на посадѣ и въ станѣхъ и въ волостѣхъ, въ пустые деревни и на пустоши и на старые селища, хрестьянъ называть и старыхъ имъ своихъ тяглецовъ хрестьянъ изъ за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно, и сажати ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревни жилъ преже того“.

Торопецкая грамота.

„І на пустые имъ мѣста старинныхъ своихъ тяглецовъ изъ-за князей і изъ-за детей боярскихъ, изъ-за монастырей и ізъ волостей, которые у нихъ съ посаду разошлись, въ заповедные лѣта вывозить назадъ на старинные ихъ мѣста, — гдѣ хто жилъ напередъ того, — безоброчно и безпошлинно“.

Въ обѣихъ грамотахъ рѣчь идетъ о возвращеніи старыхъ тяглецовъ на прежнія мѣста жительства, но, по различію мѣстныхъ условій, на Вагѣ предоставлено выводить старыхъ тяглецовъ только изъ-за

монастырей, такъ какъ тамъ другихъ землевладѣльцевъ и не было, а въ Торопецъ можно было вывозить изъ-за всякихъ землевладѣльцевъ и изъ волостей. Различіе правилъ вывода или вывоза вышедшихъ старинныхъ тяглецовъ по этимъ двумъ памятникамъ сводится къ тому, что въ 1552 г. предоставлено возвращать вышедшихъ „безсрочно и безпошлинно", а въ 1590—1591 г. вывозить разрѣшено хотя также „безоброчно и безпошлинно", но лишь „въ заповѣдные лѣта", а не безсрочно. Наконецъ, слѣдуетъ еще отмѣтить, что по Важской грамотѣ можно было называть крестьянъ, т. е. новыхъ жильцовъ, на пустыя мѣста; Торопецкая же грамота обходитъ этотъ вопросъ молчаніемъ.

Изъ этого сопоставленія явствуетъ, что существенною новостью Торопецкой грамоты являются „заповѣдныя лѣта". Но что же такое эти заповѣдныя лѣта? По прямому смыслу приведеннаго правила подъ ними надо разумѣть установленное, хотя въ грамотѣ и не указанное, число лѣтъ, въ теченіе которыхъ разрѣшалось вывозить вышедшихъ старинныхъ тяглецовъ на прежнія мѣста жительства. Совершенно ясный смыслъ правила не допускаетъ никакого другого толкованія. А этотъ смыслъ опредѣленно указываетъ, что еще до указа 24 ноября 1597 г. была установлена, хотя бы для отдѣльной мѣстности, давность для сыска и возвращенія разошедшихся старыхъ тяглецовъ.

До насъ сохранилось и еше одно извѣстіе о заповѣдныхъ лѣтахъ въ грамотѣ 1592 г. Двинскому земскому судейкѣ о сыскѣ бѣжавшихъ изъ вотчины Корельскаго монастыря крестьянъ. Въ грамотѣ, вслѣдъ за приказаніемъ произвести обыскъ и вывезти назадъ бѣглыхъ крестьянъ, если окажется, что они за монастыремъ жили и выбѣжали безъ отпуска, стоитъ общее предписаніе: „Да и впередъ бы есте изъ Никольскіе вотчины крестьянъ въ заповѣдные лѣта до нашего указу въ наши въ черные деревни не волозили, тѣмъ ихъ Никольскіе вотчины не пустошили". Здѣсь заповѣдныя лѣта также имѣютъ значеніе установленнаго срока, но этотъ срокъ имѣетъ иное примѣненіе: въ теченіе установленнаго числа лѣтъ запрещается вывозить монастырскихъ крестьянъ въ черныя волости, т. е. временно запрещенъ вывозъ чужихъ крестьянъ.

Эта грамота, вслѣдъ за ея изданіемъ, вызвала опытъ истолкованія ея, предложенный С. А. Адріановымъ [1]). Авторъ комментарія въ частности останавливается и на вопросѣ о томъ, какъ надлежитъ по-

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1895 г., № 1, стр. 241—247.

нимать „заповѣдныя лѣта“ грамоты, и допускаетъ возможность трояkaго истолкованія указаннаго мѣста: „1) Можно предположить, что былъ изданъ указъ, воспрещавшій всѣмъ крестьянамъ Московскаго государства переходить съ одной земли на другую въ теченіе извѣстнаго (можетъ быть, неопредѣленнаго) срока, впредь до государева указа... 2) Можно предположить, что монастырю дана была привилегія не выпускать своихъ крестьянъ. 3) Возможно, что тутъ подразумѣвается временное запрещеніе вывозить частновладѣльческихъ крестьянъ въ черныя волости“. Авторъ не рѣшился отдать предпочтеніе ни одной изъ высказанныхъ имъ догадокъ и оставилъ „любопытный вопросъ о заповѣдныхъ лѣтахъ открытымъ“.

Не имѣя въ виду останавливаться на разборѣ этихъ небезынтересныхъ догадокъ и предлагая читателю обратиться къ самому комментарію, позволю себѣ лишь замѣтить, что автору было необходимо сопоставить изучаемый текстъ съ соотвѣтственнымъ мѣстомъ жалованной грамоты Никольскому Корельскому монастырю, сохранившейся и изданной по нѣсколькимъ разновременнымъ спискамъ первой четверти XVII вѣка. Вотъ это мѣсто по жалованной грамотѣ 1607 г.: „и что ихъ же монастырьскихъ крестьянъ въ наши черные деревни и сотни не пріимати, а которые крестьяне, изъ ихъ монастырскіе вотчины выбѣжавъ, живутъ въ черныхъ деревняхъ въ сотняхъ, а въ писцовыхъ въ кнчжъ Васильевыхъ книгахъ написаны Николы чюдотворца за Корелскимъ монастыремъ, и тѣхъ крестьянъ сыскивая отдавати назадъ Николы Корелскаго монастыря въ вотчину на старые деревни, гдѣ хто жилъ“ [2]). Не можетъ подлежать сомнѣнію связь этого мѣста съ изучаемымъ текстомъ грамоты 1592 г. и общимъ ея содержаніемъ. Въ началѣ жалованной грамоты 1607 г. прямо указано, что она составлена на основаніи прежнихъ жалованныхъ грамотъ царей Ивана Васильевича и Ѳедора Ивановича. Въ ней повторено и правило не принимать монастырскихъ крестьянъ въ черныя волости, и правило о возвращеніи всѣхъ выбѣжавшихъ, которые записаны въ книгахъ князя Звенигородскаго. Позднѣйшія жалованныя грамоты содержатъ ссылки, кромѣ грамотъ царей Ивана и Ѳедора, еще и на грамоту царя Василія Шуйскаго. Упомянутыя правила онѣ дословно повторяютъ. Но ни въ этихъ грамотахъ, ни въ грамотѣ 1607 г. нѣтъ

[2]) Р. И. Б., XIV, стр. 187; А. И., II, стр. 105. Дословно сходно это мѣсто и по грамотѣ 1621 г. и съ ничтожными варіантами повторено въ грамотѣ 1623 г. А И., III, стр. 134—135 и 191.

никакого упоминанія или хотя бы намека о заповѣдныхъ лѣтахъ. Значитъ, упоминать о нихъ и не было никакой нужды. Это наблюденіе во всякомъ случаѣ даетъ болѣе прочную почву для дальнѣйшихъ заключеній, чѣмъ тѣ параллели, какія подыскалъ авторъ комментарія для своихъ трехъ догадокъ.

Сопоставленіе правилъ о заповѣдныхъ лѣтахъ и различномъ ихъ примѣненіи по двумъ грамотамъ 1590—91 и 1592 г.г. приводитъ естественно къ предположенію, что въ это время установленъ былъ, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ мѣстностей, срокъ, въ теченіе котораго заинтересованнымъ было предоставлено принять мѣры къ возвращенію всѣхъ неправильно вышедшихъ и бѣглыхъ старыхъ тяглецовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ было запрещено вывозить и принимать чужихъ крестьянъ и тяглыхъ людей. Не потому ли Торопецкая грамота не повторяетъ правила Важской грамоты о призывѣ на пустыя мѣста новыхъ поселенцевъ?

Но если установленъ срокъ, „заповѣданы лѣта“, то конечно существенно знать, каковъ этотъ срокъ. А между тѣмъ отвѣта на этотъ вопросъ и нельзя дать. Въ первой грамотѣ говорится о заповѣдныхъ лѣтахъ безъ всякаго указанія на ихъ число, а во второй срокъ установленъ впредь „до государева указа“, т. е. совершенно неопредѣленно. Удивительная срочная заповѣдь, въ которой самый срокъ и не обозначенъ,—скажутъ строгіе юристы. Можетъ быть, они по-своему будутъ правы. Но отрицать въ силу этого юридическое значеніе заповѣди было бы рискованно. Историкъ права во всякомъ случаѣ долженъ съ нею считаться.

Въ „Очеркахъ изъ исторіи сельскаго населенія“ мнѣ пришлось коснуться вопроса о старожильствѣ. Мнѣ не все удалось выяснить въ этомъ любопытномъ бытовомъ явленіи. Такъ какъ я не могъ указать срока, по истеченіи котораго поселенецъ становился старожильцемъ, то я выразилъ сомнѣніе въ томъ, что въ рукахъ московскаго правительства былъ готовый критерій для разрѣшенія споровъ о старожильцахъ, и что вообще существовала указная норма для разрѣшенія такихъ споровъ. Эти наблюденія и догадки вызвали со стороны нѣкоторыхъ изслѣдователей совершенно отрицательное отношеніе.

Проф. В. И. Сергѣевичъ по этому поводу замѣтилъ: „Удивительный „обычный институтъ старожительства“; суть его никому неизвѣстна, даже московское правительство не имѣетъ подъ руками правилъ для рѣшенія споровъ о старожильцахъ. Что можемъ знать мы? Не будемъ спорить съ авторомъ (т. е. со мной) и признаемся, что и мы не

имѣемъ ни малѣйшаго понятія объ „обычномъ институтѣ старожильства“ (Древности русскаго права, 458).

Что авторъ „Русскихъ юридическихъ древностей“ отрицательно отнесся къ поставленному вопросу объ институтѣ старожительства, это никого не могло удивить. Защитнику мнѣнія объ указномъ прикрѣпленіи крестьянъ остается одно изъ двухъ: или отказаться отъ своей точки зрѣнія, или оспаривать всѣ мнѣнія, несогласныя съ его собственнымъ взглядомъ. Число сторонниковъ г. Сергѣевича по данному вопросу все болѣе и болѣе рѣдѣетъ. Этимъ, можетъ быть, и надо объяснить особую горячность его полемики со всѣми, допускающими возможность иного рѣшенія „капитальнѣйшаго вопроса нашей исторіи о возникновеніи крѣпостной зависимости“.

Возраженія проф. Сергѣевича мнѣ не показались убѣдительными. Надѣюсь, что при болѣе благопріятныхъ условіяхъ въ моемъ распоряженіи окажется болѣе свободнаго времени для отвѣта моимъ критикамъ по нѣкоторымъ болѣе крупнымъ вопросамъ, затронутымъ въ моихъ „Очеркахъ“. Тогда представится случай отмѣтить, какія изъ многочисленныхъ возраженій проф. Сергѣевича я готовъ принять.

Совершенно иначе оцѣнилъ мнѣніе о старожильствѣ этого почтеннаго изслѣдователя Н. Н. Дебольскій въ своемъ изслѣдованіи — „Гражданская дѣеспособность по русскому праву до конца XVII вѣка“. Онъ призналъ, что проф. Сергѣевичъ „весьма обстоятельно отмѣтилъ слабыя стороны этой теоріи (объ институтѣ старожильства) и указалъ ея полнѣйшую недоказанность“. Новый послѣдователь г. Сергѣевича занимаетъ, однако, въ данномъ вопросѣ совершенно иное положеніе. Онъ не сторонникъ мнѣнія объ указномъ прикрѣпленіи крестьянъ и не относится столь же отрицательно къ „обычному институту старожильства“, хотя и полагаетъ, что крѣпостное право въ силу старины возникнуть не могло. Онъ именно думаетъ, что „говорить о старинѣ, значитъ утверждать, что при давности пріобрѣтательной право творится однимъ временемъ, безъ значенія титула. Въ настоящее время такой взглядъ совершенно оставленъ“ (163). Отсюда, кажется, можно сдѣлать заключеніе, что при наличности юридическихъ условій давность могла бы найти примѣненіе и къ договору аренды. Но въ моихъ „Очеркахъ“ точно указано, что „самъ по себѣ принципъ давности не могъ бы и найти примѣненія въ договорѣ аренды, если бы этому не содѣйствовали обстоятельства побочныя, въ родѣ, напр., хозяйственной зависимости, задолженности срочнаго арендатора собственнику земли“ (22). Было бы поэтому очень интересно узнать, могла ли задолжен-

ность арендатора явиться условіемъ соотвѣтственнымъ для примѣненія давности къ договору аренды. Но, къ сожалѣнію, г. Дебольскій обходитъ этотъ вопросъ полнымъ молчаніемъ.

Однако не можетъ подлежать сомнѣнію, что, по мнѣнію г. Дебольскаго, старожительство является юридическимъ институтомъ. Разбирая приведенныя мною данныя о прикрѣпленіи старожильцевъ, авторъ останавливается на извѣстной грамотѣ 1455—1462 г., которою запрещенъ выходъ монастырскимъ крестьянамъ-старожильцамъ (А. И. I. № 59). Спрашивается, почему запретъ поражаетъ только старожильцевъ? У г. Дебольскаго читаемъ: „Мы также уже говорили по поводу этой грамоты, не считая ея доказательствомъ въ пользу мнѣнія о значеніи старожильчества для идеи (?) прикрѣпленія крестьянъ, и здѣсь можемъ лишь сказать, что старожильчество потому упомянуто въ этой грамотѣ, что только относительно старожильцевъ можно говорить вполнѣ опредѣленно, какъ о легальныхъ арендаторахъ монастырской земли, недолжныхъ бывшимъ господамъ и неимѣющихъ противъ себя ихъ исковъ" (166—167). Здѣсь указанъ цѣлый рядъ юридическихъ признаковъ старожильцевъ: 1) только они вполнѣ опредѣленно *легальные* арендаторы земли; 2) они не должники бывшихъ господъ (?), и къ нимъ не могутъ быть предъявлены иски со стороны послѣднихъ. Къ сожалѣнію, краткость формулировки возбуждаетъ рядъ недоумѣній. Читатель въ правѣ спросить, почему у законнаго арендатора не могутъ быть старые долги какому то прежнему господину? За разрѣшеніемъ недоумѣнія естественно обратиться къ другому труду того же автора, къ которому онъ и отсылаетъ читателя. Но тамъ сказано: „ограниченіе перехода именно старожильцевъ, а не всѣхъ крестьянъ, вытекало въ данномъ случаѣ не изъ того воззрѣнія, что человѣкъ, долго жившій на чьей-нибудь землѣ, становился крѣпостнымъ, *хотя это воззрѣніе нарождалось и выразилось въ постановленіи Судебника 1497 г. о пожиломъ* (курсивъ мой). Но здѣсь такая исключительная мѣра требовала большой осмотрительности: только тѣхъ крестьянъ можно было не выпускать, не боясь протеста окрестныхъ землевладѣльцевъ, которые завѣдомо, искони вѣковъ, жили на монастырскихъ земляхъ". Это мнѣніе существенно отличается отъ предшествующаго; согласно ему, старожильцы—исконные жильцы. Въ такомъ случаѣ непонятно, какіе еще могли быть господа, кромѣ монастыря, у крестьянъ, которые искони вѣковъ живутъ на монастырской землѣ? Читателю трудно распутаться въ этихъ мнѣніяхъ, а потому самъ авторъ долженъ ихъ разъяснить.

Въ приведенной цитатѣ любопытно, однако, отмѣтить подробность, что у автора раньше было, повидимому, совершенно иное мнѣніе о значеніи старины въ дѣлѣ прикрѣпленія крестьянъ: онъ утверждалъ, что въ половинѣ XV в. нарождалось воззрѣніе, что человѣкъ, долго жившій на чьей-нибудь землѣ, становился крѣпостнымъ, и выразилось въ постановленіи Судебника 1497 г. о пожиломъ. Послѣднее указаніе для меня непонятно, но основная мысль вполнѣ согласуется и съ моей точкой зрѣнія на значеніе старины. Эта мысль вовсе не случайная обмолвка; она повторяется и въ другомъ мѣстѣ той же статьи, гдѣ авторъ отмѣчаетъ высказанныя въ новой исторической литературѣ мнѣнія о различныхъ сторонахъ бытовой обстановки закрѣпощенія крестьянъ: „одни указываютъ на экономическое безотрадное положеніе крестьянъ, другіе—на связь и у насъ, какъ на западѣ Европы, идеи несвободнаго состоянія съ продолжительностью жительства на чужой землѣ". Но авторъ возражаетъ, что „это *вообще и не вызывало никогда сомнѣнія* (курсивъ мой) и указано, между прочимъ, приверженцами другого мнѣнія о прикрѣпленіи крестьянъ: В. И. Сергѣевичъ подробно выясняетъ фактическое тяжелое матеріальное положеніе крестьянъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ, Б. Н. Чичеринъ проводитъ связь между идеею ограниченія правоспособности и старожилцами" [3]). Во всей этой любопытной выдержкѣ, къ сожалѣнію, не подтверждается только послѣдняя ссылка на Чичерина. Указавъ на средневѣковое правило—Luft macht eigen, Чичеринъ, наоборотъ, замѣчаетъ: „у насъ не было ничего подобнаго". А параллель дѣйствительно очень любопытна; она могла бы бросить нѣкоторый свѣтъ и на спорный вопросъ о значеніи старины жительства въ нашей исторіи. Но теперь г. Дебольскій стоитъ на совершенно другой точкѣ зрѣнія: „пока крестьянинъ не былъ прикрѣпленъ къ землѣ, до тѣхъ поръ, какъ бы онъ долго ни былъ арендаторомъ, онъ не могъ стать крѣпостнымъ, ибо старина подтвердила бы лишь существованіе договора аренды, и ничего болѣе" (164). Остается лишь пожалѣть о томъ, что авторъ, такъ рѣзко измѣнившій свою точку зрѣнія въ вопросѣ о старинѣ, оставилъ безъ всякаго разъясненія скрытые мотивы столь рѣзкой перемѣны.

Но что же было на западѣ Европы? Играла ли тамъ какую-нибудь роль давность поселенія на чужой землѣ въ исторіи прикрѣпленія сельскаго населенія? Здѣсь не безполезно будетъ напомнить нѣкоторыя данныя для разъясненія этого вопроса.

---

[3]) *„Къ вопросу о прикрѣпленіи владѣльческихъ крестьянъ", стр. 27 и 39, СПБ. 1895.*

Самое раннее упоминаніе о прикрѣпленіи по давности относится къ концу V вѣка христіанской эры и содержится въ одной конституціи императора Анастасія, гдѣ сказано: „Одни изъ землевладѣльцевъ имперіи называются адскриптиціями, ихъ имущества принадлежатъ господину. Другіе же дѣлаются по истеченіи 30-тилѣтняго срока колонами, оставаясь лично свободными и сохраняя право распоряженія своимъ имуществомъ. Но и они также прикрѣпляются къ землѣ и обязуются платить оброкъ“ [4]). Итакъ, свободный человѣкъ, прожившій въ качествѣ земледѣльца (колона) на чужой землѣ 30 лѣтъ, прикрѣплялся къ этой землѣ. Имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ новымъ императорскимъ узаконеніемъ или съ занесеніемъ въ законъ обычной нормы, это пока не представляется важнымъ.

Въ средневѣковомъ феодальномъ правѣ снова встрѣчаемся съ закрѣпощеніемъ по давности, но только въ другой формѣ. Воспользуемся для Франціи указаніемъ А. Эсмена; онъ говоритъ: „Вторымъ способомъ закрѣпощенія была давность (prescription), могущество которой въ феодальномъ обществѣ было почти безграничнымъ. Всякій становился крѣпостнымъ въ силу лишь того факта, что въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, опредѣленнаго обычаемъ, несъ налоги и повинности и подвергался всѣмъ послѣдствіямъ крѣпостнаго состоянія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эта давность была очень краткой: для ея примѣненія достаточно было прожить годъ со днемъ среди крѣпостныхъ данной сеньоріи“. Въ другихъ мѣстностяхъ, наоборотъ, дѣйствовала давность въ 30 лѣтъ, наслѣдованная, очевидно, изъ римскаго права [5]). Въ германскомъ правѣ получила широкое примѣненіе краткая давность—Jahr und Tag. На этой почвѣ и создалась, конечно, обычная поговорка: „die Luft macht eigen“. Это значитъ, что проживаніе на господской землѣ въ теченіе года со днемъ дѣлало человѣка крѣпостнымъ. Позднѣе, уже въ подражаніе этой поговоркѣ, возникло другое обычное правило: „Luft macht frei“, въ силу котораго

---

[4]) *Fustel de Koulanges,* Le colonat romain. Recherches sur quelques problemes d' histoire, p. 94; *Ив. Гревсъ,* Новое изслѣдованіе о колонатѣ, Ж. М. Н. Пр. 1886, № 12, стр. 333 и слѣд.; *Karlowa,* Römische Rechtsgeschichte, I, 922.

[5]) *A. Esmein,* Cours élémentaire d'histoire du droit français, 236; *Paul Viollet,* Précis de l'histoire du droit français, 273—274. Нѣкоторые писатели въ числѣ источниковъ крѣпостной зависимости указываютъ вмѣсто давности мѣстожительство лица, хотя это одно и то же въ данномъ случаѣ; *Achille Luchaire,* Manuel des institutions françaises, 295: „b. *Le domicile.* La coexistance d'un servage territorial à côté du servage personnel est un legs de l'époque carolingienne. Il y a des terres serviles, des lieux de mainmorte où il suffit de séjourner pendant un an et un jour pour devenir serf“.

крѣпостной, прожившій на вольной (городской) землѣ указанный срокъ, становился вольнымъ [6]). Наконецъ, для Англіи П. Г. Виноградовъ приводитъ указаніе глоссатора начала XIV в. къ Брактону о томъ, что „свободный человѣкъ, находящійся въ положеніи виллана, не теряетъ своихъ правъ, если только не будетъ доказано, что его предки уже въ теченіе трехъ поколѣній занимали такое положеніе“ [7]).

Изъ приведенной справки явствуетъ, что закрѣпощеніе по давности имѣло въ древнемъ и средневѣковомъ западно-европейскомъ правѣ широкое распространеніе. Самый срокъ этой давности колеблется въ обширныхъ предѣлахъ отъ одного года до полустолѣтія и столѣтія (третье и пятое поколѣнія) и фиксируется закономъ или обычаемъ. Рѣшеніе же вопроса о томъ, при какихъ условіяхъ возникъ этотъ видъ закрѣпощенія въ западномъ правѣ, надо искать въ исторіи крѣпостнаго права, въ частности въ исторіи колоната.

Здѣсь, конечно, не мѣсто входить въ подробности этого вопроса; позволю себѣ только отмѣтить взгляды на вліяніе задолженности въ исторіи закрѣпощенія колоновъ въ новѣйшей литературѣ.

По исторіи колоната самымъ крупнымъ литературнымъ явленіемъ послѣдняго времени является, безспорно, трудъ Фюстель-де-Куланжа— „Le colonat romain“, 1885 г. Важное значеніе этого сочиненія признаютъ и нѣмцы. „Фюстель-де-Куланжъ впервые представилъ исторію колоната. Его книга составляетъ эпоху. Все, что написано до него, отходитъ въ область исторіи научныхъ изслѣдованій колоната“. Таково мнѣніе Адольфа Шультена [8]). Возраженія, предъявленныя Фюстель-де-Куланжу, касаются тѣхъ или иныхъ частностей. Но какъ общіе его выводы, такъ и методологическіе пріемы этой работы не вызываютъ возраженій. А исторію колоната онъ начинаетъ именно съ задолженности свободныхъ арендаторовъ. На основаніи свидѣтельствъ Плинія, Варрона, Колумеллы и др., рисуются картины затрудненій землевла-

---

[6]) *Karl v. Amira,* Grundriss des germanischen Rechts, 2-te Aufl., 89; *H. Brunner* Deutsche Rechtsgeschichte, 2-er Band, 276, 280—281; *R. Schröder,* Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, 2-te Aufl., 443 u. 446.

[7]) „Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка“, 40; „Villainage in England“, 63: villainage by prescription; здѣсь сказано: „it (gloss) maintains that free stock doing villain service lapses into villainage in the fifth generation only“.

[8]) *A. Schulten,* Der römische Kolonat. Historische Zeitschrift, B. 78, 1897, S. 3; *E. Beaudouin,* Les grands domaines dans l'empire romain, 1899, p. 78: „Schulten pense (et je suis pleinement de son avis) que, sur ce probléme tant discuté, c'est le memoire de M. Fustel de Coulanges qui a fait le mieux la lumière“. Ср. указанную статью И. М. Гревса въ Ж. М. Н. Пр. 1886, №№ 11 и 12.

дѣльцевъ вслѣдствіе увеличивающихся недоимокъ за арендаторами, которые перестали и заботиться о погашеніи долговъ и небрежно ведутъ хозяйство, утративъ всякій интересъ къ сбереженіямъ. Земли обработываются или рабами, или задолжавшими свободными арендаторами. На основаніи этихъ данныхъ, Фюстель-де-Куланжъ заключаетъ: „Мы касаемся здѣсь, если я не ошибаюсь, одного изъ источниковъ колоната. У насъ передъ глазами люди, свободные арендаторы по срочнымъ контрактамъ съ точки зрѣнія права, которые на дѣлѣ не могутъ покинуть помѣстье собственника. Первоначальный ихъ контрактъ не препятствуетъ этому, но недоимки являются къ тому помѣхой. Они еще не прикрѣплены къ землѣ въ силу закона, но привязаны къ ней долгами. Земля ихъ удерживаетъ еще не въ силу званія колоновъ, но какъ должниковъ" (18).

Нѣсколько дальше авторъ продолжаетъ: „Кромѣ того, весьма вѣроятно, что эти должники („endettés") вовсе не получали отъ землевладѣльца взаймы денегъ. Онъ имъ предоставилъ свою землю, и они не въ состояніи были платить за нее арендной платы. Также можетъ быть, что онъ ихъ ссудилъ, наложивъ арестъ на ихъ залоги, другими движимостями, скотомъ, орудіями. Возможно, наконецъ, что они пришли на его землю безъ всякихъ средствъ, и онъ ссудилъ ихъ хлѣбомъ, скотомъ и инструментами. Во всякомъ случаѣ они не могли всего этого вернуть; они его должники и останутся ими навсегда" (19).

Таково было положеніе дѣлъ въ самомъ началѣ имперіи и даже раньше и не только въ одной Италіи, но въ Иллиріи, Азіи, Египтѣ. Свободная аренда и колонатъ существовали смежно, хотя и рѣзко различались. Первая легко и повседневно переходила во второй.

Второю ступенью въ исторіи колоната является бытъ земледѣльцевъ въ африканскихъ императорскихъ имѣніяхъ. По надписи II вѣка изъ имѣнія „saltus Burunitanus" Фюстель-де-Куланжъ рисуетъ ихъ положеніе. Это уже не срочные арендаторы, а постоянные земледѣльцы, уплачивающіе натуральные сборы и отбывающіе барщину. Ихъ положеніе очень тяжелое, и они жалуются на притѣсненія. Почему же они не уходятъ съ земли? „Я не знаю закона,—говоритъ Фюстель-де-Куланжъ,—который бы запрещалъ имъ выходъ; но вѣрно то, что они остались. Они даже не выражаютъ намѣренія уйти; наоборотъ, изъ нѣсколькихъ мѣстъ письма ихъ къ императору явствуетъ, что они останутся, что бы ни случилось..... Фактически, если не по праву, они вѣчные земледѣльцы...... Такъ человѣкъ мало-по-малу укореняется на землѣ прежде, чѣмъ законъ его къ ней привяжетъ. Онъ становится добровольнымъ колономъ прежде, чѣмъ колономъ по принужденію.

Обычай и интересъ кладутъ начало тому, что завершитъ законъ" (41—42).

Этихъ выдержекъ совершенно достаточно для ближайшей цѣли настоящей замѣтки. Онѣ характеризуютъ въ общемъ положеніе дѣлъ и методологическіе пріемы изслѣдователя. Слѣдуетъ лишь добавить, что какъ выводы, такъ и пріемы изученія усвоены цѣлымъ рядомъ историковъ конца XIX вѣка: Эсменомъ, Шультеномъ, Бодуэномъ, Кюкомъ [9]). Всѣ они лишь исправляютъ эти выводы въ частностяхъ и дополняютъ новыми данными.

Итакъ въ западномъ средневѣковомъ правѣ и давность, и задолженность играютъ замѣтную роль въ исторіи прикрѣпленія сельскаго населенія. Въ литературѣ соотношеніе между этими явленіями не вполнѣ установлено. По крайней мѣрѣ въ числѣ условій для примѣненія давности къ договору аренды наряду съ задолженностью указываются и другіе моменты, какъ привычка къ мѣсту поселенія, злоупотребленія землевладѣльцевъ и ихъ уполномоченныхъ и т. п. Но исторія крѣпостнаго права тамъ, какъ и у насъ, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ еще не выяснена.

Но можно ли говорить о старинѣ и задолженности въ исторіи крѣпостнаго права у насъ? Дать утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ на основаніи одной аналогіи съ исторіей Запада было бы по

---

9) A. *Esmein*, Cours d'histoire du droit français, 24: „le paysan qui vivait là (sur les grands domaines des particuliers), isolé des cités, était, en fait, attaché au sol de pére en fils, par l'impossibilité presque compléte où il se trouvait de changer de profession ou de résidance. Ce fait, la coutume le transforma en droit. On a aussi relevé une cause, qui dût contribuer à transformer en colons nombre de petits fermiers ou métayers; c'est la dette arriérée des fermages et l'insolvabilité croissante qui les retenait à la discrétion du propriétaire". A. *Schulten*, назв. соч., 6—13. *E. Beaudouin*, назв. соч. 78—84 и 91; онъ такъ формулируетъ всю исторію колоната: „Visiblement le fermage perpétuel est considéré de trés bonne heure comme un idéal, et bientôt comme une nécessité économique. La pratique de plus en plus attache le cultivateur au sol. Cette nécessité économique s'est transformée, au IV siécle, en une nécessité légale; cette pratique est devenue la loi. Voila toute l'histoire du colonat". Онъ дополняетъ данныя изъ недавно найденной надписи „Henchir Mettich": „En droit, sans doute, les colons sont libre de quitter cette terre, mais, dans la réalité, toutes sortes de circonstances les y retiendront: l'habitude de vivre là, l'attachement naturel du cultivateur à la terre, la pauvreté, la difficulté de gagner leur vie ailleurs, au besoin, j'en suis convaincu, la contrainte administrative ou celle du propriétaire lui-même". По поводу той же надписи *Cuq* замѣчаетъ: „En droit, les colons sont libres d'abandonner la culture; en fait, ils n'usent guère de cette faculté. Les propriétaires, les fermiers changent, les colons restent; ils sont en conséquence immobilisés sur le fonds. A la longue, l'etat de fait se transforma en un état de droit" (Цитир. по Beaudouin, l. c., p. 143).

меньшей мѣрѣ поспѣшно. Но указанная параллель явленій должна предостеречь и отъ поспѣшнаго отрицательнаго отвѣта. Допустимъ, что по имѣющимся даннымъ указанныя явленія въ нашей исторіи представляются не столь опредѣленными и ясными, какъ въ исторіи западной. Если и всѣ дальнѣйшія попытки къ выясненію ихъ не приведутъ ни къ какимъ болѣе опредѣленнымъ результатамъ, то и тогда сравненіе изучаемыхъ явленій допустимо съ точки зрѣнія научной методологіи. „Примѣненіе сравнительной методы предполагаетъ, что сравниваемыя явленія уже выяснены въ своихъ признакахъ. Сравненіе, слѣдовательно, не есть способъ обработки даннаго положительнаго права. Всякое положительное право можетъ быть обрабатываемо только на основаніи его собственныхъ источниковъ. Чего не даютъ эти источники, то не можетъ быть пополнено сравненіемъ. Сравнительная метода не въ силахъ прибавить къ системѣ даннаго историческаго права ни одного новаго историческаго факта. Она можетъ только пролить новый свѣтъ на существующіе и навести на объясненіе неяснаго, несовершенно досказаннаго въ источникахъ свидѣтельства“ [10]). Значитъ, и то неясное и несовершенно досказанное, что содержится въ нашихъ источникахъ о старожильствѣ, даетъ право говорить о ней.

Но этотъ методологическій выводъ не предрѣшаетъ, конечно, вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ могутъ быть приняты или подтвердятся высказанныя догадки о значеніи и происхожденіи старины жительства въ исторіи возникновенія крѣпостнаго права. Будемъ надѣяться, что новыя данныя прежде всего разсѣютъ многія сомнѣнія.

Кое-что позволяютъ прибавить къ вопросу о старинѣ и приведенныя выше грамоты 1590—91 и 1592 г.г. На основаніи ихъ прежде всего необходимо сдѣлать оговорку, что указанная норма далеко не всегда въ московскомъ правѣ можетъ разъяснить неясное въ практикѣ. Правила о „заповѣдныхъ лѣтахъ“ служатъ тому наглядным подтвержденіемъ. Невозможность опредѣлить по нимъ число заповѣданныхъ лѣтъ не отнимаетъ юридической силы у этихъ правилъ. Институтъ давности могъ существовать и примѣняться и безъ опредѣленія въ указахъ срока этой давности. Недосказанное въ указѣ могло пополняться практикой, а она могла быть въ разныхъ мѣстностяхъ различною.

Уставная Торопецкая грамота даетъ и прямое дополненіе къ отмѣченнымъ уже чертамъ института старожильцевъ. По ней устанавляется давность для вывоза разошедшихся старыхъ тяглецовъ. Такое

---

[10]) *В. И. Сергѣевичъ*, „Государство и право въ исторіи“. Сборн. госуд. знаній т. VII, стр. 49.

правило въ значительной мѣрѣ могло облегчить разрѣшеніе споровъ о старожильцахъ. Въ „Очеркахъ“ я старался установить, что одно и то же лицо могло оказаться старожильцемъ двухъ и болѣе имѣній и волостей. Выводить и вывозить обратно старыхъ жильцовъ по праву старины было тѣмъ труднѣе, чѣмъ дольше подобныя требованія не предъявлялись, такъ какъ тѣмъ прочнѣе возникла для нихъ старина на новыхъ мѣстахъ поселенія. Съ установленіемъ же заповѣдныхъ лѣтъ для возвращенія ушедшихъ старыхъ тяглецовъ, тѣ изъ послѣднихъ, которые прожили заповѣдные годы въ другомъ мѣстѣ, не подлежали уже возврату на прежнія мѣста жительства. Такое толкованіе правила Торопецкой грамоты заставляетъ предполагать, что и самое установленіе заповѣдныхъ лѣтъ вызвано было скопленіемъ по мѣстамъ жалобъ и споровъ между землевладѣльцами и тяглыми общинами изъ-за вышедшихъ и выбѣжавшихъ старыхъ тяглецовъ и крестьянъ. Срочность же и притомъ неопредѣленная заповѣди объясняется тѣмъ, что какъ разъ въ это время предпринята была опись многихъ уѣздовъ, но результаты ея еще не были приведены въ извѣстность и могли стать извѣстными лишь постепенно.

Кромѣ главной загадки о заповѣдныхъ лѣтахъ, Торопецкая и Двинская грамоты задаютъ изслѣдователямъ и другіе вопросы. Между прочимъ въ нихъ содержатся косвенныя и прямыя данныя для рѣшенія спорной темы о томъ, до какихъ поръ продолжалъ сохранять свою силу законъ о Юрьевѣ днѣ. Какъ ни смотрѣть на эти грамоты, —какъ на мѣстные ли, или частные законы, или же какъ на выраженіе общей политики правительства,—значеніе ихъ въ данномъ вопросѣ лишь видоизмѣняется съ точки зрѣнія методологической. Ни сторонники указнаго прикрѣпленія крестьянъ, ни ихъ противники въ данномъ вопросѣ не могутъ обойти этихъ указовъ, такъ какъ въ нихъ упоминается о вывозѣ тяглецовъ безоброчно и безпошлинно и объ отказѣ (отпускѣ) крестьянъ съ уплатою пошлинъ.

Н. Н. Дебольскій въ своемъ послѣднемъ трудѣ, желая опредѣлить послѣдній несомнѣнный моментъ, когда дѣйствовало еще правило Судебника, считаетъ таковымъ 1589 г., такъ какъ обозначенный этою датой проектъ Судебника Ѳеодора Ивановича еще упоминаетъ о Юрьевѣ днѣ. Онъ утверждаетъ, что прикрѣпленіе произошло между 1589 и 1597 годами. Принять первую дату рискованно уже потому, что самый памятникъ, изъ котораго она почерпнута, представляется въ этомъ смыслѣ ненадежнымъ [11]). Г. Дебольскій считаетъ возможнымъ сокра-

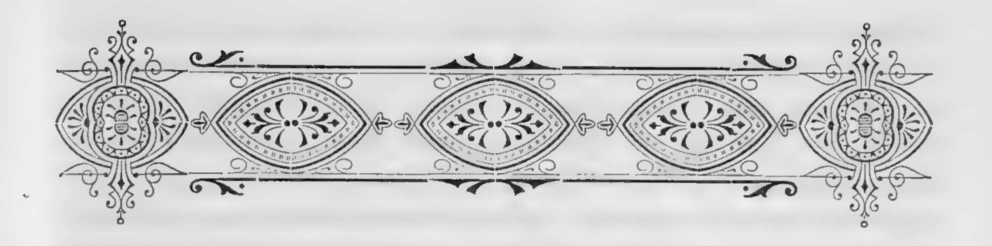
[11]) *М. Ф. Владимірскій-Будановъ.* Судебникъ 1589 года. Его значеніе и источники, 1902 года.

тить указанный имъ промежутокъ ссылкой на первое извѣстное и имъ указанное судебное дѣло о „бѣглыхъ" крестьянахъ, записанное въ переписную книгу Новгородскаго Суднаго приказа 1595 г. Онъ никакъ не хочетъ признать, что были бѣглые крестьяне и раньше указанной имъ даты: „Случая примѣненія къ крестьянамъ, ушедшимъ не въ срокъ и безъ отказа, прилагательнаго „бѣглый" до послѣдняго 10-лѣтія XVI вѣка никто не могъ привести до сихъ поръ, несмотря на поиски въ архивахъ" (149). Въ моихъ „Очеркахъ" приведены были выраженія памятниковъ болѣе раннихъ о крестьянахъ, что они или онъ „бѣгутъ розно", „выбѣжалъ вонъ безъ отказа", „поразбѣглись", „сбѣжали безвѣстно" и пр. Но авторъ „Гражданской дѣеспособности" возражаетъ, „что слово „выбѣжать" еще не есть прилагательное „бѣглый".... Холопъ выбѣжалъ изъ полона, но онъ не бѣглый и дается свободнымъ.... „Бѣглыми" до сего времени были лишь холопы и уголовные преступники". Автору кажется, что вопросъ о правѣ крестьянъ уходить безъ отказа, подъ отвѣтственностію лишь имущественною за убытки, а не личною, сопряженною съ возвратомъ, „уже очень подробно разработанъ въ литературѣ и для всякаго непредубѣжденнаго читателя не даетъ основаній къ иному выводу, чѣмъ сдѣланный проф. В. И. Сергѣевичемъ" (148—150). Здѣсь г. Дебольскій впадаетъ въ большое недоразумѣніе: онъ ссылается на Юрид. Др. I, стр. 220 и слѣд. (изд. 2-е), гдѣ рѣчь идетъ о томъ, что „долгъ имѣлъ слѣдствіемъ искъ объ уплатѣ подмоги или ссуды, а не искъ о возвращеніи ушедшаго крестьянина". О послѣдствіяхъ же ухода безъ отказа рѣчь идетъ на стр. 247—251 упомянутаго изданія и въ смыслѣ совершенно обратномъ указаніямъ г. Дебольскаго. Достаточно привести слѣдующую цитату: „Въ половинѣ XVI вѣка бѣглыми называются крестьяне, которые ушли безъ отказа, не въ срокъ и не уплатя пошлинъ" (250). Проф. Сергѣевичъ отказался отъ мнѣнія, защищаемаго имъ въ 1-мъ изд. перваго тома Юрид. Др. (243), и призналъ бѣглыхъ крестьянъ съ половины XVI вѣка. Едва ли не тщетно старается отстоять свое мнѣніе и г. Дебольскій и тѣмъ болѣе, что теперь и безъ поисковъ въ архивахъ онъ можетъ найти прилагательное „бѣглый" относительно крестьянъ въ памятникахъ, относящихся къ 80-мъ годамъ XVI вѣка. Обращаю его вниманіе на документъ, отпечатанный въ Актахъ Юшкова подъ № 225: дата документа 1586 г.; содержаніе—предписаніе о сыскѣ бѣглаго крестьянина.

Для рѣшенія поставленнаго вопроса Н. Н. Дебольскій привлекаетъ и грамоту 1592 г., но не придаетъ ей значенія. Онъ говоритъ, что, во-1-хъ, грамота относится къ такому времени, „когда уже, пови-

димому, Московское правительство черезъ посредство своихъ судебныхъ и административныхъ органовъ стало проводить точку зрѣнія о томъ, что крестьяне, записанные въ писцовыя книги, прикрѣплены къ землѣ, не имѣли права выхода, и ихъ можно было возвращать назадъ, какъ бѣглыхъ, хотя это еще не опредѣлено въ законѣ (потому-то Корельскій монастырь и ссылается еще на уходъ безъ отказа), а, во-2-хъ, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ лишь мотивировку иска стороною, что̀, конечно, не можетъ служить большимъ доказательствомъ" (168—169). Авторъ, съ одной стороны, самъ поясняетъ, почему Корельскій монастырь могъ или имѣлъ право сослаться на уходъ безъ отказа, съ другой же—не считаетъ этой ссылки большимъ (?) доказательствомъ. По моему мнѣнію, что-нибудь одно: монастырь или могъ сослаться на уходъ безъ отказа, или не могъ. Допустивъ первое предположеніе, необходимо допустить, что отказъ существовалъ. Но могъ ли монастырь сослаться на уходъ безъ отказа? Авторъ ошибается, говоря, что указаніе на отказъ содержится только въ челобитьи монастырскихъ властей. Въ отвѣтъ на челобитье послѣдовало предписаніе „сыскати всякими сыски накрѣпко, тѣ крестьяне напередъ того за Корельскимъ монастыремъ живали ли и въ нынѣшнемъ 100 году безъ *отпуску* выбѣжали ли". Что же такое здѣсь „отпускъ"? При сопоставленіи этого офиціальнаго термина съ ссылкой челобитчиковъ на уходъ безъ отказа не можетъ, кажется, возникнуть сомнѣній въ томъ, что „отпускъ" здѣсь обозначаетъ принятіе отказа. Надо думать, что отказъ существуетъ и въ 1592 году.

М. Дьяконовъ.



О трудовыхъ ассоціаціяхъ у Славянъ.

Еще въ настоящее время встрѣчаются въ славянскомъ правѣ кооперативные союзы, происхожденіе которыхъ относится ко времени, когда славяне жили еще вмѣстѣ, какъ одинъ нераздѣльный народъ. Исторія права отдѣльныхъ славянскихъ народовъ не доставляетъ намъ, правда, надлежащихъ свѣдѣній объ этомъ, но тѣмъ не менѣе мы, опираясь на другіе источники, съ полной достовѣрностью можемъ предполагать, что упомянутыя ассоціаціи существовали.

Въ этой краткой статьѣ мы хотимъ показать, что мнѣніе, высказанное разными изслѣдователями по предмету нашей статьи, оказывается вѣрнымъ: самый древній источникъ исторіи права—это языкъ, а другой не менѣе важный источникъ—правовые обычаи, насколько возможно найти въ нихъ слѣды отношеній, когда-то исключительно господствовавшихъ, или же, по крайней мѣрѣ, широко распространенныхъ. Данныя, почерпнутыя изъ лингвистики и обычнаго права, представляютъ въ данномъ случаѣ чрезвычайно важное подспорье для историка права.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что правовые институты, еще нынѣ встрѣчающіеся у тѣхъ славянскихъ народовъ, которые не имѣли сосѣдями славянъ же, и правовыя учрежденія которыхъ вслѣдствіе этого никогда не могли вліять другъ на друга, не возникли у отдѣльныхъ славянскихъ народовъ самостоятельно, но ведутъ свое начало отъ того отдаленнаго времени, когда славяне еще не раздѣлились, а составляли одинъ народъ. Такими народами, которые жили отдѣльно другъ отъ друга, были русскіе и южные славяне. Если встрѣчаются у нихъ, по даннымъ обычнаго права, не только тѣ же самые правовые институты,

но одни и тѣ же названія послѣднихъ, то это неоспоримо доказываетъ, что рѣчь идетъ объ общемъ древне-славянскомъ правовомъ учрежденіи, которое несомнѣнно существовало когда-то и въ правѣ остальныхъ славянскихъ народовъ, но впослѣдствіи подъ разными вліяніями исчезло. Мы говоримъ здѣсь объ институтахъ, которыхъ славяне не могли заимствовать у другихъ народовъ, такъ какъ у послѣднихъ ихъ не было.

Въ наукѣ давно ужъ извѣстно, что единственно лишь право римское (позднѣйшее) основано на началѣ индивидуализма, доведеннаго до крайнихъ предѣловъ. Римское dominium, какъ неограниченное правовое господство индивидуума надъ вещью — это понятіе, котораго — относительно недвижимостей—мы не находимъ у другихъ народовъ. Въ противоположность римскому началу индивидуализма, въ правѣ остальныхъ народовъ міра возникло начало коллективизма, которое уступило мѣсто римскому индивидуализму только на высшей ступени правового развитія, когда въ Европѣ распространилось римское право (рецепція римскаго права). У примитивныхъ же племенъ Азіи, Африки и Полинезіи начало коллективизма еще и нынѣ представляетъ общее правило, а не исключеніе. Это извѣстно по результатамъ изслѣдованій главныхъ представителей этнологической юриспруденціи. Что касается русской литературы, то достаточно указать въ этомъ отношеніи на прекрасный трудъ Н. И. Зибера—„Очерки первобытной экономической культуры“ (М. 1883), особенно же на главу I („Общинная охота и рыбная ловля.—Общинное пастушество“). гл. II („Общинныя работы по выжиганію лѣсовъ.—Общинныя работы по орошенію, какъ-то: по сооруженію каналовъ и резервуаровъ и регулированію рѣкъ. — Общинная эксплуатація системъ орошенія“) и гл. III („Общинныя земледѣльческія и нѣкоторыя промышленныя работы“).

Мнѣніе, что и въ правѣ славянскомъ землевладѣніе основано на началѣ общинномъ, высказывали многіе русскіе ученые, хотя съ разными варіаціями (защищая разныя теоріи: о бытѣ семейно-общинномъ, сельско-общинномъ и т. д.). Я также принадлежу къ послѣдователямъ теоріи общинной (семейно-общинной). Свое мнѣніе по этому вопросу я высказалъ въ работахъ: Zádruha čili rodinný nedíl v právu slovanském (въ Прагѣ 1898), K „Slovu o zádruze“ (критическое разсужденіе по поводу работы J. Peisker'a о задругѣ, въ Národop. Sborník'ѣ Českoslov. 1900) и Rodinný nedíl ve světle dat srovnavacích právních dějin (Čas. Mat. Mor. 1901) [1]).

[1]) Русскій переводъ этихъ статей подъ заглавіемъ: „Семейная община или задруга въ слав. правѣ“ (перевелъ Г. А. Ильинскій), началъ выходить въ Изв. СПБ. Слав. Благ. Общ. 1902.

Въ русской литературѣ имѣетъ это ученіе одного очень серьезнаго противника въ лицѣ проф. В. И. Сергѣевича, но и онъ не отрицаетъ наличности семейно-общиннаго начала въ русскомъ правѣ; онъ только низводитъ это начало до минимума, защищая мнѣніе, что въ древней Руси личная собственность была сильнѣе, чѣмъ общая. И проф. Сергѣевичъ, защитникъ индивидуализма, признаетъ существованіе въ древней Руси семейной общины, хотя только между братьями [2]), и, кромѣ того, искусственныхъ союзовъ, подобныхъ семейной общинѣ, которые мы бы могли назвать договорными семьями. Новгородскія писцовыя книги знаютъ именно *товарищества* (договорныя „семьи", состоящія изъ 2—3 постороннихъ людей), члены которыхъ называются иногда и *пріятелями* или *складниками* [3]).

Толкованіе проф. Сергѣевича, состоящее въ томъ, что складство есть не складчина капитала для общаго предпріятія, а положеніе въ одну податную единицу (соху) для исчисленія государева тягла, опровергаетъ М. В. Клочковъ (въ статьѣ—„Къ вопросу о складникахъ", Ж. М. Н. П., ч. CCCXXXVIII, 1901, ноябрь, стр. 33 и сл.), при чемъ онъ утверждаетъ (стр. 36), что терминъ „складство" указываетъ на участіе въ какомъ-либо предпріятіи, будь то ремесло, торговля, промыслъ, постройка храма или совмѣстное веденіе хозяйства [4]).

Что это объясненіе г. Клочкова совершенно вѣрно, доказываетъ тотъ фактъ, что терминами *складчина, складство* обозначались въ Россіи когда-то не только общинные земледѣльческіе союзы, но и артели [5]). Слово артель появляется, по мнѣнію Калачова, только съ XVII ст. Въ складчины соединялись, складывались, слагались, какъ само слово

---

[2]) Еще въ 1883 г. проф. Сергѣевичъ въ своихъ Лекціяхъ и Изслѣд., стр. 55—66, придерживался (относительно дорюриковской эпохи) теоріи Фюстель-де-Куланжа, изложенной имъ въ сочиненіи La cité antique,—теоріи, по которой первоначальное человѣческое общество было основано на семейномъ религіозномъ культѣ.

[3]) Лекціи и Изслѣд. по древней исторіи русск. права, 2-е изд., дополн. (СПБ. 1899), стр. 404 и 405; Древности русскаго права, томъ III (СПБ. 1903; статьи, перепечатанныя изъ Ж. М. Н. П., 1900—1902), стр. 58 и слѣд.

[4]) Странно, что проф. Сергѣевичъ въ Древностяхъ русск. права, III, не упоминаетъ о цитируемой статьѣ Клочкова, хотя онъ въ дополнительной главѣ своего сочиненія разбираетъ литературу предмета. Не находимъ также тамъ упоминанія ни о воззрѣніяхъ проф. Владимірскаго-Буданова (въ статьяхъ: Очерки изъ исторіи литовско-русскаго права и Формы крестьянск. землевлад. въ Литовско-Русск. госуд.), Любавскаго (Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русск. госуд., стр. 443 и слѣд.) и проф. Леонтовича (Крестьянскій дворъ въ Литовско-Русск. госуд.).

[5]) Н. Калачовъ, Артели въ древней и нынѣшней Россіи (СПБ. 1864), стр. 3 и слѣд.

показываетъ, люди ради какой-либо хозяйственной или промышленной цѣли. Небезынтересно припомнить въ данномъ случаѣ терминъ *слога*, который я слышалъ въ Босніи, какъ синонимъ слова *заједница, задружна кућа* (большая сложная семья).

Было бы совершенно излишне излагать для русскихъ читателей настоящей статьи, что артельное начало въ русской правовой жизни такъ распространено, что на немъ основана не только производительная, но и потребительная дѣятельность русскаго народа. Это хорошо извѣстно изъ огромной русской литературы объ артеляхъ [6]). Условія русской жизни очень содѣйствовали широкому распространенію артелей. Обширное пространство государства, неисчерпаемыя богатства природы, при этомъ сравнительно малая населенность, кое-гдѣ даже почти полное отсутствіе населенія, затѣмъ низкая ступень матеріальной культуры и, наконецъ, отсутствіе необходимаго капитала, — все это побуждаетъ человѣка, желающаго развивать какую-нибудь хозяйственную дѣятельность и не могущаго безъ содѣйствія другихъ преодолѣть единоличной силой всевозможныя препятствія, искать себѣ союзниковъ, съ которыми растетъ не только его физическая сила, но и надежда на успѣшный результатъ работы.

Артели, этотъ самый распространенный, часто и самый прочный видъ трудовыхъ ассоціацій, обыкновенно является коррективомъ неблагопріятныхъ послѣдствій усиливающейся индивидуализаціи въ области хозяйственной и правовой жизни. Пока сложныя семьи (семейныя общины) имѣли въ правѣ славянскомъ еще прочную почву, пока въ семьѣ было довольно много рабочихъ силъ, не проявлялась въ той степени, какъ нынѣ, потребность въ трудовыхъ ассоціаціяхъ, сосостоящихъ изъ постороннихъ, некровныхъ элементовъ. Но какъ только сложныя семьи раздробились на болѣе мелкія, и въ новыхъ, малыхъ семьяхъ сталъ ощущаться недостатокъ рабочихъ силъ, члены этихъ малыхъ семей начали прибѣгать къ тому, что соединялись съ членами другихъ малыхъ семей и образовывать вмѣстѣ съ ними кооперативные союзы большей или меньшей прочности. Трудовыя ассоціаціи—по крайней мѣрѣ тѣ, для возникновенія которыхъ было нужно меньшее количество членовъ—такимъ образомъ замѣняли собою изчезнувшіе кров-

---

6) Болѣе раннюю библіографію предмета можно найти главнымъ образомъ въ Библіограф. указателѣ В. И. Межова въ приложеніяхъ къ Сборнику матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи (3 вып., СПБ. 1873—1875), въ которомъ напечатано много цѣнныхъ статей, касающихся артелей. Новѣйшую литературу предмета сообщаютъ Е. Якушкинъ въ трудѣ „Обычное право" (II томъ, Ярославль, 1896) и С. Н. Прокоповичъ—„Кооперативное движеніе въ Россіи" (СПБ., 1903).

ные союзы. Извѣстно, что союзы договорные возникли у всѣхъ народовъ позже, чѣмъ союзы кровные [7]).

О другой организаціи хозяйственной работы на низшихъ ступеняхъ хозяйственнаго и правового развитія нельзя и думать. При господствовавшемъ натуральномъ хозяйствѣ, при первоначальной обработкѣ земли, человѣку не было возможности полагаться на однѣ только собственныя силы. Борьба же съ природой была очень тяжела. Болота и лѣса покрывали бо́льшую часть страны, хищные звѣри постоянно грозили человѣку. Чтобы спасти свое существованіе, человѣкъ долженъ былъ бороться не только съ природой, но и съ человѣкомъ— врагомъ. При такихъ условіяхъ понятно, что въ этой борьбѣ человѣкъ долженъ былъ искать поддержку въ широкихъ союзахъ, особенно же въ кровныхъ, а если ихъ не было, то въ союзахъ подобныхъ кровнымъ,— въ ассоціаціяхъ, состоящихъ изъ людей посторонних.

Трудовыя ассоціаціи были поэтому необходимымъ дополненіемъ къ кровнымъ союзамъ. Прибѣгали къ нимъ тѣ люди, которые не принимали участія въ выгодахъ, вытекающихъ изъ родовыхъ (кровныхъ) союзовъ. У славянскихъ народовъ, какъ народовъ земледѣльческихъ, имѣли самое большое значеніе трудовыя ассоціаціи земледѣльческія, хотя рядомъ съ ними встрѣчаются и другія формы коопераціи.

Въ настоящей статьѣ мы намѣрены ознакомить читателей съ нѣкоторыми кооперативными формами въ области сельскаго хозяйства, которыя появляются или у всѣхъ, или почти у всѣхъ славянскихъ народовъ. Самая распространенная форма, извѣстная въ правѣ всѣхъ славянскихъ народовъ, это *спряга (супряга, спряжка)*. О спрягѣ у сербовъ упоминаетъ уже Вукъ Караджичъ въ своемъ Рѣчникѣ 1852 г. (спрега). Пишетъ о ней также Богишичъ въ своемъ сочиненіи Pravni običaji u Slovena (Zagreb, 1867) и въ Zbornik'ѣ sadašnjih pravnih običaja (тамъ же, 1874).

Изъ законовъ славянскихъ говоритъ о ней общій имущественный законникъ Черногоріи 1888 г. (новое изданіе 1898 г.).

Статья 446 гласитъ: Кад двојица, или њих више, волове спрегну, узеће се да с њима треба да сору све земље које су те године у спрежника (=у членовъ спряги) за орање, безъ икаква обзира на то у кога је више, у кога ли мање земље коју сорати треба. Ово правило .... вриједи само ако уговорници друкчије не углаве.

---

[7]) Уже Фюстель-де-Куланжъ доказываетъ въ своей „Древней Общинѣ", что институты кровные (les institutions domestiques) предшествовали институтамъ договорнымъ (les institutions sociales). (Изд. 16., Парижъ, 1898, стр. 89 и сл.).

Ст. 447: Којим ће редом волови орати у појединих спрежника, бива по томе како они сами договорно нађу да је свакоме и свима скупно најзгодније, али се у опште узимље да радња иде редомице (=по очереди) по данима; т. j. данас у једнога спрежника, сјутра у другога и т. д., док им тако све земље соране не буду.

Ст. 448: Ако један спрежник има више волова у спрези него ли други, тада и радни дани изасобице (=подрядъ) иду према броју (по количеству) волова; у онога, на примјер, који у спрези има само једнога вола, спрежни ће му волови орати један дан; у онога који их има два, два дана изасоб (=подрядъ) и т. д., док се сви не изреде; па истим редом опет испрва, док се све спрежничке оранице не сору.

Ст. 449: Колико се год земље соре у једнога спрежника више него у другог, за онај се вишак (=излишекъ) не даје никакве накнаде (вознагражденія) онима у којих је ораницâ мање, осим ако је изречно иначе погођено. Ипак без нарочите погодбе, спрежници не разоравају спрежним воловима своје ледине (=новая, никогда не паханная земля).

Ст. 450: У кога волови раде, тај треба да ихъ храни (=кормитъ) и пази, како би сваки добар домаћин своје пазио и хранио. По томе, тај спрежник одговара осталим за све што би се штетна њиховим воловима догодило, кривицом његовом или његове чељади.

Ст. 451: Хоће ли и сами спрежници помагати ономе у кога раде спрежни волови, и којим редом и начином, то одређује њихов договор.

Ако ли о томе не би погодбе било, о помагању се спрежникâ треба владати према правилима о радњи и помоћи на узајмицу и без узајмице (341—347).

Ст. 452: Ако би каквом несрећом погинуо какав спрежнички во, а без кривице иједнога спрежника, штета пада на онога чији је, и ако ће да спрега с њима траје, треба да погинулог вола надомјести.

Ст. 453: Ниједан спрежник није властан, ако остали не пристану, ни самим својим спрежним волом коме туђему помагати, док нијесу потпуно све спрежничке земље соране; иначе, ће намирити штету која од тога узбуде. Кад би се поновила та зла употреба, спрежници могу, поврх накнаде штете, још искати да се спрежник таки из спреге посве уклони.

Ст. 454: Ако није одређено колико ће спрега трајати, тад је свакоме спрежнику на вољу, кад ће осталима јавити да он излази из спреге; али треба да то учини најмање мјесец дана прије нег што ће се нова орба започети.

Спрега се распрећи не може, док се год започета орба не доврши, н'ако би њену трајању врло замашних запрекâ било.

Ст. 455: Ако спрежници наставе заједничку радњу, и пошто је истекло вријеме за које је спрега састављена, а уговора не преиначе, узимље се да погодбе пређашњег уговора вриједе и за унапредак.

Ст. 456: Кад се волови за какву другу врсту радње спрегну, треба се у томе владати по обичајима, и према правилима овога раздјела (446—455), у колико се могу појединим случајевима примијенити.—То исто буди речено и за спрегу коњâ и сваке друге животиње с којом се могу какве радње спрежно вршити.

Какъ видно изъ предыдущаго, цѣлью „спряги" въ Черногоріи является, главнымъ образомъ, пахота (оранка) земли, хотя спряга допускается и ради другихъ хозяйственныхъ работъ. Спрягаются чаще всего волы, рѣже и лошади или другія животныя. На личную работу спряжниковъ спряга не простирается, развѣ если на это дѣлаетъ спеціальныя указанія союзный договоръ. Общей становится только работа животныхъ, находящихся въ спрягѣ. Пока пахота земли (или другая работа) не кончена, спряжникъ не можетъ распоряжаться своимъ животнымъ, даннымъ въ спрягу.

Между тѣмъ какъ въ Черногоріи пашутъ землю обыкновенно раломъ, въ которое впрягается только одна пара воловъ [8]), въ нѣкоторыхъ другихъ краяхъ—у южныхъ славянъ—употребляется большой плугъ, въ который впрягаются 3 или даже 4 пары воловъ [9]). Понятно, что не много крестьянскихъ семей могутъ вспахать свои земли собственнымъ же рабочимъ скотомъ. *Спрега (супрега, супрежтво, супреж, спрежа, сувез)* есть вслѣдствіе того обыкновенное явленіе крестьянской хозяйственной и правовой жизни.

Въ Славоніи, въ окрестностяхъ города Vinkovci, спрегой или спрежью называютъ всякую трудовую ассоціацію [10]).

У сербовъ въ прежнее время спрега была настолько распространенное явленіе, что спряжники (спрежници) считали себя какъ бы родными, хотя на самомъ дѣлѣ они были люди посторонніе [11]).

---

[8]) Плугъ употребляется весьма рѣдко, только въ Никшичѣ. П. А. Ровинскій, Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ, II (Сбор. Отдѣл. русс. яз. и слов. Имп. Ак. Н., СПб. 1897), стр. 585 и 586.

[9]) Богишичъ, Zbornik sadašnjih pravnih običaja u južnih Slovena, стр. 489 и 490.

[10]) Lovretić, въ Zbornik'ѣ za narodni život i običaje južnih Slavena (подъ редакціей А. Радича издаетъ Югосл. Акад.), т. II, стр. 385: „Otkad nema zadruga, spare se (udese) po dvi, po tri kuće u *spregu* ili sprež. Oni rade zajedno poljske poslove. Skupa oru, kose, kupe, voze, žanju i vrše . . . . . .". Подобныя же данныя сообщаетъ M. Kurjaković изъ Врбовы въ Славоніи, гдѣ спряга называется *спрегой* или *спрежей* (spreža). Zbornik za nar. život i ob., т. I, стр. 219.—Въ турецкой Хорватіи называютъ спряжниковъ *сузникаmи* (suznici, сокращено изъ suveznici).—Jvan Klarić, Kralje (u turskoj Hrvatskoj) въ Zbornik'ѣ Радича, т. VI, стр. 285.

[11]) М. Б. Милићевић, Живот Срба сељака (Бѣлградъ, 1894, 2 изд.), стр. 111.

Въ Болгаріи тоже извѣстна спряга (спрѣга). Въ окрестностяхъ Плевны такъ называютъ ассоціацію, при которой два человѣка соединяются,—одинъ даетъ возъ, оба же вмѣстѣ по лошади и т. д. [12]). Около Старой Загоры встрѣчается обычай, по которому крестьяне соединяютъ своихъ домашнихъ животныхъ (лошадей, воловъ) и свои возы для разныхъ хозяйственныхъ цѣлей [13]). Въ окрестностяхъ Плевны о крестьянахъ, которые заключаютъ подобные рабочіе союзы, говорятъ, что они „смѣшиваются для работы". По свидѣтельству Д. Маринова (Жива Старина. т. IV, Руссе, 1894, стр. 326—331), спряга встрѣчается у болгаръ въ нѣсколькихъ видахъ. Одинъ видъ ея составляютъ спрѣжньъци (читай: спряжняци). Почва, которая никогда раньше не пахалась, обрабатывается нерѣдко соединенными силами 3—4 крестьянъ, съ помощью принадлежащаго имъ рабочаго скота. Обработанной землей они пользуются сообща (безъ раздѣла) въ теченіе 4-хъ лѣтъ, послѣ чего они дѣлятъ землю между собою. Другимъ видомъ спряги является *оторица* или *спрега*. Она имѣетъ мѣсто въ слѣд. двухъ случаяхъ. Два крестьянина (каждый изъ нихъ въ отдѣльности) нуждаются или въ двухъ парахъ воловъ или въ одной только парѣ, а имѣютъ въ первомъ случаѣ, каждый по одной парѣ, а въ другомъ—лишь по одному волу; чтобы получить возможность обработать свои земли, они соединяютъ своихъ воловъ и работаютъ ими по очереди, каждый на своемъ полѣ.

Обычай спрягаться (супрягаться), какъ извѣстно, распространенъ особенно въ Россіи, гдѣ онъ состоитъ въ соединеніи человѣческихъ рабочихъ силъ, скота и орудій для вспашки и обработки земли или вообще для исполненія какой-нибудь работы. Въ Россіи еще недавно спрягались цѣлыя общины. По свидѣтельству Ф. Щербины [14]), въ Ольгопольскомъ уѣздѣ Подольской губерніи всего только 50—60 лѣтъ тому назадъ отдѣльныя общины перестали употреблять въ дѣло общественныя спряжки для вспашки и обработки земли. „Часто и теперь,—пишетъ затѣмъ Щербина (книга котораго вышла въ 1881 г.),—еще во многихъ мѣстахъ южной Россіи (какъ это было при постройкѣ церкви въ одной изъ общинъ Днѣпровскаго уѣзда, бывало въ Сквир-

[12]) Ст. С. Бобчевъ, Сборникъ на Българскитѣ юридически обичаи, т. II (Софія 1902), стр. 279.

[13]) Бобчевъ, стр. 280: „Има обичай нѣколки селяни и то повече отъ 2—3 нѣма да се съдружаватъ за обща тѣхна работа съ коне, съ волове и кола да си спюмагатъ за по-скоро свършване на работата имъ, състояща отъ по-скоро торяване и засѣвание, отравяние, копание лозя и царевица, женание, връзвание . . . ".

[14]) Очерки южно-русскихъ артелей и общинно-артельныхъ формъ (Одесса, 1881), стр. 61 и 254.

скомъ уѣздѣ Кіевской губерніи и въ пр. м.) спрягаются цѣлыя села и деревни, когда это требуется, напр., для вспашки церковной земли или для вспашки и обработки земли, доходы съ которой должны пойти на нужды церкви или общественныя".

По свидѣтельству Щербины и другихъ изслѣдователей, въ настоящее время спряга встрѣчается во всѣхъ частяхъ южной Россіи—и въ Малороссіи, и въ Новороссіи, и на Кавказѣ. Въ составъ спряги входятъ слѣдующіе необходимые элементы: 1) рабочія силы, т. е. такъ называемые—„плугатырь", главный работникъ и управляющій работою, и „погонычи", т. е. погонщики воловъ; 2) земледѣльческія орудія—плугъ, „рало" и борона; 3) рабочій скотъ—волы и, въ весьма рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, лошади. Спрягающіеся, слѣдовательно, участвуютъ въ спряжкахъ или трудомъ, или капиталомъ, или же тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

Продовольствіе членовъ спряги производится при помощи складчины натурою, т. е. каждый изъ членовъ ея приноситъ продукты, употребляемые для пищи. Цѣлая же спряга кормится изъ одного котла. Что же касается кормленія рабочаго скота, то каждый изъ участниковъ спряги запасается сѣномъ въ такомъ количествѣ, какое бываетъ необходимо для прокормленія его собственнаго скота.

Работы, приходящіяся на долю каждаго спряжника, участвующаго въ спрягѣ собственнымъ ли трудомъ, или рабочимъ скотомъ и орудіями, распредѣляются обыкновенно слѣдующимъ образомъ: на того хозяина, который доставляетъ въ спрягу одного „плугатыря" или одну пару воловъ, или же одинъ плугъ, приходится одинъ день вспашки; на того же, который посылаетъ „погоныча", приходится среднимъ числомъ половина дня. Въ виду того, что для тяжелаго малорусскаго плуга требуется обыкновенно три пары воловъ, а иногда 4, 5 или даже 6 паръ,— на три пары воловъ приходится три дня вспашки, и на „плугатыря" (или собственника плуга) слѣдовательно пятый день вспашки. „Погонычъ" же получаетъ право пахать для своего хозяина, смотря по возрасту, восьмой, девятый и даже двѣнадцатый день [15]).

По свидѣтельству С. Я. Дерунова, въ селѣ Козьмодемьянскомъ [16]), Щетинской волости, Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи, распространенъ обычай „смолачиваться" и „спрягаться", т. е. соединяться по нѣсколько семей для молотьбы хлѣба по очереди другъ у друга, или же для производства лѣтнихъ работъ, особенно для вывозки удоб-

---

[15]) Щербина, стр. 258—263.

[16]) Якушкинъ, Обычное право, II, стр. 438.

ренія. Въ случаѣ неравенства рабочихъ силъ, малосильная семья доплачиваетъ деньгами или работой.

Поляки также знаютъ спрягу (sprzęganie się). Въ селахъ, лежащихъ вдоль рѣки Рабы, въ Галиціи (около гор. Nowy Targ), бѣдные крестьяне, у которыхъ только по одной лошади, спрягаются по два. Чтобы обработать свою землю надлежащимъ образомъ безъ помощи наемныхъ людей, они соединяютъ своихъ лошадей въ пару для землепашескихъ работъ и для перевозки грузовъ. Участвуя въ спрягѣ въ одинаковой мѣрѣ, оба спряжника (sprzężnicy) имѣютъ право на одинаковое количество рабочихъ дней. Вслѣдствіе этого, если у одного спряжника меньше земли, или если на долю одного спряжника приходится меньше рабочихъ дней, то онъ можетъ наняться съ парой соединенныхъ лошадей для собственнаго заработка у постороннихъ людей, ежели только не придется на него больше рабочихъ дней, чѣмъ на другого спряжника. Оба участника спряги могутъ и въ наемъ отдавать соединенную пару своихъ лошадей, дѣля заработокъ между собою [17]).

Наконецъ, приведемъ случай спряги, встрѣчающейся и въ Моравіи. Напр., въ селѣ Ždánovice (у словаковъ, близъ гор. Кіёва) многіе крестьяне имѣютъ только по одной лошади, и поэтому двое сосѣдей или же родныхъ спрягаются для работы, т. е. пашутъ свои поля парой лошадей. Въ этомъ случаѣ иногда у одного бываетъ плугъ, у другого же борона. Иногда оба имѣютъ и одну общую молотилку. Рабочія силы доставляютъ обѣ семьи [18]).

Рядомъ со спрягами, существуютъ въ правѣ славянскихъ народовъ земледѣльческія трудовыя ассоціаціи, которыя заключаются обыкновенно на короткое время и только по исключенію требуютъ продолжительнаго. Цѣль такого рода ассоціаціи достигается въ большинствѣ случаевъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, послѣ чего такая кооперація перестаетъ существовать. Этимъ ассоціаціямъ не нужна никакая организація.

Обычай помогать другъ другу въ полевыхъ и другихъ работахъ весьма распространенъ въ крестьянскомъ быту всѣхъ славянъ вообще.

---

[17]) Jan Świętek, Zwyczaje i pojęcia prawne ludu nadrabskiego (Materyały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, wyd. staraniem Komisyi antropol. Akad. Umiej. w Krakowie, t. II, w Krakowie, 1897), стр. 185.

[18]) Фр. Коттъ и Фр. Бартошъ приводятъ примѣры спряги, встрѣчающейся въ другихъ краяхъ Моравіи. Ср. Kott., Českoněmecký slovník: *Spřáhati se*=půjčovati si dobytek do zápřahu. Spřáhnou se čtyři sedláci na cestu po jednom koni.—*Spřežník*; spřežníci se spolu spřahajú (dva sedláci si připřahují).—Bartoš, Dialektologie I, стр. 388: Pojedu do města spřehó, t. j. pojedeme dva s jedním vozem, každý dá jednoho koně a něco si naloží (примѣръ изъ Ганой, Haná).

Русскіе же называютъ взаимную помощь крестьянъ другъ другу *помочами* (великороссы) или *толоками* (малороссы) [19]. „Помочи“ примѣняются при многихъ работахъ въ крестьянскомъ быту. Предметомъ ихъ бываетъ косьба и уборка сѣна, жатва и уборка хлѣба, возка дерева, рубка капусты, чистка лука, постройка избы, устройство печи (въ Олонецкой губ.—печебитьё), вывозъ удобренія и т. д.

Къ „помочамъ“ хозяева приглашаютъ только въ тѣхъ случахъ, когда работа требуетъ участія большого числа лицъ и когда вмѣстѣ съ тѣмъ работа не терпитъ отлагательства. Въ такихъ случаяхъ крестьянину помогаютъ его сосѣди, а иногда и цѣлая деревня, такъ что въ теченіе нѣсколькихъ часовъ вся работа бываетъ уже окончена.

За свою работу толочане не получаютъ никакого вознагражденія, пользуясь только угощеніемъ. Обычай требуетъ, чтобы для работающихъ толокою была приготовлена не обыкновенная, обыденная пища, а непремѣнно угощеніе, и чѣмъ богаче лицо, для котораго собирается толока, тѣмъ больше требуется отъ него. Водка считается въ такихъ случаяхъ большею частью необходимою принадлежностью стола [20], хотя впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр., у раскольниковъ въ Пинежской волости, Орловскаго уѣзда, Вятской губ., гдѣ почти всѣ работы дѣлаются помочами, въ круговую) не употребляется ни капли водки или вина [21].

Интересную подробность насчетъ права на угощеніе сообщаетъ кн. Н. Костровъ въ книгѣ „Юридическіе обычаи крестьянъ старожиловъ Томской губ.“ [22]. Угощеніе виномъ бываетъ передъ обѣдомъ и по окончаніи работы. „Если кто не пьетъ вина, тотъ приводитъ съ собою кого-нибудь изъ родныхъ и слѣдующую ему долю передаетъ этому послѣднему, который поэтому называется захребетникомъ, такъ какъ онъ стоитъ за хребтомъ, за спиною того, кто дѣйствительно работалъ. Если нѣтъ захребетника, то помочанинъ или помочанка имѣютъ право сливать подносимое имъ вино въ туесокъ и уносить его домой“.

---

[19]) Ср. хорв. tlaka и болг. тлъка. Хорв. tlaka = 1) барщина, 2) помочи.—Въ окрестностяхъ станціи Ольшанка Подольской губ. употребляютъ слово клака (вмѣсто тлака). Якушкинъ II, № 1019.

[20]) Щербина, стр. 251.

[21]) Якушкинъ II, №№ 1165, 2327. Въ противоположность этому, въ селѣ Бакурахъ распространилось при помочахъ пьянство, которое для опохмѣленія продолжалось и послѣ помочей въ будни, такъ что крестьяне приговорили: собирать помочи только съ разрѣшенія сельскаго старосты или схода, а разрѣшать ихъ только бѣднымъ. Якушкинъ, II, № 1092.

[22]) Якушкинъ, II, № 2289.

По свидѣтельству Щербины, „помочи“ устраиваются для того, чтобы помочь лицамъ, почему-либо немогущимъ произвести извѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ работъ. „Помочи“ устраивались прежде только для бѣдныхъ, для духовенства и вообще для общественныхъ, нравственныхъ и религіозныхъ нуждъ и цѣлей; и такъ какъ даже въ настоящее время онѣ во многихъ мѣстахъ не утратили еще такого характера и устраиваются ежегодно большею частію въ одни и тѣ же дни, играющіе роль народныхъ праздниковъ, то отсюда, очевидно, можно сдѣлать только одинъ выводъ, что и толока, и „помочи“ представляютъ собою атрофирующіяся формы общиннаго труда.—Работы толокою производятся теперь преимущественно для духовенства, для котораго въ прежнія времена толока служила средствомъ натуральнаго вознагражденія и устраивалась, главнымъ образомъ, ради религіозно-нравственныхъ цѣлей [23]).

Ту же самую форму коопераціи, какъ и русская толока, знаютъ и южные славяне. Это—*моба* (сокращено изъ *молба* [24])=просьба) или *тлака* (болг. *тлака, тлъка, помощь, меджия, мижия*). Данныя о ней мы находимъ у Вука Караджича (въ Сербскомъ Рѣчникѣ sub voce моба), у Богишича (Pravni običaji u Sl., стр. 188 и 189, Zbornik sad. pr. obič., стр. 482—485), у Краусса (Sitte und Brauch der Südslaven, стр. 151 и 152), у Маринова (Жива Старина, т. III, Руссе, 1892 г., стр. 335—389; т. IV, 1894 г., стр. 412—414), у Миличевича (Живот Срба сељака, стр. 140 и 141), у Бобчева (Сборникъ II, стр. 271—278) и др. О *мобѣ* говоритъ также общій имущественный законникъ для Черногоріи (въ IX раздѣлѣ III части, О радњи и помоћи на узајмицу и без узајмице, ст. 341—347). Моба называется тамъ (въ ст. 345) помощью безъ взаимности, т. е. кто созоветъ постороннихъ людей на мобу, долженъ дать имъ по обычаю харчи, но онъ не обязанъ ни давать имъ вознагражденія за работу, ни взаимно идти на мобу, если бы они этого требовали. Право на харчи имѣютъ и тѣ люди, которые не были приглашены на мобу, но сами пришли помогать, если только хозяинъ ихъ принялъ (ст. 346). Если помощь оказывается какой-либо вдовѣ, сиротѣ, потерпѣвшему отъ пожара или другому бѣдному лицу (безъ различія—производилась ли работа въ праздникъ или же въ будень), то таковое лицо не обязано ни кормить рабочія силы, ни вознагра-

---

[23]) Щербина, Очерки, стр. 247 и 248.

[24]) Терминъ *молба* употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Болгаріи (Бобчевъ II, стр. 277, напр., около Трънa) и въ Сербіи (Vlad. K. Petrović, Zaplanje ili Leskovačko, Zbornik Radića V, 1900 г., стр. 268).

ждать ихъ деньгами, ни въ свою очередь работать въ пользу помогавшихъ (ст. 347) [25]).

Другой видъ коопераціи въ Черногоріи составляетъ „радња (=работа) и помоћ на узајмицу“ (со взаимностью). Кто созоветъ постороннихъ людей для того, чтобы они работали для него „на узајмицу“, т. е. кто пригласитъ ихъ съ условіемъ, что и онъ самъ поможетъ имъ въ случаѣ надобности, тотъ обязанъ кормить не только созванныхъ людей, но и скотъ, который помогающіе крестьяне привели съ собой, и, кромѣ того, долженъ помогать взаимно тѣмъ, которые для него работали, лишь только они попросятъ его о томъ (ст. 341 и 342). Если тотъ, кому сосѣди помогали „на узајмицу“, не захочетъ оказать имъ подобной же услуги, хотя они его о томъ просили, то онъ долженъ возвратить имъ стоимость той работы, которую слѣдовало бы ему сдѣлать для нихъ, и, кромѣ того, вознаградить еще за убытокъ, если онъ возникъ (ст. 342). Помогавшій не можетъ требовать, чтобы тотъ, для кого онъ работалъ, помогалъ другому лицу вмѣсто него самого. Если же тотъ сдѣлаетъ это добровольно, то онъ не можетъ требовать вознагражденія ни работой, ни деньгами (ст. 343). Право требовать взаимную помощь продолжается только въ теченіе одного года съ того времени, когда лицо, которому была оказана помощь работой, воспользовалось этой помощью (ст. 344).

На мобу ходятъ южные славяне въ небольшіе праздники, когда они не работаютъ для себя самихъ. Участвуетъ въ ней большей частью только молодежь,—парни и дѣвушки. Молодежь послѣ работы пляшетъ, поетъ и бесѣдуетъ до глубокой ночи. Разумѣется, что при такихъ случаяхъ *мобари* или, какъ иначе ихъ называютъ у южныхъ славянъ, *умобници* и т. д. получаютъ хорошое угощеніе [26]).

---

[25]) Въ Сербскомъ королевствѣ называютъ такую мобу (въ пользу бѣдныхъ)—*мобой за севап*, т. е. мобой ради добраго дѣла (*севап*—турецкое слово, означаетъ: доброе дѣло, заслуга). См. Миличевичъ, Живот Срба сељака, стр. 141.

[26]) Богишичъ, Pravni običaji, стр. 188, 189; Zbornik sad. pr. obič., стр. 482—485; Бобчевъ, II, стр. 271—278) и др. Вотъ, что пишетъ о мобѣ Миличевичъ (Живот Срба сељака, стр. 140): „Моба се сазива, кад је какав свечаник (=праздникъ), те људи себи неће да раде...... На мобу обично долази омладина: момци, девојке, младе и млађи људи. Сав рад врши се у весељу и певању. Негде по вас дан у хладу свира свирач (=свирѣльникъ) мамећи раднике да што пре истерају постат, па да се ухвате у коло.—Мобари дошавши с рада у вече кући домаћиновој, поседају сви, и чељад донесе воде те сви умију руке. Тада домаћин изнесе запаљену свећу воштаницу, привошти је за како дрво, окади све мобаре тамјаном (=накуритъ участниковъ мобы ладаномъ), а они се окрену сви ка оној свећи која мора њима бити на истоку, поскидају капе, и сви се моле Богу...... (извѣстіе изъ Ваљевскаго округа)“.

Слово, подобное черногорскому термину *узајмица*, знаютъ также въ западной Болгаріи, гдѣ *тлъку* (меджию) называютъ *заредой*[27]) (т. е. работой по очереди, или взаимной; „зареждамъ се“ означаетъ чередуюсь); въ окрестностяхъ Виддина ее называютъ *узáемъ*.

У чеховъ и поляковъ, правда, ослабѣлъ обычай толоки, но и у нихъ крестьяне взаимно помогаютъ другъ другу, если кто-либо изъ нихъ находится въ бѣдственномъ положеніи. Въ Чехіи крестьяне помогаютъ другъ другу въ полевыхъ и другихъ работахъ обыкновенно только тогда, когда они состоятъ въ родствѣ. Однако, въ крайней нуждѣ оказываютъ взаимную помощь и люди посторонніе. Тому, кто строитъ новую избу, особенно же если она сгорѣла, помогаютъ всѣ сосѣди, т. е. работаютъ для него, возятъ дрова, камень, кирпичъ, известь и т. п., жертвуютъ ему солому и сѣно для скота, хлѣбъ для его семьи. Родные же, кромѣ того, доставляютъ потерпѣвшему отъ пожара муку, картофель и другое продовольствіе. Если пожаръ случился осенью, родственники потерпѣвшаго распредѣляютъ между собой его скотъ и кормятъ послѣдній безплатно въ теченіе всей зимы [28]).

Подобный же обычай знаютъ и поляки. Такого рода помощь крестьяне окрестностей Новаго Торга (Nowy Targ) въ Галиціи называютъ wygodzenie, poratowanie, dospomożenie, spórka [29]).

Кромѣ упомянутыхъ земледѣльческихъ коопераций, славянское право знаетъ и ассоціаціи, имѣющія своимъ предметомъ скотъ и другія домашнія животныя. На первомъ планѣ стоитъ черногорская *супона*, которая, какъ показываетъ уже самое слово, значитъ соединеніе (супона=спона; ср. чешск. spojení), слѣдовательно то же самое, что и спряга [30]).

„Супона“ состоитъ въ томъ, что хозяева, не имѣя достаточнаго количества силъ для надзора за скотомъ и другими домашними живот-

---

[27]) Богишичъ въ своей книгѣ „Pravni običaji u Slovena“, стр. 193, приводитъ *зареду*—которую называетъ, по Оджакову, *заредомъ*—въ связь со спрягой и говоритъ: „Na zared mogu biti i konji i volovi i kola itd. Ovo se razlikuje od tlake tim, što se mora vratiti, koliko je zajmljeno, a u tlaci to netreba, a drugo što jih na tlaci bude mnogo, a ovdje najviše po 5—6 glava“.

[28]) Škrdle, Obyčeje právní v lidu zachované od Kardašovy Řečice (Světozor, 1882 г., стр. 466).

[29]) Świętek, Zwyczaje i pojęcia prawne, стр. 189 и 190.

[30]) Вукъ Караджичъ въ своемъ „Рѣчникѣ“ невѣрно объясняетъ, что̀ такое супоники. Онъ говоритъ: „Супојникъ (у Боци) који с киме заједно стоку пасе и *поји*. У Црној Гори и околинама велика је невоља љети за појење стоке: кашто тјерају стоку на воде на Турској земљи, па се једни с Турцима бију док други за њима стоку поје“.

ными, соединяютъ своихъ животныхъ по сортамъ въ нѣсколько стадъ, такъ что, наприм., волы и коровы составляютъ одно стадо, козы—другое, овцы—третье, ягнята и козлята—четвертое стадо [31]). Для каждаго стада члены супоны, такъ наз. супоники (хозяева, которые заключили супону, которые „усупонились"), назначаютъ отдѣльнаго пастуха. Супону заключаютъ обыкновенно 2—3 хозяева. Супона, состоящая изъ большаго количества супониковъ, не имѣла бы выгоды, такъ какъ большія стада не могли бы пастись на одномъ пастбищѣ.

У отдѣльнаго хозяина, если онъ зажиточный, бываетъ 150—200 штукъ всякаго рода скота (воловъ, коровъ, овецъ, козъ). Козлята и ягнята пасутся обыкновенно при катунахъ и за ними могутъ присматривать и дѣти (до 10 лѣтъ). Взрослые же пастухи нужны только для воловъ, коровъ, овецъ и козъ. Выгода супоны состоитъ въ томъ, что каждому хозяину безъ ея помощи пришлось бы имѣть столько пастуховъ, сколько есть у него разныхъ сортовъ животныхъ. При супонѣ же для надзора чередуются работники или члены семьи обоихъ (или же всѣхъ трехъ) супониковъ, напр.: первую недѣлю пасутъ стада пастухи одного, вторую же недѣлю пастухи другого хозяина. Если есть только два стада (напр., волы и коровы составляютъ одно стадо, овцы же и козы другое), то одно стадо въ теченіе цѣлаго лѣта пасетъ пастухъ одного супоника, а другое стадо пастухъ другого супоника. Чтобы отличить и узнать своихъ животныхъ въ большихъ стадахъ (особенно же если трудно отличить животныхъ, напр.: овецъ и козъ), супоники дѣлаютъ на ушахъ своихъ животныхъ разныя мѣтки (напр., вырѣзываютъ кусочекъ уха), т. е. всякій хозяинъ дѣлаетъ на ушахъ своихъ животныхъ одну и ту же опредѣленную мѣтку, которую называютъ *билѣгомъ* [32]).

Изъ супоны вытекаютъ двѣ выгоды: во-первыхъ, нѣтъ надобности имѣть многочисленныхъ пастуховъ; во-вторыхъ, получается равномѣрное удобреніе. Супоники наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы въ одинаковой степени и сообразно съ количествомъ скота доставалось удобреніе для земли каждаго супоника; для этого они поперемѣнно сгоняютъ скотъ

---

[31]) Животныя одного сорта составляютъ отдѣльное стадо только тогда, когда ихъ количество довольно велико, иначе же ихъ присоединяютъ къ другому стаду (напр., къ 200 овецъ присоединяютъ 20—30 козъ).

[32]) Интересно, что подобныя же мѣтки дѣлаютъ на ушахъ своего скота и русскіе крестьяне. Ср. П. С. Ефименко, Договоръ найма пастуховъ (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по отд. этн., т. VIII, стр. 118). По свидѣтельству А. Я. Ефименко (тамъ же, стр. 188), и самоѣды съ тою же цѣлью клеймятъ уши своихъ оленей, пасущихся большими стадами.

на землю то одного, то другого супоника, и такимъ образомъ достигается равномѣрность удобренія. При этомъ точно сообразуются съ количествомъ скота, разсчитывая по головамъ мелкаго скота, при чемъ на одну крупную рогатую скотину считаютъ по 5 мелкихъ [33]).

Нѣкоторыя постановленія о супонѣ встрѣчаются и въ общемъ имущественномъ законникѣ Черногоріи (ст. 442—445).

Подобное же соединеніе скота для облегченія присмотра за нимъ и ради другихъ цѣлей знаютъ и другіе славянскіе народы на Балканскомъ полуостровѣ. Кто интересуется этимъ вопросомъ, тотъ можетъ найти указанія на это явленіе у сербовъ—у Миличевича (Кнежевина Србиjа, 1876 г., стр. 849—854, о *бачіяньи*) и С. Трояновича (Старинска српска jела и пиħа, Срп. Етн. Зборник, књ. II, 1896 г., стр. 70—75), а у болгаръ—у С. С. Бобчева (II, стр. 264—268) и Д. Маринова (Жива Старина, IV, 1894 г., стр. 381—404). *Бачіяньемъ* сербы и болгары называютъ общую пастьбу и общее доеніе мелкаго скота. Скотъ выгоняютъ бачіяры (участвующіе въ бачіяньи собственники скота, болг. бачи[л]яри) на лѣтнее пастбище и оставляютъ его тамъ подъ присмотромъ нѣсколькихъ пастуховъ (обыкновенно 3-хъ, изъ которыхъ главный называется ħехаjа [34]), второй—потħехаjник, третій—погоњач). По истеченіи лѣта, собственники скота забираютъ свой скотъ домой, а молочные продукты (сыръ и масло) дѣлятъ между собою. Какое количество продуктовъ придется на долю каждаго хозяина, опредѣляется пробнымъ доеніемъ, когда скотъ всѣхъ хозяевъ соединенъ на одномъ общемъ пастбищѣ. Это доеніе называется *прѐмла̂з*. Хозяинъ, у котораго наибольше скота, называется *стадникъ* (стадникътъ). При доеніи чередуются пастухи каждаго бачіяра.

Бачіяньe знаютъ также и карпатскіе гуцулы, поляки и моравскіе валахи [35]). Какъ у нихъ, такъ и у балканскихъ славянъ оказывается,

[33]) П. А. Ровинскій, Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ, т. II, часть I, стр. 660 и 667. Данныя о супонѣ почерпнуты мною тоже изъ разсказовъ черногорца Душана Вукотича.

[34]) Мариновъ, Жива Старина, IV, стр. 383 и слѣд., приводитъ подобные термины болгаръ: *кехая* или *овчаръ*, *покарачъ* или *поганичъ*. По свидѣтельству же Бобчева, болгары называютъ перваго пастуха *бачътъ*, второго—*подбачътъ*, остальныхъ же—*кехаитѣ* и *овчаритѣ*.

[35]) R. Fr. Kaindl, Pasterstwo i wierzenia pasterskie i Huculów (Lud, Organ Towarz. Ludozn. we Lwowie, pod red. Ant. Kaliny, II, 1896 г., стр. 206 и 207); Zyg. Jaworski, Pasterswo w Tatrach polskich (Lud, VIII, 1902 г., стр. 40—43); Fr. Bartoš, Moravské Valašsko, Kraj i lid (Osvěta, 1880 г., стр. 380 и слѣд.; перепеч. въ книгѣ—Lid a národ, т. V Моравской Библіотеки, ve Velkém Meziříčí, 1883 г., стр. 181 и слѣд.). Что касается названій пастуховъ польскихъ въ Татрахъ и валашскихъ въ

однако, много вліяній румынскаго происхожденія. Въ виду этого мы и не будемъ останавливаться здѣсь на указанномъ правовомъ институтѣ.

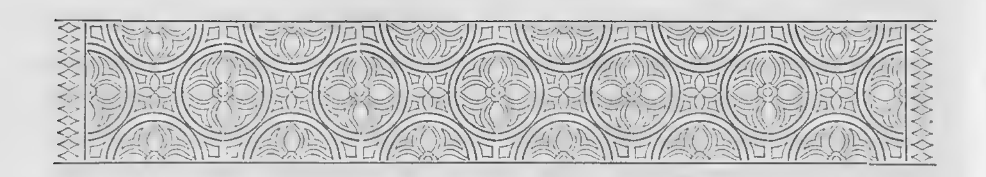
Въ концѣ настоящей статьи мы упомянемъ еще и о той формѣ кооперацiи, при которой славяне нанимаютъ для цѣлаго сельскаго общества разныхъ слугъ, напр., полевыхъ сторожей и т. п., или же, вмѣсто найма, крестьяне сами чередуются при исполненiи различныхъ службъ. Хотя при этомъ видѣ коопераций проявляется отчасти и моментъ капитала, тѣмъ не менѣе по основному своему характеру онѣ принадлежатъ къ числу трудовыхъ ассоцiацiй, главнымъ образомъ— земледѣльческихъ.

Всѣ упомянутыя формы коопераций были извѣстны, какъ указываютъ на это сами ихъ наименованiя (напр. спряга, спрега, sprząganie, spřeha), и древнему славянскому праву. Выше мы сказали, что эти общественныя формы замѣняютъ собою изчезнувшiе широкiе кровные союзы. Поэтому если мы доказали, что уже древнее славянское право знаетъ трудовыя ассоцiацiи, замѣняющiя семейныя общины, то мы вмѣстѣ съ тѣмъ доказали и тотъ фактъ, что уже въ древнемъ славянскомъ правѣ начало семейно-общинное (начало кровнаго коллективизма) теряетъ свою почву и уступаетъ мѣсто началу индивидуализма. Въ самомъ дѣлѣ, только семья простая (несложная), у которой нѣтъ достаточнаго количества рабочихъ силъ, принуждена искать себѣ помощниковъ. Семейная община, правда, еще не исчезла въ древнемъ славянскомъ правѣ, но она не была уже исключительнымъ явленiемъ.

Карлъ Кадлецъ.

Прага (въ Чехiи).
Май, 1903 г.

Моравiи, то они подобны терминамъ сербскимъ и болгарскимъ (baca, juhas [слово венгерское juhász=овчаръ, пастухъ овецъ], goniec или hánielnik; bača, valach, hoňák). Мѣсто, въ которомъ доятъ овецъ, называютъ по-сербски *струга*, по-болг. *стъргa*, по-польски strągai; у моравскихъ валаховъ называютъ струньгами (struňga) дверцы въ загородкѣ для овецъ. Всѣ эти формы происходятъ отъ слова румынскаго.



О нѣкоторыхъ особенностяхъ родового строя уельсскихъ кельтовъ.

Въ послѣднее время условія развитія родового строя и его юридическія послѣдствія получили новое и интересное освѣщеніе, благодаря тщательному изслѣдованію быта кельтскихъ народностей, особенно племенъ, населяющихъ Уельсъ. Чрезвычайно плодотворными оказались въ данномъ случаѣ работы Сибома: онъ нашелъ въ манорiальныхъ описяхъ уельсскихъ имѣній XIV вѣка богатый матерiалъ для истолкованія уельсскаго обычнаго права и указалъ на архаическія черты этихъ обычаевъ.

Я позволю себѣ остановить вниманіе русскихъ читателей на нѣкоторыхъ сторонахъ уельсскаго родового строя, которыя отчасти объяснены Сибомомъ, а отчасти требуютъ, по моему мнѣнію, нѣсколько иного толкованія, чѣмъ то, какое далъ имъ англійскій ученый. Хотя область этихъ наблюденій далека отъ русской исторіи, но самыя начала, съ которыми приходится имѣть дѣло, вытекаютъ изъ сущности родовыхъ отношеній и потому любопытны для всѣхъ, интересующихся проявленіями такъ называемаго родового быта.

Въ кельтскомъ обществѣ, какъ извѣстно, съ особою силою и законченностью проявилось дѣйствіе агнатическаго начала при построеніи родственныхъ отношеній. Люди были сгруппированы въ союзы, члены которыхъ были или считали себя потомками одного родоначальника. Въ Шотландіи это выражалось въ самомъ названіи такого союза—clann, т. е. дѣти или потомки, въ смыслѣ потомства единаго

прародителя черезъ мужчинъ [1]). Слѣды и перекрестныя вліянія другихъ построеній родства сохранились—есть указанія и на значеніе родства по матерямъ, и на имущественныя права женщинъ [2]). Не останавливаясь, однако, на перечисленіи и анализѣ этихъ явленій, мы ограничимся установленіемъ того достаточнаго для нашей цѣли и безспорнаго факта, что у кельтовъ вообще и уельсскихъ кельтовъ въ частности агнатическая организація родства преобладала въ періодъ наиболѣе доступный нашему наблюденію, т. е. въ VIII—XIV вѣка, и что, благодаря ей, свободный кельтъ являлся не только носителемъ различныхъ родственныхъ отношеній къ людямъ, такъ или иначе связаннымъ съ нимъ по крови, но и членомъ опредѣленной, законченной группы сородичей, потомковъ одного родоначальника.

Уельсскіе источники даютъ возможность уловить постепенное разростаніе такой группы изъ семьи и отношеніе ея членовъ къ землевладѣнію. Въ описяхъ графства Денби, приведенныхъ Сибомомъ, мы видимъ, напр., какъ *домъ* какого-нибудь Лауарга апъ Канделика или Ранда апъ Воона становится по смерти родоначальника *гавелемъ* четырехъ или шести братьевъ, въ которомъ они ведутъ хозяйство сообща, и что это общее хозяйство и разверстка правъ, основанная на родословной, продолжала держаться для поколѣній двоюродныхъ и троюродныхъ братьевъ. Только въ 4-мъ поколѣніи непосредственная связь по хозяйству прекращается, и gwely, „ложе“, распадается окончательно на составляющіе его гавели (вѣтви, вилки, четверти?), хотя принадлежность къ болѣе обширному родству высчитывается опредѣленно до 7-го и даже до 9-го поколѣнія и принимается въ расчетъ при уплатѣ и полученіи выкуповъ [3]).

Въ примѣненіи къ землевладѣнію эти порядки ведутъ къ весьма любопытнымъ юридическимъ послѣдствіямъ. Чтобы выяснить эти послѣдствія, необходимо припомнить, что хозяйство уельсскихъ кельтовъ состояло главнымъ образомъ въ разведеніи скота, особенно молочнаго. Каждая семья, даже если она принадлежала къ разряду низкородныхъ крѣпостныхъ (тэоговъ), обладаетъ значительнымъ числомъ коровъ; свиньи, овцы и козы также постоянно упоминаются [4]). Тарифы вергель-

---

1) *Skene,* Celtic Scotland III, 331.

2) См., напр., *Rhys and Brynmor Jones,* The Welsh people, 51. Роль элементовъ когнатизма въ кельтскомъ правѣ хорошо разъяснена въ Revue Celtique за 1902 г.

3) *F. Seebohm,* Tribal System in Wales, 78 и выдержки изъ вотчинной описи графства Denbigh, напечатанныя въ его Appendix, 66—68.

4) Venod., XLIII, 6, напр., называетъ тремя сѣтями свободнаго человѣка (gwrda) —его коней, стадо рогатаго скота и стадо свиней, а § 7—приписываетъ крѣпостному (taeog) также три сѣти: стадо свиней, стадо рогатаго скота и лѣтнее жилище съ мая до августа. Ср. Dimet. II, 8.

довъ выражены въ извѣстномъ числѣ головъ скота. Занятія и продукты молочнаго хозяйства, разнообразные способы употребленія молока, приготовленіе сыра, копченіе свиного сала и т. п. привлекаютъ вниманіе и часто описываются. Наряду съ скотоводствомъ стоятъ лѣсные и рыболовные промыслы—охота, ловля рыбы сѣтями, уходъ за пчелами и т. п. Нѣтъ, конечно, возможности опредѣлить, когда возникло хлѣбопашество и въ какой степени оно было развито. Единственное, что можно сказать въ данномъ случаѣ, сводится къ замѣчанію, что земледѣліе было въ ходу у великобританскихъ кельтовъ уже во время Цезаря, и что въ Уельсѣ оно практиковалось болѣе или менѣе повсюду еще до англійскаго завоеванія, но что оно играло второстепенную роль сравнительно съ скотоводствомъ [5]). Даже эта весьма общая характеристика не лишена значенія, такъ какъ она предувѣдомляетъ насъ, что частная собственность на землю едва ли была особенно развита въ кельтскомъ Уельсѣ. Для скотоводовъ нѣтъ надобности и даже невыгодно раздѣлять территорію, на которой пасутся ихъ стада, на дробные и опредѣленные участки, а наиболѣе естественнымъ является общинное пользованіе пастбищами по извѣстнымъ, обычнымъ правиламъ. Въ виду этихъ соображеній можно ожидать раздѣленія территоріи опредѣленными границами между родовыми союзами, кланами, и т. п. и отсутствія разграниченій или измѣнчивыхъ разграниченій и передѣловъ между семьями и домами, входящими въ составъ рода или клана.

Именно такіе землевладѣльческіе порядки мы находимъ въ дѣйствительности у различныхъ кельтскихъ племенъ. Особенно рѣзко бросаются въ глаза ихъ признаки въ Ирландіи, гдѣ земля была подѣлена съ незапамятныхъ временъ на симметричныя площади крупнаго размѣра—bailebetaughs, и на четверти (cartrons); крупные участки были обнесены рвами и частоколами съ цѣлью предотвратить потравы и переходы чужого скота, тогда какъ въ предѣлахъ четверти происходили частыя перемѣщенія населенія и переверстки межъ [6]).

Въ Шотландіи большая часть территоріи села оставляется за пастбищами внѣ черты главной изгороди, обнесенной вокругъ участковъ земледѣльческой обработки [7]).

---

5) *Cesar,* De bello Gallico, V, 12, 14. Cp. *Seebohm,* Village Community, 246; Tribal system in Wales, 99.

6) *Meitzen,* Ansiedelungen und Wanderungen I, 175 и сл.,

7) *Skene,* Celtic Scotland, 369.

Древніе уельсскіе памятники часто останавливаются на обычаѣ, который постоянно практиковался кельтами въ горныхъ мѣстностяхъ, именно на лѣтнихъ перекочевкахъ стадъ и пастуховъ изъ долинъ въ горы и на устройствѣ лѣтнихъ жилищъ на склонахъ горъ, въ поясѣ, который оставался въ общинномъ владѣніи всего родового союза, при чемъ условія пользованія сообразжались съ размѣрами и хозяйственной силой отдѣльныхъ семействъ [8]). Хотя воззрѣніе на землю, какъ на находящуюся въ общемъ владѣніи основу разнообразныхъ и измѣнчивыхъ правъ пользованія, особенно ясно по отношенію къ пастбищамъ, но и способы обладанія пахотной землей даютъ указанія въ томъ же направленіи. Даже въ недавнее время пріемы хлѣбопашества въ кельтскихъ областяхъ отличались своимъ чрезвычайно экстенсивнымъ характеромъ, слабымъ приложеніемъ труда и капитала. Удобреніе сводилось къ выгону скота на участокъ послѣ снятія жатвы. Единственная сколько-нибудь значительная затрата на земледѣльческія орудія вызывалась пріобрѣтеніемъ плуговъ и упряжи къ нимъ—тяжелыхъ, неуклюжихъ приспособленій, въ которыя впрягали отъ 4 до 8 воловъ. Способы обработки и занятія земли отвѣчали этимъ условіямъ. Въ большемъ ходу была такъ называемая Run-rig system, при которой полосы поступали лишь во временное пользованіе отдѣльныхъ хозяевъ, до жатвы, а затѣмъ переходили или могли перейти къ другимъ, при чемъ распредѣленіе полосъ часто происходило по жребію [9]). Уельсскія Правды описываютъ еще болѣе коммунистическій порядокъ землевладѣнія и обработки, именно распредѣленіе полосъ въ поляхъ между членами союза, образованнаго для составленія общаго плуга: каждый получалъ полосу или нѣсколько, сообразно своему участію въ предпріятіи,—одинъ за доставленіе желѣза для плуга, другой за то, что онъ работалъ пахаремъ, третій потому, что погонялъ воловъ, четвертый, пятый и т. д. за то, что поставили по одному волу для упряжки [10]). Въ позднѣйшую эпоху такія ассоціаціи для совмѣстной пахоты возникали по свободному договору, но не подлежитъ сомнѣнію, что перво-

---

8) Extent of Carnarvon (Record Commission), 10: et sunt in eadem villa 10 hauotri (hauottrev—лѣтнее село, лѣтнее жилье) vocata... Et predictum havotrev de havot Penemayno vult sustentare per annum 120 animalia etc.

9) *Gomm,* Village Community, 144; *Skene,* Celtic Scotland, 372, 379 слѣд.; *Meitzen,* o. c. I, 208.

10) *Seebohm,* Village Community, 118, сл. Сибомъ, однако, напрасно думалъ объяснить изъ этого обычая происхожденіе черезполосности въ полевыхъ системахъ кельтовъ и германцевъ. Въ позднѣйшихъ работахъ онъ, повидимому, оставилъ эту мысль.

начально онѣ были результатомъ тѣснаго сообщества членовъ большихъ семей [11]). Люди, жившіе вмѣстѣ въ общемъ родовомъ домѣ, населявшіе одно и то же родовое село (trev) [12]), или хотя бы составлявшіе пастушескую общину, очевидно, являлись наиболѣе подходящими членами такихъ земледѣльческихъ ассоціацій, въ которыхъ, въ отличіе отъ нашихъ теперешнихъ порядковъ, очень значительная кооперація совмѣщалась съ весьма незначительной затратой личнаго труда.

Коммунистическая организація землевладѣнія оставила очень замѣтные слѣды въ уельсскихъ правовыхъ обычаяхъ. Вотчинныя книги знакомятъ насъ съ двумя видами этой организаціи: съ владѣніемъ землею въ порядкѣ такъ называемаго *trev-cyfarwys* (trevgevery), или распредѣленія полосами (cyfar—полоса), и въ порядкѣ *trev-weloghe*, или распредѣленія по „ложамъ". Сообразно съ этимъ, Правды знаютъ два вида пріобрѣтенія и наслѣдованія земли: cyfarwys—„по надѣленію полосами", и daddenhudd—по наслѣдству отъ отца въ ложѣ. Въ первомъ случаѣ каждый достигшій совершеннолѣтія членъ сельской общины (trev) имѣетъ право требовать себѣ извѣстнаго количества полосъ въ полевой землѣ села независимо отъ своего положенія по родословной [13]). Останавливаясь на простѣйшемъ случаѣ примѣненія этого права, можно сказать, что если въ селѣ двадцать совершеннолѣтнихъ мужчинъ, то каждый будетъ обладателемъ одной двадцатой территоріи села въ видѣ соотвѣтствующаго числа полевыхъ полосъ, напр., десяти изъ общаго числа двухъ сотъ полосъ, и соразмѣрныхъ правъ и обязанностей по отношенію къ пахотѣ, пастбищамъ, рыбной ловлѣ, охотѣ и т. п. Если двое изъ двадцати умрутъ, доля каждаго изъ оставшихся увеличится и станетъ восемнадцатой долей цѣлаго; если, напротивъ, два члена прибавятся къ первоначальному составу, напр. вслѣдствіе достиженія совершеннолѣтія двумя изъ сыновей въ какой-либо семьѣ, долей бу-

[11]) Ср. *Meitzen*, Ansiedelungen, I, 216.

[12]) Для характеристики родового характера селъ приведу хотя бы начало Карнарвонской описи: Penruyen—eadem villa libera est et de natura weryon Eden (правнуковъ Эдена). Et sunt inde heredes Eden ap Grone etc. Ср. Villata de Nanthyn Canon... consistit in manibus progeniei Canon ap Lawarghe... tenetur in 4 gavelis etc. Extenta honoris de Denbigh, ap *Seebohm*, Tribal System, App. 54.

[13]) Leges Walliae, XIV, 32, § 8: никто не долженъ оставлять своего двора (tyddyn) въ описанномъ (зарегистрированомъ) селѣ (въ которомъ держатъ по полосамъ, per trev-cyfarwys), если есть достаточное количество земли, чтобы помѣстить предъявляющаго права на нее. IX 32, § 2: всякій кто требуетъ земли въ описанномъ селѣ, пусть выберетъ себѣ дворъ (мѣсто для двора) въ незанятомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ дома, и пусть владѣетъ заодно съ другими.

детъ двадцать двѣ и прежнимъ членамъ придется или уступить новымъ часть своей земли, или позаботиться о пріобрѣтеніи имъ соотвѣтсвеннаго ея количества [14]). Если оставался лишь одинъ представитель первоначальной общины, къ нему одному переходила вся земля и на него возлагались всѣ обязанности по ней [15]). При господствѣ этой системы нѣтъ разницы между отцомъ и сыномъ, дядей и племянникомъ, по отношенію къ правамъ на землю, если всѣ они совершеннолѣтніе [16]). Размѣры надѣловъ, конечно, были различны въ разныхъ случаяхъ, но обыкновенно принимали, что свободному человѣку прилично получить не менѣе 4 или 5 полосъ (erews) огородной земли, помимо тѣхъ, которыя выпадали на его долю въ силу участья въ плуговыхъ союзахъ. Для знатнаго (breyr, uchelwr) восемь или двѣнадцать полосъ [17]) являлись нормальнымъ надѣломъ огородной земли. Приходится заключить, что если въ селѣ не было наличной земли для устройства такихъ нормальныхъ надѣловъ, ее добывали расчисткой, выселеніемъ, высылкой колоній и т. п. Въ вотчинныхъ записяхъ XIV вѣка примѣненіе trev-cyfarwys ограничивается такъ называемыми крѣпостными или „зарегистрированными“ селами, т. е. поселеніями, въ которыхъ группировались зависимые люди. Но Правды, отражающія болѣе архаическія условія быта, относятъ cyfarwys къ свободнымъ и знатнымъ членамъ племени [18]), и описанія такъ называемаго ирландскаго gavelkind, т. е. раздѣла между наслѣдниками по ирланд-

[14]) Lgg. Walliae, XIV, 32, § 3: по закону „описанной“ земли доли всѣхъ участниковъ должны быть равны; не можетъ быть выморочныхъ полосъ на этой землѣ, такъ какъ каждый получаетъ столько же, сколько другіе.

[15]) Gwentian Code, II, 31, § 3.

[16]) Lgg. Walliae, V, 2, § 52: „есть одинъ сынъ который не обязанъ ждать смерти своего отца, чтобы получить наслѣдство—это сынъ человѣка, который живетъ въ описанномъ селѣ, такъ какъ его часть въ полосахъ своего отца не больше, чѣмъ часть самаго отдаленнаго отъ него члена села. Младшій сынъ, однако, долженъ ждать, такъ какъ онъ станетъ на мѣсто отца“.

[17]) Venodotian Code, 73, 74, ср. 92.

[18]) Leges Walliae, IX, 32, § 1 постановляетъ, чтобы не было общиннаго владѣнія иначе, какъ въ крѣпостныхъ (зарегистрированныхъ) селахъ. Напротивъ, Dimetian Code, II, 23, § 14 относитъ общинное владѣніе и послѣдствія, которыя выводятся изъ него въ порядкѣ cyfarwys, къ свободнымъ селамъ. Ср. *Seebohm*, Tribal system, 68 и *Rhys and Brynmor Jones*, The Welsh people, 206, которые, однако, представляютъ недостаточныя объясненія этого любопытнаго порядка. Онъ, очевидно, конкурировалъ съ системой владѣнія и наслѣдованія по ложамъ (trev-veloghe), а не дополнялъ ее. О значеніи cyfar (полосы) см. *A. Neobard Palmer*, Landtenures in Wales, 10.

скому обычному праву, представляютъ какъ разъ параллель упомянутымъ уельсскимъ порядкамъ первоначальнаго надѣленія и передѣловъ между сонаслѣдниками [19]).

Другой порядокъ наслѣдованія земли, въ силу daddenhudd [20]) (по „отечеству"), хотя и примѣнялся болѣе къ генеалогическимъ разсчетамъ, тѣмъ не менѣе вытекалъ также изъ коммунистическаго принципа: земли должно хватить на каждаго свободнаго члена племени, чтобы онъ имѣлъ возможность, наравнѣ съ другими, обрабатывать поле, выгонять скотъ на пастбище и т. п. Сущность daddenhudd состояла въ признаніи за правило, что каждый отецъ семейства и глава самостоятельнаго хозяйства долженъ быть поставленъ въ одинаковыя условія по отношенію къ землѣ съ другими представителями его поколѣнія. Осуществлялось это правило разверсткой земли между сонаслѣдниками одного и того же „ложа" (wele, gwele, gwely). Родоначальникъ ложа разсматривался какъ первый насельникъ общей территоріи. Пока онъ былъ живъ, въ его лицѣ сосредоточивались всѣ права и всѣ обязанности. По его смерти каждый изъ его сыновей получалъ равную долю въ наслѣдствѣ: предположимъ для примѣра, что въ ложѣ образовывалось 4 доли по числу четырехъ сыновей. Черезъ нѣсколько времени одинъ изъ нихъ,—назовемъ его А,—умираетъ, оставляя двухъ сыновей: эти послѣдніе вступаютъ во владѣніе половинами доли своего отца, такъ что впредь будетъ въ ложѣ три полныхъ доли и двѣ половинныхъ (a, a, B, C, D). Затѣмъ умираетъ В, и послѣ него остается три сына; умираетъ и С, оставивъ четырехъ сыновей. Пока D остается живъ, разверстка долей будетъ выражаться такъ: одна полная доля, двѣ половинныхъ, три трети доли, четыре четверти (a, a; в, в, в; c, c, c, c; D). Но по смерти D, послѣ котораго остается, скажемъ, одинъ сынъ, вся разверстка пересматривается, и каждый изъ двоюродныхъ братьевъ третьяго поколѣнія будетъ считаться въ полной долѣ, соотвѣтствующей теперь одной десятой ложа. Такимъ же образомъ доли правнуковъ родоначальника будутъ формироваться въ предѣлахъ долей ихъ отцовъ до тѣхъ поръ, пока останется въ живыхъ хотя бы одинъ представитель третьяго поколѣнія, но, по смерти послѣдняго внука родона-

---

[19]) *Sullivan*, въ предисловіи къ Ancient laws of Ireland (Brehon laws). Ср. *Paul Viollet*, Gavelkind et tanistry; *Meitzen*, Ansiedelungen, I; *Skene*, Celtic Scotland, III, 168.

[20]) Въ общемъ о наслѣдованіи въ ложѣ (gwely) см. *Seebohm*, Tribal system in Wales. Изъ постановленій Правдъ см., напр., Dimetian Code, II, 8, § 107, Lgg. Walliae VI, I, § 61. Dimet., II, 23, § 19 представляетъ уже попытку ограничить права сонаслѣдниковъ по отношенію къ переверсткамъ.

чальника, правнуки послѣдняго, т. е. троюродные братья, входящіе въ составъ четвертаго поколѣнія, переверстаютъ доли, такъ что на каждаго придется, положимъ, одна двадцатая территоріи ложа. Если бы, однако, одинъ изъ сыновей или внуковъ родоначальника умеръ ранѣе переверстки своего поколѣнія, его сыновья не имѣли бы права участвовать въ этой переверсткѣ наравнѣ съ дядьями и потеряли бы право воспользоваться переверсткой наравнѣ съ своими собственными сверстниками, а остались бы „изгоями" на половинныхъ, третныхъ или тому подобныхъ частичныхъ доляхъ. Уравненіе долей переверстками прекращалось послѣ четвертаго поколѣнія. Теоретически это прекращеніе должно было сводиться на раздѣлъ территоріи между четвертями, гавелями первоначальнаго ложа, при чемъ каждый гавель сталъ бы ложемъ и порядокъ переверстки продвинулся бы на одно поколѣніе внизъ. Но на практикѣ, повидимому, часто наступалъ полный раздѣлъ между семьями четвертаго поколѣнія, при чемъ ростъ ложъ какъ бы возобновлялся сначала. Вся система, очевидно, была разсчитана на образованіе и поддержаніе родовыхъ общинъ съ единствомъ хозяйства и пріуроченіемъ [21]) идеальныхъ долей въ немъ, такъ какъ немыслимо представить себѣ постоянныя переверстки владѣльческихъ правъ въ видѣ реальныхъ раздѣловъ. Нарастаніе же, дробленіе и періодическое уравненіе идеальныхъ долей въ общемъ владѣніи не только требуется извѣстною устойчивостью земельныхъ отношеній, но объясняетъ намъ, какъ могли жить племена приблизительно на одной и той же территоріи. Причины, содѣйствовавшія убавленію населенія, были особенно могущественны въ средніе вѣка: люди умирали отъ войнъ, повальныхъ болѣзней, недородовъ и всякой нужды почти такъ же быстро, какъ нарождались новые вкладчики, и общій приростъ населенія двигался очень медленно. Сила этихъ сбавокъ еще болѣе запутала бы отношенія при реальныхъ раздѣлахъ, но онѣ хорошо ладились съ порядкомъ переверстокъ долей, такъ какъ при немъ идеальные надѣлы пріурочивались въ концѣ-концовъ къ наличному числу представителей извѣстнаго поколѣнія. Такъ, если во взятомъ нами случаѣ двое изъ членовъ ложа умирали приблизительно въ то же время, какъ предъявляли свои права два новыхъ члена, то общее число долей оставалось безъ измѣненія. Безъ сомнѣнія, вся описанная процедура все-таки требовала бытовыхъ поправокъ въ видѣ новыхъ заимокъ,

[21]) Этотъ порядокъ пріуроченія идеальныхъ долей еще весьма ясно выступаетъ въ разсчетахъ конфискацій, которыя производились англійскими феодальными владѣльцами послѣ завоеванія края.

выселокъ, набѣговъ и. т. п. Но такихъ поправокъ было бы недостаточно, если бы примѣнялись реальные раздѣлы.

Я настаиваю на этихъ соображеніяхъ не только потому, что они выясняютъ намъ любопытный строй этихъ родовыхъ и въ то же время сельскихъ общинъ, но также и въ виду правильнаго истолкованія упоминаній нашихъ источниковъ о происходившихъ и въ этомъ обществѣ реальныхъ раздѣлахъ [22]). Отчасти такого рода упоминанія объясняются переходомъ отношеній подъ вліяніемъ болѣе современныхъ, индивидуалистическихъ воззрѣній и болѣе индивидуалистическаго англійскаго права [23]). Начиная съ XIV вѣка, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и раньше, кельтскій обычай подвергается разнаго рода видоизмѣненіямъ и искаженіямъ, и нѣтъ ничего мудренаго, что мало-по-малу архаическія „ложа“ замѣняются дробными участками, добытыми путемъ реальныхъ раздѣловъ между сонаслѣдниками, или же объединяются въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ въ формѣ феодальныхъ „держаній“, переходящихъ къ старшему или младшему сыну. Но кромѣ того, нельзя не принять во вниманіе возможность раздѣловъ при господствѣ кельтскихъ правовыхъ обычаевъ. О такихъ раздѣлахъ свидѣтельствуетъ, повидимому, образованіе самыхъ четвертей, гавелей. Смыслъ ихъ, очевидно, въ томъ, что хозяйственныя соображенія и мѣстныя особенности вызывали въ извѣстныхъ случаяхъ на реальное раздѣленіе ложа на нѣсколько частей, изъ которыхъ каждая являлась болѣе или менѣе законченной родовой общиной. Это естественно, и нельзя думать, чтобы генеалогическія соображенія дѣйствовали какъ бы въ пустомъ пространствѣ, безъ всякаго вліянія условій мѣстности и фактической группировки населенія. Но преобладающій характеръ юридическаго порядка землевладѣнія и земленаслѣдованія этимъ не стирается и не устраняется.

Единеніе ложа, какъ оно описывается въ памятникахъ, обусловлено исключительно общинной организаціей сонаслѣдниковъ. Правды не упоминаютъ ни о какомъ главарѣ ложа, а тѣмъ менѣе о лицѣ, которое являлось бы носителемъ собственности въ противоположность остальнымъ членамъ, имѣющимъ лишь право на содержаніе. Во всѣхъ свободныхъ ложахъ и въ тѣхъ селеніяхъ крѣпостныхъ, жители которыхъ держали земли въ порядкѣ trev-weloghe, владѣльцы долей,—они же и отцы семействъ,—занимаютъ равное положеніе. Если иногда упоми-

---

[22]) Эта сторона дѣла почти совершенно не принята во вниманіе Сибомомъ.

[23]) См., напр., Lgg. Walliae, V, 2, § 131, Dimetian Code, II, 23, § 19.

нается о претензіи старшаго брата по отношенію ко всей землѣ,—претензіи, которая удовлетворяется раньше, нежели требованія младшихъ, то сравненіе упомянутаго мѣста съ другими статьями показываетъ, что старшій братъ или старшій родичъ играетъ особую роль не въ качествѣ единственнаго или преимущественнаго наслѣдника, а въ качествѣ представителя ложа, какъ цѣлаго [24]). Это представительство имѣетъ большое значеніе на практикѣ и ему вѣроятно соотвѣтствовало въ болѣе древнее время положеніе старшины: безъ него нельзя было обойтись въ виду многочисленныхъ случаевъ, когда ложе дѣйствовало заодно, какъ цѣлое, для оказанія поддержки своимъ членамъ присягою и имуществомъ, уже не говоря о мести и выкупѣ. Но объ исключительномъ правѣ собственности старшины, повторяю, нѣтъ рѣчи.

Обыкновенно ложе было союзомъ троюродныхъ братьевъ и состояло изъ 15—20 семей и 60—80 членовъ-мужчинъ [25]). Оно вообще не совпадало съ родомъ, а если случайно совпадало, то роль рода ясно отличалась отъ роли, которую тотъ же союзъ игралъ въ качествѣ ложа; послѣдняя распространялась главнымъ образомъ на устроеніе землевладѣнія и наслѣдованія и на связанное съ ними хозяйство.

Въ заключеніе необходимо отмѣтить, что хотя уельсскія Правды различаютъ пріобрѣтеніе земли „по отечеству" (daddenhudd) отъ пріобрѣтенія ея „по породѣ" (kin and descent), но это различіе обусловливается лишь исковыми формами, а никакъ не разницей въ юридическихъ основаніяхъ владѣнія. „По породѣ" предъявляли право на землю, когда нельзя было установить владѣнія „по отечеству", т. е. опредѣленное положеніе въ какомъ-нибудь ложѣ черезъ посредство отца, дѣда и т. д. Тотъ, кто искалъ земли „по породѣ", утверждалъ что лица, фактически владѣвшія спорной землей—чужаки, узурпаторы, не имѣющіе къ ней никакого отношенія по своей родословной. Если они держали ее „по отечеству", то „порода" не давала противъ нихъ иска, какъ болѣе общее и менѣе точное опредѣленіе. Этотъ пунктъ, какъ мнѣ кажется, вполнѣ ясно выраженъ въ источникахъ, и нѣтъ

---

[24]) Gwentian Code, II, 31, § 2; ср. Dimetian Code, II, 21, § 4.

[25]) Особенно обстоятельно выясняются составъ и отношенія ложъ въ описяхъ Денбисскаго графства, выдержки изъ которыхъ напечатаны въ прибавленіи у Сибома. Этимъ матеріаломъ опровергается его излюбленная теорія объ исключительномъ правѣ собственности патріарха. См., напр., Tribal system, 95.

[26]) См. Gwentian Code, II, 31, § 23, Venodotian Code, II, 11, § 19; Lgg. Walliae, VII, 1, § 10; IX, 27, § 3; XI, 5, § 7; ср. таблицу въ Lgg. Walliae, XII, 1.

никакихъ указаній на двоякаго рода „титулы“ владѣнія—„по отечеству“ (daddenhudd), въ обычномъ порядкѣ наслѣдованія, и „по породѣ“ (kin and descent), въ силу какого-то особаго права на содержаніе. Вообще я не вижу нигдѣ слѣдовъ такого права на содержаніе, въ отличіе отъ правъ долевого владѣльца и долевого сонаслѣдника ложа, которое опредѣлялось положеніемъ по родословной [27]).

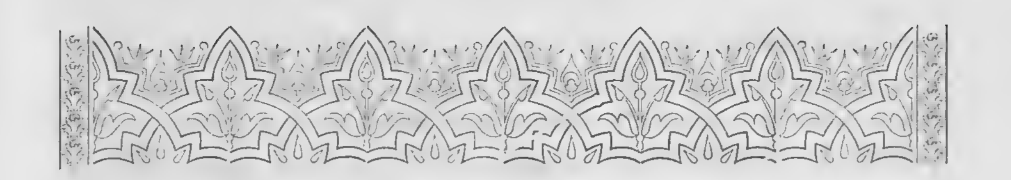
Мнѣ кажется, что сказаннаго достаточно, чтобы выяснить большой интересъ этихъ хорошо засвидѣтельствованныхъ кельтскихъ фактовъ для пониманія родового строя, общинныхъ союзовъ родового происхожденія и зачаточныхъ формъ наслѣдованія и землевладѣнія.

Павелъ Виноградовъ.

Tunbridge Wells,
Kent.

---

[27]) На идеѣ такого права Сибомъ, а за нимъ Рисъ и Бринморъ Джонсъ основываютъ свою конструкцію уельсскаго землевладѣнія: единственнымъ собственникомъ является старшій въ ложѣ, а остальные члены ея имѣютъ де лишь право на содержаніе (maintenance). Въ томъ же духѣ разсуждаетъ Мейтценъ, Ansiedelungen, I, 183. Надѣленіе землею со стороны патрона или сеньёра объясняется, конечно, совершенно иными соображеніями и не должно замѣнять надѣленія по наслѣдству. См., напр., Leges Walliae, VI, 1, § 61.



Къ вопросу объ участіи земскихъ добрыхъ людей въ древне-русскихъ судахъ.

I.

Старые памятники законодательства Россіи и судебные акты неоднократно говорятъ объ участіи народныхъ представителей въ судѣ. Принято называть этихъ представителей „судными мужами“. Однакоже такое выраженіе, встрѣчающееся уже въ старѣйшей изъ дошедшихъ до насъ судныхъ грамотъ (конца XIV в.) и употребляемое въ Царскомъ Судебникѣ, далеко не можетъ считаться обычнымъ и общераспространеннымъ даже въ Руси Московской, а тѣмъ болѣе, разумѣется, чуждо оно юридическому словарю древнихъ Новгорода и Пскова, Кіева и Литвы.

Чаще всего для обозначенія присутствующихъ на судѣ представителей народа въ памятникахъ употребляются общія описательныя выраженія: „быть (или сидѣть) на (при, въ) судѣ“ и „быть (или сидѣть) на (при, въ) правѣ“. Первое выраженіе болѣе свойственно памятникамъ Россіи сѣверной и восточной, второе—южной и западной. Такимъ образомъ говорится: „а на судѣ были такіе-то“, „у того дѣла въ судѣ сидѣли такіе-то“, „при немъ были на томъ правѣ такіе-то“ и т. д. Соотвѣтственно этому, относительно судьи принято говорить такъ: „судья сажаетъ въ судѣ (или при себѣ) такихъ-то, сидитъ съ такими-то, имѣетъ при себѣ такихъ-то, беретъ съ собой такихъ-то, слушаетъ или смотритъ дѣло съ такими-то, даетъ право передъ такими-то“ и т. д.

Иногда въ актахъ встрѣчаются записи сокращенныя: „при томъ (туто, на тотъ часъ) были такіе-то“, а самые представители народа въ

судѣ обозначаются просто и однимъ словомъ: „мужи“ или „люди“. Поэтому техническое значеніе придается и выраженію „быть въ мужахъ“. Уже въ упомянутой нами старѣйшей правой грамотѣ временъ Дмитрія Донского на вопросъ судьи: „а ты былъ ли на таковѣ судѣ?“— судный мужъ отвѣчаетъ: „язъ, господине, на томъ судѣ былъ въ мужѣхъ“. Чтобы точнѣе пояснить, какіе это „мужи“ или „люди“, очень часто прибавляются соотвѣтствующія опредѣленія и говорится: „люди добрые“, „земскіе добрые люди“, „люди сторонніе“ [1]), „мужи судные“ [2]), „мужи приговорные“, „мужи судецкіе“, „мужи розъѣзждіе“ [3]), „люди, которые въ судѣ сидятъ“. Въ актахъ Руси Литовской болѣе поздняго времени (въ XVII в.) иногда встрѣчается выраженіе „люди притомные“ [4]), а слово „мужъ“ замѣняется словомъ „панъ“ или „особа“: „особы при томъ суде будучые“.

Изрѣдка, наконецъ, судные мужи называются „свѣтками“ („а при томъ были свѣдци такіе-то и иныхъ добрыхъ досыть было при томъ“), „судьями“ („панове тые вси, хто сидѣлъ при томъ правѣ судьи“) или, какъ въ памятникахъ новгородскихъ, „приставами“ („а въ тіунѣ одринѣ быти по приставу съ сторону людемъ добрымъ“). Свѣтками судные мужи называются, очевидно, потому, что они же являются, такъ сказать, живыми свидѣтелями суда, судьями — потому, что они судятъ

---

[1]) Въ литовско-русскихъ актахъ иногда—„мужи обчіе“, „сторона люди добрые“, „сторона людей добрыхъ“ или даже просто „сторона“ („а при мнѣ на тотъ часъ были сторона такіе-то“).

[2]) Этотъ терминъ употребляется исключительно памятниками Московскаго государства. Онъ извѣстенъ отъ XIV в. и принятъ въ Судебникѣ 1550 г. Такъ сперва обозначались только неофиціальные народные представители въ судѣ. Впослѣдствіи „судными мужами“ стали называться также и старосты или цѣловальники въ качествѣ представителей офиціальныхъ (въ XVI в.). Наконецъ, изрѣдка (намъ извѣстенъ только одинъ случай такого употребленія этого термина) и, очевидно, уже въ неточномъ значеніи этихъ словъ стали именовать „судными мужами“ также товарищей главнаго судьи—дьяковъ и подьячихъ.

[3]) Такъ назывались иногда (впрочемъ, довольно рѣдко) судные мужи, бывшіе при разъѣздахъ земель (разъѣздъ—особая форма суда или исполненія приговора по тяжбамъ поземельнымъ; были и иные разъѣзды, напр. по договорамъ, и тогда словами „разъѣзждіе мужи“ обозначались обыкновенные свидѣтели или послухи сдѣлки).

[4]) И въ настоящее время народный языкъ употребляетъ слова „люди притоманные“ для обозначенія людей своихъ, родныхъ, близкихъ, въ противоположность чужимъ, далекимъ, постороннимъ. Въ этомъ смыслѣ выраженіе „притоманные люди“ неоднократно встрѣчается въ сочиненіяхъ такого знатока русской рѣчи, какимъ былъ покойный Н. С. Лѣсковъ. Ср. *Г. В. Демченко*, Притомные люди и копная сторона, 1899 г. (Варшавскія Университетскія Извѣстія, кн. V).

(отсюда описательное выраженіе „судити съ такими-то"), приставами— потому, что они приставлены къ суду [5]).

Кромѣ такихъ общихъ выраженій и названій, для обозначенія отдѣльныхъ разрядовъ народныхъ представителей въ судѣ, имѣющихъ офиціальное значеніе, употребляются специальные термины: „цѣловальники" („цѣловальники приговорные, подсудные, судецкіе, судные"), „судецкіе старосты" и „вижи" или „возные" („возные того права прислухаючые, на то право везваные") [6]).

II.

Всѣ эти выраженія, употребляемыя при описаніи въ судѣ народныхъ представителей, до нѣкоторой степени уже свидѣтельствуютъ о томъ, кто могъ быть суднымъ мужемъ: это, очевидно, совершеннолѣтній полноправный мужчина. Малолѣтнихъ и женщинъ мы, дѣйствительно, нигдѣ и никогда на судѣ не встрѣчаемъ; но въ болѣе позднія эпохи попадаются среди земскихъ добрыхъ людей лица несвободныя (высшіе разряды холоповъ, впослѣдствіи — крѣпостные крестьяне). Во всякомъ случаѣ судный мужъ долженъ быть непремѣнно мѣстнымъ жителемъ, человѣкомъ постороннимъ (въ дѣлѣ не участвующимъ) и

[5]) Ср. „тотъ, съ которымъ онъ и иншии ку правамъ приставенъ былъ". А. В. К. т. XVII, стр. 381. Подобно этому и въ Стоглавѣ люди, которые сидятъ въ судѣ, названы „присадкой" (изд. Кожанчикова, стр. 207). Повидимому и слово „ятцы", употребляемое Новгородской Судной грамотой, соотвѣтствуетъ слову „пристава". Въ пользу такого предположенія говоритъ не только самый смыслъ 41 ст. Новг. Суд. грамоты (ятцы идутъ „на пособье къ суду"), но и несомнѣнное производство слова „ятцы" отъ одного корня съ глаголомъ „имати, поняти", который употребляется нерѣдко при описаніи призыва въ судъ земскихъ добрыхъ людей: „а на судъ поимати двѣма истцомъ по два боярина и по два мужа житейска отъ каждыя страны", читаемъ въ Никоновской лѣтописи подъ 1384 г. при описаніи суда предъ посадникомъ или тысяцкимъ; „понявъ с собою старосту да хрестеян добрых с обѣ стороны... вы бы их (тяжущихся) судили", говоритъ одна изъ позднѣйшихъ грамотъ, данная бѣлоозерскимъ судьямъ въ 1501 г. А. Ю. Б. т. I, стр. 252. Ср. А. В. К. т. XVIII, стр. 48: ятцы идутъ на пособье отъ улицы и также идутъ судные мужи („на тотъ часъ тамъ были стороною... подданный господаръскій зъ улицы Каменецкое на име Мордышъ Скабаричъ и зъ другого села господаръского зъ улицы Середней на име Сенько, а зъ улицы Закросницкое подданый паней Воловичевой на имя Латыга"). А. Ю. стр. 103: „а на семъ приговорѣ были люди добрыи, съ обѣ половинѣ—Павелъ Семеновъ съ Борковы улицы, да Ондрѣянъ Семеновъ Ладоской земець" и т. д.

[6]) Вообще для терминологіи см. Судебникъ 1550 г., ст. 69. *Ивановъ,* Описаніе Государственнаго Архива Старыхъ Дѣлъ, Приложенія, стр. 201—206. А. Ю. стр. 41. А. Ю. Б. т. I, стр. 170, 252, 643; т. II, стр. 653; т. III, стр. 24, 124 и сл. А. Ю. стр. 6, 22, 28, 41, 103, 359. Д. А. И. т. I, стр. 23. А. Ю. З. Р. т. I, стр. 4, 15, 16, 23,

притомъ завѣдомо для всѣхъ добрымъ и для судебнаго дѣла пригоднымъ.

Мужи называются людьми мѣстными („сосѣди или люди околичные, въ ономъ же повете оселые, тутошніе жилци, люди добрые тамошніе старожилцы, тутошніе люди добрые, люди повѣту тамошнего" и т. п.) съ точки зрѣнія мѣста нахожденія суда или жительства сторонъ дѣла. Поэтому это или жители того округа, въ которомъ находится судъ или гдѣ производится то или другое судебное дѣйствіе (конецъ, улица, городъ, станъ, волость, уѣздъ, повѣтъ), или жители той мѣстности, изъ которой кто ищетъ или отвѣчаетъ. Уже Новгородская Судная грамота говоритъ: „отъ конца, или отъ улицы и отъ ста и отъ ряду, итти ятцомъ двѣма человѣкомъ, а инымъ на пособье не итти къ суду ни къ росказу". Позднѣе Судебникъ 1550 г. говоритъ еще опредѣленнѣе: „въ судѣ быти у намѣстниковъ, и у волостелей, и у ихъ тіуновъ тѣхъ волостей старостѣ и цѣловалникомъ, изъ которые волости кто ищетъ или отвѣчаетъ" (ст. 68); а выборные цѣловальники—всегда мѣстные жители [7]). Подобно этому и Литовскій Статутъ требуетъ, чтобы выборный возный былъ человѣкомъ мѣстнымъ—„въ томъ же повете оселымъ", гдѣ учреждены и самые суды.

По отношенію къ неофиціальнымъ представителямъ народа на судѣ требованіе, чтобы они были людьми мѣстными, не имѣетъ, впрочемъ, безусловнаго значенія: на практикѣ иногда встрѣчаются и отступленія отъ этого требованія. Такъ, напримѣръ, въ числѣ лицъ, которыя были при разбирательствѣ тяжбы сокольника витебскаго Михалка съ мѣщаниномъ Данилкомъ „о бой" и которыя „того добре свѣдоми", упомянутъ и бояринъ полоцкій панъ Михайло Ѳедоровичъ, т. е. человѣкъ не только не мѣстный, но даже иноземецъ. Однакоже отсутствіе

297; т. II, стр. 145, 180. А. В. К. т. XVII, стр. 1, 271, 338, 357, 389, 415. А. В. К. т. XXI, стр. 85, 202, 258, 366. Р. И. Б. т. V, стр. 1027; т. XIV, стр. 29. Древ. Госуд. Грамоты изд. *Берха*, СПБ. 1821 г., № V. А. В. К. т. XVIII, № 340, 428. А. И. стр. 275. А. А. Э. т. I, № 196/II. А. В. К. т. XVIII, № 310. А. Ю. Б. т. III, стр. 41. Судебникъ 1550 г., ст. 70, 72. А. В. К. т. XVIII, № 278, 356. А. Ю. стр. 30. А. Ѳ.-Ч. т. I, стр. 220. А. В. К. т. XVIII, № 72. А. В. К. т. XVII, стр. 169, 268. А. З. Р. т. I, стр. 42 и сл. Новг. Суд. грамота, ст. 25, 26, 29. А. Ю. Б. т. I, стр. 194. Судебникъ 1550 г., ст. 62, 68. А. Ѳ.-Ч. т. I, стр. 38, 42, 219; т. II, стр. 305, 389. А. Ю. Б. т. I, стр. 3, 4. А. Ю. стр. 72. Р. И. Б. т. XIV, стр. 843. А. Ю. стр. 58. Акты *Н. П. Лихачева*, стр. 127.

[7]) Обычная формула ихъ выборовъ: „мы такіе-то жители такой-то мѣстности (напр., нерехчане посадскіе люди, ирбицкіе крестьяне и под.) выбрали въ цѣловальники нерехчанъ же посадскихъ людей, ницынского жъ крестьянина, ирбитскихъ же крестьянъ и пр.".

мѣстныхъ людей въ составѣ коллегіи судныхъ мужей дѣлаетъ такую коллегію подозрительной и можетъ опорочить всѣ ея акты. Когда, въ громкомъ дѣлѣ объ убійствѣ пана Станислава Карловича, обвиняемая жена его сослалась на бывшее уже по тому же дѣлу копное производство, которое могли бы подтвердить присутствовавшіе тамъ возные со стороной изъ шести шляхтичей, то судъ такого заявленія обвиняемой не принимаетъ и „отъворыстого листу" тѣхъ шляхтичей не признаетъ между прочимъ и на томъ основаніи, что „то въсе речь небылая и неправая, кдыжъ... ни одного человека зъ суседъ околичныхъ, который бы ее (обвиняемую) высветчати могъ, не ставитъ и на тыхъ копахъ не менуетъ..., а што шляхта, отъ которыхъ тотъ листъ собе данный менуетъ, не есть суседи околичные, але одны бояре Волменские его милости п. Кищыны, а другие его милости п. подчашого Старынские, мало не въ трыдцати миль отъ того местца, где се тое забойство небощыку Карловичу стало, мешкаючые"[8]).

Народные представители въ судѣ должны быть людьми посторонними („люди стороннiе, обчiе, чужiе, опришенные, сторона"). Постороннимъ же называется тотъ, кто не принадлежитъ къ составу суда и не принимаетъ никакого участiя въ дѣлѣ, какъ сторона, какъ истецъ или отвѣтчикъ, вообще какъ лицо, прикосновенное къ самому предмету судебнаго разбирательства и потому заинтересованное въ томъ или другомъ исходѣ процесса.

Такая прикосновенность къ дѣлу сама собой лишаетъ суднаго мужа принадлежащихъ ему правъ и полномочiй и влiяетъ на измѣненiе состава даже болѣе или менѣе постоянной коллегiи народныхъ представителей, засѣдающей въ судѣ въ теченiе нѣсколькихъ дней или, по крайней мѣрѣ, при разбирательствѣ нѣсколькихъ дѣлъ. Такъ, во вторникъ 14 iюня 1541 г. въ Гродненскомъ земскомъ судѣ всѣ дѣла разрѣшаются при участiи коллегiи судныхъ мужей одного и того же состава (п. Матей Левицкiй, п. Янъ, хорунжiй Городенскiй, и п. Дорош-

[8]) Иногда даже обыкновенные свидѣтели той или другой сдѣлки признавались недостаточными, если были людьми изъ другой мѣстности. „И Пашко почалъ (съ) своею жоною съ Олюшкою давать свѣтки съ Камянецкого", говоритъ одна изъ правыхъ грамотъ XVI в. „И панове рекли тые вси, хто сидѣлъ при томъ праве судьи: даете свѣтки вси у Камянецкомъ, а здѣсе у Бряславскомъ ни одного свѣтка не даете; дайте у Бряславскомъ толкожъ свѣтковъ, колко и у Камянецкомъ даете свѣтковъ, алюбо хотя половину, алюбо одного пакъ дайте свѣтка у Бряславской волости у своей. И Пашко здѣсе у Бряславской волости и пани его Олюшка не дали свѣтка ани одного, нижли давали свѣтки всѣ у Камянецкой волости". Основываясь на этомъ, судъ отказалъ Пашку съ женою въ ихъ искѣ.

кевичъ). Однако, при разсмотрѣніи одного дѣла эта коллегія вдругъ измѣняется и въ судебномъ актѣ сказано только, что „пры томъ былъ п. Левицкий и п. хоружий Городенский". Дорошкевичъ не названъ. Почему?—Очевидно, потому, что въ этомъ дѣлѣ являются истцами люди п. Дорошкевича, а отвѣтчикъ въ свое оправданіе ссылается на то, что самъ п. Дорошкевичъ ему „права не далъ" и тѣмъ поставилъ его въ безвыходное положеніе, такъ что ему пришлось прибѣгнуть къ самоуправству („правному грабежу"). Такое заявленіе отвѣтчика впутываетъ самого п. Дорошкевича въ дѣло и тѣмъ лишаетъ его возможности оставаться въ судныхъ мужахъ.

И это послѣдствіе обусловливается именно заявленіемъ отвѣтчика, а не тѣмъ обстоятельствомъ, что истцами выступаютъ люди п. Дорошкевича. Само по себѣ это обстоятельство никакого значенія не имѣетъ, потому что болѣе или менѣе тѣсныя и близкія отношенія суднаго мужа къ истцу, къ отвѣтчику или къ самому судьѣ не только не исключаются, а, напротивъ, какъ бы предполагаются по общимъ условіямъ участія земскихъ добрыхъ людей въ старыхъ судахъ. Эти люди являются посторонними для дѣла; для участвующихъ же въ дѣлѣ лицъ они имѣютъ значеніе пособниковъ или „помочниковъ" и потому въ массѣ случаевъ состоятъ изъ друзей, пріятелей, родственниковъ или вообще людей близкихъ той или другой сторонѣ въ дѣлѣ или же самому судьѣ. Древнѣйшій процессъ такое именно участіе въ судѣ считаетъ естественнымъ и желательнымъ, и только въ позднѣйшія времена начинаютъ возникать опасенія насчетъ того, какъ бы какая-нибудь „сторона судей" не дѣлала поблажки истцу или отвѣтчику („пакли бы суди спор мели о повод, а згодитися не могли за спором своим, одна одной стороне фолкгуючи"). Но даже и въ это время не дѣлается отступленій отъ того порядка, который сложился вѣками и отлился въ форму стародавняго обычая. Поэтому и въ дѣлѣ, почти одновременномъ съ тѣмъ, которое только что приведено, въ числѣ судныхъ мужей находимъ пана истца и намѣстника пана отвѣтчика: жалуется служебникъ п. Петра Мицуты на „чоловека" п. Николая Кунцевича, Мартина, и въ судныхъ мужахъ „при томъ" находится „зъ руки слуги своего п. Петръ Мицута, а зъ руки того Мартинца наместничокъ п. Миколая Кунцевича Русотскій, на имя Пронецъ, а при немъ п. Миколай Толочкевичъ, хорунжій". Вообще господинъ разсматривается, какъ естественный защитникъ своихъ людей и слугъ, а эти послѣдніе—какъ естественные его помощники и пособники. Поэтому господинъ пріѣзжаетъ въ судъ „з великими почты слугъ и приятелъ своихъ", и когда, напримѣръ, въ судѣ ищетъ или отвѣчаетъ

монастырь, то и въ судныхъ мужахъ мы встрѣчаемъ крестьянъ монастырскихъ. Поэтому же когда разсматриваются какія-нибудь дѣла чужихъ крестьянъ или подданныхъ, то и въ судѣ засѣдаютъ ихъ господа или урядники (вообще представители) этихъ господъ.

Равнымъ образомъ встрѣчаются нерѣдко и въ XVI—XVII вв: среди „постороннихъ людей", призванныхъ въ судные мужи, друзья или родственники одной изъ сторонъ или самого судьи, напр. „сестренецъ" истца, отецъ подсудимаго („ociec tego Daniła złodzieia, w leciech człowека młodego"), братъ самого судьи и т. д. Повидимому на такія близкія и родственныя отношенія указываютъ постоянно встрѣчающіяся въ актахъ общія фамиліи: на судѣ Якова Игнатьевича Татищева сидитъ Семенъ Дмитріевичъ Татищевъ, у Петра Достоевскаго сидятъ Бенедиктъ и Филонъ Достоевскіе [9]). Тѣмъ естественнѣе, конечно, и въ составѣ самой коллегіи судныхъ мужей встрѣтить близкихъ родственниковъ: напримѣръ, весьма часто въ судѣ одновременно появляется нѣсколько братьевъ (два, три, четыре) или даже нѣсколько группъ братьевъ разныхъ фамилій (двѣ или три пары братьевъ).

Случалось, что въ мужахъ находились урядники или служебники судьи. Не говоря уже объ офиціальныхъ засѣдателяхъ, которые состояли при судахъ и въ извѣстномъ смыслѣ отъ нихъ зависѣли, и вообще такая зависимость суднаго мужа не лишала его правъ участія въ процессѣ: такъ, уже въ началѣ XV ст. на судѣ князя Ѳеодора Любартовича присутствуетъ его урядникъ п. Ленко, староста Зудечовскій, вмѣстѣ съ другими добрыми людьми. Случалось, что и самъ судья попадалъ въ мужи по тому же дѣлу, которое онъ судилъ, и это обусловливалось, конечно, тѣмъ, что старый процессъ допускалъ перемѣну судей въ теченіе одного и того же дѣла: судитъ дѣло одно лицо, докладываетъ—другое, рѣшаетъ по докладу — третье, въ исполнительномъ производствѣ участвуетъ—четвертое; каждый разъ коллегія судныхъ мужей нерѣдко измѣняется, и при третьемъ или четвертомъ судьѣ первый судья оказывается уже въ мужахъ.

Подобное явленіе возможно, потому что мужъ хотя и посторонній дѣлу человѣкъ, но далеко не всегда посторонній самому процессу; можно сказать, что его интересы не затрогиваются матеріальнымъ содержаніемъ или составомъ тяжбы, но въ процессуальномъ отношеніи онъ часто принимаетъ въ дѣлѣ довольно разнообразное участіе. Такъ,

[9]) Впрочемъ, общность именъ невсегда еще является доказательствомъ родства. Одинаковыми бываютъ и названія лицъ изъ одной мѣстности: всѣ паны изъ села Стахова называются Стаховскими, изъ села Серникъ—Серницкими, изъ с. Плотницы —Плотницкими, изъ с. Горбачевичей—Горбачевскими и т. д.

онъ можетъ не только сидѣть при судьѣ и судить, но также одновременно съ тѣмъ выступать свидѣтелемъ по дѣлу. Въ 1495 г. въ дѣлѣ витебскихъ мѣщанъ съ кожемяками судьей является князь Иванъ Юрьевичъ, намѣстникъ витебскій; въ судныхъ мужахъ находятся бояре, войтъ и старые мѣщане. Въ теченіе процесса войтъ и мѣщане эти не только судятъ, но и допрашиваются судьей („опытывалъ войта и старыхъ мѣщанъ"), и даютъ весьма важныя показанія относительно того, „хоживали ль будутъ тыи кожемяки съ ними въ подводу". Поэтому впослѣдствіи бояре, которые были на судѣ, вполнѣ правильно заявляютъ, что „тогды на томъ дѣлѣ при нихъ и войтъ былъ", который „съ ними то судилъ, а и то свѣтчилъ передъ кн. Иваномъ". Въ 1555 г. въ судныхъ мужахъ находится возный, на котораго ссылаются стороны и который даетъ показаніе („сознаетъ") о бывшей копѣ. Въ 1635 г. на судѣ сидитъ цѣловальникъ, который раньше былъ на явкѣ преступленія и на котораго теперь стороны тоже дѣлаютъ ссылки; свидѣтельство объ обстоятельствахъ явки не мѣшаетъ ему быть въ мужахъ подобно тому, какъ въ томъ же дѣлѣ не устраняется земскій дьячекъ Обашка Фотѣевъ, единственное въ судѣ грамотное лицо, только потому, что имъ же составлена и подписана купчая, служившая однимъ изъ самыхъ важныхъ доказательствъ и опредѣлившая содержаніе самого судебнаго рѣшенія. Вообще офиціальные представители населенія въ судѣ (вижи, возные, цѣловальники) постоянно играютъ двойственную роль судей въ собственномъ смыслѣ этого слова и свидѣтелей, дающихъ показанія о произведенныхъ осмотрахъ, обыскахъ, явкахъ и т. д., на которыхъ они обязательно присутствовали.

Пользуясь правомъ давать въ нѣкоторыхъ случаяхъ свидѣтельскія показанія, посторонніе дѣлу судные мужи принимаютъ нерѣдко участіе и въ другихъ актахъ процесса, напримѣръ, выступаютъ въ качествѣ „пановъ едначей" для примиренія сторонъ, принимаютъ обвиняемаго на поруки, ходатайствуютъ о смягченіи наказанія или о помилованіи преступника и иногда даже присягаютъ вмѣсто тяжущагося, которому „сказанъ доводъ". Всѣ эти дѣйствія не считаются такимъ участіемъ въ процессѣ, которое бы исключалось въ виду требованія, чтобы въ мужахъ были лица, постороннія для дѣла.

Если судный мужъ предполагается человѣкомъ мѣстнымъ и для дѣла постороннимъ, то въ большей еще степени онъ предполагается человѣкомъ добрымъ, потому что этому качеству придается существенное значеніе. Важно главнымъ образомъ не то, въ какихъ отношеніяхъ находится мужъ къ суду или къ сторонѣ; важны его личныя свойства, его добросовѣстность, его опытность. Одинъ добрый мужъ стоитъ мно-

гихъ. Главное значеніе имѣетъ поэтому не количественный, а качественный составъ коллегіи народныхъ представителей въ судѣ: даже при рѣзко выраженномъ третейскомъ характерѣ суда число выставленныхъ сторонами мужей часто бываетъ различное и отдѣльныя общины часто бываютъ представлены въ процессѣ весьма неравномѣрно. И это потому, что—говоря словами великаго нѣмецкаго поэта—

„Ist gleich die Zahl nicht voll, das Herz ist hier
„Des ganzen Volks, die Besten sind zugegen".

Въ мужахъ могутъ быть только люди добрые и пригодные („кого съ такое дело стало", „кто къ дѣлу пригодился, пригоденъ или пригожъ"). Старые памятники и акты опредѣляютъ эту пригодность въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „добрые люди душею прямы, животомъ прожиточны и всѣмъ любы"; это—„мужи правдивые и вѣрные", т. е. „надежные и годные вѣры", „имъ можно вѣрить во всякихъ великихъ государей дѣлахъ", и потому, дѣйствительно, имъ всѣ вѣрятъ; это—„люди цнотливые, неподойзреные", если и не всегда грамотные [10]), зато „разумные, просужіе", а иногда притомъ еще „у праве умеетные, съ правомъ умѣючіе, sądu wiadomye", такъ какъ имъ „государевы и земскіе дѣла за обычай". Само собою разумѣется, что люди преступные и лица предосудительнаго поведенія въ судныхъ мужахъ быть не могутъ: судные мужи должны быть „не воры и не бражники", „не плуты и не ябед-

[10]) Грамотность не требовалась даже и отъ цѣловальниковъ. А. А. Э. т. I, № 192, 196; т. II, № 52; т. III, № 37 и др. Губныя и земскія грамоты, говоря о запискѣ и подпискѣ судныхъ дѣлъ, грамотъ и списковъ, всегда облекаютъ свои предписанія въ условную форму: „которые люди грамотѣ умѣютъ, и тѣбы люди руки свои прикладывали", „которые въ старостахъ и въ цѣловалникѣхъ грамотѣ умѣютъ, и тѣмъ руки свои прикладывати", „губнымъ старостамъ и излюбленнымъ судьямъ и лутчимъ крестьяномъ, которые грамотѣ умѣютъ, руки прикладывати". Соотвѣтственно этому и въ судебныхъ актахъ мы нерѣдко встрѣчаемъ полное отсутствіе подписей главныхъ дѣятелей процесса, и это обстоятельство въ нѣкоторыхъ случаяхъ объясняется именно ихъ неграмотностью. Такъ, въ дѣлѣ 4 августа 1635 г., несмотря на то, что при волостномъ земскомъ судейкѣ было два цѣловальника и два приговорныхъ мужа, самый актъ записанъ и подписанъ единственно земскимъ церковнымъ дьячкомъ Обашкой Фотѣевымъ, при чемъ пояснено: „А у сего судного дѣла судейскихъ и цѣловалничьихъ рукъ и мужей приговорныхъ нѣтъ, потому что онѣ въ грамотѣ не умѣютъ, ни одинъ изъ нихъ". Не требовалась грамотность и для возныхъ: „а кгды бы возный писати не вмѣлъ, тогды будетъ повиненъ оного позванья сознанье на письмѣ подъ печатью своею дати и на рокахъ судовыхъ передъ врядомъ сознати". Не требовалась она и для стороны вознаго: возный даетъ „квиты свои съ печатью своею и съ печатьми тое стороны и съ подписью рукъ ихъ, естли бы который з нихъ писати умелъ". Однакоже „вознымъ, которого полатине зовуть енералъ", можетъ быть только лицо, „писмо руское умеючое". А. Ю. Б. т. III, № 277. Лит. Ст. Вт. IV, 9; Лит. Ст. Тр. IV, 9, 17, 95, 104.

ники, не корыстовники" и вообще люди не подозрительные, т. е.—по Литовскому Статуту—во всякомъ случаѣ не тѣ, какіе когда-нибудь уже бывали пойманы съ поличнымъ и на мѣстѣ преступленія („при лицы"), или записаны въ черныхъ книгахъ „злодейскихъ поволаній", или плачивали уже раньше кому-нибудь за „злодейство", или откупились отъ смертной казни.

Добрые люди вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и добрые христіане. На это особенное вниманіе обращаютъ памятники церковные, говорящіе о духовныхъ лицахъ, которыя могутъ быть мужами, въ такихъ выраженіяхъ: „люди, Бога и правду знающіе, исполненные разума духовнаго и рачители божественному писанію, украшенные всякими добродѣтелями", „люди достойные и искусные, иже о Бозе попеченье имѣютъ и о духовныхъ дѣлахъ".

Понятіе добраго христіанина, имѣющее въ виду лицъ христіанскихъ исповѣданій (православныхъ, католиковъ), очевидно, къ иновѣрцамъ относиться не могло. Но это не исключало права ихъ выступать въ судныхъ мужахъ: рядомъ съ православными и католиками встрѣчаются (въ Литовской Руси даже очень часто) татары и евреи, затѣмъ рядомъ съ русскими—инородцы и нѣмцы [11]).

Вообще религіозныя, національныя и общественныя (по классамъ, разрядамъ, занятіямъ и службѣ) различія не оказываютъ никакого вліянія на право быть въ судныхъ мужахъ [12]). Поэтому здѣсь мы встрѣчаемъ одинаково свѣтскихъ и духовныхъ—дьяконовъ, поповъ (простыхъ священниковъ, плебановъ или каплановъ, а также священниковъ десятскихъ, пятидесятскихъ, поповскихъ староctъ), протопоповъ, архи-

---

[11]) О нѣмцахъ говорятъ уже Договоры съ нѣмцами. Вообще же фактъ участія въ судѣ инородцевъ отмѣчается во многихъ памятникахъ (впервые на него обратилъ вниманіе *Дмитріевъ* въ своей „Исторіи судебныхъ инстанцій"). Татаръ и евреевъ часто встрѣчаемъ въ актахъ земскаго гродненскаго суда XVI в. (см. А. В. К. т. XVII).

[12]) Но древнѣйшіе памятники часто говорятъ только о „людяхъ лучшихъ" („крестьяне лучшіе и средніе", „житьи люди или мужи житейскіе", „старшіе бояре", „старцы градскіе", „старцы волостные" и т. д.), предполагая, что по своему общественному положенію судные мужи принадлежатъ къ числу людей лучшихъ (старшихъ, житьихъ) или, по крайней мѣрѣ, среднихъ и что люди молодшіе въ судѣ участія не принимаютъ. По Литовскому Статуту, возный, какъ одинъ изъ урядниковъ, непремѣнно долженъ быть „тубыльцомъ, родичомъ старожитнымъ и уроженцомъ Великого Князства Литовъского". „Чюжоземцы и заграничники", даже пріобрѣвшіе осѣдлость, никакихъ „врядовъ и достоенъствъ" получать не могутъ. Затѣмъ, возный непремѣнно шляхтичъ, такъ какъ „врядовъ нашихъ простого народу людемъ давати не маемъ, але шляхте". Лит. Ст. Пер. III, 3; Лит. Ст. Вт. III, 9; Лит. Ст. Тр. II, 12, 18.

мандритовъ, монастырскихъ старцевъ, строителей, игуменовъ. Представителями свѣтскихъ разрядовъ судныхъ мужей являются люди „всякого стану“: служилые и тяглые, шляхта и простой народъ — мѣщане, крестьяне всѣхъ разрядовъ [13]). Поэтому и въ актахъ постоянно встрѣчаются указанія, что въ томъ или другомъ случаѣ на судѣ присутствуютъ: князья, паны, бояре (бояре околичные, старшіе бояре, бояре окольничіе), дѣти боярскіе, земяне, дворяне (дворяне господарскіе), люди посадскіе (городскіе), становые и волостные (старцы волостей), земскіе и монастырскіе, крестьяне, казаки, клирошане, поповы дѣти и т. д. Еще разнообразнѣе составъ судныхъ мужей по своимъ занятіямъ и по своему служебному положенію: въ коллегіи земскихъ добрыхъ людей встрѣчаются старосты, сотскіе (сотники), десятскіе, дворскіе, возные (вижи), хорунжіе [14]) и разные второстепенные урядники и служебники (правительственныхъ и частныхъ лицъ) [15]). Затѣмъ иногда въ мужахъ состоятъ: судьи (земскіе судьи, судейки) [16]), земскіе цѣловальники, подсудки, подкоморые, писаря; дьяки, подьячіе, земскіе дьячки; приказчики, посельскіе, селецкіе волостели; радцы, бурмистры, войты, лентъвойты; бортники, казначеи, ключники, стольники, конюшіе, кожевники, красильники, осочники, ловчіе, лѣсничіе, мельники, москотинники, мясники, неводничіе, ожерелейники, рядовичи, ямщики. Кромѣ того, спеціально въ литовско-русскихъ судебныхъ актахъ въ числѣ судныхъ мужей встрѣчаются старосты, подстаростіе, маршалки, державцы, намѣстники разныхъ разрядовъ, городничіе, ротмистры, войскіе и т. д.

Словомъ сказать, по своему соціальному составу судные мужи дѣйствительно являются общенародными представителями въ судахъ. Если въ болѣе позднія времена (особенно въ Руси Московской) чаще въ мужахъ выступаютъ старосты, сотскіе, цѣловальники и т. п. лица, и если самъ законодатель ихъ именно называетъ въ качествѣ народ-

---

[13]) Хотя въ литовско-русскихъ памятникахъ часто указывается (особенно въ болѣе позднія эпохи), что судные мужи—именно „шляхта“, „люди зацные“; однакоже „зацными людьми“ называются иногда всѣ вообще члены копы, и, стало быть, зацнымъ мужемъ называется просто мужъ добрый.

[14]) Но судьями хорунжіе, какъ и другіе мѣстные урядники, быть не могли. Это безусловно запрещено въ Литовскомъ Статутѣ (Вт. Ст. IV, 8; Тр. Ст. I, 34, IV, 2). Разумѣется, такое запрещеніе не могло касаться *бывшихъ* урядниковъ, которые сохраняли за собой названіе стараго уряда только въ видѣ почетнаго титула.

[15]) Присутствіе такихъ лицъ такъ обычно, что нѣкоторыя даже уставныя грамоты ихъ только и называютъ (напр., уст. грамота Смоленской земли 1505 г. говоритъ объ участіи въ судѣ „околничихъ и иншихъ врядниковъ“).

[16]) Конечно, судьи другого суда, а не того, въ которомъ разсматривается дѣло.

ныхъ представителей въ судѣ, то это объясняется тѣмъ, что такія лица были, такъ сказать, людьми завѣдомо добрыми и лучшими, что они уже по своему званію предназначались для оказанія судебной помощи населенію и по своему служебному положенію имѣли самыя частыя и непосредственныя отношенія къ суду. Присутствіе на судѣ возныхъ и иныхъ урядниковъ, старостъ и цѣловальниковъ не исключаетъ и не лишаетъ права выступать въ мужахъ и другихъ добрыхъ людей мѣстной общины. Это право признается за ними и въ Литовскомъ Статутѣ, и въ уставныхъ и губныхъ грамотахъ а на судѣ намѣстниковъ и волостелей (напр., въ Перми) встрѣчаемъ лучшихъ людей рядомъ съ цѣловальниками и старостами даже послѣ изданія Царскаго Судебника, и то же явленіе можемъ наблюдать во всѣхъ низшихъ судахъ на протяженіи цѣлаго ряда столѣтій. Никакой законъ не отмѣняетъ права лучшихъ людей на участіе въ судѣ. Если позднѣйшія губныя грамоты (послѣ 1549 г.), Судебникъ 1550 г. и нѣкоторыя уставныя намѣстничьи (напр., грамота 1614 г.) и земскія грамоты (напр., грамоты 1551, 1555, 1662 гг.) говорятъ только о цѣловальникахъ или о цѣловальникахъ, дворскихъ и старостахъ, то этимъ отмѣчается лишь совершающійся фактъ дѣйствительной жизни: лучшіе люди начинаютъ уклоняться отъ участія въ судѣ и въ концѣ-концовъ de facto уступаютъ свое мѣсто дворскимъ, старостамъ и цѣловальникамъ—за исключеніемъ низшихъ мѣстныхъ судовъ, гдѣ причины разложенія института судныхъ мужей проявлялись наименьше и гдѣ потому самый институтъ сохранился наидольше въ его первоначальномъ значеніи.

Итакъ, вообще говоря, въ качествѣ судныхъ мужей выступаютъ мѣстные добрые и лучшіе люди. Это — тотъ постоянный контингентъ, изъ котораго выходятъ всѣ разряды народныхъ представителей въ судѣ: и частные мужи, и офиціальные возные, цѣловальники, старосты [17]).

[17]) По вопросу о составѣ народныхъ представителей въ судѣ см. А. З. Р. т. I, стр. 199. А. Ю. З. Р. т. I, стр. 132. Уст. Зем. Грамоты *М. Н. Ясинскаго,* стр. 181. А. Ѳ.—Ч. т. I, стр. 30, 32, 38, 80, 105, 258 и сл. Лит. Ст. Перв. VI, 4, 35; VIII, 19; XII, 2. Лит. Ст. Вт. XIV, 5. Лит. Ст. Тр. IV, 11, 48; XI, 62; XIII, 2. А. В. К. т. XXII, стр. 9, 30, 85, 202, 258. А. Ю. Б. т. II, стр. 653. А. В. К. т. XVII, стр. 63, 87, 271, 280, 312, 339, 345, 360, 415; т. XXI, стр. 85, 202, 258, 366. Р. И. Б. т. V, стр. 1027. А. Ю. Б. т. III, стр. 41, 131. А. Ю. стр. 47. Акты *Ѳ. И. Леонтовича,* т. I, стр. 67. Акты *Н. П. Лихачева,* стр. 171. Новг. Суд. грамота, ст. 41. Судебникъ 1550 г., ст. 68. А. Ю. Б. т. I, стр. 3, 4, 5, 252. А. В. К. т. XXI, стр. 284. А. А. Э. т. I, стр. 243. Грамоты *Д. М. Мейчика,* стр. 110. Судебникъ 1550 г., ст. 72. Устав. Важская грамота 1552 г. Лит. Ст. Тр. IV, 9; IX, 7. А. Ѳ.—Ч. т. I, стр. 5, 37, 39, 59, 92, 111, 113. А. Ю. З. Р. т. I, стр. 132. Лит. Метр., Кн. Запис. XVI, л. 98. А. В. К. т. XVIII, № 114, 128, 141, 145, 173, 180, 198. Лит. Ст. Вт. IV, 4; Лит. Ст. Тр. IV, 8. А. Ю. З. Р. т.

Однако въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ для выступленія въ мужахъ еще не достаточно быть просто тутошнимъ добрымъ человѣкомъ: въ дѣлѣ судные мужи появляются только тогда, когда, во-первыхъ, оно разсматривается такимъ судомъ и является такимъ дѣломъ, на которомъ возможно присутствіе народныхъ представителей, и когда, во-вторыхъ, пригодныя для того лица получаютъ соотвѣтствующее призваніе на судъ.

III.

Изучая со всей возможной полнотой вопросъ объ участіи земскихъ добрыхъ людей въ старыхъ судахъ, мы нерѣдко наталкиваемся на болѣе или менѣе значительные пробѣлы или пропуски въ памятникахъ законодательныхъ и судебныхъ. Не трудно установить фактъ существованія института судныхъ мужей въ ту или другую историческую эпоху, разъ о нихъ упоминается хотя бы въ одномъ актѣ; молчаніе другихъ памятниковъ удобно восполняется такимъ единичнымъ свидѣтельствомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится рѣшать самые общіе вопросы внѣшней исторіи института. Но такое восполненіе пробѣловъ не всегда удобно и возможно, когда приходится касаться частностей внутренней организаціи судныхъ мужей. Въ этихъ случаяхъ даже отдѣльный судебный актъ съ его обыкновенно краткими указаніями пріобрѣтаетъ цѣну не самъ по себѣ, а только при сопоставленіи съ десятками и сотнями другихъ актовъ — въ особенности, если они относятся къ дѣятельности опредѣленнаго суда и даютъ картину

II, стр. 144. Акты *Иванишева*, № II. Лит. Ст. Пер. XIII, 4. Лит. Ст. Тр. IV, 29; X, 1, XII, 16; XIV, 3, 4 и мн. др. А. В. К. т. XXII, стр. 30. А. В. К. т. XVIII, № 171, 199, 278. А. Ю. Б. т. III, стр. 131. А. Ѳ.—Ч. т. I, стр. 30. А. В. К. т. XVIII, № 270 304, 338, 340, 344, 345 и мн. др. А. З. Р. т. I, № 30, 31. А. Ю. Б. т. III, № 277. А. В. К. т. XVIII, № 192, 278, 396. А. А. Э. т. IV, № 72. Грамоты *С. Шумакова*, стр. 118. А. Ю. Б. т. I, стр. 1, 3, 5, 8, 145, 252, 255. А. А. Э. т. III, № 171. Д. А. И. т. I, стр. 32. Грамоты *С. Шумакова*, стр. 188, 170. Грамоты *Д. М. Мейчика*, стр. 25 А. А. Э. т. II, № 30. А. Ю. стр. 293. А. Ю. З. Р. т. I, стр. 5. А. А. Э. т. II, № 52. Р. И. Б. т. XII, стр. 822, 828. Грамоты *С. Шумакова*, стр. 212. А. А. Э. т. III, № 37. А. А. Э. т. I, № 192, 196, 232, 330. А. А. Э. т. I, стр. 175, 284. Устав. Грамоты *Н. Загоскина*, стр. 68. Новг. Суд. грамота, ст. 25. Лит. Ст. Вт. IX, 2. А. Ѳ.—Ч. т. I, стр. 37, 39, 59, 80, 111, 113. А. З. Р. т. I, стр. 45; т. III, стр. 48. Лит. Ст. Пер. VI, 3. Лит. Ст. Вт. IV, 51. Лит. Ст. Тр. IX, 7; XI, 62. А. В. К. т. XVIII, № 304. Лит. Ст. Пер. VII, 30. Лит. Ст. Тр. XIV, 12. А. В. К. т. XVIII, № 81, 165, 270, 340, 361, 394. Лит. Ст. Вт. XI, 2, 6. А. В. К. т. XVIII, № 127, 160. Христоматія *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*, в. II, стр. 198, 199. А. Ю. № 2. Псков. Суд. грамота, ст. 4, 12, 20, 78.

ея непрерывнаго теченія изо-дня въ день (актовыя книги судовъ), такъ что, благодаря такому сопоставленію, ничего не говорящія имена Гринашей и Ивашекъ, о которыхъ записано только, что они „туто сидѣли“, получаютъ опредѣленный и живой смыслъ, и въ смѣнѣ именъ передъ нами выступаетъ яркая картина того, какъ, почему и при какихъ условіяхъ слагалась коллегія народныхъ представителей того или другого состава, какъ долго она дѣйствовала и чѣмъ вызывались ея измѣненія. Въ этихъ случаяхъ не только важно обиліе историческихъ свидѣтельствъ, но важно также знать, почему существуютъ въ нихъ пропуски и пробѣлы, почему памятники часто о многомъ умалчиваютъ и почему нерѣдко тотъ или другой судебный актъ вовсе ничего не говоритъ о судныхъ мужахъ.

Народные представители сидятъ въ судѣ въ XVI в., и объ этомъ свидѣтельствуютъ памятники законодательства и сотни судебныхъ актовъ. Но были ли мужи въ это время на опредѣленномъ судѣ такой-то мѣстности и при данномъ дѣлѣ,—единственный сохранившійся судный списокъ можетъ и умалчивать. Другого списка нѣтъ—возникаетъ вопросъ: чтó же можетъ означать и чтó обозначаетъ такое молчаніе памятника? Неужели оно само по себѣ достаточно доказываетъ, что въ данномъ случаѣ дѣйствительно никакихъ земскихъ добрыхъ людей въ судѣ не было, и что дѣло разсматривалось безъ участія судныхъ мужей?

Говоря вообще, неупоминаніе въ отдѣльномъ судебномъ актѣ о присутствіи мужей можетъ, конечно, обозначать, что именно въ судахъ этого рода или при данныхъ дѣлахъ народные представители вовсе не допускались. Затѣмъ возможно, разумѣется, что объ ихъ присутствіи не упомянуто только потому, что въ дѣлѣ они дѣйствительно не участвовали, хотя въ другихъ совершенно однородныхъ случаяхъ они появляются и, слѣдовательно, de jure могли бы быть и здѣсь. Наконецъ, умолчаніе правой грамоты о судныхъ мужахъ, быть можетъ, или представляется простой случайностью, случайной забывчивостью составителя акта, который не упомянулъ о присутствіи людей, бывшихъ въ судѣ, или же является сознательнымъ пропускомъ, который, сдѣланъ потому, что не стоитъ говорить объ этихъ людяхъ, потому что можно и не называть „тѣхъ, которые у того дѣла сидѣли“.

Ближайшее изученіе судебныхъ актовъ, какъ намъ кажется, неоспоримо свидѣтельствуетъ о томъ, что соединять съ такими пробѣлами или пропусками актовъ представленіе о безусловномъ отсутствіи въ дѣлѣ судныхъ мужей—по меньшей мѣрѣ рискованно.

Въ полныхъ и обстоятельно составленныхъ судебныхъ актахъ (московскіе судные списки, правыя, разъѣзжія, разводныя, отводныя

грамоты; записи, справы, декреты и выроки судныхъ книгъ Литовской Руси) весь ходъ процесса изображается подробно и по извѣстной формѣ (шаблону). Соотвѣтственно этому, приписка о присутствіи въ судѣ мужей облекается въ опредѣленную формулу и помѣщается въ опредѣленномъ мѣстѣ акта — или въ самомъ концѣ его, или въ началѣ. Московскіе акты помѣщаютъ такую приписку обыкновенно въ концѣ дѣла [18]) (очень часто послѣ описанія доклада [19]), приговора [20]) или даже самаго исполнительнаго производства по дѣлу [21]); иногда же сейчасъ послѣ описанія суда, но до доклада или до обширно мотивированнаго приговора [22])). Литовско-русскіе акты чаще сразу же записываютъ въ началѣ дѣла и мужей, при томъ бывшихъ, отмѣчая въ одной общей формулѣ весь составъ суда, т. е. и судей, и притомныхъ людей [23]).

Но полной обстоятельности въ изложеніи дѣла часто не требовалось. Полнота изложенія акта зависѣла отъ предмета тяжбы (важности дѣла), отъ желанія сторонъ и отъ иныхъ болѣе или менѣе случайныхъ обстоятельствъ, между прочимъ отъ большаго или меньшаго прилежанія и обстоятельности лица, записывавшаго судебный актъ. Въ то время, какъ одинъ дьякъ или писарь записывалъ дѣла прекраснымъ почеркомъ и всякій актъ начиналъ полной формулой, гдѣ точно опредѣлялъ составъ суда и источникъ его власти [24]), другой дьякъ или писарь, ведущій книги иного суда или въ иное время, выдѣлялся, напротивъ, небрежностью своихъ записей, которая отражалась не только

---

[18]) Напр., см. Грамоты *Д. М. Мейчика*, стр. 104, 108, 110. А. Ю. Б. т. I, стр. 170, 172, 192, 229; т. III, стр. 24. Акты *Н. П. Лихачева*, стр. 127, 157. А. Ю. стр. 38. А. Ѳ.—Ч. т. I, стр. 13, 34 и мн. др.

[19]) А. Ю. Б. т. I, стр. 643. Акты *Н. П. Лихачева*, стр. 128, 131, 134. А. Ѳ.-Ч. т. I, стр. 4, 8, 17, 21, 23 и др.

[20]) А. Ю. Б. т. III, стр. 41 и др.

[21]) Акты *Н. П. Лихачева*, стр. 236. А. Ѳ.—Ч. т. I, стр. 5.

[22]) А. Ю. Б. т. I, стр. 638. Акты *Н. П. Лихачева*, стр. 181 и сл., 241. А. Ю. стр. 41. А. Ѳ.—Ч. т. I, стр. 18, 32, 35.

[23]) А. Ю. З. Р. т. I, стр. 15, 16. А. В. К. т. XVII, стр. 1, 2, 3, 4, 5, 8, 13, 15, 17, 20 и мн. др. Ср. напротивъ А. Ю. З. Р. т. I, стр. 4, 23, 36, 297. А. В. К. т. XVII, стр. 309, 320.

[24]) Напримѣръ: „З росказаня господарского седели на справахъ судовыхъ панъ такой-то (дальше слѣдуетъ точное означеніе именъ и званія судей), а при ихъ милости на тотъ часъ были такіе-то (точное указаніе всѣхъ судныхъ мужей)", или: „З росказанья нашего господарского на сойме великомъ вальномъ у Вильни на палацу нашом року 1565 и т. д. (слѣдуетъ самое точное указаніе времени суда) смотрели того дела маршалки наши, на справы судовые отъ насъ высажоные такіе-то (слѣдуетъ точное указаніе именъ и званій судей)". См. Литов. Метр. Кн. С. Д. № 18, л. 1, 6, 10, 18 об., 64, 149, 160, 161, 211 об., 227 об.

на почеркѣ, поспѣшномъ до неразборчивости (за исключеніемъ немногихъ актовъ, составленныхъ по просьбѣ знатныхъ и богатыхъ людей и внесенныхъ въ судебныя книги какъ-бы нарочно, чтобы показать, какъ могъ, при стараніи, вести записи даже дурной писарь), но и на разнообразныхъ сокращеніяхъ и пропускахъ — обычно, напримѣръ, на сокращеніяхъ начальной формулы, описывающей составъ суда, когда вмѣсто полнаго указанія именъ и званія судей писарь наскоро набрасывалъ замѣтку въ родѣ: „передъ нами судьями высажоными ZS пав стан“ [25]) и под.

Поэтому во многихъ случаяхъ упоминаніе или неупоминаніе въ актѣ о судныхъ мужахъ находится въ прямой зависимости отъ степени обстоятельности изложенія дѣла и отъ внимательности писца. Очень часто о присутствіи судныхъ мужей можно узнать только изъ случайныхъ обмолвокъ, подписей (рукоприкладствъ) или приписокъ (вставокъ) въ актѣ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ, подтверждающихъ сказанное.

Правая грамота 7 августа 1530 г., выданная Николаевскому Карельскому монастырю, начинается словами: „Си судъ судилъ Двинского намѣстника Ивана Андреевича Чеботова тіунъ Григорей Белтіевъ“. Затѣмъ при дальнѣйшемъ изложеніи дѣла вездѣ говорится о какихъ-то судьяхъ: „ставъ передъ судьями, судьи спросили, судьи возрили въ выпись, судьи выслушавъ выпись да спросили“. Очевидно, судитъ не одинъ судья Григорій Белтіевъ. Дѣйствительно, просматривая актъ со вниманіемъ, мы на оборотной сторонѣ его, внизу находимъ приписку: „а на судѣ были цѣловальники, Панфилъ поповъ сынъ Игнатьевъ да Мартинъ Мининъ сынъ“ [26]). Такой же характеръ имѣетъ и рѣшеніе по дѣлу Михна Кирмешевича съ Ахметомъ Кочакевичемъ 10 декабря 1555 г. „Передо мною Миколаемъ Шимковичемъ Толочкомъ, судьею земскимъ повету Городенского“, гласитъ начальная формула акта. Но дальше вездѣ: „смотрели есмо того дела, стояли передъ нами очивисто, жаловалъ намъ“; и въ заключеніе такой приговоръ: „а такъ мы судьи, з обу-дву сторонъ выслухавши жалобы и отпору ихъ и обачивши то, кдыжъ тотъ татаринъ Ахметъ самъ добровольне къ тому ся призналъ, што его билъ, а тотъ светокъ его того не созналъ, абы за початкомъ того Михна бити его мелъ, и подлугъ самого добро-

---

[25]) См. Литов. Метр., Кн. С. Д. № 46 (во множествѣ разнаго рода записей 1562—1565 гг.).

[26]) А. Ю., № 18, ср. №№ 19 и 20. Этой приписки не замѣтилъ *Дмитріевъ*, Исторія судебныхъ инстанцій, 1859, стр. 47, пр. 97. Ср. Р. И. Б. т. XIV, стр. 20—30.

вольного сознанья того Ахметя, знашли есмо его противку Михну быть виннымъ, а за тотъ бой его присудили есмо на томъ Ахметю дванадцать рублевъ грошей, рокъ заплате положили чотыри недели, и тотъ поступокъ права ихъ и правъ суда нашого казали есмо до книгъ земъскихъ судовыхъ записати". Несмотря на такое явное составленіе всего акта отъ имени цѣлой коллегіи судей, во всемъ дѣлѣ кромѣ Николая Толочка больше ни одинъ изъ судей не называется и не указывается[27]). Въ дѣлѣ 23 января 1555 г. присутствіе судныхъ мужей обнаруживается только изъ формулы приговора: „я, з людьми добрыми тому зрозумевши, то есмо обачили, ижъ тая справа есть речь земъленая, положили есмо тую речь на выездъ" [28]).

Встрѣчаются и такіе акты, въ которыхъ судные мужи не указываются ни при означеніи состава суда, ни при описаніи отдѣльныхъ его дѣйствій, ни при постановленіи приговора; присутствіе ихъ обнаруживается во время какихъ-нибудь случайныхъ инцидентовъ процесса. Такъ, при разборѣ дѣла князя Богдана Янушевича, 4 января 1541 г., по иску его о взысканіи арендной платы („позема") съ подданнаго господарскаго Янеля Остапковича, истецъ ссылается на раньше состоявшійся приговоръ: „якожъ дей вжо первей сего присудилъ мнѣ на немъ осмъдесятъ грошей панъ Войтехъ Требскій съ паномъ Яномъ хоружимъ Городенскимъ". Эта ссылка на пана Яна оказывается рѣшающей, потому что—какъ заноситъ это въ протоколъ самъ судья—какъ разъ случилось, что именно „на тотъ часъ при мне и панъ Янъ хоружій былъ и то сознавалъ". Въ другой разъ (дѣло 24 іюля 1541 г.) о присутствіи „тутже стоячого Ивана Соловьевича" узнаемъ только потому, что онъ беретъ отвѣтчика на поруки съ обязательствомъ въ срокъ представить его на судъ[29]).

---

[27]) А. В. К. т. XXI, стр. 103, 108, 174, 260. Слѣдуетъ замѣтить впрочемъ, что одно только употребленіе множественнаго числа (мѣстоименій и глаголовъ) само по себѣ еще не свидѣтельствуетъ всегда о коллегіальномъ составѣ суда, такъ какъ часто и одинъ судья говоритъ о себѣ „мы" („передъ нами судьею"), и вообщее часто такія формы единственнаго и множественнаго числа (иногда даже въ одномъ и томъ же актѣ) употребляются совершенно безразлично, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже исходящій отъ коллегіальнаго суда актъ составляется только отъ имени одного судьи. Ср. А. В. К. т. XVII, стр. 3, 5, 24, 30, 45, 63, 86, 87, 167, 171, 180, 181, 201, 293, 301, 314, 316; т. XXI, стр. 104, 112, 113, 136, 302. Р. И. Б. т. XIV, стр. 20—30.

[28]) А. В. К. т. XXII, стр. 8. Ср. А. Ю. З. Р. т. II, стр. 145.

[29]) А. В. К. т. XVII, стр. 251, 375. Ср. А. В. К. т. XVII, стр. 21—неожиданно обнаруживается присутствіе въ судѣ вижа со стороны пана истца. А. В. К. т. XVIII, № 157—вдругъ появляется какой-то Василій Песлякъ, пріятель истца. А. В. К. т.

Иногда составитель акта вдругъ самъ замѣчалъ допущенный имъ пропускъ и, считая необходимымъ его пополнить, дѣлалъ соотвѣтственную вставку. Въ обширнѣйшемъ судномъ дѣлѣ объ убійствѣ, производившемся съ 19 сентября 1538 г. по 28 февраля 1539 г., о судныхъ мужахъ нигдѣ не упоминается, несмотря на то, что самое дѣло изложено весьма обстоятельно (подлинникъ состоитъ изъ пяти столбцевыхъ вмѣстѣ склеенныхъ листковъ, писанныхъ на обѣихъ сторонахъ мелкою скорописью). Однако на предпослѣднемъ листкѣ, гдѣ уже подробно излагается не самый судъ, но докладъ дѣла и мотивированное рѣшеніе великаго князя Ивана Васильевича, писецъ, какъ бы спохватившись, дѣлаетъ такую вставку: „и велѣлъ судья по сему списку на отвѣтчикѣхъ на Марьицѣ на Өедковѣ женѣ Неѣлова, да и на еѣ человѣкѣ на Өедкѣ, и въ мужа Марьицына мѣсто въ Өедково Неѣлова и въ сына ихъ мѣсто въ Жданово, за голову Степанкову Пронякина четыре рубли денегъ, да два рубля, что сказалъ Степанко отцу своему духовному сняли съ него, да рубль долгу (а на судѣ были мужи: десяцкой Левонъ Окинфонъ сынъ, да Семенъ Ившинъ сынъ, да Степанъ Петрищевъ сынъ Колотиловъ, да Митя Ониковъ сынъ Быкашевъ, да Иванъ Гридинъ сынъ Хромой, да Истома Потаповъ сынъ, да Суваръ Долматовъ сынъ) доправити да отдати Степанковѣ женѣ Катеринкѣ; а грабежъ ихъ, который въ семъ спискѣ написанъ" и т. д. Въ другомъ рѣшеніи отъ 24 января 1555 г. послѣ окончанія акта, правильно составленнаго и въ самомъ началѣ называющаго судью и тѣхъ, кто при томъ дѣлѣ былъ („передо мною Яномъ Викторыномъ, судьею господаръскимъ земъскимъ повѣту Слонимъского, а при мнѣ на тотъ часъ былъ панъ Иванъ Зазевичъ"), вдругъ сдѣлана такая приписка: „былъ тежъ при томъ праве Станиславъ Михайловичъ, возный поветовый" [30]).

XVIII, стр. 198—въ самомъ концѣ длиннѣйшаго акта, изложеннаго весьма обстоятельно, отмѣчается присутствіе какихъ-то двухъ пановъ, которые берутъ обвиненную женщину на поруки.

[30]) А. В. К. т. XXII, стр. 17. Р. И. Б. т. II, стр. 790. Ср. А. В. К. т. XVIII № 192: сперва указывается та сторона, которая присутствовала при возномъ, а потомъ, при дальнѣйшемъ, обнаруживается присутствіе и еще какого-то пана Черницкаго и п. Гермогена Констентиновича. А. В. К. т. XVIII, № 249—251: о присутствіи при разбирательствѣ дѣла пріятелей истца узнаемъ только случайно вслѣдствіе возникшей между двумя шляхтичами драки, которая потребовала составленія особаго протокола (гдѣ и упоминается объ этихъ пріятеляхъ). А. В. К. т. XVIII, № 428: только въ самомъ концѣ акта означены притомные люди („będące my przytomnemi"— и далѣе слѣдуютъ подписи). Ср. А. В. К. т. XVIII, № 443 и 444: о присутствіи стороны при возномъ упомянуто только въ послѣднемъ актѣ.

Если въ однихъ случаяхъ о присутствіи въ судѣ земскихъ добрыхъ людей нерѣдко говорятъ только случайныя обмолвки и приписки акта, то въ другихъ случаяхъ—при неимѣніи такихъ случайныхъ обмолвокъ и приписокъ—самый актъ можетъ въ себѣ ничѣмъ и не отразить того, что дѣло производилось съ участіемъ мужей.

Что такъ иногда и бывало, мы имѣемъ положительныя свидѣтельства.

Такъ, въ правой грамотѣ 1534 г., выданной судьями Левой Дуниловымъ и Микифоромъ Лихачевымъ по иску Третьяка Гнѣвашева на старцевъ Пречистенскаго монастыря, никакихъ судныхъ мужей не названо. Когда же черезъ шесть лѣтъ послѣ того (въ 1540 г.) возникло новое дѣло, возбужденное тѣмъ же Третьякомъ Гнѣвашовымъ, который обвинилъ прежнихъ судей въ томъ, что они „не по судному списку и не по правой грамотѣ“ отняли и насильно отдали монастырскимъ старцамъ нѣкоторыя изъ земель, ему принадлежащихъ (три деревни),—потребовалась провѣрка того, о какихъ собственно земляхъ былъ „старый судъ“ и можно ли признать исполненіе состоявшагося приговора правильнымъ. Ондрей Мишуринъ и Казаринъ Осейнъ, назначенные великимъ княземъ для разсмотрѣнія вновь возникшаго дѣла, ознакомились съ актами прежняго производства, а затѣмъ „вспросили Третьяка: на томъ ли тобѣ ручью на Дороватомъ судъ былъ, гдѣ Лева Дуниловъ да Митя Лихачевъ ямы копали и грани клали? И почему ты тотъ ручей называешь Бораньимъ, а не Дороватымъ? И кому то вѣдомо, что тотъ ручей Бораней?“—„И Третьякъ в томъ послался на старожилцовъ на Ждана на Өедорова сына с товарищи, на 12 человѣкъ хрестьянъ, да два сына боярскихъ в томъ, что первой имъ судъ былъ не на томъ ручью на Бораньемъ, былъ имъ судъ на Дороватомъ ручью в деревнѣ в Горкѣ; а старые судьи (Л. Дуниловъ и М. Лихачевъ) на нихъ послалижся и на судные на свои мужи на Иванка на Попова сына Семенова с товарыщи, на 7 человѣкъ в томъ, что они судили Третьяка с старцемъ с Вороною (представитель монастыря) на Дороватомъ ручью, а тѣ двѣ деревни, Костинскую да Кузнецову, Третьякъ поставилъ послѣ суда ихъ на монастырской розпаши; да тѣ жъ судьи слались сверхъ того на опришеныхъ людей, на Череповского старосту на Ивашка на Обросимова с товарищи, на 8 человѣкъ розныхъ волостей, передъ которыми они ямы копали и грани клали [31]) на томъ ручью на Дороватомъ, а не на Барановомъ, гдѣ Третьяка с старцы

[31]) Эти мужи были на разъѣздѣ при исполненіи приговора; ихъ спеціально называетъ разъѣзжая грамота 1537 г.

судили; то, сказали, тѣмъ людемъ добрымъ вѣдомо". И вотъ только допросомъ этихъ старожильцевъ и судныхъ мужей удалось выяснить правду. Дѣло было рѣшено въ пользу Третьяка Гнѣвашова главнымъ образомъ потому, что онъ слался на судныхъ мужей „и судные мужи в его рѣчи говорили, а сказали, что судъ передъ ними былъ на Дороватомъ ручью въ деревнѣ въ Горкѣ межъ Третьяковы деревни Михайловской и монастыря, а не на томъ ручью, что его Третьякъ называетъ Бораньимъ, а тѣ три деревни тогды и в судѣ не были, а отдали тѣ три к монастырю послѣ суда, а межу учинили по Боранью ручью, а не по Дороватому" [32]).

Такимъ образомъ, для вызова судныхъ мужей и для ссылки на нихъ при нуждѣ вовсе не требовалось, чтобы вызываемые были именно названы въ актахъ того дѣла, на которомъ они присутствовали. Они могли быть названы не поименно, а общимъ образомъ („при томъ было досыть людей добрыхъ" [33]); могли быть и вовсе не названы. Мало того: могло не существовать даже и самихъ актовъ, такъ какъ составленіе ихъ зависѣло отъ просьбы о томъ заинтересованныхъ лицъ и отъ уплаты соотвѣтственныхъ пошлинъ. Часто, когда возникалъ споръ или сомнѣніе въ существованіи судебнаго приговора, стороны никакихъ судныхъ списковъ (грамотъ) не предъявляли, а просто ссылались на судныхъ мужей. 25 сентября 1540 г. Ленецъ Олишевичъ предъявилъ искъ къ Солтану Раковичу, Пацутѣ Батешковичу и Мацку Мишковичу объ убійствѣ своего брата. На такое обвиненіе отвѣтчики возразили, что они брата не убивали, а повѣсили его въ силу судебнаго приговора тому 10 лѣтъ назадъ. Для доказательства этого они бы могли сослаться на самого судью, который тогда разбиралъ дѣло, но этотъ судья, панъ Залепуга, уже умеръ; могли бы сослаться на дьяка его, который тотъ судъ записывалъ, но и дьяка уже нѣтъ въ живыхъ. Поэтому они ссылаются на „мужей господарьскихъ, которыи тому сведоми и при томъ суде были". И вотъ, по ссылкѣ отвѣтчиковъ, существованіе приговора доказывается свидѣтельствомъ этихъ судныхъ мужей, а вовсе не предъявленіемъ какого-нибудь суднаго листа.

Вообще возстановить обстоятельства дѣла можно было либо при помощи свидѣтельства самого судьи, либо при помощи судоваго листа, либо при помощи записи въ судовыхъ книгахъ, либо при помощи

---

[32]) А. Ѳ.—Ч. т. I, стр. 42, 77, 78, 79, 80, 81, 82.

[33]) Напр., А. Ю. З. Р. т. II, № 125, 126.

добрыхъ людей и другихъ доказательствъ[34]). Вовсе не требовалось непремѣнно соединенія вмѣстѣ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ, хотя каждое изъ нихъ могло служить для провѣрки другого. Въ дѣлѣ 5 февраля 1541 г. отвѣтчики въ опроверженіе требованія о возвратѣ долга, предъявленнаго со стороны жидовъ Хацка и Ильи Лазаровичей, ссылаются на раньше состоявшееся рѣшеніе суда. Истцы отвергаютъ правильность такой ссылки („права дей есмо съ ними не мели"). Тогда судья спрашиваетъ отвѣтчиковъ: „если бы листъ на то въ себе судовый пана Залепужинъ (прежняго судьи) мели, або естли бы то было въ книгахъ пана Залепужиныхъ записано?". Они не могли представить ни того, ни другого. Тогда судья спрашиваетъ: „естли бы на тотъ часъ при томъ суде при пане Залепузе иншии которыи сторонnии люди седели и естлибъ того права сведоми были?" Но и такихъ людей не оказалось, и потому возраженіе отвѣтчиковъ было отвергнуто. Очевидно, окажись въ наличности такіе добрые люди, и заявленію отвѣтчиковъ было бы придано полное довѣріе, несмотря на отсутствіе какого бы то ни было упоминанія въ актахъ объ этихъ судныхъ мужахъ и даже на полное отсутствіе самихъ актовъ.

Все это свидѣтельствуетъ, что, строго говоря, не существовало никакой юридической необходимости въ обозначеніи на судебномъ актѣ присутствія въ дѣлѣ судныхъ мужей. Актъ не терялъ отъ такого пропуска своей юридической силы такъ же, какъ не получалъ безспорнаго значенія только отъ того обстоятельства, что заключалъ въ себѣ приписку: „а на судѣ были такіе-то судные мужи"[35]). Могло оказаться, что и приписка то сама была „лживая" и называла „лживыхъ судныхъ мужей"[36]). Важно было не то, что̀ записано въ актѣ, а то, что̀ подтверждалось живымъ свидѣтельствомъ тѣхъ добрыхъ людей, которые „при томъ были и того добре сведоми"[37]).

---

[34]) Акты *Ѳ. И. Леонтовича*, т. I, стр. 19, 39. А. В. К. т. XVII, стр. 251, 287. А. В. К. т. XXII, стр. 40. А. Ю. З. Р. т. I, стр. 296.

[35]) Впрочемъ, при сопоставленіи двухъ правыхъ грамотъ, въ одной изъ которыхъ судные мужи названы, а въ другой не названы,—первая считается лучшей и болѣе достовѣрной. Ср. А. В. К. т. XXI, стр. 367, 368. Акты *Н. П. Лихачева*, стр. 181 и сл. („я тому листу судовому вери не додаю и за моцъ его собе не маю, абовемъ то передъ паномъ Гришкомъ на онъ часъ николи не бывало, такъ тежъ и тыхъ добрыхъ людей, которые на тотъ часъ на той справе были, тутъ в томъ листе не пишетъ").

[36]) А. Ѳ.—Ч. т. I, стр. 80: „и судные мужи Третьякъ Яковлевъ с товарищи 7 человѣкъ сказали, что тотъ мужъ лживой, да просили с нимъ поля и поимались за поле".

[37]) Въ дѣлѣ 1495 г. названъ судный мужъ, но онъ самъ отъ этого отрицается („онъ того свѣдоцтва своего передъ нами попрѣлъ и повѣдалъ, штожъ при томъ суду

Вотъ почему, имѣя въ виду категорическія предписанія закона, требовавшаго, чтобы при нѣкоторыхъ судахъ всегда были судные мужи („а безъ добрыхъ людей суда не судить“), и принимая во вниманіе особенности нѣкоторыхъ дѣлъ, всегда производившихся съ участіемъ народныхъ представителей, во множествѣ случаевъ мы должны предполагать, что на судѣ такіе представители присутствуютъ, несмотря на полное молчаніе о томъ судебныхъ актовъ. Наше предположеніе будетъ имѣть въ свою пользу тѣмъ больше данныхъ и, слѣдовательно, будетъ тѣмъ основательнѣе, чѣмъ древнѣе разсматриваемый актъ, чѣмъ старѣе изучаемое судебное производство. Напротивъ, для болѣе позднихъ эпохъ такое предположеніе можетъ быть не всегда вѣрнымъ, такъ какъ тогда уже все болѣе и болѣе утрачиваются тѣ причины, которыми вызывалось самое существованіе судныхъ мужей, а вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе утрачивается потребность въ ихъ присутствіи при судебномъ разбирательствѣ. Да и самыя предписанія закона смягчаются: онъ уже не предписываетъ, не требуетъ непремѣннаго участія въ судѣ земскихъ добрыхъ людей, а только разрѣшаетъ такое участіе („стороне позволено съ шестма шляхътичами прыходити до суду“).

Поэтому очень часто юридическая сила рѣшенія не уничтожается и его ничтожность не доказывается тѣмъ только, что именно въ данномъ дѣлѣ въ судныхъ мужахъ „туто никого не лучилося“, „жадного человека доброго не было“. По крайней мѣрѣ заявленіе о такомъ рѣшеніи всегда принимается на судѣ, и опровергнуть дѣйствительность или существованіе такого рѣшенія нельзя одной только ссылкой на то, что при его постановленіи не было судныхъ мужей; требуется иная провѣрка дѣйствительности такого рѣшенія и представленіе для того иныхъ доказательствъ.

Такъ, 15 мая 1531 г. разбиралось дѣло о спорной землѣ между Васильемъ Облязомъ Лодыгинымъ и Благовѣщенскимъ Кержацкимъ монастыремъ. При докладѣ суда по этому дѣлу передъ в. кн. Василіемъ Ивановичемъ Облязъ Лодыгинъ „сказалъ, что ему судъ былъ, да не таковъ, какъ въ судномъ списку писано“. Однако судный списокъ подтвердили оба судьи, разсматривавшіе дѣло, и тѣ мужи, которые присутствовали на судѣ („судные мужи, которые въ семъ списку писаны“). Тогда черезъ нѣкоторое время Лодыгинъ представляетъ

не былъ“). Поэтому при новомъ разсмотрѣніи дѣла судья заявляетъ: „и мы подлугъ его повѣданія тотъ судъ князя Ивановъ были есьмо зламали и тотъ листъ его судовый казали есьмо въ нихъ отняти“. Акты *Ѳ. И. Леонтовича,* т. I, стр. 67.

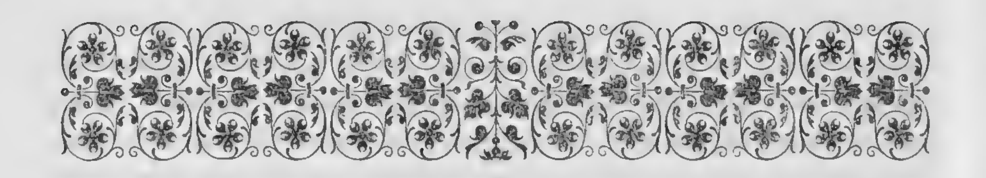
черновой подлинникъ суда („списокъ черной прямой"), гдѣ дѣло изложено согласно съ его свидѣтельствомъ. Этотъ черновикъ подписанъ однимъ изъ судей. „И князь великій—говоритъ актъ—спросилъ Обляза Лодыгина: передъ кѣмъ же тотъ черной списокъ судья твой Шарапъ тобѣ далъ и в которой день? И Облязъ передъ великимъ княземъ сказалъ, что ему далъ тотъ черной списокъ Шарапъ, а не лучилося туто у него никого, а дни, сказалъ, не упомнитъ, в которой день ему Шарапъ тотъ списокъ далъ". Несмотря на такой явно уклончивый отвѣтъ Лодыгина, в. князь провѣряетъ подлинность и правильность „черного списка", вторично вызываетъ и допрашиваетъ судей и, только удостовѣрившись со словъ самого Шарапа, что онъ „такова списка Облязу не давывалъ, и руки его в томъ списку черномъ нѣтъ, и тое руки не знаетъ, чья тотъ списокъ рука",—отвергаетъ возраженія и домогательства Лодыгина [38]).

Такимъ образомъ, внимательное изученіе судебныхъ актовъ приводитъ насъ къ убѣжденію, что одно только молчаніе отдѣльныхъ протоколовъ суда и судныхъ грамотъ объ участіи въ процессѣ земскихъ добрыхъ людей само по себѣ еще ничего не доказываетъ, такъ какъ при такомъ молчаніи въ дѣлѣ судные мужи могли быть, могли и не быть. Здѣсь многое зависѣло отъ общихъ предписаній закона, отъ обычаевъ судебной практики и отъ обстоятельствъ каждаго отдѣльнаго случая. Можно установить только, что вообще въ извѣстнаго рода судахъ и при извѣстнаго рода дѣлахъ участіе судныхъ мужей встрѣчается и даже разсматривается, какъ болѣе или менѣе обязательное условіе процесса; но были ли судные мужи при разсмотрѣніи именно даннаго дѣла, и именно въ данномъ судѣ, и именно въ данный моментъ процесса—это зависѣло отъ многихъ индивидуальныхъ условій времени и мѣста и часто отъ довольно случайныхъ обстоятельствъ дѣла, которыми опредѣлялись формы призыва въ судъ земскихъ добрыхъ людей.

Григорій Демченко.

---

[38]) Акты *Н. П. Лихачева*, стр. 189, 190, 191, 192.



Новыя данныя для исторіи Кіевскаго городского самоуправленія въ XVII-мъ вѣкѣ.

Въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи о „Нѣмецкомъ правѣ въ Польшѣ и Литвѣ“ [1]) нашъ достопочтенный ученый М. Ф. Владимірскій-Будановъ различаетъ три послѣдовательныя ступени въ исторіи развитія этого права въ городскихъ общинахъ: 1, при самомъ началѣ власть войта не принадлежитъ городской общинѣ; 2, потомъ, по усвоеніи городской общинѣ власти войта, она управляется замкнутою радой, и 3, власть рады, вслѣдствіе ея злоупотребленій, ограничивается представительными учрежденіями (коллегіей септемвировъ, вигинтивировъ и чаще всего квадрагинтавировъ). При этомъ почтенный изслѣдователь оговаривается, что такой историческій путь проходили не всѣ города вмѣстѣ, а каждый городъ отдѣльно; не всѣ также города могли успѣть пройти всѣ указанныя ступени: большая часть ихъ дошла до второй, весьма многіе остались на первой, и лишь главные и старѣйшіе города достигли третьей. Такимъ образомъ, всѣ три формы общественнаго устройства существовали одновременно и три историческія ступени сдѣлались тремя родами общественнаго устройства городовъ [2]). Переходя затѣмъ къ изложенію исторіи нѣмецкаго, называемаго обыкновенно магдебургскимъ, права въ городахъ Юго-Западной Россіи, права, имѣвшаго задачей создать собственно городское общественное самоуправленіе, М. Ф. Владимірскій-Будановъ различаетъ города королевскіе и частно-владѣльческіе. Изъ нихъ лишь нѣкоторые королевскіе пользовались полнымъ магдебургскимъ правомъ (въ Юго-

---

[1]) См. „Журн. Мин. Народн. Просв.“ 1868 г., №№ 8, 9, 11 и 12-й.

[2]) Ibid., № 9, стр. 788.

Западной Россіи—Кіевъ и Каменецъ-Подольскъ); всѣ же остальные пользовались неполнымъ правомъ, подчиняясь или королевскимъ чиновникамъ (воеводамъ, старостамъ, комендантамъ крѣпостей), или владѣльцамъ.

Чтобы охарактеризовать самоуправленіе въ городахъ, пользовавшихся полнымъ магдебургскимъ правомъ, авторъ беретъ для примѣра г. Каменецъ и, изложивъ исторію его самоуправленія, резюмируетъ свои выводы въ слѣдующихъ положеніяхъ, ярко рисующихъ мрачную картину городской жизни въ теченіе XVI—XVIII в.в.: „Этотъ городъ (Каменецъ) не имѣетъ ни самоуправленія, ни независимости. Онъ не имѣетъ самоуправленія, потому что управляется не лицами, выбранными изъ общества и самимъ обществомъ, а небольшимъ числомъ богатыхъ фамилій, членовъ рады. Онъ не имѣетъ свободныхъ судебныхъ учрежденій, потому что судебная коллегія составляется не изъ лицъ, избранныхъ обществомъ. Слабою опорою самоуправленія служатъ представительныя учрежденія города (гминная изба); но и эти учрежденія не имѣютъ ни широкой власти, ни достаточной силы. Городъ лишенъ независимости, потому что и староста, и вообще замковое начальство, и военное управленіе безнаказанно распространяютъ на него свою власть. Кромѣ того, муниципальное право ввело внутрь городской общины неизлѣчимую язву разлада: раздѣлило общину на національности и классы и предоставило полную возможность сторонѣ болѣе сильной тѣснить слабѣйшую. Юрисдикція польская притѣсняетъ и, наконецъ, уничтожаетъ русскую; юрисдикція польско-русская притѣсняетъ армянскую; рада польско-русской юрисдикціи давитъ свою общину; войтъ и судьи армянской юрисдикціи обижаютъ армянское общество“ [3]).

Еще болѣе печальную судьбу самоуправленія изслѣдователь находитъ въ королевскихъ городахъ съ неполнымъ магдебургскимъ правомъ и въ городахъ частно-владѣльческихъ: въ нихъ совершенно не было никакой опоры для самоуправленія.

Изображая жизнь южно-русскихъ городовъ въ отношеніи административномъ и судебномъ, М. Ф. Владимірскій-Будановъ долженъ былъ, вслѣдствіе недостатка актовыхъ данныхъ, отказаться отъ изображенія внутренней жизни Кіевской городской общины. Но въ теченіе протекшихъ 35 лѣтъ, со времени выхода въ свѣтъ его диссертаціи о „Нѣмецкомъ правѣ въ Польшѣ и Литвѣ“, кое-что было напечатано, кое-что удалось намъ самимъ собрать, и, на основаніи этихъ немногихъ

[3]) „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1868, № 11, стр. 585 и 586.

данныхъ, мы попытаемся показать особенности, отличивавшія Кіевъ отъ другихъ городовъ Юго-Западной Россіи.

Съ образованіемъ въ Южной Руси подъ вліяніемъ польско-литовскаго права сословій, съ обособленіемъ ихъ одного отъ другого, выдѣляется и собственно городское сословіе, мѣщанъ; для Кіева начало этого обособленія надо отнести къ первой четверти XV в.; попытки въ этомъ направленіи были дѣлаемы уже вел. княземъ Витовтомъ еще въ пору существованія удѣльнаго Кіевскаго княжества, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ грамота вел. князя литовскаго Александра Казимировича отъ 26 мая 1494 года. Грамота этого же князя отъ 4 іюня 1497 года упоминаетъ уже о существованіи въ Кіевѣ войта, бурмистровъ и радцевъ, бившихъ челомъ князю о подтвержденіи ихъ старыхъ правъ, и только грамота отъ 14 мая 1499 года впервые прямо указываетъ на самоуправленіе Кіева по нѣмецкому образцу. Нельзя поэтому не согласиться съ Н. Закревскимъ[1]), что введеніе магдебургскаго права въ Кіевѣ должно быть отнесено ко времени задолго до 1499 г. За этими первыми грамотами послѣдовалъ длинный рядъ подтвердительныхъ грамотъ польскихъ королей. Въ настоящее время ихъ извѣстно около 50 экземпляровъ, изъ коихъ многія уже напечатаны; мы не считаемъ универсаловъ, полученныхъ Кіевомъ отъ малороссійскихъ гетмановъ, начиная съ Богдана Хмельницкаго, и царскихъ грамотъ со времени присоединенія города къ Московскому государству; ни тѣхъ ни другихъ мы не будемъ касаться, такъ какъ для насъ въ настоящемъ случаѣ важна эпоха польскаго владычества, когда Кіевъ находился въ болѣе или менѣе одинаковыхъ условіяхъ съ другими городами Юго-Западнаго края, судьбу которыхъ изслѣдовалъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ; этимъ мы хотѣли бы заполнить указанный нами выше пробѣлъ въ его монографіи относительно Кіева.

Внутренняя жизнь Кіева, со времени подчиненія его литовскимъ князьямъ, при существованіи Кіевскаго княжества, и позже, съ 1471 г., когда княжество было обращено въ воеводство, до самаго конца XV-го в., отъ котораго до насъ дошли уже грамоты Кіеву на магдебургское право,—совершенно неизвѣстна по отсутствію документальныхъ данныхъ. Несомнѣнно лишь одно, что горожане находились въ полной зависимости отъ воеводъ,—зависимости, отъ которой ихъ впослѣдствіи и освобождаютъ грамоты на магдебургское право. Тѣмъ не менѣе, освобожденіе это никогда не было полнымъ; прежняя зависимость мѣщанъ отъ воеводы имѣла мѣсто и въ теченіе всего XVI в. при отбываніи ими воинской повинности, при платежѣ налоговъ, при смѣшанномъ судѣ

---

[1]) „Описаніе Кіева", Москва 1868, т. I, стр. 30—35.

мѣщанъ со шляхтой и при жалобахъ мѣщанъ на рѣшенія ихъ собственнаго войто-лавничьяго суда и на постановленія рады. Зависимость часто переходила въ произволъ со стороны воеводъ и ихъ намѣстниковъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ такого произвола.

Въ 1585 году запорожскіе казаки, „збунтовавшися", королевскаго посла Глубоцкаго „замордовали и утопили". Гетманъ князь Михаилъ Ружинскій арестовалъ одиннадцать казаковъ и отправилъ ихъ въ Кіевъ для заключенія въ королевскомъ замкѣ. Но намѣстникъ кіевскаго воеводы князь Матушъ Вороницкій, не желая стеречь въ замкѣ этихъ „вязневъ", отослалъ казаковъ въ ратушу, съ требованіемъ заключить ихъ въ городскую тюрьму. Представители кіевскаго мѣщанства: войтъ, бурмистры и райцы, докладывали намѣстнику, что въ ратушѣ „такъ моцного везеня" нѣтъ, что „все будованне деревянное досыть слабо и небезпечно", и просили, чтобы „его милость намъ такого безправя, надъ право и вольности наши, чинити не рачилъ"; но всякіе протесты и просьбы со стороны мѣщанъ были напрасны, и они „за тяжкою неволею и зъ великою шкодою, оныхъ одиннадцать вязневъ до везеня меского, ратушного, до дальшое науки его королевскои милости.... приняти мусили". Но, принявъ арестованныхъ въ свою тюрьму, кіевскіе войтъ, бурмистры и райцы занесли жалобу на князя Вороницкаго въ житомірскія замковыя актовыя книги, такъ какъ этотъ послѣдній не позволилъ записывать ее въ кіевскія. На этомъ протестѣ мѣщанское дѣло и кончилось [5]).

Больше всего кіевскіе мѣщане терпѣли стѣсненій въ своей торговлѣ, и эти стѣсненія были тѣмъ чувствительнѣе, что торговля служила главнымъ источникомъ благосостоянія горожанъ. Такъ, напр., „справца поборовъ" Кіевскаго воеводства Михаилъ Мышка-Варковскій причинялъ насилія мѣщанамъ: стѣснялъ торговлю Кіева съ Москвой и забиралъ для себя у купцовъ товары за полъ-цѣны. По жалобѣ терпѣвшихъ насилія мѣщанъ, король Сигизмундъ-Августъ, въ 1570 году, ограждаетъ свободу торговли и запрещаетъ какія-бы то ни было стѣсненія ея; но неоднократное подтвержденіе этой грамоты впослѣдствіи говоритъ за частое нарушеніе ея мѣстными представителями королевской власти [6]).

Терпѣли мѣщане и въ другихъ случаяхъ, когда меньше всего могли ожидать стѣсненій, именно, при уплатѣ арендныхъ денегъ въ королевскую казну за право пропинаціи. До 1558 года мѣщане платили по двѣ копы грошей литовскихъ за каждую корчму въ городѣ; съ

[5]) Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. III, т. 1-й, стр. 15—18.

[6]) Книга Кіев. Центр. Архива № 3503, актъ 5.

этого же года былъ опредѣленъ общій платежъ въ 800 копъ[7]), которыя мѣщане обязывались вносить въ два срока, по 400 копъ въ каждый. Налогъ вносился воеводѣ или его намѣстнику; при взносѣ-то его воеводы и позволяли себѣ вымогательства и притомъ настолько значительныя, что король Стефанъ Баторій оказался вынужденнымъ охранить мѣщанъ отъ такихъ вымогательствъ грамотой 1581 года[8]). Однако, запрещеніе это скоро забылось, и вымогательства продолжались. Бывали случаи, что съ мѣщанъ требовались деньги даже на такіе расходы, отъ которыхъ они ссвобождались по королевскимъ грамотамъ; подобный случай имѣлъ мѣсто въ 1618 году. Опираясь на какую-то королевскую грамоту, кіевскій городничій Станиславъ Вигура требовалъ отъ мѣщанъ взноса 300 польскихъ злотыхъ „для оправы гарматы на замку Кіевскомъ", а также „для приспособеня пороховъ, куль а на опатрене иншихъ потребъ замковыхъ", грозя въ противномъ случаѣ „совитостью", т. е. взысканіемъ спорной суммы вдвойнѣ. Но „славетные" представители Кіева, войтъ Ѳеодоръ Ходыка, бурмистръ Онисимъ Хотковичъ и райца Степанъ Кривковичъ, упорно не признавали законности этого требованія и рѣшительно отказались платить новый налогъ даже тогда, когда къ нимъ явился за деньгами „возный", что предвѣщало имъ уже судебную тяжбу и обвиненіе въ сопротивленіи придержащимъ властямъ. Такое обвиненіе мы, дѣйствительно, и находимъ въ житомірской замковой книгѣ за 1618-й годъ[9]).

Примѣровъ произвола надъ мѣщанами со стороны многочисленныхъ королевскихъ урядниковъ можно было бы представить немало; но и перечисленныхъ, какъ намъ кажется, вполнѣ достаточно, чтобы представить себѣ тяжелое положеніе мѣщанъ и призрачность ихъ самостоятельности, административной и судебной. Указанное явленіе было общимъ въ жизни всѣхъ городовъ, пользовавшихся полнымъ магдебургскимъ правомъ въ эпоху польскаго владычества. Оно было, такъ сказать, внѣшней язвой, разъѣдавшей организмъ третьяго сословія въ Польшѣ.

Внутренней язвой, стольже тяжело отзывавшейся на благосостояніи мѣщанъ, являлась вѣроисповѣдная и національная борьба среди

[7]) Изъ сопоставленія количества платежа арендной платы отъ каждой корчмы съ общей суммой платежа (сначала по двѣ копы отъ корчмы, а потомъ по 800 копъ за всѣ) не трудно сдѣлать предположеніе, что число корчемъ въ Кіевѣ въ половинѣ XVI вѣка могло доходить до четырехъ сотенъ. И это на 460 дымовъ! Конечно, цифра эта гадательна и, пожалуй, даже мало вѣроятна.

[8]) Кн. Кіев. Центр. Архива № 3503, актъ 10.

[9]) Книга того же архива № 13, л. 1376, актъ 596 (см. прилож. № II).

горожанъ, отмѣченная М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ въ его изслѣдованіи о городахъ Юго-Западнаго края и находившая себѣ опору въ существованіи особыхъ юрисдикцій: польской (католической), русской (православной) и армянской. Кіевъ этой междоусобной борьбы не зналъ, несмотря на то, что въ жалованныхъ королевскихъ грамотахъ дѣлалась попытка къ учрежденію и въ немъ такихъ же вѣроисповѣдно-національныхъ юрисдикцій; не зналъ потому, что населеніе города было преимущественно русское и православное, и иновѣрный мѣщанскій элементъ былъ малочисленъ, слабъ и совершенно подавлялся первымъ, благодаря поддержкѣ въ этомъ случаѣ со стороны казачества.

Но въ Кіевѣ возникли свои мѣстныя особыя юрисдикціи, которыхъ, наоборотъ, не зналъ ни одинъ изъ другихъ городовъ Юго-Западнаго края, это—юрисдикціи „майтборского права" и замковая. Они возникли, быть можетъ, одновременно съ пожалованіемъ Кіеву магдебургскаго права, возникли вслѣдствіе того, что менѣе патріотическая часть кіевлянъ находила болѣе выгоднымъ для себя подчиняться непосредственно замку, чѣмъ подчиняться ему же чрезъ магистратъ, и тѣмъ избавляться отъ такихъ повинностей, которыя должны были нести мѣщане, подчиненные магистрату. Замковое управленіе поддерживало своихъ мѣщанъ и въ спорахъ ихъ съ магистратомъ, и въ облегченіи несенія повинностей, и въ предоставленіи имъ такихъ же правъ въ промышленности и торговлѣ, какими пользовались магистратскіе мѣщане. Между этими двумя главными группами кіевскихъ мѣщанъ среднее положеніе занимали бискупскіе, земянскіе и монастырскіе мѣщане; они примыкали то къ одной, то къ другой юрисдикціи, смотря по тому, гдѣ легче было избѣжать повинностей. Появленіе указанныхъ мѣщанскихъ группъ въ Кіевѣ отмѣчено уже въ 1552 году люстраціей Кіевскаго замка; тогда было зарегистровано дымовъ магистратскихъ мѣщанъ 173, замковыхъ—159, бискупскихъ—16, монастырскихъ—16 и земянскихъ—37 [10]). Въ 1618

[10]) Арх. Юго-Запад. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 113—116. Мы должны здѣсь оговориться, что очень небольшое число дымовъ замковыхъ мѣщанъ встрѣчается въ томъ же 1552 г. также и въ г. Черкасахъ, именно 32 при 188 магистратскихъ. И еще: проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ считаетъ въ г. Винницѣ 359 замковыхъ мѣщанскихъ дымовъ (Арх. Ю.-З. Рос., ч. VII, т. II, предисловіе, стр. 32); напротивъ, другой изслѣдователь этихъ люстрацій г. А. Яблоновскій считаетъ всѣ мѣщанскіе дома въ Винницѣ магистратскими („Zródła dziejowe", т. XXII, стр. 324). Разногласіе между изслѣдователями образовалось вслѣдствіе различнаго толкованія ими термина—„господарскій" мѣщанинъ. Мы склоняемся къ мнѣнію г. Яблоновскаго и потому считаемъ Кіевъ единственнымъ городомъ, въ которомъ разрушительная борьба замковыхъ мѣщанъ съ магистратскими приняла широкіе размѣры; въ Черкасахъ она начала лишь зарождаться и вскорѣ была подорвана казацкими движеніями.

году число замковыхъ мѣщанъ превосходитъ уже число магистратскихъ, какъ заявляютъ объ этомъ послѣдніе въ своей жалобѣ, которую мы ниже приводимъ въ приложеніи (№ I). Возростаніе числа замковыхъ мѣщанъ можетъ быть объяснено, намъ кажется, только покровительствомъ кіевскихъ воеводъ и исходатайствованіемъ ими для своихъ подчиненныхъ мѣщанъ королевскихъ жалованныхъ грамотъ. Когда началось такое пожалованіе, намъ не извѣстно, потому что кіевскія замковыя актовыя книги безвозвратно погибли. До насъ дошли сохранившіеся лишь случайно документы, въ которыхъ мы находимъ упоминаніе о болѣе давнихъ грамотахъ; напр., о грамотѣ 1591 г., упоминаемой въ приводимомъ нами ниже рѣшеніи (№ IV) кіевскаго замковаго суда 1636 г.

Первая извѣстная намъ грамота замковымъ мѣщанамъ была пожалована въ февралѣ 1615 года [11]). Она важна въ томъ отношеніи, что имѣетъ общій характеръ и дана всему замковому мѣщанству, которое уравнивалось ею въ правахъ по торговлѣ и занятію ремеслами съ мѣщанами „права майтборского". Грамота рисуетъ при этомъ отчасти и внутренній строй этой группы кіевскихъ обывателей. Оказывается, что замковые мѣщане не имѣли одного общаго представительства въ родѣ ратуши; они распадались на отдѣльные цехи: кравецкій, швецкій, кушнерскій, кожемяцкій, слесарскій, ковальскій, римарскій (шорный), постригацкій, и друг.; во главѣ цеховъ стояли цехмистры, подчинявшіеся воеводскому намѣстнику и дѣйствовавшіе въ интересахъ замка. Въ жалобѣ 1618 года мы наблюдаемъ этотъ же строй: кіевскій войтъ, бурмистры и райцы договариваются только съ цехмистрами замковыхъ мѣщанъ.

Кромѣ грамоты общаго характера, до насъ дошла и частная грамота, данная въ 1619 году мѣщанамъ швецкаго (сапожницкаго) и гарбарскаго (кожемяцкаго) цеховъ на купленный ими на Подолѣ дворъ и на право производства ими свободной торговли произведеніями своего труда, а также дегтемъ и смолою. Грамота Сигизмунда III отъ 1619 года была подтверждена въ 1634 г. грамотой его сына короля Владислава IV [12]). Говоря о свободной торговлѣ шевцовъ и гарбарей, король въ жалованной грамотѣ упоминаетъ о давнихъ вольностяхъ и правахъ, принадле-

[11]) Архивъ Юго-Запад. Рос., ч. V, т. I, стр. 123 и 124.

[12]) Съ этими обоими документами намъ удалось познакомиться при экспертизѣ ихъ въ 1900 г. въ камерѣ судебнаго слѣдователя, такъ какъ изъ-за этого „швецкаго двора" ведется въ настоящее время тяжба въ судѣ, и современные мѣщане „швецкаго" цеха объявили грамоту подложной. По произведенной нами экспертизѣ, обѣ грамоты оказались вполнѣ достойными вѣры и неподлежащими ни малѣйшему сомнѣнію. Спорный „швецкій" дворъ находится и теперь противъ Успенскаго собора на Подолѣ.

жащихъ „швецкому“ цеху, и ограждаетъ ихъ отъ притѣсненій какъ со стороны мѣщанъ „майтборского права“, такъ и чиновъ замковаго управленія, а этимъ самымъ уже свидѣтельствуетъ о той борьбѣ, которая издавна шла взаимно между мѣщанами вообще и каждой изъ названныхъ группъ въ отдѣльности съ замкомъ.

Поводами къ столкновенію мѣщанъ обѣихъ юрисдикцій являлись не только торговля, но и совмѣстное исполненіе повинностей, лежавшихъ на всѣхъ вообще мѣщанахъ Кіева. Примѣромъ такихъ поводовъ и образцомъ формы справъ и тяжебъ между мѣщанами можетъ служить жалоба „майтборскихъ“ мѣщанъ на замковыхъ, занесенная въ житомірскія замковыя актовыя книги подъ 1618 годомъ. Сущность ея заключается въ томъ, что вслѣдствіе войны Польши съ Москвой въ этомъ году чрезъ Кіевъ проходили и временно здѣсь останавливались сначала жолнеры роты п. Яроша Вреща, а потомъ 5000 запорожскихъ казаковъ подъ предводительствомъ гетмана Петра Сагайдачнаго; снабдить и жолнеровъ и казаковъ продовольствіемъ и боевыми припасами обязаны были всѣ кіевскіе мѣщане, безъ различія ихъ подсудности. Между замковыми и „майтборскими“ мѣщанами произошло соглашеніе исполнить эту повинность сообща, на что́ договорившіяся стороны и „руки дали“ другъ другу; расходъ сдѣланъ былъ изъ скарбницы „майтборскихъ“ мѣщанъ; на роту (сотню) жолнеровъ было издержано 750 польскихъ злотыхъ, а на 5000-ный отрядъ казаковъ Сагайдачнаго не болѣе 3000 злотыхъ, при чемъ первымъ доставлялись лишь съѣстные припасы, особенно же напитки (пиво и медъ), а вторымъ только боевые припасы. Войска прошли, и „майтборскіе“ мѣщане потребовали у замковыхъ возврата половины израсходованныхъ суммъ, но эти послѣдніе мѣщане отказали въ платежѣ и тѣмъ дали поводъ къ тяжбѣ. Мы не знаемъ, чѣмъ окончилась эта тяжба; но несомнѣнно, что, отказывая въ возвратѣ половины израсходованныхъ суммъ, замковые мѣщане опирались на поддержку королевскаго замка, который не принялъ жалобы въ свои книги, и жалобщики должны были обратиться въ Житомірскій замокъ.

Послѣдствія подобнаго рода тяжебъ и вражды между собою горожанъ были слишкомъ очевидны и чувствительны для польскаго правительства,—города бѣднѣли и не въ силахъ были вынести сколько-нибудь значительныхъ денежныхъ налоговъ и натуральныхъ повинностей, а тѣ и другія были многочислены и различны. Вслѣдствіе этого, начиная съ 1621 г. [13]), короли издаютъ рядъ грамотъ въ пользу Кіева. Въ силу этихъ грамотъ лица всѣхъ сословій, владѣющія домами въ

[13]) Кн. Кіев. Центр. Архива № 3503, актъ 22.

городѣ, обязываются отбывать повинности и платить налоги въ мѣстную ратушу, т. е. дѣлается попытка сплоченія всѣхъ мѣщанъ. Но такая попытка сплоченія въ силу одной королевской грамоты 1621 г., слѣдуетъ думать, была слишкомъ слаба, и неудивительно, что грамота была подтверждаема пять разъ въ 1622, въ 1645, въ 1649, въ 1650, и даже въ 1652 годахъ [14]), т. е., почти наканунѣ перехода Кіева подъ власть московскихъ государей, сразу положившихъ конецъ дробленію горожанъ по различнымъ подсудностямъ.

Но борьбой замковыхъ мѣщанъ съ „майтборскими" не ограничивался внутренній разладъ среди нихъ; въ ней принимали участіе, какъ сказано выше, и мѣщане бискупскіе, монастырскіе и частно-владѣльческіе. Памятникомъ этой еще болѣе глубокой розни служитъ сохранившійся декретъ королевскаго суда по дѣлу замковыхъ мѣщанъ съ бискупскими, отказавшимися отъ платежа налоговъ. Этотъ въ высокой степени важный документъ пожертвованъ Центральному Архиву проф. В. С. Иконниковымъ. Названный декретъ свидѣтельствуетъ, какъ ревниво Кіевскій замокъ охранялъ интересы подчиненной ему части горожанъ-ремесленниковъ и какъ упорно онъ стремился подчинить себѣ и всѣхъ другихъ мѣщанъ.

Дѣло возникло изъ-за того, что кушнеры, жившіе въ той части Кіева, которая называлась Бискупичами [15]), и подчинявшіеся поэтому бискупу, отказались отъ платежа общаго налога, наравнѣ съ замковыми мѣщанами; послѣдніе, съ вѣдома замкового управленія, запечатали „коморы" и „крамницы" бискупскихъ мѣщанъ и пріостановили ихъ торговлю „косматыми товарами", чѣмъ нанесли имъ большой убытокъ. На судѣ, при разборѣ дѣла, замковые мѣщане въ своемъ правѣ привлекать всѣхъ (вотъ уже до чего дошли ихъ претензіи!) вообще мѣщанъ къ платежу налога ссылались на три документа: 1) на жалованную грамоту короля Сигизмунда III, данную имъ на Варшавскомъ сеймѣ 3 января 1591 г.; 2) на письмо (листъ) того же короля изъ Кракова къ кіевскому воеводѣ князю Константину Константиновичу Острожскому отъ 12 іюня 1592 г., и 3) на рѣшеніе кіевскаго подвоеводы Михаила Мышки-Холоневскаго отъ 20 октября 1611 г. Ни одинъ изъ перечисленныхъ документовъ, къ сожалѣнію, не сохранился, но

---

[14]) Книга Кіев. Центр. Архива № 3503, акты 23, 37, 41, 45 и 47.

[15]) По Н. Закревскому, Бискупичи начинались отъ Іорданскаго озера на Оболони до Щекавицы и Житнаго торга за Канавою до Днѣпра, а отсюда простирались слободою или урочищемъ Кожемяками до самаго бискупскаго замка на горѣ Кудрявцѣ („Описаніе Кіева", Москва, 1868 г., стр. 433).

каждый изъ нихъ говоритъ ясно о стремленіи замковаго управленія подчинить своей власти всѣхъ кіевскихъ мѣщанъ. Есть основаніе думать, что въ этомъ оно, до нѣкоторой степени конечно, и достигало своей цѣли. По крайней мѣрѣ, это позволяетъ думать и современникъ разсматриваемаго нами явленія внутренняго разлада среди мѣщанъ, игуменъ Межигорскаго монастыря Ѳеодосій Васьковскій; онъ говоритъ въ своемъ показаніи, что тогда „господу мѣлемъ на замку Кіевскомъ: прето памятую, якіе были вольности на той часъ у мѣщанъ кіевскихъ за воеводы Тышкевича, которій былъ не мало лѣтъ на воеводствѣ Кіевскомъ ажъ до самои войны Хмелницкого: на той часъ всѣ ремесники всякого ремесла кіевскіе належали не до ратуши, але до замку Кіевского; намѣстникъ воеводскій замку Кіевского и судилъ ремесниковъ всякихъ кіевскихъ и владѣлъ оными, яко подданными пана своего“ [16]). Если это показаніе игумена и грѣшитъ преувеличеніемъ, такъ какъ оно давалось во время тяжбы мѣщанъ съ монастырями изъ-за захваченныхъ ими городскихъ земель, то въ основѣ своей, во всякомъ случаѣ, оно вѣрно. И разсмотрѣнное нами дѣло 1636 года было проиграно бискупскими мѣщанами. Замокъ поддержалъ своихъ мѣщанъ.

Указанные нами факты мѣщанскихъ усобицъ, само собою разумѣется, не могли содѣйствовать росту и процвѣтанію Кіева, а приводили его къ „спустошеню“ и разоренію. Онѣ, эти усобицы, составляютъ отличительную черту эпохи польскаго господства въ краѣ и послѣ войнъ Хмельницкаго совершенно прекращаются; малороссійскіе гетманы берутъ Кіевъ, какъ „мѣсто столечное“, подъ свою „оборону“ и ограждаютъ его отъ всякихъ притѣсненій; царскіе воеводы, въ свою очередь, не вмѣшиваются въ мѣщанскія дѣла и предоставляютъ имъ вполнѣ пользоваться магдебургскимъ правомъ. Реформы Петровскаго и Екатерининскаго времени, касавшіяся городского самоуправленія, снова вносятъ разладъ въ жизнь кіевскихъ мѣщанъ, но то была уже скорѣе экономическая борьба богатыхъ и привилегированныхъ гражданъ съ простыми и бѣдными ремесленниками, „почетнѣйшаго общества“ съ „подлыми людьми“,—борьба, закончившаяся въ началѣ прошлаго столѣтія грандіозной для своего времени растратой городскихъ капиталовъ и повлекшая за собой полную отмѣну магдебургскаго права въ 1835 году [17]).

Тѣмъ не менѣе однакоже, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, магдебургское право, по временамъ въ большей или меньшей не-

---

[16]) Чтенія въ Ист. Общ. Нест.—лѣт., кн. I, стр. 312.

[17]) См. нашу работу: „Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебургскому праву“ („Кіев. Старина“ за 1888 г.).

прикосновенности, продержалось въ Кіевѣ 335 лѣтъ, благодаря тому живительному началу, которое заключалось въ немъ. Этимъ живительнымъ началомъ, не дававшимъ Кіеву окончательно разложиться, была широкая гласность въ хозяйственныхъ и административныхъ дѣлахъ городской общины и ничѣмъ нестѣсняемый контроль надъ правителями всѣхъ гражданъ, дававшій послѣднимъ возможность, въ случаѣ нужды, дѣятельно проявитъ себя въ собственномъ судѣ, „буде кто явится въ сборахъ, и расходахъ, и въ отчетѣ неисправенъ“ и въ нарушеніи мѣщанскихъ правъ виновенъ.

Приложеніе.

I.

Жалоба кіевскихъ мѣщанъ „права майдеборского“ о нежеланіи и отказѣ замковыхъ мѣщанъ участвовать поровну въ расходахъ на содержаніе и снабженіе съѣстными и боевыми припасами проходящихъ чрезъ Кіевъ жолнеровъ и запорожскихъ казаковъ. 11 іюля 1618 года.

Року ҂АХИІ, месеца июля одинадцатого дня.

Писали и присылали до вряду его кр. мл. замку Житомирского, до мене, Яна Галчиновского, подстаростего Житомирского, славетные п. Федор Ходыка войтъ, Онисим Ходкович бурмистръ, райци, лавники и вси мещане места Киевского права майдеборского, посланца своего Федора Дробышевича, оповедаючи и светчечи и протестуючи противко славетнымъ Андреяшу Журавецкому, Марку Кушнерскому, Илюши Ковалскому, Кирилу Швецкому, цехмистромъ и иншим всимъ ремесником, также мѣщаномъ места Киевского юрысдиции замковое, суседом своим, тыми словы о то, иж тые ремесникове, месчане места Киевского, заживаючи в месте его кр. мл. Киеве заровно такоеж волности и поживеня, яко майстрат и вси месчане майдеборского права, кгды коликолвек трафляется зо всего места его кр. мл. Киева дават стацию або який податокъ любъ на жолнере, любъ на козаки войска его кр. мисти, албо на иншие розные припадковые потребы посполитые меские, охороняючи место и всих мещан так юрисдиции меское, яко и замковое, од жолнеров, козаков и инших припадков, звышменованые ремесникове, мещане киевские, помененым протестуючимъ, майдеборского права мещаном, въ таковых тежарах и в клясках в нивчом помогат и пенезми на то се складат не хочут и не складают, не погледаючи на то ничого, же их в месте его кр. мл. Киевском ест далеко болший, ниж месчан майдеборского права; также иж завжды, за зложенем стации албо якого иного податку през мещане майдеборские, они завжды во всемъ от жолнеров, козаков и иншых навалностей волно зостают; не респектуючи, кгды року теперешнего, тисеча шестсот осмнадцатого, месеца априля двадцат второго дня, наступили были жолнере его кр. мл., рота его мл. п. Яроша Вреща, на мисто его кр. мл. Киевъ, хотечи в немъ лежу и стацию свою мет, теды теперешние протестуючие, забегаючи, абы все место Киев было в покою, постановили помененой роте зо

всего места Киевского дат стацию, от лежи абы волно было. На што пречоные цехмистрове и ремесникове вси згодне през братю свою ремесниковъ спосродку себе: Ларка Яцковича, Петра Калыну, Курила Швеца, Омеляна Коваля, Илю Ермоленка, Васка Котелника и Хому Кожемяку, позволивши обецали, шлюбовали и руки дали, же штобы колвекъ майстратъ и мещане майдеборского права, еднаючи за себе и за их, помененой роте стации што зложили и дали, того всего ровную половицу, яко в сполном тёжару, от себе им зложити и заплатити мели и были повинни. Якож кгды теперешние протестуючие помененую роту за лежу и за стацию стома полтми слонины, двадцатма копами сыровъ и двадцатма фасками масла, особъливе трунком медовым и пивным погодили, поеднали и то им все отдали, и так себе, яко и тых ремесников, от них охоронили и на тую стацию певную свою власную зложоную сумму, то ест, золотых полских семсот и петдесят выдали, звышменованые цехмистрове и ремесникове, водлуг слова и обетници и даня рукъ своих и самое въ том повинности, половици тое суммы, тое ест, трохсот семидесяти пяти золотых полских, им зложит, отдатъ и заплатит не хотели и не хочут ку кривде и шкоде теперешних протестуючих, которое собе затым от них менуют на другую таковуюж суму триста семдесят пят золотыхъ полских. А потом, кгды дня дванадцатого мисяца мая, в сем же року, тисеча шестсот осмнадцатом, наступило войско его кр. ми. Запорозское, которое ишло до Москвы, в котором было пят тисячей, до места Киевского на лежу, теды, для прудшого выеханя того войска с Киева, кгволи покоеви и доброму всего места Киева обоихъ тых юрисдиций, теперешние протестуючие, также за власным жаданем и позволенем ихъ, кгды поеднали войско тым, же мели имъ армату их военную всю, то ест, дел десят оправит, пороху и олову до нее дат, также петарды уробит; чого всего ровную половицу помененые цехмистрове и ремесникове теперешним протестуючим штобы колвекъ на то выдали, служит и заплатит обецали и руки также, яко се вышей поменило, придали; и кгды то все своим одным коштом отправили армату и пороху каменей петдесят, свинцу каменей сто купивши, дали, петарды уробили, гетмана и полковников контентовали и их на вшеляких ликгуминах подеймовали и на то все сумою три тисечи золотых полских выдали,—помененое войско Запорозское, взглядом того датку, не змешкавши болшей в месте, одно полторы недели, з немалою полечкою всих мещан киевских обоих юрисдиций, з места Киева выехали и вышли. А пречоные цехмистрове и ремесникове места Киевского, водлугъ слова и обетници, даня руки своее и самое въ том повинности, половици тое сумы, то ест,

полторы тисечи золотыхъ полских им зложит и заплатит упорне не хотели и не хочут также ку великой шкоде и кривде теперешних протестуючих, которое собе, за тым от нихъ незаплаченем и незложенем тое сумы, менуют на другую полторы тисечи золотых полскихъ. О што все, яко се вышей поменило, помененые панове месчане киевские майдеборского права с преречоными цехмистрами и ремесниками, мещаны также киевскими, хотечи в суде належномъ правом чинит, просили, абы тая их протестация и осведчене до книг нинешнихъ принята и записана была,—которое ест записано.

(Книга Кіев. Центр. Арх. № 13, л. 1023 об., актъ 354).

II.

1) Заявленіе кіевскаго городничаго Станислава Вигуры объ отказѣ кіевскихъ мѣщанъ, вопреки, королевской грамотѣ, уплатить въ срокъ 300 пол. злотыхъ на расходы по снабженію замка боевыми припасами; 2) подтвержденіе заявленія возным. 16 ноября 1618 года.

Року ҂аҳіі, месеца ноябра зі дня.

На вряде его кр. мл., в замку Житомирском, передо мною, Яном Галчиновским, подстаростим житомирским, постановивши се очевисто, урожоный е. м. панъ Станиславъ Викгура, городничий киевский, оповедал и светчил напротивко славетным Федору Ходыки войтови и бурмистрови Онисимови Хотковичови а райцы Стефанови Кривковичови о то, иж они на рок, то ест, на светый Мартин свято рымское, сумы пенезей триста золотых полских, ведле привилею короля его мл., мне, яко городничому, на шафоване для оправы гарматы на замку Киевском, яко теж и для приспособеня порохов, кул и инших потреб замковых на опатрене, не отдали и отдат не хочут; зачимъ, ведле привилею короля его мл., на завтрее по светом Мартине, в совитост другое таковоежъ сумы трехсот золотых полских платит попали. О што панъ городничий, оферуючис з ними правне чинит, просил, абы тое осветченье его было принято, на што и возный енерал воеводства Киевского шляхетный Нестеръ Радюка-Бережецкий, постановившис при той протестацыи, квит свой признал тыми словы: Иж року тепер идучого, тисеча шестсот осмнадцатого, м-ца ноябра одинадцатого дня, будучи мне при пану Станиславу Викгуре, городничему киевскому, в ратушу Киевском, там же при мне, возном, панъ городничий киевский упоминалъсе и просил, абы пан войт и бурмистр и райцы, ведле приви-

лею короля его мл., суму пенезей триста золотыхъ полских на ден и рокъ певный, у привилю короля его м. назначоный, то ест, на светый Мартин, римское свято, тепер прошлое, на опатрене арматы замковое, для приспособеня пороховъ, кул и иншихъ потреб замковых, отдали, яко о том ширей привилей короля его мл. въ собе описуетъ; которое то сумы пенезей трех сот золотых полских так на тот ден, на светый Мартин, яко и на завтрее того свята, пану городничому киевскому не отдали и отдат не хотели, што пан городничий мною, возным, светчил, иж панове месчане, ведле привилею короля его м. л., за неотдане тых грошей трехсот золотых полских на светый Мартин, в совитост такоеж сумы трехсот золотых полских платит попали. А так я, возный, штом видел и слышал, то все на сем квите моем ку записованю до книг далем.

Писан у Житомиру, року, м-ца и дня вышей менованого.

Ктороеж то оповедане, также и очевистое возного сознане, до книг замку е. к. м. Житомерского ест принято и записано.

(Книга Кіев. Центр. Арх. № 13, л. 1376, актъ 596).

III.

Грамота короля Владислава IV, подтверждающая грамоту короля Сигизмунда III отъ 12 марта 1619 года *), которая была пожалована послѣднимъ сапожному и кожемяцкому цехамъ замковой юрисдикціи и утверждала право цеховъ на купленный ими на Подолѣ дворъ и на производство въ немъ торговли произведеніями своего труда, 20 января 1634 года.

Władysław Czwarty, z łaski Bożey krol polski, wielkie xiąże litewskie, ruskie, pruskie, mazowieckie, zmudzkie, inflanskie a szwedzki, gotski, wandalski dziedziczny krol, obrany wielki car moskiewski.

---

*) Такъ какъ грамота 12 марта 1619 года дословно повторена въ настоящей, 1634 г., то мы считаемъ излишнимъ печатать ее отдѣльно. Но на подлинникѣ грамоты 1619 находились двѣ слѣдующія приписки, которыя заслуживаютъ нѣкотораго вниманія:

1) „3 maji, 1619. Cechmistrz pomieniony per oblatam podał do xiąg grodskich kijowskich.—Przyiołem: Michał Myszka-Choloniewsky".

2) „Conserwacya placu kupnego mieszczanom kijowskim szewskiego cechu na zbudowanie kramnie y na sprzedawanie towarow ich szewskich".

Грамота 1619 года написана по-русски.

Подлинники обѣихъ грамотъ находятся при дѣлѣ сапожнаго цеха, которое послѣдній велъ въ Кіевскомъ окружномъ судѣ; онѣ списаны нами, какъ мы сказали уже выше, при экспертизѣ ихъ подлинности въ 1900 году.

Oznaymujemy wszem wobec y każdemu z osobna, komu tho wiedziec nalezy: pokazali nam mieszczanie szewcy kyewscy przysądu zamkowego list papierowy na zbudowanie kramnic na placu kupionym w Kyewie niżey specificowanym dla przedawania thowarow ich szewskich, ręką s. pamięci krola jego mosci pana oyca naszego podpisany y pieczęcią koronną obwarowany, w te slowa:

Zygmunt III, z Bożey laski krol polski, wielkie xiąże litewskie, ruskie, pruskie, żmudzkie, mazowieckie, inflanskie a szwedzi, gotski, wandalski dziedziczny krol, oznaymuiemy tym listem naszym wszem pospolicie j każdemu z osobna, komu to wiedziec należy, ninieyszym y napotym bendącym: pokazali przed nami mieszczanie kyewscy przysądu zamkowego, tho iest cechmistrz szewski, wszystkie bractwo szwieckiego y garbarskiego wypis z xiąg kyowskich pod datą roku tysiąc szescsetnego dziewiątego, dnia piątego octobra, przedaszy wieczystey placu y domu z komorami y ze wszystkim budowaniem w miescie naszym Kyewie miedzy domami z iedney strony Makarowicza, z drugiey—monasteru Pieczarskiego, tyłem—ku domowi Sawostkowa, a wroty ku ulicy rynkowey leżącym; ktorego to placu y domu Kyriaka Isaewicza, popa białogrodzkiego, y u żony jego za pewną summę pieniędzy, to iest, za sto y czterdziescie kop groszy litewskich, dostali y kupili wicznoscią sobie samym y nastempnikom swym, iako to w tym liscie wyrażono iest; y bili nam czołem przerzeczeni mieszczanie, abysmy ich przytym placu y domu, iako własney kupni ich wieczystey, zachowali y, według dawnych praw y zwyczaiow ich, na tym placu szopy y komory dla przedawania towarow roznych pobudowac pozwolili. A tak my, krol, bacząc w tym czołombicie ich słuszne, tego wszystkiego, czego rzecz y słusznosc sama potrzebuie, nie odmowilismy im y owszem, zachowawszy ich samych i nastempcow ich, przy tym placu y domu, iako przy własnym gruncie ich wiecznemi czasy, nadto szopy y komory dla przedawania towarow ich tym to mieszczanom pobudowac pozwolilismy y tym listem naszym stwierdzeniem tey kupiey ich pozwolamy; wolny oni tam bendą thowarami robot swych, dziegciem y smołą, y innemi wszelakiemi kramami, wedle wolnosci y praw dawnych im nadanych, tak szewcowie, iako y grabarzowie, handlowac y one sprzedawac y ich nastempcy na wszystkie potomne czasy, bez wszelkich podatkow mieyskich, w czym im mieszczanie kyewscy prawa magdeburskiego y tesz urząd zamkowy kyewski żadney przeszkody y przenagabania czynic nie maią y nie bendą z powinnosci swey y dla łaski naszey krolewskiey; y na to dalismy ten list nasz, z podpisem ręki naszey, do ktorey y pieczęc naszą koronną przycisnąc rozkazalismy.—Pisan w Warszawie, roku Panskiego tysiąc szecsetnego dziewiętnastego, mca marca dwunastego dnia, panowania naszego polskiego

trzydziestego wtorego, a szwedzkiego dwudziestego szostego roku.— Sigismundus Rex.—Florian Oleszko, wojski władzimierski, sekretarz i pisarz.

I supplikowali nam przerzeczeni szewcy z garbarzami, mieszczanie kyewscy przysądu zamkowego, abysmy listy wyzey mianowane powagą naszą potwierdili, ktore my potwierdzamy y wagę wieczną (jako prawu pospolitemu nie są przeciwne y mieyskiemu, y iesli w używaniu tego byli one miec chcemy. Naco dla lepszey wiary, ręką się naszą podpisawszy, pieczęc koronną przycisnąc rozkazalismy.—Dan w obozie za Smolenskiem, na Bogdanowey okolicy, dnia XX mca stycznia roku Panskiego MDCXXXIV, krolewstw naszych polskiego pierwszego, szwedskiego wtorego.—Wladislaus Rex.—Andrzey Kowalinski.—

(М. П.)

Confirmacya przywileíu na plac, kupiony w Kijowie mieszczanami kijowskiemi cechu szewskiego wszytkiemi przysądu zamkowego, dla przedawania towarow swoich.

A° 1634, d. 9 mai Artem Wertycy, cechmistrz szewski miasta jego kr. mei Kijowa, z tawarzyszami rzemiosła swego, personaliter per oblatam podali.—Przyiął Jan Siplenski, podwoiewoda, lowczy kiowski, m. p—ia. Wpisany do xiąg grodzkich kijowskich.

IV.

Рѣшеніе Кіевскаго замковаго суда по дѣлу между бискупскими и замковыми мѣщанами въ Кіевѣ; въ силу этого рѣшенія бискупскіе мѣщане признаны подчиненными замку и обязанными нести городскія повинности наравнѣ съ замковыми. 17 ноября 1636 года.

Выпис с книг справ урядовых замку его корол. милости Киевского.

Року Божого Нарожденя тисеча шестсот тридцат шостого, месеца ноябра семнадцатого дня.

На уряде кгродском, в замку его кор. милости Киевском, передо мною, Яном Млотковским, намесником замку Киевского, точыласе справа межы кушнерами, в части места Киева Бискупеч мешкаючыми, яко поводами, з одное, а теж кушнерами киевскими юрысдицыей замковое, яко позваными, з другое стороны, за позвом уряду нынешнего, от поводов по позваных на термине теперешним выданым, о то, же позваные, любо то за ведомостю уряду нинешнего, коморы, крамницы их з товарами косматыми, в рынку киевском стоячые, притягаючи их ку себе, заровно з собою, до податку на тот час поборового оддаваня, позапечатовали, и тыхъ то товаровъ их заживат и продават им недопушчаютъ ку кривде и шкоде их немалой, а они того податку заровно

з ними складат не повинни для того, же сут под юрысдицыею бискупею, а не замковою, и для того, же они тые крамницы не у позваных, але у инших мешчан киевских, кождый собе зъ особна, наймуют; зачым домавлялисе, абы от того податку заровно з поводами были уволнены, и абы крамницы их, яко неслушне позапечатованые, были отпечатованые, и абы позваныхъ шкоды им, за неуживанемъ и непредаванемъ тых товаровъ своих для запечатованя их, и каждому з особна нагорожат были наказаные.

А позваные, справуючисе на жалобу поводов, покладали привилей короля его милости Жикгимонта Третего, под датою в Варшаве, на сейме валном коронном, дня третего стычня, року тисеча петсот деветдесят першого, на певные артикулы, въ том привилею спецификованые, всим ремеслником в Киеве наданый, въ котором особливе тот параграф показовали, абы се жаден ремесник иншим урядом, опроч замкового, не закладал; покладали потом тогож короля его милости, под датою въ Кракове, дня дванадцатого червъца, року тисеча петсот деветдесят второго, лист, до велможного Костантого Костантиновича княжати Острозского, воеводы киевъского, писаный, о том, абы он в месте Киеве всих ремесниковъ до порядку цехового, ведлуг помененого привилею, и до сполного тяжару привел, а з непослушных абы неодвлочную справедливост учинил; за которымъ листомъ покладали декрет его милости пана Михаила Мышки-Холоневского, ротмистра его кор. милости, подвоеводего киевского, до книг кгродских киевских актикованый под датою в Киеве, дня двадцатого октобра, року тисеча шестсот одиннадцатого, в такой же матерыей власне, межы непослушными ин енере в Киеве всими ремеслъниками а послушными сталый, и на непослушных по тридцати золотых на замок и до скрынки цеховое заруки заложоные, тыле крот, иле бы се о то справа приточит мела. Выводили и то, же тые поводове, кгды се ремесла учит давали, в реестры цеховые вписовали; а кгды се з ученъя ремесла вызволяли и, хотячи майстрами зостават, цех еднали, и кождый з них з особъна цехови ремесла своего на вшелякое послушенство и на сполные тежары присегу телесную выконывали; до того, кгды которые з них с тых же поводов у всих цехов волности кролевские на безмытное торговане брали, з особна всим нам цехам присегу телесную выконывали; на остаток, тые ж поводове аж и до того часу намъ послушны были, сполные тежары заровно з нами и неспречне потягивали, а тепер, снат, спротивляючисе привилеови его кор. милости и порядком, въ нем описаным, тудеж и декретови его милости пана Холоневского, подвоеводего, а ни се огледаючы на заруку, в том декрете

описанную, и на присегу свою, упорне того податку посполу з нами не. отдават усилуют се; зачим, домовляли се и просили, абы от жалобы поводов уволнени были, а при правах своих и при давном сполного с поводами вшеляких тежаров потягиваня уживаня захованы были.

Поводове о том пункте в привилею, през поводов показованого, абы се не мели иншим урядом обоим, кром замкового, закладат, такъже на декрете пана Холоневского, подвоеводего, а ни о заруце, в нем описаной, до веденя о том не зналисе, албо рачей запомненем вымовлялисе.

Я, уряд, сторон обох статечне выслухавшы и оные добре вырозумевшы и уважившы, а припатрившисе въ привилею его кор. милости, презъ позваных показываного, к тому пунктови, которым жадному ремесникови иншим урядом, кром замкового, в справах цеховых закладат се не позволяют, тудеж и декретови власне о такое же матерыей его милости пана Холоневского и заруце, в нем заложоной, на остаток, присезе поводоз позваным и звычаови албо давному сполного поношеня тежаров поводов з позваными, иж се поводове до вѣданя того пункту в привилею, абы се не мели иншим урядом своим, кром замкового, взглядом зкладокъ з цехами закладат, также о декрете пана Холоневского, подвоеводего, а ни о заруце, в нем заложоное, ведат не знали се албо рачей запомненем о том вымовляли се,—теды их для того на тот час од заруки вызволяю; позваных от скарги их волных чиню, при правах их и давном звычаю и захованю зоставую, з декретом се пана Холоневского, подвоеводего, згожаюсе, теперешний податок и завше иншые на потом будучые тежары поводом з позваными поносити наказую, а то юж под совитым закладом, в декрете пана Холоневского подвоеводего, менованым, и нагорженем шкод позваным. Што все на потомные часы приводячы, тую справу для памяти до книг справ урядовыхъ замку короля его милости Киевского записат казалем,—и ест записана; на што и тот выпис, под печатю и с подписом руки моее урядовое, ест выдан.—Писан на замку Киевском.

У того декрету выпису его мл. пана Млотковского подпис руки тыми словы: Янъ Млотковский, наместник Киевский.

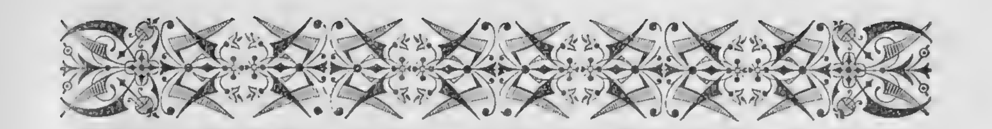
До kopij przepisu podpisalemsie je. mc. pana Mlotkowskiego Jerzy Kochanowsky, n. z. K.

(Печат пана Млотковского, наместника Киев.).

(М. П.).

(Изъ отдѣльныхъ документовъ Кiев. Центр. Архива).

И. Каманинъ.



Юридическій бытъ Генуэзскихъ колоній на Черномъ морѣ во второй половинѣ XV в.

Послѣ взятія Константинополя турками и разгрома ими Перы и Галаты, великая соперница республики св. Марка, Генуя, не нашла другого способа обезпечить независимость своихъ владѣній на Крымскомъ полуостровѣ и Кавказскомъ побережьи, какъ передать ихъ въ завѣдываніе частной компаніи банкировъ. Эта компанія подъ именемъ банка св. Георгія не разъ кредитовала значительныя суммы правительству, не считавшему возможнымъ разсчитаться съ нею иначе, какъ уступкой въ ея пользу части своихъ налоговыхъ поступленій. Къ откупу податей члены банка св. Георгія присоединили со временемъ владѣніе нѣкоторыми землями Генуи, какъ то: городомъ Вентимиліей, на Средиземноморской Ривьерѣ, и завоеванной генуэзцами Корсикой. Передача банку черноморскихъ колоній была поэтому не болѣе, какъ дальнѣйшимъ примѣненіемъ той самой системы, благодаря которой банкъ уже сосредоточилъ въ своихъ рукахъ администрацію многими подчиненными Генуѣ территоріями.

За нѣсколько лѣтъ до этого событія правительствомъ метрополіи изданъ былъ новый уставъ для колоній, а именно: въ 1449-мъ году. Этотъ уставъ предстояло теперь примѣнять на практикѣ. Его изученіе и составитъ нашу ближайшую задачу. Разбираемый памятникъ не можетъ считаться древнѣйшимъ изъ статутовъ, данныхъ Генуей ея черноморскимъ владѣніямъ. Историку Канале удалось открыть, если не текстъ болѣе ранняго статута отъ 1290 года, то, по крайней мѣрѣ, указатель заключавшихся въ немъ нормъ [1]). Тотъ же Канале приво-

[1]) Canale, Nuova storia della Republica di Genova, t. II, стр. 415, и его же Della Crimea, t. I. См. также Monumenta di storia patria, t. III. Leges. Appendice. Officium Gazariae, стр. 378.

дитъ отрывки изъ другого, болѣе поздняго статута отъ 1316 года, въ которомъ подробно говорится о правахъ и обязанностяхъ консула Каффы. Помимо названныхъ источниковъ генуэзское законодательство содержитъ въ себѣ еще цѣлый уставъ, регулирующій права и обязанности чиновниковъ, въ вѣдѣніи которыхъ, какъ значится, была Хазарія, т. е. Крымъ, получившій это имя отъ временно занимавшихъ его хазаръ. Этотъ уставъ, или capitolare, содержитъ въ себѣ 49 постановленій и редактированъ былъ въ 1290 году. Въ немъ за отдѣльными мѣстностями Крыма, поставленными подъ власть Генуи, признано было право выбора управлявшихъ ими властей. Такъ какъ жители Каффы чрезъ посредство особыхъ пословъ ходатайствовали у Генуи о подчиненіи своему консулу всѣхъ другихъ правителей Хазаріи, то 10-го апрѣля 1398 года изданъ былъ указъ, перенесшій въ руки консула и совѣта въ Каффѣ право назначенія всѣхъ мѣстныхъ властей, за исключеніемъ однако консуловъ Лимиссо, Чембало (нынѣшней Балаклавы), Трапезунда и Амастріи. То же исключеніе распространено было въ слѣдующемъ году и на консуловъ Таны и Солдаи (нынѣшняго Судака) [2].

Въ началѣ XV-го вѣка Генуя признала нужнымъ реформировать внутреннюю администрацію своихъ колоній. Въ 1416 году заходитъ въ ней рѣчь о выборѣ шести гражданъ, трехъ изъ дворянъ и трехъ изъ простонародья, для выработки новыхъ постановленій, благопріятныхъ торговлѣ и мореплаванію и способныхъ искоренить злоупотребленія, вкравшіяся въ колоніальную администрацію.

Самый статутъ 1448—9 года не имѣетъ въ виду надѣлить черноморскія колоніи Генуи особымъ законодательствомъ, гражданскимъ и уголовнымъ. Въ немъ на каждомъ шагу упоминается объ обязанности властей соблюдать статуты Генуи и уставы (capitolari), регулирующіе права и обязанности отдѣльныхъ сановниковъ республики [3]. На статутъ 1448—9 года необходимо поэтому смотрѣть не какъ на общее законодательство, а какъ на кодификацію постановленій преимущественно административнаго характера, изданныхъ въ разное время для черноморскихъ колоній и имѣвшихъ въ виду положить конецъ разнымъ нестроеніямъ, невыгодно отражавшимся на судьбѣ отдаленныхъ владѣній Генуи.

Это обстоятельство не лишаетъ насъ возможности составить себѣ, съ помощью разсѣянныхъ въ нашемъ памятникѣ подробностей,

[2]) Canale. Della Crimea, т. I, стр. 375.

[3]) Такъ, напр., о консулѣ Каффы говорится въ § 21, что въ присягѣ, даваемой имъ при поступленіи на службу, спеціально должно быть оговорено, quod observabit regulas presentes et statuta civitatis Janue.

довольно отчетливое представленіе о тѣхъ порядкахъ, какихъ республика придерживалась при управленіи своими колоніями. Сопоставляя отдѣльныя нормы статута 1448 года съ болѣе ранними, а также съ государственными и административными порядками самой Генуи, намъ легко будетъ прослѣдить за постепеннымъ развитіемъ и измѣненіемъ колоніальнаго законодательства и черноморской администраціи. Общее впечатлѣніе, какое выносишь изъ текста разбираемаго памятника,—это перенесеніе метрополіей цѣликомъ руководящихъ принциповъ ея внутренняго устройства въ отдаленныя земли, которыя были слабо заселены генуэзскими выходцами [4]) и въ которыхъ поэтому приходилось бы повидимому считаться съ разноплеменнымъ составомъ жителей, съ ихъ исконными правами и обычаями. Туземное населеніе составлено было не изъ однихъ татаръ, но также изъ подчиненныхъ имъ племенъ, ранѣе занимавшихъ этотъ край. Если между этими племенами уже трудно было отличить половцевъ и хазаръ, то того же нельзя было сказать о сарацинахъ и туркахъ, грекахъ, армянахъ, евреяхъ и, отдѣльно отъ нихъ, караимахъ, наконецъ, о казакахъ, на которыхъ имѣется прямое указаніе въ текстѣ нашего источника [5]).

Многія изъ перечисленныхъ народностей имѣли отличную отъ генуэзцевъ вѣру и свои законы и обычаи. Разбираемый памятникъ самъ дѣлаетъ указаніе на этотъ счетъ, когда говоритъ о столкновеніяхъ, возникающихъ между католическимъ епископомъ, съ одной стороны, греками, армянами, евреями и прочими иновѣрцами, съ другой [6]). Такія столкновенія начались еще до перехода Каффы и другихъ черноморскихъ колоній въ завѣдываніе банка св. Георгія. Поводомъ къ нимъ служило понятное стремленіе католическаго священства къ упро-

[4]) Въ одномъ анонимномъ отчетѣ о взятіи Каффы въ 1475 г. турками и татарами говорится, что число „латинянъ“ въ городѣ было весьма незначительно. Atti della societta ligura, т. VII, ч. 2-ая, стр. 480. Еще ранѣе въ 1473 г. протекторы банка св. Георгія въ обращеніи къ мѣстнымъ властямъ Каффы пишутъ: „intelligimus exiguum numerum civium hoc tempore ibi inveniri“. (Atti della società ligura du storia patria, т. VII, ч. II, стр. 53; документъ за № 1072).

[5]) Предвидя случай захвата вражьего имущества въ Солдаѣ (теперешнемъ Судакѣ), статутъ предписываетъ слѣдующій его раздѣлъ: одна четверть захваченнаго поступаетъ въ руки мѣстнаго консула, а остающіяся затѣмъ три четверти дѣлятся пополамъ между судакской общиной и казаками (inter comune et cazachos). См. также ст. De prediis fiendis per terram, гдѣ заходитъ снова рѣчь о casachi, забирающихъ скотъ у татаръ.

[6]) Онъ предвидитъ даже, что отъ такихъ столкновеній неизбѣжно послѣдуетъ сокращеніе числа жителей, какъ въ самой Каффѣ, такъ и въ ея предмѣстіяхъ.

ченію единовѣрія и не менѣе упорное желаніе грековъ и армянъ сохранить свою религіозную обособленность. Обѣ народности имѣли каждая своего епископа. Что касается до католиковъ, то они получили его не ранѣе 1316 года [7]). Архіепископу подчиненъ былъ причетъ 17-ти имѣвшихся въ Каффѣ въ 1449 году римско-католическихъ церквей, не считая частной капеллы консула. Греки и армяне подчинены были, первые—митрополиту судакскому, вторые—имѣвшемуся въ Каффѣ особому епископу. Еще въ 1316 году насчитывалось въ Каффѣ три армянскихъ храма, расположенныхъ въ особомъ кварталѣ, занятомъ почти исключительно ихъ прихожанами. Кромѣ греческихъ церквей, имѣлись еще и русскія—„ecclesiae rossorum“. Особый, греческій, въ окрестностяхъ Каффы, монастырь, посвященный апостолу Петру, упоминается одной грамотой 1366 года [8]).

Въ Статутѣ 1448-9 года передается слухъ о томъ, что католическій епископъ Каффы „тревожитъ, притѣсняетъ разновѣрцевъ и производитъ съ нихъ всякія вымогательства; послѣдствіемъ можетъ быть обезлюденіе города и его предмѣстій“. Эти притѣсненія и вымогательства, какъ можно заключить изъ довольно темныхъ выраженій нашего источника, вызываемы были желаніемъ католическаго епископа присвоить себѣ права, принадлежавшія духовному начальству грековъ и армянъ, а также „опустить руку на жатву чужой націи“ (in alterius nationis messem ponere manus, § 358), по картинному выраженію нашего памятника. Составитель Статута совѣтуетъ епископу воздержаться впредь отъ подобныхъ дѣйствій; ему надлежитъ „довольствоваться исправленіемъ своей собственной паствы и утвержденіемъ ея на пути справедливости и истины“. На консула, какъ главнаго управителя Каффы, и на его совѣтъ возложена обязанность зорко слѣдить за соблюденіемъ каждымъ границъ его подсудности. Греки, армяне, евреи и другіе иновѣрцы должны быть защищены отъ посягательствъ на присвоеніе имуществъ въ случаѣ смерти безъ завѣщанія, а также и отъ всякихъ другихъ притѣсненій со стороны католическаго епископа (§ 359).

Въ числѣ евреевъ, упоминаемыхъ Статутомъ, особое мѣсто занимали караимы, какъ извѣстно, отличающіеся тѣмъ, что они отвергаютъ Талмудъ и слѣдуютъ предписаніямъ одной Библіи. Г. Юргевичъ указываетъ на то, что эти караимы попали въ Крымъ изъ Персіи; прочіе

[7]) Canale. Dela Crimea, т. I, стр. 210.

[8]) См. Записки Одесск. Общ. Исторіи и Древностей, т. V, стр. 827, примѣч., сдѣланное В. Юргевичемъ къ тексту Устава для генуэзскихъ колоній на Черномъ морѣ отъ 1449 года.

же евреи жили въ немъ въ значительномъ числѣ еще во времена хазаръ; они вошли по всей вѣроятности въ составъ первыхъ поселенцевъ Каффы. Помимо названныхъ народностей, въ Каффѣ жили еще валахи, русскіе, поляки, грузины и черкесы. Въ русскихъ лѣтописяхъ говорится о купцахъ русскихъ, или „гостяхъ московскихъ", погибшихъ при взятіи турками города въ 1475 году. Что ихъ появленіе въ теперешней Ѳеодосіи относится еще къ XIV вѣку, если не ранѣе, слѣдуетъ изъ того, что въ одномъ актѣ при обложеніи налогомъ жителей генуэзскихъ владѣній въ Крыму, актѣ отъ 30 августа 1318 года, упоминаются и русскіе храмы [9]).

Греки настолько расходились въ своихъ обычаяхъ и привычкахъ, съ „латинянами", т. е. италіанцами, что для нихъ имѣлись въ Каффѣ особые нотаріусы, выборомъ которыхъ и занимается одинъ изъ параграфовъ нашего Статута; изъ него же мы узнаемъ, что паруса грековъ легко можно было отличить отъ италіанскихъ по ихъ четыреугольной формѣ (треугольная была обычной у латинянъ). § 664, говоря о греческихъ маклерахъ („tabeliones"), признаетъ для нихъ обязательнымъ соблюденіе старинныхъ обычаевъ, въ томъ числѣ обычая, состоящаго въ напоминаніи лицамъ, составляющимъ завѣщаніе, объ отказѣ части ихъ имущества въ пользу города. Число греческихъ нотаріусовъ, или маклеровъ, такъ расплодилось за послѣднее время и между ними, по словамъ Статута, такъ много людей глупыхъ, невѣжественныхъ и неспособныхъ отправлять свои обязанности, что власти Каффы признаютъ полезнымъ не допускать впредь присутствія въ городѣ болѣе десяти грековъ, отправляющихъ эту обязанность по избранію ихъ единоплеменниковъ и съ утвержденія консула.

Подъ именемъ сарацинъ Статутъ разумѣетъ всѣхъ мусульманъ вообще; въ числѣ ихъ особое мѣсто занимаютъ турки. И тѣ, и другіе одинаково лишены права держать оружіе (§ 95). Для сношеній съ ними консулъ обязанъ имѣть особаго переводчика и особаго писца, знакомаго съ языкомъ арабскимъ. Статутъ говоритъ о „litterae Saracenorum" (см. §§ 149—153).

Если прибавить ко всѣмъ перечисленнымъ народностямъ еще нерѣдко посѣщавшихъ Каффу уроженцевъ Грузіи, мингрельцевъ, черкесъ, трапезундцевъ, валаховъ, наконецъ, западныхъ купцовъ, извѣстныхъ подъ именемъ франковъ, то легко можно будетъ понять всѣ трудности, какія представляло управленіе этой пестрой массою народностей, несходныхъ между собою ни по языку, ни по религіи, ни по юриди-

[9]) Записки Одесскаго Общ. Исторіи и Древностей, т. V, стр. 828.

ческимъ обычаямъ. А между тѣмъ это управленіе, ввѣренное всецѣло италіанскимъ чиновникамъ, наполовину уроженцамъ Генуи, наполовину уроженцамъ Каффы, было построено на демократическихъ принципахъ краткосрочности полномочія, избираемости, коллегіальности, строгой отчетности въ дѣйствіяхъ, предпринимаемыхъ по службѣ, и денежной отвѣтственности за нарушеніе чужихъ интересовъ,—отвѣтственности, признаваемой каждый разъ своего рода судебно-административными органами, такъ называемыми „синдиками".

Что всѣ только что перечисленные мною принципы дѣйствительно были положены въ основу колоніальныхъ учрежденій Каффы, въ этомъ легко убѣдиться изъ чтенія тѣхъ статей разбираемаго нами памятника, которыя говорятъ о порядкѣ назначенія и функціяхъ отдѣльныхъ властей. Управленіе организовано болѣе или менѣе одинаково и въ Каффѣ, главѣ черноморскихъ колоній, и въ мѣстностяхъ, получавшихъ изъ нея своихъ главныхъ администраторовъ, или консуловъ. Въ числѣ такихъ поселеній мы находимъ Судакъ, извѣстный нашему памятнику подъ названіемъ „Soldaia", Чембало́ (нынѣшнюю Балаклаву), Трапезундъ, Коппу (по-латыни lo Coppa), городъ расположенный на рѣкѣ Кубани, въ 280 италіанскихъ миляхъ отъ ея устья [10]), Тану, на мѣстѣ теперешняго Азова, Синопъ въ Сиріи и Севастополь на Кавказскомъ берегу. Я не упоминаю о Самастрѣ, теперешней Амассрѣ, такъ какъ этотъ городъ разбираемымъ нами памятникомъ снова подчиненъ былъ генуэзскому кварталу Константинополя—Перѣ (см. § 91). Начальство надъ всѣми только что перечисленными колоніями не только назначалось въ Каффѣ, но и подчинено было ея главному правителю—консулу. Но мѣстное населеніе не вполнѣ было устранено отъ участія въ управленіи и ставило своихъ добрыхъ и честныхъ мужей, своихъ „массаріевъ", или казначеевъ, своихъ старѣйшинъ, или „анціановъ", и своихъ совѣтниковъ, по отношенію къ которымъ консулъ въ Каффѣ имѣлъ одно право утвержденія въ должности. Это право принадлежало ему въ томъ смыслѣ, что изъ кандидатовъ, представленныхъ общинами, онъ давалъ предпочтеніе тѣмъ или другимъ, и самъ опредѣлялъ ихъ на службу. Приведемъ въ доказательство сказаннаго нѣсколько отрывковъ изъ самаго Статута. Въ Судакѣ консулъ, въ сообществѣ 8 лучшихъ мужей (octo homines ex melioribus dicti loci), выбираетъ ежегодно 1-го марта двухъ честныхъ мужей, „probi viri", изъ которыхъ одинъ долженъ быть латиняномъ, т. е. католикомъ, а другой грекомъ, или православнымъ; избранные завѣдуютъ распредѣленіемъ

[10]) Записки Одесскаго Общ. Исторіи и Древностей, т. V, стр. 385, прим. 144.

воды между владѣльцами виноградниковъ (§ 498). Тотъ же консулъ тотчасъ послѣ вступленія въ должность созываетъ чрезъ глашатая всѣхъ мѣщанъ и жителей Судака (omnes burgenses et habitatores Soldaiae) въ особое присутственное мѣсто (logia communis); здѣсь имъ предоставляется выбрать четырехъ добрыхъ и честныхъ мужей, способныхъ къ добросовѣстному несенію службы и достаточныхъ по состоянію; имена этихъ четырехъ лицъ доводятся до свѣдѣнія консула Каффы и его совѣтниковъ; послѣдніе же выбираютъ одного изъ нихъ въ сотники (centuriones). Правителями надъ отдѣльными селами, въ числѣ восемнадцати, консулъ Судака назначаетъ лицъ, на которыя ему будетъ указано выборомъ большинства жителей этихъ селъ (ad requisitionem maioris partis hominum dictorum casalium). Эти сельскіе начальники носили названіе „proti"; одно ихъ утвержденіе принадлежало консулу. Храненіе оружія и съѣстныхъ припасовъ поручалось въ Судакѣ также выборнымъ отъ общества, въ числѣ двухъ человѣкъ, одного—латинянa, а другого—грека. Они образовывали изъ себя своего рода попечительный совѣтъ—„Officium provisionis".

Итакъ, сельская администрація, какъ и начальство надъ милиціей, сосредоточивались въ Судакѣ въ рукахъ мѣстныхъ жителей. То же въ равной, или даже бо́льшей степени, можетъ быть сказано о Балаклавѣ. Статутъ говоритъ о четырехъ старѣйшинахъ, или анціанахъ, избираемыхъ на годъ, и о двухъ казначеяхъ, или „массаріяхъ", изъ которыхъ одинъ долженъ быть генуэзскимъ гражданиномъ, а другой мѣстнымъ уроженцемъ. Въ Коппѣ мы также встрѣчаемъ въ числѣ „массаріевъ", или казначеевъ, двухъ грековъ и двухъ латинянъ; совѣтники консула, въ числѣ двухъ латинянъ и одного грека, выбираются изъ числа лицъ, наиболѣе извѣстныхъ и зажиточныхъ, „ex melioribus". Наконецъ, въ Танѣ консулъ по своемъ прибытіи самъ назначаетъ изъ числа поселенцевъ двухъ казначеевъ. Помимо выбора властей, мѣстные купцы принимаютъ участіе въ управленіи, напримѣръ, въ томъ смыслѣ, что вмѣстѣ съ консуломъ Коппы устанавливаютъ плату на рыбу, главный предметъ торговли. Статутъ прямо говоритъ о томъ, что только въ сообществѣ всѣхъ купцовъ или бо́льшей части ихъ консулъ можетъ „ponere pretium piscibus, quod nominatur liga". Отмѣтимъ при этомъ, что не во всѣхъ генуэзскихъ колоніяхъ на Черномъ морѣ проведено было въ равной мѣрѣ участіе населенія въ администраціи; въ Балаклавѣ, напримѣръ, вовсе нѣтъ упоминанія о мѣстномъ самоуправленіи; въ Танѣ на должность массаріевъ попадаютъ лица по выбору консула, и то же, повидимому, имѣло мѣсто въ Коппѣ. Мы не имѣемъ также основанія говорить о какомъ-либо участіи въ дѣлахъ мѣстнаго

населенія въ древнемъ Херсонесѣ—Корсуни русскихъ, извѣстномъ нашему Статуту подъ названіемъ „Gorzonium“, а также въ Партенитѣ (Pertinica), лежащемъ у самой подошвы Аю-дага, или Медвѣдь-Горы, въ Ялтѣ (Jalita) и Алуштѣ (Lusca) [11]).

Тогда какъ въ подчиненныхъ колоніяхъ управленіе было почти всецѣло въ рукахъ поставленнаго консула, его совѣтниковъ, казначеевъ и частью сельскихъ старостъ, частью выборныхъ или назначенныхъ консуломъ полицейскихъ чиновниковъ и начальниковъ надъ милиціей, въ главномъ городѣ черноморскихъ владѣній, въ Каффѣ, администрація отличалась относительно большею сложностью. Она возникла впрочемъ только какъ послѣдствіе довольно продолжительнаго развитія. Въ XIII вѣкѣ консулъ со своимъ совѣтомъ и съ имъ же самимъ назначаемымъ казначеемъ завѣдывали еще одни всѣми дѣлами колоніи. Въ это время въ Каффѣ, какъ и въ большинствѣ италіанскихъ муниципій, продолжали держаться слѣды народнаго вѣча, такъ называемой aringa, или parlamentum. Вотъ почему одинъ изъ § Статута 1316 года, повторяя болѣе ранніе постановленія, текстъ которыхъ не дошелъ до насъ, распоряжается о созывѣ консуломъ, вслѣдъ за прибытіемъ его въ Каффу, общаго схода, „parlamentum“. На этомъ сходѣ консулъ читаетъ текстъ своихъ полномочій и передаетъ приказы, полученные имъ изъ метрополіи. Другимъ актомъ вновь прибывшаго консула является выборъ, въ сообществѣ совѣта двадцати четырехъ, упоминаемаго еще въ Статутѣ 1290 года [12]), новыхъ уполномоченныхъ. Какъ консулъ, такъ и члены приставленныхъ къ нему двухъ совѣтовъ—только что упомянутаго и совѣта шести, остаются въ должности не болѣе года. О такомъ срокѣ упоминаетъ еще Статутъ 1290 года; онъ вѣроятно установленъ былъ съ самаго начала, т. е. съ середины XIII ст., когда, какъ думаетъ Канале, уже имѣлись консулы въ Каффѣ [13]). Въ Статутахъ 1290 и 1316 гг. одинаково говорится о двухъ совѣтахъ консула: о совѣтѣ шести и совѣтѣ

---

[11]) См. главу нашего Статута „De electione Officii Provisionis“, § 6.

[12]) Отъ этого Статута дошли до насъ только заглавія отдѣльныхъ статей. Одно изъ нихъ гласитъ: De electione XXIV consiliariorum. См. Canale, Исторія Генуи т. II, стр. 415, примѣчаніе.

[13]) Canale говоритъ, что древнѣйшимъ консуломъ Каффы нельзя считать Paolino Doria, отправлявшаго свою должность въ 1288 году, такъ какъ въ одной надписи встрѣчается упоминаніе о консулѣ, дѣйствовавшемъ въ 1263 году; къ тому же Статутъ 1316 года говоритъ о судебныхъ консулахъ въ Генуѣ, послѣдніе же отмѣнены были въ 1257 году; поэтому мы въ правѣ отнести упоминающую о нихъ норму ко времени, предшествовавшему этому году.

двадцати четырехъ. Первый, очевидно, былъ тѣснымъ совѣтомъ; второй же — совѣщательнымъ учрежденіемъ, повидимому значительно ограничивавшимъ свободу дѣйствій консула. Одна статья Устава 1316 года прямо говоритъ, что консулъ не можетъ принять никакого важнаго рѣшенія, если $^{2}/_{3}$ совѣта двадцати четырехъ не выскажутся въ пользу его принятія. Въ обоихъ совѣтахъ мѣстному населенію дано лишь слабое представительство: изъ 6 административныхъ помощниковъ консула только одинъ могъ быть гражданиномъ Каффы, а въ совѣтѣ двадцати четырехъ всего лишь четверо могли не быть уроженцами Генуи. При выборѣ совѣтниковъ предписано было давать равное представительство дворянамъ и простонародью. Совѣтъ пополнялся путемъ ежегодно повторяющихся выборовъ. Лица, занимавшія должности совѣтниковъ въ теченіе года, не могли вернуться на прежнія мѣста ранѣе двухъ лѣтъ по окончаніи срока службы. Замѣчательно, что въ числѣ предметовъ, рѣшеніе которыхъ спеціально предоставлено было Совѣту 24-хъ еще Статутомъ 1290 года, стоитъ обложеніе жителей налогами. Одна изъ рубрикъ этого Статута гласитъ буквально: „De non facere collectam nisi consilio“, что̀ въ переводѣ значитъ — не дѣлать никакого сбора безъ совѣта. Если прибавить къ этому, что въ другой рубрикѣ значится: „консулы не могутъ ничего затрачивать безъ совѣта“, то мы въ правѣ будемъ прійти къ тому заключенію, что вся сфера обложенія была ввѣрена заботливости совѣщательнаго учрежденія смѣшаннаго состава и имѣвшаго подобіе представительнаго. Если мы зададимся вопросомъ, по какому образцу устроены были совѣты Каффы, то, вслѣдъ за Канале, намъ придется признать прототипомъ ихъ учрежденія самой Генуи. Правда, въ XIII вѣкѣ Генуя, подобно большинству италіанскихъ муниципій, имѣла уже своего призываемаго извнѣ верховнаго сановника, или „podesta“, но въ періодъ времени, предшествовавшій образованію лиги ломбардскихъ и тосканскихъ городовъ противъ Фридриха Барбароссы и пораженію имперскаго войска городскими ополченіями въ битвѣ при Леньяно, Генуя имѣла своихъ консуловъ, заодно съ Миланомъ, Бресчіей, Бергамо, Кремой, Тортокой, Мантуей и Моденой. Рядъ консуловъ Генуи идетъ съ 1095 г.; они выбирались народной сходкой, или вѣчемъ, такъ называемымъ „parlamentum“, повидимому путемъ двойныхъ выборовъ. Съ 1122 г. такіе выборы повторяются ежегодно. Наряду съ консулами, завѣдывавшими администраціей республики, мы встрѣчаемъ съ первой четверти XII столѣтія и такихъ, которымъ ввѣрено было правосудіе. Должность этихъ консуловъ была однако упразднена въ 1257 г. Какъ позднѣе въ Каффѣ, такъ вѣкомъ ранѣе въ Генуѣ, консулъ главнаго

города опредѣлялъ на должность консуловъ зависимыхъ муниципій и бурговъ, или мѣстечекъ, на протяженіи всей такъ называемой Ривьеры, отъ Portovenere до Monaco включительно. Генуэзскіе консулы, подобно каффскому, имѣли свои совѣты и предсѣдательствовали на нихъ. Только при участіи совѣта могли консулы заключать договоры отъ имени республики: мнѣніе совѣта, повидимому, испрашивалось и въ дѣлахъ финансовыхъ [14]). Рядомъ съ народнымъ сходомъ, или parlamentum, созываемымъ ударами въ городской колоколъ, въ Генуѣ имѣлось два совѣщательныхъ учрежденія: одно извѣстно было подъ названіемъ большого, другое подъ названіемъ малаго совѣта; помимо ихъ, существовала еще такъ называемая „credenza", составленная изъ ближайшихъ административныхъ помощниковъ консула, связанныхъ обѣщаніемъ хранить въ тайнѣ поручаемыя имъ дѣла, откуда и самое названіе лицъ, пользующихся довѣріемъ. Канале относитъ происхожденіе этой credenza къ 1181 году. Я не буду останавливаться на вопросѣ о томъ, какъ составляемы были большой и малый совѣты республики и ограничусь общимъ замѣчаніемъ, что оба учрежденія были представительными, что члены ихъ попадали на свои мѣста по выбору и что къ участію въ совѣтахъ призываемы были въ равной мѣрѣ и дворяне, и недворяне [15]).

Послѣ всего сказаннаго не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что первоначальная организація Каффы была, по крайней мѣрѣ въ ея главныхъ чертахъ, снимкомъ съ генуэзскихъ порядковъ. Но если учрежденія Каффы на первыхъ порахъ представляли большое сходство съ генуэзскими въ эпоху консулата, то они заключали въ себѣ также и всѣ задатки позднѣйшаго устройства, болѣе сложнаго и выработаннаго, съ которымъ мы и встрѣчаемся въ Статутѣ 1449 года. Такъ, уже въ началѣ XIV вѣка, какъ слѣдуетъ изъ текста Статута 1316 года, имѣется въ Каффѣ особый институтъ синдиковъ, своего рода административныхъ судей и финансовыхъ контролеровъ, передъ которыми отвѣтственны консулы и всѣ другія власти города. Эти синдики выбирались членами тѣснаго совѣта 6-ти человѣкъ; они же каждые 3 мѣсяца выбирали второстепенныхъ агентовъ, въ числѣ которыхъ по всей вѣроятности имѣлся и будущій казначей, или „массарій", колоніи.

Уже въ Статутѣ 1316 года приняты мѣры противъ возможныхъ злоупотребленій консула при отправленіи какъ административныхъ, такъ финансовыхъ и судебныхъ функцій. Ему опредѣлено было мѣ-

[14]) См. Canale, Исторія Генуэзской Республики, т. I, стр. 246—251.

[15]) ibid, стр. 261-и слѣдующія.

сячное жалованіе въ 200 аспровъ [16]). Сверхъ этого жалованія, консулъ получалъ ежемѣсячно такую же сумму денегъ на содержаніе 4-хъ подчиненныхъ ему приставовъ, извѣстныхъ статуту подъ наименованіемъ servi. Первые четыреста аспровъ жалованія уплачиваемы были городомъ, остальные поступали изъ суммы откупа косвенныхъ налоговъ (gabellae). Въ обезпеченіе добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей консулъ вносилъ залогъ въ 1000 лиръ; только послѣ такого предварительнаго платежа слѣдовало опредѣленіе его на службу. Строжайшимъ образомъ запрещалось консулу принимать какіе бы то ни было подарки, превышающіе 10 солидовъ. Всякія издержки на устройство пиршествъ, на покупку должностыхъ одѣяній и т. п., разъ онѣ не были предписаны изъ Генуи, падали на его счетъ. Всѣ косвенные сборы сдаваемы были консуломъ на откупъ съ публичныхъ торговъ. Самъ консулъ, ни лично, ни подъ чужимъ именемъ, не могъ принимать никакого участія въ откупѣ. Косвенные сборы могли быть увеличиваемы или уменьшаемы консуломъ, сообразно обстоятельствамъ, но не болѣе, какъ на мѣсяцъ, и подъ условіемъ согласія на то трехъ четвертей совѣтниковъ. На общественную казну издержки, произведенныя консуломъ, падали только въ томъ случаѣ, если онѣ были одобрены двумя третями членовъ Совѣта двадцати четырехъ.

Всякаго рода тяжбы вѣдались консуломъ въ упрощенномъ порядкѣ, безъ соблюденія судебныхъ формальностей и помимо всякаго письмоводства; при этомъ подготовка рѣшенія предоставляема была двумъ выбираемымъ сторонами посредникамъ; при разногласіи между ними, консулъ назначалъ третьяго, и дѣло рѣшалось большинствомъ голосовъ. Никакой апелляціи на рѣшенія такого трибунала, какъ и на рѣшенія самого консула, не допускалось. При консулѣ имѣлся письмоводитель, назначаемый въ Генуѣ изъ числа нотаріусовъ, имена которыхъ были занесены въ списокъ членовъ соотвѣтственнаго цеха. При поступленіи на службу этотъ нотаріусъ вносилъ залогъ въ 300 лиръ. Если письмоводитель считалъ нужнымъ избрать себѣ помощника, то выборъ его могъ пасть только на уроженца Генуи.

Въ то же время генуэзцамъ запрещалось участвовать въ откупѣ собираемыхъ въ Каффѣ налоговъ и заниматься частнымъ чеканомъ. Чеканъ составлялъ монополію генуэзскаго правительства [17]). Въ Уста-

[16]) Монета, бывшая въ ходу среди греческаго населенія Каффы. Она приблизительно имѣла покупательную силу двухъ генуэзскихъ солидовъ. Canale, т. II, стр. 416.

[17]) Сравни Canale, Della Crimea, т. I, стр. 257. Такъ наз. Devetum checarum (или zeccarum) восходитъ къ 1290 году. Онъ повторенъ статутомъ 1316 года.

вѣ Каффы отъ 1449 года прямо заходитъ рѣчь о summi currentes de Capha и объ aspri argenti de Capha. Г-нъ Юргевичъ отождествляетъ ихъ, вслѣдъ за Мурзакевичемъ, съ найденными въ Крыму серебряными и мѣдными монетами съ изображеніемъ генуэзскаго портала, или св. Георгія, патрона Генуи, на одной сторонѣ, и съ татарскою тамгою на другой. Такъ какъ въ Уставѣ 1449 года о монетномъ дворѣ въ Каффѣ и о правѣ ея чеканить монету не говорится ни слова, то есть основаніе думать,—пишетъ Г-нъ Юргевичъ,—что каффскія деньги чеканились въ Генуѣ. Такъ было по крайней мѣрѣ до 1453 года, когда колоніи въ Крыму, вмѣстѣ съ правомъ чеканить въ нихъ монету, перешли къ банку св. Георгія. Къ этому позднѣйшему времени слѣдуетъ отнести происхожденіе тѣхъ монетъ съ изображеніемъ св. Георгія, какія найдены были въ Крыму. Въ 1469 году въ книгахъ колоніальнаго казначейства, хранящихся въ архивѣ банка, прямо говорится о монетномъ дворѣ, какъ о существующемъ въ Каффѣ [18]).

Послѣ предварительнаго знакомства съ болѣе ранними статутами Каффы и ихъ генуэзскимъ прототипомъ, намъ легче понять ту сложную организацію внутренняго управленія, какую раскрываетъ предъ нами Уставъ 1448—9 года. Мы узнаемъ изъ него, что жалованіе консулу было значительно повышено и достигло цифры 500 сонмовъ въ годъ ходячею въ Каффѣ монетою. Сонмъ же равнялся 200 аспрамъ, по крайней мѣрѣ въ эпоху, близкую къ составленію изучаемаго нами памятника [19]). Въ одномъ постановленіи попечителей банка св. Георгія отъ 1459 года указана именно эта величина [20]).

Изъ получаемаго консуломъ жалованія часть уходитъ на оплату ночныхъ стражей и милиціонеровъ, именуемыхъ аргузіами, очевидно отъ того же корня, что французскій argousin [21]). Какъ и въ болѣе

---

[18]) См. Canale, Storia di Genova, т. IV, стр. 346 и Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т, V, стр. 819.

[19]) Canale (Della Crimea, т. I, стр. 252) говоритъ, что сонмъ заключалъ въ себѣ $8^1/_2$ унцій серебра. Объ этомъ прямо упоминается Pegollotti. Pratica della mercatura, стр. 37.

[20]) Слово sonmo переводится по-латыни summus и, подобно французской somme, означаетъ тяжесть,—тяжесть, представляемую слиткомъ серебра равной стоимости. Отъ генуэзцевъ татары научились называть свои слитки саумами. Г. Юргевичъ правъ поэтому, когда, вопреки Брунну, доказываетъ происхожденіе татарскаго прозвища монетъ отъ италіанскаго, а не наоборотъ. Записки Одесск. Общ. Истор. и Древн., т. V, стр. 820.

[21]) Сравни Canale, Della Crimea, т. I, стр. 261 и 262. Аргузіи были своего рода конной милиціей.

раннихъ статутахъ, консулъ въ уставѣ 1449 года признается неспособнымъ ни участвовать въ откупѣ налоговъ, ни принимать подарковъ.

Къ этимъ запретамъ присоединяется со временемъ новый—касательно занятія торговлей. Къ какому времени надо отнести эту попытку генуэзскихъ властей положить конецъ раздорамъ, порождаемымъ между купечествомъ Каффы и ея мѣстнымъ начальствомъ торговой конкуренціей, мы рѣшить не беремся. Во всякомъ случаѣ такого запрета не встрѣчается ни въ статутѣ 1290 года, ни въ томъ, который обнародованъ былъ 30 августа 1316 г. Такъ какъ венеціанскимъ консуламъ Таны еще въ XIV вѣкѣ не дозволялось веденіе комерческихъ операцій, то есть поводъ думать, что однохарактерныя нормы приняты были и въ генуэзскихъ колоніяхъ въ періодъ времени между 1316 и 1449 годами. Въ уставѣ этого года консулу, нарушившему такой запретъ, грозитъ штрафъ въ пять разъ превышающій сумму, вложенную имъ въ торговое предпріятіе. Чтобы содѣйствовать раскрытію фактовъ не только явнаго, но и скрытаго участія консула въ комерческихъ операціяхъ, Статутъ поощряетъ доносы: изъ поступающаго въ городскую казну штрафа четвертая часть отсчитывается въ пользу того, кто явился обвинителемъ; ему въ то же время гарантирована безопасность обѣщаніемъ сохранить его имя въ тайнѣ.

Такъ какъ по окончаніи консульской службы исполнявшій эту должность возвращался обязательно въ Геную[22]) и не было основанія препятствовать вывозу имъ товаровъ изъ колоніи, то отъ правила о незанятіи торговлею допущено было слѣдующее отступленіе: за четыре мѣсяца до оставленія имъ службы консулъ могъ затратить съ комерческою цѣлью все свое жалованіе, но не болѣе; онъ могъ закупить на него товаровъ или отдать сумму его подъ проценты (ad cambium dare). Отъ того и другого способа использованія жалованья могла воспослѣдовать только прибыль для комерческихъ операцій республики. Въ то же время не предвидѣлось отъ этого ни злоупотребленій, ни поводовъ къ недовольству со стороны купцовъ. Иное дѣло, если бы консулъ вздумалъ воспользоваться своимъ должностнымъ положеніемъ для производства спекуляцій въ самой Каффѣ, напримѣръ, въ формѣ скрытаго участія въ откупѣ налоговъ. Возобновляя старинныя нормы, уставъ 1449 года формально запрещаетъ сборщикамъ пошлинъ, такъ называемымъ „цензаріямъ", вступать въ какія-либо торговыя соглашенія съ

[22]) Canale. Della Crimea, стр. 253 и слѣд. Консулъ обязанъ былъ вернуться въ Геную на томъ же кораблѣ, на которомъ доставленъ былъ въ Каффу его преемникъ. Онъ могъ впрочемъ законтрактовать для этой цѣли и особое судно.

консулами (mercatum aliquod farcere, vel eos de aliquo mercato temptare). Этотъ запретъ распространяется и на всѣхъ прочихъ чиновниковъ финансоваго управленія, прежде всего ни казначеевъ, или массаріевъ, и членовъ особаго Officium monetae—своего рода Палаты Казначейства [23]). Консулъ обязанъ потребовать отъ нихъ присяги въ томъ, что они не будутъ имѣть никакого участія въ выгодахъ откупа.

Въ числѣ нормъ, такъ или иначе регулирующихъ дѣятельность консула, обращаютъ на себя вниманіе, во-первыхъ, тѣ, которыя запрещаютъ ему принимать подарки отъ туземныхъ, т. е. татарскихъ, правителей и вассаловъ (de aliqua persona, dominatione vel barone, § 10) [24]). Эта статья стоитъ въ кодексѣ 1449 года взамѣнъ слѣдующей изъ статута 1316 года: Консулъ обязанъ дать присягу въ томъ, что онъ не сдѣлается вассаломъ императора, или властителя, императрицы, или властительницы, Каффы, ни во время отправленія имъ должности, ни годъ спустя, что онъ не будетъ получать отъ нихъ никакой имущественной выгоды (beneficium); виновному грозитъ штрафъ въ 200 лиръ, потеря жалованія и лишеніе на 10 лѣтъ всякихъ почестей, служебныхъ отличій и имущественныхъ выгодъ [25]).

Только что приведенная норма болѣе наглядно раскрываетъ мотивы, вызвавшіе къ жизни запретъ принятія консуломъ Каффы какихъ-либо обязательствъ по отношенію къ татарскимъ властямъ. Эти мотивы были чисто политическими: опасались возможности отпаденія Каффы отъ Генуи, непосредетвеннаго подчиненія ея консуловъ татарской державѣ, по соображеніямъ личной выгоды или изъ честолюбія. Нѣкоторыя другія статьи устава 1449 года даютъ поводъ думать, что Генуя ревниво слѣдила за отношеніями своихъ агентовъ въ Каффѣ къ татарамъ еще и потому, что опасалась всякихъ поводовъ къ столкновеніямъ. Подобныя соображенія не были чужды и Венеціи въ ея колоніальной политикѣ на Азовскомъ морѣ. Какъ показано мною въ рефератѣ о „Венеціанской Танѣ“ [26]), консулу, поставленному республикой св. Марка, запрещено было вступать въ какія-либо сношенія съ татарскими властями безъ вѣдома и согласія метрополіи, а тѣмъ болѣе получать отъ нихъ подарки. Въ Каффѣ ближайшій поводъ къ преніямъ могло подать участіе одновременно татаръ и генуэзцевъ въ назначеніи судьи, поставленнаго для рѣшенія тяжбъ между ея жителями

[23]) Canale. Della Crimea, т. I, стр. 257.

[24]) Codice diplomatico delle colonie tauro-ligurie, t. II, parte II, стр. 583.

[25]) Canale. Storia di Genova, т. II, стр. 420.

[26]) Прочитанъ на археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ лѣтомъ 1902 года.

и татарами, жившими въ предмѣстьяхъ и пригородахъ [27]). Одна глава статута 1449 года говоритъ о татарскомъ чиновникѣ, именуемомъ въ латинскомъ текстѣ titanus и тождественнымъ съ „тудуномъ“,—имя, которымъ у хазаръ и аваровъ обозначаемы были намѣстники или губернаторы. Ему запрещено было всякое вмѣшательство въ дѣла жителей Каффы, хотя бы ими и были татары, разъ послѣдніе прожили годъ въ городѣ или его предмѣстьяхъ и подгородныхъ селахъ въ сообществѣ своихъ семей. Такіе татары должны почитаться,—гласитъ § 461,—генуэзцами, а не подданными хана (canluchi). Судитъ ихъ консулъ Каффы или подчиненныя ему власти [28]).

Такъ какъ къ Каффѣ прилежалъ довольно обширный сельскій округъ, въ которомъ, очевидно, населеніе было составлено преимущественно изъ татаръ, то для управленія ими пришлось держать чиновника изъ туземцевъ, но, разумѣется, такого, который бы не вызывалъ подозрѣнія италіанскихъ властей; имъ и былъ упомянутый „тудунъ“, по-латыни prefectus, призванный рѣшать тяжбы татаръ съ татарами, жителей города съ окрестнымъ населеніемъ. Выборъ его производился ханомъ изъ среды татаръ, но утвержденіе въ должности принадлежало властямъ Каффы и прежде всего ея консулу.

Когда въ 1474 году генуэзцы отказались признать права префекта за нѣкіимъ Эминекомъ [29]), избранникомъ хана, то это обстоятельство подало поводъ къ столкновеніямъ, поведшимъ въ концѣ-концовъ къ вмѣшательству турецкаго султана Мухамеда II. Эминекъ, ища помощи, побудилъ султана предпринять походъ противъ Каффы, направить на нее свой флотъ. Осажденные одновременно съ суши полчищами Эминека, а съ моря турецкими кораблями съ 20.000 вооруженныхъ матросовъ, жители Каффы принуждены были сдаться непріятелю, который увелъ часть ихъ для поселенія въ Перѣ, обложилъ остальнихъ высокимъ выкупомъ и упразднилъ затѣмъ всякую зависимость крымскихъ колоній отъ Генуи.

Въ благоразумномъ предвидѣніи тѣхъ осложненій, какія могутъ произойти отъ столкновенія италіанцевъ съ татарами, статутъ 1449 года принимаетъ строжайшія мѣры противъ всякой попытки установить сколько-нибудь близкія сношенія колоніальныхъ властей и обывателей съ ханомъ и его правительствомъ. Имѣя въ виду,—гласитъ статья 47,—

[27]) Въ текстѣ значится—burgi et subburgi.

[28]) Codice diplomatico tauro-liguro, t. II, pars II, стр. 650, статья 72, § 461.

[29]) См. о немъ въ Codice diplomatico tauro-liguro (Atti, т. VII, ч. 2-ая, стр. 117), документъ за № 1104, отъ 15-го окт. 1474 г.

что отъ братскаго общенія жителей Каффы или части ихъ съ императоромъ татаръ, т. е. ханомъ, его вассалами и подданными проистекаетъ большой вредъ и ущербъ для города Каффы, а равно и для Генуи, въ виду того, что секреты раскрываются татарамъ въ обмѣнъ за подарки и другія удобства, предоставляемыя ими италіанцамъ, мы считаемъ нужнымъ постановить: никто, ни лично, ни чрезъ уполномоченнаго, не долженъ получать впредь никакого приношенія отъ хана или отъ лицъ, дѣйствующихъ его именемъ, будетъ ли то татаринъ, или нѣтъ; никто также изъ лицъ, живущихъ въ крѣпости Каффской, т. е. въ городской цитадели, не долженъ принимать на домъ татарина, все равно, подданнаго хана или свободнаго отъ такого подданства; наконецъ, да не посмѣетъ ни одинъ изъ мѣщанъ Каффы (burgenses) вступать въ разговоръ въ городѣ или внѣ города съ татарскими послами, пока послѣдніе не столкуются съ консуломъ; исключеніе дѣлается только въ пользу тѣхъ, кому консулъ дастъ на этотъ счетъ спеціальное разрѣшеніе (ст. 47, §§ 387—389). Та же боязнь столкновеній побуждаетъ генуэзцевъ запретить, по примѣру того, какъ это сдѣлано было венеціанцами въ Танѣ, жителямъ Каффы всякое участіе въ сборѣ таможенныхъ пошлинъ, взимаемыхъ татарами съ ввоза и вывоза. Эти пошлины извѣстны были подъ общимъ наименованіемъ commerchium [30]). Названіе это очевидно было дано таможеннымъ пошлинамъ потому, что онѣ падали на торговлю (commercium) [31]).

Договоромъ съ ханомъ Тохтамышемъ отъ 27 ноября 1380 года генуэзцы обязались терпѣть въ Каффѣ присутствіе ханскихъ таможенныхъ чиновниковъ для сбора пошлинъ съ привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ. Заботливость генуэзскихъ властей объ устраненіи всякихъ поводовъ къ недоразумѣніямъ сказалась и въ запретѣ открывать какой-либо кредитъ таможеннымъ чиновникамъ хана или, какъ значится въ текстѣ статута, продавать имъ что-либо на срокъ. Виновному грозитъ несоразмѣрно высокая кара, независимо отъ платимаго имъ штрафа: онъ подлежитъ задержанію—„его связываютъ и зако-

---

[30]) Въ изданіи устава 1449 года, сдѣланномъ Г-нъ Юргевичемъ, commerchium ошибочно передано словомъ comerihium, очевидно благодаря неправильному чтенію рукописи.

[31]) Татары сдѣлали изъ этого латинскаго наименованія слово „гюмрюкъ",—такъ думаетъ по крайней мѣрѣ русскій издатель Каффскаго статута, за которымъ мы и оставляемъ отвѣтственность за это нѣсколько рискованное словопроизводство. См. Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн., т. V, стр. 829, примѣчаніе 101.

ваютъ въ кандалы". Консулъ въ такомъ видѣ препровождаетъ его въ Геную (Januam) [32]) для должнаго возмездія.

Недовольство татаръ, котораго всячески стараются избѣжать составители статута, могло быть вызвано также захватомъ италіанцами сосѣднихъ къ Каффѣ полей, сѣнокосовъ и пастбищъ. Купленные у татаръ, эти участки должны были оставаться въ свободномъ пользованіи сельскихъ обывателей. Запрещая взимать что бы то ни было за выпасъ, уставъ 1449 года имѣлъ въ виду сохранить за туземнымъ сельскимъ людомъ, очевидно татарскаго происхожденія, ту же свободу, какой онъ пользовался раньше подъ властью хановъ (in eodem statu libertatis quo erant antea, cum erant predicti imperatoris: ст. 50, § 395).

Если политическія соображенія побуждали генуэзское правительство ограничивать свободу собственныхъ чиновниковъ и подданныхъ во всемъ, что касается ихъ сношеній съ татарами, то торговые интересы вызывали съ его стороны такую же попытку положить предѣлъ самовластію консула въ сферѣ имущественныхъ отношеній, подъ которыя подведены были и отношенія господъ къ рабамъ. Какъ судья, обязанный заниматься разбирательствомъ тяжбъ по понедѣльникамъ, четвергамъ и субботамъ въ до-обѣденное время (ст. 1, § 16), консулъ ограниченъ былъ въ правѣ выдавать паспорта должникамъ, не разсчитавшимся предварительно со своими кредиторами. Ихъ отбытію изъ Каффы должно было предшествовать трехдневное оповѣщеніе о томъ въ часы присутствій; самый паспортъ могъ быть врученъ имъ только съ вѣдома обоихъ казначеевъ, или массаріевъ (ст. 1, § 18).

Та же забота объ охраненіи имущественныхъ интересовъ подданныхъ заставляетъ составителей статута отнять у консула право освобождать кого-либо отъ платежа налоговъ, въ томъ числѣ и невольниковъ (sclavos). Относящаяся сюда статья интересна уже тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ упоминаніе о лицахъ несвободныхъ; о нихъ же заходитъ рѣчь и въ нѣкоторыхъ другихъ постановленіяхъ, въ томъ числѣ въ томъ, которымъ запрещается продавать въ неволю кого бы то ни было изъ людей, поселенныхъ въ Каффѣ, независимо отъ его происхожденія. Всякія сдѣлки, предметомъ которыхъ является отчужденіе свободы жителей Каффы, признаются недѣйствительными. Въ Каффѣ, какъ и въ большинствѣ городовъ средневѣковой Европы, „воздухъ дѣлалъ свободнымъ" [33]). Отсюда слѣдующее постановленіе: „Если

[32]) А не въ Каффу, какъ ошибочно стоитъ въ русскомъ переводѣ.

[33]) Буквальный переводъ нѣмецкой юридической поговорки: Die Luft macht frei. Въ селахъ, наоборотъ, „воздухъ дѣлаетъ несвободнымъ" (Die Luft macht eigen).

случится, что невольникъ бѣжитъ въ Каффу изъ окрестныхъ селеній или изъ Орды (de Lordo), его надо считать свободнымъ. Буде же господину удастся открыть его мѣстопребываніе, онъ въ правѣ потребовать отъ властей не выдачи невольника, а только уплаты ему той суммы, за которую бѣглый рабъ будетъ проданъ въ самой Каффѣ съ публичныхъ торговъ; исключеніе допущено по отношенію къ рабамъ, бѣжавшимъ изъ Солката, или Стараго-Крыма".

Въ силу договора, заключеннаго генуэзцами съ Тохтамышемъ въ 1380 году, обѣ стороны обязались выдавать бѣжавшихъ рабовъ ихъ хозяевамъ и довольствоваться каждый разъ платежомъ имъ всего на всего 35 аспровъ [34]). Епископъ каффскій, повидимому, настаивалъ на соблюденіи исконнаго права укрывательства бѣглыхъ рабовъ церковью, но генуэзскія власти не хотѣли признать такого droit d'asile; отсюда слѣдующее постановленіе статута: „Епископъ каффскій обязанъ довести немедленно до свѣдѣнія властей обо всѣхъ невольникахъ и невольницахъ, бѣжавшихъ къ нему. Окрестивъ ихъ въ теченіе трехъ дней, онъ долженъ не позже этого срока представить ихъ по начальству; послѣднее распоряжается ихъ продажей и вноситъ хозяевамъ вырученныя за нихъ деньги. Епископъ принужденъ довольствоваться уплатой ему трехъ византиновъ [35]), по одному за каждый изъ дней, проведенныхъ бѣглымъ рабомъ въ его домѣ".

Если такимъ образомъ въ предѣлахъ Каффы рабство встрѣчало нѣкоторое ограниченіе, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ невозможности вывозить въ неволю собственныхъ ея жителей, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что Каффа и всѣ вообще генуэзскія колоніи на Черномъ морѣ не должны считаться, наравнѣ съ венеціанскою Таною, главными рынками для продажи рабовъ, одинаково какъ на сѣверный берегъ Африки, въ Египетъ и Варварійскія владѣнія, такъ и въ западныя страны, начиная отъ Константинополя, переходя затѣмъ къ итальянскимъ морскимъ республикамъ и Флоренціи и оканчивая Испаніей и Балеарскими островами. Въ дипломахъ генуэзскаго архива Cibrario нашелъ не одинъ актъ, доказывающій, что упоминаемые въ нихъ рабы и рабыни были вывезены изъ Каффы и вообще изъ Крыма. Въ свою очередь, мнѣ пришлось въ архивахъ Пальмы, главнаго города Маіорки, найти доказательство тому, что сплошь и рядомъ продаваемыми и по-

[34]) Зап. Одесскаго Общ. Ист., т. V, стр. 829.

[35]) По разсчету Canale, византинъ равнялся по своей покупательной силѣ четвертой части золотого флорина, т. е. почти 20 копѣйкамъ серебромъ. Ibid., стр. 829.

купаемыми въ ней рабами были татары, черкесы, русскіе (de nacione russorum), которыхъ, очевидно, нельзя было добыть иначе, какъ съ береговъ Чернаго моря при посредничествѣ генуэзцевъ и венеціанцевъ. Уставъ 1449 года подтверждаетъ такое предположеніе, постановляя относительно жителей Чембало, или Балаклавы: «Каждому, какого бы званія онъ ни былъ, дозволено покупать людей (capita) лично или чрезъ посредниковъ, покупать ихъ наравнѣ съ прочими имуществами и товарами свободно, помимо всякаго вмѣшательства консула» (стат. 85, §§ 595 и 596). Въ Коппѣ, на берегахъ Кубани, консулъ получалъ даже по 6 аспровъ за каждаго вывозимаго невольника (ст. 87, § 634). Такія нормы были очевидно въ явномъ противорѣчіи съ запретами принимать рабовъ на отходившія изъ Крыма суда (quod sclavi super navigiis non leventur),—запретами, о которыхъ идетъ рѣчь въ статутахъ Хазаріи отъ 1403 и 1441 годовъ (§§ 76 и 88). Торговые интересы рѣшительно брали верхъ надъ соображеніями государственной политики [36]).

Возвращаясь къ характеристикѣ консульской власти, на основаніи данныхъ, сообщаемыхъ намъ статутомъ 1449 года, я долженъ отмѣтить упоминаніе въ немъ объ особомъ викаріи, или помощникѣ консула (ст. 11, § 132). Этотъ викарій получаетъ отъ города жалованіе въ размѣрѣ 40 сонмовъ. Онъ является по преимуществу судебнымъ агентомъ консула. Ежедневно, за исключеніемъ праздниковъ, онъ долженъ былъ отправляться въ судилище и разбирать въ немъ всякаго рода тяжбы по просьбамъ и жалобамъ частныхъ лицъ. Ему, очевидно въ интерессахъ правосудія, запрещалось давать сторонамъ какіе-либо совѣты открыто или тайно, на словахъ или на письмѣ, подъ страхомъ потери жалованія.

Кромѣ викарія, мы должны упомянуть еще о слѣдующихъ членахъ консульской свиты, образующихъ его расширенную семью, его familia: о конномъ воинѣ, шестерыхъ служителяхъ, также конныхъ, одномъ щитоносцѣ [37]). Всѣмъ этимъ лицамъ, въ отличіе отъ викарія, уплачивается жалованіе отъ консула; викарій же получаетъ отъ него только продовольствіе. Надо упомянуть также о двухъ трубачахъ и объ одномъ разсыльномъ. Консулъ не въ правѣ включить въ составъ своей свиты человѣка несвободнаго состоянія, или невольника; онъ не

---

[36]) См. объ этихъ запретахъ Canale, Della Crimea, т. I, стр. 321.

[37]) Ragatius. Въ Книгѣ Генуэзскихъ Законовъ, въ Liber Jurium (т. II, ст. 565), ragatii отождествляются съ щитоносцами—scutiferi. См. примѣч. С. Юргевича къ статуту Каффы (стр. 820).

можетъ также держать при себѣ меньшій штатъ чиновниковъ противъ положеннаго. Это прямо слѣдуетъ изъ того, что онъ вноситъ въ казначейство при недостачѣ того или другого изъ членовъ свиты, сверхъ причитающагося ему жалованія, еще извѣстный штрафъ. Особую свиту имѣютъ также и другіе чиновники Каффы, а равно и прочихъ черноморскихъ колоній. Лица, входившія въ составъ этихъ свитъ, не должны были покидать службы раньше срока; но такъ какъ въ послѣдніе годы существованія италіанскихъ колоній въ Крыму, при постоянномъ опасеніи набѣговъ со стороны татаръ и высадки турокъ, жизнь становилась не легкой, то не мудрено, что Статуту пришлось грозить строгими карами тѣмъ, кто на своихъ корабляхъ укроетъ желающихъ отплыть на родину членовъ «консульской семьи» и вообще всякаго, принадлежащаго къ свитѣ того или другого должностного лица [38]).

На ряду съ консуломъ въ качествѣ завѣдующаго финансовымъ управленіемъ мы находимъ въ Каффѣ двухъ казначеевъ, или такъ называемыхъ массаріевъ. Ими могли быть лишь уроженцы Генуи. Они попадаютъ на должность по выбору консула, дѣйствующаго въ этомъ случаѣ не единолично, а въ сообществѣ тѣснаго совѣта анціановъ, или старѣйшинъ, о которыхъ будетъ сказано нами впослѣдствіи, и выходящихъ въ отставку казначеевъ. Никто не имѣетъ права уклониться отъ указанной должности, но срокъ ея отправленія ограниченъ шестью мѣсяцами. Оба массарія имѣютъ голосъ въ тѣсномъ совѣтѣ консула и обязаны состоять при особѣ послѣдняго. Каждый изъ нихъ поочередно въ теченіе трехъ мѣсяцевъ считается предсѣдателемъ совѣта анціановъ. Массаріямъ вмѣняется въ обязанность повѣрять приходо-расходныя книги и побуждать подлежащія власти къ взысканію слѣдуемыхъ городу суммъ. У старшаго изъ двухъ массаріевъ хранится особая печать, прилагаемая ко всѣмъ актамъ, по которымъ производятся какіе-либо платежи казначействомъ. Должность массаріевъ одна изъ тѣхъ, о которыхъ заходитъ рѣчь въ любомъ изъ городскихъ статутовъ Италіи. Въ ихъ рукахъ всюду сосредоточивалось завѣдываніе финансовой администраціей города и республики. Статутъ 1449 года только воспроизводитъ въ этомъ отношеніи нормы, общія всему муниципальному праву Италіи. Любопытно отмѣтить въ немъ требованіе, чтобы массаріями были не жители Каффы, а уроженцы

[38]) Я не считаю удобнымъ называть лицъ, входящихъ въ составъ свиты, служителями, какъ это дѣлаетъ г-нъ Юргевичъ, чтобы не дать тѣмъ самымъ повода къ смѣшенію ихъ съ частной прислугой, отбытію которой, очевидно, никто не препятствовалъ.

Генуи; оно свидѣтельствуетъ о томъ недовѣріи, съ какимъ власти, завѣдывавшія банкомъ св. Георгія, относились къ мѣстному населенію. Тогда какъ власть консула по преимуществу исполнительная и судебная, власть массаріевъ не выходитъ изъ области государственнаго хозяйства, сдачи налоговъ на откупъ, сбора слѣдуемыхъ казнѣ поступленій и завѣдыванія государственнымъ счетоводствомъ.

Какъ при консулѣ, такъ и при массаріяхъ, имѣются особые совѣты. При первомъ—такъ называемый Совѣтъ Старѣйшинъ, или анціановъ, при второмъ—Совѣтъ Казначейства, извѣстный подъ названіемъ Officium monetae. Члены перваго выбираются консуломъ, массаріями и выходящими изъ службы анціанами путемъ двойныхъ выборовъ и подъ условіемъ подачи въ пользу кандидата по меньшей мѣрѣ двухъ третей голосовъ. Старѣйшины остаются въ должности не болѣе 6-ти мѣсяцевъ и образуютъ изъ себя тѣсный административный совѣтъ консула; число ихъ, 8 человѣкъ, распредѣляется поровну между гражданами Генуи и гражданами Каффы. Что касается до Совѣта казначейства, то его составляютъ четыре лица, также по выбору консула и другихъ высшихъ административныхъ чиновниковъ. Половина избранныхъ должна быть генуэзскими гражданами. Въ составъ совѣта входятъ въ равной мѣрѣ дворяне и недворяне. Безъ его вѣдома не можетъ быть произведено изъ казначейства никакого платежа, превышающаго сумму 500 аспровъ. Вопросъ о производствѣ тѣхъ или другихъ издержекъ рѣшается каждый разъ консуломъ и массаріями при участіи совѣта; необходимо согласіе по крайней мѣрѣ двухъ третей его членовъ. Разъ состоится подобное постановленіе, оно не раньше можетъ быть приведено въ исполненіе, какъ послѣ скрѣпы его печатью консула. Книги казначейства повѣряются членами совѣта наравнѣ со счетами по платежу откупа. Собранія совѣта повторяются дважды въ недѣлю. Жалованіе солдатамъ уплачивается съ его вѣдома и участія: два члена совѣта отправляются для этой цѣли въ Чембало, или Балаклаву, и Солдаю, или Судакъ.

Независимо отъ только что названныхъ властей, мы встрѣчаемъ еще въ Каффѣ особый „Совѣтъ Попечителей" (Officium provisionis), въ вѣдѣніи котораго было покрывать издержки по постройкѣ и содержанію стѣнъ города со всѣми принадлежащими къ нимъ башнями. Средства къ тому доставляемы были особымъ сборомъ съ опредѣляемыхъ на службу консуловъ Херсонеса-Таврическаго, Партенита, Ялты, Алушты, Керчи, Коппы на Кубани, а также съ консуловъ отдѣльныхъ бурговъ, подчиненныхъ Каффѣ. Такъ какъ этого было недостаточно, то къ той же цѣли пріурочены были и другіе сборы, въ томъ

числѣ соляной, обыкновенно отдаваемый на откупъ Совѣтомъ Попечителей.

Такими же коллегіальными учрежденіями, какъ только что названныя, являются въ Каффѣ—„Совѣтъ торговли“ (Officium mercantiae) и „Продовольственный комитетъ“ (Officium victualium). Члены обоихъ попадаютъ на должность въ силу выбора, производимаго совмѣстно единоличными и коллегіальными властями Каффы. Выборъ считается состоявшимся при подачѣ въ пользу кандидата двухъ третей голосовъ. Въ обоихъ совѣтахъ засѣдаетъ равное число членовъ, а именно четыре; двое изъ нихъ генуэзцы, двое граждане Каффы, дворяне и недворяне въ равномъ числѣ. Торговый Совѣтъ завѣдуетъ всѣмъ, что касается торговыхъ сношеній съ татарами; отюда добавочное наименованіе его Совѣтомъ Хазаріи (подъ этимъ именемъ извѣстенъ былъ Крымъ въ виду ранняго занятія его хазарами). Что касается до Продовольственнаго Комитета, то, подобно однохарактернымъ учрежденіямъ въ любомъ изъ городовъ Италіи,—такъ называемымъ „Officia abundantiae“,—онъ долженъ былъ принимать къ разсмотрѣнію всякіе споры, касающіеся снабженія города припасами, въ частности пшеномъ. Количество хранимаго въ магазинахъ зерна не могло быть измѣняемо произвольно. Члены совѣта не въ правѣ были ни продавать части сдѣланныхъ ими запасовъ, ни покупать новаго зерна взамѣнъ стараго, безъ предварительнаго постановленія о томъ консула, массаріевъ и другихъ единоличныхъ и коллегіальныхъ властей.

Нужно ли говорить, что при всѣхъ перечисленныхъ должностныхъ лицахъ и совѣтахъ имѣлись секретари изъ нотаріусовъ, писцы, переводчики, глашатаи, разсыльные, пристава и служители, что всѣмъ имъ положено было жалованіе, что, сверхъ того, нѣкоторые чиновники получали добавочный доходъ отъ составляемыхъ ими частныхъ актовъ, вознагражденіе за которые было опредѣлено правительственной таксой.

Черту, общую Каффѣ со всѣми италіанскими муниципіями, представляло устройство бдительнаго контроля за финансовой дѣятельностью всѣхъ указанныхъ властей и совѣтовъ. Этотъ контроль ввѣряемъ былъ особымъ выборнымъ синдикамъ, засѣдавшимъ въ соединенномъ присутствіи всѣхъ высшихъ властей. Въ отправленіи этой должности равно участвовали генуэзцы и жители Каффы, дворяне и недворяне. Мы видѣли, что при поступленіи на службу консулъ и его викарій обязаны были вносить извѣстный залогъ и принимали обязательство подчиняться контролю синдиковъ; послѣдніе, въ числѣ четырехъ человѣкъ, объявляли во всеуслышаніе чрезъ особыхъ глашатаевъ, что каждый недовольный дѣйствіями консула и подчи-

ненныхъ ему властей могъ представить на нихъ жалобу. По этимъ жалобамъ синдики приговаривали обвиняемыхъ къ штрафамъ по своему усмотрѣнію. Если,—значится въ статутѣ,—будетъ доказано, что кто-либо изъ названныхъ чиновниковъ виновенъ во взяточничествѣ и вообще присвоеніи себѣ какой-либо постыдной выгоды (accepisse aliquam manjariam seu turpe lucrum), синдики могутъ приговорить его къ уплатѣ двойной суммы противъ забраннаго. Штрафъ, за вычетомъ трети въ пользу доносчика, поступаетъ въ казну. Никакая апелляція не допускается на рѣшеніе синдиковъ, полномочія которыхъ настолько широки, что имъ дозволено даже прибѣгать къ пыткѣ въ интересахъ раскрытія истины (ponere ad torturam et per torturam facere cognoscere veritatem). Контролю со стороны синдиковъ подлежатъ не однѣ власти Каффы, но и правители другихъ колоній: Судака, Балаклавы и т. д. При постановкѣ приговоровъ синдики не связаны судебными формальностями и довольствуются суммарнымъ производствомъ.

Изъ всего сказаннаго о судебной отвѣтственности чиновниковъ мы въ правѣ заключить, что административная юстиція, установленіе которой обыкновенно приписываютъ одни англійской, другіе французской практикѣ, восходитъ по времени происхожденія еще къ эпохѣ италіанскихъ городскихъ республикъ и ихъ отдаленныхъ колоній на Востокѣ.

Мы не будемъ касаться вопроса о военномъ устройствѣ и управленіи Каффы, о которыхъ подробно говорится въ текстѣ разбираемаго нами памятника. Для нашей цѣли достаточно будетъ указать на то, что ворота и башни города, заодно съ цитаделью, или крѣпостью, имѣли своихъ особыхъ начальниковъ. Къ покрытію издержекъ, связанныхъ съ отправленіемъ ихъ должностей, пріурочены были особые поборы съ лавокъ, а также штрафы съ лицъ, найденныхъ на улицѣ послѣ того, какъ колокольнымъ звономъ объявлено было во всеобщее свѣдѣніе, что настало время расходиться по домамъ. Это время наступало зимою съ 8, а лѣтомъ съ 9 часовъ вечера. Питейныя заведенія, остававшіяся открытыми позже этого часа, должны были нести пеню въ пользу военнаго начальника города. Другой доходной его статьею были платежи, производимыя хозяевами бѣглыхъ рабовъ и рабынь, разъ послѣдніе были задержаны на разстояніи одной мили отъ города. Такъ какъ одной изъ обязанностей военнаго начальника было слѣдить за безопасностью города отъ пожара, то всѣмъ жителямъ отъ его имени давался приказъ гасить огни въ извѣстный часъ,—въ 8 часовъ вечера зимою и въ 9 лѣтомъ. Кто не подчинялся этому требованію, несъ штрафъ въ пользу того же военнаго начальника.

Изъ текста разбираемаго нами памятника легко усмотрѣть, что военные начальники не разъ злоупотребляли своей властью, разрѣшая за деньги тѣмъ или другимъ постоялымъ дворамъ, трактирамъ и частнымъ хозяевамъ держать у себя огонь и въ неурочное время. Другой причиной недовольства военнымъ начальникомъ было вымогательство имъ съ лицъ, виновныхъ въ ссорахъ и дракахъ, извѣстныхъ платежей за свободу отъ задержанія. Статутъ предписываетъ ставить впредь всѣхъ такихъ лицъ на судъ консула или его викарія. Вымогательства военныхъ начальниковъ, повидимому, сдѣлались чѣмъ то обычнымъ, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы существованія генуэзскихъ колоній на Черномъ морѣ. Вотъ почему нашъ памятникъ запрещаетъ военному начальнику брать съ кого бы то ни было что-либо не только деньгами, но и виномъ, сѣномъ, дровами и т. д. Однимъ изъ обычныхъ злоупотребленій было подведеніе подъ категорію публичныхъ женщинъ, открыто отправляющихъ свою профессію, такихъ женщинъ, которыя позволяли себѣ временно тѣ или другія отступленія отъ обыденной нравственности. Статутъ напоминаетъ военному начальнику, что его право взимать по одному дукату въ годъ распространяется только на женщинъ первой категоріи.

Разбираемый нами памятникъ знакомитъ насъ не только съ внутреннимъ устройствомъ, даннымъ Генуей ея черноморскимъ колоніямъ; онъ позволяетъ еще возстановить по крайней мѣрѣ нѣкоторыя черты ихъ общественныхъ нравовъ и обычаевъ. Разумѣется, та картина, которую рисуетъ намъ этотъ юридическій по своей природѣ источникъ, далеко не можетъ считаться законченной. Ничто не возмѣститъ для насъ потери частной корреспонденціи, счетныхъ книгъ, веденныхъ лицами, завѣдовавшими интересами отдѣльныхъ фирмъ, нотаріальныхъ архивовъ и другихъ источниковъ, съ помощью которыхъ такіе писатели, какъ Молменти или Иріартъ, въ состояніи были ввести читателей въ кругъ обыденной жизни различнѣйшихъ слоевъ венеціанскаго общества. Но и то немногое, что можетъ быть извлечено изъ статута черноморскихъ колоній для характеристики нравовъ и общественнаго уклада генуэзцевъ на ихъ восточныхъ окраинахъ, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ и собраннымъ воедино.

О суровости нравовъ легко судить по характеру обычныхъ каръ. Статутъ 1449 года не содержитъ въ себѣ, правда, ничего похожаго на уголовный кодексъ; въ немъ говорится о наказаніяхъ только при перечнѣ тѣхъ имущественныхъ выгодъ, которыя отъ примѣненія ихъ можетъ получить тотъ или другой чиновникъ, въ частности приставъ полицейскій, такъ называемый „cavalerius“, обязанный состоять по-

стоянно при особѣ консула. Изъ этого перечня мы узнаемъ, что въ числѣ наказаній, рядомъ со смертною казнью и членовредительствомъ, весьма распространены были тѣлесныя наказанія, въ частности сѣченіе. Смертная казнь примѣнялась путемъ повѣшенія и обезглавленія. Отрѣзаніе того или другого органа (amputatio alicuius membri) вмѣстѣ съ сѣченіемъ (fastigatio) и клейменіемъ упоминаются, какъ источники дохода для примѣняющаго эти наказанія пристава. Рядъ этихъ каръ завершается штрафами, обыкновенно взимаемыми за всякаго рода полицейскіе проступки, несоблюденіе, напр., правила о гашеніи огня послѣ 8 часовъ вечера зимою и 9-ти лѣтомъ. Помимо цѣлей наказанія, причиненіе боли служило еще средствомъ къ раскрытію судебной истины. Въ зданіи консульства помѣщалось орудіе пытки. § 20 1-ой главы нашего статута говоритъ, что «tortura seu tormentum ponatur et stare debeat in sala magna palacii consularis». На полицейскаго пристава, на „cavalerius", падала обязанность испытанія подсудимыхъ и свидѣтелей путемъ пытки. Изъ статей, говорящихъ о получаемыхъ приставомъ доходахъ, мы узнаемъ, что подвергшійся пыткѣ свободенъ былъ отъ всякаго платежа ему за нее, „non possit (cavalerius) petere quicquid ab aliquo homine posito ad torturam pro dicta tormentatione".

Если статья, регулирующая размѣръ доходовъ, получаемыхъ полицейскимъ приставомъ, проливаетъ внезапный свѣтъ на обычную систему наказаній и косвенно на грубость нравовъ тогдашняго общества, то статья о музыкантахъ и другихъ лицахъ на жалованьи у города знакомитъ насъ съ другой стороною общественнаго быта,—съ удовольствіями и развлеченіями каффскихъ жителей. Мы узнаемъ изъ нея, что при консулѣ всегда имѣлся скромный оркестръ, составленный всего на всего изъ трехъ музыкантовъ; одинъ изъ нихъ игралъ на цимбалахъ (cembalo), другой на гитарѣ, а третій на рожкѣ. Этотъ оркестръ долженъ былъ являться во дворецъ консула въ опредѣленные дни и получалъ отъ него ежемѣсячное жалованіе. Кромѣ того, при консулѣ состояли еще два трубача; они должны были оповѣщать всѣхъ трубнымъ звукомъ о времени, когда консулъ отправляется къ столу или встаетъ изъ-за стола. Точно также, когда консулъ шелъ въ церковь, объ этомъ объявляемо было населенію съ помощью свирѣли («cenamella» или «cembanella», французское «chalumeau»)[39]).

[39]) Г. Юргевичъ въ этомъ мѣстѣ дважды исправляетъ текстъ рукописи нашего памятника, какъ онъ отпечатанъ былъ Canale,—онъ читаетъ „cembalo" вмѣсто „cembo" и „cenamella" вмѣсто „carramella". Въ обоихъ случаяхъ ошибка, очевидно, сдѣлана была позднѣйшимъ переписчикомъ текста.

Если въ теченіе года жители Каффы должны были довольствоваться этими несложными развлеченіями, то въ праздничные дни, имъ открывалась возможность болѣе разнообразныхъ удовольствій, представляемыхъ скачками и шутовскими процессіями, въ которыхъ лисица и пѣтухъ играли выдающуюся роль. Вечернія развлеченія обыкновенно состояли въ фейерверкѣ. Нѣкоторыя подробности о религіозныхъ и свѣтскихъ церемоніяхъ даетъ намъ списокъ чрезвычайныхъ издержекъ, производимыхъ консулами Каффы и подчиненныхъ ей колоній на Черноморскомъ берегу. Главнымъ предметомъ затратъ является закупка восковыхъ свѣчей (cerei seu brandoni). Мы знаемъ изъ регламентовъ отдѣльныхъ цеховъ Италіи, какую роль играли во всѣхъ церковныхъ процессіяхъ зажженные свѣтильники, или такъ называемые «luminarii»; насъ не можетъ поразить поэтому длинный перечень празднествъ, по поводу наступленія которыхъ консулъ долженъ былъ затрачивать до 80 и даже до 160 аспровъ на покупку свѣтильниковъ для тѣхъ или другихъ спеціально обозначенныхъ храмовъ,—то святой Агнесы, то Пресвятой Дѣвы Маріи, то Петра и Павла, то Іакова Меньшого, то Маріи Магдалины, или еще св. Доминика, св. Лаврентія, св. Клары, и т. д. Всѣхъ католическихъ храмовъ въ Каффѣ было не менѣе 16, а такъ какъ число празднествъ было въ средніе вѣка весьма значительно, то немудрено, если въ одной изъ статей устава 1449 года (ст. 64) размѣръ дозволенныхъ консулу издержекъ на устройство общественныхъ празднествъ, независимо отъ только что приведенныхъ, опредѣленъ въ 1000—2000 аспровъ въ годъ. Въ Сочельникъ и на Рождество консуломъ устраиваемо было пиршество, сопровождаемое иллюминаціей. Нашъ памятникъ упоминаетъ о необходимости затрачивать по этому случаю опредѣленное число аспровъ на покупку вина и прохладительныхъ напитковъ, пряниковъ и яблокъ, изюма и миндаля, наконецъ конфектъ (confectiones). Особое угощеніе устраиваемо было для нищихъ благотворительнымъ комитетомъ, получавшимъ по этому случаю отъ консула 500 аспровъ. Грекамъ, приходившимъ на дворъ консула въ праздникъ Богоявленія, полагалась опредѣленная плата за пѣніе особаго привѣтствія, именуемаго Calineras, что въ переводѣ значитъ „счастливый день“. Мальчикамъ, бросавшимся въ море въ моментъ благословенія его священниками, также уплачиваемо было напередъ условленное число аспровъ. На Пасху устраивали новое пиршество и выдавали 500 аспровъ Комитету благотворительности для раздачи нищимъ. Какъ въ Падуѣ и другихъ городахъ Италіи, пользующихся въ этомъ отношеніи меньшей извѣстностью, въ Каффѣ устраиваемы были ристалища. Мы узнаемъ о нихъ изъ перечня издер-

жекъ, производимыхъ консуломъ по этому случаю; изъ него видно, что побѣдителю на скачкахъ выдаваемъ былъ кусокъ цвѣтной матеріи, по всей вѣроятности голубаго цвѣта, какъ показываетъ самое названіе употребляемаго при этомъ сукна—«pannus blavus», или «blavius», или прямо «blavium». Онъ имѣлъ то же значеніе, какое въ ближайшее къ намъ время принадлежало въ Падуѣ «palio», также представлявшему собою кусокъ дорогой матеріи. Выраженіе «blavium currare» было равнозначительно съ выраженіемъ «correre il palio», бывшемъ еще въ ходу въ Падуѣ не далѣе, какъ въ XVIII вѣкѣ. Помимо скачекъ, устраиваемы были регаты, или гонки барокъ (in blavio barcarum); для нихъ также покупалось атласа, кармазина и тафты на нѣсколько сотъ аспровъ. Участіе лисицы и пѣтуха въ одной изъ процессій оживляетъ въ умѣ память о римскихъ «cornomanniae» (отъ слова cornum, рога для вина, какъ замѣчаетъ г. Юргевичъ) [40]). На праздникъ Іоанна Крестителя улицы посыпаемы были елью и ситникомъ; берега освѣщались огнями; на одинъ фейерверкъ («ludo ignis») затрачиваемо было 100 аспровъ. Скачки бывали и внѣ Каффы, такъ, напр., въ Судакѣ въ праздникъ св. Гервазія и Протасія (ст. 80, § 536). Объ иллюминаціяхъ заходитъ рѣчь и въ Чембало, или Балаклавѣ (ст. 82).

Въ будни образъ жизни обывателей Каффы былъ до нѣкоторой степени регулируемъ обязательствомъ не покидать города и не зажигать въ немъ огней послѣ положеннаго часа. Съ 1-го октября по 1-е марта колокольнымъ звономъ объявлялось о концѣ дня въ 2 часа, т. е. въ 8 вечера (счетъ часовъ начинался съ шести вечера). Въ лѣтнее время день продолжался до 3 часовъ, т. е. по-нашему до 9. Удары въ колоколъ повторялись не менѣе 380 разъ (см. статью разбираемаго свода—„De hora pulsandi ad campanam“). Время уборки винограда совпадало съ отсутствіемъ изъ города большинства жителей; оно продолжалось отъ 15 сентября по 15 октября. Консулу и его викаріямъ, подъ страхомъ штрафа, воспрещено было отправлять въ это время судъ и расправу. Обязательнымъ отдыхомъ считался также день воскресный. Въ числѣ статей нашего памятника одна гласитъ, что въ этотъ день обязательно должны быть закрываемы лавки и прекращается всякая торговля. Продажа въ розницу была дозволена однимъ только генуэзцамъ. Изъ этого правила допускаемо было исключеніе только въ пользу подданныхъ республики св. Марка, да и то лишь на время посѣщенія ихъ галерами каффскаго порта (ст. 76).

Торговля должна была происходить открыто. Нагрузка судовъ производилась на глазахъ у всѣхъ, повидимому, съ цѣлью избѣжать

---

[40]) См. Зап. Одес. Общ. И. и Д., т. V, стр. 825, примѣч. 63.

чрезмѣрнаго обремененія корабля, что, — прибавляетъ нашъ памятникъ, — опасно для цѣлости лицъ, отправляющихся въ путь (quod est periculosum saluti navigantium). На владѣльцевъ кораблей возлагалась отвѣтственность за цѣлость груза. Вопреки, какъ значится, установившемуся обычаю (consuetudine in aliquo non obstante), собственникъ корабля и лица, имѣющія свою часть въ немъ (participes ipsius navigii), должны были вознаграждать владѣльцевъ товара, выброшеннаго ими за бортъ, даже въ томъ случаѣ, если такая мѣра была вынуждена обстоятельствами.

Въ числѣ нормъ, регулирующихъ торговлю и промыслы, отмѣтимъ запрещеніе всякаго торга въ кредитъ съ татарами; оно вызвано, очевидно, опасеніемъ, чтобы изъ-за неоплаченныхъ обязательствъ не возникло столкновенія колонистовъ съ туземцами (см. статью Quod nullus mercator genuensis possit ad tempus vendere alicui principi vel baroni maris Majoris). Та же статья указываетъ, что обычный порядокъ вознагражденія за убытки, понесенные продавцомъ или кредиторомъ, путемъ личныхъ репрессалій, или самоуправства, былъ ограниченъ въ Каффѣ, по политическимъ соображеніямъ, требованіемъ, чтобы на такое самоуправство каждый разъ даваемо было особое полномочіе или разрѣшеніе со стороны высшихъ властей Генуи: дожа, совѣта старѣйшинъ, или анціановъ, и высшаго колоніальнаго вѣдомства („Officium Romaniae") [41]).

Политическія соображенія, въ частности страхъ, чтобы Каффа не оказалась недостаточно защищенной на случай нападенія татаръ, сдѣлались источникомъ другой мѣры, запрещавшей отбытіе изъ нея извѣстныхъ мастеровъ, въ частности канатныхъ, каменьщиковъ и конопатчиковъ. Эти ремесла были организованы на цеховыхъ началахъ и

[41]) Случай подобнаго рода представился въ 1474 году. Чтобы не увеличивать числа враговъ, правительство банка св. Георгія запретило жителямъ Каффы всякое самоуправство съ грабившими ихъ казаками, какъ подданными московскаго или русскаго правителя. Граждане Каффы обжаловали это рѣшеніе, ссылаясь на damna per latrones et cozachos illius domini de Mosco illata. Цѣлый караванъ, шедшій изъ Московіи съ товарами, расхищенъ былъ казаками. О нихъ въ разбираемомъ нами документѣ говорится, какъ о genus vile et a manibus seu ptestate quorum nihil in nos et hanc civiltatem pervenit. Nam commercium et negotiatio sua hic pro ipsis facit multo magis quam pro nobis; sunt enim remotissimi a nobís (Cod. dipl. tauro-liguro,-т. III, докум. за № 1102). Это свидѣтельство любопытно, такъ какъ показываетъ ничтожность торговыхъ сношеній, какія чрезъ посредство казаковъ генуэзцы могли завязать съ Московіей и страною русскихъ (natio ruthenorum). Въ виду сдѣланнаго гражданами Каффы представленія, протекторы банка дозволили задержать имущества русскихъ купцовъ.

поставлены подъ власть особыхъ старшинъ, или начальниковъ надъ мастерами [42]).

Экономическая жизнь не отличалась особенною сложностью; городъ, повидимому, получалъ свои припасы изъ сосѣднихъ селъ, занятыхъ по преимуществу туземнымъ населеніемъ; законодательству оставалось только заняться вопросомъ о продажѣ этихъ припасовъ на рынкѣ и объ обложеніи торговцевъ ими сборами въ пользу городскихъ властей.

Одна изъ статей разбираемаго памятника, противясь захвату подгородныхъ земель, въ частности упоминаетъ о поляхъ, лугахъ и пастбищахъ, которыми жители селъ должны владѣть такъ же свободно, какъ владѣли прежде при ханѣ татарскомъ [43]). Въ предѣлахъ города участки, повидимому, считались государственной собственностью; плата за нихъ, подъ именемъ terraticum, поступала въ казну; чтобы уменьшить размѣръ ея по частному ходатайству, недостаточно было согласія одного консула, но также массаріевъ и членовъ совѣта попечителей. Что касается до лавокъ, то онѣ сдаваемы были въ аренду начальствомъ города подъ условіемъ ежегодныхъ платежей въ пользу военнаго капитана, такъ называдмаго „capitaneus burgorum Caffae" (см. главу—De capitaneo burgorum).

Все, необходимое для жизни, поступало изъ селъ на городской рынокъ, гдѣ до продажи взималась положенная пошлина съ возовъ и барокъ, сообразно напередъ установленной таксѣ. Въ числѣ предметовъ, продаваемыхъ такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ всякаго рода зелень, въ томъ числѣ огурцы, арбузы и дыни, всякаго рода фрукты, каштаны и виноградъ. Мѣрою для рыбы обыкновенно служила лодка—„singula barcata". Такимъ порядкомъ продавались, на ряду съ стерлядью («strixiae»), осетрами и камбалою («sturioni» и «rombi»), также устрицы («hostricae»). Въ Чембало, или Балаклавѣ, рыбаки обязаны были отдавать торговому приставу десятую часть пойманной рыбы, если только рыба не была взята неводомъ. Послѣ такого вычета, весь уловъ поступалъ въ продажу на базаръ, расположенный на морскомъ берегу—«in basari ad plagiam». Въ Коппѣ одной изъ главныхъ статей заработка было пластованіе рыбы и приготовленіе икры («cavealia»). Съ каждой бочки опредѣленнаго вѣса полагается платежъ въ пользу консула (см. статью, озаглавленную „De his que facere habeat consul de

---

[42]) Послѣдняя статья изучаемаго нами Статута гласитъ: „quod magistri etc. habeant et habere debeant protomastrum seu capitem unum pro qualibet ipsarum artium qui ipsos ommes et singulos habeat annotatos et nomina eorum" (стр. 815).

[43]) Статья озаглавлена: „De non appropriando campaniam".

la Coppa"). Дрова также продавались на рынкѣ послѣ обложенія двумя аспрами каждой изъ тѣхъ барокъ, на которыя они были нагружены. Мясники платили еженедѣльно отъ лавки шесть аспровъ; хлѣбники— отъ печи четыре раза въ годъ по 12 аспровъ; мельники—всего на всего 1 аспръ отъ жернова, но каждые три мѣсяца.

Городскія власти озабочены были поддержаніемъ чистоты и внѣшняго благоустройства въ городѣ и его предмѣстьяхъ; отсюда запрещеніе выливать за дверь помои подъ страхомъ штрафа въ 25 аспровъ, не считая вознагражденія за вредъ, причиненный случайно одеждѣ того или другого прохожаго. Городскіе обыватели обязаны были устраивать передъ своими жилищами канавы для стока нечистотъ и содержать ихъ въ исправности. При нерадѣніи необходимыя работы производимы были приставомъ на счетъ домохозяина. На обязанности пристава лежало содержать городъ чистымъ и свободнымъ отъ всякой грязи (tenere urbem nitidam et mundatam ab omni turpitudine).

Одной изъ главныхъ заботъ въ странѣ, въ которой засухи тогда, какъ и теперь, представляли обычное явленіе, было обезпечить жителямъ правильное водоснабженіе. Въ Каффѣ имѣлся особый стражъ или надзиратель за водою: обязанность его была слѣдить за тѣмъ, чтобы никто безъ спроса не отводилъ воды себѣ. О водопроводѣ въ Каффѣ упоминается еще 1316 году (Армянскій епископъ беретъ на себя его постройку) [44]). Въ Статутѣ 1449 года на смотрителя за водою возлагается не только надзоръ за существующими водопроводами, но и устройство новыхъ. Въ подчиненныхъ Каффѣ колоніяхъ правильное распредѣленіе воды составляетъ одну изъ главныхъ заботъ администраціи. Такъ, въ Судакѣ консулъ, въ сообществѣ 8-ми лучшихъ мужей изъ мѣстныхъ жителей (ex melioribus dicti loci), выбиралъ ежегодно 1-го марта двухъ „довѣренныхъ лицъ" (probi viri); одинъ изъ нихъ долженъ былъ быть грекомъ. Этимъ лицамъ поручалось распредѣлять воду между владѣльцами виноградниковъ; на нихъ же возложена была забота о томъ, чтобы въ Судакѣ всегда имѣлся необходимый запасъ воды (copia et affluentia aquarum).

На администрацію падала также обязанность слѣдить за правильностью мѣръ и вѣсовъ. Ее несъ въ Каффѣ полицейскій приставъ, а въ подчиненныхъ ей колоніяхъ мѣстные консулы. Въ XV вѣкѣ, когда часы составляли еще рѣдкость, въ стѣны дворца консула въ Каффѣ

---

[44]) Уже въ Impositio officii Gazariae отъ 1316 г. (См. Записки Одесскаго Общ. Ист. и Древн., т. V, стр. 825, примѣч. 29) заходитъ рѣчь объ обязанности консула устраивать цистерны, или подземныя водохранилища.

вдѣлана была пара ихъ для общаго пользованія. Статутъ вмѣняетъ консулу въ обязанность держать при себѣ часовщика, способнаго слѣдить за правильнымъ ходомъ часовъ.

Въ числѣ чиновниковъ, присутствіе которыхъ считалось обязательнымъ, статутъ Каффы не говоритъ о врачахъ и хирургахъ; но того же нельзя сказать о статутахъ подчиненныхъ Каффѣ колоній, въ томъ числѣ Таны и Судака. Въ Танѣ, какъ видно изъ документовъ, отпечатанныхъ Canale, венеціанцы держали по меньшей мѣрѣ одного человѣка, способнаго отправлять обязанности и медика, и хирурга [45]). Въ Судакѣ, какъ значится въ статутѣ 1449 г., доженъ быть по меньшей мѣрѣ одинъ цирульникъ (barberius), обученный хирургическому искусству (in arte cerugica doctus) [46]).

Упоминаемъ еще о любопытномъ постановленіи, которое, устраняя участіе адвокатовъ въ процессахъ, судимыхъ консуломъ или его викаріемъ, по всей вѣроятности въ виду суммарнаго характера ихъ производства, въ то же время допускаетъ ихъ къ защитѣ интересовъ лицъ несостоятельныхъ. Статья гласитъ, что законовѣдъ—„legistus"—не смѣетъ являться на судъ въ Каффѣ („ad curiam Kaffae"), какъ ходатай, „causa allegandi vel advocandi"; но онъ можетъ быть повѣреннымъ по дѣламъ вдовъ, сиротъ, малолѣтнихъ, находящихся въ отлучкѣ и больныхъ, „всегда нуждающихся въ опекунѣ и попечителѣ". Всѣ эти категоріи лицъ обнимаются общимъ понятіемъ „personae miserabiles", т. е. людей бѣдныхъ (статья—Ne legisti vel advocati advocent nisi pro miserabilibus).

Скажемъ въ заключеніе еще нѣсколько словъ о финансовомъ устройствѣ черноморскихъ колоній Генуи. Какъ и въ городахъ Италіи, налоговая система обнимала собою, на ряду съ прямыми податями, еще сборы съ предметовъ потребленія и таможенныя пошлины. Разбираемый нами памятникъ весьма озабоченъ мыслью о томъ, чтобы всѣ эти сборы сдаваемы были на откупъ и чтобы путемъ изъятій не вносимо было неравномѣрности въ распредѣленіе денежныхъ тягостей населенія. Одинъ консулъ свободенъ былъ отъ всякихъ взносовъ, остальные же жители не могли добиться даже уменьшенія размѣра падающаго на нихъ „terraticum", или налога съ городскихъ участковъ, иначе, какъ послѣ производства предварительнаго разслѣдованія; послѣднее открывалось каждый разъ на основаніи предъявленной ими жалобы и съ согласія консула, казначеевъ и совѣта попечителей. Го-

[45]) Canale. Documenti tauro-Veneti, II, стр. 464.

[46]) Статутъ 1449 г., кн. II § 22.

воря о сборѣ пошлинъ съ поступающихъ на рынокъ жизненныхъ припасовъ, уставъ 1449 года высказывается противъ освобожденія отъ нихъ кого бы то ни было, въ томъ числѣ и квартирантовъ, живущихъ въ чужомъ домѣ и платящихъ въ складчину за общій столъ (residentes in domum alicuius ad scotum) [47]). Вообще изъятіе отъ платежей можетъ быть дано только въ Генуѣ; ни консулъ, ни совѣтъ Каффы не въ правѣ надѣлить имъ никого по собственной иниціативѣ. Одной изъ чрезвычайныхъ статей дохода, упоминаемыхъ статутомъ, является продажа съ публичныхъ торговъ незанятыхъ должностей. Такъ называемая vénalite des offices возникла въ Италіи гораздо ранѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, и занесена была изъ нея, между прочимъ, во Францію. Статутъ 1449 года принимаетъ мѣры не столько къ упроченію, сколько къ ограниченію такой продажи. Только въ томъ случаѣ, когда она будетъ признана необходимой собраніемъ почти всѣхъ властей Каффы, и притомъ не простымъ большинствомъ голосовъ, а $^2/_3$ ихъ, считается возможнымъ отдать должность тому, кто больше за нее предложитъ („offcium vendere in publica callega et deliberare plus offerenti“). Въ числѣ предметовъ обложенія мы не встрѣчаемъ въ Каффѣ столь распространенной во всѣхъ городахъ Италіи gabella salis, т. е. налога на соль, но только потому, что самое добываніе соли составляло монополію правительства. Послѣднее ревниво охраняло эту доходную статью, требуя, напр., отъ лицъ, занимающихся соленіемъ рыбы въ Коппѣ, чтобы они привозили обратно въ Каффу и бросали въ море излишекъ закупленной ими соли. Если въ особой статьѣ (De non apaltando sal) уставъ 1449 года и высказывается противъ отдачи соли на откупъ, то только потому, что считаетъ болѣе выгодной непосредственную эксплоатацію этой монополіи правительствомъ. Налоги на съѣстные припасы, на „victualia“, наоборотъ, отдаваемы были на откупъ. Въ одной изъ статей нашего устава перечислены различные поборы, какіе взимаются откупщикомъ на правахъ акциза съ строительнаго матеріала, съ дровъ, угля, съ овощей, а также съ возовъ пшеницы, проса и всякаго другого хлѣба, въ томъ числѣ такъ называемой mixstura, т. е. смѣси пшеницы, овса и ячменныхъ отрубей. Сборъ взимается только тогда, когда припасы предназначены для продажи. Орѣхи, миндаль, рожки, продаваемые на базарѣ, также обложены поборами, столько-то отъ модія (pro quolibet modio).

Мы обозрѣли, хотя и бѣгло, но тѣмъ не менѣе всесторонне общественные и административные порядки генуэзскихъ колоній на Чер-

---

[47] См. статью „De Immunitate francorum“

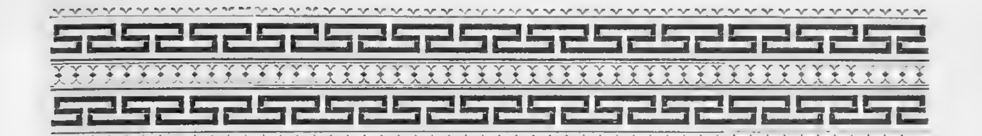
номъ морѣ. Изъ нашего очерка легко заключить, что Генуя перенесла цѣликомъ собственныя учрежденія въ плохо подготовленную для нихъ среду. Немудрено, если эти учрежденія далеко не дали тѣхъ результатовъ, какихъ въ правѣ было ожидать отъ нихъ правительство, если имъ не удалось предупредить ни столкновеній отдѣльныхъ національностей и вѣроисповѣданій, ни чиновничьяго вымогательства, язвы незаконныхъ поборовъ и взятокъ. На каждомъ шагу мы убѣждаемся въ томъ, что правителямъ Генуи приходилось считаться съ злоупотребленіями властью и желаніемъ присланныхъ изъ метрополіи чиновниковъ разжиться на счетъ управляемыхъ; иначе не было бы необходимости точно опредѣлять размѣры дозволенныхъ выгодъ, связанныхъ для того или другого лица съ отправленіемъ его служебныхъ обязанностей; не пришлось бы также читать въ Статутѣ сообщеній въ родѣ слѣдующаго: „прежніе начальники, поступая безчестно, брали деньги и дозволяли дѣлать то-то и то-то", или—„грозными и ласковыми словами мирили они ссорящихся и, взявъ съ нихъ деньги, отпускали по домамъ, не доводя ни о чемъ до свѣдѣнія высшаго начальства". Нечего было бы также законодателю говорить о томъ, что чиновники не въ правѣ брать съ жителей ни сѣна, ни травы и дровъ, а тѣмъ болѣе денегъ, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Особымъ произволомъ отличались, повидимому, военныя власти, почему по ихъ адресу и сдѣлано большинство приведенныхъ напоминаній [48]). Въ обществѣ, въ которомъ интересы военной защиты стали пріобрѣтать перевѣсъ надъ интересами мирнаго гражданскаго оборота, въ которомъ ежечасно ждали нашествія со стороны татаръ и упраздненія политической независимости турками, весьма естественно было встрѣтиться съ желаніемъ уйти отъ отвѣтственности путемъ отказа отъ должности или даже тайнаго отплытія на родину. Отсюда частыя упоминанія о томъ, что выбранныя власти должны оставаться на своемъ посту, что капитаны кораблей и ихъ хозяева не въ правѣ принимать на суда членовъ консульской свиты и вообще лицъ, принадлежащихъ къ расширенной или искусственной семьѣ, „familia", того или другого должностного лица. Съ самаго перехода подъ власть банка св. Георгія жители генуэзскихъ колоній на Черномъ морѣ предвидѣли ожидавшую ихъ судьбу. Если правительство рѣшилось на такую передачу своихъ владѣній въ руки частной компаніи, то потому, что взятіе турками Константинополя отнимало у него всякую надежду отстоять независимость добытыхъ столькими усиліями и съ такимъ пролитіемъ крови портовъ и факторій

[48]) См. гл. „De capitaneo burgorum Caffae et ejus balia".

въ землѣ иновѣрныхъ. Благодаря разнообразію своихъ торговыхъ связей, обилію кліентовъ во всѣхъ частяхъ міра, банкъ св. Георгія считался болѣе призваннымъ прійти на помощь погибающимъ колоніямъ, но своими неусыпными заботами ему удалось только отсрочить на четверть вѣка неизбѣжную развязку. Несмотря на усиленіе оборонительныхъ средствъ, на заведеніе бомбардъ и пушкарей, о чемъ не разъ заходитъ рѣчь и въ разобранномъ нами памятникѣ, Каффа, тѣснимая одновременно съ суши полчищами татаръ, а съ моря турецкой флотиліей, принуждена была сдаться на милость побѣдителямъ. Въ 1475 году положенъ былъ конецъ независимости генуэзскихъ колоній на Черномъ морѣ, а вмѣстѣ съ ними исчезли и уцѣлѣвшіе остатки венеціанскаго поселенія на берегу Дона, бокъ о бокъ съ генуэзской Таной.

Максимъ Ковалевскій.

Парижъ.
Іюнь 1903-го года.



Введеніе „нѣмецкаго" права въ селахъ Чехіи XIV вѣка.

Высказываясь о введеніи въ Чехіи такъ называемаго нѣмецкаго права, большинство изслѣдователей склоняется къ тому мнѣнію, что это право способствовало упроченію правового положенія крестьянъ и улучшенію ихъ экономическаго благосостоянія [1]). Порою высказываются въ литературѣ робкіе протесты противъ установившихся по данному вопросу воззрѣній, но къ нимъ или не желаютъ прислушиваться, или отвѣчаютъ на нихъ по правиламъ риторическаго искусства [2]). Ни удивляться этому, ни огорчаться этимъ не приходится: это есть послѣдствіе силы традиціи, освященной давностью. Такъ какъ вопросъ о вліяніи такъ называемаго нѣмецкаго права является однимъ изъ основныхъ вопросовъ исторіи славянскихъ народовъ, то я рѣшился еще разъ sine ira et studio подвергнуть пересмотру чешскія грамоты XIV вѣка, которыя хотя давно опубликованы, но недостаточно использованы въ данномъ направленіи.

Лица, получавшія имущества во владѣніе на условіяхъ эмфитевтическаго или нѣмецкаго права, пользовались правомъ распоряженія этими имуществами, т. е. могли ихъ продавать, дарить, обмѣнивать,

---

[1]) Нѣкоторыя указанія на господство такихъ воззрѣній см. въ моей книгѣ: „Очерки и изслѣдованія по соціальной и экономической исторіи Чехіи въ средніе вѣка", т. I, стр. 12—21.

[2]) См. отзывъ о моей книгѣ г. Пекаря—K českým dějinám agrárnim ve středověku, въ журналѣ Český časopis historický, Ročník VII (1901), seš. 3, str. 362—363.

закладывать и вообще свободно заключать всякаго рода сдѣлки. Такимъ образомъ, они (по выраженію одной грамоты) распоряжались имуществами, находившимися въ ихъ владѣніи, какъ бы своею собственностью. Однако, это не была собственность, такъ какъ право распоряженія обставлено было соблюденіемъ цѣлаго ряда обязательныхъ условій, а именно: 1) необходимо было получить согласіе и разрѣшеніе землевладѣльца на всякаго рода юридическую сдѣлку по отчужденію имущества, ибо самовольное распоряженіе приводило къ потерѣ всѣхъ правъ, принадлежавшихъ виновнымъ; 2) допускались только такіе договоры, которые не измѣняли титула владѣнія, т. е. переносили на третьихъ лицъ всѣ права и обязанности лицъ, отчуждавшихъ имущество; 3) заключеніе договоровъ подобнаго рода разрѣшалось съ людьми равнаго соціальнаго положенія и доброй нравственности [3]). Иногда требовалось не только разрѣшеніе землевладѣльца, но и согласіе жителей села принять въ свою среду новаго члена [4]).

Право владѣльца имущества, отданнаго на условіяхъ эмфитевтическаго или нѣмецкаго права, было jus in re aliena. Его право имѣло силу только до тѣхъ поръ, пока онъ исполнялъ всѣ повинности и

---

[3]) *Emler*, Regesta, t. III, p. 77, nr. 176, (1314): si aliquis seu aliqui ex villanis predictis fortassis ob inopiam seu propter aliam quamcunque causam in villis et hereditate predictis residere nolentes, suam partem heredidatis ibidem vendere voluerint, possunt de scitu ipsius d. Ditrici vel suorum heredum facere bonis hominibus.—Ibid., t. III, p. 291, nr. 696, (1321): Praeterea hominibus ipsis, heredibus ac successoribus ipsorum, quod bona predicta eodem jure ac onere ac conditione, quibus bona ipsa tenere debent, possunt vendere, donare, obligare, commutare et facere *ut de re propria*—nostra tamen et heredum ac successorum nostrorum super hoc voluntate requisita prius et obtenta.—Ibid., t. III, p. 343—344, nr. 865, (1323): omne jus sibi competens in area sua cum suis pertinentiis ipso facto amittat... Nulli etiam predictorum liceat alium in area sua loco sui et nomine suo ponere absque scitu nostro et consensu ac nostrorum successorum, nec etiam liceat alicui jus suum in alium transferre, quod ei in area sua competit—absque nostra et nostrorum successorum licentia speciali titulo venditionis, donationis, permutationis et obligationis, ad quod ipsos et quemlibet ipsorum stringimus poena praelibata.—Ibid., t. III, p. 402, nr. 1039, (1325): predicta bona in Sessowicz cum suis pertinentiis universis possint vendere, donare, obligare, in alia bona commutare et de ipsis facere libere, de scitu tamen d. Henrici et successorum suorum in praebenda.—Ibid., t. III, p. 675, ar. 1723, (1331): si aliquam hereditatem suam vendere continget nulli de clientibus vendere liceat nisi suo simili eodem jure de consensu nostro et nostra voluntate.

[4]) *Emler*, Diplomatář kláštera v Roudnici, p. 48, nr. 31, (1404). Věstník král. České společnosti Náuk, 1893: A pakli bychom to chtěli prodati, tehdy podle obyčeje hostinne dědiny súsedé maji duom shádati a ten, kdož by to chtěl kupiti a knězi proboštovi se líbil a súsedóm hodil, má s toho puol druhého lána...

вносилъ всѣ платежи, пріуроченные къ данному имуществу. Если онъ оказывался неисправнымъ плательщикомъ, на него налагали пени; а если эта мѣра не приводила къ исправленію, то отнимали данное во владѣніе имущество: владѣлецъ терялъ свое условное право распоряженія, лишался своего права на чужую вещь[5]). Отношенія между владѣльцемъ и собственникомъ опредѣлялись въ теоріи выгодою обѣихъ сторонъ. Однако, право собственника стояло гораздо выше права владѣльца. Поэтому землевладѣлецъ сохранялъ право выкупить отданное на условіяхъ эмфитевтическаго или нѣмецкаго права имущество[6]). Владѣльцевъ, или оккупаторовъ, какъ они называются въ одной грамотѣ, можно было удалить; съ ихъ стороны не допускались въ такомъ случаѣ никакія возраженія, если только имъ уплачена была должная и соотвѣтствующая денежная сумма[7]).

Такимъ образомъ, предоставленіе эмфитевтическаго или нѣмецкаго права жителямъ извѣстнаго поселенія не дѣлало ихъ собственниками. Конечно, они могли наравнѣ съ посторонними людьми путемъ купли пріобрѣсти права собственности на имущество, находившееся въ ихъ владѣніи. Нѣкій Сифридъ взялъ на условіяхъ нѣмецкаго права хуторъ въ селѣ Лубнѣ и при этомъ выговорилъ для себя и наслѣдниковъ право преимущественной покупки по оцѣнкѣ, сдѣланной добросовѣстными людьми, если только землевладѣлецъ вздумаетъ продать это имущество. Включеніе этого условія въ договоръ было объяснено тѣмъ, что при наличности этого условія Сифридъ и его наслѣдники болѣе охотно будутъ стараться объ улучшеніи и поднятіи доходности полученныхъ ими земель[8]). Эта оговорка свидѣтельствуетъ о томъ, какъ мало въ сущности обезпечены были владѣльцы земель,

---

[5]) *Emler,* Regesta, t. III, p. 61, nr. 146, (1313); Ibid., t. III, p. 333, nr. 840, (1323); Ibid., t. III, p. 343, nr. 865, (1323).

[6]) *Emler,* Regesta, t. II, p. 812, nr. 1891, (1301): ac ad allodii nostri in Repsin in emphiteosin alienati recuperacionem pervenire commode non possumus, nisi aliquorum bonorum inmobilium minus utilium vendicionem necessario faciamus.

[7]) *Emler,* Regesta, t. IV, p. 72, nr. 187, (1335): tres laneos in villa Dobromiricz sitos, qui nobis annue alteram dimidiam marcam census nomine solvere consueverunt... et volentes quod occupatores et possessores iam dictorum trium laneorum assumpto debito et congruo precio cedant absque contradiccione qualibet de eisdem.

[8]) *Emler,* Regesta, t. IV, p. 732—733, nr. 1837, (1275): curiam cum terra et omnibus pertinenciis in Luben sitam—Sifrido locavi jure teutonico... Si autem ipsam curiam aliquo casu vendicioni exponere contingerit et si idem Sifridus vel sui heredes legitimi voluerint et poterint dare domino—pecuniam, quam viri honesti et boni pro ipsis bonis decreverint fore dandam, tunc a nullo alio sed ab ipsis predicte curie pecunia recipietur, ut propter hoc melioracioni bonorum ipsorum magis ex animo sint intenti.

отданныхъ на условіяхъ эмфитевтическаго или нѣмецкаго права: въ каждый моментъ землевладѣлецъ могъ удалить ихъ со своихъ земель, если только онъ хотѣлъ и могъ уплатить должную и соотвѣтствующую сумму (debito et congruo precio). Какъ видно изъ вышеуказанной оговорки, при опредѣленіи этой суммы не были обыкновенно принимаемы во вниманіе тѣ улучшенія, которыя на чужой землѣ произвелъ „оккупаторъ“, а потому какія-либо улучшенія или мѣры къ поднятію доходности земель были противны интересамъ послѣдняго, такъ какъ могли только побудить землевладѣльца воспользоваться принадлежавшимъ ему правомъ.

Такъ какъ при опредѣленіи размѣра отступного оставлялось безъ вниманія повышеніе цѣнности имущества, то это значитъ, что землевладѣлецъ-собственникъ возвращалъ владѣльцу-оккупатору только ту сумму, которую получилъ отъ него при заключеніи договора. При заключеніи договоровъ объ отдачѣ имуществъ на условіяхъ эмфитевтическаго или нѣмецкаго права, землевладѣлецъ „продавалъ“ имущество, а оккупаторъ его „покупалъ“. Это былъ договоръ „купли“ для послѣдняго и „продажи“ для перваго [9]). Съ этой точки зрѣнія, эмфитевтическое право вполнѣ справедливо называлось по-нѣмецки закупнымъ правомъ (Kaufrecht), а по-чешски просто „закупомъ“ [10]). Такъ какъ подобные договоры, заключаемые землевладѣльцами съ жителями и поселенцами, не приводили къ передачѣ правъ собственности отъ первыхъ къ послѣднимъ, то было бы ошибочно отождествлять тогдашнюю и вышеуказанную „куплю-продажу“ съ современной. Употребляя въ соотвѣтствующихъ случаяхъ этотъ терминъ, люди XIII—XIV вѣковъ желали указать на то, что при заключеніи договоровъ о наслѣдственной арендѣ одна сторона получала, а другая уплачивала извѣстную денежную сумму.

Эта сумма, которую можно назвать закупнымъ платежомъ, отнюдь не должна была представлять съ теоретической точки зрѣнія стоимость или оцѣнку имущества, а по своему характеру ближе она подходила къ современному задатку. Въ источникахъ этотъ закупный, или задаточный, платежъ назывался различно. Наиболѣе обычнымъ терми-

---

[9]) Тексты см. въ примѣчаніяхъ къ настоящей статьѣ.

[10]) *Emler*, Regesta, t. IV, p. 617, nr. 1537, (1345): in veram emphitheosim, quod vulgariter dicitur chaufrecht vel purkrecht.—Decem registra, p. 240—241, ad an. 1371; p. 254, 262, 267, ad an. 1374: jure emphiteotico sive civili, quod wglariter poddaczie alias kauffrecht nominatur.—Ibid., p. 244, ad an. 1384: in jus emphioticum, quod wlgariter dicitur zakup.

номъ былъ римскій: arra, arrha [11]). Очень рѣдко платежъ этотъ назывался нѣмецкимъ терминомъ: Anleit [12]). Считая послѣдній терминъ простонароднымъ, составители грамотъ предпочитали соединять его съ римскимъ [13]). Кромѣ того, иногда для наименованія закупнаго платежа употреблялись слѣдующіе термины: pecuniae porrectoriae, podaczie, которые представляютъ переводъ на латинскій и чешскій языки вышеупомянутаго нѣмецкаго термина [14]).

Какимъ важнымъ моментомъ при заключеніи договора между землевладѣльцемъ и лицами, принимавшими имущество во владѣніе на условіяхъ эмфитевтическаго или нѣмецкаго права, былъ закупный платежъ, это можно видѣть изъ того, что довольно часто эти самые договоры назывались однимъ изъ терминовъ, усвоенныхъ для наименованія закупнаго платежа [15]).

Особеннаго, однако, вниманія заслуживаетъ тотъ фактъ, что эмфитевтическій договоръ, какъ видно изъ двухъ грамотъ, былъ извѣстенъ

---

[11]) *Emler,* Regesta, t. III, p. 391—392, nr. 1602, (1324): pro arra.—Ibid., t. III, p. 731, nr. 1874, (1332): nomine arrae.—Ibid., t. IV, p. 92, nr. 237, (1335): nomine arre. Ibid., t. IV, p. 107, nr. 266, (1336): arre nomine.—Ibid., t. IV, p. 166, nr. 413, (1337): pro arra laneorum.—Ibid., t. IV, p. 170, nr. 419, (1337): nomine arrae.—Ibid., t. IV, p. 356 nr. 891, (1341): nomine arre.—Ibid., t. IV, p. 475, nr. 1192, (1342): pro arra.—*Decem registra,* p. 235, ad an. 1353: nomine arre.

[12]) *Emler,* Regesta, t. III, p. 224, nr. 541, (1319): Ea vero, que nomine locacionis emphyteotice, que vulgo anleg appelatur... Ibid. t. IV, p. 494, nr. 1243, (1343): pecuniae quae anleit vulgariter nuncupatur.—Ibid., t. IV, p. 516—517, nr. 1289—1290, (1343): pro inducciοnalibus nomine proprietatis et hereditarie possessionis, quas vulgariter anleit dicimus.

[13]) *Emler,* Regesta, t. III, p. 309, nr. 756, (1322): pro arra, que anleit dicitur vulgariter.—Ibid., t. IV, p. 252, nr. 650, (1339): subsidia quoque, que racione arre sive anleit de locatione tali.—Ibid., t. IV, p. 348, nr. 880, (1341): de omni arra, quae vulgariter theutunice anleit dicitur.—Ibid. t. IV, p. 371, nr. 924, (1341): ad percepcionem nomine arre, que vulgariter anleit dicitur.—Ibid., t. IV, p. 414, nr. 1032, (1341): pro arra quadraginta laneorum predictorum, que vulgariter anleyt dicitur.

[14]) *Fmler,* t. III, p. 811, nr. 2074, (1333:) sexagenas—porrectorias, quas vulgariter anleit dicimus.—Ibid., t. IV, p. 332, nr. 848, (1340): pecuniae porrectoriae, quae vulgariter anleit nuncupatur.—Ibid, t. IV, p. 446, nr. 1106, (1342): pro porrectoria, quae vulgariter anleit dicitur.—Ibid., t. II, p. 833, nr. 1933, (1302): arrharum, quod in vulgari podaczie nancupatur.

[15]) *Emler,* Regesta, t. IV, p. 37, nr. 108, (1334); pro ipso jure teutonicali, quod vulgariter purchrecht dicitur seu podaczie.—Ibid., t. IV, p. 191, nr. 475, (1337); racione jurium, que vulgariter anleyten appellantur.—Ibid., t. IV, p. 803, nr. 2056, (1335): jure theutonicali, quod podaczye dicitur.—*Decem registra,* p. 250, ad an. 1366: nomine arre sive contractus.—Ibid., p. 241, 254, 262, 267; ad an. 1371—1374: jure emphiteotico sive civili, quod vulgariter poddaczie alias kauffrecht nominatur.

подъ техническимъ римскимъ названіемъ laudemium[16]). Такъ называлась въ римскомъ правѣ плата, поступавшая въ пользу собственника въ размѣрѣ 50-й части или 2% съ продажной цѣны при отчужденіи, съ его согласія, эмфитевтическаго участка земли. Ее обыкновенно уплачивалъ не продавецъ, а покупатель[17]). Употребляя для наименованія эмфитевтическаго договора вышеуказанный терминъ римскаго права, составители грамотъ свидѣтельствовали не только о томъ, какое огромное значеніе придавали въ XIV вѣкѣ закупному платежу, но и указывали на то, что закупный платежъ былъ вознагражденіемъ собственника за предоставленіе правъ распоряженія въ пользу лицъ, получившихъ во владѣніе имущество на условіяхъ эмфитевтическаго или нѣмецкаго права. Такъ какъ собственникъ всегда сохранялъ за собою право выкупить отданное имущество и такимъ образомъ возвратить себѣ всѣ права распоряженія имуществомъ[18]), то отсюда неизбѣжно вытекала необходимость при заключеніи договора опредѣленія закупнаго платежа[19]).

Въ разныхъ краяхъ Чехіи и даже въ предѣлахъ того же края закупный платежъ взимался въ различномъ размѣрѣ. Какъ видно изъ свидѣтельствъ, которыя имѣются въ распоряженіи изслѣдователя, въ XIV вѣкѣ наименьшій его размѣръ былъ 2 копы съ лана. Такую сумму получилъ пробстъ Мельницкой церкви съ каждаго изъ 12 лановъ села Тремешны Хрудимскаго края при введеніи эмфитевтическаго права[20]). Въ селахъ Дубнѣ, Росеовицѣ, Книнѣ, Либчицѣ, Добринѣ и въ лѣсу Тырновскомъ (около села Скоховицы Бераунскаго края), а также въ селѣ Градкѣ Пильзенскаго края уплаченъ былъ закупный платежъ въ суммѣ по 2 копы съ лана, но въ селѣ Островѣ Пильзенскаго края—по 3 копы и въ селѣ Бутовѣ того же края—по 3 копы 2 гроша, въ селѣ

---

[16]) *Emler,* Regesta, t. III, p. 260, nr. 615, (1320): receptis ab eis quinque sexagenas—pro quolibet laneo nomine laudimii sive contractus emphitiatici, jure emphitiatico locavimus praesentibus.—Ibid., t. IV, p. 830, nr. 2137, (1321): receptis ab eis de quolibet laneo duabus sexagenis—nomine laudimii sive nomine contractus emphitheotici, jure emphitheotico locavimus.

[17]) *Bernh. Windscheid,* Lehrbuch des Pandektenrechts, Aufl. 8, 1900, S. 994; *Gaston Dufour,* De l'emphytéose, Paris 1893, p. 90—96.

[18]) См. выше, прим. 7.

[19]) *Emler,* Regesta, t. IV, p. 502, nr. 1263, (1343): Sed quia hujusmodi emphiteotica venditio sine melioratione nostrae praeposituræ *ac arrae receptione expressa non valeret,* fertonem—ultra censum consuetum eisdem agris imposuimus arrae nomine...

[20]) *Emler,* Regesta, t. IV, p. 830, nr. 2137, (1321): receptis ab eis de quolibet laneo duabus sexagenis... nomine laudimii sive nomine contractus emphitheotici.

же Китинѣ, мѣстечкѣ Душникахъ и въ лѣсу Капчицѣ около Книна Бераунскаго края и въ селѣ Стволнахъ Пильзенскаго края—по 4 копы [21]). Въ Клатовскомъ, Прахенскомъ и Литомерицкомъ краяхъ, насколько можно судить по сохранившимся свидѣтельствамъ, закупный платежъ взимался въ размѣрѣ не менѣе 3-хъ копъ съ каждаго лана, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ платежъ этотъ значительно повышался, достигая въ Прахенскомъ—суммы 18 копъ и въ Литомерицкомъ краѣ—даже суммы 40 копъ съ каждаго лана. Къ Клатовскому краю относится только одно свидѣтельство: въ селѣ Милавицѣ землевладѣлецъ долженъ былъ получить закупнаго платежа по 3 копы съ каждаго лана [22]).

О закупныхъ платежахъ, взимаемыхъ при введенiи эмфитевтическаго права въ селахъ Прахенскаго края, сохранились въ источникахъ слѣдующiя свидѣтельства: 1) въ 27 селахъ, принадлежавшихъ королевѣ, крестьяне уплатили съ каждаго изъ 139 лановъ по 6 копъ [23]) 2) жители мѣстечка Тоховицы и селъ Горичабскаго и Старой Воды

---

[21]) *Emler*, t. III, p. 290, nr. 696, (1321): villam forensem Dussnik cum X laneis et villam Dubnecz cum IX laneis et villam Resieyowicz cum XXVI laneis, receptis ab ipsis proinde sive ex causa seu ratione hujus contractus emphiteotici de quolibet laneo spectante ad praedictam villam forensem Dussnik IV sex. gross. et de quolibet laneo pertinenti ad villas praefatas Dubnecz, Rossieyowicz duabus sexagenis.—Ibid., t. III, p. 291, nr. 697, (1321): jure emphiteutico villam Kytin cum VIII laneis, villam Dobrziss cum XII laneis, villam Knyn cum VII lan. et dimidio et villam Lipczicz cum X lan... Receptis ab ipsis ex ratione hujusmodi contractus emphiteotici quolibet laneo spectante ad praedictam villam Ketyn IV sex. gros., et de quolibet laneo spectante ad villas praefatas Knyn et Lipicz duabus sexagenis monetae praedictae.—Ibid., IV, p. 92, nr. 237, (1335): in nemore Kamnicensi, qnod Capczycz dicitur prope oppidum Knyn, extirpando rubeta et nemora duas villas, quamlibet earum decem laneos censuales continentem..... de quibus viginti laneis praedictis octoginta sexagenas... nomine arre percepimus.—Ibid. IV, p. 191—192, nr. 475, (1337): omnes agri quondam in Stowlno et in Hradeck spectantes, quos ad eandem civitatem Rabenstein asscribi fecimus... de singulis laneis, videlicet ctwolinensibus quatuor, et de Hradeck duas sexagenas... percepimus racione jurium, que vulgariter anleyten appelantur... omnes agrorum quondam in Ostrow pertinencium cultores nunc... a quibus racione anleytung per tres percepimus sexagenas.—Ibid. IV, p. 470, nr. 1178, (1342): exposuimus et locationis tytulo tradidimus hominibus et rusticis nostris in villa nostra dicta Bitkaw prope Myzam civitatem viginti cum dimidio mansos sive laneos... pro empcionis iure a quolibet laneo tres marcas et duos grossos... ab ipsis receperimus.—Ibid. IV, p. 475, nr. 1191, (1342): silvam dictam vulgariter Tyrnowa sitam supra villam ipsorum Scochowicz ad extirpandum et villam collandam... pro arra pro unoquoque laneo duas sexegenas... tenebuntur solvere atque dare.

[22]) *Emler*, Regesta, t. III, p. 392, nr. 1002, (1324): de reliquis vero XX et 1 laneis... dare debet et tenetur pro arra de quolibet laneo III sex. gros.

[23]) *Emler*, Regesta, t. III, p. 108—109, nr. 269, (1315): bona nostra in Wolinensi provincia, villas infrascriptas, videlicet Bohuncze, Nemedicz, Hosticz, Milenicz, Przetez,

уплатили Островскому монастырю по 4 копы съ лана, а жители села Гореянъ и Клетицы—по 3 копы, тогда какъ въ селѣ Лисовицѣ не было произведено никакихъ платежей[24]); 3) въ королевскомъ селѣ Миленовицѣ взыскали съ лана по 18 копъ[25]). Въ Литомерицкомъ краѣ закупные платежи были въ общемъ умѣренные, колеблясь въ суммѣ отъ 3 до 5 копъ съ лана, но, какъ видно изъ одной грамоты, иногда въ исключительныхъ случаяхъ они достигали поразительно огромнаго размѣра: 1) при расчисткѣ подъ пашню $4^1/_2$ лановъ земли около монастырскаго хутора Свинчицы предприниматель долженъ былъ уплатить Осецкому монастырю $12^1/_4$ копъ, т. е. около 3 копъ съ каждаго лана[26]), а при основанiи села Тынца Мниховскаго—по 5 копъ[27]); 2) вводя эмфитевти-

Neusluzicze, Camene, Bessechlapy, Czeprzewicze, Cogetin, Twrzice, Bussenawicze, Stranouicze, Wlehly, Hostieticz, Cowan, Seteczowicz, Bolicowicz, Rodhosticz, Bossycz et silvam, que dicitur Birdo, item villas Budilowo, Zahorzie, Radzan, Wystowicz, Wranowicz, Onssewicz, Nahorzan... vendidimus jure theotonico pauperibus ibidem, minus uno laneo centum et quadraginta laneos... quemlibet laneum per VI sexagenas.—Села эти расположены по теченію Волынки, преимущественно на правомъ берегу ея, вокругъ мѣстечка Волыни. Почти всѣ эти села можно найти на современной картѣ, несмотря на то, что въ грамотѣ имена нѣкоторыхъ изъ нихъ подверглись искаженію. Въ составъ этой группы входили слѣдующія села, а именно: Нѣметица, Гощица, Неуслушица, Каменна, Богоница, Вшесланы, Чепреёвица, Коечинъ, Тверсица, Бушановица, Странеёвица, Улегло, Маленица, Кованинъ, Сетеховица, Боликовица, Радостица, Бошица, Будиловъ, Загорье, Вышковица, Борановица, Опшовица, Нагораны. Остаются неразгаданными слѣдующія названія селъ латинской грамоты: Przetez, Hostieticz, Radzan.

[24]) *Emler,* Regesta, t. III, p. 674—675, nr. 1723, (1331): villas nostras, sitas in provincia Boznensi, videlicet Tochowice opidum, in quo sunt sedecim lanei, in Horzieczansko septem, in Starawoda septem, in Horzieian quinque, in Cleticz quatuor, in Lyssowicz duo... locavimus jure emphiteotico Buzkoni judici et pueris suis legittimis ac pauperibus nostris communiter omnibus... in eadem hereditate manere volentibus... recepta ab eis pecunia de quolibet laneo de Tochowicz et duabus villis Horziczansko et Starawoda per quatuor sexagenas et de duabus villis Horzieian et Cleticz per tres sexagenas, de Lyssowicz vero nichil.

[25]) *Emler,* Regesta, t. IV, p. 37, nr. 108, (1334): villam ipsam (Mylenowicz), que quatuor laneos continet, una cum curia ibidem octo laneos continente, incolis seu inhabitatoribus dicte ville... vendendam duximus... dicti villani pro ipso jure teutunicali, quod vulgariter purchrecht dicitur seu podaczie—de quolibet laneo per decem et octo sexagenas—assignabunt.

[26]) *Emler,* Regesta, t. IV, p. 493, nr. 1241, (1343): rubetum nostrum et campos circumjacentes prope Swinschitz, curiam nostram, radicitus extirpandos et in villam dictam Noskow convertendos IV laneos cum dimidio continentes—jure theutunicali pro XII sex. et uno fertone.

[27]) *Emler,* Regesta, t. IV, p. 530, nr. 1319, (1343): bona nostra in Tynch, XX et V mansos—iure theutunicali locanda exposuimus... pro quolibet manso V sex.—pecuniae, que anleit dicitur.

ческое право въ своихъ селахъ, Осецкій монастырь получилъ въ селѣ Свенчицѣ съ $10^1/_2$ лановъ $31^1/_2$ копу[28]), въ селѣ же Мниховѣ съ 11 лановъ—36 копъ[29]), т. е. въ первомъ изъ этихъ селъ—по 3 копы съ лана, во второмъ—немного болѣе, а въ селѣ Водолицѣ—по 4 копы съ каждаго лана[30]); 3) капитулу Пражской церкви слѣдовало получить 10 копъ за половину лана лѣса, отданнаго на эмфитевтическомъ правѣ въ расчистку подъ пашню, а за цѣлый ланъ такой же земли около села Іеникова—40 копъ[31]).

Взимаемые въ размѣрѣ не ниже 4 копъ съ лана въ Куримскомъ, Жатецкомъ, Болеславльскомъ и Быджовскомъ краяхъ, закупные платежи въ первыхъ двухъ краяхъ, какъ видно изъ грамотъ, доходили до 8 копъ съ лана, въ Быджовскомъ краѣ—до 20 копъ, а въ Болеславльскомъ краѣ—до 21 копы съ каждаго лана.

Въ Куримскомъ и Жатецкомъ краяхъ закупные платежи стояли на одной высотѣ, какъ можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ свидѣтельствъ: 1) въ селахъ Хращанахъ Куримскаго края и Высочанахъ Жатецкаго было уплачено землевладѣльцу по 4 копы съ лана[32]); 2) въ селѣ Овчарахъ Куримскаго края и въ селахъ Корчицѣ, Сыровицѣ, Мѣхолупахъ, Голедцѣ, Голедчикѣ и Блажимѣ Жатецкаго края—по 6

---

[28]) *Emler*, Regesta, t. IV, p. 445—446, nr. 1106, (1342): villam nostram in Schwinschitz decem laneos et dimidium... pro XXXI sexagenis et dimidia grossorum denariorum... vendidimus et locavimus... Praeterea... recognoscimus per presentes, praedictas triginta unam et mediam sexagenam grossorum pro porrectoria, quae vulgariter anleit dicitur, plenarie percepisse.

[29]) *Emler*, t. IV, p. 333, nr. 849, (1340): villam nostram Munchow... iure theutunicali locavimus pro XXXVI sexag.

[30]) *Emler*, Regesta, t. IV, p. 494, nr. 1243, (1343): villam nostram in Odolitz... septem mansos cum quartali mansi et decem mensuras censuales... incolis dictae vlllae jure teutunicali locavimus hereditarie possidendam... pro quolibet manso IV sexagenas—pecuniae, quae anleit vulgariter nuncupatur.

[31]) *Emler*, Regesta, t. IV, p. 166, nr. 416, (1337): loco cuius pecuniae aliae quinquaginta sexagene, quas pro arra laneorum in Iennikow domini habent recipere deponantur. Item decem sexagene, que de medio laneo silve in Iennikow... Quadraginta autem sexagene, que de alio laneo silve debent dari... in terminis ad hoc constitutis ante omnia persolvantur.

[32]) Decem registra, p. 249—250, ad. an. 1366: laneorum 7 cum dimidio et duo jugera in dicta villa (Chrassczan prope Owczar) esse dinoscuntur, receptis ab ipsis pro quolibet laneorum predictorum 4 sexag... nomine arre sive contractus.—*Emler*, Regesta, t. IV, p. 516, nr. 1289, (1343): villam mon. nostri Wisseczan dictam, in qua habemus XIII mansos et unum quartale et XXII mensuras cum uno quartali mensure valentes ad seminandum... incolis ejusdem ville jure theutunicali et hereditario locavimus... de unoquoque laneo seu manso IV sexagenas—pro inducсionalibus nomine—nobis dederunt.

копъ съ лана[33]); 3) въ селахъ Браникѣ, Годковицѣ, Златникахъ и Почерницѣ Куримскаго края и въ селѣ Лазанахъ Жатецкаго края по 8 копъ съ каждаго лана[34]). Гораздо большія колебанія размѣра закупныхъ платежей наблюдаются въ селахъ Болеславльскаго края: 1) въ королевскомъ Липанскомъ лѣсу, между городомъ Нимбургомъ и мѣстечкомъ Лисой, было отведено 49 лановъ земли и съ каждаго получено по 4 копы[35]); 2) въ окрестностяхъ города Новаго Бездеза или Бѣлы и селахъ, вблизи расположенныхъ, было устроено 90 лановъ, при чемъ съ каждаго изъ 60 лановъ землевладѣлецъ получилъ по 10 копъ, а съ каждаго изъ 30 остальныхъ—по 5 копъ[36]); 3) за два лана въ селѣ Брозанкахъ, уступленныхъ на условіяхъ эмфитевтическаго права, получено было 42 копы закупнаго платежа[37]). Существованіе

---

[33]) Decem registra, p. 240—241, ad an. 1371: villam nostram Owczar nuncupatam cum 20 tribus laneis seu mansis... jure emphiteotico... Quorum quidem 23 laneorum unumquemque vendidimus pro 6 sexag.—*Emler*, Regesta, t. III, p. 730—731, nr. 1874, (1332): bona suae praebendae, videlicet Korczek cum quinque laneis et quatuordecim mensuris, item Syrsowicz cum decem laneis sine quartali, item Mecholup cum tribus laneis et uno quartali, item Magnum Holedecz cum duobus laneis et viginti mensuris, item Parvum Holedecz cum quinquaginta mensuris, tem Blazim cum quadraginta sex mensuris et sic in universo viginti duos laneos... sex vero sexagenas grossorum nomine arrae de quolibet laneo dedimus.

[34]) *Emler*, Regesta, t. III, p. 76, nr. 176, (1314): tradidit et dimisit locacionis tytulo villas et hereditates suas Slatnik, Birnik et Hodkowicz... judex et villani seu coloni... de quolibet laneo pro arra, que vlgariter anleit dicitur, tenentur... dare octo sexagenas... de quolibet laneo.—*Emler*, Regesta, t. III, p. 308, nr. 756, (1322): Hereditatem suam in villa sua Poczirnicz... octo sexagenis pro arra, que anleit dicitur wlgariter, de quolibet laneo... locata et data... Hereditas prescripta tota pro decem laneis agrarum.—*Emler*, Regesta, t. IV, p. 517, nr. 1290, (1343): villam mon. nostri Lazan dictam, in qua habemus XIV mansos valentes ad seminandum... incolis eiusdem ville... locavimus... de unoquoque manso VIII sexag. pro inducciоnalibus...

[35]) *Emler*, Regesta, t. IV, p. 414, nr. 1032, (1341): in silva nostra dicta Lippansky, sita inter civitatem Nuenburch et oppidum dictum Lis, quadraginta novem laneos jure emphiteotico—exponere habeant... pro arra quadraginta laneorum predictorum, que vulgariter anleyt dicitur, de quolibet laneo quatuor sexagenas—nobis solvere sunt astricti.

[36]) *Emler*, Regesta, t. IV, p. 169—170, nr. 419, (1337): de silva nostra Bezdensi scilicet LX laneos, qui protenduntur partim versus castrum Bezdez praedictum, et XXX laneos ex alia parte civitatis praedictae, qui protenduntur de proxima valle ipsius civitatis... et ad loca alia ipsi civitati Novo Bezdez et villis subscriptis... viciniores admensurare debent... pro quolibet laneo LX laneorum praedictorum per X sexag. gross... et pro quolibet laneo XXX laneorum praescriptorum, qui sunt in situ alio—per quinque sexagenas—dederunt nomine arrae.

[37]) *Emler*, Regesta, t. IV, p. 107, nr. 266, (1336): duos laneos in villa Brosano iuxta civitatem Melnik, quos quidem laneos—iusto empcionis tytulo ementes pro quadraginta duabus sexagenis—arre nomine derivandis.

такихъ же колебаній размѣра закупныхъ платежей замѣчается не только на пространствѣ цѣлаго края, но и въ окрестностяхъ одного и того же города, какъ видно изъ грамоты, относящейся къ городу Быджову: съ каждаго изъ лановъ, расположенныхъ между селами Худеницей и Слупномъ, взыскано было закупнаго платежа по 15 копъ, съ каждаго лана села Скренира—по 8 копъ, села Метличанъ—по 6 копъ, села Бархова—по 4 копы, съ одного лана села Праска—6 копъ, съ каждаго изъ двухъ другихъ—по 4 копы, а съ остальныхъ лановъ того же села —по 8 копъ, въ селѣ Зеховицѣ—по 8 копъ и т. д.[38]).

Въ селахъ Раковницкаго края при введеніи эмфитевтическаго права взимали обыкновенно не менѣе 5 копъ[39]) и не болѣе $10^1/_2$ копъ закупнаго платежа, какъ видно изъ нижеслѣдующихъ свидѣтельствъ: 1) въ селѣ Гостинѣ крестьяне уплатили по 5 коп. съ лана[40]); 2) въ селахъ Черноховѣ и Уѣздцѣ—по 6 копъ съ лана[41]); 3) въ селѣ Вербнѣ съ 3 лановъ—сначала 20 копъ, а потомъ еще 5 копъ[42]); 4) въ селахъ

---

[38]) *Emler,* Regesta, t. IV, p. 45—46, nr. 120, (cc. 1344): lanei civitatis Byczovie in suis exaccionibus taliter sunt locati, videlicet, primo lanei incipientes circa Chudenicz circum civitatem jacentes usque ad Slupnam in suis exaccionibus ad marcas XV jacent de regia voluntate... It. advertendum, quod lanei in villa Kzrenis usque ad hereditatem Wynaldi de Koczenrode ad VIII marcas sunt positi seu jacentes... It. lanei in parvo Metliczano—ad VI marcas sunt locati... Item sciendum, quod lanei ante Borcum ad IIII marcas collocantur. It. in villa dicta Praska primus laneus Hermanni brasiatoris a metis civitatis ad VI marcas situatur, et residui lanei usque ad duos laneos ante silvam ad VIII marcas sunt in exaccionibus collocati, et alii duo lanei jacent ad IIII marcas. It. notandum, in villa Sechowicz lanei ibidem ad VIII marcas sunt simpliciter collocati...

[39]) Въ мѣстечкѣ Рудницѣ этого края было уплачено по 3 копы съ лана, но свидѣтельство это относится ко времени еписк. Товія (1278—1296 г.г.). *Emler*, Regesta, II, p. 833, nr. 1933, (1302): oppidum suum forense in Rudnicz, in quo quadraginta tres lanei... continentur... vendidit seu locavit jure teutonico... quemlibet laneum pro III marcis arrharum, quam pecuniam ipse praedecessor noster ab eodem judice et hominibus oppidi predicti recepit integraliter.

[40]) *Emler,* Regesta, t. III, p. 260, nr. 615, (1320); villam Hostzien... cum decem et octo laneis ibidem cultoribus eorundem laneorum... receptis ab eis quinque sexagenis... pro quolibet laneo nomine laudemii sive contractus emphitiatici.

[41]) *Emler,* Regesta, t. IV, p. 331, nr. 848, (1340): villam nostram Tschirnochow dictam XLII mansos vel laneos... incolis villae jam dictae jure theutunicali et hereditatis titulo, unum quemque laneum pro VI sexagenis gros... quae vulgariter anleit nuncupatur.—*Decem registra,* p. 234—235, ad an. 1353: hereditatem nostram Vgyezdecz wlgariter nuncupatam, 17 laneorum cum dimidio... continentem... in perpetuum ad jus emphioticum seu teutunicam; daturus et soluturus nobis de praedictorum 16 laneorum... 6 sexag. gr. nomine arre.

[42]) *Decem registra,* p. 272—273, ad an. 1340: quatuor hereditates seu 3 laneos, quas vel quos... hactenus tenuerunt, locaverunt ac vendiderunt eisdem hominibus jure emphiteotico pro 20 sex. nomine arre eis inantea datis... et nobis 5 sexag. superaddiderunt.

Страдоницѣ и Перуцѣ—по 10 копъ съ каждаго лана[43]); 5) въ селахъ Паткѣ и Радоницѣ—по 10½ копъ съ каждаго лана[44]).

Въ основу вышеприведенной группировки свидѣтельствъ положенъ былъ минимальный размѣръ закупнаго платежа, взимавшагося, какъ показано, въ суммѣ 2—5 копъ съ каждаго лана. Если края Чехіи расположить въ порядкѣ, обусловленномъ высотою минимальнаго размѣра закупныхъ платежей, то получится слѣдующій ихъ списокъ: Бераунскій, Пильзенскій, Клатовскій, Прахенскій, Литомерицкій, Куримскій, Жатецкій, Болеславльскій, Быджовскій и Раковницкій края. Расположенные въ такой послѣдовательности края Чехіи (по мѣстонахожденію указанныхъ въ свидѣтельствахъ мѣстностей) соотвѣтствуютъ приблизительно слѣдующимъ естественнымъ округамъ, а именно: гористая область бассейна Бераунки, область верхняго теченія Огры, область Чешскаго лѣса, Будеёвская котловина, область нижняго теченія Огры и Чешская впадина,—которые по своему плодородію, какъ видно изъ отчетовъ австрійскаго Министерства Земледѣлія, располагаются почти въ той же послѣдовательности[45]).

Это соотношеніе между плодородіемъ почвы и высотою закупнаго платежа можно прослѣдить на нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, особенно когда въ свидѣтельствѣ имѣется указаніе на высокій размѣръ пла-

---

[43]) *Decem registra,* p. 267. ad an. 1374: villam nostram Stradomicz nominatam locavimus, exposuimus et vendidimus jure emphiteotico... hominibus nostris... Que quidem villa tenet et habet 22 laneos de novo mensuratos... Quemlibet autem laneum vendidimus pro 10 sexag.—Ibid., p. 276, ad an. 1390: ego Theodoricus de Perucz... partem bonorum ipsorum in villa Perucz sitorum, videlicet 17 laneos... dans inantea domino abbati predicto pro arra pro quolibet laneo premissorum 10 sexag. gr.

[44]) *Decem registra,* p. 254, ad an. 1374: villam nostram Patek nominatam locavimus, vendidimus et exposuimus jure emphiteotico... Que quidem villa tenet et habet 18 laneos... Quemlibet autem laneum vendidimus pro 10 cum media sexag.—Ibid., p. 262, ad an. 1374: villam nostram Stradomicz nominatam locavimus... jure emphiteotico... Que quidem villa tenet et habet 18 laneos de novo mensuratos... Quemlibet autem laneum vendidimus pro 10½ sexag. gr. prag.

[45]) По указаніямъ десятилѣтнихъ данныхъ (1885—1894), посѣвы всѣхъ 4 главныхъ хлѣбныхъ злаковъ (пшеница, рожь, ячмень и овесъ) приносятъ хорошіе урожаи въ Чешской впадинѣ (Tiefland) и въ области нижняго теченія Огры (Unteres Egerland), средніе урожаи въ Будеёвской котловинѣ (Budweiser Becken) и области верхняго теченія Огры (Oberes Egerland), тогда какъ въ области Чешскаго лѣса (Gebiet des Böhmerwaldes), при среднихъ урожаяхъ пшеницы, ржи и ячменя, посѣвы овса даютъ плохіе урожаи, а въ гористой области бассейна Бераунки (Bergland des Beraungebietes) посѣвы пшеницы и ячменя даютъ средніе урожаи, а рожь и овесъ—плохіе. См. Statistisches Iahrbuch des K.-K. Ackerbau-Ministeriums für 1895. Wien, 1896, S. LXVIII—LXX, 42.

тежа: 1) въ селѣ Миленовицѣ Прахенскаго края, гдѣ съ каждаго лана уплачено было по 18 копъ [46]), почва отличается особеннымъ плодородіемъ [47]); 2) почва имѣнія Осецкаго въ Литомерицкомъ краѣ, къ составу котораго принадлежитъ село Іениковъ, гдѣ съ лана взыскано было закупнаго платежа 20—40 копъ [48]), принадлежитъ къ числу наиболѣе плодородныхъ въ странѣ [49]); 3) село Брозанки, гдѣ съ лана уплачено было по 21 копы закупнаго платежа [50]), входитъ въ составъ имѣнія Мельницкаго, на земляхъ котораго можно съ успѣхомъ заниматься разведеніемъ виноградниковъ и хмѣлеводствомъ, такъ какъ почва и климатъ вполнѣ этому благопріятствуютъ [51]).

Такое же соотношеніе наблюдается также и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ предѣлахъ одного и того же имѣнія или одной и той же мѣстности встрѣчается почва различнаго качества и плодородія. Такъ, напр., въ западныхъ и южныхъ частяхъ имѣнія Бѣлы или Новаго Бездеза почва лучшаго качества, чѣмъ въ сѣверныхъ и восточныхъ частяхъ, гдѣ она по большей части песчана [52]); и въ соотвѣтствіи съ этимъ, здѣсь было взыскано закупнаго платежа съ каждаго лана изъ числа 60 по 10 копъ, а съ каждаго лана другихъ 30 লановъ—по 5 копъ [53]). Колебанія въ размѣрѣ закупныхъ платежей въ окрестностяхъ города Новаго Быджова [54]) объясняются различіемъ въ плодородіи почвы: 1) мѣстность, расположенная въ долинѣ рѣчки Цидлины, отъ села Худоницы вплоть до села Слупна, гдѣ было взыскано по 15 копъ съ каждаго лана, отличается особеннымъ плодородіемъ [55]); 2) въ окрестностяхъ Стараго Быджова, Скренира и Зеховицы взыскано почти въ два раза менѣе, потому что поля этихъ поселеній расположены въ гористой мѣстности, гдѣ урожаи хлѣбныхъ злаковъ даютъ самъ-3 или 4, тогда какъ въ долинѣ—самъ-7 [56]); 3) въ окрестностяхъ Бархова было взыскано всего только по 4 копы съ лана, потому что почва состоитъ по преимуществу изъ песку и крупнаго гравія, вслѣдствіе чего здѣсь можетъ произрастать только рожь и овесъ [57]).

[46]) См. выше, прим. 25.
[47]) *Sommer*, Das Königreich Böhmen, Bd. VIII, S. 415.
[48]) См. выше, прим. 31.
[49]) *Sommer*, Bd. I, S. 146.
[50]) См. выше, прим. 37.
[51]) *Sommer*, Bd. II, S. 114.
[52]) *Sommer*, Bd. II, S. 185.
[53]) См. выше, прим. 36
[54]) См. выше, прим. 38.
[55]) *Sommer*, Bd. III, S. XXVI—XXVII, 11.
[56]) Ibid., Bd. III, S. XXVII, 3.
[57]) *Sommer*, Bd. III, S. 282.

Какъ извѣстно, съ одного чиншевого лана землевладѣлецъ получалъ обыкновенно 1—2 копы чиншевого дохода, а въ зависимости отъ этого цѣны чиншевыхъ земель опредѣлялись капитализацией изъ 10% [58]), вслѣдствіе чего 10—20 копъ было обычной цѣной лана чиншевой земли. Такимъ образомъ, если 2—4 копы съ лана можно считать среднимъ закупнымъ платежомъ, то послѣдній слѣдовательно представлялъ собою удвоенный чиншевой ежегодный платежъ или, выражаясь иначе, равнялся 20% стоимости земли. Разумѣется, всѣ эти нормы находили примѣненіе по отношенію къ среднимъ землямъ, т. е. такимъ, которыя не отличались ни особеннымъ плодородіемъ, ни чрезвычайной скудностью. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда взимали съ одного лана 15—20 копъ закупнаго платежа, имѣли, очевидно, въ виду, при существованіи въ странѣ нормальныхъ среднихъ чиншевыхъ платежей, сгладить ту рѣзкую разницу въ плодородіи почвъ разныхъ краевъ или даже одной мѣстности, которая дана была природой и не зависѣла отъ воли человѣка. Конечно, той же цѣли можно было достигнуть соотвѣтствующимъ указанному различію повышеніемъ ежегодныхъ платежей, но одна эта мѣра урегулированія была недостаточна, ибо чинш. платежи колебались въ предѣлахъ до 2 копъ съ лана, и невсегда желательна, такъ какъ могла привести къ истощенію почвы: обремененный огромнымъ ежегоднымъ платежомъ чиншевикъ вынужденъ былъ бы заниматься культурою наиболѣе цѣнныхъ растеній и злаковъ, требующихъ отъ земли наиболѣе питательныхъ веществъ. При единовременной же уплатѣ огромной закупной суммы землевладѣлецъ могъ удовлетворяться полученіемъ установившейся въ странѣ средней чиншевой арендной платы, а чиншевикъ достигалъ погашенія единовременно затраченной суммы, пользуясь тѣмъ излишкомъ продуктовъ, который всегда получается на болѣе плодородныхъ земляхъ и извѣстенъ подъ именемъ поземельной ренты.

Что возвышеніе чиншевого платежа разсматривалось какъ замѣна закупнаго платежа, на это имѣются указанія въ грамотахъ. Такъ какъ въ сельцѣ Щедрикѣ Куримскаго края крестьянъ не было, то крестьяне сосѣднихъ селъ воздѣлывали поля этого сельца. Пробстъ Вышеградской церкви, которому принадлежала земля, находилъ, что при такомъ порядкѣ обработки постепенно межи и рубежи запахиваются, поля подвергаются захвату и теряютъ свое плодородіе, а потому рѣшилъ отдать все это сельцо на условіяхъ эмфитевтическаго права канонику Витку. Прежде съ земель сельца пробстъ получалъ ежегодно

[58]) *Emler,* Regesta, t. III, p. 105, nr. 257, (1315); IV, p. 112, nr. 281, (1336); p. 198, nr. 493, (1337); p. 340, nr. 859, (1341); p. 866, nr. 2217, (1344).

5 фертоновъ чинша, а теперь условлено было, что Витекъ будетъ платить однимъ фертономъ болѣе, т. е. по 6 фертоновъ ежегодно, въ два срока. Добавочный платежъ былъ замѣною закупнаго платежа (arrae nomine), ибо, какъ сказано въ грамотѣ, эмфитевтическая сдѣлка не можетъ состояться безъ амеліораціи и взысканія закупнаго платежа [59]). Иногда въ подобныхъ случаяхъ происходило значительное увеличеніе платежей: такъ, напр., Петръ изъ города Бераунa, уплачивавшій прежде 4 гроша, при введеніи эмфитевзиса долженъ былъ платить уже 12 грошей ежегодно [60]). Подобнымъ же образомъ поступали, когда эмфитевтическое право вводили не только на небольшихъ клочкахъ земли, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о переоброчкѣ цѣлаго села, какъ это видно изъ одной грамоты, сообщающей также данныя объ имуществѣ Вышеградской церкви. Одинъ изъ канониковъ съ 5 лановъ села Чечовицы, которое приписано было къ его пребендѣ, получалъ ежегодно немного менѣе 7 копъ. Желая увеличить свои доходы, онъ вошелъ въ соглашеніе съ жителями села о введеніи эмфитевтическаго права подъ условіемъ ежегоднаго уплачиванія уже 12 копъ [61]).

Иногда комбинировали взиманіе закупнаго платежа съ повышеніемъ чинша, руководясь, можетъ быть, тѣми соображеніями, на которыя было указано выше [62]). Деканъ Вышеградской церкви находилъ необходимымъ въ селахъ Чаковицѣ и Бащѣ Куримскаго края ввести эмфитевтическое право, чтобы „ежегодно получать чиншъ бóльшій по

[59]) *Emler*, Regesta, t. IV, p. 501—502, nr. 1263, (1343): in parte nostra in villicula dicta Tschedrzik per villanos vicinarum villarum—qui ipsos agros ex defectu nostrarum hominum excolunt, in suis metis et finibus abstrahantur, et per hujusmodi dampnosam culturam ipsi agri et domus rusticorum ibidem adeo sunt distracti, extennuati et in sterilitatem redacti... Sed quia huiusmodi emphiteotica vendicio sine melioratione nostrae praepositurae ac arrae receptione expressa non valeret, fertonem—ultra censum consuetum eisdem agris imposuimus arrae nomine...

[60]) *Emler*, Regesta, t. IV, p. 612, nr. 1521, (1345): in quadam area sita in Podskal, quam Petrus dictus de Werona inhabitat—quae solum IV grossos ipsi decano nomine census solvebat annuatim, sua sic deduxit industria, quod ipse, qui—inhabitat,—XII grossos nomine census solvere...

[61]) *Emler*, Regesta, t. III, p. 400—401, nr. 1039, (1325): conditionem prebendae suae facere meliorem, et censum annuum, qui tantum hucusque ad VII sex.—minus duobus grossis se extendebat et solutus est sibi de V mansis sitis apud villam Sessowicz—et quod invenerit duos cives Prag.—et V alios rusticos de praedicta villa—super bonis suae praebendae in eadem villa residentes et censum praedictum solventes, qui XII marcas—census nomine in antea annis singulis sibi solvere promiserunt, et supplicavit nobis, ut—jure emphiteotico, quod vulgariter purkrecht dicitur, locare vellemus.

[62]) См. на предыдущей страницѣ.

размѣру, чѣмъ ранѣе, и болѣе обезпеченный по сравненію съ прежнимъ". Въ лицѣ одного изъ жителей села Баща онъ нашелъ предпринимателя, который согласился уплачивать ежегодно по 32 копы чинша, а кромѣ того далъ единовременно декану 60 копъ за полученное право, т. е. внесъ закупный платежъ [63]).

Закупный платежъ взимался довольно часто единовременно, при самомъ заключеніи сдѣлки, какъ это было при основаніи королемъ селъ въ Липанскомъ [64]) и Каменецкомъ лѣсахъ [65]). Однако, по большей части допускалась разсрочка при внесеніи закупнаго платежа. Необходимо впрочемъ замѣтить, что уплата и при разсрочкѣ должна была послѣдовать въ теченіе 1—3 лѣтъ, а самая разсрочка обставлена была такими тяжелыми условіями, какъ право землевладѣльца брать за счетъ контрагентовъ, въ случаѣ несвоевременной уплаты, деньги взаймы у христіанъ или іудеевъ. Такъ, при введеніи эмфитевтическаго права въ селахъ Златникахъ, Браникѣ и Годковицѣ Куримскаго края съ каждаго лана землевладѣльцу слѣдовало получить по 8 копъ, уплата которыхъ была установлена въ такіе сроки: 4 копы въ день св. Георгія 1314 года, 2 копы въ день св. Троицы и 2 копы въ день св. Іакова [66]). Въ селѣ Милавицѣ Клатовскаго края 3 копы закупнаго платежа были разсрочены такъ: въ день св. Мартина 1324 года $1^1/_2$ копы, а на слѣдующій го..ъ въ день Рождества Пресвятыя Богородицы остальныя $1^1/_2$ копы [67]). При сснованіи села въ Тырновскомъ лѣсу

[63]) *Emler,* Regesta, t. III, p. 333, nr. 840, (1323): bona—in Czakowicz et in Bast in jus emphitheoticum sive in perpetuam locacionem pro censu annuo locarentur majori, quam hucusque haberi potuit, et certiori, quam fuerit... dicebatque, quod Nicolaus dictus Piczko de Bast praedicta bona in jus emphioteticum a nobis pro se et suis heredibus emere affectabat taliter, quod triginta duas sexagenas—singulis annis de dictis bonis persolveret, et sexaginta sexagenas daret pro jure praedicto...

[64]) *Emler,* Regesta, t. IV, p. 414, nr. 1032, (1341): de quolibet laneo quatuor sexagenas in principio nobis solvere sunt astricti et tenentur.

[65]) *Emler,* Regesta, t. IV, p. 92, nr. 237, (1335): de quibus viginti laneis predictis octoginta sexagenas—ab ipso Chunczmanno nomine arre percepimus.

[66]) *Emler,* Regesta, t. III, p. 76—77, nr. 176, (1314): dare octo sexagenas—in subscriptis terminis, scilicet quatuor sexagenas de quolibet laneo in festo b. Georgii proximo affuturo, quas si non deberint in jam dicto termino, ex tunc omne dampnum, quod ipsum Ditricum vel suos heredes apud judeos seu christianos incidere contigerit, illud super omnia bona dictorum judicis et villanorum—habere debent... dare in festo pentecostes statim postea sequente duas sexag.—et in festo b. Iacobi deinde primum venturo de quolibet laneo duas sexag. residuas dare debent.

[67]) *Emler,* Regesta, t. III, p. 392, nr. 1002, (1324): pro arra de quolibet laneo III sex.—quarum in festo b. Martini proxime nunc venturo alteram mediam sexagenam, et a nativitate b. Mariae virginis ventura post anni circulum alteram mediam sexagenam.

Бревновскому монастырю слѣдовало получить закупнаго платежа по 2 копы съ лана, уплата которыхъ была разсрочена на два года: въ первомъ году $^1/_2$ копы въ день св. Троицы и $^1/_2$ копы въ день св. Вацлава, а во второмъ году также по $^1/_2$ копы въ тѣ же сроки [68]. Какъ видно изъ грамотъ, выданныхъ Страговскимъ монастыремъ 7 февраля 1374 года, уплата закупнаго платежа разсрочена была на время болѣе 2 лѣтъ и пріурочена къ мясопусту 1374—1376 годовъ [69].

Какъ видно изъ вышеуказанныхъ грамотъ Страговскаго монастыря, эмфитевтическая грамота выдавалась на руки только послѣ полной выплаты закупнаго платежа [70]. Такимъ образомъ, были приняты мѣры, обезпечивавшія поступленіе закупныхъ платежей, ибо, какъ извѣстно, послѣдствія отсутствія или потери грамоты были для крестьянъ чрезвычайно плачевны [71]. Стремленіе поскорѣе получить закупные платежи и мѣры, принимаемыя съ этой цѣлью, могутъ быть объяснены въ связи съ обстоятельствами, побуждавшими землевладѣльцевъ къ введенію эмфитевтическаго права въ заселенныхъ селахъ и на свѣжихъ земляхъ.

Въ грамотахъ довольно часто указываются мотивы, которые побуждали землевладѣльцевъ вводить новые порядки въ странѣ. Обыкновенно впрочемъ въ подобныхъ случаяхъ ограничиваются неопредѣленнымъ замѣчаніемъ, что отъ введенія эмфитевтическаго права ожидаютъ улучшенія общаго состоянія земель, ихъ амеліораціи [72]. Это улучшеніе, или амеліорацію, усматривали въ увеличеніи ежегодной доходности и установленіи болѣе строгихъ и опредѣленныхъ правилъ о взысканіи

---

[68]) *Emler,* Regesta, t. IV, p. 475, nr. 1191, (1342): pro arra pro unoquoque laneo duas sexagenas—videlicet mediam in festo Penthecosten nunc venturo et mediam in festo sancti Wenczeslai eodem anno subsequenti, item mediam sexagenam in festo Pentecostes et ultimam mediam in festo sancti Wenczeslai, eodem anno mox sequenti.

[69]) *Decem registra,* p. 256, ad an. 1374: Pecunias autem—solvent in terminis subnotatis, in carnisprivio seu dominica Esto michi quilibet cultor solvet 3 sexag. cum 10 gr., et in alio carnisprivio, quod erit in anno domini M⁰ CCC⁰ LXXV quilibet solvet 3 sexag. cum 10 gr., et in carnisprivio ultimo, quod erit in anno domini M⁰ CCC⁰ LXXVI quilibet solvet tres sexag. ultimas cum 10 gr. См. также Ibid., p. 264, 269.

[70]) Ibid., p. 256, 264, 269: et tunc presentes littere ad eorum venient potestatem.

[71]) *Emler,* Regesta, t. II, p. 742; t. IV, p. 499—500; p. 818.

[72]) *Emler,* t. III, p. 400, nr. 1039, (1325): conditionem praebendae suae facere meliorem; III, p. 445, nr. 1146, (1325): cupientes conditionem ecclesiae nostrae Wissegradensis—facere meliorem; III, p. 674, nr. 1723, (1331): monasterii nostri conditionem meliorare cupientes; III, p. 743, nr. 1913, (1332): conditionem officii magistri scolae nostrae ecclesiae meliorem facere cupientes; IV, p. 37, nr. 108, (1334): nos (i. d. Karolus, regis Boemiae primogenitus) affectantes ex animo villa Mylenowicz... conditionem facere meliorem; *Decem registra,* p. 240, ad an. 1371; p. 254, ad an. 1374.

съ неисправныхъ плательщиковъ чиншевыхъ платежей, а также въ приведеніи послѣднихъ къ нѣкоторой однообразной системѣ [73]). Довольно часто при введеніи эмфитевтическаго права землевладѣльцы имѣли въ виду улучшить или поправить свои финансовыя средства, уплачивая долги суммами, получаемыми въ видѣ закупныхъ платежей, или употребляя эти суммы на удовлетвореніе различныхъ нуждъ и потребностей [74]). Къ этому испытанному средству, состоявшему во введеніи эмфитевтическаго права, обращались въ такихъ случаяхъ довольно часто. Такъ, напр., когда имущества Доксанскаго монастыря были заложены, а долги возросли до того, что грозила опасность самому существованію монастыря, то король далъ пробсту позволеніе, для поправки разстроенныхъ монастырскихъ финансовъ, ввести эмфитевтическое право на всѣхъ тѣхъ земляхъ, гдѣ только къ тому представляется возможность, а денежныя суммы, которыя при этомъ будутъ получены въ качествѣ закупныхъ платежей, обратить на удоволетвореніе кредиторовъ [75]). Разумѣется, въ такихъ случаяхъ вводилось эмфитевтическое право не въ одномъ или двухъ селахъ, а на пространствѣ нѣсколькихъ землевладѣльческихъ владарьствъ. Въ самомъ дѣлѣ, Осецкій монастырь

[73]) *Emler,* Regesta, t. III, p. 31, nr. 73, (1312): cupiens—majorem quam hactenus in eis habita fuerit, ducere utilitatem; p. 55, nr. 132, (1313): prehabita bona cupiens in meliores usus immutare; p. 330, nr. 831, (1322): aliquos agros... de quibus modicam utilitatem haberet, sed si ipsos in jus emphyoteticum locaret, tunc utilitatem fructuosam posset ex hiis consequi et habere.—*Decem registra,* p. 271, ad an. 1351: volentes facere nostri monasterii conditionem meliorem ac redditus in villa nostra dicta Olenicz augmentare.—*Emler,* Regesta, t. III, p. 260, nr. 616, (1320): cupientes conditionem ecclesiae nostrae praedictae facere meliorem et conditiones ejus dubias et vacillantes in statum solidum et certum reponi et reduci desiderantes; III, p. 343, nr. 865, (1323): ea de causa, ut de censu magis certi esse possimus, qui nobis et antecessoribus nostris hucusque fuit incertus; IV, p. 830, nr. 2137, (1321): ac conditiones ejus, dubias et vaccilantes in statum certum et solidum reponi desiderantes.

[74]) *Emler*, Regesta, t. IV, p. 357, nr. 891, (1341): bona quecumque... locata hactenus jure boemicali inantea jure emphiteotico seu teutonico locare possit, pecuniamque, quam nomine arre exinde perciperet, in usus seu suffocationem debitorum sepedicti monasterii similiter convertere.—Ibid., p. 363, nr. 904, (1341): jure emphyteotico... locare aut exponere valeant,—ita tamen, ut ea, quae ex huiusmodi locatione provenerint... ad usus hospitalis quomodolibet convertantur.—Decem registra, p. 258, ad an. 1392: cupientes conditionem prefati nostri monasterii facere meliorem simulque attendentes urgentem et evidentem nostri monasterii necessitatem maxime propter onera debitorum evadenda.

[75]) *Emler,* Regesta, t. IV, p. 252, nr. 650, (1339): monasterium Dokzanense propter plura hactenus incumbencia pericula adeo collapsum et distractum in suis bonis extitit, quod nisi eidem celeri occurratur remedio, alias racione eorundem et eciam nimium

въ 1341 году получилъ позволеніе ввести эмфитевтическое право на всякаго рода земляхъ, при чемъ было сдѣлано двѣ оговорки: 1) закупные платежи, полученные при этомъ, должны были пойти на улучшеніе, исправленіе и увеличеніе монастырскихъ владѣній, а также на уплату долговъ; 2) чиншевой доходъ монастыря съ земель, подвергнутыхъ переоброчкѣ, долженъ былъ выразиться въ суммѣ 400 копъ [76]). Теплицкій монастырь получилъ тогда же разрѣшеніе ввести эмфитевтическое право съ такимъ разсчетомъ, чтобы полученные при этомъ закупные платежи составили сумму 1000 копъ, при чемъ деньги эти должны были быть употреблены на пріобрѣтеніе новыхъ имѣній въ предѣлахъ Чешскаго государства [77]).

Такимъ образомъ, вводя на своихъ земляхъ эмфитевтическое право, землевладѣльцы руководились въ большинствѣ случаевъ финансовыми соображеніями, желаніемъ на счетъ крестьянскаго населенія поправить свое пошатнувшееся благосостояніе. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда полученная закупная сумма шла на пріобрѣтеніе новыхъ имѣній и земель, нельзя видѣть осуществленія амеліораціи, такъ какъ дѣло шло не о томъ, чтобы вложить капиталъ въ землю, а, наоборотъ, отысканы были путь и средства для того, чтобы можно было успѣшнѣе извлекать всѣ соки изъ земли. Введеніе эмфитевтическаго права въ томъ видѣ, въ какомъ оно примѣнялось въ XIV вѣкѣ въ предѣлахъ Чехіи, обезсиливая крестьянъ и оттягивая капиталы отъ земли, являлось ловкою финансовою мѣрою, при помощи которой землевладѣльцы успѣли заполучить въ свои руки народныя сбереженія.

Введеніе эмфитевтическаго права въ селѣ Домавшицѣ Жатецкаго края представляетъ исключеніе изъ обычной практики, такъ какъ

---

oppressione debitorum id ipsum monasterium et ipsius homines perire utique opporteret. Ad succurrendum nihilominus huiusmodi dampnis, defectibus et periculis—concedimus... quatenus quecumque bona... jure theutunico, si facultas se ad hoc obtulerit, possit exponere et locare, subsidia quoque, que racione arre sive anleit de locacione tali provenerint,—suis creditoribus pro dicti monasterii pace et commodo debeat assignare.

[76]) *Emler,* Regesta, t. IV, p. 355, nr. 888, (1341): hereditates, grangias et villas et alia bona eorum jure emphiteotico locare et exponere ac vendere possint eiusdem juris tytulo, arrasque, que exinde provenerint aut ipsi perceperint, in melioracionem et emendacionem ac augmentacionem bonorum ipsorum et in solucionem debitorum convertendo. In augmentum quoque graciarum nostrarum ipsis indulsimus... vendere possint censum, pensiones, videlicet qui se ad quadringentas sexagenas reddituum extendant...

[77]) *Emler,* Regesta, t. IV, p. 371, nr. 924, (1341): bona eorum... exponere possint et valeant, usque ad percepcionem nomine arre, que vulgariter anleit dicitur, et exposicionis, ut premittitur, mille sexagenarum... pro quibus aliam hereditatem, ubicumque in regno nostro voluerint, debebunt... comparare.

жители этого села не только не уплачивали никакого закупнаго платежа, но и получили еще на 12 лѣтъ освобожденіе отъ всѣхъ платежей и повинностей. Если даже предположить, что объ уплатѣ закупнаго платежа почему-либо не сочли необходимымъ упомянуть въ грамотѣ, то все-таки предоставленіе 12-лѣтней льготы представляется столь необычнымъ въ такихъ случаяхъ, что, при отсутствіи яснаго указанія издателя на существованіе оригинала въ архивѣ Пражскаго капитула, можно было бы усомниться въ подлинности грамоты [78]). Льготу или освобожденіе отъ платежей въ теченіе извѣстнаго срока землевладѣльцы обыкновенно предоставляли крестьянамъ, которые брались за распашку новыхъ земель. Предоставленіе льготы являлось, какъ извѣстно, исконнымъ и установившимся обычаемъ въ Чехіи [79]). Нововведеніемъ было обязательное требованіе отъ новопоселенцевъ закупнаго платежа, неизвѣстнаго совершенно старому праву. Теперь только въ двухъ грамотахъ встрѣчаются указанія на то, что закупнаго платежа не взималось при отдачѣ въ обработку новыхъ земель или пустошей. Какой-то панъ Прибикъ предоставилъ крестьянамъ, которыхъ склонитъ къ поселенію на его земляхъ, въ селѣ Брезовой, предприниматель-судья Генрихъ, освобожденіе отъ платежей въ теченіе 12 лѣтъ [80]). Другой панъ, Генрихъ изъ Мыловаръ, предоставилъ льготу отъ платежей въ теченіе 6 лѣтъ тѣмъ поселенцамъ, которые взялись за расчистку и распашку зарослей села Бубовицы Бераунскаго края, подъ руководствомъ трехъ братьевъ-предпринимателей, получившихъ (въ вознагражденіе за это) права судебной власти въ селѣ [81]).

---

[78]) *Emler*, III, p. 447, nr. 1150, (1325): cupientes condicionem regni nostri Boemie facere meliorem, villam nostram Domaschicz dilectis nobis Chwalicz et Ditrico suo filio, ac hominibus suis in ipsa villa—iure theutunico exponimus et locamus... Usque villa ipsa Domaschicz et homines *in ea residentes* ac residere volentes continuis valeant proficere incrementis, hominibus ipsius ville—ad duodecim annos—ab omni dacionis et solucionis onere et alio quovis gravamine plenam damus—libertatem.

[79]) *А. Ясинскій*, Очерки по экономической и соціальной исторіи Чехіи, т. I, стр. 281—284.

[80]) *Emler*, Regesta, t. III, p. 264, nr. 621, (1320): hereditatem in Brezowa in jure theutunicali locamus... Insuper vicinis suis, quod antedictus iudex secum locaverat ibidem, ipsos simili modo hereditarie et iure theutunicali locamus et ibi residebunt sub tali forma, quod prefati homines nostri in Brzyezowa XII annos liberos tenentur habere et absolutos ab omni censu et contribucione.

[81]) *Emler*, Regesta, t. III, p. 774—775, nr. 1999, (1333): to zboží naše v Bubovicích dali jsme a vysadili pod německé právo... Ale v lesích nebolito v chrastinách našich chceme, aby ty k vorání neb k vosívaní zřídili—dávajíc jim toho jistú a bezpečnú lhůtu a svobodu až do šesti plných let... Také Miloslavovi, Ježkovi a Václavovi bratřím z Bělče—za jich práci—za soudce neb rychtaře té vsi usazujem—aby všecky věci soudili.

Въ большинствѣ же случаевъ при отдачѣ на условіяхъ эмфитевтическаго права въ обработку пустопорожнихъ земель, поросшихъ лѣсомъ, всѣ преимущества поселенцевъ ограничивались полученіемъ освобожденія отъ платежей въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ, но отъ взнесенія закупнаго платежа они обыкновенно не освобождались. При основаніи села въ Тырновскомъ лѣсу Бераунскаго края поселяне получили шестилѣтнюю льготу и заплатили съ лана по 2 копы закупнаго платежа [82]). Крестьяне, поселившіеся въ Каменецкомъ лѣсу, около мѣстечка Книна Бераунскаго же края, должны были уплатить по 4 копы закупнаго платежа отъ лана и получали 12-лѣтнюю льготу [83]). Крестьяне, поселившіеся въ Липанскомъ лѣсу, расположенномъ между городомъ Нимбургомъ и Лисой, уплатили закупныхъ денегъ по 4 копы съ лана и получили льготу отъ платежей на 8 лѣтъ [84]). При основаніи города Новаго Бездеза, или Бѣлы, имѣлось въ виду выкорчевать часть окрестнаго лѣса и устроить 90 лановъ, при чемъ закупнаго платежа было взыскано по 5-10 копъ съ лана и предоставлена льгота отъ платежей въ теченіе 7 лѣтъ [85]).

Такимъ образомъ, и въ малоплодородномъ Бераунскомъ и плодородномъ Болеславльскомъ краѣ при основаніи новыхъ селъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ взимали закупные платежи, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда вводилось эмфитевтическое право въ селахъ, основанныхъ въ старину (на началахъ славянскаго права), но поселенцамъ все-таки предоставляли освобожденіе отъ платежей, или льготу, въ теченіе 6—12

---

[82]) *Emler,* Regesta, t. IV, p. 475—476, nr. 1192, (1342): silvam dictam wlgariter Tyrnowa—ad extirpandam et villam collocandam... pro arra pro unoquoque laneo duas sexagenas—tenebuntur solvere... Libertatem autem habere debent—sex annis continuis numerando...

[83]) *Emler,* Regesta, t. IV, p. 92, nr. 237, (1335): ex novo in nemore Kamnicensi—prope oppidum Knyn, extirpando rubeta et nemora duas villas, quamlibet earum decem laneos censuales... de quibus viginti laneis—octoginta sexagenas—nomine arre percepimus... post revolutionem duodecim annorum, in quibus—ab omni censu exactione—libertamus.

[84]) *Emler,* Regesta, t. IV, 414, nr. 1032, (1341): in silva nostra dicta Lippansky, sita inter civitatem Nuenburg et oppidum dictum Lis... pro arra—de quolibet laneo quatuor sexagenas in principio nobis solvere sunt astricti... ad octo annos integros plenam ac plenissimam damus et concedimus libertatem.

[85]) *Emler,* Regesta, t. IV, p. 169—170, 171, nr. 419, (1337): XC laneos censuales, de silva nostra Bezdensi—pro agris extirpandis viciniores admensurare debent, locantes eosdem laneos jure theutonico—pro quolibet laneo LX laneorum—per X sexag.—et pro quolibet laneo XXX laneorum—per quinque sexagenas—dederunt nomine arrae... Ut autem—ibidem laborare valeant, eis—per spatium septem annorum continuum a solucione census—et aliis omnibus solucionibus plenam dedimus libertatem...

лѣтъ. Эта льгота являлась единственнымъ вознагражденіемъ поселенцевъ за тотъ тяжелый трудъ и тѣ крупные матеріальные расходы, которые неизбѣжны при расчисткѣ лѣсной почвы и превращеніи ея въ пашню. Такъ какъ въ теченіе первыхъ лѣтъ поселенцы едва ли могли расчистить достаточную площадь лѣса для своихъ посѣвовъ, то должны были располагать средствами для содержанія себя и своихъ семействъ, а при отсутствіи или скудости запаснаго капитала занимать деньги на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Взиманіе при такихъ условіяхъ закупныхъ платежей обезсиливало поселенцевъ, ко вреду для дѣла амеліораціи, и совершенно шло въ разрѣзъ съ идей эмфитевзиса. Впрочемъ, землевладѣльцы въ своемъ стремленіи къ скорѣйшему извлеченію всѣхъ выгодъ доходили до того, что не считали нужнымъ предоставлять поселенцамъ даже кратковременнаго освобожденія отъ платежей. Такъ поступилъ Осецкій монастырь при основаніи села Носкова, вблизи своего хутора Свинчицы [86]). Вполнѣ понятно, что при такомъ примѣненіи эмфитевтическаго права заселеніе пустопорожнихъ земель далеко невсегда удавалось. Прежде всего заслуживаетъ вниманія, что въ мѣстности вблизи села Свинчицы (Литомерицкаго края) не имѣется никакого села Носкова. Повидимому, предпріятіе Осецкаго монастыря не имѣло успѣха: слишкомъ ужъ были тяжелы условія, предложенныя поселенцамъ. Въ 1315 году король вынужденъ былъ передать дѣло устройства села Лубны, расположеннаго въ Раковницкомъ краѣ, около Кривоклата, другому предпринимателю, такъ какъ заселеніе села шло слишкомъ плохо [87]). Въ этой грамотѣ не упоминается о взиманіи закупнаго платежа съ новыхъ поселенцевъ и ничего не сказано также и о льготномъ срокѣ. Нужно думать, что оставлены были въ силѣ тѣ условія поселенія, которыми долженъ былъ руководиться первый изъ предпринимателей, и всѣ надежды король возлагалъ на личныя качества какого-то Януша, которому передано было неудавшееся предпріятіе. Впрочемъ, иногда въ такихъ случаяхъ обращались и къ болѣе дѣйствительнымъ средствамъ. Когда выяснилось вполнѣ, что поселеніе Красная Гора, основанное королевой Елизаветой въ Бераунскомъ краѣ, почти совершенно опустѣло,

[86]) *Emler,* Regesta, t. IV, p. 493, nr. 1241, (1343): rubetum nostrum et campos circumiacentes prope Swinschitz, curiam nostram, radicitus exstirpandos et in villam dictam *Noskow* convertendos IV laneos cum dimidio continentes—iure theutunicali pro XII sex. et uno fertone—nobis—in certis terminis sibi statutis locavimus...

[87]) *Emler,* Regesta, t. IV., p. 825, nr. 2128, (1315): condicionem castri nostri Chrsiwoclad—facere meliorem, villam nostram Lubn—olim per fidelem nostrum Wilhelmum de Waldek iure theutonico expositam et locatam, sed nondum bene inhabitatam, de dilecti nobis Ianussii—industria fiduciam singularem habentes sibi dicto iure theutonico villam ipsam—commisimus.

вслѣдствіе чего пришлось земли этого села присоединить къ селу Бражнѣ, то король, желая, какъ сказано въ грамотѣ, *болѣе искренно* способствовать дѣлу заселенія, въ видѣ особенной милости предоставилъ какъ бывшимъ поселенцамъ, такъ и новымъ освобожденіе отъ закупнаго платежа [88]). Отъ взиманія закупнаго платежа пришлось отказаться также и Кладорубскому монастырю, когда возобновленіе обработки полей опустѣвшаго села Вогнищовицы, съ котораго монахи не получали никакого дохода, поручено было Домажлицкому мѣщанину Оттону. Сдѣлка между монастыремъ и предпринимателемъ была заключена въ формѣ договора аренды, заключеннаго на 12 лѣтъ, при чемъ отъ уплаты арендныхъ денегъ предприниматель былъ освобожденъ въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, въ вознагражденіе за свой трудъ, а въ каждый изъ слѣдующихъ годовъ онъ долженъ былъ уплачивать по 11 копъ [89]). Умолчаніе въ грамотѣ о закупномъ платежѣ въ данномъ случаѣ является доказательствомъ его отсутствія, потому что, какъ видно изъ формулы конца XIII вѣка, о немъ не забывали упомянуть, когда при соотвѣтствующихъ обстоятельствахъ прибѣгали къ его взысканію. По этой формулѣ, капитулъ Жатецкой церкви 11 лѣтъ не получалъ никакого дохода съ земель одного изъ своихъ селъ, расположеннаго около города Колина, вслѣдствіе пожаровъ, грабежей и насилій, а потому передалъ это село, въ которомъ было 9 登ановъ земли, одному нотарію на такихъ условіяхъ, а именно: 1) единовременная уплата 9 копъ закупнаго платежа, т. е. по 1 копѣ съ лана; 2) ежегодный платежъ въ 2 срока $4^1/_2$ копъ чинша, т. е. по $^1/_2$ копъ съ лана; 3) предоставленіе освобожденія отъ платежей въ теченіе трехъ лѣтъ для скорѣйшаго достиженія успѣха по возстановленію обработки заброшенныхъ и запустѣвшихъ земель [90]).

---

[88]) *Emler,* Regesta, t. IV, p. 348, nr. 880, (1341): hereditatem in monte Schenberg jure emphiteotico locaverat, quae postea per infortunium novercans ibidem hominibus quodammodo fuerat desolata. Nos vero culturae dicti montis intendentes *sincerius,* universis et singulis incolis ejusdem hanc specialem gratiam duximus faciendam, videlicet quod ibidem residentes vel illic ex novo suas figentes mansiones de omni arra, quae vulgariter theotunico anleit dicitur, esse debeant simpliciter suportati... О дальнѣйшемъ см. грамоту.

[89]) *Emler,* Regesta, t. IV, p. 190, nr. 461, (1318): abbas—monasterii sui condicionem volentes facere meliorem michi villam Ohnisczovicz dictam totaliter desertam, de qua nullam poterant penitus percipere utilitatem—ad spacium duodecim annorum—sub censum annuum—contulerant—quod post evolucionem duorum annorum, quos mihi nomine induciarum propter locacionem misericorditer indulserunt, infra decem annos residuos—quolibet anno undecim marcas—tenebor assignare.

[90]) *Emler,* Regesta, t. II, p. 1097, nr. 2549: villam... sitam a Colonia civitate fere ad spacium unius miliaris, incendiis, spoliis nec non violenta excussione spacio XI an-

Иногда землевладѣльцамъ для возобновленія обработки полей въ покинутыхъ жителями селахъ приходилось отказываться не только отъ взиманія закупнаго платежа, но и полученія какихъ бы то ни было доходовъ въ теченіе продолжительнаго срока. Въ подобномъ положеніи оказался Ждарскій монастырь, расположенный вблизи моравскаго рубежа. Сдѣлка, заключенная монастыремъ съ двумя братьями-шляхтичами, взявшими на себя трудъ привести въ порядокъ запустѣвшее монастырское село Рокетницу или Веѳиль, носила характеръ прекарнаго договора: къ монастырскому селу братья должны были присоединить свое сосѣднее также запустѣвшее село Малинъ, которое они пожертвовали монастырю, и образовать такимъ образомъ изъ двухъ одно село, поступающее въ ихъ пожизненное пользованіе [91]).

Всѣ эти свидѣтельства грамотъ доказываютъ, что разработка новыхъ земель или возобновленіе обработки старыхъ, покинутыхъ или опустѣвшихъ по той или другой причинѣ, при условіи примѣненія эмфитевтическаго права, рѣдко удавались вслѣдствіе тѣхъ тяжелыхъ требованій матеріальныхъ затратъ, которыя были не подъ силу крестьянамъ. Повидимому, на условіяхъ эмфитевзиса основано было весьма немного селъ во внутреннихъ областяхъ Чехіи, какъ это можно видѣть изъ того, что среди изданныхъ грамотъ первой половины XIV вѣка грамоты объ основаніи новыхъ селъ на условіяхъ этого права попадаются сравнительно въ небольшомъ количествѣ. Вышеприведенныя сдѣлки монастырей Кладорубскаго и Ждарскаго и капитула Жатецкой церкви съ полной очевидностью свидѣтельствуютъ о томъ, что крестьяне неохотно брались за обработку новыхъ земель на условіяхъ эмфитевзиса. Землевладѣльцамъ приходилось обращаться къ мѣщанамъ, чиновникамъ и шляхтичамъ, съ которыми они заключали различныя сдѣлки, въ надеждѣ по крайней мѣрѣ такимъ образомъ добиться полученія какого-либо дохода со своихъ земель, хотя изъ практики они хорошо знали, что эти ихъ контрагенты рѣдко выполняютъ или могутъ выполнить добросовѣстно условія договора.

norum et amplius continuata desolatam premisse nostre ecclesie in utilitatem pristinam aliter revocare non valentes...

[91]) *Emler,* Regesta, t. II, p. 855, nr. 1985, (1303): nostram longo tempore desertam villam dictam Malin sitam juxta Bethil, similiter desertam, que est villa monasterii—obtulimus—possidendam. Preterea sciant—quod—obtulimus—in remedium animarum—conjungentes ville monasterii supradicti dicte Bethil taliter, quod ex hiis una villa construatur et locetur a nobis quam sic acceptam et constructam nos dicti fratres Buscho et Znetha habere et possidere debemus tantum ad tempora vite nostre.

Что дѣйствительно практика свидѣтельствовала не въ пользу вышеназванныхъ лицъ, это видно изъ сохранившихся епископскихъ распоряженій. Пражскій епископъ Іоаннъ въ 1312 году напоминаетъ духовенству своей епархіи о запрещеніи, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, безъ согласія епископа отдавать земли или церковныя имущества въ пользованіе такимъ вольнымъ людямъ, какъ шляхтичи или владыки и мѣщане. Такъ какъ, однако, подобныя сдѣлки, вопреки распоряженію его предшественниковъ, были заключаемы, вслѣдствіе чего подрывалась церковная дисциплина и виновныя лица навлекали на себя кару,—то епископъ постановилъ (послѣ совѣщанія съ капитуломъ и другими прелатами) отмѣнить наложеніе на виновныхъ церковнаго отлученія и прибѣгнуть „къ мѣрамъ денежнаго взысканія, которыя обыкновенно оказываются болѣе дѣйствительными". Такимъ образомъ, если кто какія-либо церковныя земли и имущества отдастъ въ пользованіе вышеназваннымъ свѣтскимъ лицамъ, безъ согласія и совѣщанія съ епископомъ, то въ качествѣ пени будетъ взыскано въ пользу епископской казны 10% всѣхъ суммъ, которыя будутъ получены виновными по ихъ сдѣлкамъ, и притомъ это взысканіе произведено будетъ въ теченіе 15 дней со времени заключенія сдѣлки. Если кто уклонится отъ платежа этого, то подвергнется еще болѣе тяжелымъ взысканіямъ, по усмотрѣнію епископа, а всѣ пени будутъ взысканы съ его контрагента, договоръ же станетъ недѣйствительнымъ, дабы такимъ образомъ „матеріальный ущербъ удержалъ отъ прегрѣшенія тѣхъ, кого страхъ Божій не отклоняетъ отъ злыхъ дѣлъ" [92]).

Такъ какъ въ вышеприведенной грамотѣ мотивы запрещенія безъ согласія епископа отдавать земли въ пользованіе шляхтичамъ и мѣщанамъ прямо не указаны, то это распоряженіе можетъ быть истолковано въ смыслѣ фискальной мѣры епископа, не желавшаго потерять одного изъ источниковъ дохода. Въ самомъ дѣлѣ, въ средніе вѣка испрашиваніе согласія и одобренія высшей инстанціи обыкновенно со-

[92]) *Emler,* Regesta, t. III, p. 46—47, nr. 111, (1312): Licet a praedecessoribus nostris jam dudum fuerit constitutum, ut—possessiones vel bona ecclesiarum—laicis potentibus, videlicet: vladiconibus et civibus—locare audeat, episcopis—inconsultis... tamen quia inobedientes—locaciones faciebant, propter quod non solum excommunicationem, imo etiam notam irregularitatis ingrediendo... nos—poenam excommunicationis—tollimus et in poenam pecuniariam, quae plus timeri solet, duximus commutandam, ita videlicet, quod quotiescunque possessiones ecclesiae suae de caetero laicis supradictis nobis locaverint inconsultis, quod ex tunc decimam marcam locationis ejusdem nomine poenae convertendam—infra quindecim dies a tempore locacionis factae tenebitur assignare...

провождалось уплатою извѣстной денежной суммы. Въ данномъ же случаѣ было иначе: епископы имѣли въ виду не свою выгоду, а интересы церкви. Это можно видѣть отчасти изъ самаго тона епископскаго распоряженія, проникнутаго духомъ осужденія легкомысленной погони за наживою; а еще яснѣе обнаруживаются истинныя побужденія, которыми руководились епископы въ данномъ случаѣ, изъ другой грамоты того же епископа Іоанна. Какъ теперь оказывается, запрещеніе отдавать земли извѣстнымъ лицамъ было издано епископомъ Товіемъ (1278—1296). Напоминая Бревновскому монастырю объ этомъ распоряженіи и усматривая изъ фактовъ, обнаруженныхъ при визитаціи, его нарушенія, епископъ настолько далекъ отъ фискальныхъ соображеній, что совершенно проходитъ молчаніемъ свое прежнее распоряженіе, въ силу котораго въ епископскую казну должны были поступить теперь штрафныя деньги, и ограничивается предписаніемъ принять мѣры къ выкупу или упраздненію всѣхъ сдѣлокъ по залогу или отдачѣ земель въ пользованіе, заключенныхъ безъ согласія епископской власти съ какими бы то ни было лицами, кромѣ крестьянъ. Это свое предписаніе епископъ объясняетъ тѣмъ, что по опыту ему извѣстны тѣ неисправимые убытки, какіе проистекаютъ для монастырей отъ подобныхъ сдѣлокъ [93]).

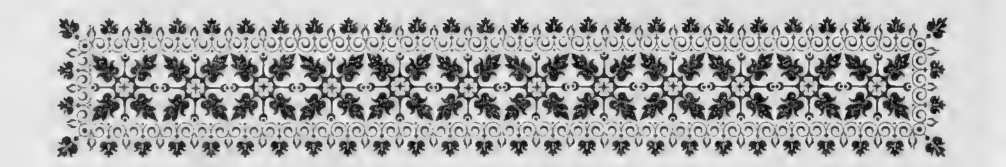
Вся совокупность вышеприведенныхъ фактовъ доказываетъ, что крестьяне не соблазнялись даже льготными отъ платежей сроками, когда дѣло шло о поселеніи на условіяхъ эмфитевтическаго права. Какая охота была крестьянину, если его не удручала особенно большая крайность, принимать на себя добровольно тѣ тяжелыя обязательства и условія, которыя вытекали изъ примѣненія эмфитевтическаго права, и самому своими руками изготовлять для себя путы экономическаго рабства! Крестьяне тѣхъ селъ, въ которыхъ вводимо было землевладѣльцами по корыстнымъ побужденіямъ новое право, имѣли въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ преимущества передъ новопоселенцами,

[93]) *Emler*, Regesta, t. III, p. 691, nr. 1767, (1331): quia bona, possessiones monasterii vestri absque requisicione et scitu nostro, dyocesani vestri, quam plurima laycis et potentibus obligastis, locavistis, assignastis et distribuistis, minus caute in monasterii vestri dispendium valde grave... Unde volentes huic morbo occurrere celeri medicina statuimus et mandamus, ne de cetero possessiones mon. vestri quascumque, nedum parvas, cuiquam layco *preter rusticos* obligare aut locare vel quovis tytulo alienacionis concedere absque nostra licencia speciali presumatis, prout jacturam vestri status cupitis evitare, quia per experienciam didicimus, ex talibus locacionibus monasteriis dampna irrecuperabilia evenire. Illas vero obligaciones et locaciones, quas fecistis, caute revocare studeatis, ut ex hiis a nobis possitis collaudari.

такъ какъ ихъ земли были уже распаханы и мѣста насижены, а потому приходилось на первыхъ порахъ примириться только съ необходимостью отдать землевладѣльцу часть или всѣ кровныя сбереженія, при отсутствіи же ихъ взять взаймы у кого-либо необходимую денежную сумму, тогда какъ новопоселенцы должны были не только взнести закупные платежи, но и, кромѣ того, затратить трудъ и деньги на распашку полей, сооруженіе жилищъ и хозяйственныхъ построекъ.

А. Ясинскій.

Юрьевъ Ливонскій.
1903 г.



Древнѣйшая русская аристократія[1]).

Общественное неравенство весьма древняго происхожденія. Крайнее проявленіе неравенства—рабство—извѣстно всѣмъ первобытнымъ народамъ. Рабство извѣстно было и нашимъ отдаленнымъ предкамъ.

Рабы противополагаются свободнымъ. И въ средѣ свободныхъ нѣтъ равенства. Въ древней семьѣ различаются: домовладыка и домочадцы, «чадь». Домовладыка неизмѣримо выше домочадцевъ; домочадцы подчиняются суровой власти домовладыки. Въ составъ же домочадцевъ входятъ какъ дѣти, такъ и рабы. Дѣти свободныхъ родителей смѣшиваются съ рабами и раздѣляютъ ихъ несвободное состояніе. Свободными можно назвать лишь домовладыкъ, т. е. лицъ не подчиненныхъ отеческой власти.

Но и лица, не подчиненныя отеческой власти домовладыки, не представляютъ однообразной массы уже въ древнѣйшее время. Начальный лѣтописецъ въ составѣ древнѣйшаго русскаго общества различаетъ высшій слой, обозначенный терминами: «лучшіе», или «нарочитые мужи», «старцы», или «старѣйшины градскіе», «бояре», и низшій слой, обозначенный терминомъ—«простые люди».

Въ помѣщенномъ подъ 945 годомъ разсказѣ объ убіеніи князя Игоря и о мести Ольги все свободное населеніе Древлянской земли обозначается терминомъ «люди», «Древляне»; но въ общей массѣ «Древлянъ» «нарочитые, лучшіе мужи», «старѣйшины града» отличаются отъ «прочихъ людей».

Вышедше изъ града Изъкоръстѣня Деревлене, убиша Игоря и дружину его....... Рѣша же Деревляне: «се князя убихомъ

[1]) Настоящій очеркъ представляетъ собою начало задуманнаго авторомъ изслѣдованія по исторіи общественныхъ классовъ въ Россіи.

Рускаго; поимемъ жену его Вольгу за князь свой Малъ...» И послаша Деревляне лучьшие мужи, числомъ 20, въ лодьи къ Ользѣ.

Пославши Ольга къ Деревляномъ, рече имъ: «да аще мя просите право, то пришлите мужа нарочиты, да въ велицѣ чти приду за вашь князь.........». Се слышавше Деревляне, избраша лучьшие мужи, иже дерьжаху Деревьску землю, и послаша по ню.

И побѣгоша людье изъ града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имате е; яко взя градъ и пожьже ѝ; старѣйшины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другия работѣ предасть мужемъ своимъ (Пол. Собр. Рус. Лѣт., I, стр. 23—25).

Упоминаемые въ приведенныхъ мѣстахъ лѣтописи «нарочитые мужи», «лучшіе мужи», «старѣйшины града»—древнѣйшая русская аристократія. Лѣтописецъ упоминаетъ объ этой аристократіи въ Древлянской землѣ. Но древнѣйшій общественный бытъ различныхъ племенъ русскихъ славянъ однороденъ. Можно полагать, что такая же аристократія искони существовала и въ другихъ земляхъ.

На глазахъ исторіи, съ призваніемъ варяжскихъ князей и съ принятіемъ христіанства, появляется у русскихъ славянъ новая аристократія—свѣтская («бояре») и духовная. Рядомъ съ этой новой аристократіей продолжаетъ нѣкоторое время существовать старинная аристократія. Свидѣтельства объ одновременномъ существованіи новой и старинной аристократіи встрѣчаемъ въ разсказахъ начальной лѣтописи о Владимірѣ Святомъ.

Подъ 983-мъ годомъ въ лѣтописи разсказывается: Иде Володимеръ на Ятвяги, и побѣди Ятвяги, и взя землю ихъ. И иде Киеву, и творяше потребу кумиромъ съ людми своими; и рѣша старци и боляре: «мечемъ жребий на отрока и дѣвицю; на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ» (Пол. Собр. Рус. Лѣт., т. I, стр. 35).

Въ 987 году, по словамъ лѣтописца, «созва Володимеръ боляры своя и старци градьскиѣ», разсказалъ имъ о томъ, что къ нему приходили болгаре, нѣмцы, евреи и греки и убѣждали его принять ихъ вѣру, и спросилъ:

«Да что ума придасте? что отвѣщаете?» И рѣша бояре и старци: «вѣси, княже, яко своего никтоже не хулить, но хвалить; аще хощеши испытати гораздо, то имаши у себе мужи: пославъ испытай когождо ихъ службу, и како служить Богу». И бысть люба рѣчь князю и всѣмъ людемъ; избраша мужи добры и смысленны.... (тамъ же, стр. 45—46).

Когда посланные воротились обратно,

созва князь боляры своя и старци, рече Володимеръ: «се придоша послании нами мужи, да слышимъ отъ нихъ бывшее», и рече: «скажите предъ дружиною» (тамъ же, стр. 46).

Подъ 996 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ о построеніи княземъ Владиміромъ церкви св. Богородицы въ Кіевѣ; по поводу этого торжества былъ устроенъ пиръ для народа:

и створи праздникъ великъ въ тъ день бояромъ и старцемъ людьскымъ, и убогимъ раздая имѣнье много. (тамъ же, стр. 53).

Спустя нѣкоторое время послѣ этого, случился набѣгъ печенѣговъ; Владиміръ едва спасся, скрывшись подъ мостомъ. Въ ознаменованіе этого событія построена была церковь святого Преображенія, а для народа устроенъ былъ пиръ.

Избывъ же Володимеръ сего, постави церковь, и створи праздникъ великъ, варя 300 переваръ меду, и съзываше боляры своя, и посадникы, старѣйшины по всѣмъ градомъ, и люди многы, и раздая убогымъ 300 гривенъ (тамъ же, стр. 54).

Подъ тѣмъ же 996 годомъ лѣтописецъ дѣлаетъ слѣдующую общую характеристику пировъ князя Владиміра:

Се же пакы творяше людемъ своимъ по вся недѣля, устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити боляромъ, и гридемъ, и съцьскымъ, и десяцьскымъ, и нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя (тамъ же, стр. 54).

Наконецъ, подъ тѣмъ же 996 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ о томъ, что Владиміръ, по совѣту епископовъ,

отвергъ виры, нача казнити разбойникы, и рѣша епископи и старци: «рать многа; оже вира, то на оружьи и на коних буди»; и рече Володимеръ: «тако буди» (тамъ же, стр. 64).

Въ описанныхъ случаяхъ, отнесенныхъ лѣтописцемъ къ концу X в., дѣйствіе происходитъ въ присутствіи князя. Князя новой Варяжской династіи, принявшаго новую вѣру, окружаетъ новая аристократія—бояре и епископы, и старинная аристократія—старѣйшины, или старцы градскіе. Но въ то же время—въ концѣ X в.—въ одномъ случаѣ выступаетъ одна только старинная аристократія. Этотъ случай, описанный подъ 997 годомъ, имѣлъ мѣсто въ одномъ изъ кіевскихъ пригородовъ—Бѣлгородѣ. Здѣсь нѣтъ князя, нѣтъ бояръ и епископовъ, но есть старѣйшины градскіе. Бѣлгородъ былъ осажденъ печенѣгами. Мучимые голодомъ жители рѣшили на вѣчевомъ собраніи сдаться.

Бѣ же единъ старець не былъ на вѣчи томь, и въпраша: «что ради вѣче было?»; и людье повѣдаша ему, яко утро хотятъ ся

людье передати Печенѣгомъ. Се слышавъ, посла по старѣйшины градьскыя, и рече имъ: «слышахъ, яко хочете ся передати Печенѣгомъ»; они же рѣша: «не стерпять людье глада». И рече имъ: «послушайте мене, не передайтеся за 3 дни, и я вы что велю, створите». Они же ради обѣщашася послушати (тамъ же, стр. 55).

Мы выписали всѣ мѣста начальной лѣтописи, въ которыхъ упоминается о древнѣйшей русской аристократіи. Эти мѣста лѣтописи указываютъ и на то положеніе, какое занимала эта аристократія въ обществѣ.

Аристократіи принадлежитъ власть: древлянскіе «лучшіе мужи» «держали» Древлянскую землю. Власть выражается въ формѣ корпоративнаго права всей аристократіи или въ формѣ личныхъ правъ отдѣльныхъ ея представителей. Аристократія in corpore играетъ руководящую роль на народныхъ собраніяхъ [2]). Аристократія in corpore входитъ въ составъ самостоятельнаго органа верховной власти—совѣта старѣйшихъ («боярской думы») [3]). Отдѣльные члены аристократическаго класса выполняютъ временныя порученія народнаго собранія,—отправляются въ посольство, какъ представители земли. Можно полагать, что изъ среды того же аристократическаго класса избирались и лица для выполненія постоянныхъ функцій текущаго управленія, что тѣ сотскіе и десятскіе, которые являлись на пиры князя Владиміра, принадлежали къ «нарочитымъ мужамъ».

Аристократіи принадлежитъ власть, ибо аристократія обладаетъ такими качествами, которыя выдѣляютъ и возвышаютъ ее надъ остальнымъ населеніемъ.

— —

Первое качество, которое выдѣляетъ человѣка въ древнемъ обществѣ,—это бо̀льшая экономическая обезпеченность, богатство.

Въ древнерусскомъ обществѣ это качество играетъ весьма важную роль. Памятники свидѣтельствуютъ объ экономическомъ неравенствѣ, и дѣленіи общества на богатыхъ и бѣдныхъ («убогихъ», «нищихъ»).

Договоры съ греками предусматриваютъ случаи, когда преступникъ «имовитъ» и когда онъ «неимовитъ» (Дог. 911 г., ст. 4, 5; Дог. 945 г., ст. 13).

Въ разсказѣ начальной лѣтописи о крещеніи кіевлянъ «люди» дѣлятся на богатыхъ и убогихъ.

---

[2]) См. наше изслѣдованіе „Рада вел. княж. Литовскаго въ связи съ боярской думой древней Россіи", часть I, стр. 52, 53.

[3]) См. тамъ же, стр. 57, 93, 94.

> По семь же Володимеръ посла по всему граду, глаголя: «аще не обрящеться кто рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работникъ, противенъ мнѣ да будеть». Се слышавше людье, съ радостью идяху (Пол. Соб. Рус. Лѣт., т. I, стр. 50).

По словамъ той же начальной лѣтописи, когда умеръ Владиміръ Святой, убогіе оплакивали его, «аки заступника и кормителя» (тамъ же, стр. 56). Въ другомъ мѣстѣ начальной лѣтописи отмѣчена та же черта князя Владиміра—нищелюбіе: онъ «повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу, питье и и яденье, и отъ скотьниць кунами» (тамъ же, стр. 54).

Нищелюбіемъ отличались и другіе древнерусскіе князья.

Ростиславъ Владиміровичъ былъ «милостивъ убогымъ» (тамъ же, стр. 72).

«Милостивъ убогымъ» былъ и князь Глѣбъ Святославичъ (тамъ же, стр. 85).

Всеволодъ Ярославичъ заботился объ убогихъ (тамъ же, стр. 92).

Владиміра Мономаха лѣтописецъ называетъ «нищелюбцемъ» (Пол. Собр. Рус. Лѣт., т. II, стр. 10).

Согласно «Поученію“ Владиміра Мономаха, нищелюбіе является нравственнымъ долгомъ князя. „Всего же паче, говоритъ Владиміръ Мономахъ, убогыхъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите“ (Пол. Собр. Рус. Лѣт., т. I, стр. 102).

Кромѣ князей, нищелюбіемъ отличались, по отзыву лѣтописца, и другія лица. Такъ, лѣтописецъ дѣлаетъ слѣдующую характеристику митрополита Іоанна:

> бысть же Іоанъ мужь хытръ книгамъ и ученью, милостивъ убогымъ и вдовицямъ,ласковъ же ко всякому, богату и убогу (тамъ же, стр. 89).

Въ житіи преподобнаго Θеодосія читаемъ:

> Тако ти бѣ млрдіе великаго оца ншого Θеодосія аще бо видяше нища или оубога, в скорби соуща и въ одежи худѣ, жаляаше о семъ, и плачемъ сего миловаше, и сего ради створи дворъ близъ монастыря своего и црквь възгради в немъ стго Стефана, тоу же повелѣ пребывати нищимъ, слѣпымъ, хромымъ, троудоватымъ, от монастыря подаваше имъ, яже на потребу..... (Памятники рус. литерат. XII и XIII в., изд. В. Яковлевымъ, стр. XLI).

Если нищелюбіе отмѣчается, какъ особенная добродѣтель, то, очевидно, въ обществѣ существуетъ экономическое неравенство.

Косвенныя указанія на экономическое неравенство можно найти и въ свидѣтельствахъ памятниковъ объ экономическомъ бытѣ древнерусскаго населенія.

По наблюденіямъ путешественниковъ, дикія племена отличаются поразительной безпечностью и легкомысліемъ. Имъ совершенно чужда забота о будущемъ; въ сферѣ экономической имъ чужда бережливость, хозяйственность. Предметомъ настоятельной потребности и наиболѣе сильныхъ желаній является пища; но дикарямъ неизвѣстны запасы пищи на будущее. Послѣ удачной охоты они набрасываются съ жадностью на свѣжее мясо и объѣдаются до пресыщенія; затѣмъ, въ случаѣ неудачной охоты, терпятъ голодъ. Для подтвержденія этой мысли приведемъ слѣдующія слова одного изъ изслѣдователей быта сибирскихъ инородцевъ: „Главный промыселъ собачьихъ чукчей—рыбная ловля, тюленьи и моржевые промыслы. Иногда убиваютъ также и китовъ, хотя большею частью такихъ, которые попали на мель во время отлива. Бываетъ, что, несмотря на многочисленные гарпуны, киту удается «сняться» и отправиться околѣвать гдѣ-нибудь дальше; если его прибьетъ куда-нибудь къ берегу, чукчи сейчасъ же даютъ знать тому клану, чьи гарпуны торчатъ въ бокахъ добычи. Начинается пиршество. Дикари и собаки ихъ отъѣдаются китовиной до самого нельзя. У всѣхъ лица и платье перепачканы жиромъ. Запахъ ворвани слышенъ тогда далеко отъ деревни. Ѣдятъ цѣлый день; наконецъ, сонъ смыкаетъ очи, переполненный желудокъ требуетъ отдыха. Чукча засыпаетъ, держа въ зубахъ кусокъ китовины, которую медленно жуетъ, а вѣрная жена садится рядомъ и пальцемъ старается впихнуть мужу въ ротъ жирный кусокъ. Такъ продолжается пиръ до тѣхъ поръ, пока волны не уберутъ остатковъ добычи, тогда опять начинается голодъ“ [4]).

Въ обществѣ, которому неизвѣстна идея накопленія богатствъ, очевидно, нѣтъ экономическаго неравенства, нѣтъ дѣленія на богатыхъ, и бѣдныхъ. Такими чертами характеризуется первобытное общество, находящееся на ступени „дикаго состоянія“, по терминологіи Моргана, или общество „низшихъ охотниковъ“, по терминологіи Эрнста Гроссе.

Въ этомъ примитивномъ обществѣ „люди не дѣлаютъ и не владѣютъ ничѣмъ, кромѣ необходимаго; все остальное было бы для этихъ безпокойныхъ кочевниковъ даже бременемъ. Каждый изъ нихъ вмѣстѣ съ древнимъ философомъ можетъ сказать: „omnia mea mecum porto“; и поистинѣ имъ нетрудно таскать съ собой свое имущество.

[4]) *Діонео.* На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири. СПБ., 1895, стр. 151—152.

Индивидуальная собственность, которая у всѣхъ низшихъ обществъ преимущественно или исключительно состоитъ изъ движимаго скарба, здѣсь весьма ничтожна; самая же цѣнная часть собственности—охотничья земля, принадлежитъ всѣмъ вообще мужчинамъ племени. Такимъ образомъ всѣ члены первобытной группы бываютъ и остаются приблизительно одинаково бѣдны. Такъ какъ не существуетъ никакихъ коренныхъ различ й въ имущественномъ положенiи, то отсутствуетъ и главный источникъ происхожденiя сословныхъ различiй. Въ общемъ всѣ взрослые мужчины въ племени равноправны между собою" [5]).

Первобытнымъ народамъ, стоящимъ на болѣе высокой ступени экономической культуры, чѣмъ „низшiе охотники", уже извѣстна идея накопленiя богатствъ. Эта идея извѣстна „высшимъ охотникамъ". Высшiе охотники ведутъ торговлю, ведутъ и войны ради добычи. Торговля и война для добычи свидѣтельствуютъ о накопленiи богатствъ.

У скотоводовъ и земледѣльцевъ идея накопленiя богатствъ прочно укореняется. Скотоводъ дорожитъ своимъ скотомъ, на прирученiе котораго и на уходъ за которымъ онъ затрачиваетъ свой трудъ. При уменьшенiи земельныхъ пространствъ, скотоводъ начинаетъ дорожить также участками земли и прежде всего огороженными участками сѣнокосовъ. Земледѣлецъ дорожитъ участками пахатной земли, на обработку которой онъ затрачиваетъ свой трудъ.

Накопленiе богатствъ совершается далеко не равномѣрно. Въ сферѣ дѣятельности экономической одному удается больше, другому меньше. Отсюда раздѣленiе общества на богатыхъ и бѣдныхъ.

Раздѣленiе общества на богатыхъ и бѣдныхъ существуетъ у высшихъ охотниковъ. „Земля и у высшихъ охотниковъ, какъ правило,—говоритъ Гроссе,—принадлежитъ всему племени или роду; однако, движимая собственность прiобрѣла здѣсь такое распространенiе и значенiе, что, несмотря на равенство земельныхъ владѣнiй, здѣсь легко можетъ развиться большое имущественное неравенство. Въ то время какъ у низшихъ охотниковъ каждый мужчина имѣетъ столь же мало имущества и столь же много правъ, какъ и всякiй другой, у высшихъ охотниковъ съ неравенствомъ богатства развилось и неравенство ранга и власти. Среди народовъ этой группы господствуетъ истинная плутократiя; богатству принадлежитъ рѣшающая роль въ вопросѣ о положенiи и влiянiи семьи или отдѣльнаго лица" [6]).

[5]) *Эрнстъ Гроссе.* Формы семьи и формы хозяйства. Пер. съ нѣм., М. 1898, стр. 53—54.

[6]) Указ. соч., стр. 97—98.

Раздѣлен͘е на богатыхъ и бѣдныхъ существуетъ у скотоводовъ и земледѣльцевъ.

Среди сибирскихъ кочевыхъ инородцевъ попадаются хозяйства безъ скота и попадаются хозяйства, у которыхъ числится нѣсколько сотенъ и даже тысячъ головъ скота. Такъ, недавно произведенныя изслѣдованія хозяйственнаго быта забайкальскихъ инородцевъ показали, что среди бурятъ-кочевниковъ числится 1,1% хозяйствъ, у которыхъ совершенно нѣтъ скота, и 0, 04%, у которыхъ свыше 500 головъ лошадей, 0, 04%, у которыхъ свыше 500 головъ рогатаго скота, и 0,1%, у которыхъ свыше 500 овецъ. Неравномѣрно распредѣлены и земельныя владѣнія. По юридическимъ воззрѣніямъ забайкальскихъ инородцевъ, всякій трудъ, затраченный на участокъ земли, является основаніемъ исключительныхъ правъ на этотъ участокъ. Такимъ трудомъ считается не только удобреніе или распахиваніе земельнаго участка, но и огораживаніе его. Недавними изслѣдованіями констатировано, что богатые буряты огородили большіе участки сѣнокосовъ въ 80, 100, 200 десятинъ, въ то же время бѣдные совершенно стѣснены въ пользованіи сѣнокосами. Между бѣдными и богатыми возникаетъ борьба за пользованіе сѣнокосами; при благопріятныхъ для бѣдныхъ обстоятельствахъ борьба эта ведетъ къ передѣламъ. Неравномѣрность въ земельныхъ владѣніяхъ замѣчается и среди забайкальскихъ инородцевъ, перешедшихъ къ земледѣлію. Въ то время какъ богатые владѣютъ большими пространствами пахатной земли, бѣдные терпятъ тѣсноту. И здѣсь борьба между богатыми и бѣдными приводитъ къ передѣламъ. Наконецъ, аренда открываетъ то же явленіе— раздѣленіе забайкальскихъ инородцевъ на богачей и бѣдняковъ; первые являются крупными арендаторами сѣнокосовъ и пахатныхъ участковъ [7]).

Г. Коваликъ, авторъ статьи „Верхоянскіе якуты и ихъ экономическое положеніе“, говоритъ: „степень благосостоянія якутовъ весьма различна; чтобы представить ее болѣе наглядно, я раздѣлю населеніе на пять классовъ, не считая коломановъ и работниковъ: 1) окончательные бѣдняки, почти паріи, живущіе все-таки самостоятельнымъ хозяйствомъ, не имѣющіе собственнаго скота или имѣющіе не болѣе 2 штукъ, 2) бѣдняки, имѣющіе менѣе 10 шт. скота, 3) средніе—отъ 10 до 30 штукъ, 4) зажиточные, имѣющіе менѣе 100 штукъ и 5) богачи—свыше ста. Самые многочисленные—первый и второй классы, третій—

---

[7]) Матеріалы, собранные комиссіей для изслѣдованія землевладѣнія и землепользованіи въ Забайкальской области. Выпуски IX и X.

немного уступаетъ каждому изъ нихъ по числу душъ, четвертый сравнительно малочисленъ, пятый состоитъ изъ 1—5 человѣкъ въ наслегѣ, въ нѣкоторыхъ наслегахъ его вовсе нѣтъ; есть наслеги, въ которыхъ нѣтъ и четвертаго класса.... Богатство у якутовъ уважается едва ли не болѣе, чѣмъ у другихъ народовъ. Слова—„богатый" и „хорошій" человѣкъ, „бѣдный" и „худой", у нихъ синонимы. Если богатый человѣкъ имѣетъ небольшую долю разсудка, то онъ можетъ обращаться съ бѣдняками, какъ власть имѣющій. Изъ среды ихъ выбираются головы и большая часть выборныхъ и старостъ" [8]).

Такое же значен е имѣетъ богатство у киргизовъ. Одинъ изслѣдователь дѣлилъ киргизовъ Петропавловскаго, Омскаго и Кокчетовскаго уѣздовъ на слѣдующія группы по экономическому благосостоянію: „первая и самая незначительная, не болѣе 10%, довольно зажиточныхъ и богатыхъ, обладающихъ на семью отъ 50 до 100 и болѣе головъ; изъ этой группы 1—2% отдѣляется очень богатыхъ, владѣющихъ табунами въ нѣсколько сотъ головъ и даже тысячъ. Вторая группа, 40%, обладающіе среднимъ достаткомъ и имѣющіе сравнительно нормальное количество скота для жизни. Третья группа киргизовъ, около 25—30%, находящіеся въ переходной формѣ отъ скотоводства къ осѣдлой жизни, потому что норма скота не обезпечиваетъ уже ихъ экономическихъ потребностей, и необходимо изыскивать другіе дополнительные заработки: извозъ, косьбу сѣна, наемъ въ рабоч е во время страды, ремесла, посѣвъ хлѣба". Наконецъ, послѣдняя группа, около 25—30%, состоитъ изъ „самыхъ жалкихъ паріевъ рода человѣческаго, нищихъ, ничего неимущихъ, пропащихъ людей („джатаки", „байгуши")". „Всякій, кто немного пожилъ среди киргизскаго населенія и тѣсно соприкасался съ ихъ жизнью, не могъ не замѣтить то страшное экономическое рабство, которое господствуетъ въ обыденной жизни населенія. Это рабство съ обѣднѣніемъ растетъ все больше и больше. Каждая часть аула или рода состоитъ изъ двухъ элементовъ—одной, двухъ семей богатыхъ, остальные бѣдняки,и первыя двѣ семьи являются надъ остальными полными хозяевами—чуть не съ правомъ жизни и смерти. Вся жизнь сосредоточивается на этихъ двухъ семьяхъ" [9]).

Тѣ же явленія—дѣленіе общества на богатыхъ и бѣдныхъ и преобладающее значеніе богатыхъ—замѣчаются въ жизни другихъ сибир-

---

[8]) Извѣстія Восточн.-Сибир. отдѣл. Импер. Рус. Геогр. Общ., т. XXV, № 4—5, стр. 18, 31.

[9]) Записки Зап. Сиб. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ., кн. XVIII., вып. 2. В. Астафьевъ, Колонизація степныхъ областей, стр. 45—46.

скихъ инородцевъ и вообще въ жизни первобытныхъ племенъ, вышедшихъ изъ состоянія «низшихъ охотниковъ».

Русскіе славяне во времена доисторическія вышли уже изъ состоянія „низшихъ охотниковъ“. Экономическій бытъ русскихъ славянъ IX и X вѣковъ характеризуется слѣдующими чертами:

1) Главными занятіями населенія являются звѣроловство и пчеловодство. Въ начальной лѣтописи находимъ слѣдующую характеристику доисторическаго экономическаго быта полянъ: «бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь». Эта характеристика относится и къ другимъ племенамъ русскихъ славянъ; та же лѣтопись прямо указываетъ, что въ доисторическое время звѣроловство было главнымъ занятіемъ и другихъ племенъ:

> Древляне... сѣдоша въ лѣсѣхъ... живяху звѣрьскымъ образомъ... живуще скотьскы.
>
> И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякий звѣрь, ядуще все нечисто.
>
> Имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словѣнехъ, на Мери и на всѣхъ и на всѣхъ Кривичѣхъ; а Козари имаху на Полянѣхъ, и на Сѣверѣхъ и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣй вѣверицѣ отъ дыма (Пол. Собр. Рус. Лѣт., I, стр. 3—8).

И въ началѣ времени историческаго (въ IX и X вѣкахъ) природа все еще, очевидно, изобиловала зоологическими богатствами, а потому преобладающими занятіями остаются звѣроловство и пчеловодство. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе факты, отмѣченные въ начальной лѣтописи. Такъ, дань попрежнему уплачивается продуктами звѣроловства и пчеловодства:

> Поча Олегъ воевати Деревляны, и примучивъ ѝ, имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ (тамъ же, стр. 10).
>
> Рече... Ольга: „.... хощую дань имати...“. Рекоша же Деревляне: «што хошеши у насъ? ради даемъ медомъ и скорою» (тамъ же, стр. 25).

Подарки, подносимые русскими князьями иностранцамъ, состоятъ изъ тѣхъ же продуктовъ звѣроловства и пчеловодства.

> Игорь же утвердивъ миръ съ Греки, отпусти слы, одаривъ скорою, и челядью, и воскомъ, и отпусти я (тамъ же, стр. 23).
>
> Си же Ольга приде Киеву, и присла къ ней царь Гречьский, глаголя: «яко много дарихъ тя; ты бо глаголаше ко мнѣ, яко

аще возъвращюся въ Русь, многи дары прислю ти: челядь, воскъ и скъру» (тамъ же, стр. 26).

Продукты звѣроловства и пчеловодства служатъ предметомъ торговли. Объ этомъ свидѣтельствуютъ русскіе и иностранные источники. Начальный лѣтописецъ подъ 969 годомъ разсказываетъ:

Рече Святославъ къ матери своей и къ боляромъ своимъ: «нелюбо ми есть въ Киевѣ быти, хочю жити въ Переяславци на Дунаи, яко то есть середа въ земли моей, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина, овощеве разноличныя, изъ Чехъ же, изъ Угорь сребро и комони, изъ Руси же скора и воскъ, медъ и челядь» (тамъ же, стр. 28).

Арабскій писатель IX вѣка Ибнъ-Хордадбе сообщаетъ:

Что же касается купцовъ Русскихъ—они же суть племя изъ Славянъ—то они вывозятъ мѣха выдры, мѣха черныхъ лисицъ и мечи изъ дальнѣйшихъ концовъ Славоніи къ Румскому морю (А. Гаркави, Сказанія мусульман. писателей о славянахъ и русскихъ, стр. 49).

Другой арабскій писатель Ибнъ-Хаукаль тоже сообщаетъ, что изъ страны Руссовъ привозятъ въ страну Хазаръ медъ и мѣха, въ особенности мѣха выдры (тамъ же, стр. 219).

2) Приблизительно съ XI вѣка, по свидѣтельству памятниковъ, главнымъ занятіемъ русскихъ славянъ дѣлается скотоводство. Можно полагать, что скотоводство не сразу сдѣлалось главнымъ занятіемъ, что раньше XI вѣка скотоводство уже конкурировало съ звѣроловствомъ и пчеловодствомъ. Дѣйствительно, памятники свидѣтельствуютъ, что въ X вѣкѣ скотоводство играетъ важную роль въ хозяйственной жизни. Въ 907 году русскіе, заключая миръ съ греками, клянутся «Волосомъ, скотьимъ богомъ». Былъ «скотій богъ», покровитель скотоводства, значитъ скотоводство было извѣстно.

Подъ 912 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ, что у князя Олега былъ «старѣйшина конюховъ»; значитъ, князья X вѣка обладали большими стадами лошадей.

Въ 945 году кіевскій князь Игорь, собравъ дань съ древлянъ, вернулся въ Древлянскую землю съ цѣлью новаго сбора дани.

Слышавъ же се Деревляне, яко опять идеть, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ: «аще ся въвадить волкъ въ овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьють его...» (тамъ же, стр. 23).

Подобнаго рода аллегорическая рѣчь возможна, конечно, только въ устахъ народа, занимающагося скотоводствомъ.

3) Рядомъ съ звѣроловствомъ, пчеловодствомъ и скотоводствомъ извѣстно было и земледѣліе.

Въ памятникахъ X вѣка есть нѣсколько указаній на занятіе земледѣліемъ.

Подъ 946 годомъ записано въ начальной лѣтописи, что Ольга обратилась съ слѣдующими словами къ осажденнымъ жителямъ Искоростеня:

> «Что хочете досѣдѣти? а вси грады ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и землѣ своя» (тамъ же, стр. 25).

Вятичи, по разсказу лѣтописца, во второй половинѣ X вѣка платили дань «отъ рала», или «отъ плуга» (тамъ же, стр. 27 и 35).

Въ 946 году во время осады Бѣлгорода печенѣгами одинъ изъ старцевъ градскихъ далъ совѣтъ осажденнымъ: «сберѣте аче и по горсти овса, или пшеницѣ, ли отрубъ» (тамъ же, стр. 55).

Свидѣтельствъ памятниковъ о занятіи земледѣліемъ въ X вѣкѣ немного. Можно полагать, что земледѣліе играло второстепенную роль[10]).

4) Извѣстна была въ IX и X вѣкѣ и торговля. Какъ видно изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ памятниковъ, предметами вывоза служили продукты звѣроловства и пчеловодства, а также рабы.

5) Иностранные и русскіе памятники свидѣтельствуютъ о существованіи рабства у русскихъ славянъ въ IX и X вѣкахъ. Рабы были предметомъ торговли, какъ объ этомъ прямо свидѣтельствуютъ памятники. Можно полагать, что рабы употреблялись для охоты и ухода за скотомъ, какъ это обыкновенно бываетъ у народовъ, занимающихся звѣроловствомъ и скотоводствомъ [11]). Можно полагать также, что рабы выступали въ торговлѣ, какъ представители своихъ владѣльцевъ. О такой роли рабовъ свидѣтельствуетъ фактъ, относящійся къ позднѣйшей эпохѣ,—постановленіе Русской Правды:

> Оже кто поустить холопа въ торгъ, а должаеть, то выкупати его господину, а лишатися его не лзѣ (ст. 128 по Карамз. списку).

---

[10]) „Извѣстно, говоритъ Максимъ Ковальскій, что земледѣліе является на первыхъ порахъ простымъ суррогатомъ къ скотоводству и охотничеству“ .(Экономическій ростъ Европы..., т. I, стр. X). По мнѣнію одного изъ изслѣдователей исторіи русскаго экономическаго быта, въ продолженіе XV - XVII вѣковъ„ рыболовство и охота замѣняются земледѣліемъ, которое повсемѣстно становится господствующимъ занятіемъ“ (П. А. Соколовскій, Экономическій быть землед. населенія Россіи...; предисловіе).

[11]) См. изслѣдованіе *Г. Нибура*: „Рабство, какъ система хозяйста“.

Обществу, экономическій строй котораго характеризуется указанными выше чертами, извѣстна идея накопленія богатства. Богатства въ такомъ обществѣ состоятъ изъ продуктовъ звѣроловства и пчловодства, рабовъ, скота и капиталовъ, явившихся результатомъ торговли.

Въ такомъ обществѣ существуетъ дѣленіе на богатыхъ и бѣдныхъ. Богатые играютъ первенствующую роль въ общественной жизни. Упоминаемые въ лѣтописи «старцы», или «старѣйшины градскіе», «нарочитые», или «лучшіе мужи», были прежде всего люди богатые; это был?—богатые промышленники, рабовладѣльцы и скотовладѣльцы.

Богатство—не единственное качество, выдѣляющее человѣка въ первобытномъ обществѣ. Рядомъ съ богатсвомъ уже въ глубокой древности цѣнятся нравственныя качества.

Въ «Иліадѣ» Одиссей многоумный обращается съ такими словами къ Ахиллесу:

О, Ахиллъ—Пелейонъ, величайшій воитель Ахейскій!
Ты знаменитѣй меня, а не меньше того и сильнѣе
Въ битвѣ копьемъ, но тебя, о герой, превзойду я далеко
Знаніемъ: прежде родился я, больше тебя я извѣдалъ.

Ахиллесъ и Одиссей—герои, высоко стоящіе надъ среднимъ уровнемъ гомеровскаго общества. Ихъ выдѣляютъ—мужество, военная доблесть, съ одной стороны, знаніе жизни, опытность, мудрость, съ другой стороны,

У народовъ воинственныхъ больше всего цѣнится военная доблесть. Князья варяжскіе съ своими дружинами внесли военную струю въ мирную патріархальную жизнь русскихъ славянъ. Военная доблесть главнымъ образомъ выдѣляетъ новую аристократію—бояръ—изъ среды остальнoго населенія.

Древніе русскіе славяне—народъ мирный. Завоевательныхъ наклонностей у нихъ нѣтъ. Лѣтописецъ, передавая дошедшія до него преданія о древнѣйшей доисторической жизни русскихъ славянъ, разсказываетъ, что они платили дань своимъ воинственнымъ сосѣдямъ. Дань—выкупъ, обезпечивающій миръ и спокойствіе.

Какъ у народа мирнаго, у русскихъ славянъ выше всего цѣнилась не военная доблесть, а житейская мудрость, опытность. Мудрость и опытъ въ первобытномъ обществѣ составляютъ удѣлъ старости. Поэтому старики играютъ почетную роль въ древности.

Извѣстный славистъ А. Котляревскій констатируетъ фактъ уваженія къ старикамъ въ древнѣйшей исторіи славянскаго права: «уваже-

ніе къ стрцамъ у славянъ, говоритъ онъ, основывалось, можно полагать, столько же на чувствѣ кровной семейной любви, сколько и на убѣжденіи и вѣрѣ въ ихъ богатое опытностью знаніе жизни и вообще житейскую мудрость. Тамъ, гдѣ частныя и общественныя отношенія велись по преданію, старцы естественно должны были занимать въ обществѣ очень видное почетное мѣсто, какъ хранители и истолкователи старыхъ законовъ и обычаевъ своего племени»[12]).

И у другихъ арійскихъ народовъ въ древности старики играютъ выдающуюся роль въ общественной жизни. Въ гомеровскомъ обществѣ, какъ мы видѣли, цѣнится высоко знаніе, которое является достояніемъ того, кто «раньше родился и много извѣдалъ»; по мнѣнію Гомера, сами «боги безсмертные чествуютъ смертныхъ, старѣйшихъ лѣтами»[13]). Старцы въ гомеровскомъ государствѣ являются «мужами совѣта»; высшее государственное учрежденіе, выполняющее на ряду съ народнымъ собраніемъ функціи верховнаго управленія, носитъ названіе «совѣта геронтовъ», т. е. стариковъ. Эта старина сохранилась въ Спартѣ въ болѣе позднее время: въ члены «герузіи» избирались лица, которымъ исполнилось 60 лѣтъ.

Свидѣтелемъ важнаго значенія стариковъ въ древнеримскомъ обществѣ служитъ сенатъ. По замѣчанію русскаго романиста проф. Н. П. Боголѣпова, «самое названіе сената (отъ senex) показываетъ, что первоначально сенаторы были люди пожилые или даже старые, что совершенно понятно: въ томъ простомъ быту, въ которомъ жили древнѣйшіе римляне, мудрость обусловливалась главнымъ образомъ личнымъ житейскимъ опытомъ, который съ годами возрасталъ. Такимъ образомъ мы можемъ утверждать, что древнѣйшій сенатъ состоялъ изъ старѣйшихъ и потому наиболѣе вліятельныхъ членовъ патриціанскихъ родовъ"[14]).

Съ почетной ролью стариковъ въ обществѣ встрѣчаемся и въ средневѣковой Европѣ. Подобно гомеровскому совѣту геронтовъ и римскому сенату, у готовъ существовалъ совѣтъ старцевъ. Сидоній Аполлинарій такъ описываетъ этотъ совѣтъ готскихъ старцевъ: «слѣдуя древнему обычаю, ихъ старцы сошлись при восходѣ солнца; ледъ ихъ возраста скрывалъ подъ собою пламя юноши»[15]).

---

[12]) Древности юридическаго быта Балтійскихъ Славянъ, въ „Сочиненіяхъ" А. А. Котляревскаго, т. IV, стр. 150.

[13]) Иліада, XXIII, 788.

[14]) Учебникъ исторіи римскаго права, стр. 25. См. также *Моммзенъ*, Римская исторія, т. I, стр. 76.

[15]) *Стасюлевичъ*, Исторія среднихъ вѣковъ, т. I, стр. 118.

Фриманъ, авторъ «Сравнительной Политики», приходитъ, къ слѣдующимъ заключенiямъ по вопросу о значенiи старости въ древнѣйшей исторiи человѣчества: «въ первобытномъ обществѣ, когда патрiархальныя идеи еще живы, старшинство по возрасту предполагаетъ власть и власть предполагаетъ старшинство, и германскiе начальники, высшiе и низшiе, носятъ имена, указывающiя на то, что въ древности преклонность лѣтъ разсматривалась, какъ естественное основанiе власти» [16]). Въ другомъ мѣстѣ Фриманъ говоритъ: «въ древнѣйшемъ бытѣ общества возрастъ уже предполагаетъ власть, и наоборотъ; это свидѣтельствуетъ намъ множество словъ во всѣхъ языкахъ. Начиная со старшинъ Мидянъ и δημογέροντες Илiона, мы находимъ не только спартанскихъ и римскихъ сенаторовъ, но еще πρέσβεις, пословъ, имя которыхъ съ возраста было перенесено на должность; ми видимъ христiанскихъ пресвитеровъ и англiйскихъ ealdormen; мы видимъ длинный рядъ названiй, образовавшихся изъ средневѣковаго senior, monseigneur, monsieur, sire, sir, и безчисленное множество другихъ. И чтобы кончить такъ же, какъ начали, примѣромъ, взятымъ изъ не арiйскаго племени, мы видимъ у арабовъ шейховъ и между ними, какъ наиболѣе замѣчательнаго, «старца горы» [17]).

Эти заключенiя Фримана подтверждаются фактами изъ жизни народовъ, стоящихъ въ настоящее время на первобытной ступени культуры.

По мнѣнiю Гроссе, даже въ обществѣ низшихъ охотниковъ, гдѣ всѣ взрослые мужчины равноправны, «болѣе старые пользуются, благодаря своему болѣе богатому опыту, извѣстнымъ авторитетомъ» [18]).

По словамъ одного изъ изслѣдователей быта сибирскихъ инородцевъ, В. Сѣрошевскаго, у якутовъ въ старину особеннымъ значенiемъ пользовались такъ называемые «сесены». Они разрѣшали на основанiи обычаевъ спорные случаи, играли руководящую роль на родовыхъ собранiяхъ, передъ началомъ игръ и состязанiй осматривали бойцовъ и удаляли тѣхъ, кто не годится для борьбы и т. п. Хотя сесенами могли быть и люди молодые, но обыкновенно въ якутскихъ преданiяхъ они изображаются сѣдоволосыми, почтенными, многоопытными старцами [19]).

---

16) Стр. 77.

17) Стр. 47.

18) Формы семьи и формы хозяйства, стр. 54.

19) Якуты, стр. 465.

У киргизовъ старѣйшина, какимъ обыкновенно бываетъ всѣми уважаемый человѣкъ, именуется ак-сакаломъ, что обозначаетъ бѣлобородый [20]). Этотъ терминъ свидѣтельствуетъ объ особенномъ уваженіи къ лицамъ преклоннаго возраста.

Спенсеръ считаетъ выдающееся положеніе стариковъ въ древнемъ обществѣ явленіемъ общечеловѣческимъ: «хотя старость,—говоритъ онъ,—въ тѣхъ случаяхъ, когда ведетъ за собою неспособность, настолько не почитается дикими народами, что у нихъ стариковъ убиваютъ или оставляютъ умирать безъ всякаго призрѣнія, но зато большая опытность, соединенная съ годами и еще неугасшими способностями, обыкновенно пользуется вліяніемъ» [21]).

Безспорно, и у нашихъ предковъ въ древности старики пользовались большимъ вліяніемъ въ общественной жизни. Къ тѣмъ словамъ, которыя приводятся Фриманомъ и филологическій смыслъ которыхъ указываетъ на связь власти съ преклоннымъ возрастомъ, можно прибавить термины нашей лѣтописи: «старцы», «старѣйшины градскіе».

Въ памятникахъ сохранились прямыя указанія на то, что люди преклоннаго возраста, по воззрѣніямъ нашихъ предковъ, должны пользоваться особымъ уваженіемъ.

Начальный лѣтописецъ свое принципіальное воззрѣніе высказываетъ словами священнаго писанія:

> Лютѣ бо граду тому, въ немь же князь унъ, любяй вино пити съ гусльми и съ младыми свѣтники. Сяковыя бо Богъ даеть за грѣхы, а старыя и мудрыя отъиметь, якоже Исаия глаголеть: отъиметь Господь отъ Иерусалима крѣпкаго исполина, и человѣка храбра, и судью, и пророка, и смѣрена старца, и дивна свѣтника, и мудра хитреца, и разумна, послушлива; поставлю уношю князя имъ, и ругателя обладающа ими (Пол. Собр. Рус. Лѣт., I, стр. 60).

Такое же мнѣніе о значеніи старости высказываетъ и позднѣйшій лѣтописецъ:

> Красота убо граду старые мужи и честна дума старыми и бѣлыми сединами сущихъ; есть же и старость не многолѣтна а

---

[20]) Записки Зап.-Сибир. Отд. И. Р. Г. Общ., кн. XVIII, в. II.

[21]) Развитіе политическихъ учрежденій, стр. 117.

честна по Соломону, седина бо есть, рече, мудрость человѣкомъ і возрастъ старости житие нескверно. Но убо всяко отъ всѣхъ слышится яко красота граду есть старчество, понежъ и Богомъ почтено есть старчество, глаголетъ бо писание, вопроси отца твоего возвеститъ ти, и старца твоя и рекутъ ти (Никоновская лѣтопись, ч. 5, стр. 29).

Владиміръ Мономахъ въ своемъ «Поученіи» даетъ такое наставленіе дѣтямъ:

при старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покорятися... старыя чти, яко отца (Пол. Собр. Рус. Лѣт., I, стр. 101—102).

По свидѣтельству лѣтописца, правило «старыя чти, яко отца» считалось обязательнымъ въ междукняжескихъ отношеніяхъ.

Въ 1148 году при обсужденіи вопроса о томъ, продолжать войну или нѣтъ, младшій братъ князь Ростиславъ Мстиславичъ такъ гововоритъ старшему брату Изяславу:

Брате! кланяютися, ты еси меня старѣй, а како ты угадаеши, а язъ въ томъ готовъ есмь (Ипат. лѣт., стр. 256).

Подъ 1151 годомъ лѣтописецъ сообщаетъ, что старшій братъ князь Вячеславъ Владиміровичъ (сынъ Владиміра Мономаха) обратился съ такими словами къ младшему брату Юрію:

Моложьшему ся не поклоню, да се язъ тебе старѣй есмь не маломъ, но многомъ: азъ уже бородатъ, а ты ся еси родилъ (тамъ же, стр. 298).

Старинныя воззрѣнія, въ силу которыхъ старость заслуживаетъ особеннаго почета и уваженія, сохранились въ народной средѣ до нашего времени. Объ этомъ свидѣтельствуютъ русскія пословицы:

Старшихъ и въ Ордѣ почитаютъ.

Про то знаютъ большіе, у кого борода пошире.

Молодой на битву, а старый на думу.

Старый песъ не обманетъ.

Старый воронъ не каркнетъ мимо.

Старый конь борозды не портитъ.

Дѣтинка съ сѣдинкой вездѣ пригодится.

Молодость плечами пошире, старость головой [22]).

Экономическая состоятельность и преклонный возрастъ выдѣляли человѣка надъ массой населенія въ древнѣйшемъ русскомъ обществѣ.

---

[22]) *Даль.* Пословицы русскаго народа.

«Лучшими» или «нарочитыми мужами», «старцами» или «старѣйшинами градскими» назывались люди пожилые и богатые. Давая такое опредѣленіе древнѣйшей русской аристократіи, необходимо сдѣлать слѣдующую оговорку.

Богатство, по общему правилу, сообщаетъ человѣку власть и вліяніе въ первобытномъ обществѣ. Нищіе и убогіе, получающіе «куны» изъ княжескихъ «скотницъ», а также питье и яденіе отъ щедротъ князя и другихъ богатыхъ людей, не играли, конечно, по общему правилу, замѣтной роли въ общественной жизни. Но обычному праву, нормами котораго регулируются всѣ отношенія въ первобытномъ обществѣ, чужды формальныя требованія опредѣленнаго ценза, извѣстныя современному закону. Нормы обычнаго права, конечно, не указывали, какая именно степень экономической состоятельности необходима для того, чтобы играть вліятельную роль въ общественной жизни. Возможны были отдѣльные случаи, когда вліятельную роль игралъ человѣкъ малосостоятельный наравнѣ съ лицами, принадлежащими къ классу людей богатыхъ. Эти отдѣльные исключительные случаи не противорѣчатъ выставленному нами общему принципу.

Такое же замѣчаніе можно сдѣлать и относительно преклоннаго возраста. По общему правилу преклонный возрастъ пользуется уваженіемъ, ибо свидѣтельствуетъ о житейской опытности, мудрости. Но возможны отдѣльные случаи, когда старость и мудрость не совпадаютъ. Рядомъ съ приведенными выше пословицами, свидѣтельствующими объ уваженіи къ старикамъ, есть другія пословицы, свидѣтельствующія о томъ, что бываютъ исключенія изъ этого общаго правила:

Лѣтами уменъ, а умомъ не дошелъ.
Старые дураки глупѣе молодыхъ.
Подъ старость человѣкъ либо умнѣй, либо глупѣй бываетъ.
Борода глазамъ (уму) не замѣна.
И сѣдъ, да ума нѣтъ, и молодъ, да держитъ волость.
Старую собаку не батькой звать!

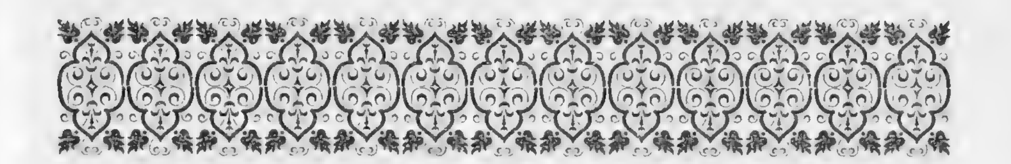
Въ отдѣльныхъ случаяхъ и люди молодые могли пользоваться вліяніемъ въ обществѣ. Но эти отдѣльные случаи не противорѣчатъ общему правилу объ уваженіи къ старости. Выше приведены были слова автора этнографическаго изслѣдованія о якутахъ, В. Сѣрошевскаго: «хотя сесенами могли быть и люди молодые, но обыкновенно въ якутскихъ преданіяхъ они изображаются сѣдоволосыми, почтенными, многоопытными старцами». Одинъ изъ изслѣдователей греческихъ государственныхъ древностей говоритъ слѣдующее о древнѣйшей гре-

ческой аристократіи: «хотя геронты вовсе не старцы, но поэтъ охотно представляетъ ихъ себѣ какъ старѣйшихъ мужей, не принимающихъ болѣе участія въ бою» [23]). То же самое можно сказать о древнѣйшей русской аристократіи: лѣтописецъ именуетъ эту аристократію «старцами», «старѣйшинами», ибо, по общему правилу, старики должны пользоваться и пользовались особеннымъ вліяніемъ въ общественной жизни, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ «старцами» могли быть и люди молодые.

І. Малиновскій.

---

[23]) *Бузольтъ,* Очеркъ госуд. и прав. греч. древн., стр. 34.



„Подписка въ вѣрѣ".

(Къ ученію о древне-русскомъ залогѣ).

Знаменитый историкъ русскаго права К. А. Неволинъ въ первомъ изданіи исторіи гражданскихъ законовъ (въ 1851 г.), на основаніи извѣстныхъ тогда старинныхъ закладныхъ, пришелъ къ выводу, что въ Московской Руси условія залога были весьма разнообразны: „Залогъ былъ дѣлаемъ иногда на срокъ, иногда на неопредѣленное время. По займу, обезпечиваемому залогомъ, иногда выговаривался платежъ роста, иногда о ростѣ совсѣмъ не упоминалось, иногда наконецъ постановлялось, чтобы приниматель залога за ростъ пользовался закладываемымъ имуществомъ и особенно пахалъ закладываемую землю, т. е. воздѣлывалъ ее въ свою пользу. Въ иныхъ случаяхъ закладчикъ удерживалъ закладываемое имущество въ своемъ владѣніи, въ другихъ—оно по совершеніи залога тотчасъ передавалось заимодавцу во владѣніе. По отношенію къ способамъ взысканія иногда опредѣлялось, что если занятыя деньги не будутъ уплочены въ срокъ, имущество должно сдѣлаться собственностью заимодавца, иногда условливались, что, несмотря на неуплату занятыхъ денегъ въ срокъ, имущество должно оставаться собственностью закладчика, только онъ долженъ платить условленный ростъ, или заимодавецъ долженъ, вмѣсто полученія роста, продолжать пользоваться заложеннымъ имуществомъ» [1]).

Въ дополненіе къ этой характеристикѣ остается добавить, что К. А. Неволинъ разсматриваетъ древне-русскій залогъ лишь какъ средство обезпеченія займа.

---

1) Исторія россійск. гражданскихъ законовъ. Соч. Константина Неволина. Т. III, Кн. 2. Объ имуществахъ. СПБ. 1851 г., стр. 151—152. (Пол. соб. сочиненій, т. 5, 1858 г., стр. 149. Это посдѣднее изданіе и будетъ цитироваться въ дальнѣйшемъ).

Дальнѣйшая разработка вопроса принадлежитъ другому выдающемуся историку русскаго права—профессору Михаилу Флегонтовичу Владимірскому-Буданову. Сначала въ первомъ изданіи Христоматіи по исторіи русскаго права [2]), затѣмъ въ трехъ изданіяхъ Обзора исторіи русскаго права (1886, 1888, 1900 г.г.) М. Ф. Владимірскій-Будановъ съ той же объективностью, какъ и К. А. Неволинъ, но, соотвѣтственно способу изслѣдованія историческихъ явленій и успѣхамъ научныхъ знаній, съ бо̀льшей углубленностью и убѣдительностью изложилъ общее ученіе о древне-русскомъ залогѣ. Полемизируя съ Д. И. Мейеромъ [3]), видѣвшимъ въ залогѣ отчужденіе владѣнія—собственности, превращавшейся вслѣдствіе просрочки въ безповоротную собственность, М. Ф. Владимірскій-Будановъ указалъ, что взглядъ на залогъ, какъ на временный переходъ права собственности, едва ли примѣнимъ къ праву московскому XVI и XVII вв., если принять во вниманіе обычную въ купчихъ и закладныхъ оговорку: „а гдѣ будетъ моя отчина заложена и мнѣ тѣ крѣпости очищати", и встрѣчающееся въ актахъ наименованіе заложенной вещи *порукою* въ долгѣ. Первоначальное право пользованія заложенной вещью возникло изъ условій о ростѣ, а, стало быть, въ первоначальномъ и древнѣйшемъ понятіи залога въ это право не включалось право пользованія. Въ виду совмѣстнаго изложенія залога и поклажи въ Уложеніи 1649 г., М. Ф. Владимірскій-Будановъ призналъ, что древне-русскому праву было доступно и извѣстно понятіе о jus in re aliena, и что законъ Ивана IV о публичной продажѣ заложенныхъ движимостей по просрочкѣ нельзя считать за попытку нововведенія, противорѣчащую духу древняго права, какъ то думалъ К. А. Неволинъ [4]).

Изложенныя въ общихъ обзорахъ исторіи русскаго гражданскаго права ученія двухъ историковъ о древне-русскомъ залогѣ замѣчательны тѣмъ, что сохраняютъ все свое значеніе, несмотря на непрерывно умножающееся число старинныхъ закладныхъ, и что отъ нихъ отправляется всякая новая попытка въ историческомъ изученіи древне-русскаго залога.

Изъ этихъ мыслей исходятъ и предлагаемыя разсужденія, съ одной стороны, не претендующія на полноту постановки вопроса, съ

---

[2]) Временникъ Демидовскаго Юридическаго Лицея, кн. 9. Ярославль, 1875 г. Указная кн. вѣдомства казначеевъ, стр. 19—20, пр. 58 (Христоматія, III, 1889, стр. 17, пр. 58. Это изд. будетъ цитироваться въ дальнѣйшемъ).

[3]) Д. Мейеръ, Древне-русское право залога (въ Юридическомъ Сборникѣ, изд. Дм. Мейеромъ. Казань 1855).

[4]) Обзоръ исторіи русскаго права, вып. II, Кіевъ 1886, стр. 217—218 (По изд. 1900, стр. 590 слл. Это послѣднее изд. будетъ цитироваться въ дальнѣйшемъ).

другой, не имѣющія въ виду дѣлать названныхъ выше ученыхъ отвѣтственными за нѣкоторыя предположительныя заключенія о древне-русскомъ залогѣ.

Ближайшимъ поводомъ къ этимъ разсужденіямъ послужили неизданныя чердынскія закладныя первой половины XVI в., въ которыхъ довольно постоянно и, какъ кажется, весьма характерно залогъ именуется „подпиской въ вѣрѣ“ [5]).

I.

Изъ всего разнообразія залоговыхъ отношеній наибольшее вниманіе изслѣдователей съ давнихъ поръ привлекаетъ къ себѣ раздѣленіе залога на два подвида: 1) съ передачей заложеннаго имущества на время существованія залога въ пользованіе кредитора и 2) съ сохраненіемъ обезпечивающаго имущества въ рукахъ должника. Наличность этихъ двухъ формъ въ древне-русскомъ правѣ указали Рейцъ и К. А. Неволинъ и убѣдительно доказалъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ [6]).

---

[5]) Чердынскія закладныя принадлежатъ къ группѣ древнихъ актовъ, пріобрѣтенныхъ для музея Общества любителей исторіи, археологіи и этнографіи Чердынскаго края предсѣдателемъ чердынской земской управы Д. А. Удинцевымъ, предоставившимъ мнѣ возможность воспользоваться означенными актами.

[6]) Рейцъ, Опытъ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ. Пер. съ нѣм. Изд. Ѳ. Морошкинъ. М. 1836, стр. 224, пр. I. К. А. Неволинъ, Исторія, III. 1851, стр. 151. М. Ф. Владимірскій—Будановъ, Христоматія III, стр. 17 и Обзоръ, стр. 591.—Проф. Л. А. Кассо въ обстоятельномъ своемъ изслѣдованіи („Понятіе залога въ современномъ правѣ“, 1893, стр. 291 слл., 306—307) привелъ рядъ новыхъ закладныхъ, безспорно подтверждающихъ возможность залога съ оставленіемъ обезпечивающаго имущества въ рукахъ должника. Авторъ, одинаково съ Д. И. Мейеромъ (Сборникъ, 236, 253) и въ противность мнѣнію М. Ф. Владимірскаго-Буданова, не допускаетъ возможности заклада грамотъ и тѣмъ самымъ множественности закладныхъ сдѣлокъ съ однимъ и тѣмъ же имуществомъ. Но въ одной челобитной 1630 г. (проф. И. Я. Гурляндъ, Акты Романовской ямской слободы, 1901 г., стр. 36) читаемъ: „Тотъ у меня дворъ должный не въ одной ево кабалѣ въ долгу писанъ“. Въ чердынской закладной 1698 г. значится: „А въ тѣхъ есми денгах я заимщикъ потписал ему Лаврентию з братьями пожню свой жеребей и братьев жеребей Кирилов.... а выкупит та пожня от Архангела да от Николы Чюдотворца ему Лаврентию з братями в трех рублех в дватцети алтынех своими денгами“. Въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г. читаемъ: „А пакъ ли бы колько долъжниковъ зъ розными долъги до одного именья збеглися...“ (разд. VII, арт. 11), т. е. стеченіе залоговыхъ правъ на одномъ имуществѣ допускалось; но безспорно и то, что стороны могли предупредить его особымъ соглашеніемъ: „А у людей Уласью (должнику) кунъ не имати на тую землю“ А. Ю. № 234, 1499. Тотъ же смыслъ имѣютъ запрещенія выкупать залогъ чужими деньгами. Иначе понимаетъ это запрещеніе Heusler: Institutionen d. D. Privatrechts (1886), 142.

Но въ настоящее время можно считать безспорнымъ не только повсемѣстное существованіе этихъ двухъ формъ залога [7]), но также и то, что такъ наз. ältere Satzung, т. е. залогъ съ передачей владѣнія заложенной вещью должнику, отнюдь не древнѣе т. н. neuere Satzung, и что введенная Albrecht'омъ терминологія должна быть признана ошибочной [8]).

Отказываясь отъ установленія хронологической послѣдовательности въ развитіи двухъ формъ залога, извѣстный ученый Heusler отвергаетъ и всякія попытки противоположенія этихъ двухъ формъ, стоящихъ, какъ замѣтилъ еще Franken, то на экономической, то на процессуальной точкѣ зрѣнія, и въ томъ числѣ попытку самого Franken, объясняющую залогъ съ передачей владѣнія—неотчуждаемостью земли. Heusler вмѣстѣ съ Stobbe полагаетъ, что залогъ безъ передачи заложеннаго имущества во владѣніе должника наибольшее значеніе имѣлъ въ городахъ и устанавливался для обезпеченія условныхъ, эвентуальныхъ требованій [9]).

Но старинныя закладныя, въ особенности древне-русскія, не позволяютъ принять ни одного изъ предложенныхъ объясненій и возвращаютъ насъ къ хронологическому основанію существованія двухъ формъ залога, развивавшихся однакоже, какъ можно предполагать, въ порядкѣ, обратномъ установленному Albrechto'мъ.

Въ эпоху семейнаго обладанія семья и семейное имущество гарантировали заключенные главой или представителемъ семьи долги. И съ появленіемъ индивидуальнаго обладанія, члены семьи, родственники, а позднѣе—просто близкіе люди, сосѣди являлись поручителями, дѣлавшими болѣе прочной имущественную гарантію. Отсюда тѣсная связь залога съ поручительствомъ, отчетливо обнаруживающаяся въ терминологіи [10]). Наименованіе „порука" съ лица было перенесено на имущество и стало обозначать то, что мы называемъ залогомъ. Въ закладной 1569 г. должники обѣщаютъ: „А въ серебрѣ есмя и

---

[7]) Pertile, Storia del diritto italiano IV (1893), стр. 517. Esmein, Études sur les contrats dans le très—ancien droit français (1883) стр. 159, 168 и 151, 177. Pollock and Meitland, The history of english law, II (1898), стр. 118, 123. Stobbe—Lehmann, Handbuch des D. Privatrechts II, 2 (1897), стр. 120—121.

[8]) Heusler II, стр. 131,134; Stobbe-Lehmann, II, 2, стр. 130; Л. А. Кассо, стр. 3, 74. См. проф. И. А. Базановъ, Происхожденіе современной гипотеки (1900), стр. 13 сля.

[9]) Heusler, II, стр, 148, 149, 135. Stobbe-Lehmann, II, 2, стр. 130, 131. Esmein, стр. 162, 163.

[10]) Heusler II, стр. 128. Ср. Pollock and Maitland, II, стр. 117. Рейцъ, стр. 222; Д. И. Мейеръ, стр. 228, 247, 256.

17

въ росту подписали есмя въ серебрѣ порукою дворъ свой.. А кой насъ съ дворомъ въ лицѣхъ, на томъ денги и ростъ". [11]).

Залогъ именуется порукой, какъ въ другихъ случаяхъ онъ обозначается словами: „а въ тѣхъ денгахъ въ велъ свою землю", или—„землю завели" [12]). Но и общепринятое впослѣдствіи названіе сдѣлки залогомъ извѣстно практикѣ.

Что значитъ это разнообразіе въ обозначеніяхъ одного и того же института? Очевидно, юридическая терминологія не вполнѣ установилась. А если такое предположеніе не лишено основанія, то, быть можетъ, къ тому же періоду неустановившейся терминологіи надо отнести и названіе залога „подпиской въ вѣрѣ".

Впервые терминъ „подписка" встрѣчается въ чердынской закладной 1546 г., въ которой значится: „Се яз Первытша Ѳедоровъ сынъ Коркодиновъ с Бѣгич занял есми у Григорья у Михаилова с Цыдвы полтора рубли денег московских ходячих мѣсяца декабря 4 дня да до Госпожина дня 55 года; въ тѣхъ есмы ему я Первуша денгах подписал свою пожну в Бѣгичах за рѣкою за Колвою противъ Бѣгич" [13]).

Наименованіе же залога „подпиской въ вѣрѣ" въ первый разъ мы находимъ въ недавно опубликованной челобитной 1630 г., изъ которой узнаемъ, что челобитчикъ занялъ „у Ѳедота въ кабалу дватцать рублевъ съ полтиною денегъ, а въ тое кабалу въ тѣхъ денгахъ въ вѣре писалъ дворъ свой Ѳедоту на срокъ" [14]). Изъ ранѣе напечатанныхъ документовъ давно извѣстна кабала 1637 г., выданная Иваномъ Строгановымъ, который „займовалъ съ сыномъ своимъ съ Даниломъ Строгановымъ

---

[11]) А. Ю. № 243—II. Залоговой характеръ сдѣлки очевиденъ изъ сопоставленія акта съ другими: Доп. къ А. И. II, № 56; А. Юр. б., № 126—X („заложили дворъ свой вмѣсто поруки"). М. Ф. Владимірскій- Будановъ: Христоматія III, 18; Обзоръ, стр. 592. Contra: Д. И. Мейеръ, стр. 217, 218; ср. Л. А. Кассо, стр. 289.

[12]) А. Юр. б. II, № 126—III (XV. в.) и № 126—I (XIII—XIV в.).

[13]) Въ договорной грамотѣ кн. Юрія Дмитріевича Галицкаго съ братьями, 1433 г. (Собр. Гос. Гр. и Дог. т. I, № 49—50, стр. 104) читаемъ: „И на кабалахъ сказыватъ то серебро еси подписалъ". Въ заставной записи 1571 г. (кн. Кіевск. Центр. Арх., № 2045, л. 272, актъ № 320) стороны при совершеніи займа и залога лишь „описали им именя свои дворы и село..... докладаючи дей того в записе своем естли бы им на тот рок и ден писанный тое сумы....... не отдали и не заплатили". Всѣ западно-русскія заставныя грамоты, какія цитируются въ настоящей статьѣ, любезно предоставлены мнѣ въ пользованіе М. Ф. Владимірскимъ-Будновымъ. —Съ „подпиской" встрѣчаемся и въ слѣд. актахъ: чердынскихъ—закладной 1585 г., духовной 1644, купчей 1636, закладной 1679, купчей 1682, закладной 1693 г.; А. И. II, № 87 подъ 1608 г. и № 56 подъ 1637 г.; Акты Ѳедотова-Чеховскаго, II, № 128 подъ 1661 г.; А. Юр. б., II, № 126—VIII.

[14]) И. Я. Гурляндъ, стр. 36.

же у московскаго гостя у Григорья Леонтьева сына Никитникова да у сына его... пять тысячь семдесятъ рублевъ денегъ московскихъ ходячихъ февраля съ перваго числа впредь на годъ, а подписали... въ тѣхъ денгахъ, въ вѣрѣ, вотчину свою, варнишные промыслы и Новое Усолье" [15]). Въ одной изъ чердынскихъ закладныхъ подъ 1639 г. должникъ Петръ Ларивоновъ сынъ Мартыновыхъ „подписалъ" кредитору своему „Левонтию въ тѣхъ (занятыхъ) денгах в вѣре пожню свою в Мыковицком острову свою четвертую доль пожни по своей по купчей" [16]).

Что понятія подписки (въ вѣрѣ) и залога вполнѣ тождественны, это очевидно изъ только что цитированной записи Строгановыхъ, въ которой два термина употребляются одинъ вмѣсто другого. Далѣе въ чердынской духовной 1644 г. завѣщатель пишетъ: „Да взяти мнѣ на Петрушкѣ Коркодиновѣ по закладной полтора рубля, а в тѣх денгах в подписѣ пожня". Въ чердынской же закладной 1645 г. безъ какого-либо различія въ одномъ мѣстѣ говорится, что „пожня въ закладѣ", а въ другомъ, что „в той кабалѣ подписаны в вѣре земля и пожня".

Если, такимъ образомъ, очевидно одинаковое значеніе залога и подписки, то и словоупотребленіе чердынскихъ актовъ: „в закупѣ, закладѣ или в подпискѣ" (1673 г. и др.), должно быть признано легко объяснимой, въ виду неустановившейся терминологіи, тавтологіей; тѣмъ болѣе, что въ другихъ чердынскихъ актахъ говорится уже: „въ закупѣ или в потписѣ или в ыныхъ крѣпостях" (1682 г.).

Но какой же интересъ представляетъ эта терминологія?

Если чердынскія закладныя и др. акты вмѣстѣ съ тѣми изъ напечатанныхъ, въ которыхъ залогъ именуется подпиской или порукой, отражаютъ на себѣ эпоху неустановившейся терминологіи, то нельзя ли видѣть въ нихъ пережитокъ болѣе древняго права, чѣмъ показываютъ ихъ даты?

А при такомъ предположеніи и исходя изъ терминологіи чердынскихъ актовъ, какъ и изъ наименованія залога порукой, мы могли бы, какъ кажется, сдѣлать заключеніе, что въ первоначальномъ своемъ развитіи залогъ не предполагалъ передачи обезпечивающаго имущества въ руки кредитора.

---

[15]) Доп. къ А. И. II, № 56, стр. 137. Въ др. мѣстѣ (стр. 135) читаемъ: „А подписывали въ взятыхъ денгахъ и въ зарядѣхъ въ поруки мѣсто вотчины свои". Цит. актъ извѣстенъ былъ Д. И. Мейеру (стр. 256), по мнѣнію котораго въ данномъ случаѣ „имущество остается въ рукахъ поставщиковъ (т. е. Строгановыхъ, обязанныхъ поставкою соли), и потому не установливается вовсе залога".

[16]) Съ терминомъ „подписка въ вѣрѣ" встрѣчаемся далѣе: въ Актахъ Ѳедотова-Чеховскаго II, № 123, подъ 1661 г.; А. Юр. б. № 126—VIII подъ 1633 г.; въ неизданныхъ чердынскихъ—дѣловыхъ 1645, закладныхъ 1652, 1678, 1731, 1754 гг.

Если принять во вниманіе, что семейное имущество не подлежало отчужденію и согласиться, что, съ имущественной индивидуализаціей, самый фактъ обладанія имуществомъ считается достаточнымъ обезпеченіемъ заимодавца [17]), то придется признать вполнѣ естественнымъ образованіе залога въ собственномъ смыслѣ, какъ залога-поруки или какъ залога-подписки. Изъ имущественной сферы должника, составляющей основу его кредита, стали выдѣлять опредѣленное имущество, которое и дѣлалось порукой за долгъ или подписывалось въ вѣрѣ. На него лишь указывали, какъ на поруку, его подписывали, обозначали и, конечно, описывали для укрѣпленія довѣрія къ себѣ, въ обезпеченіе какого-либо обѣщанія [18]).

Это предположительное заключеніе станетъ болѣе убѣдительнымъ, если мы выяснимъ тѣ мотивы, въ силу которыхъ кредиторъ сталъ требовать передачи обезпечивающаго заемъ имущества во владѣніе и пользованіе.

Каковы же эти мотивы? Какъ мы уже знаемъ, право пользованія, если таковое устанавливается въ пользу залогопринимателя, „истекаетъ не изъ залоговыхъ отношеній, а изъ условій о ростѣ“, „а стало быть, въ первоначальномъ и древнѣйшемъ понятіи залога, въ это право не включалось право пользованія“.

Вполнѣ обоснованная М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ эта мысль впервые намѣчена была Рейцомъ и опредѣленно высказана К. А. Неволинымъ [19]).

---

[17]) М. М. Ковалевскій, Современный обычай и древній законъ, I (1886). стр. 156, Ср. А. Юр. б. II, № 126—II, XV в.: заемщикъ обѣщаетъ—„а умру въ осадѣ кабалы своеа не выкуплю, ино имъ моя отчина“, которая поступаетъ въ монастырь „по отца моего (т. е. заемщика) душѣ и по матери моеа и по моей душѣ“. О залогѣ или подпискѣ здѣсь не было и рѣчи. Въ заставной 1570 г. (Кн. Кіев. Ц. А. № 2044 л., 407, актъ № 428) красенскій владыка Иванъ Яцковичъ Борзобогатый въ занятыхъ деньгахъ заставилъ принадлежащее владимірской епископіи имѣніе Пяти-Коровы съ обязательствомъ „еслибы тое владыцство володимерское отъ него отыйти мело, тогды даючи ми (т. е. кредитору) такую ж моц на листе а описи своемъ—на иншомъ именю своемъ“.

[18]) Въ болѣе позднихъ чердынскихъ закладныхъ подпиской въ вѣрѣ обозначается какъ залогъ безъ передачи владѣнія кредитору, такъ и—съ передачей безъ того различія, какое я предположительно усматриваю для болѣе древней эпохи.

[19]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ, стр. 591. Рейцъ, стр. 224, пр. I. К. А. Неволинъ, V, стр. 123. Л. А. Кассо, стр. 286. Н. Н. Товстолѣсъ, Сущность залога въ историческомъ развитіи, Ж. М. Ю. 1898 № 8, стр. 145—150. Пользованіе вмѣсто роста: въ осетинскомъ правѣ—М. М. Ковалевскій I, стр. 193; въ англ. пр.—Pollock and Maitland II, стр. 119, 123, см. Glanvilla изд. 1609, lib. X, cap. 8: reputat eam pro specie usurae; въ лонгоб. (cum consecutas)—Pertile, IV, стр. 518 пр. 14, ср. стр. 519; въ нѣм.—Stobbe—Lehmann II, 2, стр. 125; во франц.—viollet, Histoire du dr. civ. fr. (1893), 734.—Д. И. Мейеръ (стр. 248) выводитъ пользованіе не изъ роста, а изъ права собственности кредитора на заложенную вещь.

Попытаемся иллюстрировать ее нѣкоторыми данными изъ источниковъ.

Дошедшія до насъ закладныя, съ одной стороны, даютъ примѣры безпроцентныхъ займовъ, обезпеченныхъ залогомъ, съ другой—представляютъ довольно большое разнообразіе соглашеній о ростѣ.

Залогъ въ первоначальной своей формѣ, т. е. безъ передачи владѣнія заложенной вещью кридитору, отнюдь не исключалъ возможности осложненія обезпеченнаго имъ займа соглашеніемъ о ростѣ. Въ извѣстной уже намъ закладной 1562 г. должники обѣщаютъ: „ростъ давати, какъ идетъ въ людѣхъ, на пять шестой... А въ серебрѣ есмя и въ росту подписали порукою дворъ свой.... А кой насъ съ дворомъ въ лицѣхъ, на томъ денги и ростъ" [20]).

Но обезпеченіе займа недвижимостью не могло не навести на мысль о замѣнѣ роста пользованіемъ заложеннымъ имуществомъ, тѣмъ болѣе, что займы совершались съ цѣлями не производительными, а потребительными, и денежный оборотъ въ XVI—XVII вв. былъ слабо развитъ. Такъ, въ 1669 г. Якимъ Филипповъ сынъ и Василей Якимовъ сынъ заняли у новгородца Михаила Чоглокова деньги, „въ тѣхъ денгахъ заложили дворъ свой вмѣсто поруки" и обязались: „а какъ онъ Михаилъ съ братьею своею родною пріѣдетъ въ Новгородъ, и ему вольно до тѣхъ сроковъ (т. е. до уплаты долга) съ братьею своею въ томъ нашемъ долгѣ стоять" [21]).

Если же въ залогъ шла земля, то вмѣсто уплаты роста можно было договориться о пользованіи ея плодами. Но и въ этомъ случаѣ передача заложеннаго имущества кредитору не была обязательна. Въ 1529 г. Власій Никитинъ съ людьми занялъ у старца Дементія четыре рубля денегъ, „а въ тѣхъ (есми) денгахъ заложилъ на озерѣ свой закосъ пол-Голубковскаго закоса" и обѣщалъ „за росты имъ ту пожню косити на монастырь половину" [22]). Въ чердынской закладной 1652 г. заемщикъ „Андрей Еремнев сын Еръшев из Бѣгич" обѣщалъ: „А косити

[20]) А. Ю. № 243—II. Едва ли можно согласиться съ Н. Н. Товстолѣсомъ (стр. 145, 146, 150), что древнѣйшей формой залога надо считать залогъ съ передачей владѣнія залогопринимателю и съ уплатой ему же роста, а позднѣйшей—залогъ съ передачей пользованія заложеннымъ имуществомъ залогопринимателю.

[21]) А. Юр. б. II, № 126—X.

[22]) А. Ю., № 237. По закладной XIII (XIV) в. (въ А. Юр. б. II, № 126—I) кредиторъ и должникъ условились сообща „соль варити пытати" на заложенной землѣ. Въ памяти 1558 г. (М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Христоматія, III, стр. 17) должникъ возстановляется во владѣніи заложеннымъ имуществомъ безъ права распоряженія и съ обязательствомъ допустить кредитора „въ ту же пять лѣтъ тое вотчину за ростъ пахати".

та (т. е. заложенную имъ) пожня мнѣ Андрѣю самому, а ему Ивану (кредитору) с тое пожни сѣна дават трет, а мнѣ Андрѣю два жеребя, а в той пожне мнѣ Андрѣю шестой жеребей".

Такимъ образомъ, если владѣніе заложеннымъ имуществомъ сохраняется за должникомъ, то ростъ на занятый капиталъ, если онъ былъ выговоренъ, уплачивался или деньгами, или плодами заложенной вещи.

Но не ясно ли, что кредиторъ чувствовалъ бы себя наиболѣе обезпеченнымъ въ полученіи вознагражденія за отданный капиталъ, если бы вмѣсто роста или плодовъ заложенной недвижимости онъ получилъ бы ее въ непосредственное пользованіе. Недовѣріе къ должнику, высота роста, соотвѣтствующаго всему доходу съ имѣнія, или какіенибудь другіе мотивы могли привести заимодавца и должника къ соглашенію объ уступкѣ пользованія заложеннымъ имуществомъ кредитору. Мотивы эти могли быть разнообразны, но они всегда вытекали изъ соображеній о ростѣ. Залогъ съ передачей заложеннаго имущества кредитору, быть можетъ, лучше обезпечивалъ вознагражденіе за капиталъ, но отнюдь не имѣлъ цѣлью гарантировать исправный возвратъ занятой суммы; тѣмъ болѣе, что у кредитора могли быть другія, несравненно болѣе дѣйствительныя, средства къ понужденію должника уплатить долгъ.

По одной закадной 1553 г. [23]) кн. Ухтомскій съ дѣтьми занялъ „сто рублевъ двадцат рублевъ денегъ московскихъ ходячихъ отъ Петрова заговѣйна до Рожества Христова, а въ тѣхъ (есмя) денгахъ заложили свою вотчину.... а ростъ намъ (т. е. должникамъ) на тѣ денги давать, какъ идетъ въ людѣхъ, на пять шестой; а полягутъ денги по сроцѣ, ино то село и Семеновское и деревни князю Дмитрею да князю Данилу за ростъ пахать и крестьяны владить".

Ничто не мѣшало сторонамъ договориться о передачѣ пользованія заложеннымъ имуществомъ кредитору съ момента заключенія займа и залога. Но какъ единственной цѣлью такой передачи имущества заимодавцу было вознагражденіе его за предоставленный имъ капиталъ, то уплата роста въ такихъ случаяхъ уже не имѣла мѣста. Въ закладной 1448 г. [24]) читаемъ: «Се язъ Иванъ Остаѳьевъ сынъ занялъ есми у Василья у Кузмина сына у Плесянинова 6 рублевъ денегъ московскихъ ходячихъ, отъ Олексѣева дни человѣка Божья до Петрова

[23]) А. Ю., № 244.

[24]) Акты Ѳедотова-Чеховскаго I, № 75, стр. 211. А. Юр. б. II, № 126—IV (1501—1502)—должникъ въ занятыхъ деньгахъ „заложилъ государя своего полночь въ Устьзуцкомъ ѣзу", предоставивъ кредитору „за росты (ему) бити и седѣти".

дни и Павла безъ росту, а въ тѣхъ денгахъ заложилъ есми пожню свою........ а та пожня Василью Кузмину сыну косити за ростъ на себя».

Въ такомъ порядкѣ могло происходить развитіе залога отъ первоначальной его формы—безъ передачи владѣнія, до залога съ уступкой кредитору пользованія заложеннымъ имуществомъ вмѣсто роста.

II.

При предположеніи, что термины „подписка въ вѣрѣ" и „порука" отражаютъ въ себѣ древнѣйшее правосостояніе, мы легко могли бы установить первоначальную идею изучаемаго института. Если „отдать на вѣру" значитъ предоставить что-либо, полагаясь на честность (Акад. слов.), или дать въ долгъ, взаймы (Даль), то «подписать въ вѣрѣ», очевидно, означаетъ предоставить что-либо для укрѣпленія къ себѣ довѣрія, въ обезпеченіе какого-либо обѣщанія. Залогъ всегда предполагаетъ довѣріе, fiducia, какъ онъ и обозначался въ древне-римскомъ правѣ и въ правѣ лонгобардскомъ [25]). Моментъ довѣрія, гарантіи, обезпеченія лежитъ въ основаніи института, составляя его цѣль. Благодаря этому единому основанію и цѣли, юридическое содержаніе залога, какъ правильно замѣчаетъ Heusler [26]), всегда одно и то же—указать кредитору на имущество, какъ на средство удовлетворенія по его требованію. Это содержаніе остается неизмѣннымъ, создаетъ ли себѣ обезпеченіе самъ кредиторъ, или его устанавливаетъ должникъ; передается ли обезпечивающее имущество въ руки кредитора, или оно остается у должника; погашается ли требованіе поступленіемъ заложенной вещи въ собственность кредитора, или онъ удовлетворяется изъ суммы, полученной отъ судебной продажи залога.

Залогъ гарантируетъ требованіе и по самой своей природѣ является придаточнымъ, акцессорнымъ, существующимъ ради обезпечиваемаго требованія, и потому—только до тѣхъ поръ, пока это послѣднее не прекратилось.

Временный характеръ залога исключаетъ мысль объ окончательномъ отчужденіи закладываемаго имущества кредитору въ самый моментъ совершенія залога или даже объ условной собственности залогопринимателя. Теорія собственности, хотя бы и условной, не примѣнима къ

[25]) Pertile IV, стр. 515; ср. 518, пр. 14 (pro quo posui tibi loco pignori seu fiducia nexo); въ неаполит. докумен. встрѣчается рядомъ infiduciare и in pignus supponere. Въ древне-римск. пр., по общепринятому толкованію, fiducia обозначаетъ довѣріе должника къ кредитору, а не наоборотъ.

[26]) Heusler, II, стр. 128, 129.

формѣ залога безъ передачи владѣнія и не оправдывается объемомъ, а главное—характеромъ правомочій кредитора относительно заложенной вещи, при залогѣ съ передачей обезпечивающаго имущества въ руки заимодавца [27]).

Залогъ—не собственность, и установленіе залога нельзя отождествлять съ продажей, осложненной правомъ выкупа [28]).

Если залогъ—подписка въ вѣрѣ—служитъ лишь гарантіей исправнаго исполненія по обязательству, то, очевидно, надлежащее исполненіе по этому обязательству надо считать нормальнымъ случаемъ прекращенія залоговыхъ отношеній. И, наоборотъ, залогъ не будетъ гарантіей исполненія, если на него смотрѣть, какъ на самое исполненіе по обязательству, хотя бы и эвентуальное, провизорное, и тѣмъ самымъ признавать, что личное требованіе поглощается залогомъ, что вмѣсто двухъ исковъ сохраняется лишь одинъ (изъ залога), и что стоимостью залога кредиторъ удовлетворяется даже и въ томъ случаѣ, когда эта стоимость не достигаетъ размѣра занятой суммы.

Наличность долгового момента въ сохранившихся закладныхъ является несомнѣнной [29]). Залогодатель всегда сознаетъ и признаетъ, что на немъ лежитъ долгъ, который онъ обязанъ погасить уплатой занятой суммы.

---

[27]) Д. И. Мейеръ (стр. 244—248), исходя изъ положенія, что древне-русское мышленіе не отличало владѣнія отъ собственности, особенно настаивалъ на отчудительномъ характерѣ залоговой сдѣлки, въ силу которой будто бы происходилъ временный, условный переходъ права собственности отъ должника къ кредитору. Односторонность теоріи Д. И. Мейера доказалъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ (Христоматіи III, стр. 17—18, пр. 58; Обзоръ, стр. 590), по мнѣнію котораго подобная описанной Д. И. Мейеромъ „форма залога существовала и существуетъ; но а) въ ней не слѣдуетъ усматривать такихъ преувеличенныхъ правъ залогопринимателя; б) въ древне-русскомъ правѣ существовали рядомъ съ нею другія формы, напоминающія не только римское pignus, но приближающіяся къ нынѣшней формѣ залогового права". Противъ права распоряженія, будто бы принадлежавшаго залогопринимателю—Л. А. Кассо, стр. 294—295 и Н. Н. Товстолѣсъ, стр. 146. Несомнѣнно, что въ иныхъ случаяхъ залогопринимателю принадлежало право распоряженія, но оно вытекало не изъ права собственности, а—какъ то въ случаѣ перезалога—изъ особаго соглашенія съ собственникомъ—должникомъ; см. заставныя 1570 г.: Кн. К. Ц. А. № 2094, л. 384, актъ № 104; № 2044, л. 407, актъ № 428 и др. Предметомъ особаго соглашенія могли быть и нѣкоторыя обязанности залогопринимателя, обыкновенно лежащія на собственникѣ имѣнія: Кн. К. Ц. А. № 2034, л. 384, актъ № 104 подъ 1570 г. (послуга господарская земская).

[28]) Л. А. Кассо, стр. 29, 42, 298—299. Heusler II, 132. Pertile IV, стр. 575. Esmein, стр. 164, пр. 4.

[29]) Л. А. Кассо, стр. 299.

Въ купчей 1559 г. [30]) мы читаемъ: «А гдѣ будетъ та моя вотчина село Курьяново заложено въ денежномъ долгу и мнѣ тотъ свой долгъ ... платить самому». Должникъ по заставной 1570 года обѣщаетъ не брать и не отнимать заставы «ажъ наперед тую суму пенезей сполна... заплатити и отдати» [31]). Нѣсколько должниковъ, заложившихъ пожню, обѣщаютъ: «А въ серебрѣ есмя всѣ пять насъ единъ человѣкъ, который насъ въ лицѣхъ, на томъ серебро» [32]).

Средневѣковыя нѣмецкія воззрѣнія по этому вопросу Heusler изображаетъ такимъ образомъ, что залогъ будто бы дается въ качествѣ эвентуальнаго исполненія на тотъ случай, если должникъ окажется не въ состояніи исполнить по главному обязательству. Поэтому, если должникъ въ правѣ былъ путемъ уплаты долга выкупить залогъ, то кредиторъ отнюдь не былъ управомоченъ на взысканіе [33]). По мнѣнію Л. А. Кассо, то же самое значеніе имѣлъ и древне-русскій залогъ, лишавшій кредитора возможности воздѣйствовать на личность должника [34]).

Но, кажется мнѣ, съ мнѣніемъ почтеннаго автора согласиться нельзя: ни личнаго требованія, ни иска древне-русскій залогъ не исключаетъ. Какъ должникъ сознавалъ и признавалъ наличность обязанности исполненія главнаго обязательства, такъ, съ другой стороны, кредиторъ, несмотря на существованіе залога, прежде всего имѣлъ въ виду полученіе данныхъ взаймы денегъ. Въ закладной XIII или XIV в., по которой Обросимъ и Лаврентій, Васильевы дѣти, „взяли десять сороковъ бѣлъ" у Өедора Макарова и „въ тѣхъ кунахъ заложили отцину свою", такъ изображается моментъ прекращенія отношеній по займу—залогу: «А изойдетъ 10 лѣтъ да 3 лѣт, ино Федору свои куны у Обросья и у Лаврентѣя свои куны взяти, а земли отступитися, а грамота отдать купная и закладная» [35]). Въ чердынской духовной 1644 г. завѣщатель пишетъ: «Взяти мнѣ на Петруше...... Коркодинове по закладной полтора рубля, а в тѣх денгах

[30]) А. Ю., № 79, см. и №№ 248, 249, 254; А Ю. б. II, № 126—XI, 126— XVI; чердынская дѣловая 1645 г.

[31]) Кн. К. Ц. А. № 2094, л. 241. См. и № 2094, л. 384, актъ № 104, тамъ же, л. 613, № 2094, л. 407, актъ № 428: имѣніе „держати до одданья и заплаченя тыхъ ста копъ грошей".

[32]) А. Ю., № 238 подъ 1537 г.

[33]) Heusler II, стр. 132 слл. Такъ какъ уплата занятыхъ денегъ, погашая обязательство, освобождаетъ и заложенное имущество, то оба акта вмѣстѣ обыкновенно именуются „выкупомъ".

[34]) Л. А. Кассо, стр. 299.

[35]) А. Юр. б., II, № 126—I. То же въ Актахъ Өедотова-Чеховскаго I, № 75 подъ 1562 г., въ кн. К. Ц. А. № 2049, л. 247, актъ № 58 подъ 1575 г.

в подписѣ пожня его что въ Бѣгичах». Такимъ образомъ, нельзя не согласиться, что кредиторъ можетъ требовать, но—лишь уплаты долга, на что онъ имѣетъ право, а отнюдь не заложенной земли, если ею владѣетъ должникъ или если кредиторъ лишился владѣнія ею [36]).

Санкціей принадлежащаго кредитору требованія является искъ. Указанія на него имѣются еще въ Псковской Судной Грамотѣ: «Ино воля того человѣка, кто иметъ серебра сочити по закладу» [37]) Въ княжеской договорной грамотѣ 1440 г. [38]) значится: «А што въвелъ зять мой князь Олександръ Ивановичъ отцу вашему четыре села...... въ долгу въ пяти сотъ рублѣхъ, и мнѣ то вамъ отправити по доконьчанью, а запритца мой сестричичь, и мнѣ князю великому у него судъ взяти по докончанью». Наличность иска совершенно несомнѣнна и въ закладныхъ 1562 и 1563 г.: «А въ серебрѣ есмя и въ ростѣ и съ дворомъ одинъ человѣкъ, кой насъ заимщиковъ въ лицѣхъ на томъ денги и ростъ, не розвычивая; а не отъиматись отъ правежу, отъ сее кабалы, всякими Царя В. К. несудимыми грамотами...... Гдѣ ся кабала насъ заимщыковъ ни застанетъ тутъ свои денги правити любымъ приставомъ» [39]). Д. И. Мейеръ не признаетъ въ этихъ актахъ залога, такъ какъ они оставляютъ вещь въ рукахъ должника. Залогъ есть отчужденіе; переставая быть имъ, онъ перестаетъ быть и залогомъ [40]). Проф. Л. А. Кассо исключаетъ эти акты изъ разсмотрѣнія, такъ какъ въ нихъ не сказано, что кредиторъ по просрочкѣ долга получаетъ обладаніе вещью или по крайней мѣрѣ возможность удовлетвориться изъ ея стоимости [41]). Но въ извѣстной уже намъ чердынской подпискѣ 1546 г. мы находимъ и безспорное указаніе на правежъ, и въ то же время опредѣленіе судьбы вещи на случай просрочки: «А у кого будетъ та моя пожня в закупе, или в закладѣ, или в подписѣ, или в ыных каверзахъ, ино мнѣ Первысше своима денгами та пожня выкупать и выкупя отдать Григорью безденежно, а не привести ему убытка никотораго; а не станут денги на срокъ на Госпожинъ день, ино ся кабала на ту пожну купчая грамота и отводная; а стану я платою я заимщикъ за приставомъ, ино что посулил истець отъ правежу и мнѣ то заимщику платить і всѣ убытки по сей кабалѣ, і кунное, і хоженое; а гдѣ мя заемщика ся кабала заста-

[36]) Pollock and Maitland II, стр. 121.

[37]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Христоматія I, стр. 143, ст. 28.

[38]) Собр. Гос. Гр. и Дог. I, № 60.

[39]) А. Ю., № 243.

[40]) Д. И. Мейеръ, стр. 217.

[41]) Л. А. Кассо, стр. 290.

нетъ, тутъ по ней правеж; а хто за сею кабалою станетъ. тот ей истѣцъ"[42]). Эта закладная устраняетъ, какъ кажется, и другое соображеніе, а именно— что встрѣчающееся въ закладныхъ упоминаніе о правежѣ будто-бы всегда имѣетъ въ виду личный искъ залогодержателя лишь на случай эвикціи вещи [43]). На эту мысль, быть можетъ, наводятъ тѣ закладныя, въ которыхъ о правежѣ говорится непосредственно вслѣдъ за обязательствомъ очистки [44]). Но, какъ мы только что видѣли, послѣдовательность эта не обязательна.

Наконецъ, намъ извѣстны случаи, когда искъ изъ займа, обезпеченнаго залогомъ въ дѣйствительности былъ предъявленъ. Въ извѣстной уже намъ челобитной ямской крестьянинъ пишетъ, что занялъ онъ у крестьянина Ѳедота въ кабалу деньги, «а въ тое кабалу въ тѣхъ денгахъ въ вѣре писалъ дворъ свой Ѳедоту на сроки—на Великъ день, на Троицинъ день и на Петровъ день», и обѣщалъ: «а будетъ на остальной срокъ не заплачу тѣхъ денегъ Ѳедоту и на тотъ мой дворъ Ѳедоту въ тѣхъ денгахъ та кабала и купчая. И тотъ, Государь, Ѳедотъ, свѣдавъ, что учалъ я, сирота твой, по той кабалѣ тѣ денги ему на остальной срокъ на Петровъ день готовить и не дождался онъ, Ѳедотъ, тово кабалново осталново сроку Петрова дни умысля захотѣлъ моѣмъ дворомъ завладѣти насилствомъ и по той кабалѣ въ тыхъ денгахъ до сроку до Петрову дни за двѣ недѣли билъ челомъ на меня приказному Осипу Тектуеву и я, Государь, приказному и тому Ѳедоту билъ челомъ о сроке въ платежъ до кабалново сроку до Петрова дни и кабалные заемные денги на тотъ срокъ сполна я Ѳедоту сулилъ» [45]).

---

[42]) Въ нѣкоторыхъ заемныхъ кабалахъ встрѣчаются такія мѣста: „А мнѣ Василью Кузмину сыну на Иванѣ на Остафьевѣ сынѣ послѣ срока Петрова дни денегъ по сей кабалѣ не правити" (Акты Ѳедотова-Чеховскаго I, № 75, стр. 211, см. тоже стр. 212 и др.). Проф. Л. А. Кассо (стр. 301) усматриваетъ здѣсь устраненіе личности должника отъ всякой отвѣтственности. Надо думать, что личная отвѣтственность и правежъ исключаются лишь послѣ срока, когда вступило въ дѣйствіе особое условіе— превращеніе кабалы „въ купчіе мѣсто грамоты". Процитированному мѣсту предшествуютъ слова: „а не выкуплю на срокъ... и мнѣ Ивану до тое своей пожни дѣла нѣтъ". Должникъ послѣ срока (съ наступленіемъ условія) не вправѣ расчитывать, что отъ него будетъ принятъ платежъ, ибо кредиторъ теперь уже свободенъ отъ этого обязательства и, съ превращеніемъ залога въ собственность, не вправѣ предъявлять личнаго требованія. Объ искѣ изъ займа, обезпеченнаго заставою, говоритъ арт. I разд. X Лит. Стат. 1529 г.

[43]) Л. А. Кассо, стр. 290, пр. 1.

[44]) См., напр., А. Юр. б., II, № 126—II подъ 1678 г.

[45]) И. Я. Гурляндъ, стр. 36–37. См. также описаніе суда по иску кредитора залогопринимателя въ извѣстной намъ Строгановской записи: Доп. къ А. И. II, № 56, стр. 137 (1637).

Такимъ образомъ, подводя итогъ всему сказанному, мы могли бы повторить слова Ѳ. М. Дмитріева, что „даже и закладъ въ древнѣйшее время не былъ немедленно и непосредственно передаваемъ заимодавцу: сначала прибѣгали къ правежу“ [46]).

III.

Предъявленіе иска можно считать однимъ изъ послѣдствій неисправности должника. Но залогъ былъ бы учрежденіемъ безцѣльнымъ, если бы обезпеченное залогомъ обязательство не давало кредитору ничего, кромѣ личнаго иска. Къ разсмотрѣнію послѣдствій неисправности должника, касающихся непосредственно заложеннаго имущества, мы сейчасъ и переходимъ.

Эти послѣдствія довольно разнообразны и прежде всего опредѣляются соглашеніемъ сторонъ.

Въ томъ случаѣ, когда залогъ не сопровождался передачей обезпечивающаго имущества кредитору, стороны могли договориться, что должникъ, буде онъ «не выкупитъ тое (подписанной) пожни отъ Архангела да отъ Николы, ино дават ему Лаврентію з братями с тое пожни трет сѣна и Архангелу въ казну» [47]).

По закладной 1563 г. заемщикъ обѣщалъ платить ростъ на занятую сумму, а на случай просрочки устанавливается пользованіе заложеннымъ имуществомъ: «А полягутъ денги по сроцѣ, ино то (заложенное) село и Семеновское и деревни князю Дмитрею да князю Данилу (кредиторамъ) за ростъ пахати и крестьяны владить» [48]).

Въ случаѣ же, когда установленіе залога сопровождалось уступкой пользованія землей кредитору, послѣдствіемъ просрочки было продолженіе пользованія. Такъ князь Ухтомскій занялъ десять рублей и «въ тѣхъ денгахъ заложилъ свои деревни», «а тѣ деревни (кредитору) князю Данилу за росты пахати, а поляжетъ серебро по сроцѣ, ино князь Данилу пахати тѣ деревни по тому же» [49]).

[46]) Ѳ. М. Дмитріевъ. Сочиненія т. I. Исторія судебныхъ инстанцій. 1899 г., стр. 276—277. См. дополн. указъ къ Судебнику (М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Христоматія III, стр. 19): „И тому на него въ его денгахъ дати управа, какъ и во всякомъ долгу во всемъ правежъ всегды“ Иначе: Д. И. Пихно, Истор. очеркъ мѣръ гражд. взысканій, 1874 г., стр. 31.

[47]) Чердынская закладная 1698 г.

[48]) А. Ю., № 244. Заставное владѣніе, какъ результатъ просрочки—въ Кн. К. Ц. А., № 967, л. 357 (1572), № 2049, л. 247, актъ № 58 (1575), № 2094, л. 237, актъ № 338. Ср. С. В. Пахманъ, Обычное гражд. право въ Россіи, т. I, стр. 89—99. Возможно, что кредиторъ удовлетворялся лишь тѣмъ, что должникъ ему ростъ платилъ потому же: А. Ю. № 243—II, подъ 1563 г.

[49]) А. Ю. № 240.—А. Ю. № 241 (1559), № 244 (1563) и др.

Какъ же понимать всѣ эти послѣдствія просрочки? Быть можетъ, срочныя залоговыя отношенія превращаются такимъ путемъ въ безсрочное владѣніе и пользованіе кредитора заложеннымъ имуществомъ?

Въ чердынской закладной 1652 г. на случай просрочки устанавливается «владѣть впредь по тому же и до выкупа», или, какъ говорится въ чердынскихъ же закладныхъ 1754 и 1783, г.г., «впредь владѣть и до выкупа когда за мной деньги побудутъ». Въ заставной грамотѣ 1570 г., на случай неуплаты въ назначенный срокъ кредитору пану Северину, должникъ говоритъ: предоставляемъ «до иншого року тых людей (нашихъ) и корчъмы, так теж и пашни дворное и гаев зо всим на все, яко се тутъ вышей поменило на себе, на другий рокъ держати, а межи роковъ окуповати не маемъ» [50]).

Процитированные акты даютъ совершенно опредѣленный отвѣтъ на поставленный выше вопросъ: уплата занятыхъ денегъ во всѣхъ отмѣченныхъ случаяхъ отсрочивается, и слѣдовательно здѣсь мы имѣемъ продолжающіяся залоговыя отношенія [51]).

Наиболѣе обычнымъ договорнымъ послѣдствіемъ просрочки по займу, обезпеченному залогомъ, надо считать превращеніе права залога въ право собственности. «А не выкуплю язъ тое пустоши на срокъ, на Дмитреевъ день, ино Геронтью на ту мою землю ся кабала и купчая грамота» [52]); или: «А не вымемъ мы наволока на срокъ, ино ся кабала и посильная» [53]); или еще: «А не заплачу язъ Иванъ Титу денегъ на срокъ, ино ся кабала на ту мою пожню и въ купчіе мѣсто грамоты безъ выкупа вѣка, и дѣла мнѣ Ивану послѣ срока до тое пожни нѣтъ, а мнѣ Титу по сей кабалѣ послѣ сроку на Иванѣ денегъ не правити» [54]).

Можно и не умножать выписокъ изъ закладныхъ этой категоріи, часто различныхъ по редакціи, но имѣющихъ одинъ и тотъ же смыслъ. Замѣтимъ лишь, что соглашеніе о превращеніи права залога въ право собственности можетъ имѣть мѣсто при той и другой изъ извѣстныхъ намъ двухъ формъ залога: съ передачей владѣнія кредитору и съ со-

---

[50]) Кн. К. Ц. А. № 2094, л. 300 об. То же въ № 2094, л. 613 об.

[51]) Stobbe-Lehmann II, 2, стр. 127—128. Pertile, IV, стр. 514, пр. 14, актъ 1189: quod si per suprascriptos terminos non solverit, comites fructus suprascripti pignoris alterius anni habere debeant et sic omni anno, quosque eis sit solutum.

[52]) А. Юр. б., II, № 126—III (XV в.).

[53]) А. Юр. б., II, № 126—VI (1518—1519 г.).

[54]) Акты Ѳедотова—Чеховскаго, I, № 75, стр. 212 (1542).

храненіемъ таковаго за должникомъ [55]). Однакоже во второмъ случаѣ наиболѣе обычна отсрочка платежа.

Распространенность условія: «закладная—купчая», очевидна не только изъ численности закладныхъ, его содержащихъ, но и изъ тѣхъ ограниченій, какія налагала власть на имущества, мобилизація которыхъ путемъ залога (и, конечно, путемъ другихъ сдѣлокъ) считалась нежелательной [56]).

Старинныя теоріи залога-собственности, какъ и выдвинутая Д. И. Мейеромъ теорія условнаго отчужденія, не находятъ подтвержденія въ источникахъ, но зато эти теоріи легко объясняются широкой практикой соглашеній о возникновеніи для кредитора права собственности на залогъ— въ силу и послѣ просрочки должника [57]). Указанныя теоріи не придали должнаго значенія двумъ моментамъ: соглашенію и просрочкѣ, безъ каковыхъ не возникаетъ права собственности на залогъ. Уложеніе ц. А. М. (X, 196), резюмируя древнюю практику, какъ нельзя лучше описываетъ эти моменты: «А будетъ кто кому въ долгу въ деньгахъ, или въ иномъ въ чемъ нибудь заложитъ что до сроку, и кабалу закладную на тотъ свой закладъ дастъ, а въ кабалѣ напишетъ, будетъ онъ того своего закладу на срокъ не выкупитъ, и на тотъ его закладъ та закладная и купчая; и давъ онъ такую кабалу, того своего закладу не выкупитъ: и ему впредь до того своего закладу дѣла нѣтъ» [58]).

Итакъ, въ случаѣ неисправности должника въ уплатѣ и при наличности соотвѣтствующаго соглашенія, залогъ поступаетъ вмѣсто

---

[55]) Л. А. Кассо, стр. 54. Такъ, въ черд. закл. 1585 г. залогъ былъ безъ передачи владѣнія заложеннымъ имуществомъ кредитору, и однакоже стороны договорились на случай просрочки: „кабала и купчая грамота отводная“. См. А. Ю., № 232 (1423—1434). Ср. случай у Heusler, II, стр. 139, пр. II.

[56]) См. К. А. Неволинъ, V, стр. 151, 149; Д. И. Мейеръ, стр. 238, 240—241; М. Ф. Владимірскій—Будановъ, Обзоръ, 512, 494 и др.; А. А. Э. I, № 74; Цар. Суд., ст. 85; А. И., V, № 174 и др.

[57]) Насколько повсемѣстна была эта практика, см. Pollock and Maitland II, стр. 120, 122; Pertile IV, стр. 541, 512, пр. 100., стр. 518—519, пр. 14, акт. 1169 г.; Stobbe-Lehmann II, 2, стр. 127; Esmein, стр. 159—160.

[58]) См. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ, стр. 593—594. К. А, Неволинъ (V, стр. 168; пр. 696), относя ст. 196только къ движимости, полагаетъ, что иного условія, какъ закладная—купчая, не могло и быть постановлено. Къ этому мнѣнію примыкаютъ Л. А. Кассо, стр. 304 и Н. Н. Товстолѣсъ, стр. 155. Pertile (IV, стр. 541—542) приводитъ случай установленія привилегіи въ пользу извѣстной категоріи кредиторовъ, получавшихъ право собственнности на заложенное имущество безъ предварительнаго о томъ соглашенія. Но иногда превращеніе права залога въ право собственности, а слѣдовательно, и соглашенія о томъ прямо воспрещались (тамъ же, пр. 103).—Л. А. Кассо, стр. 57.

уплаты. Но вполнѣ ли погашаетъ онъ обязательство? Въ ученіи о реализаціи залоговыхъ отношеній мы снова встрѣчаемся съ вопросомъ о поглощеніи личнаго требованія залогомъ, за утвердительное рѣшеніе котораго впервые высказался К. А. Неволинъ, характеризуя закладъ Псковской Судной Грамоты: «Въ случаѣ взысканія долга, платежъ котораго былъ обезпеченъ закладомъ, отвѣтчику предоставлялось отказаться отъ заклада и тѣмъ освободить себя отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности» [59]). Проф. Н. Л. Дювернуа въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи объ источникахъ права и судѣ въ древней Россіи далъ дальнѣйшее развитіе мысли о поглощеніи личнаго требованія вещнымъ. «Образъ выраженія древнихъ актовъ *моя* земля *виновата* такому то лицу — всего лучше даетъ понятіе о существѣ залога,—говоритъ Н. Л. Дювернуа. Право собственности принадлежитъ одному лицу, должнику; а кредитору принадлежитъ нѣчто другое. Если кредитъ личный, то должникъ «платитъ собою» (А. о. до ю. б. I, ст. 183, 1—10), это прямо противоположно и вмѣстѣ аналогично обязательству вещи. Если вещь въ закладѣ,—то «она въ истинѣ и въ росту», «*моя* пожня или моя земли въ томъ долгу»; стало быть, долгъ платитъ сама вещь, а не ея хозяинъ. Въ одной статьѣ Псковской Судной Грамоты особенно ясно отразилась эта разница требованія, обращеннаго къ лицу, и требованія, по кото-которому отвѣчаетъ вещь».

Авторъ имѣетъ въ виду ст. 31 Псковской Судной Грамоты, въ силу которой залогоприниматель не можетъ требовать излишка надъ стоимостью вещи, ибо вѣрилъ вещи, а не лицу [60]). Окончательно формулирована мысль о поглощеніи личнаго требованія вещнымъ проф. Л. А. Кассо, который на основаніи 31 ст. Псковской Судной Грамоты полагаетъ, «что отдача, по крайней мѣрѣ, движимой вещи въ залогъ избавляла должника отъ дальнѣйшей отвѣтственности, даже если впослѣдствіи обнаруживалось, что стоимость заложенной вещи не достигала занятой суммы» [61]).

Цитируемая ст. 31 гласитъ слѣдующее: «Хто на комъ иметъ сочить ссуднаго серебра, по доскамъ, а сверхъ того и закладъ положитъ.... а тотъ закладъ того серебра не судитъ, чего ищетъ, отопрется своего закладу, а молвитъ такъ: оу тебѣ есми того не закладалъ, а

---

[59]) К. А. Неволинъ, V, стр. 167.

[60]) Н. Л. Дювернуа, Источники права и судъ въ древней Россіи. М. 1869, стр. 229—230.

[61]) Л. А. Кассо, стр. 285.

оу тебѣ есми не взималъ ничегожъ; іно кто ищетъ, тому человѣку тѣмъ закладомъ владѣти; а тотъ правъ, на комъ сочатъ» [62]).

Для уясненія смысла ст. 31 ее необходимо разсматривать въ связи съ предшествующими статьями Псковской Судной Грамоты, начиная съ 28-й. Всѣ онѣ имѣютъ въ виду случаи отказа должника отъ уплаты долга, обезпеченнаго закладомъ (за исключеніемъ ст. 30), съ такой разницей: въ ст. 28 должникъ признаетъ закладъ своимъ, но утверждаетъ, что долгъ ужъ заплаченъ; въ случаѣ ст. 29 должникъ заявляетъ, что выдаваемая за закладъ вещь—его, но она попала въ руки кредитора безъ достаточнаго основанія; наконецъ, въ случаѣ, предусмотрѣнномъ ст. 31, должникъ утверждаетъ, что выдаваемая кредиторомъ въ качествѣ заклада вещь не принадлежитъ ему—должнику.

Если бы Псковская Судная Грамота выражала собой взглядъ на залогъ, какъ на достаточный и безусловный эквивалентъ за заемныя деньги, то взглядъ этотъ былъ бы проведенъ во всѣхъ статьяхъ, нормирующихъ различные случаи отказа должника отъ уплаты обезпеченнаго закладомъ долга. А между тѣмъ ст. 28 предоставляетъ тому, «кто на комъ иметъ серебра сочити съ суднаго серебра»: «хочетъ самъ поцѣлуетъ, да свое серебро возметъ; а хочитъ, закладъ ему оу креста положити, і онъ поцѣловавъ да свой закладъ возметъ»; въ ст. 29 залогопринимателю предоставляется: «хочитъ самъ поцелуетъ на своемъ серебри, или оу креста ему положитъ, и поцеловавъ, да свой закладъ возметъ». Право выбора, предоставляемое статьями 28 и 29, какъ будто бы не мирится съ теоріей поглощенія личнаго иска вещнымъ. Если той же самой альтернативы мы не находимъ въ ст. 31, то отнюдь не потому, что именно эта-то статья (и она одна) проводитъ теорію поглощенія, а исключительно по невозможности рѣшенія даннаго случая аналогично со статьями 28 и 29. Въ ст. 31 должникъ не признаетъ своимъ предъявленнаго заклада, слѣдовательно въ полученіи его не заинтересованъ, и потому не имѣла бы смысла привилегія ст. ст. 28 и 29: «поцеловавъ, да свой закладъ возметъ». Составители ст. 31 вынуждены были изыскивать какое-либо иное рѣшеніе и не нашли ничего болѣе справедливаго для обѣихъ сторонъ, какъ предоставить кредитору владѣть закладомъ, но зато, въ виду невозможности доказать недобросовѣстность должника, лишить кредитора права на полученіе данной взаймы суммы, превышающей стоимость заклада.

Ст. 31, такимъ образомъ, не можетъ служить руководящей при рѣшеніи вопроса о дополнительномъ взысканіи, въ виду особенности

[62]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Христоматія, I, стр. 144.

предусматриваемаго ею случая—отказа должника отъ своего заклада и отрицанія самаго займа [63]).

Прямо признается дополнительное взысканіе въ Литовскомъ Статутѣ 1529 г., по которому „коли бы хто речь заставную у большой суме заставил, а тотъ чия рѣчь, в кого бы свое зосталъ ку бранью ихъ пенезей, которые бы пенязи онъ або предокъ его будут на тую реч взяли; маетъ ку праву позвати его, а перед правом позвавшы и положившы суму пенязей на записе мененую, свою реч мает взяти, а тотъ который на лежачую (на чужую) речъ болшую суму дасть, на истцы нехай того смотрить, што будет назвышъ первое сумы далъ" (разд. X, арт. 4).

Положеніе, что «заложенная вещь считается безусловнымъ эквивалентомъ за полученныя деньги, и другого взысканія залогодержатель не имѣетъ» [64]), какъ кажется, не можетъ быть принято въ качествѣ обязательнаго и для московскаго права, не выработавшаго въ занимающемъ насъ вопросѣ какого-либо общаго принципа. Правда [65]), статья 85 Царскаго Судебника предписываетъ отдавать въ залогъ родовыя вотчины подъ сумму, не превышающую стоимость вотчины, подъ страхомъ не получить ничего свыше этой стоимости; но, повидимому, мотивъ предписанія—отнюдь не въ существѣ залога, являющагося будто бы эквивалентомъ долга, а исключительно въ интересахъ родовыхъ и въ частности—родового выкупа. «А кто похочетъ впередъ свою вотчину, мимо вотчичевъ, заложити у стороннего человѣка: и тѣмъ стороннимъ людемъ, не вотчичемъ, тѣ вотчины въ закладъ имати въ толкѣ, чего та вотчина стоитъ. А возметъ кто сторонней человѣкъ, а не вотчичь, вотчину въ закладъ болши той цѣны, чего та вотчина стоитъ, и кто вотчичь учнетъ бити челомъ, что закладываеть, или уже заложилъ, въ чужой родъ: и тому вотчину та вотчина въ закладъ взяти, въ мѣру, чего та вотчина стоитъ; а что тотъ денегъ въ займы далъ лишекъ, болши тоѣ цѣны, чего та вотчина стоитъ, и у того тѣ денги пропали» [66]). Итакъ, правило касается лишь случаевъ залога стороннимъ людямъ. При закладѣ вотчины родичу какъ будто бы перестаетъ дѣйствовать принципъ поглощенія личнаго требованія

[63]) Случаи запирательства должника, а слѣдовательно и способы разрѣшенія споровъ могутъ быть очень разнообразны. См. Pertile, IV, стр. 517, пр. 10. Въ Пск. Суд. Гр. см. еще ст. 107.

[64]) Л. А. Кассо, стр. 301.

[65]) См. Н. Л. Дювернуа, стр. 230; Л. А. Кассо, стр. 301—302; Н. Н. Товстолѣсъ, стр. 151.

[66]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Христоматія, II, стр. 171.

вещнымъ. Точно также принципъ не имѣлъ бы примѣненія, если бы никто изъ родичей не захотѣлъ воспользоваться своимъ правомъ выкупа. Искать въ ст. 85 подтвержденія теоріи поглощенія личнаго требованія залоговымъ тѣмъ труднѣе, если вмѣстѣ съ К. А. Неволинымъ относить ее не только къ залогу, но и къ покупкѣ [67]).

Надо думать, что въ московской практикѣ въ случаѣ залога, осложненнаго оговоркой «закладная—купчая», обычно исключалось дополнительное взысканіе: кредиторъ считался удовлетвореннымъ стоимостью залога, какъ, съ другой стороны, должникъ считался отказавшимся на случай просрочки отъ всей цѣнности залога. Но это было лишь молчаливое соглашеніе сторонъ, отнюдь не вытекавшее изъ существа залога, а потому и не безусловно обязательное [68]).

IV.

Разсмотрѣнныя послѣдствія неуплаты долга, обезпеченнаго подпиской въ вѣрѣ, предполагаютъ предварительное соглашеніе. Но каковы послѣдствія неисправности должника, если стороны упустили договориться о судьбѣ заложенной вещи послѣ просрочки? Древнерусскія закладныя не даютъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ. Или продажа залога послѣ просрочки совершенно неизвѣстна древне-русско-

[67]) К. А. Неволинъ, V стр. 78—79. Ср. Судебникъ ц. Ѳеодора Іоанновича 1589 г., ст. 166. Что залогъ не считается обязательно и всегда эквивалентомъ занятой суммы, видно изъ закладной XIII или XIV в. (А. Юр. б. II, № 126—1): „А будетъ Обросим (у) и Лаврентѣю (должникамъ) не до земли, ино имъ у Федора (кредитора) на тои земли доняти на тои земли 5 сороковъ бѣл да два пуда ржи сѣмяннъ и, а купная грамота имъ Федору на ту землю дат“.

[68]) Кто исключаетъ добавочное взысканіе, тотъ не допускаетъ взысканія вовсе, если находившійся во владѣніи кредитора залогъ погибъ случайно. Въ этомъ смыслѣ и рѣшается вопросъ съ точки зрѣнія теоріи поглощенія личнаго иска вещнымъ, и ст. 197 гл. X. Уложенія ц. А. М., какъ противорѣчащая теоріи поглощенія, признается заимствованной черезъ Литовскій Статутъ изъ Саксонскаго Зерцала. Л. А. Кассо, стр. 67, 300, 304. Но насколько ученіе о случайной гибели залога представляется шаткимъ основаніемъ для теоріи поглощенія, достаточно указать на необычайное разнообразіе рѣшеній вопроса въ разныя времена и въ разныхъ странахъ. См. Pertile IV, стр. 515, пр. 5 и 6; ср. стр. 611, пр. 1. Въ частности, знаменитую норму Саксонскаго Зерцала о случайной гибели заклада и утратѣ требованія нѣкоторые считаютъ спеціально относящейся къ закладу животныхъ (Stobbe-Lehmann, II, 2, стр. 310—311). Тогда какъ, по общему правилу, потеря требованія извѣстна лишь позднѣйшему праву. По нѣкоторымъ итальянскимъ источникамъ, случайная гибель залога падаетъ на кредитора, но это не общее правило. Ср. Л. А. Кассо, стр. 58 сл., 62 (въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ сборникахъ и положеніе о закладѣ скота носитъ обособленный характеръ, противорѣчащій принципу ограниченной отвѣтственности).

му праву, или же продажа залога представлялась столь естественнымъ послѣдствіемъ неисправности, что сама собой предполагалась во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ закладной не была указана судьба заложенной вещи на случай просрочки.

Въ первомъ смыслѣ высказался проф. Л. А. Кассо, по мнѣнію котораго «отличительной чертой всѣхъ дошедшихъ до насъ закладныхъ является просрочка залога въ смыслѣ окончательнаго и безповоротнаго пріобрѣтенія права на вещь залогодержателемъ въ случаѣ неуплаты со стороны залогодателя. Это пріобрѣтеніе является ultima ratio залогового обремененія; оно считается удовлетвореніемъ кредитора, который получаетъ такимъ образомъ всю заложенную вещь, а не только ту часть ея стоимости, которая соотвѣтствуетъ размѣру ея долга. Выражаясь на нѣмецкомъ юридическомъ языкѣ, мы имѣемъ здѣсь Verfallpfand, а не Distractionspfand» [69]).

Поскольку почтенный авторъ говоритъ о древне-русскихъ закладныхъ, онъ правъ въ томъ отношеніи, что ни въ одной изъ нихъ не упомянуто о jus distrahendi. Но, какъ указано другими изслѣдователями, нѣсколько иначе стоитъ вопросъ въ законодательствѣ, которое, кажется, позволяетъ признать, что принципъ продажи залога не былъ чуждъ древне-русскому праву.

Эта мысль впервые и предположительно высказана была Рейцомъ, который думалъ, что въ случаяхъ, когда при совершеніи заклада назначали срокъ, закладъ обращался, вѣроятно, въ продажу, если уплаты не воспослѣдовало [70]). Затѣмъ, какъ указано проф. Н. Л. Дювернуа [71]), въ ст. 104 Псковской Судной Грамоты предусматривается случай нѣсколькихъ закладныхъ правъ на одну и ту же вещь, разрѣшающійся продажей этой вещи и дѣлежомъ вырученной суммы: «Ино имъ (кредиторамъ) правда давши, да дѣлятъ по деломъ, і по серебру, колко серебра, ино и доля ему по тому числу» [72]).

Въ дальнѣйшемъ мы встрѣчаемся съ дополнительнымъ къ Судебнику указомъ 1557 г., сохранившимся въ одномъ лишь Татищевскомъ спискѣ и вызвавшимъ потому крупныя разногласія изслѣдователей.

Въ этомъ указѣ между прочимъ читаемъ мы слѣдующее: «А не заплатитъ (должникъ) и потомъ истинны ни роста, и тому, у кого за-

---

[69]) Л. А. Кассо, стр. 301. Какъ мы знаемъ уже, авторъ исключаетъ изъ разсмотрѣнія тѣ закладныя, въ которыхъ не опредѣлена судьба заложенной вещи на случай просрочки.

[70]) Рейцъ, стр. 224, пр. 1.

[71]) Н. Л. Дювернуа, стр. 233.

[72]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Христоматія, I, стр. 169.

кладъ, нести къ старостѣ и цѣловалникомъ и тотъ закладъ при многихъ людехъ добрыхъ продати правдою, не ухитряя его государя; и возмутъ за тотъ закладъ болѣе, ино ему взяти истинна и ростъ сполна, а лишекъ отдати тому, чей закладъ; а не будетъ того заклада на столько, ино тѣ деньги, чего не достанетъ, взяти на закладчикѣ» [73]). Рейцъ относитъ законъ 1557 г. къ закладу и къ залогу одинаково, очевидно, на томъ основаніи, что тамъ говорится: «а кто у кого займетъ денги въ ростъ, а заложитъ ручь, кузнь, или мониста, *или иное что*»; тогда какъ К. А. Неволинъ думаетъ, что указъ 1557 г. говоритъ лишь о взысканіи по закладнымъ на движимое имущество [74]). Но для насъ важно то, что законъ Ивана IV принципіально признаетъ продажу залога и дополнительное взысканіе того, что не дополучено кредиторомъ изъ вырученной отъ продажи заклада (залога) суммы.

Изъ 104 ст. Псковск. Судной Грамоты мы уже знаемъ, что при стеченіи нѣсколькихъ закладныхъ правъ на одну и ту же вещь слѣдуетъ продажа вещи и дѣлежъ вырученной суммы между кредиторами. Но такое же стеченіе закладныхъ правъ мы встрѣчаемъ и въ московскомъ періодѣ. «Тотъ дворъ у меня,—говоритъ должникъ въ извѣстной уже намъ челобитной 1630 г.,—былъ должный не въ одной ево кабалѣ въ долгу писанъ. Тѣмъ дворомъ было мнѣ отъ долгу искупатися» [75]). Какимъ же образомъ думаетъ должникъ отъ долга своимъ дворомъ

---

[73]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Христоматія III, стр. 15, пр. 51. Безъ всякаго сомнѣнія отнесся къ этому указу Рейцъ (стр. 321) тоже—Мейеръ (стр. 264). К. А. Неволинъ (V, стр. 166) считаетъ этотъ законъ заимствованнымъ изъ Эклоги Льва и Константина, въ видахъ облегченія задолжавшихъ служилыхъ и неслужилыхъ людей. Къ мнѣнію о заимствованіи примкнулъ проф. Л. А. Кассо (стр. 311 сл.), при чемъ заимствованіе это представляется ав ору интерполяціей со стороны переписчика. М. Ф. Владимірскій Будановъ въ Обзорѣ (стр. 593) опровергаетъ мнѣніе о заимствованной интерполяціи, а въ Христоматіи III, стр. 18 гр., какъ мы уже говорили, изъ сопоставленія залога и поклажи въ Уложеніи ц. А. М., дѣлаетъ выводъ, о которомъ шла рѣчъ въ самомъ началѣ настоящей статьи и которой касается закона Ивана IV. Что принципъ продажи и дополнительнаго взысканія не чуждъ древне-русскому правосознанію, видно изъ ст. 76 Псковской Судной Грамоты (М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Христоматія I, стр. 160), которая даетъ право продать имущество сбѣжавшаго изорника: „Тотъ животъ изорничь, предъ приставы и предъ сторонними людми, государю попродати, да и поимати за свою покруту; а чего не достанетъ, а по томъ времени явится изорникъ, ино государю добровольно искать остатка своего покруты“.

[74]) К. А. Неволинъ, V, стр. 166.

[75]) И. Я. Гурляндъ, стр. 36.

искупиться? Очевидно, продажей двора и раздѣломъ вырученнаго между кредиторами.

Указъ 1557 г. не остался безъ вліянія и на Уложеніе ц. А. М. въ извѣстной уже намъ ст. 196 гл. X. Должникъ «въ кабалѣ напишетъ: будетъ онъ того своего закладу на срокъ не выкупитъ, и на тотъ его закладъ та закладная кабала—и купчая; и давъ онъ такую кабалу, того своего закладу на срокъ не выкупитъ: и ему впредь до того своего закладу дѣла нѣтъ». „А если онъ не напишетъ такого условія? Тогда что? Конечно,—говоритъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ,—слѣдуетъ взысканіе, обращенное на заложенную вещь, быть можетъ, не совсѣмъ въ формѣ указа 1557 г.“ [76]).

Къ приведеннымъ словамъ проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова ничего нельзя прибавить въ виду отсутствія какого-либо другого матеріала. Да, кажется, по своей убѣдительности они и не нуждаются въ какихъ-либо дополненіяхъ или дальнѣйшемъ развитіи.

Въ итогѣ предложенныхъ разсужденій мы получаемъ слѣдующіе выводы.

Разноообразіе формъ залоговыхъ отношеній не исключаетъ единства юридической природы древне-русскаго залога.

Это единство и заключалось въ моментѣ гарантіи, наиболѣе отчетливо обнаружившемся въ первичной формѣ залога—безъ передачи владѣнія (подписка въ вѣрѣ), и юридически выражается въ акцессорности.

Въ виду означеннаго юридическаго свойства древняго залога нормальнымъ способомъ прекращенія залоговыхъ отношеній было исполненіе по главному обязательству.

Въ случаѣ неуспѣшности требованія, санкціонированнаго искомъ, или наступали договорныя послѣдствія просрочки (чаще всего—превращеніе залога въ собственность, обыкновенно безъ дополнительнаго взысканія), или же, въ случаѣ отсутствія соглашенія, надо думать, залогъ продавался, и за кредиторомъ сохранялось право на взысканіе съ должника недополученнаго.

Вс. Удинцевъ.

---

[76]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ, стр. 594.

СТОГЛАВЪ.

(Къ вопросу объ официальномъ или неофициальномъ происхожденіи этого памятника).

Послѣ принятія титула царя и торжественнаго вѣнчанія царскимъ вѣнцомъ (16 января 1547 г.) и вступленія въ бракъ съ Анастасіей Романовною (3 февраля того же года), молодой государь, Іоаннъ IV, полный благихъ намѣреній, смѣлыхъ и обдуманныхъ начинаній, рѣшилъ не только стать другимъ, лучшимъ человѣкомъ, чѣмъ онъ былъ до этого времени, начать новую жизнь, но и возвысить Московское государство, расшатанное боярскими смутами въ его малолѣтство, сдѣлать его какъ бы новымъ и болѣе совершеннымъ, чѣмъ оно было прежде. „Онъ рѣшилъ измѣниться самъ,—читаемъ мы у современнаго отечественнаго историка церкви,—потому что, становясь изъ великаго князя царемъ, онъ становился по сану другимъ,—высшимъ и какъ бы гораздо болѣе отвѣтственнымъ государемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ сталъ изъ великаго князя царемъ, и его государство стало изъ великаго княжества царствомъ. Слѣдовательно, и оно должно было обновиться и стать лучшимъ соотвѣтственно своей новой высшей роли. По этой причинѣ, рѣшивъ собственное измѣненіе, государь созналъ необходимость и обновленія государства, такъ чтобы для послѣдняго, какъ занявшаго новую высшую степень сановную, начался новый лучшій періодъ существованія“ [1]).

Въ 1550 году царь совершилъ какъ бы „торжественное новолѣтіе“ своей будущей лучшей жизни и послѣдующаго періода болѣе совершенной жизни для государства. Онъ созвалъ первый земскій со-

[1]) Проф. Е. Е. Голубинскій, И. Р. Ц., т. II, пол. I, Москва, 1900, стр. 768.

боръ—„повелѣ собрати свое Государство изъ городовъ всякого чину“, и обращался черезъ посредство этого собора ко всей Русской землѣ съ моленіемъ оставить другъ другу вражды и тяготы свои; онъ „билъ челомъ“ „и съ бояры своими о своемъ согрѣшеніи“ [2]), прося прощенія въ своихъ прежнихъ винахъ; царь „заповѣдалъ“ своимъ боярамъ, приказнымъ людямъ и кормленщикамъ „со всѣми хрестьяны царствия своего (со всѣми, кого они обижали) въ прежнихъ во всякихъ дѣлехъ помиритися на срокъ“ [3]); относительно же будущаго времени государь съ Лобнаго мѣста далъ торжественное обѣщаніе въ томъ, что впредь „самъ“ будетъ судьей и обороной [4]), и, наконецъ, приказалъ исправить существовавшій судебникъ и „утвердити, чтобы судъ былъ праведенъ и всякіе дѣла *непоколебимо во вѣки*“ и „великие заповѣди написалъ, чтобы то было прямо и бережно и судъ бы былъ праведенъ и безпосульно во всякихъ дѣлехъ“ [5]). Эти послѣднія мѣропріятія должны были относиться не къ одному только его правленію, но и составлять обновленіе земли на все будущее время.

Еще послѣ паденія Константинополя въ 1453 году московскіе государи начали считать себя преемниками византійскихъ императоровъ или царей. По мнѣнію нашихъ предковъ, римскому царству, въ которомъ родился Христосъ, предназначено существовать на землѣ до скончанія вѣка, чтобы быть истиннымъ хранителемъ Христовой церкви; но царство это не было неподвижно, а, не оставаясь на одномъ и томъ же мѣстѣ, должно было совершить нѣсколько перемѣщеній: сначала оно было въ древнемъ Римѣ, потомъ перемѣстилось во второй Римъ—Константинополь, и, наконецъ, послѣ взятія Царьграда турками, оно перемѣстилось въ Москву, ставшую третьимъ Римомъ. Московскій же государь былъ единый и истинный во всей поднебесной христіанскій царь [6]). Русскому царству, по тому же мнѣнію, была предназначена судьбами Промысла высокая и отвѣтственная роль стать треть-

---

[2]) С. Г. Г. и Д. № 37, стр. 45—46; Стоглавъ, Казань, 1862 („Православный Собесѣдникъ“, 1862, ч. I—III Мы цитируемъ Стоглавъ по этому изданію), стр. 46, 47. „И вы насъ въ нашихъ винахъ благословили и простили“, говоритъ Іоаннъ въ Стоглавѣ (стр. 47).

[3]) Тамъ же, стр. 47.

[4]) Ср. замѣтку проф. С. Ѳ. Платонова: „Рѣчи Грознаго на земскомъ соборѣ 1550 года“, въ книгѣ—„Статьи по русской исторіи“, Спб., 1903, стр. 219—224. Здѣсь же указана литература вопроса.

[5]) Стоглавъ, стр. 47.

[6]) См. изслѣдованіе проф. В. Н. Малинина: „Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія“ (Кіевъ, 1901.), отдѣлъ VII. Проф. Е. Е. Голубинскій, И. Р. Ц. т. II, пол. I, стр. 766.

имъ православно-христіанскимъ царствомъ, а русской церкви—сдѣлаться первой между всѣми частными православными церквами [7]). Дѣйствительно, со времени принятія Іоанномъ царскаго титула, Московское государство какъ бы формально заняло мѣсто и вступило въ права третьяго римскаго царства, стало единственнымъ хранилищемъ чистаго православія. Равнымъ образомъ и русская церковь заняла принадлежащее ей высокое положеніе. „Но свѣтильникъ, поставленный въ свѣщницѣ, долженъ свѣтить; возвышаемый принимаетъ на себя нравственный долгъ заботиться о томъ, чтобы внутренними качествами соотвѣтствовать своему внѣшнему положенію“ [8]). Русская церковь своими внутренними качествами должна была соотвѣтствовать тому высокому внѣшнему положенію, которое теперь она заняла; но такого соотвѣтствія не было. Нужно было ее внутренно возвысить и улучшить. И вотъ, собравъ воедино святыню русской земли на соборахъ 1547 и 1549 гг. [9]), въ слѣдующемъ 1551 году царь, подъ вліяніемъ тогдашняго митрополита Макарія, человѣка несомнѣнно выдающагося [10]), рѣшается созвать великій соборъ для очищенія русской

---

[7]) Еще со времени Флорентійской уніи (1439 г.) былъ сильно поколебленъ авторитетъ грековъ въ глазахъ русскихъ и заподозрѣно ихъ православіе. Взятіе Константинополя турками (1453 г.) также способствовало утвержденію такого взгляда на православіе грековъ; въ разсматриваемое же время открыто проповѣдывалось и принималось, что у грековъ „вѣра православная испроказилася Махметовою прелестію отъ безбожныхъ турокъ“, а русская земля сіяетъ православіемъ, вѣрою и ученіемъ. Это говоритъ извѣстный писатель житій святыхъ, псковскій священникъ Василій (въ иночествѣ Варлаамъ), въ житіи Саввы Крыпецкаго. Проф. В. О. Ключевскій, „Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ“ (Москва, 1871), стр. 227—228.

[8]) Е. Е. Голубинскій, И. Р. Ц., т. II, пол. I, стр. 771.

[9]) О канонизаціи святыхъ на соборахъ 1547 и 1549 г.г. см. изслѣдов. Е. Е. Голубинскаго: „Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви“ (изд. 2, М. 1903); его же, И. Р. Ц. т. II, пол. I, стр. 772—773, 852—853; П. Н. Милюковъ, Очерки по исторіи русской культуры, ч. II, очеркъ 5 митрополитъ Макарій, И. Р. Ц., т. VI (Спб. 1870), стр. 214—219 и друг.

[10]) О дѣятельности митрополита Макарія см. Е. Е. Голубинскаго, И. Р. Ц., т. II, пол. I; Н. И. Лебедева, Ч. въ О. Л. Д. П., 1877—1881; м. Макарія, И. Р. Ц., т. VI. Прекрасную сжатую характеристику митр. Макарія, какъ человѣка „келейнаго“, даетъ проф. И. Н. Ждановъ въ своемъ капитальномъ трудѣ: „Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора“, Ж. М. Н. Пр., ч. CLXXXVI, (1876), стр. 173—176. См. также въ „Лѣтописяхъ русской литературы и древности“ (издав. Н. Тихонравовымъ), т. V (М., 1863), отд. III, статью Н. И. С—на: „Къ матеріаламъ для исторіи Стоглава и его времени“, гдѣ (стр. 126—136) помѣщенъ одинъ весьма интересный памятникъ литературной и пастырской дѣятельности митрополита Макарія, а именно „отвѣтъ“ его въ видѣ посланія къ царю Іоанну IV „о недвижимыхъ вещехъ церковныхъ, вданныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ“.

церкви отъ всѣхъ существовавшихъ въ ней пороковъ и недостатковъ и для полнаго исправленія, улучшенія и обновленія ея жизни во всѣхъ отношеніяхъ. „Стоглавый соборъ имѣлъ въ виду какъ бы обновить всю русскую церковь, исправить всѣ недостатки, какіе существовали въ ней и усилились въ послѣднее время, и указать ей путь для правильнаго развитія всѣхъ отраслей ея жизни“ [11]). „Стоглавъ, рядомъ съ Судебникомъ, какъ бы замыкаетъ великое дѣло Іоанна IV,—дѣло земскаго и церковнаго строенія. Судебникъ и Стоглавъ,—продолжаетъ Ил. В. Бѣляевъ въ своей критической статьѣ „Объ историческомъ значеніи дѣяній московскаго собора 1551 года“,—это два фокуса, въ которые собираются всѣ разноцвѣтные лучи прежней областной жизни сѣверно-русской; здѣсь эти лучи должны преломиться, по особенному московскому складу, чтобы, изойдя отсюда, озарить сѣверную Русь новымъ московско-русскимъ свѣтомъ“ [12]). Этотъ соборъ, получившій названіе Стоглаваго отъ раздѣленія книги его постановленій въ своей окончательной редакціи на сто главъ (по примѣру Царскаго Судебника, изданнаго въ предыдущемъ году и утвержденнаго на томъ же соборѣ), является несомнѣнно знаменитымъ и исключительнымъ по своему значенію, и должно вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ Н. М. Карамзина, вѣрно оцѣнившаго значеніе Стоглаваго собора, что „сей достопамятный соборъ, по важности его предмета, знаменитѣе всѣхъ иныхъ, бывшихъ въ Кіевѣ, Владимірѣ и Москвѣ“ [13]).

Дѣйствительно, значеніе Стоглаваго собора исключительно велико, и дѣянія его имѣютъ огромный научный интересъ для историка, представляя собою богатѣйшій, интереснѣйшій и ничѣмъ не замѣнимый матеріалъ для изученія культурнаго быта московскаго общества въ половинѣ XVI столѣтія [14]); дѣянія этого собора, „сколько-нибудь подобнаго которому не бывало ни прежде, ни послѣ“ (по вѣрному и авторитетному замѣчанію выдающагося современнаго историка церкви проф. Е. Е. Голубинскаго) [15]), имѣютъ и въ настоящее время важное практическое значеніе, служа для старообрядцевъ однимъ изъ главныхъ опорныхъ пунктовъ въ ихъ полемикѣ съ представителями господствующей церкви.

---

[11]) Митр. Макарій, И. Р. Ц., т. VI, стр. 228.

[12]) „Русская Бесѣда“, М., 1858, IV, отд. критики, стр. 4—5.

[13]) И. Г. Р., т. VIII, стр. 70 (изданіе 5-е, И. Эйнерлинга, Спб., 1842). Митрополитъ Макарій (Булгаковъ) также называетъ Стоглавый соборъ „важнѣйшимъ изъ всѣхъ соборовъ, какіе только были доселѣ въ церкви русской“. И. Р. Ц., т. VI, стр. 219.

[14]) Объ этомъ см. изслѣдованіе Ил. В. Бѣляева: „Объ историческомъ значеніи дѣяній московскаго собора 1551 года“, Русская Бесѣда 1858, IV, стр. 18—19.

[15]) Е. Е. Голубинскій, И. Р. Ц., т. II, п. I, стр. 771.

Глубокій научный интересъ представляютъ эти дѣянія и для историка права, юриста-государствовѣда, какъ лучшее и наиболѣе выпуклое выраженіе теократическаго характера Московскаго государства данной эпохи [16]. Значеніе Стоглава въ этомъ отношеніи исключительно велико: здѣсь мы находимъ обильнѣйшій матеріалъ, освѣщающій отношенія государственной власти къ церкви; онъ служитъ лучшимъ показателемъ этихъ отношеній. „Сближеніе государственнаго и церковнаго права,—говоритъ одинъ изъ изслѣдователей этого памятника,—такъ многосторонне и такъ тѣсно, что лучшаго образца, по которому бы историкъ могъ составить понятіе объ отношеніи на Руси церкви и государства въ XVI вѣкѣ, трудно и найти" (Ил. В. Б—въ: „Объ историческомъ значеніи дѣяній московскаго собора 1551 года") [17]. Изъ дѣяній этого собора мы узнаемъ, что починъ мѣропріятій, касавшихся непосредственно церкви и церковнаго благочинія, принадлежалъ царю. „Сие праведное солнце,—читаемъ въ Стоглавѣ,—Христосъ Богъ нашъ милосердый Господь по неизреченнымъ его судьбамъ, свѣтолучными своими зарями осія, всердцы благочестиваго царя і великаго князя Івана Васильевича всеа русіи самодержца. во еже мудрствовати и творити благая... Доблийже онъ миротворецъ державный самодержецъ прекроткій царь Іванъ. множемъ разумомъ и мудростію вѣнчанъ. и въ совершеннемъ благочестіи царство содержа. осіяваемъ благодатію божественнаго Духа. *зело воспалися утробою. и степлымъ желаніемъ подвижеся. не токмо о устроеніи земскомъ, но и о многоразличныхъ церковныхъ исправленіи*" [18]. Представленія Іоанна о себѣ, какъ о православномъ царѣ, вмѣняли ему заботы о церкви еще въ большей степени, чѣмъ о государствѣ, и молодой государь былъ искренно проникнутъ сознаніемъ этой важной обязанности. Государь не только опредѣляетъ мѣропріятія относительно церковныхъ имуществъ, не только касается вопросовъ, которые относились къ сферѣ внѣшняго, но и внутренняго права церкви: онъ говоритъ „о святительскихъ судіяхъ", о церков-

---

[16]) На это обратилъ вниманіе еще раньше проф. И. Д. Бѣляевъ. Привѣтствуя появленіе въ печати Стоглава (въ изданіи Казанской Дух. акад. 1862 г.) и книги Ильи В. Бѣляева—„Наказные списки соборнаго уложенія 1551 г." (Москва, 1863), покойный ученый говоритъ: „Теперь изслѣдователи русской исторіи могутъ свободно пользоваться двумя самыми замѣчательными памятниками XVI столѣтія, наглядно свидѣтельствующими объ отношеніи православной церкви къ государству и обществу въ московскихъ владѣніяхъ". См. „Памятники рускаго церковнаго законодательства" („Стоглавъ и наказные списки по Стоглаву"), въ „Православномъ Обозрѣніи", т. XI, 1863, стр. 189.

[17]) „Русская Бесѣда", 1858, IV, отд. критики, стр. 8. См. тамъ же, стр. 8—10.

[18]) Стоглавъ, стр. 23—24.

ныхъ и монастырскихъ деньгахъ, о ругѣ, отпускавшейся изъ царской казны, о выкупѣ плѣнныхъ; обращаетъ вниманіе на то, „чтобы по святымъ церквамъ звонили и пѣли по божественному уставу и по священнымъ правиламъ", на безчинія на свадьбахъ, на волхвованіе во время поединковъ, на обращеніе между православными рафлей, шестокрыла, воронограевъ, альманаховъ, аристотелевыхъ вратъ и проч., на остатки языческихъ обычаевъ въ навечеріи Иванова дня, Рождества Христова и Крещенія, въ праздникъ Пасхи, Великій четвергъ и проч. Замѣчанія царя нерѣдко касаются самыхъ мелочныхъ подробностей церковнаго порядка, напр. относительно обычая класть на престолъ родильную сорочку или мыло, относительно безпорядочной жизни иконныхъ живописцевъ, или того, что „по правиламъ св. отецъ, не подобаетъ мытися мужу съ женою". Онъ же возбуждаетъ вопросъ о трегубой аллилуіи, о безчиніяхъ въ монастырской жизни, объ упадкѣ нравственной жизни среди иноковъ и мірянъ, о расходахъ при поставленіи въ разныя степени священства и должности и пр. [19]). И члены духовнаго собора, какъ можно видѣть изъ текста Стоглава, отнюдь не усматривали въ этомъ вмѣшательствѣ государственной власти въ непосредственную область своего вѣдѣнія ничего незаконнаго и обиднаго для себя, ничего укоризненнаго, а, напротивъ, видѣли въ этой заботливости царя о церковномъ устроеніи доброе и похвальное дѣло. Когда царь сообщилъ митр. Макарію о своемъ желаніи созвать духовный соборъ [20]), на которомъ государь предполагалъ заняться вопросами „о многоразличныхъ церковныхъ исправленіи", то „всеа руския земля архіерѣи", узнавъ о царскомъ повелѣніи, „радостию неизглаголанною объяти бывше. всяко тщаніе отъ сердецъ подвизаху и пребезмѣрное желаніе имѣяху. иж *таковаго царя благочестива насладитися зрѣнія же и беспды*" [21]). А когда была прочитана на соборѣ вторая (пространная) рѣчь Іоанна, содержащая въ себѣ изложеніе задачи собора и мотивовъ, побудившихъ государя созвать соборъ, и яркую картину полнѣйшей деморализаціи общества въ религіозно-нравственномъ отношеніи,—тогда, по свидѣтельству Стоглава, всѣ члены собора „зѣло о семъ удивишася. и о благочестии слово изнесоша. и вседержителю Богу хвалу воздаша. и бѣ чюдно видѣніе и всякаго ужаса исполнено толико царское величество церкви Божіи съ душевнымъ желаніемъ совокупляется. и кто отъ толикія радости зельныя не испусти

[19]) См. Стоглавъ, гл. 5 и 41.

[20]) „Соборъ божіихъ слугъ совокупити повелѣ вскоре"—по выраженію Стоглава (стр. 24).

[21]) Стоглавъ, стр. 24.

слезъ видя царскую душу совокупльшуся съ царскимъ устроеніемъ" [22]). Такое вмѣшательство государственной власти не могло считаться насиліемъ со стороны самодержавнаго царя тѣмъ болѣе, что въ разсматриваемое нами время молодой государь находился подъ сильнымъ вліяніемъ „избранной рады", члены которой Сильвестръ, А. Адашевъ, митрополитъ Макарій, князь Курбскій, несомнѣнно, отклонили бы Іоанна отъ его активнаго вмѣшательства въ дѣла церкви, если бы въ немъ усматривалось какое-либо нарушеніе установившагося нормальнаго порядка [23]). Надо думать, что подобное явленіе (вмѣшательство государственной власти во внутреннія дѣла церкви) не было случайнымъ, исключительнымъ, но, несомнѣнно, было лишь естественнымъ выводомъ продолжительнаго историческаго порядка вещей [24]) и долговременной работы мысли представителей церковной іерархіи, которая сама искала у представителей государственной власти содѣйствія, помощи и участія въ дѣлахъ церковнаго управленія. Не могли не оказать своего воздѣйствія и традиціи Византіи. Въ Стоглавѣ наиболѣе рельефно отпечатлѣлись тѣсная связь (сліяніе) церкви съ государствомъ и перевѣсъ государства надъ церковью, большая сила государственной власти [25]),—тотъ перевѣсъ государства надъ церковью, который, по авторитетному и глубоко вѣрному взгляду профессора М. Ф. Владимірскаго-Буданова, наблюдается съ половины XV в. и продолжается въ теченіе XVI столѣтія [26]). Это участіе представителя

---

[22]) Стоглавъ, гл. 3, стр. 42.

[23]) Ср. также у проф. И. Н. Жданова: „Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора", Ж. М. Н. Пр., часть CLXXXVI (1876), стр. 80—89.—О консервативномъ направленіи взглядовъ членовъ „избранной рады" см. въ томъ же изслѣдованіи проф. И. Жданова („Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора"), стр. 187—194.

[24]) Такой порядокъ взаимныхъ отношеній созидался постепенно со времени Флорентійской уніи (1439 г.) и особенно въ послѣдующее за тѣмъ время измѣненія нашихъ церковныхъ отношеній къ Константинополю, благодаря выдающейся роли представителей государственной власти въ охранѣ отечественнаго православія и націонализаціи русской церкви. Объ этомъ см. наше изслѣдованіе „Государство и церковь въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ Московскомъ государствѣ отъ Флорентійской уніи до учрежденія патріаршества", гдѣ приведена литература вопроса.

[25]) Невольно бросается въ глаза слѣдующее мѣсто: „По царской заповѣди всѣмъ святителямъ..." (См. Стоглавъ, стр. 189—190).

[26]) Профессоръ М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ исторіи русскаго права", изд. 3 (Кіевъ, 1900), стр. 169. Здѣсь же см. прекрасный очеркъ отношеній церкви и государства въ моск. періодъ, стр. 169—171. См. также проф. А. С. Павлова, Курсъ церковнаго права (посмертное изданіе редакціи „Богословскаго Вѣстника", выполненное подъ наблюденіемъ доцента Моск. Дух. акад. И. М. Громогласова. Свято-Троицкая Сергіева Лавра, 1902 г.), стр. 168.

20

государственной власти въ дѣлахъ церкви, осуществленіе имъ права иниціативы церковнаго законодательства, участіе его въ самомъ обсужденіи законовъ и вообще сильное вліяніе на ходъ всѣхъ церковныхъ дѣлъ (лучшимъ примѣромъ чего служитъ дѣятельность Іоанна на Стоглавомъ соборѣ)—дѣлаютъ Стоглавъ незамѣнимымъ и богатѣйшимъ источникомъ для анализа этихъ отношеній. Дѣянія этого собора являются какъ бы реальнымъ подтвержденіемъ и осуществленіемъ мысли Грознаго, высказанной имъ впослѣдствіи въ перепискѣ съ опальнымъ бѣглецомъ княземъ А. М. Курбскимъ,—что главная задача государственной власти есть *религіозное воспитаніе подданныхъ,* что *власть государственная имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и духовныя цѣли:* „тщужеся со усердіемъ люди на истину и на свѣтъ наставити, да познаютъ единаго истиннаго Бога, въ Тройцѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ государя...“ [27]). Стоглавъ—реальное, конкретное осуществленіе этой мысли, санкціонированной и освященной соборомъ русскаго духовенства, кульминаціонный пунктъ теократическаго характера Московскаго государства, когда государство и церковь, слитыя въ единый организмъ, осуществляютъ совмѣстную также единую программу.

Несмотря на столь громадное и исключительное значеніе этого памятника, представляющаго собою опытъ кодификаціи всего дѣйствующаго русскаго церковнаго права, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ увидимъ ниже, именно благодаря этому значенію, самый важный вопросъ о происхожденіи Стоглава и его подлинности является не окончательно и единогласно рѣшеннымъ, такъ какъ въ исторической литературѣ и до настоящаго времени существуютъ относительно этого два діаметрально противоположныхъ мнѣнія. И до сихъ поръ продолжаютъ спорить о томъ, считать ли дѣянія, дошедшія до насъ подъ именемъ дѣяній Стоглаваго собора, подлинными, составленными отцами собора 1551 года и имѣющими офиціальное, каноническое значеніе, какъ то утверждаютъ одни изслѣдователи, или же Стоглавъ, какъ то думаютъ другіе, не есть подлинная книга собора, а только черновыя записки соборныхъ дѣяній, или же проектъ черновыхъ записокъ, составленныхъ какимъ-то малограмотнымъ церковнымъ дьякомъ (или даже членомъ этого собора), который внесъ сюда свои личныя мнѣнія, раздѣ-

---

[27]) „Сказанія князя Курбскаго“, часть II, Спб. 1833, стр. 66. Профессоръ М. Ф. Владимірскій—Будановъ, „Обзоръ исторіи русскаго права“, стр. 171. См. также замѣчательныя въ этомъ отношеніи рѣчи царя при открытіи Стоглаваго собора, а также и слова митрополита Макарія Іоанну предъ основаніемъ въ странѣ Казанской города Свіяжска (Митр. Макарій, И. Р. Ц., т. VI, Спб. 1870, стр. 211).

ляемыя, быть можетъ, и нѣкоторыми изъ членовъ собора [28]). Благодаря этой двойственности и неполной установленности научныхъ взглядовъ на происхожденіе и значеніе Стоглава, этотъ знаменитый памятникъ и до настоящаго времени не можетъ занять вполнѣ подобающаго ему почетнаго и твердо установленнаго мѣста среди законодательныхъ памятниковъ московскаго періода, такъ какъ ученые, отрицающіе подлинность и официальное происхожденіе Стоглава и признающіе его лишь черновою записью писца, считаютъ его памятникомъ, имѣющимъ для насъ значеніе только историческое, какое имѣетъ всякій памятникъ отечественной старины, сохранившійся до нашихъ дней. Нѣкоторые изъ представителей этого мнѣнія идутъ и дальше: они, не признавая Стоглава подлиннымъ сборникомъ, не только считаютъ его черновыми записями дѣяній собора 1551 г., сдѣланными тѣмъ или другимъ лицомъ, но полагаютъ, что эти записи дошли до насъ въ такихъ спискахъ, въ которые *впослѣдствіи* занесены и вставлены какимъ-то неизвѣстнымъ писателемъ различныя мнѣнія, благопріятствующія старообрядцамъ [29]).

Пока же продолжаются долгіе споры о просхожденіи и значеніи Стоглава, не приводящіе къ единогласію, онъ продолжаетъ оставаться какъ бы не вполнѣ полноправнымъ дѣтищемъ русской науки; онъ остается памятникомъ, значеніе котораго находится подъ сомнѣніемъ и вопросомъ. „Пополняя собою ряды ученыхъ изслѣдователей, не признающихъ соборныя дѣянія за подлинныя и каноническія, они (другіе писатели, о которыхъ не упоминаетъ авторъ цитируемой статьи) невольно увлекаютъ читателя на путь основательныхъ (!?) сомнѣній относительно характера дѣяній этого собора“ [30]). Стоглавъ и теперь про-

[28]) См. статью проф. М. А. Дьяконова „Стоглавъ“ въ XXXIА томѣ словаря Брокгауза и Ефрона (Спб., 1901).

[29]) „Богословскій Вѣстникъ“, 1899 г., октябрь, стр. 197 („Новооткрытый рукописный Стоглавъ 16 вѣка“). Проф. В. Н. Латкинъ, Лекціи по внѣшней ист. р. права, стр. 93. Епископъ Игнатій (воронежскій и задонскій) рѣшительно утверждаетъ, что въ дѣяніяхъ Стоглаваго собора „статьи, благопріяствующія расколу, есть позднѣйшая вставка“. См. еп. Игнатій, Исторія Соловецкой обители, стр. 87; „Богосл. Бѣстникъ“, 1899 г., октябрь, стр. 201.

[30]) „Богословскій Вѣстникъ“, 1899 г., октябрь, стр. 227.—Проф. И. Д. Бѣляевъ, говоря по поводу предисловія казанскаго изданія (1862 г.), такъ формулируетъ взгляды ученаго издателя этого памятника г. Добротворскаго: „Стоглавъ не каноническая книга, въ немъ не подлинные акты московскаго собора, онъ составленъ кѣмъ-то изъ черновыхъ записокъ... Стоглавъ хотя и напечатанъ, но онъ не каноническая книга, а такъ какой-то сумбуръ, составленный кѣмъ-то изъ черновыхъ записокъ“. См. „Памятники русскаго церковнаго законодательства“ (въ „Православномъ Обозрѣніи“, т. XI, 1863), стр. 191—192.

должаетъ преслѣдовать злой рокъ, не давшій возможности этому важному памятнику отечественной исторіи появиться впервые на свѣтъ Божій (въ полномъ видѣ) въ родной странѣ, прошлое которой такъ живо и цѣнно рисуется на его страницахъ [31]).

Между тѣмъ, изучая этотъ памятникъ, эпоху его возникновенія и довольно обширную литературу о немъ, среди которой встрѣчаются очень цѣнныя и интересныя изслѣдованія и замѣтки, мы приходимъ къ глубокому и искреннему убѣжденію, что всего сдѣланнаго и написаннаго относительно Стоглава за послѣдніе слишкомъ сорокъ лѣтъ (послѣ его изданія въ полномъ видѣ) вполнѣ достаточно для того, чтобы съ научнымъ безпристрастіемъ рѣшить вопросъ о происхожденіи и подлинности Стоглава. Нашъ очеркъ и является посильной попыткой къ уясненію и разрѣшенію этого важнаго спорнаго вопроса.

Но прежде, чѣмъ остановиться на прошломъ и современномъ состояніи въ наукѣ вопроса о происхожденіи и значеніи Стоглава, постараться разобраться и оцѣнить различныя мнѣнія и высказать свои взгляды,—мы должны изложить исторію Стоглава, разсмотрѣть, какъ происходилъ соборъ и составилась соборная книга, насколько это необходимо для нашей основной цѣли и насколько намъ позволяютъ размѣры нашей статьи.

Современные Стоглавому собору русскіе лѣтописцы ничего не сказали объ этомъ соборѣ, на которомъ были подведены итоги всей предшествующей церковной жизни, такъ что, если бы не сохранилось самыхъ соборныхъ дѣяній, то мы могли бы не знать о существованіи собора 1551 г. [32]). Но историческія свѣдѣнія о соборѣ мы находимъ въ его дѣяніяхъ. Какъ упоминали мы выше, онъ созванъ былъ въ началѣ 1551 года и былъ открытъ „въ царскихъ палатѣхъ“, гдѣ и происхо-

---

[31]) Въ первый разъ въ полномъ видѣ Стоглавъ былъ изданъ въ Лондонѣ (у Трюбнера, въ 1860 г.). Отзывы объ этомъ изданіи см. въ предисловіи проф. Н. Субботина къ изданному имъ Стоглаву („Царьскіа вопросы и соборныя отвѣты о много различныхъ церковныхъ чинехъ“, Москва, 1890); Христ. Чтен. 1861 г., октябрь; „Богосл. Вѣстн.“ 1899 г. сентябрь, стр. 9. Ранѣе 1860 г. была напечатана въ „Актахъ Историческихъ“ (т. I, № 155, стр. 272—280) лишь часть Стоглава—„Статьи изъ соборнаго уложенія о святительскомъ судѣ“ (66—69 гл. Стоглава).

[32]) Въ настоящее время найдены извѣстія о Стоглавѣ у нѣкоторыхъ лѣтописцевъ XVII в. (О нихъ см. у проф. Е. Е. Голубинскаго, И. Р. Ц., т. II, п. I, стр. 773, прим. 1-ое). Но эти извѣстія, по вѣрному замѣчанію проф. Е. Е. Голубинскаго, не идутъ отъ лѣтописцевъ XVI в., а приписаны самими лѣтописцами XVII в. на основаніи Стоглава (историческое сообщеніе котораго о соборѣ,—гл. I нач., они дословно и воспроизводятъ).

дили его засѣданія, 23 февраля того же года. Предсѣдателемъ собора былъ митрополитъ Макарій. Въ составъ собора вошли всѣ епископы московской митрополіи (два архіепископа, семь епископовъ), архимандриты, игумены, строители монастырей, пустынники и духовные старцы изъ простыхъ монаховъ, протопопы и священники „со всѣми освященными соборы всего россійскаго царствія“ [33]). Кромѣ того, на соборѣ были и представители свѣтской власти: изъ обращенія царя къ членамъ собора видно, что тамъ присутствовали братья государя, бояре и другіе высшіе члены служилаго класса [34]), иначе говоря, члены боярской думы. Составъ собора показываетъ, какъ справедливо замѣтилъ проф. В. Н. Латкинъ, что онъ былъ соборомъ церковнымъ, а не земскимъ [35]). Открытіе собора послѣдовало съ особенною торжественностью въ присутствіи самого царя.

Іоаннъ открылъ соборъ двумя къ нему рѣчами: краткою устною, произнесенною имъ самимъ, и пространною письменною, которая была подана имъ собору и была по его приказанію прочтена. Вотъ что гласила устная рѣчь царя: „Молю (вар. „молю васъ“) святѣйиши отцы мои. аще обрѣтохъ благодать предъ вами. утвердите въ мя любовь, яко въ приснаго вамъ сына. и не обленитеся изрещи слово кблагочестію единомыслено о православной нашей христіанстей вѣре. и о благосостояніи святыхъ божиихъ церквахъ и нашемъ благочестивомъ царствіи. *и о устроеніи всего православнаго хрестьянства. зело бо желаю и срадуюся и согласую сослужебенъ съ вами быти вѣрѣ поборникъ.* въ славу святыя и животворящия и нераздѣльныя Троица. Отца и Сына и святаго Духа. въ хвалу же и славу благочестивыя нашия вѣры. и цер-

---

[33]) Стогл., гл. 1, 4, 52, 100, стр. 18, 46, 254, 429.

[34]) Вотъ это обращеніе Іоанна ко всѣмъ членамъ собора: „И вы господие (вар. „господие мои“) и святіи святителие. преосвященнейшии отецъ мой Макарій митрополитъ всеа русіи. и всѣ архіепископы и епископы и преподобные архимариты и честные игумены. и весь священный соборъ и иноцы. и прочии вси божии молебницы. такоже и братія моя вси любимии мои князи и боляре і воини і все православное хрестьянство. помогайте ми и пособствуйте вси единодушно...“ Стоглавъ, гл. 3, стр. 30—31.

[35]) В. Н. Латкинъ, „Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права“, Спб. 1890, стр. 70. Здѣсь же (на стр. 70—71) мы находимъ весьма обстоятельное опроверженіе взглядовъ проф. И. Н. Жданова, высказавшаго мнѣніе, будто „Стоглавый соборъ можно назвать столько же церковнымъ, сколько земскимъ соборомъ“ (Проф. И. Н. Ждановъ, „Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора“, Ж. М. Н. П., часть CLXXXVI (1876), стр. 54, прим. 1-ое).

ковныхъ уставовъ. тѣмъ же и всякому розгласию отныне далече быти повелѣваемъ. всякому же согласию и единомыслию содержатися внасъ“ [36]).

Во второй пространной письменной рѣчи, поданной государемъ собору [37]), содержится изложенiе задачи собора и мотивовъ, побудившихъ правительство созвать его. Обращаясь къ членамъ собора, царь проситъ ихъ заняться дѣломъ церковнаго исправленiя и указываетъ необходимость изданiя такого же уложенiя для церкви, какое уже было издано для государства. „Бога ради потружайтеся, говоритъ Iоаннъ, во еже исправити истинная и непорочная наша хрестьянская вѣра. иже отъ божественнаго писания во исправление церковному благочинию и царскому благозаконию и всякому земскому строению. и нашимъ единороднымъ и безсмертнымъ душамъ на просвященiе и на оживление. *и на утверждение истинныя православныя хрестьянския вѣры. дабы утверждена была и непоколебима въ роды и роды. и на вѣки.* и не врежена отъ душегубительныхъ волкъ и отъ всякихъ козней вражиихъ“ [38]).

Далѣе государь проситъ всѣхъ членовъ собора, духовныхъ и свѣтскихъ: „помогайте ми и пособствуйте вси единодушно вкупе и сплачемъ припадемъ къ человѣколюбцу Богу. да отверзетъ намъ умныя очи наша. и узримъ предъ собою вся грѣхи наша, еже содѣяхомъ злѣ. і во вся дни живота нашего“ [39]). Принося публичное покаянiе во многихъ и тяжкихъ грѣхахъ своей прошлой первой юности и „невѣдения“, когда онъ, по его словамъ, согрѣшилъ „предъ Богомъ и человѣки всякимъ законопреступлениемъ. еже немощно писаниемъ исписати и человѣческимъ языкомъ изглаголати“ [40]), и когда онъ, лишившись родныхъ, подчиняясь влiянiю своихъ любимцевъ, самовластно захватив-

[36]) Стоглавъ, гл. 2, стр. 25–26. Мы приводимъ эту рѣчь царя, какъ краснорѣчивое выраженiе религiозныхъ задачъ государственной власти и ихъ важности. Какъ мы видимъ, рѣчь царя заканчивается призывомъ къ согласiю и единомыслiю въ интересахъ самого дѣла. Этотъ призывъ былъ вызванъ фактомъ существованiя въ то время на Руси двухъ партiй, совершенно противоположныхъ по своимъ воззрѣнiямъ—партiи iосифлянъ и заволожскихъ старцевъ. См. у проф. Латкина, Лекцiи, стр. 71—72; Е. Голубинскаго, И. Р. Ц., т. II, п. I, стр. 777, 874—875. Ср. мнѣнiе проф. Е. Е. Голубинскаго о роли царя на Стоглав. соборѣ—ibid., стр. 776 и слѣд.

[37]) „И на томъ же соборе вдастъ царь своея руки писание. збоговдухновеннымъ наказаниемъ. и здушеполезнымъ покаяниемъ. зело полезно слышащимъ і внемлющимъ сия“. Стоглавъ, гл. 3, стр. 26—27. „Писанiе“ царя помѣщено въ Стоглавѣ на стр. 27—42.

[38]) Тамъ же, стр. 30.

[39]) Тамъ же, стр. 31.

[40]) Тамъ же, стр. 31.

шихъ власть въ свои руки [41]), допустилъ, чтобы многіе изъ его подданныхъ „межиусобною бѣдою потреблени быша злѣ“ [42]) и чтобы чинено было „бѣднымъ хрестьяномъ всякое насильство“,—государь приноситъ благодареніе Богу, обратившему его на путь добра и пробудившему въ немъ ненависть ко всѣмъ прежнимъ злымъ его дѣламъ [43]). Государь указываетъ на многія тяжкія бѣдствія, которымъ тогда подвергалась русская земля, и говоритъ о необходимости общаго покаянія и исправленія для всей земли, чтобы наконецъ не прекратилось Божіе долготерпѣніе, призывавшее казнями къ покаянію, чтобы не запустѣло царство русское, какъ запустѣли за свои грѣхи многія царства въ древнія и новыя времена [44]). Государь убѣждалъ пастырей, чтобы они первые подали примѣръ раскаянія и исправленія и вмѣстѣ молились объ отвращеніи бѣдъ, посылаемыхъ Богомъ за грѣхи людей. Затѣмъ государь усиленно проситъ „богособранный соборъ“ потрудиться для утвержденія истинной и православной христіанской вѣры, „во еже исправити и изъяснити по правиломъ святыхъ отецъ. *на сие бо и собрахъ васъ*“ [45]). Государь заканчиваетъ свою рѣчь слѣдующей замѣчательной просьбою: „аще ли азъ буду вамъ супротивенъ кромѣ божественныхъ правилъ вашему согласію. вы о семъ не умолкните. аще преслушникъ буду. воспретите ми безъ всякаго страха. да жива будетъ душа моя и всѣ подлежащии намъ“ [46]).

---

[41]) Тамъ же, стр. 35.

[42]) Тамъ же, стр. 35.

[43]) Тамъ же, стр. 36—37.

[44]) „...Вѣдаете и видите вся писанія въ ветхомъ законѣ и въ новой благодати. такоже и въ нынѣшнія времена (вар. „въ нынѣшнее время“) за всякія различныя грѣхи всякими различными казньми многіе грады разоришася. и людіе безъ вѣсти быша и великія царствія запустѣша. овы за гордость. а иные за братоненавидѣніе и за насиліе ко своимъ. многія же погибоша и за идолопоклоненіе. наипаче же горше всего зла за любодѣяніе и прелюбодѣяніе и за содомскій блудъ и за всякую нечистоту. многія царства изчезоша и безъ вѣсти быша...“ Стоглавъ, гл. 3, стр. 33.

[45]) „Азъ же о боголюбивый соборе, продолжаетъ Іоаннъ, отци святии за вѣру хрестьянскую и за истинный православный законъ. якоже предаде намъ церкви Божия. вкупе единодушно всегда есми съ вами исправляти и утверждати якоже наставитъ насъ Духъ Святый. Сице по вражію навѣту нѣкоторое поползновеніе будетъ чрезъ божественная правила вашимъ нерадѣніемъ во всякихъ нашихъ хрестьянскихъ законехъ безъ обличения. сему убо есмь азъ непричастенъ. вы о семъ дадите отвѣтъ въ день страшнаго суда“. Ст., гл. 3, стр. 41—42.

[46]) Стоглавъ, гл. 3, стр. 42. См. у проф. В. Н. Латкина, Лекціи, стр. 73; у Е. Е. Голубинскаго, И. Р. Ц., т. II, пол. I, стр. 778.

Третья (письменная) рѣчь государя къ собору [47]) касается предшествующей канонизаціи русскихъ святыхъ и, по вѣрному замѣчанію проф. В. Н. Латкина, не представляетъ изъ себя ничего особеннаго [48]). Зато послѣдняя (четвертая) рѣчь, произнесенная Іоанномъ на соборѣ [49]), представляетъ собою большой интересъ, такъ какъ она всецѣло посвящена государственнымъ, а не церковнымъ дѣламъ; въ ней государь призываетъ соборъ къ участію въ разрѣшеніи чисто свѣтскихъ дѣлъ—на разсмотрѣніе собора предлагается Царскій Судебникъ и уставныя грамоты: „Се и судебникъ передъ вами и уставные грамоты прочтите и разсудите чтобы было наше дѣло по Бозѣ въ родъ и родъ неподвижимо по вашему благословенію... чтобы всякое дѣло и всякие обычаи строилися по Бозѣ въ нашемъ царствіи. и при вашемъ святительскомъ пастырствѣ, а при нашей державѣ" [50]).

Но государь не ограничился произнесеніемъ и подачей однѣхъ только рѣчей, онъ пошелъ далѣе, принявъ болѣе активное участіе въ дѣлахъ собора. Такъ какъ главную задачу собора должно было составлять обновленіе и очищеніе церкви отъ всѣхъ существовавшихъ въ ней недостатковъ, то Іоаннъ далъ собору подробный и обстоятельный списокъ этихъ недостатковъ; онъ представилъ собору подробную программу, которою тотъ долженъ былъ руководствоваться въ дальнѣйшей своей дѣятельности. Эта программа состояла изъ отдѣльныхъ вопросовъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли характеръ цѣлыхъ законопроектовъ, и на которые соборъ долженъ былъ дать отвѣты [51]). Такихъ вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію собора, царь предложилъ 69,

---

[47]) „Потомъ царь вдастъ на соборѣ иная писанія о новыхъ чюдотворцехъ и о многихъ и различныхъ церковныхъ чинѣхъ и вопросѣхъ". Стоглавъ, гл. 3, стр. 43.

[48]) В. Н. Латкинъ, op. cit., стр. 73.

[49]) Мы думаемъ, что проф. Голубинскій едва ли правильно присоединяетъ эту рѣчь къ предыдущей—письменной: „... третья рѣчь царя къ собору, поданная на письмѣ (и отчасти устно произнесенная?)". Е. Е. Голубинскій, op. cit., стр. 780, 782.

[50]) Стоглавъ, гл. 4, стр. 47—48. „А которые обычаи, продолжаетъ царь, прежніе времена послѣ отца нашего великаго князя Василія Ивановича всеа русиі и до сего настоящаго времени поизшаталися или въ самовластіи учинено по своимъ волямъ или предніе законы которые порушены или ослабно дѣло небрегомо Божиихъ заповѣдей что творилося. и о всякихъ земскихъ строеніихъ и о нашихъ душахъ заблуженіи . о всемъ о семъ довольно себѣ духовнѣ посовѣтуйте. и на среди собора сие намъ возвѣстите. И мы вашего святительскаго совѣта требуемъ и совѣтовати съ вами желаемъ о Бозѣ утверждати нестройное во благо. а что наши нужи или которые земские нестроенія и мы вамъ о семъ возвѣщаемъ. и вы разсудя по правиломъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ утвержайте во общемъ согласии вкупѣ". Стоглавъ, гл. 4, стр. 48—49.

изъ нихъ 37 вопросовъ подалъ при самомъ открытіи собора [52]) и 32, спустя нѣкоторое время [53]). Дѣятельность собора состояла такимъ образомъ въ постановленіи приговоровъ относительно церковныхъ недостатковъ, указанныхъ въ вопросахъ царя [54]), съ нѣкоторымъ добавленіемъ недостатковъ и не перечисленныхъ въ царскихъ вопросахъ. Общее направленіе соборныхъ постановленій, по вѣрному замѣчанію проф. А. С. Павлова, въ высшей степени консервативное: при составленіи своихъ отвѣтовъ соборъ руководствовался наличными источниками церковнаго права и считалъ ихъ неприкосновенными [55]).

Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ соборъ, не давая прямыхъ отвѣтовъ на царскіе вопросы, рекомендовалъ царю издать свою „грозную царскую заповѣдь" о томъ, что было указано въ вопросѣ. Таковы, напримѣръ, соборные отвѣты на царскіе вопросы второй серіи: о волшебныхъ средствахъ, употреблявшихся тяжущимися „на полѣ", т. е. на судебныхъ поединкахъ [56]); о скоморошескихъ ватагахъ, бродившихъ по деревнямъ [57]); объ игрѣ зернію и пьянствѣ, которымъ въ особенности предавались служилые люди—дѣти боярскія [58]); о лживыхъ пророкахъ и пророчицахъ [59]), и объ употребленіи разныхъ волшебныхъ и гадательныхъ книгъ [60]). И дѣйствительно, уже въ слѣдующемъ 1552 году былъ изданъ царскій указъ, направленный противъ всѣхъ этихъ

---

[51]) Митрополитъ Платонъ въ своей „Краткой церковной россійской исторіи", касаясь царскихъ вопросовъ, характерно замѣчаетъ: „Зѣло похвальна таковая по благочестіи царская ревность, которая до того простиралась, что взошелъ онъ и въ самыя мелкости, даже и уваженія большаго нестоющія". „Краткая церковная россійская исторія", изд. 2-ое (Москва, 1823), т. II, стр. 31.

[52]) „О тридесяти седми царскихъ вопросѣхъ и о церковномъ строеніи". Стоглавъ, гл. 5, стр. 49 и слѣд.

[53]) „О тридесяти и дву царскихъ вопросехъ и соборные отвѣты по главамъ, на томъ же соборе царевы вопросы тридесять и два". Стоглавъ, гл. 41, стр. 165 и слѣд.

[54]) Главное содержаніе Стоглава составляютъ отвѣты на первые 37 царскихъ вопросовъ, болѣе главныхъ и существенныхъ; отвѣты же на послѣдующіе 32 вопроса, менѣе важные по содержанію и болѣе краткіе по объему, заключаются лишь въ одной 41-ой главѣ. Ср. взглядъ проф. И. Н. Жданова на дѣятельность Стоглаваго собора, op. cit., стр. 51—66.

[55]) А. С. Павловъ, Курсъ церковнаго права, стр. 171. Тамъ же указаны и источники Стоглава.

[56]) Стоглавъ, гл. 41, вопр. 17.

[57]) Вопр. 19.

[58]) Вопр. 20.

[59]) Вопр. 21.

[60]) Вопр. 22.

явленій въ народной жизни и содержащій въ себѣ подтвержденіе и нѣкоторыхъ другихъ соборныхъ постановленій. Указъ этотъ составляетъ одно изъ старѣйшихъ, именно второе дополненіе къ Царскому Судебнику [61]). Свои весьма сложныя занятія (результатомъ которыхъ была большая книга постановленій) соборъ окончилъ чрезвычайно быстро: онъ былъ торжественно открытъ 23 февраля 1551 года, а подъ 17 мая того же года въ жалованной несудимой грамотѣ Чухломскому Покровскому монастырю уже говорится о „новомъ соборномъ уложеніи", какъ о готовомъ и утвержденномъ кодексѣ законовъ русской церкви, по которому на будущее время долженъ былъ совершаться судъ [62]). А такъ какъ 11 мая 1551 года царь съ соборомъ епископовъ постановилъ приговоръ о томъ, чтобы впредь архіереямъ и монастырямъ ни у кого не покупать вотчинъ безъ доклада ему, государю [63]), и такъ какъ этотъ актъ надо признать за отдѣльный отъ дѣяній Стоглаваго собора, то нужно полагать, что занятія собора были закончены до 11 мая. Но надо и еще сократить время занятій собора, такъ какъ изъ дѣяній его видно, что соборное уложеніе, т. е. всѣ рѣчи царя предъ началомъ собора, царскіе вопросы и соборные на нихъ отвѣты, „было предано писанію" и прежде утвержденія было посылаемо на разсмотрѣніе къ бывшему митрополиту Іоасафу (Скрипицину) въ Троицкій Сергіевъ монастырь и другимъ находившимся тамъ на покоѣ властямъ и всѣмъ тамошнимъ соборнымъ старцамъ [64]). На эти посылки и разсмотрѣніе могло пойти

---

[61]) Проф. А. С. Павловъ, Курсъ церковнаго права, стр. 171.

[62]) А. И., т. I, № 125, стр. 183—186. Въ этой (подтвердит.) грамотѣ читаемъ между проч.: „Лѣта 7059 Маія въ 17 день, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, сеѣ грамоты слушалъ, и выслушавъ сю грамоту Покровского игумена Протасья съ братіею, или кто по немъ въ томъ монастырѣ иный игуменъ будетъ, пожаловалъ, велѣлъ имъ сю грамоту подписати на свое Царево и Великаго князя имя. А кому будетъ чего искати на игуменѣ съ братіею, ино ихъ судитъ Отецъ нашъ Макарей, Митрополитъ всеа Русіи, *по новому Соборному Уложенію*; а опричь святителскаго суда, Царь и Великій Князь сеѣ у нихъ грамоты рушати не велѣлъ никому ничѣмъ" (стр. 185—186).

[63]) Соборный приговоръ отъ 11 мая, составляющій въ казанскомъ изданіи 101 главу, заключаетъ въ себѣ опредѣленіе объ вотчинахъ, милостыняхъ и ругахъ. Стоглавъ, стр. 430—434. А. А. Э., т. I., № 227, стр. 218.

[64]) Стоглавъ, гл. 99 и 100. Митрополитъ Іоасафъ вмѣстѣ съ другими, выслушавъ „царское и святительское уложеніе соборное", призналъ его правильнымъ и полезнымъ для церкви, но сдѣлалъ нѣсколько возраженій противъ соборныхъ опредѣленій. Нѣкоторыя изъ возраженій м. Іоасафа были приняты во вниманіе и вошли въ текстъ Стоглава. Таковы постановленія: о раннихъ обѣдняхъ „для царскихъ служебниковъ и торговыхъ людей и больныхъ" (гл. 7); о запрещеніи неискуснымъ ма-

недѣли двѣ-полторы [65]); слѣдовательно, соборныя засѣданія должны были окончиться въ концѣ апрѣля, продолжаясь такимъ образомъ немногимъ болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Такова несложная исторія собора 1551 года, дѣянія котораго составляютъ довольно объемистую книгу [66]). Эта книга, не имѣющая никакого собственнаго названія или титула [67]), въ офиціальныхъ актахъ царя Іоанна и митрополита Макарія и позднѣйшихъ называется „соборнымъ уложеніемъ", а переписчиками названа „Стоглавникомъ", вслѣдствіе

стерамъ писать иконы (гл. 43); объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ статей монастырскаго устава въ Сергіевой лаврѣ и для постриженниковъ изъ „великихъ людей" (гл. 52); о льготахъ для запустѣвшихъ церквей (гл. 70), и о соединеніи мелкихъ пустыней въ одну (гл. 85).

[65]) Е. Е. Голубинскій, op. cit., стр. 775. Какъ видно изъ Стоглава, уложеніе было посылаемо въ Троицкій Сергіевъ монастырь съ троицкимъ игуменомъ Серапіономъ (Стоглавъ, гл. 99, стр. 415); но Серапіонъ пересталъ быть троицкимъ игуменомъ до 17 мая, такъ какъ не позднѣе этого числа на его мѣсто былъ назначенъ другой—Артемій. См. И. Р. Ц. митр. Макарія, т. VI, стр. 238, прим. 308. О значеніи факта посылки рѣшеній собора на разсмотрѣніе къ *бывшему* митрополиту и о характерѣ его замѣчаній см. у И. Н. Жданова (op. cit., стр. 212—215) и „Замѣтку для исторіи Стоглава" проф. Н. С. Тихонравова въ „Лѣтоп. русской литературы и древности", т. V, отд. III, стр. 141—142.

[66]) Книга эта, особенно больщая въ рукописномъ видѣ, даже и въ печатномъ казанскомъ изданіи (1862 г.) занимаетъ 429 страницъ, а съ приговоромъ 11 мая—434 стр.; въ изданіи же проф. Н. И. Субботина—411 стр. Стоглавъ извѣстенъ въ настоящее время въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Не имѣя возможности здѣсь съ должною полнотою коснуться этого важнаго вопроса, мы предполагаемъ сдѣлать это въ видѣ особаго очерка (о спискахъ и редакціяхъ Стоглава); теперь же скажемъ увѣренно, что Стоглавъ полной редакціи—въ изданіяхъ Казанской Духовной академіи и проф. Субботина—есть несомнѣнно подлинное соборное уложеніе 1551 года. Здѣсь мы считаемъ нужнымъ сдѣлать указаніе на нѣкоторую неполноту и неточность, вкравшуюся въ капитальный трудъ проф. Е. Е. Голубинскаго. Почтенный ученый, говоря о редакціяхъ Стоглава, замѣчаетъ, что Стоглавъ въ обширной редакціи былъ изданъ въ первый разъ Казанской Духовной академіей въ 1862 году „и *вторично* (курсивъ нашъ) г. Субботинымъ въ 1890 году". Еще въ 1887 году Казанская Дух. академія выпустила второе изданіе этого памятника („Стоглавъ". Изданіе второе. Казань. Типографія Императорскаго Университета. 1887). Правда, это изданіе есть буквальное воспроизведеніе прежняго, но лишь напечатанное въ большемъ форматѣ и болѣе убористо, такъ что съ приговоромъ отъ 11 мая занимаетъ всего лишь 202 страницы.

[67]) Оглавленіе, предшествующее книгѣ, надписывается: „Сказаніе главамъ въ настоящей сей книзѣ", или—„Главы книги сія"; въ нѣкоторыхъ же спискахъ вовсе нѣтъ оглавленія. Въ изданіи проф. Субботина названіе соборнымъ дѣяніямъ дано по началу оглавленія: „Царьскія вопросы и соборныя отвѣты о многоразличныхъ церковныхъ чинехъ".

дѣленія въ окончательной редакціи на сто главъ [68]); это послѣднее названіе въ нѣсколько измѣненномъ видѣ—„Стоглавъ“, и сохранилось за ней въ ученой литературѣ.

Выше было указано на то обстоятельство, что въ исторической наукѣ существуютъ два діаметрально противоположныхъ мнѣнія по вопросу о происхожденіи и подлинности Стоглава: одни изъ ученыхъ считаютъ дѣянія этого собора подлинными, неповрежденными, составленными самими отцами собора и имѣющими такимъ образомъ офиціальное, каноническое значеніе; другіе же, наоборотъ, отрицаютъ офиціальное происхожденіе Стоглава и стараются доказать, что дошедшія до насъ дѣянія этого собора надо считать его черновыми записями (или черновымъ проектомъ его), составленными тѣмъ или другимъ частнымъ лицомъ. Историческій очеркъ судебъ этого замѣчательнаго памятника и воззрѣній на его значеніе дастъ намъ возможность уяснить себѣ причины такой двойственности воззрѣній на Стоглавъ. Всѣ постановленія Стоглава, какъ увидимъ мы ниже, имѣли полную силу дѣйствующаго права, и Стоглавъ признавался каноническою книгою. Нѣкоторыя изъ постановленій Стоглава неоднократно были подтверждаемы свѣтскою и духовною властью въ теченіе XVI и XVII столѣтій. Извѣстно, напр., что соборный приговоръ о поповскихъ старостахъ былъ подтверждаемъ въ царствованіе Θеодора Ивановича и Бориса Годунова. Патріархи Филаретъ, Іоасафъ и Іосифъ руководились Стоглавомъ, какъ дѣйствующимъ кодексомъ, помѣщали обширныя извлеченія изъ него не только въ своихъ грамотахъ, но даже и въ печатныхъ церковныхъ книгахъ, а именно въ Служебникахъ и Требникахъ. Подобныя извлеченія изъ Стоглава мы встрѣчаемъ и во многихъ царскихъ указахъ. Такъ дѣло обстояло до собора 1667 года, когда офиціально были отмѣнены церковнымъ соборомъ постановленія Стоглаваго собора. Какъ оказалось впослѣдствіи, члены Стоглаваго собора, отчасти вслѣдствіе личныхъ заблужденій, отчасти же вслѣдствіе испорченности находившихся въ ихъ распоряженіи книгъ и списковъ, допустили и узаконили въ Стоглавѣ нѣкоторыя постановленія неканоническаго содержанія, несогласныя съ древнѣйшими правилами и обычаями православной церкви. Таковы именно постановленія о крестномъ знаменіи, аллилуіи и бритьѣ бородъ и усовъ. Соборъ предписываетъ всѣмъ православнымъ христіанамъ совершать крестное знаменіе не иначе, какъ двумя перстами, и всякое другое перстосложеніе для крестнаго знаменія объявляетъ злою ересью (гл. 31); такую же ересь видитъ соборъ въ троекратномъ произношеніи

[68]) „Глаголемая книга Стоглавникъ...“. Стоглавъ, стр. 1.

аллилуiи (гл. 42) и рѣшительно возстаетъ противъ бритья бородъ и усовъ, какъ противъ посягательства на дѣло рукъ Божiихъ (гл. 40) [69]). Вотъ почему Большой соборъ 1667 года, состоявшiй изъ патрiарховъ Паисiя Александрiйскаго и Макарiя Антiохiйскаго, представителей другихъ восточныхъ церквей и всѣхъ членовъ русскаго ,,освященнаго собора'', прямо говоритъ: „Соборъ, иже бысть при благочестивомъ великомъ государѣ, царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ, всея Россiи самодержцѣ, отъ Макарiя митрополита московскаго, что писаша о знаменiи честнаго креста, сирѣчь о сложенiи двою перстовъ и о сугубой аллилуiи, и о прочемъ, еже писано неразсудно простотою и невѣжествомъ въ книзѣ Стоглавѣ, и клятву, юже безъ разсужденiя и неправедно положиша, мы, православнiи патрiарси и весь освященный соборъ, тую неправедную и безразсудную клятву Макарiеву и того собора разрѣшаемъ и разрушаемъ; и той соборъ не въ соборъ, и клятву не въ клятву, и ни во чтоже вмѣняемъ, якоже и не бысть, зане той Макарiй митрополитъ и иже съ нимъ мудрствоваше невѣжествомъ своимъ безразсудно" [70]). Итакъ, постановленiе собора 1667 г. признаетъ Стоглавъ неразумнымъ, а не подложнымъ.

Но и Большой московскiй соборъ 1667 года отмѣнилъ не всѣ постановленiя Стоглава, но лишь только тѣ, которыя благопрiятствовали раскольникамъ, а потому и послѣ этого собора Стоглавъ употреблялся у насъ, какъ книга законная, какъ источникъ дѣйствующаго церковнаго права. Такъ, послѣднiй патрiархъ Адрiанъ въ 1700 году на вопросъ бояръ [71]), занимавшихся составленiемъ новаго уложенiя, чѣмъ руководятся духовныя власти въ рѣшенiи подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ, отвѣчалъ, что онъ руководится въ церковномъ судѣ и управленiи, послѣ Кормчей книги, Стоглавомъ и дѣянiями московскаго собора 1667 года. Вслѣдъ за тѣмъ патрiархъ по вопросамъ упомянутой палаты приказалъ внести въ тетрадь нужныя выписки законовъ какъ изъ Кормчей, такъ изъ Стоглава и дѣянiй собора 1667 года, при

---

[69]) „Дѣйствительно, не высока была степень образованiя духовныхъ iерарховъ, издавшихъ постановленiя, въ которыхъ безразличному религiозному обряду и естественной особенности мужского лица придано такое догматическое значенiе, какое доселѣ придается имъ нашими раскольниками" (Проф. А. С. Павловъ, Курсъ церковнаго права, стр. 172). См. И. Р. Ц. митроп. Макарiя, т. VI, стр. 233—236. См. также статью Ил. В. Бѣляева „Объ историческомъ значенiи дѣянiй московскаго собора 1551 года" („Р. Бесѣда", 1858, IV, стр. 29 и слѣд.), гдѣ указано близкое отношенiе обычая брадобритiя къ нравственнымъ язвамъ того времени.

[70]) Доп. А. И., т. V, № 102, стр. 487. Это опредѣленiе собора встрѣтило сильную оппозицiю со стороны раскольниковъ.

[71]) 22 февраля того же года.

чемъ изъ Стоглава было выписано слово въ слово все съ 53 до 64-ой главы и, сверхъ того, извлечены отдѣльныя мѣста изъ 66 и 68-ой главъ. И эта тетрадь въ мартѣ того же 1700 года, за скрѣпою дьяковъ, по повелѣнію патріарха была отправлена въ палату къ боярамъ, которые сидѣли за сочиненіемъ новаго уложенія [72]). „Такимъ образомъ,—справедливо замѣчаетъ проф. А. С. Павловъ,—цѣлыя полтора столѣтія Стоглавъ признавался у насъ источникомъ дѣйствующаго церковнаго права“ [73]).

Какъ было сказано выше, постановленія Стоглаваго собора весьма уважаются старообрядцами. Стоглаву и до настоящаго времени они усвояютъ каноническое значеніе и тѣмъ съ большею рѣшительностію ссылаются на нѣкоторыя его постановленія, что послѣднія благопріятствуютъ ихъ мнѣніямъ [74]). Поэтому-то Стоглавый соборъ, съ самаго появленія въ русской церкви раскола старообрядчества, получилъ, по вѣрному выраженію одного изъ изслѣдователей этого памятника—доцента Н. И. Лебедева [75]), „особенное и спеціальное значеніе“. Такъ какъ Стоглавъ утверждаетъ авторитетомъ церковной власти нѣкоторыя обрядовыя мнѣнія раскольниковъ, отвергнутыя соборомъ 1667 г., то „раскольники стали видѣть въ немъ свою главную опору, а православные своего самаго страшнаго врага“ [76]). Соотвѣтственно этому „спеціальному значенію“ Стоглава въ русской церкви, опредѣлялся и характеръ историческихъ изслѣдованій объ этомъ выдающемся памятникѣ московскаго законодательства. Но полемика противъ раскола, доказывая всѣ погрѣшности и ошибки Стоглава и право Большого собора 1667 г., какъ собора позднѣйшаго и болѣе авторитетнаго, отмѣнить силу постановленій собора 1551 года, въ теченіе XVII вѣка и далѣе въ XVIII столѣтіи не переставала признавать подлинность и офиціальность дѣяній этого собора. Иную постановку полу-

---

[72]) „Православное Обозрѣніе“, т. XI, 1863, стр. 202. Отвѣтъ патріарха, вмѣстѣ съ разными выписками, напечатанъ Калачовымъ въ прилож. къ статьѣ о Кормчей (Чтен. М. И. Общ. 1847 г., III, отд. I, стр. 88; IV, отд. I, стр. 11—80). Митрополитъ Макарій, И. Р. Ц., т. VI, стр. 246, прим. 321.

[73]) Курсъ церковнаго права, стр. 174. См. также мнѣніе проф. И. Д. Бѣляева о вліяніи Стоглава на составителей Духовнаго Регламента, „Правосл. Обозр.“, т. XI, 1863, стр. 211—212.

[74]) Проф. Н. И. Субботинъ, предисловіе къ Стоглаву, стр. 5.

[75]) Н. И. Лебедевъ, „Стоглавый соборъ (1551 г.). Опытъ изложенія его внутренней исторіи“ (Чтен. въ Общ. Люб. Д. Просв. 1882, январь, стр. 19. Это же изслѣдованіе имѣется отдѣльно). См. также его капитальную работу: „Макарій митрополитъ Всероссійскій“ (въ Чт. Общ. Л. Д. Пр. 1877—1881 г. и отдѣльно—М. 1881).

[76]) Н. И. Лебедевъ, Стоглавый соборъ, стр. 19.

лучилъ этотъ вопросъ въ началѣ XIX столѣтія, когда, въ видахъ полемики съ раскольниками, съ легкой руки митрополита Платона (Левшина), было заподозрѣно офиціальное происхожденіе Стоглава [77]. Митрополитъ Платонъ въ своемъ сочиненіи „Краткая церковная россійская исторія“ говоритъ о Стоглавомъ соборѣ слѣдующее: „Что былъ сей соборъ и на немъ были о предложенныхъ отъ царя вопросахъ разсужденія и заготовлены на то положенія, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Но чтобы тотъ соборъ тѣ положенія утвердилъ, никакъ нельзя увѣриться, *первое* потому, что нигдѣ не находится подлиннаго соборнаго дѣянія, за руками бывшихъ на соборѣ. *Второе*, что нигдѣ въ лѣтописцахъ о семъ соборѣ ни мало не упоминается; хотя о прочихъ бывшихъ и не столь важныхъ соборахъ не оставили написать. *Третее*, что и въ самыхъ степенныхъ книгахъ, написанныхъ о всѣхъ дѣлахъ царствованія Ивана Васильевича, особливо церковныхъ, самимъ митрополитомъ Макаріемъ, ни мало о семъ не упомянуто“ [78]. Отсюда начинается рядъ изслѣдователей, отрицающихъ офиціальное происхожденіе Стоглава.

„Нужно сознаться,—глубоко вѣрно и правдиво говоритъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ его изслѣдователей—Н. И. Лебедевъ,—что историческія сужденія о Стоглавѣ православной науки до послѣдняго времени держались не выше раскольничьихъ. Русская православная церковно-историческая наука съ самаго своего зарожденія и до послѣдняго времени *никогда не относилась къ Стоглаву безпристрастно, а при изслѣдованіи его всегда задавалась цѣлями полемическими*“ [79]. Говоря о томъ, что вслѣдствіе такого характера изслѣдованій не все содержаніе Стоглава сдѣлалось предметомъ историческаго изученія, а только сравнительно небольшая и не самая важная часть его, и что вниманіе ученыхъ сосредоточилось на тѣхъ мѣстахъ Стоглава, которыя составляютъ спорные пункты между православными и раскольниками, покойный Н. И. Лебедевъ справедливо говоритъ далѣе: „Такъ какъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ опроверженію раскольничьихъ мнѣній казалось то, если бы доказать, что Стоглаваго собора совсѣмъ не было, или, что, если онъ былъ, то отъ него не сохранилось актовъ, или, что сохранившіеся акты попорчены, или, по самому своему характеру, эти акты не имѣютъ значенія офиціальныхъ бумагъ,—то

---

[77]) Объ этомъ см. Е. Е. Голубинскій, op. cit., стр. 782—783.

[78]) „Краткая церковная россійская исторія, сочиненная преосвященнѣйшимъ Платономъ“, изд. 2-ое, томъ II, стр. 34—36.

[79]) Н. И. Лебедевъ, Стоглавый соборъ (Опытъ изложенія его внутренней исторіи), стр. 20. Курсивъ нашъ.

усилія церковно-исторической критики (это одинъ изъ первыхъ у насъ опытовъ критики), при изслѣдованіи Стоглава, направлены были къ тому, чтобы или совсѣмъ отвергнуть самое существованіе собора, или подлинность сохранившихся его актовъ, или ихъ неповрежденность, или офиціальный характеръ и т. д. Много было потрачено труда, остроумія, учености на изслѣдованіе Стоглава, но *рѣдко когда критическія усилія направлялись съ такимъ жаромъ въ ущербъ исторической истинѣ, какъ въ данномъ случаѣ* [80]). Сокращая объемъ изслѣдованій о Стоглавѣ, запирая ихъ въ довольно узкія рамки, ограничивая только противо-раскольничьими предметами, полемическое направленіе имѣло вліяніе, само собою понятно, на характеръ изслѣдованій и о самыхъ этихъ предметахъ. *Научный историческій элементъ исчезъ рѣшительно, все стало на служеніе полемикѣ*" [81]). Таковъ суровый, но и справедливый, какъ будетъ доказано ниже, приговоръ ученаго спеціалиста о характерѣ и направленіи изысканій послѣдователей митрополита Платона [82]). Мнѣніе московскаго іерарха, „съ цѣлію приведенія его въ ближайшее соотвѣтствіе интересамъ полемики" [83]), было лишь видоизмѣнено такъ, что Стоглавъ представляетъ собою черновыя записки собора 1551 года, передѣланныя уже послѣ него какимъ-то частнымъ лицомъ.

Филаретъ, архіепископъ черниговскій, въ небольшой статьѣ, помѣщенной въ № 12 „Москвитянина" за 1845 годъ („Нѣсколько словъ о книгѣ Стоглавъ"), высказываетъ такой взглядъ на Стоглавъ: „Стоглавъ не имѣетъ юридическаго значенія, какъ неимѣющій подписи отцовъ, и достоинство его не можетъ восходить выше черновыхъ записокъ собора, передѣланныхъ неизвѣстнымъ лицомъ послѣ 1554 года" [84]). Такой же взглядъ высказываетъ онъ на Стоглавый соборъ и въ своей

---

[80]) Курсивъ нашъ.

[81]) Н. И. Лебедевъ, Стоглавый соборъ, стр. 20.

[82]) „...Только въ нынѣшнемъ столѣтіи,—пишетъ въ 1863 году издатель наказныхъ списковъ Стоглава Илья В. Бѣляевъ („Наказные списки соборнаго уложенія 1551 г.", Москва, 1863),—когда изсякло въ общей массѣ людей образованныхъ, а затѣмъ неизбѣжно и въ духовенствѣ, жизненное традиціонное знаніе русской старины и не замѣнилось отчетливымъ научнымъ изученіемъ ея, возможны стали личныя мнѣнія о поддѣлкахъ, неофиціальности Стоглава". „Это замѣчаніе,—говоритъ другой изслѣдователь Стоглава проф. И. Д. Бѣляевъ,—такъ вѣрно и настолько подтверждается ближайшею исторіею нашей общественной жизни и литературы, что противъ него не можетъ и быть дѣльныхъ возраженій". „Памятники русскаго церковнаго законодательства. Стоглавъ и наказные списки по Стоглаву" („Православное Обозрѣніе", т. XI, 1863), стр. 204. См. у него же, стр. 204—206.

[83]) По выраженію профессора Е. Е. Голубинскаго (И. Р. Ц., т. II, пол. I, стр. 783).

[84]) „Москвитянинъ" 1845 г., ч. VI, № 12, отд. 1, стр. 136.

„Исторіи русской церкви“ [85]). Мы не станемъ приводить выдержекъ изъ многочисленныхъ авторовъ, старавшихся отвергнуть подлинность актовъ Стоглаваго собора, ихъ неповрежденность и ихъ официіальный характеръ [86]), такъ какъ это безъ всякой пользы для дѣла (вслѣдствіе однообразія аргументовъ) слишкомъ увеличило бы объемъ нашего очерка; да и не въ детальномъ, мелочномъ опроверженіи этихъ взглядовъ, преслѣдовавшихъ полемическія цѣли (и уже нерѣдко и опровергнутыхъ другими учеными), кроется разъясненіе изслѣдуемаго нами вопроса: въ настоящее время имѣется уже достаточно вѣскихъ данныхъ для того, чтобы вполнѣ научно доказать офиціальный характеръ Стоглава, подлинность и неповрежденность этого кодекса. Знакомясь со взглядами, высказанными учеными, старавшимися доказать неофиціальный характеръ Стоглава, невольно вспоминаешь слова Н. И. Лебедева, что этими изслѣдователями „много было потрачено труда, остроумія, учености“, „но рѣдко когда критическія усилія направлялись съ такимъ жаромъ въ ущербъ исторической истинѣ, какъ въ данномъ случаѣ“ [87]). Изъ ученыхъ, раздѣлявшихъ взгляды (въ нѣсколько измѣненномъ видѣ) архіепископа Филарета, мы назовемъ епископа (впослѣдствіи митрополита) Макарія (Булгакова) [88]), казанскаго издателя Стоглава И. М. Добротворскаго (въ предисловіи къ послѣднему [89]) и въ статьѣ „Дополнительныя объясненія къ изданію Стоглава“) [90]) и нѣкоторыхъ другихъ [91]).

---

[85]) Архіепископъ Филаретъ (Гумилевскій). Исторія русской церкви. Періодъ третій, отъ раздѣленія митрополіи до учрежденія патріаршества (1410—1588). Изданіе 5-е (Москва, 1888). § 36, примѣч. 2-е, стр. 201—202.

[86]) Какъ справедливо замѣтилъ покойный профессоръ А. С. Павловъ, взглядъ на неподлинность Стоглава держался и держится „въ особенности въ духовной“ нашей литературѣ. А. С. Павловъ, Курсъ церковнаго права, стр. 172.

[87]) Н. И. Лебедевъ, Стоглавый соборъ, стр. 20.

[88]) „Исторія русскаго раскола“, Спб., 1855, стр. 43—54. Митрополитъ Макарій впослѣдствіи отказался отъ своихъ прежнихъ взглядовъ на Стоглавъ. См. его И. Р. Ц., т. VI, стр. 220 и слѣд.

[89]) „Стоглавъ“, предисловіе, стр. III—VII.

[90]) „Православный Собесѣдникъ“, 1862, ч. III, стр. 297—339. Прекрасный критическій очеркъ о предисловіи и послѣсловіи къ казанскому изданію Стоглава (1862 г.) въ цит. статьѣ профессора И. Д. Бѣляева: „Памятники русскаго церковнаго законодательства. Стоглавъ и наказные списки по Стоглаву“, стр. 189—215. Взгляды казанскаго издателя Стоглава на этотъ памятникъ раздѣляетъ и проф. И. Н. Ждановъ въ своемъ изслѣдованіи: „Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора“. Вотъ какъ формулируетъ свои взгляды почтенный ученый: „Послѣ того, какъ перестали сомнѣваться въ подлинности Стоглава, много спорили о томъ, слѣдуетъ ли считать Стоглавъ книгою канонической, или нѣтъ. Называли Стоглавъ то „дѣяніями собора

Какъ мы видимъ, въ подтвержденіе взглядовъ на неофиціальный характеръ Стоглава сторонники такого мнѣнія главнымъ образомъ ссы-

---

51 г.", то „записками о дѣяніяхъ", то, наконецъ, „соборнымъ уложеніемъ". Каждое изъ этихъ мнѣній имѣло своихъ защитниковъ, и, нужно сознаться, всѣ они имѣли свои достаточныя основанія, которыя такимъ образомъ взаимно нейтрализовали одно другое. Не гоняясь за точностью каноническихъ терминовъ, всего вѣрнѣе, какъ мнѣ кажется, назвать Стоглавъ именно извлеченіемъ, изборникомъ изъ дѣяній собора. Изборникъ этотъ могъ и долженъ былъ служить „исторической основой и матеріаломъ" (какъ удачно выразился г. Добротворскій въ Правосл. Собесѣдн. 1862 г., III, 302; вообще статьи г. Добротворскаго - лучшее пособіе при изученіи Стоглава) для такихъ чисто-законодательныхъ памятниковъ, какъ царскіе и соборные наказы и грамоты". Ж. М. Н. Пр., часть CLXXXVI (1876), стр. 65—66, прим. 1-е.

[91]) Къ нимъ принадлежитъ между прочимъ архіепископъ Никаноръ. Послѣдній, разсуждая о неофиціальномъ происхожденіи Стоглава, старается рѣшить вопросъ, кто написалъ его, и даже рисуетъ картину исторіи написанія Стоглава. Говоря, что вопросы для царя писалъ кто-нибудь изъ ближайшихъ его людей, и что царь отъ своего имени передалъ ихъ собору, преосвященный Никаноръ, въ рѣшеніи вопроса, кто же именно писалъ эти вопросы, приходитъ къ выводу, что „болѣе чѣмъ вѣроятно, почти что несомнѣнно, что попъ Сильвестръ". „Я почти убѣжденъ, что это онъ изобразилъ царю состояніе церкви въ слишкомъ мрачныхъ краскахъ, онъ убѣдилъ царя созвать Стоглавый соборъ для уврачеванія церковныхъ недуговъ, онъ же составилъ для царя и вопросы, которые царь предложилъ собору". „Болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ же, какъ ближайшій другъ и совѣтникъ царскій, безъ сомнѣнія усиливался и орудовать на соборѣ, распредѣлять предметы разсужденій, въ извѣстную сторону направлять соборныя совѣщанія, вообще руководить дѣяніями собора: онъ же Сильвестръ написалъ и проэктъ опредѣленій Стоглаваго собора. И вникните, кто изъ васъ можетъ, въ пошибъ писанія вопросовъ и отвѣтовъ: пошибъ тамъ и здѣсь совершенно одинъ и тотъ же. Явно, рука, которая писала вопросы, та же рука чертила и отвѣты. А вопросы писалъ Сильвестръ, это почти несомнѣнно... Бѣда вышла только та, что онъ писалъ, да отъ лишняго усердія и самодумства и переписалъ, почему его слишкомъ мрачныхъ писаній никто и не подписалъ" („О перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія", Спб. 1890, стр. 241—243). Ср. объ этихъ соображеніяхъ арх. Никанора прим. 1-е, на стр. 216 въ „Богословскомъ Вѣстникѣ", 1899, октябрь. См. изслѣдованіе проф. И. Н. Жданова: „Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора", стр. 79, прим. 1-е, гдѣ признается совершенно основательнымъ взглядъ, высказанный раньше Ил. В. Бѣляевымъ („Русская Бесѣда", 1858 г. IV, отд. III, стр. 13—14), что „всякій, кто прочтетъ сочиненія этого замѣчательнаго писателя (т. е. Максима Грека) и послѣ нихъ Стоглавъ, не можетъ не замѣтить вліянія не только мыслей, но даже иногда и выраженій Максима на мысли и выраженія царя Іоанна въ его вопросахъ собору"... Ср. также у митр. Макарія И. Р. Ц., т. VI, стр. 236—237. Въ послѣднее время на страницахъ „Богословскаго Вѣстника" (1899, сентябрь и октябрь, стр. 1—39, 196—231) появилась статья нѣкоего Л. И: „Новооткрытый рукописный Стоглавъ 16 вѣка"; авторъ этой статьи довольно неудачно пытается возстановить взглядъ на Стоглавъ митрополита Платона и архіепископа Филарета.

лаются, во-первыхъ, на то, что до насъ не сохранилось подлинника этой книги, утвержденнаго подписями членовъ собора [92]); во-вторыхъ, что существующіе списки Стоглава разнятся между собою по формѣ и отчасти по самому содержанію [93]). Но противъ перваго довода должно замѣтить, что до насъ не сохранился и подлинникъ Царскаго Судебника съ подписями царя и бояръ, принимавшихъ участіе въ его составленіи, но никто, однако, на этомъ основаніи не отрицаетъ его подлинности [94]). Что же касается до разнообразія списковъ и редакцій Стоглава, „то это явленіе, по словамъ глубокаго знатока памятниковъ каноническаго права, покойнаго профессора А. С. Павлова, можно наблюдать въ судьбѣ любого древняго юридическаго памятника, употреблявшагося въ частныхъ спискахъ, а не въ печатныхъ изданіяхъ. Каждый или почти каждый переписчикъ первоначальнаго *подлиннаго* текста такихъ памятниковъ могъ быть вмѣстѣ и его редакторомъ, т. е. могъ дѣлать въ этомъ текстѣ разныя перемѣны, дополнялъ его, сокращалъ, или излагалъ отдѣльныя мѣста по своему личному разумѣнію. То же, конечно, было и съ соборною книгою 1551 г.“ [95]).

„Но въ настоящее время,—весьма справедливо говоритъ проф. Е. Голубинскій,—уже не можетъ подлежать никакому спору и сомнѣнію, что соборъ не только написалъ свои постановленія, но и утвердилъ и обнародовалъ ихъ собраніе, какъ законодательный кодексъ, и что мы имѣемъ собраніе постановленій, какъ таковой кодексъ, въ книгѣ, называемой Стоглавникомъ или Стоглавомъ“ [96]). Дѣйствительно, существуютъ неопровержимыя доказательства официальнаго происхожденія Стоглава и его подлинности. Намъ подтверждаетъ это длинный рядъ современныхъ этому кодексу официальныхъ свидѣтельствъ, что соборъ 1551 года составилъ и утвердилъ свое „соборное уложе-

---

[92]) По описи казны государевой мастерской палаты (№ 610) 1720 года, въ этой палатѣ находилась: „Книга о вопросахъ и отвѣтахъ о различныхъ церковныхъ чинахъ, вел. гос. ц. и в. кн. Іоанна Васильевича Макарію митрополиту, въ красномъ бархатѣ съ бляхами и серебр. застежками; писана полууставомъ, въ полдесть“. А. Викторовъ, „Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ 1584—1725 г.“, в. I, М. 1887, стр. 229, л. 197. Ср. Е. Е. Голубинскаго, И. Р. Ц., т. II, пол. I, стр. 784.

[93]) Объ этомъ см. у проф. А. С. Павлова, Курсъ церковнаго права, стр. 172.

[94]) По этому поводу митрополитъ Макарій говоритъ: „Была ли тогда (послѣ посылки на разсмотрѣніе соборной книги къ бывшему митр. Іоасафу) книга Стоглавъ подписана всѣми присутствовавшими на соборѣ, неизвѣстно; но она могла остаться и не подписанною, потому что заключала въ себѣ не одни постановленія собора, а и дѣянія его, *вовсе не требовавшія подписей*“ (курс. нашъ). И. Р. Ц., т. VI, стр. 227—228.

[95]) Курсъ церковнаго права, стр. 172—173.

[96]) И. Р. Ц. т. II, пол. I, стр. 783.

ніе", по которому на будущее время должны были производиться церковное управленіе и совершаться церковный судъ. Какъ упоминали мы выше, въ подтвердительной приписке царя Іоанна IV на грамотѣ Покровскому Чухломскому монастырю (отъ 17 мая 1551 года) читается: „А кому будетъ чего искати на игуменѣ съ братіею, ино ихъ судитъ отецъ нашъ Макарей, митрополитъ всеа Русіи, по новому соборному уложенію" [97]). Въ грамотѣ митрополита Макарія новгородскимъ священникамъ и архіепископу Серапіону отъ 21 мая того же 1551 года сказано: „а судити („архіепископлимъ бояромъ и дьякомъ судъ впредь") по соборному уложенію... и о всемъ потому чинити, какъ въ соборномъ уложеніи писано" [98]). Жалованная несудимая грамота царя новгородскому Юрьеву монастырю отъ 29 мая 1551 года гласитъ: „а о архіепискуплѣ судѣ учинити бъ мнѣ (царю) имъ (т.-е. архимандриту съ братіею) указъ по новому соборному уложенію" [99]). Въ соборномъ приговорѣ объ учрежденіи въ Москвѣ поповскихъ старостъ, постановленномъ въ концѣ 1551 г., мы находимъ: „и придастъ (митрополитъ) имъ (т. е. старостамъ) законъ божественныхъ писаній соборнаго уложенія" [100]). Въ царскомъ наказѣ объ обязанностяхъ поповскихъ старостъ, посланномъ въ Заволочье въ декабрѣ 1551 года, мы находимъ слѣдующее мѣсто: „о всѣхъ церковныхъ чинѣхъ и о вашемъ священническомъ пребываніи буди вамъ наказъ и соборное уложеніе отца нашего Макарьи, митрополита всея Русіи" [101]). Мы не будемъ перечислять здѣсь всѣхъ свидѣтельствъ официальныхъ памятниковъ, подтверждающихъ, что Стоглавый соборъ издалъ свое „соборное уложеніе", по которому должно было производиться церковное управленіе и совершаться церковный судъ на будущее время. Изъ нѣкоторыхъ этихъ свидѣтельствъ видно, что духовенство несомнѣнно и поступало „по царскому совѣту и по соборному уложенію" [102]).

[97]) А. И. т. I, № 125, стр. 185.

[98]) Стоглавъ, гл. 100, стр. 421, примѣч. То же самое мы читаемъ и въ грамотѣ митрополита Макарія новгородскимъ священникамъ отъ 26 іюня 1551 года. А. А. Э., т. I, № 229, стр. 221.

[99]) Дополн. къ А. И. т. I, № 46, стр. 63.

[100]) А. А. Э. т. I, № 232, стр. 227.

[101]) Тамъ же, № 231, стр. 226.

[102]) Въ грамотѣ новгородскаго архіепископа Пимена во Псковъ отъ 20 августа 1556 года предписывается псковскому духовенству поступать относительно избранія поповскихъ старостъ „по царскому совѣту и по соборному уложенію" и далѣе дается знать, что духовенство такъ и поступало. Объ этомъ см. „Описаніе рукописей и каталогъ книгъ церковной печати библіотеки А. И. Хлудова" (Москва, 1872 г.), стр. 215—216. См. А. И., т. I, № 154, II, стр. 252; А. А. Э., т. I, № 244, стр. 267. Доп. А. И., т. I, №№ 48 и 114, стр. 68 и 161.

Но еще болѣе неопровержимыми доказательствами офиціальнаго происхожденія и подлинности Стоглава являются сравнительно недавно открытые офиціальные документы, имѣющіе непосредственное отношеніе къ нему, такъ называемые *наказы или наказные списки или же грамоты по соборному уложенію 1551 г.* Эти наказные списки неопровержимо и ясно доказываютъ, что „соборное уложеніе", о которомъ упоминаютъ приведенныя выше свидѣтельства офиціальныхъ памятниковъ, есть именно та книга, тотъ сборникъ, который извѣстенъ намъ подъ названіемъ Стоглава. Наказные списки—такіе документы, однообразная форма которыхъ была составлена на самомъ соборѣ 1551 г., и которые были назначены для офиціальной публикаціи соборныхъ постановленій по епархіямъ, потому что Стоглавъ въ цѣломъ своемъ составѣ былъ неудобенъ для публикаціи и общаго употребленія, такъ какъ въ немъ содержались не одни только постановленія собора, но и всѣ соборные акты, не во всѣхъ своихъ частяхъ имѣющіе юридическое значеніе [103]). Такъ какъ порядокъ и редакція этихъ выписокъ изъ Стоглава въ формѣ наказныхъ списковъ является тождественной, т. е. въ нихъ наблюдается одинаковый порядокъ и та же редакція выписокъ (при чемъ есть небольшая разница только въ томъ, что нѣкоторые изъ этихъ списковъ представляютъ лишь меньше выписокъ изъ Стоглава), то естественно заключить, что уже на самомъ соборѣ 1551 года была составлена общая, однообразная форма архіерейской наказной грамоты по новому соборному уложенію. На это, какъ справедливо замѣтилъ профессоръ А. С. Павловъ, прямо указываютъ типическія слова наказныхъ списковъ: „такожъ есмя нынѣ послали къ вамъ, *по цареву совѣту и по повелѣнію*, и по его царевымъ вопросомъ *сіе соборное посланіе*, вкратцѣ написавъ о многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ" [104]).

Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ проф. Е. Е. Голубинскаго относительно причинъ появленія наказныхъ списковъ. Почтенный ученый говоритъ, что „такъ какъ *соборное уложеніе 1551 года, по причинѣ его обширнаго объема, не могло быть разсылаемо всюду въ подлинномъ видѣ, потому что совершенно невозможно было бы изготовить потребнаго количества его списковъ* [105]), то разсылаемы были сокращенныя выписи изъ него, въ современныхъ офиціальныхъ актахъ называемыя наказами, а отъ нѣкоторыхъ ученыхъ получившія названія наказныхъ

[103]) А. С. Павловъ, Курсъ церковнаго права, стр. 173. См. также митрополита Макарія, И. Р. Ц. т. VI, стр. 239.

[104]) А. С. Павловъ, „Еще наказный списокъ по Стоглаву". Записки Императорскаго Новороссійскаго университета, т. IX (Одесса, 1873 г.), стр. 2.

[105]) Курсивъ нашъ.

списковъ" [106]). Не только большой объемъ Стоглава, но главнымъ образомъ свойство его содержанія было причиною появленія наказовъ, или наказныхъ списковъ, потому что Стоглавъ въ полномъ видѣ, содержа въ себѣ и дѣянія собора (акты собора) и многочисленныя выписки по различнымъ вопросамъ [107]), былъ „неудобенъ для публикаціи и общаго употребленія" (по вѣрному выраженію проф. А. С. Павлова), такъ какъ отдѣльныя части и мѣста этого кодекса имѣли различное юридическое достоинство и значеніе. Объемъ Стоглава (обширный) могъ имѣть лишь *нѣкоторое* значеніе: онъ могъ только увеличивать трудность его переписки и замедлять появленіе его копій, но онъ не могъ быть исключительной причиной сокращенія Стоглава въ формѣ наказныхъ списковъ, въ которыхъ помѣщались лишь узаконенія, относившіяся къ тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, къ которымъ посылались эти наказы.

Дѣйствительно, наказные списки, представляя собою все церковно-законодательное содержаніе Стоглава, относятся къ этому послѣднему, какъ исполнительные указы къ подлиннымъ соборнымъ опредѣленіямъ 1551 г. Въ Стоглавѣ, по вѣрному замѣчанію митрополита московскаго Макарія (Булгакова), содержатся и дѣянія собора и постановленія, а не одни только послѣднія [108]). Къ дѣяніямъ или актамъ соборнымъ относятся: историческое извѣстіе о соборѣ [109]), царскія посланія, рѣчи и вопросы къ духовному собору [110]), всѣ болѣе или менѣе обширныя выписки изъ различныхъ церковныхъ книгъ, которыя служили матеріаломъ или основаніемъ для самыхъ опредѣленій собо-

---

[106]) И. Р. Ц., т. II, п. I, стр. 784—785, прим. I-ое. Въ другомъ мѣстѣ по этому же вопросу проф. Голубинскій говоритъ: „Но это обнародованіе (Стоглава) не могло совершиться такъ, чтобы всюду, куда надлежало, разослана была книга дѣяній собора въ ея подлинномъ видѣ. Въ то время у насъ еще не было книгопечатанія, а книга дѣяній собора настолько обширна, что изготовить потребное количество рукописныхъ ея экземпляровъ было бы дѣломъ совершенно невозможнымъ. Поэтому, вмѣсто подлинной книги дѣяній соборныхъ были обнародованы выписки или экстракты изъ нея..." Тамъ же, стр. 792.

[107]) „Выписки, приведенныя въ Стоглавѣ, говоритъ одинъ изъ его изслѣдователей, многочисленны и разнообразны. Онѣ заимствованы то изъ библіи, то изъ постановленій древнихъ соборовъ и византійскихъ императоровъ, то изъ русскихъ законодательныхъ памятниковъ". Проф. И. Н. Ждановъ „Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора", стр. 210, прим. I-ое. О достоинствѣ этихъ выписокъ см. митрополита Макарія И. Р. Ц., т. VI, стр. 233—235.

[108]) Митрополитъ Макарій И. Р. Ц., т. VI, стр. 220. Объ этомъ см. у Е. Е. Голубинскаго, И. Р. Ц., т. II, пол. I, стр. 781—782.

[109]) Стоглавъ, гл. I и 2.

[110]) Тамъ же, гл. 3—5, 41.

ра, и сказаніе о посылкѣ соборной книги въ Сергіевъ монастырь къ бывшему митрополиту Іоасафу и другимъ властямъ, бывшимъ тамъ на покоѣ, и замѣчанія послѣдняго на нѣкоторые пункты въ приговорахъ собора [111]). „Понятно,—читаемъ мы у проф. А. С. Павлова, глубокаго и авторитетнаго знатока памятниковъ древняго церковнаго законодательства,—что книга эта, *въ цѣломъ ея составѣ* не могла быть обнародована *въ качествѣ законодательнаго кодекса*: для *публикаціи* соборныхъ опредѣленій или приговоровъ, въ которыхъ собственно и заключалось *уложеніе* собора, необходимое для всеобщаго свѣдѣнія и исполненія, нужно было выдѣлить ихъ изъ цѣлаго состава соборной книги и облечь въ обыкновенную форму законодательныхъ актовъ, т. е. *наказныхъ списковъ* или *грамотъ*" [112]). Такъ былъ офиціально обнародованъ Стоглавъ. Но этимъ, конечно, ни у кого не отнималась возможность и право употреблять на практикѣ цѣлый Стоглавъ (въ его полномъ видѣ) непосредственно. Такъ извѣстно, что на другой годъ послѣ собора царь и митрополитъ, отправляя въ Свіяжскъ архангельскаго протопопа Тимоѳея, для устроенія церковныхъ дѣлъ въ только что завоеванномъ краѣ, дали ему въ руководство полный списокъ Стоглава, а не простую наказную грамоту по новому соборному уложенію. Современное свидѣтельство объ этомъ фактѣ, чрезвычайно важномъ для рѣшенія вопроса о каноническомъ значеніи Стоглава [113]), находится въ недавно изданномъ посланіи извѣстнаго священника Сильвестра къ царскому намѣстнику и воеводѣ въ Казани—князю Александру Борисовичу Шуйскому-Горбатому. Давая воеводѣ наставленіе руководиться въ церковныхъ дѣлахъ „соборнымъ уложеніемъ", благовѣщенскій іерей прямо указываетъ, гдѣ найти это уложеніе: „та книга соборная есть списана въ новомъ городѣ свіяжскомъ у протопопа" [114]).

До насъ дошли двѣ группы выписокъ изъ Стоглава, два типа наказныхъ списковъ по соборному уложенію. Одна группа наказныхъ списковъ адресована къ приходскому духовенству съ его уѣздными властями, а другая въ монастыри къ монахамъ. Наказные списки пер-

---

[111]) Стоглавъ, гл. 99 и 100.

[112]) „Еще наказный списокъ по Стоглаву", стр. 3.

[113]) См. статьи по этому вопросу И. М. Добротворскаго въ „Православн. Собесѣдн." за 1862—1863 г. и проф. И. Д. Бѣляева въ „Православн. Обозрѣн." за 1863 годъ.

[114]) „Христ. Чтен." 1871 г., № 3, прил. стр. 18—19, ср. стр. 6; Проф. А. С. Павловъ, „Еще наказный списокъ по Стоглаву", стр. 3—4. Объ этомъ посланіи, изданномъ Н. Барсовымъ, см. изслѣдованіе проф. И. Н. Жданова: „Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора", стр. 71 (прим. 2)—73.

ваго типа слѣдующіе: адресованный къ приходскому духовенству и посланный митрополитомъ Макаріемъ въ 1551 году во Владиміръ и въ 1558 году въ Каргополь [115]). Третій наказной списокъ этого же типа, посланный однимъ изъ членовъ собора—Саввою, епископомъ сарскимъ и подонскимъ, въ города его епископіи Вязьму и Хлѣпенъ [116]), былъ найденъ въ рукописной Кормчей конца XVI вѣка, принадлежащей С.-Петербургской Духовной академіи (№ 1176), на листахъ 271—287 подъ слѣдующимъ знаменательнымъ заглавіемъ: „Соборный отвѣтъ по священнымъ празиломъ. *Соборное уложеніе русійскаго царства*" [117]). Намъ извѣстны также три наказныхъ списка другого типа, посланныхъ въ монастыри. Одинъ изъ нихъ былъ посланъ митрополитомъ Макаріемъ въ іюлѣ 1551 года въ московскій Симоновъ монастырь [118]), а другой, неизвѣстно когда именно, въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь [119]). Третій наказной списокъ по Стоглаву для монастырей, посланный смоленскимъ епископомъ въ неизвѣстномъ году въ неизвѣстный монастырь, читается въ одной рукописи второй половины XVI вѣка, находящейся въ библіотекѣ Московской Духовной академіи, а въ новой копіи, снятой съ рукописи—въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеѣ [120]).

Въ наказныхъ спискахъ перваго типа, посланныхъ бѣлому духовенству, сокращенно излагаются узаконенія Стоглаваго собора, отно-

---

[115]) Первый напечатанъ въ брошюрѣ Ильи В. Бѣляева: „Наказные списки соборнаго уложенія 1551 года", Москва, 1863. Второй—здѣсь же, въ видѣ варіантовъ къ владимірскому списку, и отдѣльно—И. М. Добротворскимъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ" за 1863 годъ, ч. I, стр. 87 и 202. Наказной списокъ по Стоглаву, посланный въ Каргополь (2 февраля 1558 г.), свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что разсылка этихъ выписокъ въ формѣ наказныхъ списковъ продолжалась сравнительно долгое время. Митрополитъ Макарій, И. Р. Ц., т. VI, стр. 240.

[116]) Въ настоящее время—село Тверской губерніи, Зубцовскаго уѣзда, лежащее на югѣ отъ Зубцова, почти на самой границѣ съ Сычевскимъ уѣздомъ Смоленской губерніи. Е. Е. Голубинскій, И. Р. Ц., т. II, пол. I, стр. 892—893.

[117]) Небольшой отрывокъ изъ этого списка былъ напечатанъ въ изслѣдованіи А. Ѳ. Лаврова о „вдовыхъ священнослужителяхъ" („Христ. Чтен." 1870, № 12, стр. 1051) и потомъ изданъ въ полномъ видѣ профессоромъ А. С. Павловымъ (съ его прекраснымъ предисловіемъ) въ IX томѣ „Записокъ Новороссійскаго Университета", въ статьѣ—„Еще наказный списокъ по Стоглаву" (стр. 1—37).

[118]) Грамота, при которой былъ посланъ наказной списокъ, съ указаніемъ его содержанія, напечатана въ казанскомъ изданіи Стоглава, стр. 258—260, примѣч.

[119]) См. въ „Лѣтописяхъ русской литературы и древности" Тихонравова, т. V, отд. III, стр. 127, прим. 1, стр. 128.

[120]) См. отчетъ музея за 1873—1875 г., стр. 52, п. 8. Е. Е. Голубинскій, И. Р. Ц., т. II, пол. I, стр. 893.

сящіяся преимущественно къ приходскому духовенству (объ архіерейскомъ судѣ, объ архіерейскихъ пошлинахъ, о богослуженіи, о священникахъ и ихъ поведеніи и обязанностяхъ, о мірянахъ, ихъ порокахъ и поведеніи) [121]). Въ наказныхъ спискахъ второго типа, т. е. посланныхъ въ монастыри, буквально воспроизводятся изъ Стоглава главы (девять съ частью десятой), относящіяся къ монастырямъ и монахамъ. Сравнивая одинаковыя по содержанію выписки изъ Стоглава въ наказныхъ спискахъ того и другого типа, приходимъ къ заключенію, что были приготовлены двѣ выписки, одна—для разсылки ко всему приходскому духовенству, а другая—по всѣмъ монастырямъ, и что епископы и разсылали ихъ по своимъ епархіямъ [122]).

При сличеніи этихъ наказныхъ списковъ съ Стоглавомъ совершенно ясно видно, что „соборное уложеніе" 1551 года „по вопросамъ благочестиваго царя о многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ" есть именно то самое уложеніе, которое находится въ Стоглавѣ и представляетъ собою этотъ памятникъ [123]).

---

[121]) Сличеніе этого наказного списка, состоящаго изъ 57 статей, съ Стоглавомъ было детально сдѣлано И. М. Добротворскимъ въ статьѣ „Дополнительныя объясненія къ изданію Стоглава" („Правосл. Собесѣдн.", 1862 г., ч. III, стр. 313—322). Здѣсь же приводится цѣлый рядъ свидѣтельствъ офиціальныхъ актовъ о Стоглавѣ.— Въ концѣ 1551 года былъ изданъ соборный приговоръ объ учрежденіи въ Москвѣ, согласно постановленіямъ Стоглаваго собора, поповскихъ старостъ, въ которомъ помѣщена инструкція этимъ послѣднимъ. А. А. Э., т. I, № 232, стр. 227. „Очень можетъ быть и совершенно вѣроятно, что инструкція поповскимъ старостамъ была разсылаема и въ другія мѣста независимо отъ наказа" (Е. Е. Голубинскій, И. Р. Ц. т. II, пол. I, стр. 793, прим. 1).

[122]) Е. Е. Голубинскій, И. Р. Ц. т. II, пол. I, стр. 792. Въ одномъ спискѣ Стоглава (за № 82 въ библіотекѣ А. И. Хлудова, перешедшемъ къ нему отъ Болотова) вслѣдъ за окончаніемъ Стоглава одною и тою же рукою приписана, безъ особаго заглавія, грамота Пимена, архіепископа новгородскаго и псковскаго, во Псковъ. Грамота эта, писанная 20 августа 1556 года „в великомъ новегородѣ", представляетъ замѣчательное новое свидѣтельство о разсылкѣ по городамъ наказныхъ списковъ по Стоглаву. Такой наказной списокъ былъ посланъ архіепископомъ Пименомъ во Псковъ и вошелъ тамъ въ дѣйствіе въ 1551 году по отношенію къ выбору поповскихъ старостъ. Грамота Пимена во Псковъ читается въ „Описаніи рукописей и каталогѣ книгъ церковной печати библіотеки А. И. Хлудова", составленномъ А. Н. Поповымъ (Москва, 1872), № 82, стр. 215—216.

[123]) Въ грамотѣ, при которой былъ посланъ митрополитомъ наказной списокъ въ Симоновъ монастырь архимандриту Алексѣю съ братіею, имѣется слѣдующее: „...со всѣмъ священнымъ соборомъ русскія митрополия отнынѣ и впредъ съ Божіею помощію соборнѣ уложихомъ по вопросомъ благочестиваго царя о многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ и о исправленіи. о монастырскихъ чинѣхъ и общепредательномъ житіи. и о пиянственномъ питіи. и о святительскомъ судѣ и о прочихъ священныхъ

Итакъ, наказные списки по Стоглаву служатъ лучшимъ и неопровержимымъ доказательствомъ офиціальнаго происхожденія этого памятника и его исторической подлинности. „Можно надѣяться,—говоритъ ученый издатель одного изъ наказныхъ списковъ (въ Вязьму и Хлѣпенъ),—что со временемъ еще найдутся наказные списки по Стоглаву, данные другими епархіальными архіереями, присутствовавшими на соборѣ 1551 года [124]). Но мнѣ кажется, что всѣ дальнѣйшія открытія по этому предмету могутъ быть скорѣе *количественнымъ*, нежели *качественнымъ* подтвержденіемъ подлинности Стоглава, какъ соборнаго уложенія 1551 г." [125]). Открытіе наказныхъ списковъ по Стоглаву должно было произвести на представителей строго-научнаго, безпристрастнаго направленія весьма сильное впечатлѣніе и существеннымъ образомъ повліять на постановку вопроса объ офиціальномъ происхожденіи Стоглава. Лучшимъ примѣромъ этого можетъ служить митрополитъ московскій Макарій (Булгаковъ), высказавшій ранѣе въ своей „Исторіи русскаго раскола" взгляды о неофиціальномъ происхожденіи Стоглава [126]) и мужественно отказавшійся отъ нихъ, какъ отъ ошибочныхъ [127]), послѣ ознакомленія съ наказными списками,—этимъ неопровержимымъ доказательствомъ подлинности и офиціальнаго происхожденія Стоглава.

А. Шпаковъ.

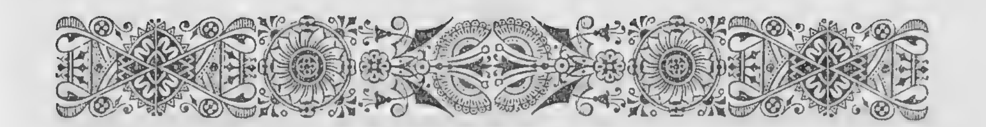
по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ. и по священнымъ правиломъ. и по божественному уставу, ничтоже притворяюще. и нынѣ о томъ вкратцѣ написахомъ о святыхъ и честныхъ монастырѣхъ и о прочихъ священныхъ чинѣхъ по священнымъ правиломъ, къ вамъ въ монастырь на соборъ послахомъ за своею печатью... да на томъ же бы естя соборѣ передо всею братьею наше посланіе къ вамъ соборное прочли со всяцемъ вниманіемъ. и что въ немъ писано. и выбъ съ Божіею помощію о всемъ о томъ потщалися духовнѣ и тѣлеснѣ исправити елика ваша сила..." Стоглавъ, стр. 258—260. См. также „Дополнительныя объясненія къ изданію Стоглава" („Православный Собесѣдникъ", 1862, Ч. III), стр. 309—311 и статью „Къ матеріаламъ для исторіи Стоглава и его времени" Н. И. С—на, стр. 127, прим. 1 („Лѣтоп. рус. литер. и древн.", т. V, М. 1863, отд. III).

[124]) Послѣ этого были открыты еще два наказныхъ списка по Стоглаву.

[125]) Профессоръ А. С. Павловъ: „Еще наказный списокъ по Стоглаву", стр. 4. Курсивъ подлинника.

[126]) „Исторія русскаго раскола", стр. 43—54.

[127]) И. Р. Ц., т. VI, стр. 220, прим. 292.



Къ характеристикѣ политическихъ идеаловъ эпохи Возрожденія.

I.

Политическіе идеалы эпохи Возрожденія въ моментъ первоначальнаго своего появленія на аренѣ всемірной исторіи представляютъ собою прежде всего рѣзкій протестъ противъ міросозерцанія Среднихъ вѣковъ. Борьба противъ средневѣковыхъ притязаній католической церкви, культъ человѣческаго разума, свободнаго отъ внѣшнаго авторитета,—таковы тѣ господствующія черты эпохи, въ которыхъ сближаются между собою писатели самыхъ разнообразныхъ направленій. Чтобы что-нибудь понять въ этомъ умственномъ движеніи, нужно узнать прежде всего, каковъ тотъ врагъ, противъ котораго борется новая мысль, что именно она отвергаетъ, каковы тѣ авторитеты, противъ которыхъ она протестуетъ.

Въ Средніе вѣка наука, знаніе, поглощается богословіемъ: нѣтъ той сферы знанія, въ которой средневѣковые богословы не считали бы себя компетентными. Они находятъ въ Библіи готовыя рѣшенія для самыхъ разнообразныхъ вопросовъ космографіи и вообще—естествовѣдѣнія; на основаніи текстовъ священнаго Писанія они рѣшаютъ вопросы права, строютъ юридическія теоріи и государственныя ученія. Церковь въ ихъ глазахъ должна нормировать своими канонами не только собственный свой внутренній строй: она должна издавать обязательныя постановленія и для порядка свѣтскаго, мірского.

Въ тѣ дни наука—„раба богословія", находится въ полной зависимости отъ католическаго религіознаго ученія; и это ея зависимое положеніе представляетъ собою лишь частное проявленіе всеобщаго закрѣпощенія человѣка и человѣчества — внѣшнему авторитету. Средневѣковый католицизмъ вдохновляется идеаломъ всемірнаго царства церкви —„божескаго царства", которое должно овладѣть міромъ; для него церковь есть все во всемъ, и свѣтскій порядокъ, государство, имѣетъ право на существованіе лишь поскольку онъ поглощается церковью или служитъ ей орудіемъ.

Такъ думаетъ уже въ V-мъ вѣкѣ блаженный Августинъ, который по справедливости считается родоначальникомъ средневѣкового міросозерцанія. Въ тотъ вѣкъ паденія Западной Римской имперіи на его глазахъ совершается великій всемірный кризисъ. Государственный организмъ одряхлѣвшей имперіи разлагается; ея провинціи становятся добычею варваровъ, которые завладѣваютъ самимъ Римомъ; но церковь обращаетъ самое крушеніе Рима въ величайшее свое торжество: она одна выходитъ цѣлою и невредимою изъ всеобщаго пожара; она побѣждаетъ самихъ побѣдителей Рима—варваровъ, которые смиряются передъ ея авторитетомъ. Временный, мірской порядокъ рушится; но на его развалинахъ созидается новый, нерукотворенный „вѣчный городъ"—всемірное церковное зданіе.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ событій Августинъ утверждается въ той мысли, что „Градъ Божій", видимо являющійся въ земной церкви, долженъ наполнить все собою: онъ долженъ собрать и сплотить человѣчество въ единое соціальное тѣло, воскресить его для новой жизни. Отдѣльныя человѣческія царства должны соединиться въ единую христіанскую республику и въ ней утратить свою самостоятельность. Церковь, пережившая паденіе Рима, должна замѣнить собою гибнущее государство. Разъ существуетъ на землѣ царствіе Христово, передъ нимъ должны исчезнуть съ лица земли всякія другія человѣческія царства: оно упраздняетъ и замѣняетъ ихъ всѣхъ собою. Въ глазахъ Августина государство имѣетъ право на существованіе лишь какъ составная часть всемірнаго церковнаго зданія. Поскольку государство пребываетъ внѣ церкви,—оно есть „разбойничье общество" въ большомъ размѣрѣ.

Въ послѣдующемъ развитіи средневѣковой исторіи идеи Августина, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, играютъ роль первостепенной важности. Идеалъ всемірнаго царства церкви, которое отождествляется съ царствомъ самого Бога, становится краеугольнымъ камнемъ всего политическаго міросозерцанія Среднихъ вѣковъ. Имъ вдохновляются какъ политическіе теоретики, такъ и церковные и государственные дѣятели. Продолжателями дѣла Августина являются не только папы, но и императоры. Человѣчество, собранное въ единый церковный организмъ, объединенное въ видимомъ центрѣ подъ верховнымъ владычествомъ папы,—таковъ тотъ идеалъ, въ силу коего западная церковь называетъ себя „католическою". Въ Средніе вѣка политическіе теоретики самыхъ разнообразныхъ направленій согласны между собою въ томъ, что осуществленіе божественнаго единовластія на землѣ, „единства" божественной монархіи, составляетъ ту конечную цѣль, которой должно служить человѣческое общество.

Въ этой идеѣ находятъ себѣ оправданіе притязанія папъ на безграничное владычество надъ міромъ. Теоретики папства согласны между собою въ томъ, что единодержавіе папы должно быть земнымъ отраженіемъ единой божеской власти, царящей надъ вселенной: какъ на небѣ господствуетъ единый Богъ, такъ и на землѣ долженъ господствовать единый владыка, единый намѣстникъ Христовъ—папа. Какъ Богъ въ своемъ царствѣ повелѣваетъ надъ многоразличными чинами небесной іерархіи,—надъ ангелами, архангелами и серафимами, такъ же точно и папа долженъ господствовать надъ всѣми земными властями,—надъ епископами, князьями и императорами. Клерикальные писатели сходятся между собою въ томъ, что міръ земной, человѣческій, долженъ быть построенъ по образу и подобію небесной іерархіи.

Той же идеей „единой" божественной монархіи вдохновляются и теоретики священной римской имперіи германскихъ императоровъ. Церковь въ своей видимой организаціи подвержена нападенію внѣшнихъ враговъ: чтобы оградить ее противъ натиска внѣшней силы, чтобы заставить народы войти въ ея ограду и обезпечить ей всемірное владычество, нуженъ свѣтскій мечъ, нужно всемірное католическое царство. Такъ понялъ свою задачу основатель священной римской имперіи Карлъ Великій; такъ поняли ее и державные преемники Карла. По словамъ Алькуина Іоркскаго, друга Карла и теоретика его идей, „имперія должна расти и расширяться, дабы во всѣхъ сердцахъ запечатлѣлось единое исповѣданіе, единая католическая вѣра, дабы милостью Всевышняго среди людей господствовало единство мира и единство совершенной любви". Начиная отъ Карла Великаго и до конца Среднихъ вѣковъ теоретики священной римской имперіи такъ же, какъ и паписты, думаютъ, что земное, человѣческое общество должно быть отраженіемъ небеснаго: различіе между тѣми и другими заключается въ томъ, что у папистовъ—папа, а у приверженцевъ имперіи—преимущественно императоръ являетъ собою образъ всемогущаго Бога-Отца, которому должны быть подчинены всѣ власти мірскія, всѣ чины духовной и свѣтской іерархіи.

Средневѣковые писатели, какъ клерикальнаго, такъ и свѣтскаго направленія, представляютъ себѣ человѣческое общество какъ бы въ видѣ готическаго храма,—въ этомъ заключается черта сходства между ними, какъ бы общая печать средневѣковой мысли. Человѣческое общество представляется средневѣковымъ клерикаламъ въ видѣ высокой пирамиды, которая кверху заостряется во множествѣ вершинъ; но надъ цѣлымъ зданіемъ господствуетъ единая вершина—папа, епископъ надъ епископами и князь надъ князьями. Въ ученьяхъ приверженцевъ импе-

ріи мы находимъ то же заостряющееся кверху зданіе; но здѣсь король и императоръ играютъ роль готическаго шпица; а подъ нимъ въ нисходящемъ порядкѣ располагается многоглавый соборъ духовной и свѣтской іерархіи—епископы, герцоги, графы.

Какъ папы, такъ и императоры считаютъ себя викаріями, намѣстниками Христа на землѣ. Само собою разумѣется, что эти два викарія Христовы, изъ коихъ каждый считаетъ себя призваннымъ быть верховнымъ владыкою христіанскаго общества, не могутъ мирно ужиться на землѣ. Въ XI вѣкѣ между папствомъ и имперіей возгорается борьба, которая наполняетъ собою всю эпоху средневѣковой исторіи. Но и въ эту эпоху борьбы теократическій идеалъ служитъ знаменемъ для обѣихъ спорящихъ сторонъ: обѣ онѣ согласны между собою въ томъ, что цѣль человѣка—не на землѣ, а на небѣ; споръ идетъ главнымъ образомъ о томъ, кому на землѣ принадлежитъ преимущественное право вести людей къ осуществленію этой цѣли, кто долженъ стоять на вершинѣ христіанскаго общества, царь—образъ Давида, или святитель—преемникъ Аарона? Борьба между папствомъ и имперіей обостряется самою однородностью спорящихъ и ведется до истощенія силъ безъ надежды на возможное примиреніе.

Борьба двухъ высшихъ въ католическомъ мірѣ властей нашла себѣ теоретическое выраженіе въ трактатахъ многочисленныхъ писателей—защитниковъ папства и имперіи. Въ этихъ трактатахъ насъ поражаетъ въ особенности одна черта, общая писателямъ обѣихъ партій, именно,—полнѣйшее смѣшеніе церкви съ государствомъ; въ глазахъ папистовъ папа—не только духовный владыка церкви: ему дана на землѣ *всякая власть* надъ клиромъ и надъ міромъ; отъ него и свѣтскіе государи заимствуютъ свои полномочія. По смыслу знаменитой теоріи „двухъ мечей“ въ толкованіи клерикальныхъ писателей, два меча, т. е. двѣ власти, находятся въ рукахъ св. Петра и его преемника—папы,—мечъ духовный, и мечъ свѣтскій. Но священникъ и апостолъ, занятый служеніемъ Богу, не долженъ самъ извлекать на защиту церкви меча крови. Поэтому устами Спасителя этотъ мечъ предписывается вложить въ ножны. Не употребляя самъ свѣтскаго меча, святитель передаетъ его императорамъ и вообще свѣтскимъ князьямъ черезъ коронованіе и помазаніе. Такимъ образомъ, власть царская заимствуется отъ власти святительской, свѣтскій государь относится къ папѣ, какъ вассалъ къ сюзерену. Его государство—какъ бы ленное владѣніе, которое сохраняется за нимъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ остается вѣренъ своему сюзерену. Какъ вѣрный вассалъ, свѣтскій государь долженъ быть всегда готовъ во всеоружіи своей военной силы

являться на защиту власти духовной. Словомъ Божіимъ управляются души вѣрующихъ, мечъ же крови есть власть надъ тѣлами; насколько духъ выше тѣла, настолько же власть святительская выше власти царской.

Если теперь мы заглянемъ въ лагерь противниковъ папства, то и здѣсь мы подмѣтимъ ту же путаницу понятій, то же роковое смѣшеніе церкви съ государствомъ. Но у писателей-имперіалистовъ это смѣшеніе служитъ уже не на пользу папства, а на пользу императорской власти, которая облекается въ полномочія власти духовной. Сами императоры убѣждены въ томъ, что царское помазаніе возноситъ ихъ надъ толпою мірянъ и превращаетъ ихъ въ нѣкотораго рода святителей. Оттонъ Великій постился передъ тѣмъ, какъ надѣвалъ свою императорскую корону. Генрихъ III облекался въ знаки своего императорскаго сана не иначе, какъ съ разрѣшенія на духу, послѣ покаянія, послѣ бичеванія рукою духовника. И, наконецъ, Генрихъ V прямо говорилъ о себѣ: „я царь, я первосвященникъ"; какъ таковому, онъ приписывалъ себѣ право низлагать епископовъ.

Императоръ Генрихъ V повторяетъ здѣсь ходячую тему, которая встрѣчается во множествѣ варіантовъ въ трактатахъ писателей-приверженцевъ имперіи. Общее убѣжденіе этихъ писателей заключается въ томъ, что король и императоръ—не простой мірянинъ: въ силу помазанія онъ становится членомъ клира. Съ царскимъ саномъ связывается особый пророческій даръ; нѣкоторые писатели утверждаютъ, что даже нечестивые и притомъ языческіе цари обладали способностью угадывать волю Провидѣнія: такъ, Навуходоносоръ и египетскій фараонъ, современникъ Іосифа, видѣли вѣщіе сны. Средневѣковыя лѣтописи изобилуютъ разсказами о томъ, какъ тотъ или другой императоръ совершилъ какой-либо важный государственный актъ, напримѣръ предпринялъ походъ въ Римъ или назначилъ новаго епископа, потому что *такъ ему было свыше внушено во снѣ*. Нѣкоторые писатели, какъ напримѣръ епископъ Бенцонъ Альбскій (XI в.), прямо считаютъ императора представителемъ св. Петра и главою церкви.

Въ политическомъ міросозерцаніи Среднихъ вѣковъ всѣ отношенія перепутаны. Съ одной стороны, здѣсь пастырь вооруженъ свѣтскимъ мечемъ: говоря словами Августина, онъ бичемъ возвращаетъ въ стадо заблудшихъ овецъ; съ другой стороны, цари посягаютъ на духовную власть, и императоръ хочетъ быть въ нѣкоторомъ родѣ свѣтскимъ папою. Въ Средніе вѣка святители нерѣдко облекаются въ шлемы и въ латы и идутъ во главѣ своихъ войскъ сражаться противъ непріятелей; встрѣчаются и папы воители въ родѣ Льва IX-го:

проигравъ сраженіе, онъ попался въ плѣнъ къ норманнамъ, послѣ чего побѣдители цѣловали ему ноги; съ другой стороны, бываетъ, что короли и герцоги облекаются въ епископскія митры. Согласно классическому изреченію папы Иннокентія III-го, которое можетъ считаться какъ бы лозунгомъ Среднихъ вѣковъ,—„Христосъ въ Новомъ Завѣтѣ устроилъ власти такъ, чтобы царство было святительскимъ, а священство было царскимъ".

Нечего и говорить о томъ, насколько на почвѣ средневѣковаго міросозерцанія искажается и суживается пониманіе христіанства. Церковь, облеченная во всеоружіе государства, уже не есть свободный союзъ вѣрующихъ душъ во Христѣ: она силою принуждаетъ людей вѣровать въ ея догматы, карая ослушниковъ огнемъ и мечомъ. По толкованію Августина, принужденіе, насиліе лежитъ въ основѣ отношеній человѣка къ Богу: это видно изъ притчи о домохозяинѣ, который, посылая рабовъ звать гостей на брачный пиръ, говоритъ имъ: „принуждай ихъ войти"; это доказывается и примѣромъ апостола Павла. По толкованію Августина, этотъ апостолъ былъ вынужденъ къ вѣрѣ тѣлеснымъ наказаніемъ: поверженный на землю и ослѣпленный, онъ былъ привлеченъ къ царствію Божію „великимъ насиліемъ Христовымъ".

Человѣкъ, поверженный на землю въ страхѣ и трепетѣ передъ божественною силою, его ослѣпившею, таково—типическое олицетвореніе средневѣковаго настроенія. Слѣдуя программѣ Августина и его невѣрному толкованію евангельской притчи, средневѣковое католичество хочетъ устроить нѣкотораго рода насильственный бракъ между землею и небомъ, между человѣчествомъ и „небеснымъ женихомъ". Человѣкъ въ средневѣковомъ міросозерцаніи является или автоматомъ божественной благодати, которая насильственно двигаетъ его изнутри къ его загробной цѣли, или рабомъ церковнаго авторитета, который закрѣпощаетъ его извнѣ рядомъ предписаній, простирающихся на каждый шагъ его дѣятельности.

Съ точки зрѣнія средневѣковаго идеала, человѣкъ не есть цѣль въ себѣ и для себя. Невольный гость на божественномъ пирѣ, онъ разсматривается какъ пассивный архитектурный матеріалъ, изъ коего слагается всемірное церковное зданіе. Все, что находится внѣ католической церкви и католическаго государства, клеймится съ этой точки зрѣнія, какъ „синагога сатаны", „антихристово общество". Этимъ названіемъ средневѣковые писатели величаютъ не только язычниковъ, но и еретиковъ, которые, по ихъ понятіямъ, „хуже идолослужителей".

Весь процессъ историческаго развитія человѣчества представляется имъ какъ безпрерывная борьба божественной монархіи противъ бѣсовскаго царства. Католицизмъ среднихъ вѣковъ знаетъ три возможныхъ отношенія къ внѣшнему ему человѣчеству: это—миссіонерская проповѣдь, крестовый походъ или проклятіе. Все, что не поддается обращенію, представляетъ собою темную массу осужденныхъ, которые должны горѣть въ вѣчномъ огнѣ и самою погибелью своею послужить къ обнаруженію правосудія Божія. Средніе вѣка проникнуты вѣрою въ строгое божественное правосудіе; но рядомъ съ этимъ милосердіе какъ будто вовсе исключается изъ отношеній Бога къ человѣку. Согласно изреченію одного изъ извѣстныхъ средневѣковыхъ папъ, для христіанскаго воспитанія мірянина достаточно знать Бога, какъ праведнаго судью, карающаго человѣческіе грѣхи.

Таковы типическія черты политической мысли Среднихъ вѣковъ. Зависимость отъ церковнаго авторитета отражается въ самыхъ пріемахъ, коими пользуются писатели при изученіи политическихъ вопросовъ. Возьмемъ трактатъ любого средневѣковаго писателя, будь то богословъ или свѣтскій юристъ, и мы увидимъ передъ собою необозримое количество текстовъ изъ священнаго Писанія, твореній учителей церкви рядомъ съ ссылками на памятники свѣтскаго законодательства. Среди этой груды богословскаго матеріала мы иногда съ трудомъ разыщемъ самостоятельную мысль самаго автора. Писатели какъ будто стыдятся своего человѣческаго разума и прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы спрятать свою личность, укрыться за какимъ-нибудь богословскимъ авторитетомъ. Для нихъ важнѣйшія начала политики церковной и свѣтской заключаются въ откровеніи. Поэтому, проводя ту или другую политическую тенденцію, они стараются показать, что она не составляетъ результата ихъ самостоятельной мысли, а вытекаетъ изъ собственныхъ словъ Спасителя, апостоловъ или ветхозавѣтныхъ пророковъ.

Тотъ періодъ рабства человѣческой мысли, который мы здѣсь охарактеризовали, кончается въ эпоху Возрожденія. Въ Средніе вѣка, какъ мы видѣли, наука—знаніе—желѣзною цѣпью прикована къ богословію. Первый актъ человѣческой мысли въ эпоху Возрожденія есть разрывъ этой цѣпи, протестъ противъ насильственнаго соединенія земного съ божественнымъ. Разсѣкая небо и землю, она вокругъ земныхъ интересовъ сосредоточиваетъ свои помыслы. Она возстаетъ противъ насильственнаго закрѣпощенія человѣка загробной цѣли и вмѣсто божественной монархіи хочетъ основать земное, человѣческое царство.

II.

Тотъ великій переворотъ, который переживаетъ человѣческая мысль въ XV и XVI вѣкахъ, подготовляется послѣднимъ періодомъ самой средневѣковой мысли. Для средневѣковыхъ учителей, какъ уже было выше сказано, знаніе, наука, составляетъ какъ бы составную часть богословія. Этому какъ будто противорѣчитъ тотъ фактъ, что въ Средніе вѣка пользуются высокимъ авторитетомъ мыслители древности, такіе философы, какъ Платонъ и Аристотель. До XIII вѣка средневѣковые богословы увлекаются Платономъ; съ XIII столѣтія они начинаютъ прославлять Аристотеля, и Платонъ остается въ тѣни. Чѣмъ объяснить такое высокое обаяніе представителей независимой человѣческой мысли въ тѣ времена, презиравшія человѣческій разумъ? Какъ понять тотъ, напримѣръ, фактъ, что Ѳома Аквинскій, ортодоксальнѣйшій и, быть можетъ, крупнѣйшій мыслитель среднихъ вѣковъ кладетъ ученіе язычника Аристотеля въ основу своей богословской системы?

Вопросъ этотъ разрѣшается, повидимому, просто. Учители средневѣковой церкви прославляютъ Платона и Аристотеля потому, что они заранѣе убѣждены въ ортодоксальности этихъ мыслителей, въ согласіи ихъ ученій съ католической вѣрой. Убѣжденіе это настолько сильно, что изображенія Платона и Аристотеля нашли себѣ мѣсто во многихъ христіанскихъ храмахъ рядомъ съ изображеніями святыхъ. Схоластика почитаетъ древнихъ философовъ собственно потому, что она видитъ въ нихъ христіанъ до Христа, католиковъ до католицизма. Она хочетъ и ихъ сдѣлать „рабами богословія“, ищетъ у нихъ доказательствъ истинности католической вѣры и точныхъ формулъ для ея выраженія. Средневѣковые богословы хотятъ увѣрить себя и другихъ, что истины разума, выразившіяся въ твореніяхъ избранныхъ философовъ древности, тождественны съ истинами вѣры. Нечего и говорить о томъ, что подобное предпріятіе представляетъ собою насиліе какъ надъ разумомъ, такъ и надъ вѣрою. Вливая вино новое въ мѣхи ветхіе, схоластика кончила тѣмъ, что разорвала мѣхи.

Въ концѣ XIII столѣтія въ ней начинается процессъ разложенія. Появляется новый типъ мыслителей—номиналистическаго направленія; они начинаютъ думать, что разумъ—опасный союзникъ для клерикальныхъ ученій и хотятъ оградить область вѣры противъ его вторженій. Они пытаются разграничить область вѣры отъ области разума: содержаніемъ откровенія, съ этой новой точки зрѣнія, служитъ порядокъ сверхъестественный,—тотъ порядокъ истинъ, который не мо-

жетъ быть доказанъ и понятъ разумомъ. Содержаніе разумнаго познанія составляетъ доступный изслѣдованію порядокъ естественный. Двѣ способности человѣческаго духа — разумъ и вѣра, идутъ каждая своей дорогой: въ основѣ вѣры лежитъ авторитетъ; въ основѣ познанія—наблюденіе, опытъ, изъ коего разумъ черпаетъ свои понятія о существующемъ.

Въ этомъ результатѣ выразилось разложеніе философскаго міросозерцанія Среднихъ вѣковъ. Прежде разумъ былъ вполнѣ подчиненъ вѣрѣ; теперь онъ уже пріобрѣтаетъ самостоятельную область. Силу схоластики составляло единство системы; въ этой системѣ человѣкъ съ его разумомъ игралъ роль подчиненнаго звена въ лѣствицѣ существъ. Теперь философское сознаніе начинаетъ двоиться. Разумъ и вѣра уже разсматриваются какъ двѣ самостоятельныя, чуждыя другъ другу сферы, изъ коихъ каждая подчиняется своему особому закону. Извѣстный философъ конца XIII столѣтія Дунсъ Скотъ прямо высказалъ, что существуютъ двѣ истины: истинное для философа можетъ быть и неистиннымъ для богослова.

Само собою разумѣется, что послѣдствія такого раздвоенія не замедлили оказаться и въ сферѣ политической. Здѣсь также послѣдователи Дунса Скота стали различать двѣ области, двѣ чуждыя другъ другу сферы—церковь и государство. Пусть церковь составляетъ нераздѣльную и исключительную область вѣры; зато въ государствѣ разумъ человѣка долженъ стать полнымъ хозяиномъ. Церковь, какъ порядокъ сверхъестественный, покоится на откровеніи; зато государство, какъ порядокъ естественный, есть созданіе человѣческихъ рукъ и человѣческой мысли. Государство и церковь суть безусловно раздѣльныя и самостоятельныя области, изъ коихъ каждая преслѣдуетъ свои особыя задачи и цѣли. Государство не должно подчиняться церковному авторитету; церковь не должна вмѣшиваться въ свѣтское законодательство.—Къ такому результату пришелъ мыслитель XIV вѣка Вильгельмъ Оккимъ, продолжатель и послѣдователь Дунса Скота.

Когда Дунсъ Скотъ договорился до ученія о двойственной истинѣ, онъ и самъ не зналъ силы своихъ словъ. Человѣкъ не можетъ долго оставаться при двухъ истинахъ, другъ другу противорѣчащихъ: онъ въ концѣ концовъ долженъ сдѣлать выборъ между той или другой. Желая оградить вѣру отъ разума, номиналистическая схоластика кончила тѣмъ, что пустила на волю человѣческій разумъ. Область вѣры, ставъ далекою и чуждою человѣку, перестала влiять на его умъ и сердце. Тотъ чудесный, сверхъестественный міръ, въ которомъ витала средневѣковая мысль, постепенно исчезаетъ, испаряется. Зато міръ

земной, человѣческій вступаетъ въ свои права. Средневѣковая мысль преклонялась передъ авторитетами. Утомленный этой колѣнопреклоненной позой, человѣкъ эпохи Возрожденія выпрямляется во весь ростъ, сбрасывая съ себя насильственно на него наложенныя оковы.

На мѣсто идеала церковнаго, теократическаго, становится идеалъ свѣтскій, гуманистическій. У большинства мыслителей XV и XVI вѣка *культъ человѣка* занимаетъ первое мѣсто; божественное для однихъ остается въ тѣни, для другихъ вовсе перестаетъ быть предметомъ вѣры. Въ своемъ стремленіи обосновать новую, чисто свѣтскую культуру, они отъ почитанія святыхъ и мучениковъ обращаются къ почитанію героевъ человѣческой мысли. Господствующая тема эпохи Возрожденія есть прославленіе человѣка, его земного могущества. Въ Средніе вѣка отдѣльная личность чувствуетъ себя ничтожной частью величественнаго церковнаго зданія; въ эпоху Возрожденія каждый проникнутъ сознаніемъ своего значенія и своей силы. Эта черта характеризуетъ въ особенности итальянское общество въ XV и XVI столѣтіи. Въ Италіи это высокое мнѣніе человѣка о себѣ, эта самоувѣренность личности коренится въ самыхъ условіяхъ политическаго и общественнаго строя. Въ Средніе вѣка господствовалъ сословно-аристократическій строй: здѣсь положеніе личности въ обществѣ опредѣлялось преимущественно рожденіемъ; человѣкъ былъ отъ рожденія закованъ въ неподвижныя рамки той или другой сословной группы, семьи, корпораціи. Напротивъ, въ Италіи въ занимающую насъ эпоху свобода человѣка не стѣснена этими границами: здѣсь каждый сознаетъ себя устроителемъ своихъ судебъ, виновникомъ собственнаго благополучія или несчастья. Въ Италіи эпохи Возрожденія открывается широкій просторъ для иниціативы и творчества личности. Здѣсь мы видимъ необыкновенно подвижный политическій бытъ: отдѣльныя мелкія государства возникаютъ и рушатся; въ самыхъ государствахъ безпрестанно мѣняется образъ правленія. При всеобщей неустойчивости политическихъ отношеній, партіи и отдѣльныя лица часто смѣняютъ другъ друга у власти. Этотъ бытъ какъ нельзя лучше оправдываетъ пословицу: „смѣлость города беретъ". При извѣстной энергіи и иниціативѣ здѣсь каждый можетъ надѣяться добиться власти. Въ Италіи въ эпоху Возрожденія положеніе человѣка въ обществѣ зависитъ не столько отъ происхожденія, отъ наслѣдственныхъ привилегій, сколько отъ личныхъ талантовъ, доблестей, или же отъ случайности жребія. Мы видимъ здѣсь нерѣдко власть въ рукахъ людей темнаго происхожденія; мы встрѣчаемъ здѣсь сильно развитой демократическій элементъ: какой-нибудь счастливый выскочка или смѣлый кондотьеръ-

вожакъ дружины можетъ стать владѣтельнымъ княземъ и основателемъ династіи.

Понятно, что въ этомъ обществѣ, гдѣ людямъ даровитымъ открыты всѣ дороги, гдѣ талантъ беретъ верхъ надъ происхожденіемъ, растетъ вѣра въ человѣка, въ силу его разума и творчества. Извѣстный ученый гуманистъ XV столѣтія—Пико де-ла Мирандола, въ своей „Рѣчи о человѣческомъ достоинствѣ“ говоритъ между прочимъ, что человѣкъ сотворенъ свободнымъ, дабы самъ онъ былъ собственнымъ создателемъ. Богъ не стѣснилъ произвола человѣка никакими преградами. Онъ не далъ человѣку опредѣленнаго облика, не сотворилъ его ни смертнымъ, ни безсмертнымъ, чтобы человѣкъ самъ сковалъ себѣ любую форму, сталъ звѣремъ или ангеломъ. Какое же употребленіе долженъ сдѣлать человѣкъ изъ этихъ чудесныхъ божественныхъ даровъ? Онъ долженъ познавать законы мірового цѣлаго, изумляться величію мірозданія и любить окружающую его красоту.

На смѣну средневѣковому аскетизму съ его проповѣдью умерщвленія плоти въ XV вѣкѣ нарождается новое поколѣніе мыслителей, которые дерзаютъ открыто провозгласить, что они чтутъ человѣческій разумъ и любятъ окружающую человѣка земную обстановку. Въ связи съ этимъ культомъ человѣческаго разума находится то поклоненіе языческой древности, которое составляетъ характерное отличіе занимающей насъ эпохи. Это сочувствіе къ древности обусловливается двоякаго рода причинами. Во-первыхъ, древность—*эпоха великихъ подвижниковъ человѣческой мысли*: вся древняя исторія являетъ собою наглядное доказательство могущества человѣческаго разума. Во-вторыхъ, *древность являетъ собою классическій образецъ чисто свѣтской культуры*: здѣсь отсутствуетъ грань между церковью и государствомъ; понятіе о духовной власти и церковномъ авторитетѣ, о противоположности между міромъ и клиромъ—вовсе чуждо древнимъ. Въ этомъ заключается главная причина того, что въ XV и въ XVI вѣкѣ древность становится центромъ общихъ симпатій и любимымъ предметомъ изученія. Возобновленіе, возрожденіе древности становится любимою мечтою, господствующей темой эпохи, вслѣдствіе чего ей по праву принадлежитъ названіе „эпохи Возрожденія“.

Когда-то было принято считать начало эпохи съ 1453 года, когда, вслѣдствіе взятія Константинополя турками, въ Италію эмигрировали византійскіе ученые. Представители византійской науки будто бы впервые познакомили итальянцевъ съ древними мыслителями въ оригинальномъ греческомъ текстѣ, впервые натолкнули на безпристрастное изученіе древнихъ авторовъ, чуждое схоластическихъ предразсудковъ. Это

поверхностное воззрѣніе въ настоящее время всѣми оставлено. Эмиграція греческихъ ученыхъ дѣйствительно послужила сильнымъ толчкомъ къ изученію древности. Но интересъ къ такому изученію пробудился несравненно ранѣе. Всѣ великіе поэты Италіи—Данте, Петрарка, Боккачіо—прошли школу древности независимо отъ византійскаго вліянія. Поклоненіе древности въ Италіи коренится не въ случайномъ внѣшнемъ вліяніи, а въ глубокой внутренней симпатіи. Для Италіи возрожденіе древности есть прежде всего возстановленіе самостоятельной итальянской національности и культуры, возобновленіе преданій древняго Рима. Говоря словами Куно Фишера, Италія прославляетъ въ древности самое себя, собственное свое славное прошедшее. Еще въ XIV вѣкѣ Данте, который стоитъ на порогѣ занимающей насъ эпохи, представляетъ себѣ возрожденіе какъ возстановленіе политическаго могущества Италіи, возвращеніе прошлаго величія римскихъ кесарей; черезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ Данте явился въ Римѣ другой поклонникъ древности, извѣстный трибунъ Кола Ріенци, который прославился своей фантастической попыткой возстановить республиканскій строй древняго Рима.

Древніе мыслители, какъ мы видѣли, были извѣстны и средневѣковымъ богословамъ. Но въ эпоху Возрожденія въ корнѣ мѣняется самое отношеніе къ древности. Люди этой эпохи уже не пытаются превратить Платона и Аристотеля въ союзниковъ католицизма: наоборотъ, они почитаютъ тѣхъ же философовъ, какъ представителей чисто свѣтской, языческой мудрости. Въ древнемъ Римѣ ихъ плѣняютъ классическіе образцы свѣтскаго законодательства и государственнаго могущества; къ грекамъ ихъ привлекаетъ свѣтская культура, мысль, свободная отъ внѣшняго авторитета. Обращаясь къ изученію древнихъ мыслителей, итальянскіе гуманисты прежде всего возстановляютъ Платона и Аристотеля въ ихъ истинномъ видѣ, освобождаютъ ихъ отъ схоластическихъ прикрасъ и искаженій. Особенно важнымъ пріобрѣтеніемъ представляется знакомство съ Аристотелемъ. Знаменитый итальянскій ученый XV вѣка Піетро Помпанацци ясно доказываетъ, что Аристотель отрицаетъ загробный міръ, не вѣритъ въ индивидуальное безсмертіе души. Оказывается, что Аристотель, который видитъ въ самомъ Божествѣ не создателя, а только устроителя мірозданія—проповѣдуетъ чисто свѣтскій, земной идеалъ. Онъ не другъ, а врагъ средневѣковаго міросозерцанія. Вырвавъ Аристотеля изъ рукъ католическихъ богослововъ, итальянскіе ученые связываютъ съ его именемъ свою любимую мечту о царствѣ земномъ, человѣческомъ.

Знакомство съ подвигами древней мысли укрѣпляетъ вѣру въ силу человѣческаго разума. Но человѣкъ эпохи Возрожденія познаетъ эту силу не только въ памятникахъ отжившей старины: она открывается ему въ рядѣ современныхъ явленій. Во второй половинѣ XV и въ началѣ XVI столѣтія совершается рядъ великихъ открытій и изобрѣтеній. Въ тотъ вѣкъ Колумба, Васко да Гама и Магеллана путешествія измѣняютъ весь географическій кругозоръ, доказывая шарообразную форму земли. Спустившись съ заоблачной высоты, человѣкъ, царь земли, хочетъ объѣхать и охватить однимъ взглядомъ всѣ свои владѣнія. Но тріумфальное шествіе человѣческаго разума не ограничивается предѣлами одной земной планеты. Говоря словами Колумба— „il mondo e poco",—этого земного міра мало для мыслителя. И вотъ словно повинуясь вѣщему слову Колумба, астрономія, вооружившись телескопомъ, проникаетъ въ тайны тверди небесной, открываетъ тамъ безчисленные міры. Коперникъ доказываетъ вращеніе земли вокругъ солнца, нанося сокрушительный ударъ господствовавшей дотолѣ геоцентрической системѣ. Великія открытія тѣсно связаны съ великими изобрѣтеніями: безъ телескопа были бы невозможны открытія астрономіи, безъ компаса были бы невозможны дальнія плаванія; наконецъ, безъ книгопечатанія было бы невозможно широкое распространеніе великихъ мыслей на землѣ. Кругозоръ человѣка раздвигается во всѣ стороны—въ ширь и въ высь: благодаря филологическимъ и историческимъ изысканіямъ, передъ нимъ воскресаетъ то отдаленное прошлое человѣчества, въ которомъ гуманисты ищутъ образцовъ для настоящаго, тѣ древніе народы, жившіе внѣ Христа, которые въ Средніе вѣка отождествлялись съ царствомъ діавола; наконецъ, науки математическія въ связи съ естествовѣденіемъ покоряютъ власти человѣка внѣшнюю природу. Исполненная сознаній своихъ силъ, наука уже не хочетъ быть рабою богословія; она стремится основать свободное, самостоятельное знаніе.

Въ XVI вѣкѣ въ Италіи появляются мыслители, которые хотятъ изгнать изъ философіи все сверхъестественное, чудесное—Жироламо Кардано и Бернардино Телезіо: они пытаются объяснить мірозданіе уже не дѣятельностью Творца внѣшней вселенной, а причинами механическими, естественными: весь міръ долженъ быть понятъ какъ результатъ взаимодѣйствія силы и матеріи. Другой знаменитый итальянскій философъ той же эпохи, Джіордано Бруно, категорически отрицаетъ существованіе Бога, отличнаго отъ міра. Итальянецъ, доминиканскій монахъ, этотъ смѣлый мыслитель покинулъ свой монастырь и орденъ и сталъ проповѣдывать пантеистическое ученіе; за это онъ

и былъ въ концѣ концовъ сожженъ на кострѣ по приговору инквизиціи. Его новая религія разума служила для него предметомъ пламенной вѣры: онъ погибъ жертвою своихъ философскихъ убѣжденій. „Вы сами болѣе меня дрожите“,—таковы послѣднія его слова, обращенныя къ инквизиторамъ въ виду приготовленнаго для него костра.

Съ возрожденіемъ науки тѣсно связано возрожденіе искусства. Величайшіе художники XV вѣка—Леонардо да Винчи и Микеланджело, не могли бы создать своихъ безсмертныхъ произведеній въ области живописи и скульптуры, если бы тщательное изученіе анатоміи не познакомило ихъ со строеніемъ человѣческаго тѣла. Въ искусствѣ эпохи Возрожденія сказалось то же настроеніе, что и въ наукѣ, философіи. Здѣсь любовь къ человѣку перенеслась на самую его наружность: художникамъ полюбилась та земная красота, которую они изображаютъ. Идеализируя человѣческій образъ, они тщательно изучаютъ каждую его черту, стараются передать на полотнѣ и въ мраморѣ его жизнь и движеніе. Тиціановскіе портреты и статуи Микеланджело, въ которыхъ насъ поражаетъ необыкновенная красота и мощь человѣческаго тѣла, не могли бы явиться въ ту эпоху, когда господствовалъ аскетическій идеалъ и презрѣніе къ плоти считалось какъ бы обязательнымъ для мыслящаго человѣка. Эти великія произведенія явились въ ту эпоху, когда искусство, подобно наукѣ, пропиталось духомъ древности, боготворившей человѣка, когда, говоря словами Макіавелли, обломки древнихъ статуй стали цѣниться на вѣсъ золота.

Съ превознесеніемъ человѣка тѣсно связано то жизнерадостное настроеніе, которое отличаетъ эпоху Возрожденія. Преисполненный сознаніемъ своего достоинства, своей царственной роли на землѣ, человѣкъ весело смотритъ въ будущее. Передъ нимъ открываются безграничные горизонты; полные вѣры въ грядущее торжество разума, мыслители бодро пускаются въ дальній путь открытій. Среди этого оптимистическаго настроенія уже нѣтъ мѣста для того монашескаго пессимизма, который учитъ, что „весь міръ во злѣ лежитъ“. Культъ человѣка и человѣчества окрыляетъ мысль; но съ этимъ же культомъ связаны и тѣневыя, отрицательныя стороны эпохи. Человѣкъ, вырвавшійся изъ подъ гнета церковнаго авторитета, словно освобождается вмѣстѣ съ тѣмъ отъ тѣхъ нравственныхъ сдержекъ, которыя въ Средніе вѣка были тѣсно связаны съ религіей. У нѣкоторыхъ писателей протестъ противъ средневѣковаго аскетизма переходитъ въ циническую проповѣдь наслажденія. Въ этомъ отношеніи въ особенности поучителенъ трактатъ „Объ удовольствіи“ извѣстнаго гуманиста XV вѣка Лаврентія Валла.

Трактатъ этотъ изложенъ въ формѣ діалога между тремя собесѣдниками, изъ коихъ одинъ защищаетъ стоическую точку зрѣнія, другой — эпикурейскую и, наконецъ, третій высказываетъ христіанскія воззрѣнія. Авторъ не говоритъ опредѣленно, кого именно изъ трехъ собесѣдниковъ онъ считаетъ правымъ; при поверхностномъ чтеніи можетъ даже показаться, что христіанинъ остается побѣдителемъ. Но, вчитываясь внимательнѣе въ трактатъ, мы убѣдимся, что рѣчи христіанина представляютъ собою скорѣе всего маску лицемѣрія: все ихъ назначеніе—въ томъ, чтобы обезпечить автора противъ возможныхъ преслѣдованій со стороны инквизиціи. Эти благочестивыя разсужденія нѣсколько напоминаютъ тѣ цензорскія примѣчанія, коими снабжены у насъ на Руси иныя переводныя книги, которыя иначе не прошли бы черезъ духовную цензуру. Сочувствіе автора явно тяготѣетъ къ тому изъ собесѣдниковъ, который стоитъ на эпикурейской точкѣ зрѣнія.

У послѣдняго мы находимъ самую беззастѣнчивую проповѣдь безграничнаго эгоизма и чувственнаго наслажденія. Для Бекаделли (такъ называется этотъ эпикуреецъ) добродѣтель—пустое слово, такъ называемые „пороки"—выдумки философовъ, полезное и справедливое—то же, что пріятное. Жертвовать собою для другихъ, напримѣръ: умереть для отечества,—чистѣйшая глупость, такъ какъ умершій уже не можетъ радоваться благополучію и счастью своей родины. Единственное благо въ жизни есть удовольствіе; единственная цѣль человѣка—чувственное наслажденіе. Бекаделли высказываетъ сожалѣніе, что наслажденія не могутъ быть достаточно разнообразными, потому что у человѣка всего пять чувствъ, а не пятьдесятъ и не пятьсотъ.

Само собою разумѣется, что не слѣдуетъ отождествлять нравственной проповѣди Лаврентія Валла съ нравственными идеалами его эпохи. Трактатъ „Объ удовольствіи" представляетъ собою лишь уродливую крайность, каррикатурное искаженіе жизнерадостнаго настроенія итальянскаго общества того времени. Эпоха Возрожденія представляетъ собою во всѣхъ отношеніяхъ сочетаніе свѣта и тѣни, великихъ идей и человѣческой грязи.

Въ одномъ сходятся между собою главнѣйшіе мыслители и дѣятели этой эпохи—въ протестѣ противъ аскетизма и въ прославленіи земной жизни [1]). Какъ нельзя болѣе рѣзко сказывается эта черта у Макіавелли—одного изъ типичнѣйшихъ представителей тенденцій XV вѣка.

[1]) Въ эпоху Возрожденія встрѣчаются, конечно, противоположные типы—религіозные политики, какъ Савонарола, и религіозные живописцы, какъ Фра Беато Анджелико. Но они, можно сказать, плывутъ противъ господствующаго теченія, и во всякомъ случаѣ не они задаютъ тонъ эпохѣ.

По его мнѣнію, аскетизмъ разслабилъ человѣческую породу, сдѣлалъ людей неспособными къ высокимъ земнымъ подвигамъ. Указывая спасеніе, какъ единственную цѣль, церковь уменьшила въ глазахъ своихъ послѣдователей значеніе земныхъ почестей и славы. Прославляя, какъ святыхъ, людей не отъ міра сего, церковь воспитала монаховъ, не политиковъ—дряблое поколѣніе, способное болѣе къ созерцанію, нежели къ практической дѣятельности. Воспитывая людей въ презрѣніи къ міру, она отвлекла праведныхъ отъ земли, предоставивъ землю злодѣямъ и извергамъ. Въ аскетизмѣ Макіавелли видитъ только оборотную его сторону—тотъ вредъ, который онъ принесъ человѣчеству и въ особенности Италіи. Макіавелли ненавидитъ церковь за то, что она хотѣла превратить весь міръ въ монастырь въ большомъ размѣрѣ. Этому монастырскому идеалу церкви онъ противополагаетъ идеалъ независимаго свѣтскаго царства. Онъ хочетъ воскресить славное прошлое древняго Рима, мечтаетъ о политическомъ объединеніи Италіи, объ образованіи въ ней единаго національнаго государства.

Тутъ какъ нельзя болѣе рельефно выступаетъ контрастъ между средневѣковыми преданіями и политическими тенденціями новаго времени. Идея государства національнаго, преслѣдующаго *національныя цѣли*, вовсе выходитъ изъ кругозора средневѣковой мысли: съ средневѣковой точки зрѣнія, конечная цѣль государства заключается не въ объединеніи той или другой національности, не въ укрѣпленіи ея земного имущества, а въ утвержденіи на землѣ космополитическаго царства церкви, въ которомъ отдѣльныя національности теряютъ свою самостоятельность.

Если идея національнаго государства представляется вообще чуждою средневѣковой политической мысли, то идея національнаго государства въ Италіи должна представляться прямо ненавистною съ клерикальной точки зрѣнія. Ревнители католической церкви видятъ въ Италіи по преимуществу страну папы, духовнаго владыки міра. Основаніе могущественнаго національнаго государства въ Италіи угрожало бы величайшею опасностью свѣтскимъ владѣніямъ апостольскаго престола. Такимъ образомъ, національному идеалу Макіавелли, который хочетъ Италіи для итальянцевъ, противополагаются стремленія клерикальныхъ политиковъ, которыя могутъ быть выражены словами: Италія—для папы.

Понятно, что Макіавелли обрушивается всѣми силами противъ римской церкви—этого злѣйшаго врага политическаго объединенія Италіи. Благополучіе и счастье каждой націи, учитъ онъ, заключается въ единомъ управленіи—монархическомъ или республиканскомъ. Между

тѣмъ, римская церковь всегда поддерживала и поддерживаетъ раздѣленіе на Апеннинскомъ полуостровѣ. Будучи владѣтельными князьями въ Италіи, римскіе папы никогда не были достаточно сильными, чтобы объединить страну подъ своимъ скипетромъ. Но они всегда располагали достаточными силами и союзниками противъ всякаго государя, который захотѣлъ бы создать въ Италіи единое національное государство и угрожалъ бы церковной области. Отсюда—всѣ бѣдствія Италіи. Раздробленная на множество государствъ, она всегда страдала хроническою болѣзнью междоусобія. Ожесточенная борьба между отдѣльными государствами, борьба партій въ каждомъ изъ нихъ, борьба между аристократіей и демократіей, между республикой и тиранніей, таково—политическое состояніе родины Макіавелли въ его эпоху. Пользуясь хаотическимъ состояніемъ Италіи, въ нее вторгаются иностранные завоеватели: она издавна служитъ яблокомъ раздора и театромъ войны между всевозможными національностями—французами, нѣмцами, испанцами. И всѣмъ этимъ бѣдствіямъ виновникъ—папа: не желая объединенія Италіи, онъ сѣетъ вражду между ея князьями и призываетъ противъ нихъ иностранныхъ союзниковъ.

Изъ того же источника, по Макіавелли, вытекаетъ развращеніе политическихъ нравовъ Италіи. Римскій дворъ, гдѣ все продажно, гдѣ господствуетъ ужасающій развратъ, погубилъ Италію не только въ государственномъ отношеніи. Онъ рядомъ соблазнительныхъ примѣровъ подкопалъ въ ней самые устои нравственности. Краснорѣчивымъ доказательствомъ упадка религіи и нравовъ въ самомъ Римѣ служитъ тотъ фактъ, что народы, наиболѣе близкіе къ Риму, суть вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе развращенные. Если бы римскій дворъ перенесся въ Швейцарію—страну съ наиболѣе крѣпкими устоями, то и здѣсь его присутствіе внесло бы отраву во всѣ отношенія. Католическая церковь, когда-то господствовавшая надъ умами, въ дни Макіавелли становится предметомъ ненависти и презрѣнія. Въ страстной филиппикѣ Макіавелли противъ Рима сказывается типическое для его эпохи настроеніе.

Возставая противъ римской куріи, Макіавелли выражается тѣмъ языкомъ, какимъ и въ новѣйшія времена нерѣдко говорили итальянскіе патріоты. Извѣстно, что въ XIX вѣкѣ объединеніе Италіи, окончившееся уничтоженіемъ свѣтскихъ владѣній апостольскаго престола, совершилось вопреки папѣ. Пій IX былъ однимъ изъ главнѣйшихъ враговъ объединителей Италіи—Кавура и Виктора Эммануила. Макіавелли былъ предтечею перваго изъ королей Италіи и его великаго министра: его патріотическая проповѣдь противъ папскаго Рима дѣлаетъ его про-

рокомъ будущаго. Та національная идея, которая въ XIX вѣкѣ вдохновляла великихъ государственныхъ дѣятелей Италіи, назрѣла и нашла себѣ ясное теоретическое выраженіе уже въ твореніяхъ мыслителя XV столѣтія.

Мы видѣли, что уже раньше Макіавелли, въ XIV вѣкѣ, Данте мечталъ о политическомъ возрожденіи Италіи, объ образованіи въ ней сильнаго государства; но мысль Данте еще не свободна отъ средневѣковыхъ идеаловъ. Онъ ждетъ спасенія Италіи отъ священной римской имперіи, отъ иноземной власти германскаго императора. Данте еще не доросъ до идеи независимаго итальянскаго государства, подчиненнаго національному итальянскому государю. Эта идея *въ чистомъ видѣ* впервые выразилась въ твореніяхъ Макіавелли, когда политическая мысль освободилась отъ средневѣковыхъ преданій.

Подробное изложеніе воззрѣній Макіавелли не входитъ въ нашу задачу; въ предѣлахъ настоящаго очерка важно отмѣтить только тѣ черты этого писателя, которыя типичны для его эпохи. Вмѣстѣ съ большинствомъ мыслящихъ людей того времени онъ увлекается древностью. Его патріотическая проповѣдь государственнаго объединенія Италіи связывается съ мечтою о возрожденіи классической древности, о возстановленіи тѣхъ славныхъ временъ языческаго Рима, когда Италія была сильною и могущественною; главнѣйшее его произведеніе представляетъ собою комментарій къ произведенію древняго историка и носитъ заглавіе „Рѣчи о первыхъ десяти книгахъ Тита Ливія“.

Здѣсь онъ восторгается тѣми самыми политическими доблестями римлянъ, которыя въ средніе вѣка клеймились какъ „блестящіе пороки“: онъ ищетъ у нихъ образцовъ для законодательства и администраціи; въ особенности же его плѣняетъ чисто свѣтское, практическое направленіе римлянъ, т. е. именно то, что всего болѣе идетъ въ разрѣзъ со средневѣковымъ образомъ мыслей. Римляне, говоритъ онъ, воздавали божескіе почести не святымъ, а героямъ, прославившимся подвигами на пользу отечества, великимъ правителямъ и законодателямъ. Они не жертвовали земнымъ для загробныхъ цѣлей, а ставили выше всего на свѣтѣ земные почести и славу. Они не изнуряли тѣла молитвою, постомъ и всяческимъ воздержаніемъ, а полагали высшее благо во всемъ томъ, что составляетъ величіе души и силу тѣла. Они не разслабляли и не изнѣживали, а воспитывали людей суроваго закала, сильныхъ и мужественныхъ. Самая языческая религія съ ея кровавыми жертвоприношеніями служила хорошимъ педагогическимъ средствомъ: она воспитывала государству гражданъ съ крѣпкими нервами, не пугающихся вида крови.

Въ Средніе вѣка клерикальные политики разсматривали государство какъ орудіе церкви. Прямая реакція противъ средневѣкового міровоззрѣнія, идеалъ Макіавелли впадаетъ въ противоположную крайность—онъ хочетъ низвести религію до степени орудія мірской политики. Макіавелли не возстаетъ противъ христіанства какъ такового; онъ дѣлаетъ хуже этого: онъ хочетъ заставить церковь поступить на службу государству въ качествѣ полицейскаго учрежденія.

Въ сущности Макіавелли—болѣе язычникъ, чѣмъ христіанинъ по своимъ симпатіямъ. Онъ совѣтуетъ христіанству научиться примѣромъ языческихъ религій, ибо только при этомъ условіи оно можетъ сослужить дѣйствительную службу государству. Оно должно проповѣдовать любовь къ земной родинѣ, ставить людямъ въ обязанность заботы объ ея возвеличеніи. Если средневѣковый идеалъ превращалъ царей въ святителей, то Макіавелли хочетъ сдѣлать священниковъ жандармами въ рясахъ. Культъ государства у него какъ бы замѣняетъ собою не только религію, но и нравственный кодексъ; и этотъ культъ нуждается въ жрецахъ для своего поддержанія.

Священники нужны Макіавелли лишь въ качествѣ охранительнаго устоя, безъ коего не можетъ существовать государство. Ближайшимъ предвѣстникомъ крушенія государствъ служитъ упадокъ религіи, культа. Поэтому правители должны всячески заботиться о поддержаніи существующихъ религіозныхъ учрежденій. Одинъ страхъ передъ Божествомъ объединяетъ и сдерживаетъ массы, обезпечиваетъ прочный порядокъ въ государствѣ: этого страха не можетъ замѣнить никакая мудрость правителя. Древніе это понимали, и вотъ почему великіе законодатели древности—Ликургъ, Солонъ и Нума Помпилій, старались связать свое законодательство съ откровеніемъ божественной воли. Поглощенный интересами современной дѣйствительности, Макіавелли не въ состояніи стать на точку зрѣнія отдаленныхъ эпохъ. Восхищаясь греками и римлянами, выставляя ихъ какъ образцы для современниковъ, онъ вноситъ въ оцѣнку явленій древняго міра точку зрѣнія его эпохи, чуждую древности. То, что древніе дѣлали изъ наивной вѣры, онъ приписываетъ хитрому расчету лукавой политики. Въ подкрѣпленіе своей мысли Макіавелли ссылается и на современные примѣры. „И въ наши дни,—говоритъ онъ,—Савонарола достигъ верховной власти во Флоренціи, такъ какъ ему удалось убѣдить флорентійцевъ, что онъ находится въ сношеніяхъ съ Божествомъ“. Былъ ли Совонарола пророкомъ—избранникомъ Провидѣнія или просто-напросто обманщиомъ, не все ли равно? Онъ достигъ своей цѣли, и, слѣдовательно, результатъ его оправдываетъ.

Для Макіавелли безразличенъ вопросъ о внутреннемъ существѣ вѣры. Онъ знаетъ свой народъ и дорожитъ только тѣмъ внѣшнимъ декорумомъ религіи, который ослѣпляетъ массы и сильно дѣйствуетъ на воображеніе впечатлительныхъ итальянцевъ. Прорицанія и знаменія, жертвоприношенія и пышныя церемоніи,—все это вѣрныя средства въ рукахъ политика! Чтобы держаться на высотѣ власти, правитель долженъ умѣть ими пользоваться. Каково бы ни было его внутреннее настроеніе, онъ долженъ всегда казаться набожнымъ и благочестивымъ. Всѣми этими средствами пользовалась въ Средніе вѣка церковь для утвержденія своего могущества. Но церковь пришла въ упадокъ; чтобы нанести ей послѣдній сокрушительный ударъ, надо поразить ее ея же оружіемъ и воспользоваться ея добромъ для созданія земного благополучія человѣчества.

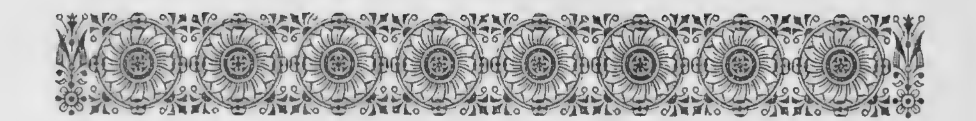
Разсматривая политическое искусство правителей древняго и новаго міра, Макіавелли вообще не подвергаетъ ихъ дѣйствій какой бы то ни было нравственной оцѣнкѣ: онъ только обсуждаетъ различныя пріемы политики съ точки зрѣнія тѣхъ или другихъ практическихъ результатовъ, коихъ требуется достигнуть. Вопросъ о нравственности или безнравственности тѣхъ или другихъ средствъ словно вовсе выходитъ изъ его кругозора. Истинный сынъ эпохи Возрожденія, онъ боготворитъ человѣка въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ его могущества, въ добрѣ, какъ и въ злѣ. Онъ любуется всякою рослою героическою фигурою, всякимъ искуснымъ шахматнымъ ходомъ княжеской политики: онъ восхищается злодѣяніями правителей, если только они умѣютъ сохранить величіе въ злодѣйствѣ. Такъ, напримѣръ, онъ съ особою нѣжностью останавливается на дѣяніяхъ извѣстнаго изверга того времени—герцога Романьи Цезаря Борджіа: его онъ ставитъ въ примѣръ всѣмъ тѣмъ правителямъ, которые достигаютъ власти случайно или благодаря чужой помощи.

Въ предѣлахъ настоящаго краткаго историческаго очерка намъ нѣтъ ни возможности, ни надобности вдаваться въ нравственную оцѣнку макіавеллизма: наша задача заключается лишь въ томъ, чтобы сгруппировать здѣсь тѣ черты ученія Макіавелли, которыя дѣлаютъ его типическимъ сыномъ его времени, выясняютъ контрастъ между средневѣковыми понятіями и политическими тенденціями эпохи Возрожденія.

Та горняя, вышняя родина, которая когда-то воодушевляла средневѣковыхъ папъ и императоровъ, во имя которой разноплеменные полки крестоносцевъ шли умирать у гроба Господня, въ XV вѣкѣ уже не

сосредоточиваетъ на себѣ интересовъ человѣка и блекнетъ въ своемъ небесномъ отдаленіи. Зато родина земная, воспѣтая поэтами, прославленная мыслителями, украшенная великими произведеніями художниковъ, красуется передъ нимъ въ величіи и блескѣ, сверкая всѣми цвѣтами радуги.

Кн. Евгеній Трубецкой.



„In diem addictio", какъ частный случай продажи съ публичнаго торга.

I.

Договоръ, какъ извѣстно, въ римскомъ гражданскомъ правѣ (въ отличіе отъ современнаго французскаго), не въ состояніи повлечь за собой переходъ собственности; для этого договоръ долженъ быть восполненъ [въ эпоху классическую: формальными актами отчужденія (mancipatio или in jure cessio) для res mancipi и неформальной передачей для res nec mancipi; въ правѣ Юстиніана: неформальной] передачей: c. 20 Cod. 2. 3. Traditionibus.... non nudis pactis dominia rerum transferuntur. Поэтому, лицо, заключившее договоръ купли, еще не будетъ собственникомъ купленной вещи; оно станетъ таковымъ лишь по врученіи ему вещи продавцомъ. Однако, есть въ римскомъ гражданскомъ правѣ одинъ частный случай договора купли-продажи, гдѣ, въ отступленіе отъ указаннаго общаго начала, собственность переходитъ силою одного договора. Случай этотъ—сдѣлка, названная римлянами *addictio in diem.* Доказать это положеніе по источникамъ и объяснить его исторіей нашей сдѣлки составляетъ задачу послѣдующаго изложенія. Но предварительно нѣсколько словъ о сущности addictio in diem, какъ эта сущность понимается общепринятымъ ученіемъ.

Подъ *addictio in diem* обычно разумѣютъ договоръ купли-продажи, осложненный добавочнымъ соглашеніемъ сторонъ о правѣ продавца отказаться отъ сдѣлки, если третье лицо въ извѣстный срокъ предложитъ продавцу условія болѣе выгодныя, чѣмъ условія покупателя (fr. 1 Dig. h. t. 18. 2). Юридически это добавочное соглашеніе можно разсматривать какъ условіе отлагательное (суспензивное); но классики (fr. 2 § 4 D. 41. 4) склонны разсматривать его какъ условіе разрѣшительное (резолютивное), т. е. такъ, что послѣдствія сдѣлки наступаютъ немедленно съ ея заключеніемъ, но прекращаются въ случаѣ исполненія условія. Если такъ разсматривать это добавочное соглашеніе, то

сдѣлка addictio in diem дважды перемѣщаетъ собственность: въ первый разъ при заключенiи сдѣлки, когда собственность переходитъ къ покупателю, и во второй разъ при наступленiи условiя, когда собственность возвращается къ продавцу.

Особенность addictio in diem и состоитъ въ томъ, что оба раза переходъ собственности совершается силою одного договора, безъ передачи вещи одной стороною другой. Какъ ни аномально для римскаго *гражданскаго* права это положенiе, источники позволяютъ установить его съ полной достовѣрностью.

А именно,

1) *Послѣ заключенiя сдѣлки покупатель, согласно источникамъ, получаетъ право виндицировать вещь; онъ, слѣдовательно, прiобрѣтаетъ право собственности, при чемъ источники не требуютъ* сверхъ заключенiя сдѣлки особаго акта *передачи вещи покупателю.*

Положенiе это, совершенно неизвѣстное въ наукѣ, на нашъ взглядъ прямо вытекаетъ изъ сопоставленiя fr. 41 pr. Dig. 6. 1 и fr. 1 Dig. 18. 2. Въ первомъ мѣстѣ читаемъ:

> Ulpianus l. 17 ad edictum. Si quis hac lege emerit, ut si alius meliorem conditionem attulerit, recedatur ab emptione, post allatam conditionem jam non potest in rem actione uti. Sed et si *cui in diem addictus sit fundus,* antequam adjectio sit facta, *uti in rem actione potest:* postea non poterit.

Полное объясненiе этого темнаго мѣста мы дадимъ ниже; теперь для насъ имѣютъ значенiе лишь подчеркнутыя слова юриста: „cui in diem addictus sit fundus... uti in rem actione potest". Итакъ, для наступленiя указаннаго юридическаго эффекта, для прiобрѣтенiя покупателемъ вещнаго иска, а слѣдовательно, и вещнаго права, необходимо, но въ то же время и достаточно выполненiя addictio. Остается лишь знать, какъ совершается эта addictio, въ которой скрыта правотворящая сила? Отвѣтъ даетъ fr. 1 Dig. 18. 2, изъ котораго мы узнаемъ, что addictio выполняется путемъ произнесенiя извѣстной устной формулы, которая юридически представляетъ собою конечный моментъ въ процессѣ заключенiя договора. Во всякомъ случаѣ, ни одно изъ приведенныхъ мѣстъ ничего не упоминаетъ о передачѣ вещи покупателю; въ ней, слѣдовательно, нѣтъ никакой необходимости.

Но далѣе:

2) Тотъ же порядокъ перехода собственности въ силу простого договора повторяется и въ конечномъ моментѣ дѣйствiя нашей сдѣлки. А именно: предложенiе продавцу болѣе выгодныхъ условiй разрушаетъ вещное право покупателя (и его правопреемниковъ) и возвращаетъ это

право продавцу. Это положенiе извѣстно въ наукѣ, такъ какъ его раздѣляютъ тѣ писатели, которые держатся теорiи вещнаго дѣйствiя исполненiя резолютивнаго условiя. Вопросъ о силѣ исполненiя резолютивнаго условiя, какъ извѣстно, спореnъ. Въ то время какъ одни ученые (преимущественно французскiе, какъ напр. Pellat [1]) и Buffnoir [2]), въ Германiи Riesser [3])) считаютъ, что это исполненiе сопровождается дѣйствiемъ обязательственнымъ, т. е. налагаетъ на прiобрѣтателя обязанность перенесть право и вещь передатчику, другiе (главнымъ образомъ юристы германскiе, какъ v. Vangerow [4]), Windscheid [5]), Dernburg [6]), Regelsberger [7]); изъ французскихъ—Girard [8])) признаютъ возможность вещнаго дѣйствiя въ томъ смыслѣ, что исполненiе условiя разрушаетъ вещное право прiобрѣтателя и возвращаетъ его безъ всякаго акта прiобрѣтателя отчуждателю. Во всякомъ случаѣ, для addictio in diem на основанiи прямыхъ показанiй источниковъ, а именно fr. 41 pr. Dig. 6. 1 и fr. 2 § 4 Dig. 18. 2, правильной нужно признать вторую точку зрѣнiя. Согласно fr. 41 cit., съ исполненiемъ условiя покупатель теряетъ вещный искъ, который—и это дополненiе словъ юриста неизбѣжно—возвращается къ продавцу.

Въ второмъ мѣстѣ Марцеллъ рѣшаетъ, что залогъ, установленный покупателемъ въ перiодъ нерѣшительнаго состоянiя условiя, теряетъ свою силу съ наступленiемъ условiя. Resoluto jure concedentis resolvitur jus concessum. Такое рѣшенiе возможно только, если держаться теорiи вещнаго дѣйствiя.

Сказанное въ достаточной мѣрѣ подтверждаетъ правильность указанныхъ выше особенностей addictio in diem. Переходимъ теперь къ объясненiю этихъ особенностей. Но предварительно справимся съ тѣми объясненiями, которыя уже даны въ литературѣ.

Литература, какъ уже указано, знаетъ особенности addictio in diem не вполнѣ, а лишь въ части, отмѣчая только вторую изъ выставленныхъ нами выше особенностей этой сдѣлки. Естественно поэтому, что попытки объясненiя касаются лишь второй изъ этихъ особенностей. Общераспространенная на этотъ счетъ гипотеза, которую раздѣляетъ

---

1) Pellat, Proprieté, стр. 274—285.
2) Buffnoir, Condition, стр. 136—177.
3) Riesser, Zeitschrift f. Civilrecht и Process II, стр. 1 слд., 270 слд.
4) v. Vangerow, Pandecten (7 изд.) I § 96, стр. 149—156.
5) Windscheid, Pandecten I § 90, прм. 1 и 4.
6) Dernburg, Pandecten I § 112, прм. 9.
7) Regelsberger, Pandecten § 115.
8) Girard, Manuel élémentaire de droit romain (3 изд.), стр. 716—717.

между прочимъ осторожный и сдержанный въ своихъ заключеніяхъ парижскій романистъ P. F. Girard, носитъ до извѣстной степени характеръ историческій и въ существенномъ состоитъ въ слѣдующемъ. Отправляются отъ безспорнаго положенія римскаго классическаго права о томъ, что квиритская собственность на res mancipi не переходитъ въ силу простой традиціи, а требуетъ для перехода формальныхъ актовъ отчужденія (mancipatio, in jure cessio). Примѣняя это положеніе къ нашему случаю addictio in diem, предполагаютъ, что продавецъ совершилъ лишь передачу и воздержался отъ совершенія манципаціи. Въ силу этого вещныя права и иски распредѣлятся слѣдующимъ образомъ: продавецъ остается квиритскимъ собственникомъ и сохраняетъ цивильную виндикацію, покупатель же становится въ то отношеніе къ вещи, которое принято называть бонитарной собственностью (in bonis habere), и защищается преторскимъ публиціановымъ искомъ. При такой точкѣ зрѣнія, право продавца виндицировать вещь по наступленіи условія, собственно говоря, и не нуждается въ объясненіи, такъ какъ оно является прямымъ послѣдствіемъ того, что, согласно излагаемой гипотезѣ, продавецъ и не переставалъ быть цивильнымъ собственникомъ.

Объясненіе это подкупаетъ своей простотой и остроуміемъ; но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи въ немъ обнаруживаются существенные недостатки. Прежде всего объясненіе это умѣстно только при томъ предположеніи, что въ классическую эпоху сдѣлка addictio in diem возможна была только относительно т. н. res mancipi. Но авторы критикуемой гипотезы этого не доказываютъ и едва ли и могутъ доказать. Источники не даютъ основанія для такого суженія области примѣненія нашей сдѣлки. Если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ источниковъ предметомъ нашей сдѣлки дѣйствительно являются res mancipi (fundus, servus), то рядомъ имѣются и другія мѣста, въ которыхъ юристы означаютъ объектъ нашей сдѣлки широкимъ терминомъ—„res“, одинаково приложимымъ и къ res mancipi и къ res nec mancipi (см., напр., fr. 4 § 1 Dig. 18. 2). Далѣе, съ точки зрѣнія опровергаемой гипотезы, между вещными исками продавца и покупателя существуетъ глубокое различіе, такъ какъ искъ перваго—*цивильная* виндикація, а искъ второго—*преторская* actio Publiciana. Естественно поэтому было бы ожидать, что юристы классическіе, жившіе и писавшіе въ эпоху, когда различіе между правомъ цивильнымъ и преторскимъ имѣло практическое значеніе (наприм., въ вопросѣ о порядкѣ процессуальнаго поглощенія иска: Gai. IV. § 106. 107), такъ или иначе отмѣтятъ это различіе въ характерѣ обоихъ исковъ. Источники, однако, такого ожиданія не оправдываютъ;

нигдѣ не встрѣчаемъ указаній на то, что вещный искъ покупателя представляетъ собою actio Publiciana. Молчаніе источниковъ въ такомъ существенномъ пунктѣ равносильно отрицанію. Добавимъ ко всему сказанному еще и то обстоятельство, что сторонники опровергаемой гипотезы произвольно предполагаютъ, что продавецъ передалъ вещь покупателю; иначе, вѣдь, послѣдній не могъ бы пріобрѣсть бонитарной собственности. Но такое предположеніе, какъ мы старались выше показать, противорѣчитъ fr. 41 pr. Dig. 6. 1 и fr. 1 Dig. 18. 2.

На этомъ основаніи мы не можемъ признать вышеприведенное объясненіе правильнымъ. Постараемся замѣнить его другимъ, способнымъ объяснить обѣ выше указанныя особенности addictio in diem.

II.

Общепринятое мнѣніе слишкомъ широко понимаетъ смыслъ сдѣлки addictio in diem. Въ дѣйствительности не всякій договоръ купли-продажи съ описаннымъ выше добавочнымъ соглашеніемъ представляетъ собой ту сдѣлку, которую римляне назвали addictio in diem, а только продажа *съ публичнаго торга*—аукціонъ. Злоупотребляя нѣсколько терминологіей русскаго права, мы могли бы охарактеризовать сдѣлку addictio in diem—какъ публичный торгъ съ возможностью переторжки. Разумѣется, и при вольной продажѣ стороны могутъ прибавить къ основому договору соглашеніе о правѣ продавца отступить отъ сдѣлки, „si melior conditio allata erit"; но такую сдѣлку римляне не называли addictio in diem; и далѣе, если addictio in diem, какъ свидѣтельствуетъ второй титулъ восемьнадцатой книги Дигестъ, въ Римѣ практиковалась часто, и если послѣдствія ея на практикѣ не вызывали сомнѣній, то, напротивъ, вольная продажа съ описаннымъ выше правомъ отступленія у римлянъ была столь же рѣдка, какъ и въ наши дни, и еще одинъ изъ послѣднихъ классическихъ юристовъ Ульпіанъ не вполнѣ увѣренъ въ практическихъ послѣдствіяхъ такой сдѣлки. Все сказанное мы подкрѣпимъ ниже, объясняя fr. 41. Dig. 6. 1,—мѣсто, которое непонятно при господствующемъ взглядѣ на addictio in diem и совершенно ясно для насъ. Теперь же остановимся на связи addictio in diem съ продажей съ аукціона.

Связь эта устанавливается самимъ наименованіемъ нашей сдѣлки. Правда, терминъ addicere не имѣетъ опредѣленнаго, строго установившагося юридическаго значенія; но нельзя не признать, что источники особенно часто употребляютъ нашъ терминъ для означенія конечнаго момента публичнаго торга, того момента, который въ нѣмецкой юри-

дической терминологіи именуется—„Zuschlag“. Словоупотребленіе это встрѣчаемъ и у не-юристовъ, какъ, напр., у Цицерона (Cic. pro Caec. § 16, in Verr. III. 77), у Светонія (Gai. c. 38) и Плинія (Hist. Nat. 29. 4. 30), и у юристовъ, какъ Гай (Cai. III. § 79). Но особенную цѣнность имѣетъ свидѣтельство памятника юридическаго,—отрывка надписи, открытаго въ 1876 г. и извѣстнаго подъ именемъ lex metalli Vipascensis [9]). Здѣсь дважды замѣчается указанное словоупотребленіе:

V. 4: *Si instituta auctione inversaliter omnia addicta fuerint,* nihilo minus venditor ce[ntesimam conductori socio acto]rive ejus praestare debeto;

v.v. 7. 8: [Qui res sub praecone] habuerit, *si eas non addixerit* et intra dies decem, quam sub praecone fuerint, de condici[one vendiderit nihilo minus con]ductori socio actorive ejus centesimam d. d.[10]).

Намеки на связь addictio in diem съ аукціонной продажей встрѣчаются и у нѣкоторыхъ писателей [11]). Къ сожалѣнію, писатели, коснувшіеся этой мысли, не сдѣлали изъ нея должнаго вывода. А выводъ этотъ заключается въ томъ, что юридическія особенности addictio in diem объясняются исторіей римскаго аукціона [12]).

Аукціонъ имѣлъ въ Римѣ огромное бытовое значеніе и въ области сдѣлокъ между частными лицами, и въ области сдѣлокъ, заключавшихся магистратами Римской республики отъ имени государства съ частными лицами, въ области т. н. Staatsvermögensrecht.

Для показанія распространенности частнаго аукціона чрезвычайно характерны слѣдующія слова Катона, въ которыхъ онъ подаетъ совѣтъ землевладѣльцу, обозрѣвающему свое помѣстье и приводящему хозяйство въ порядокъ. Катонъ говоритъ ему: „auctionem uti faciat; vendat oleum, si pretium habet, vinum frumentumque quod supersit, boves vetu-

---

[9]) C. J. L. т. II п. 5181. Bruns, Fontes jur. Rom. antiqui (ed. 6), стр. 266—270.

[10]) Schirmer, De volunt. privat. auctionibus apud vet. Rom. Commentatio (стр. 23, прим. 106), говоритъ: „Solenne est addicendi verbum in auctionibus“. Впрочемъ, Schirmer еще не имѣлъ въ виду l. metalli Vipascensis.—Терминъ „addictio“ въ значеніи нѣмецкаго „Zuschlag“ употребляютъ: Pernice, Parerga II, стр. 114, Karlowa, Röm. Rechtsgeschichte т. II, стр. 31.

[11]) Такъ, Bechmann (Kauf т. I, стр. 43), разъясняя значеніе термина addicere и указавъ его происхожденіе, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Die addictio in diem ist im Grunde nichts anderes, als eine eigenthümlich gestaltete Auction“.—Равнымъ образомъ Girard (Manuel 3 ed. p. 714 n. 2) по поводу addictio in diem замѣчаетъ: „Cette clause, dont le nom meme rapelle l'addictio *de la vente aux enchères,* fournissait au vendeur le moyen d'espacer les enchères“ etc.

[12]) Во главѣ (небольшой) литературы о частномъ аукціонѣ стоитъ цѣнный этюдъ Mommsen'a: „Die Pompejanischen Quittungstafeln des L. Caecilius Iucundus“, помѣщенный въ Hermes, т. XII, стр. 88 слд.

los, armenta delicula, aves deliculas, lanam, pelles, plostrum vetus, feramenta vetera, servum senem, servum morbosum; et si quid aliud supersit vendat (Cato d. R. R. 2).

Вообще, какъ замѣчаетъ Mommsen [13]), къ аукціонной продажѣ обращался тотъ, кто желалъ легко и быстро отдѣлаться отъ вещей ему ненужныхъ или излишнихъ; къ аукціону обращался и тотъ, кто при внезапной и настоятельной нуждѣ въ деньгахъ, желалъ въ короткій срокъ раздобыть ихъ.—Съ того времени, когда устройство и производство аукціоновъ перешло въ руки банкировъ, которые въ числѣ другихъ финансовыхъ операціи занимались производствомъ аукціонной продажи для своихъ кліентовъ [14]), аукціонъ и связанныя съ нимъ операціи служили въ Римѣ тому, чему въ настоящее время служитъ институтъ торговыхъ маклеровъ и сдѣлка торговой коммиссіи.

Столь же важно значеніе аукціона въ административно-хозяйственной практикѣ Римской республики, такъ какъ разнообразнѣйшіе договоры казны съ частными лицами заключались путемъ аукціона. Продавалъ ли квесторъ взятую на войнѣ добычу или конфискованное у частнаго лица имущество, сдавалъ ли цензоръ въ аренду недвижимость государства или его доходныя статьи (vectigalia), заключалъ ли тотъ же цензоръ договоръ подряда или поставки для удовлетворенія разнообразнѣйшихъ хозяйственныхъ нуждъ государства (т. н. ultrotributa),—во всѣхъ этихъ случаяхъ для возбужденія конкуренціи и для пріисканія наиболѣе выгоднаго контрагента аукціонъ являлся обычнымъ пріемомъ [15]).

Итакъ, аукціонъ одинаково извѣстенъ и праву частному и праву публичному [16]). Однако, есть полное основаніе думать, что аукціонъ,

---

[13]) Mommesen, l. c. стр. 92, прим. 2 и 3.

[14]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ найденныя при раскопкахъ въ Помпеѣ квитанціи банкира L. Caecilius Jucundus. Ихъ текстъ и объясненіе къ нимъ и составляетъ содержаніе вышеприведеннаго этюда Mommsen'a. Послѣдующую литературу приводитъ Girard (Textes de droit Romain, стр. 770).

[15]) Срвн. Karlowa, Rechtsgeschichte, т. II, стр. 29 i. f.: „Alle Verkäufe u. Verpachtungen sub hasta geschahen im Wege öffentlicher Versteigerung. Man darf wohl annehmen, das im Bezug auf Verkäufe, Verdingungen u Verpachtungen vom Staatsgut der Weg der Lizitation........ fest vorgeschrieben war".—Богатый матеріалъ объ этихъ сдѣлкахъ собралъ Heyrowsky (Ueber d. rechtliche Grundlage d. leges contractus bei Rechtsgeschäften zwischen dem römischen Staat u Privaten, стр. 2—14).

[16]) Согласно римскому значенію дѣленія jus publicum и jus privatum (fr. 1 § 2 Dig. 11), нормы объ имущественныхъ отношеніяхъ Римской республики къ частнымъ лицамъ принадлежатъ къ jus *publicum*.—Лишь когда императорскій фискъ поглотилъ aerarium, казна подпала дѣйствію jus *privatum*.

какъ пріемъ заключенія неформальныхъ или такъ наз. консенсуальныхъ контрактовъ, раньше сложился въ правѣ публичномъ и оттуда перешелъ въ право частное. И въ самомъ дѣлѣ, аукціонъ для означенной цѣли въ частномъ оборотѣ необходимо предполагаетъ признаніе исковой силы за т. н. „judicia bonae fidei", къ которымъ вели всѣ консенсуальные контракты. Консенсуальные контракты получили исковую силу не ранѣе lex Aebutia и связаннаго съ этимъ закономъ формулярнаго процесса, такъ какъ процессъ per legis actiones не зналъ такъ называемыхъ judicia bonae fidei [17]). Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что задолго до изданія l. Aebutia, который Girard помѣщаетъ послѣ 609 и до 628 г.г. римской эры [18]), магистраты римскіе заключали съ частными лицами упомянутые выше договоры, а, слѣдовательно, знали и практиковали аукціонъ.

Правда, первыя упоминанія о сдѣлкахъ цензоровъ съ публиканами относятся къ VI в. римской эры (Liv. 23, 49, 39, 44). Но есть основанія относить эти явленія къ эпохѣ болѣе ранней (Liv. 5. 23; 6, 32) и, быть можетъ даже, къ эпохѣ до введенія цензуры.

Признавая въ силу сказаннаго историческое первенство за аукціономъ публичнаго права, мы обязаны перейти къ вопросу о сдѣлкахъ Римской республики съ частными лицами и о характерѣ нормъ, управляющихъ этими сдѣлками. Еще не такъ давно думали, что Римское государство, какъ субъектъ имущественныхъ правъ и обязанностей, подчинялось правиламъ частнаго права, что сдѣлки государства съ частными лицами ни по формѣ, ни по послѣдствіямъ ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ сдѣлокъ между тѣми же лицами [19]). Bachofen'у [20]), Huschke [21]) и въ особенности Mommsen'у наука обязана установленіемъ болѣе близкаго къ истинѣ взгляда. Такъ, Mommsen доказалъ, что примѣненіе формъ сдѣлокъ между частными не было обя-

---

[17]) Сказанное въ текстѣ о датѣ исковой силы т. н. judicia bonae fidei есть выводъ изъ Cic. de off. 3, 15, 61 и Gai. IV. 11. У Цицерона Q. M. Scaevola называетъ jud. bonae fidei—judicia *sine lege*, а Гай о legis actiones говоритъ, что они..... *legibus* proditae erant, т. е. должны были имѣть опору въ законѣ. Выводъ этотъ сдѣланъ Girard'омъ (Nouv. Revue Histor. 1897, стр. 254—256, Manuel, стр. 519 слд.). Господствующее мнѣніе, напрм. Keller (Civilprocess § 17), помѣщаетъ jud. bonae fidei уже въ процессѣ легисакціонномъ, но безъ всякаго основанія.

[18]) Girard, Zeitschrift d. Savigny-Stiftung R. A. т. 14, стр. 11—54.

[19]) Послѣднимъ и наиболѣе ревностнымъ защитникомъ этого взгляда былъ Goeppert, Zeitschrift f. Rechtsgeschichte т. IV, стр. 254 слд.

[20]) Bachofen, Pfandrecht, стр. 220 слд.

[21]) Huschke, Nexum, стр. 12.

зательно для сдѣлокъ между государствомъ и частнымъ[22]). Послѣдующіе изслѣдователи вопроса (Heyrowsky[23]), Pernice[24])) пошли еще дальше, доказавъ, что и матеріальныя послѣдствія сдѣлокъ государства съ частными во многомъ отличаются отъ послѣдствій сдѣлокъ между частными. Благодаря трудамъ названныхъ ученыхъ, можно считать доказаннымъ то положеніе, что публично-имущественное право знаетъ институты, которые въ частномъ правѣ или вовсе неизвѣстны или появляются сравнительно поздно,—значительно позже, чѣмъ въ правѣ публичномъ. Оказывается, такимъ образомъ, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ имущественное право Римской республики ближе современному гражданскому праву, чѣмъ римское jus privatum даже классическаго періода. И въ самомъ дѣлѣ: еще въ періодъ классическій римское jus privatum смотритъ на обязательство, какъ на такое юридическое отношеніе, которое неразрывно связано съ тѣми лицами, между которыми оно завязалось; поэтому, оно не допускаетъ не только перемѣны должника въ обязательствѣ, но даже и вѣрителя, не знаетъ того, что мы называемъ теперь передачей требованія. Лишь окольными путями можно было достигнуть въ классическомъ Римѣ измѣненія вѣрителя въ обязательствѣ: или новаціей, которая юридически представляетъ погашеніе одного обязательства и установленіе другого (въ лицѣ новаго вѣрителя) (Gai. 2. 38) и требуетъ согласія на эту операцію должника, или путемъ процессуальнаго представительства, путемъ передачи искового осуществленія требованія (mandatum agendi, Gai 2. 39). —Современный гражданскій оборотъ для передачи требованія не нуждается во всѣхъ этихъ околичностяхъ; но столь же мало нуждалось въ нихъ и римское публичное право: уже въ періодъ республики здѣсь передача требованій совершалась такъ же легко и просто, какъ совершается она въ современной жизни. Доказательство тому находимъ въ т. н. leges censoriae, договорахъ цензоровъ съ публиканами, въ силу которыхъ къ публиканамъ переходили требованія государства къ отдѣльнымъ плательщикамъ налоговъ: L. agraria 643 ur., vv. 85. 86. Cic. in Verr. 3. 10. 26[25]). Далѣе, примѣръ института, въ правѣ публичномъ развившагося гораздо раньше, чѣмъ въ правѣ частномъ, даетъ исторія римскаго залога и въ частности той его формы, когда заложенная

[22]) Mommsen, die Stadtrechte d. latin. Gemeinden Salpensa u. Malaca, стр. 467.

[23]) Heyrowsky, Leges contractus, стр. 16 слд.

[24]) Pernice, die Beziehungen d. öffentlichen Röm. Recht Zum Privatrechte (Parerga II), стр. 1 слд.

[25]) Впервые это указано Schmidt'омъ, d. Grundlehren d. Cession т. II, стр. 170. См. также Bruns, Zur Geschichte d. Cession, стр. 25 слд.

вещь до наступленія срока обязательства остается у залогодателя. Какъ показали новѣйшія изслѣдованія въ области исторіи римскаго залога[26]), въ частномъ оборотѣ залогъ въ формѣ т. н. hypotheca развивается не ранѣе начала императорскаго періода. А между тѣмъ публичное право уже въ эпоху республики знало подобнаго рода залогъ въ видѣ т. н. subsignatio praediorum, которымъ вмѣстѣ съ личнымъ поручительствомъ[27]) частныя лица обезпечивали свои обязательства предъ государствомъ: Lex agraria (643 ur.) vv. 63. 74; Lex pariet. faciundo Puteolanea (Bruns Fontes p. 332).

Къ числу нормъ, исключительно свойственныхъ государственному праву, принадлежитъ и норма о переходѣ собственности безъ особаго акта передачи вещи. Правило это для случаевъ продажи квесторомъ съ аукціона добычи, состоящей изъ рабовъ, засвидѣтельствовано Варрономъ—Varro d. R. R. 2. 10. 4: in emptionibus dominium legitimum sex fere res perficiunt:.... aut si e praeda sub corona emit[28]).

Все сказанное еще не объясняетъ, почему аукціонъ и въ частномъ правѣ сохранилъ черты, пріобрѣтенныя имъ въ правѣ публичномъ? Отвѣтъ, намъ думается, даетъ участіе въ совершеніи частныхъ аукціоновъ римскихъ банкировъ (argentarii) въ связи съ особымъ характеромъ, который римляне признавали за ихъ дѣятельностью. Въ названномъ выше очеркѣ римскаго частнаго аукціона Mommsen[29]) установилъ любопытную аналогію въ организаціи нисшаго служебнаго персонала банкировъ (т. н. praecones) и римскихъ магистратовъ (т. н. apparitores). Ни тѣ, ни другіе не подчинены отдѣльному банкиру или магистрату, а, напротивъ, вполнѣ самостоятельны. Ни въ той, ни въ другой роли мы не встрѣчаемъ рабовъ, а только лицъ свободнаго состоянія. И такъ какъ по отношенію къ apparitores это объясняется прямымъ требованіемъ закона, то Mommsen склоненъ предполагать существованіе подобнаго рода законовъ и для praecones.—Мы, разумѣется, далеки отъ мысли проводить намѣченную Mommsen'омъ аналогію дальше, утверждать, что римскій аргентарій былъ должностнымъ лицомъ. Но въ связи съ другими показаніями источниковъ замѣченный Mommsen'омъ фактъ важенъ для уясненія характера дѣятельности аргентарія. Такъ, мы знаемъ, что въ императорскую эпоху пре-

26) Herzen, Origine de l'hypothèque romaine, стр. 167—201.

27) Т. н. Cautio praedibus praediisque. См. Rivier, Untersuchungen über die cautio pr. praediisque, стр. 76 слд., Heyrowsky l. c., стр. 44, прм. 3.

28) Pernice, Parerga II, стр. 75. Heyrowsky, l. c., стр. 41, прм. 1.

29) Mommsen, Hermes, стр. 100—101.

фектъ Рима имѣлъ надзоръ „ut nummularii probe se agant circa omne negotium suum et temperent his, quae iis sunt prohibita“ (fr. 1 § Dig. 1. 12). И нѣтъ основаній думать, что аргентаріи были свободны отъ этого надзора въ эпоху республиканскую. Такъ, далѣе, въ виду того, что книги аргентаріевъ обладали доказательной силой за и противъ аргентаріевъ, эдиктъ претора обязывалъ аргентаріевъ предъявлять эти книги для обозрѣнія по требованію лицъ заинтересованныхъ (fr. 4 pr. D. 2. 13). Наконецъ, источники прямо приписываютъ аргентаріямъ „*fides publica*“: fr. 24 § 2 Dig. 42. 5; срвн. C. J. L. VIII n. 7156.— Все это въ совокупности позволяетъ, думается намъ, заключить, что, хотя аргентаріи и не были должностными лицами, но дѣйствія ихъ, заслуживая fides publica, считались дѣйствіями офиціальнаго характера. А если такъ, то особенность addictio въ частномъ аукціонѣ уясняется само собой: „addictio“ аргентарія обладаетъ тою же силою, какъ „addictio“ квестора или иного магистрата, и подобно послѣдней переноситъ собственность. И признаніе за addictio аргентарія подобной силы тѣмъ менѣе вызывало сомнѣнія, что, какъ мы знаемъ, аргентаріи вели, а можетъ быть, и обязаны были вести списки проданныхъ съ аукціона вещей и лицъ, пріобрѣвшихъ эти вещи (Cic. pro Cluent. 180. Quint. XI. 2. 24).

III.

Предложенная гипотеза о сущности сдѣлки „addictio in diem“ прежде всего поможетъ намъ уяснить истинный смыслъ формулы, произносимой при заключеніи этой сдѣлки и переданной намъ Павломъ (fr. 1 Dig. h. t. 18. 2).—Если мы вспомнимъ, что аукціонъ совершается аргентаріемъ или даже его помощникомъ (praeco), то мы прійдемъ къ выводу, что слова, указанныя въ fr. 1 cit., произноситъ не хозяинъ продаваемой вещи, а аргентарій или его помощникъ. Въ такомъ случаѣ понятно, почему въ формулѣ заключенія сдѣлки о хозяинѣ продаваемой вещи говорится въ третьемъ лицѣ („quo res *a domino* abeat“). Между тѣмъ господствующее мнѣніе предполагаетъ, что сдѣлку продажи совершаетъ самъ хозяинъ продаваемой вещи; но едва ли оно можетъ дать удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ, почему же этотъ хозяинъ находитъ нужнымъ говорить о себѣ не въ первомъ, а въ третьемъ лицѣ: вѣдь въ текстѣ стоитъ—„quo res *a domino* abeat“, тогда какъ, если бы сдѣлку заключалъ самъ хозяинъ продаваемой вещи, въ текстѣ должно было бы стоять—„quo res *a me* abeat“.

Еще важнѣе то, что только наша гипотеза въ состояніи дать удовлетворительное объясненіе fr. 41 pr. Dig. 6. 1, который при го-

сподствущемъ пониманіи addictio in diem представляетъ значительныя затрудненія.

Ulpianus libro septimo decimo ad edictum.

Si quis hac lege emerit ut, si alius meliorem conditionem attulerit, recedatur ab emptione, post allatam conditionem jam non potest in rem actione uti, sed et si cui in diem addictus sit fundus antequam adjectio sit facta, uti in rem actione potest: postea non poterit.

Такъ какъ господствующій взглядъ, какъ уже было выше указано, не различаетъ между сдѣлкой addictio in diem и куплей-продажей съ правомъ продавца отступить отъ сдѣлки при полученіи отъ кого либо болѣе выгоднаго предложенія, то необходимо при такой точкѣ зрѣнія признать, что Ульпіанъ въ нашемъ мѣстѣ впалъ въ тавтологію: во второй части фрагмента (отъ словъ: sed et si cui etc.) онъ повторяетъ то, что уже сказано имъ въ первой части, а именно, что покупатель съ наступленіемъ условія теряетъ право виндикаціи. Выводъ, разумѣется, неудовлетворительный и неутѣшительный! Естественно поэтому, что возникаетъ рядъ попытокъ найти то или иное различіе между обѣими частями фрагмента. Достаточно краткаго обзора, чтобы убѣдиться въ ихъ несостоятельности. Глосса [30]) относитъ первую часть фрагмента къ движимостямъ, вторую къ недвижимостямъ. Произвольность этого предположенія очевидна сама собой.—Изъ современныхъ юристовъ одни, какъ, наприм., Unterholzner [31]), Sintenis [32]), даютъ толкованіе, отцомъ котораго, быть можетъ, слѣдуетъ признать знаменитаго Azo [33]) и согласно которому различіе между обѣими частями fr. 41 cit. состоитъ въ томъ, что въ первой части разсматривается сдѣлка, въ которой право отступленія продавца не ограничено срокомъ, тогда какъ во второй части обсуждается сдѣлка, гдѣ это право ограничено извѣстнымъ срокомъ. Но если такъ, то невольно поднимается вопросъ, до какого же времени продавецъ въ правѣ осуществлять свое, не ограниченное никакимъ срокомъ, право отступленія? До истеченія общей

---

[30]) Глосса ad. h. l. къ словамъ si quis hac lege emerit дѣлаетъ замѣчаніе: rem mobilem, ut differat a casu sequenti.

[31]) Unterholzner, Quellenmässige Zusammenstellung der Lehre des römischen Rechts von den Schuldverhältnissen, т. II § 429 b. c.

[32]) Sintenis, Das practische gemeine Civilrecht т. II, стр. 324, прим. 13.

[33]) Къ слову „recedatur" нашего фрагмента Azo сдѣлалъ глоссу: „*quoque tempore*". Установленное тѣмъ же Azo (summa ad rubricam de pact. Inter empot. et venditor. Cod. 4, 54) различіе между правомъ отступленія, ограниченнымъ извѣстнымъ срокомъ и безъ такого ограниченія, уже Куяцій привлекъ къ истолкованію нашего фрагмента. См. Cujacius, recitationes solemnes ad. h. l. VII, стр. 309 (ed. Venet., 1758).

исковой давности, т. е. въ теченіе 30 лѣтъ, отвѣчаютъ сторонники даннаго толкованія, наприм. Sintenis l. c.. Результатъ немыслимый ни исторически, ни практически. Онъ не возможенъ исторически, такъ какъ въ эпоху Ульпіана, которому принадлежитъ нашъ фрагментъ, еще не дѣйствовалъ законъ о тридцатилѣтней исковой давности, изданный, какъ извѣстно, только Ѳеодосіемъ Великимъ. Онъ не возможенъ и практически, такъ какъ врядъ ли кто-либо вступитъ въ такую сдѣлку, которую контрагентъ его можетъ разрушить въ теченіе 30 лѣтъ. Этотъ невозможный результатъ служитъ лучшимъ показателемъ несостоятельности даннаго толкованія.—Но столь же несостоятеленъ и взглядъ W. Miiller'a [34]) и близкій къ нему взглядъ Schulin'a [35]), согласно которому въ первой части фрагмента право отступленія предоставлено покупателю, а во второй продавцу: это различіе въ текстѣ закона не указано. Въ виду несостоятельности всѣхъ изложенныхъ выше толкованій, неудивительно, что Thibaut [33]), не обинуясь, обвинилъ Ульпіана въ излишней болтливости и тѣмъ открыто призналъ свое безсиліе понять слова юриста. Новѣйшая попытка истолкованія fr. 41 cit. принадлежитъ Kohler'у (младшему) [37]). Онъ справедливо ставитъ своимъ предшественникамъ въ упрекъ то, что они толкуютъ фрагментъ, оставаясь на почвѣ юстиніановской компиляціи и не стремятся проникнуть въ смыслъ словъ, который они должны были имѣть въ устахъ Ульпіана. Kohler такимъ образомъ стремится дать толкованіе историческое. Въ чемъ же оно состоитъ? А въ томъ, что Kohler объявляетъ нашъ фрагментъ интерполированнымъ, выбрасываетъ изъ первой его части слова „jam non“ и изъ второй части слово „et“, затѣмъ предполагаетъ, что въ первой части Ульпіанъ занимался сдѣлкой, объектъ который res nec mancipi, а во второй—res mancipi, и такимъ образомъ приходитъ въ концѣ концовъ къ заключенію, что исполненіе резолютивнаго условія обладаетъ только обязательственной силой въ сдѣлкахъ на res nec mancipi и вещной силой въ сдѣлкахъ на res mancipi. Едва ли и методъ и результатъ толкованія Kohler'a удовлетворитъ кого-нибудь. Имъ достигается только одинъ результатъ: дается лишній разъ оружіе въ руки противниковъ интерполяціоннаго метода изслѣдованія источниковъ,—метода, который въ рукахъ опытныхъ и осторожныхъ изслѣдователей (Pernice, Lenel, Eisele, Gradenwitz) далъ уже столько цѣнныхъ данныхъ въ области исторіи римскаго гражданскаго права.

---

[34]) W. Müller, Civilistische Abhandlungen, стр. 285 слд.

[35]) Schulin, Resolutiobedingung, стр. 171.

[36]) Thibaut, Archiv f. civil. Praxis, т. XVI, стр. 410.

[37]) A. Kohler, die Resolutivbedingung, Archiv f. bürg. Recht, т. XV, стр. 17.

Въ конечномъ выводѣ нужно признать, что фрагментъ нашъ остался загадкой.

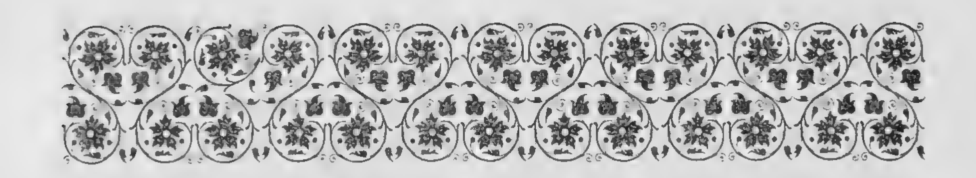
Для насъ, при нашемъ пониманіи сущности addictio in diem, фрагментъ имѣетъ ясный и вполнѣ разумный смыслъ. Юристъ дѣйствительно разсматриваетъ двѣ сдѣлки: въ первой части—обыкновенную (вольную) куплю-продажу, во второй—продажу съ аукціона.

Для продажи съ аукціона сохраненіе за продавцомъ права уничтожить сдѣлку, „si melior conditio allata erit", типично и вполнѣ умѣстно. Достаточно вспомнить, что, какъ указываетъ Mommsen[38]), объявленіе объ аукціонѣ такого-то лица служило показаніемъ, что лицо это нуждается въ деньгахъ. Этимъ, разумѣется, пользовались покупатели и стремились пріобрѣсть продаваемое по возможности дешевле. Чтобы до извѣстной степени ослабить этотъ гнетъ покупателей, продавцы и выговаривали себѣ право отступленія на случай полученія отъ когolибо болѣе выгодныхъ условій. Но если указанная оговорка вполнѣ умѣстна при продажѣ съ публичнаго торга, то столь же она неумѣстна при вольной продажѣ и потому на практикѣ должна была встрѣчаться рѣдко. Однако, рѣдкость не значитъ еще невозможность. И вотъ Ульпіану представился случай, когда стороны добавили *къ вольной куплѣ-продажѣ* указанный pactum[39]). Вопросъ въ томъ, какъ дѣйствуетъ исполненіе условія: вещно или обязательственно? Ульпіанъ рѣшаетъ вопросъ въ первомъ смыслѣ, руководясь тѣмъ, что при продажѣ съ публичнаго торга исполненіе такого условія имѣетъ, какъ это общепризнано въ практикѣ, вещную силу. Такимъ образомъ, вторая часть фрагмента является мотивомъ рѣшенія, даннаго въ первой части, и смыслъ фрагмента состоитъ въ томъ, что Ульпіанъ распространяетъ правило о вещной силѣ условія, утвердившееся въ практикѣ при продажѣ съ публичнаго торга, на случаи вольной продажи, безъ публичнаго торга.

А. Митюковъ.

[38]) Mommsen, Hernes XII, стр. 93, прим. 3.

[39]) Я не хочу непремѣнно сказать, что Ульпіанъ обсуждаетъ дѣйствительный случай практической жизни. Возможно, что онъ даетъ отвѣтъ на поставленный себѣ самому вопросъ, какъ быть, если стороны прибавятъ указанный pactum къ *вольной* продажѣ, т. е. возможно, что онъ обсуждаетъ фингированный случай.



Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г.

Въ 1860 г. въ единственной вышедшей въ свѣтъ книжкѣ румынскаго журнала „Instructiunea publică, revistă septemanară din Moldova“ [1]) былъ напечатанъ г-мъ Богданомъ П.-Хыждеу (Hăsdeŭ) весьма любопытный памятникъ, представляющій, казалось, значительный интересъ для занимающихся древне-русскою исторіею, исторіею русскаго права и исторіею русскаго языка, именно грамота отъ имени одного изъ галицкихъ князей XII в., знаменитаго Иванка Ростиславича, котораго, по неоднократному свидѣтельству южной лѣтописи того вѣка, прозывали Берладникомъ. Личность этого князя, котораго иные называютъ русскимъ condottiere XII-го вѣка, весьма замѣчательна, въ силу ея своеобразія и энергіи, которой была исполнена. Жизнь Иванка, изгнанника изъ родной земли и скитальца по свѣту, была полна приключеній, далеко не заурядныхъ даже въ вѣкъ рыцарскихъ авантюръ, какимъ являлось XII-е столѣтіе. Думали, что личность Иванка не изгладилась изъ народной памяти до позднѣйшаго времени, такъ какъ къ Берладнику считали возможнымъ пріурочить подробность о князѣ Иванкѣ, сохранившуюся въ одной червонорусской колядкѣ [2]).

Ясно изъ этого, сколь важна, можно сказать даже—драгоцѣнна, была бы для науки грамота Берладника, если бы оказалась подлинной. Она пролила бы, несмотря на свою краткость, немало свѣта на исторію русскаго племени въ придунайскихъ земляхъ, для которой имѣется столь мало данныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ была бы однимъ изъ

[1]) Журналъ этотъ имѣлъ выходить въ Яссахъ подъ редакціею Александреску.

[2]) Вѣстникъ Европы 1870, № 6, стр. 765. Бесѣда 1872, № XII: *Костомаровъ*, Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества, стр. 47—48. Ср. В. Б. *Антоновича* и *Драгоманова* Историческія пѣсни малорусскаго народа, т. I. К. 1874, стр. 36—37.

древнѣйшихъ памятниковъ галицкаго письма той области, гдѣ происходило соприкосновеніе южно-русскаго племени съ болгарами, волохами и другими народами, населявшими тотъ край.

При всемъ указанномъ интересѣ разсматриваемой грамоты въ теченіе долгаго времени она была сравнительно мало извѣстна русскимъ ученымъ и не вызывала спеціальныхъ изслѣдованій въ общерусской научной литературѣ вплоть до VIII-го Археологическаго съѣзда (въ январѣ 1890 г.), когда о ней было сдѣлано два сообщенія, одно—извѣстнымъ нашимъ первостепеннымъ знатокомъ исторіи русскаго языка, академикомъ А. И. Соболевскимъ, а другое—румынскимъ ученымъ славистомъ г. Богданомъ [3]). До того времени грамота Берладника вызвала изслѣдованіе лишь въ Галичинѣ, гдѣ на нее наиранѣе обратилъ вниманіе о. А. С. Петрушевичъ, ознакомившись съ нею по экземпляру „Instructiunea", доставленному Бѣлёвскимъ [4]). Ею пользовались затѣмъ для своихъ работъ покойный И. И. Шараневичъ и проф. П. В. Голубовскій и И. А. Линниченко, нисколько не сомнѣваясь въ ея подлинности.

Автора настоящей замѣтки издавна занималъ вопросъ о подлинности грамоты Берладника, именно еще во время работы надъ монографіею о княженіи Даніила Галицкаго, но лишь въ 1884 г. авторъ вмѣстѣ съ А. И. Соболевскимъ черезъ посредство Совѣта Университета св. Владиміра обратился къ извѣстному румынскому ученому г. B. P. Hăsdeu съ просьбою о присылкѣ точнаго снимка съ этого документа. Къ сожалѣнію, это оказалось невозможнымъ за утратою (?) оригинала [5]), и г. Хыждеу весьма любезно, за что приносимъ ему благодарность, прислалъ намъ лишь позднѣйшее воспроизведеніе текста грамоты, перепечатаннаго имъ въ газетѣ „Traianŭ" 1869 г. съ обстоятельными комментаріями.

---

[3]) Московскія Вѣдомости 1890, №№ 19 и 23. Занятія восьмого археологическаго съѣзда, М. 1890, стр. 86 и 146—147; Ж. М. Н. Пр. 1890, № 6, стр. 85—88. Труды восьмого археологическаго съѣзда въ Москвѣ 1890, т. II, М. 1895, стр. 173—174, и т. IV, М. 1897, стр. 163—164.

[4]) Въ Львовской газетѣ „Слово" 1862, № 86. О тиверцахъ и угличахъ и о Галичѣ надъ Дунаемъ по грамотѣ 1134 г. говорилъ А. С. Петрушевичъ потомъ неразъ, между проч. и въ своей монографіи: „Критико-историческія разсужденія о надднѣстрянскомъ городѣ Галичі"—1888 г.

[5]) „Malheureusement, писалъ намъ г. Хыждеу, je ne puis satisfaire votre désir que d'une manière très—insuffisante. Je ne possède pas l'original du diplôme de Berlad, ni même un fac-simile. Tout ce que j'en sais, je l'ai exposé, il y a une quinzaine d'années, dans une série d'articles que je vous envoie".

Этимъ отсутствіемъ точнаго снимка съ оригинала, съ котораго былъ списанъ для печати текстъ грамоты, не исключается однако возможность и необходимость изслѣдованія послѣдней по тѣмъ даннымъ, которыми мы можемъ располагать.

А изслѣдованіе это, думается намъ, не будетъ излишне и послѣ разбора грамоты, представленнаго А. И. Соболевскимъ и г. Богданомъ, признавшими ее подложной: Д. И. Иловайскій, слышавшій сообщеніе А. И. Соболевскаго на Московскомъ съѣздѣ, справедливо замѣтилъ, что указанныя этимъ ученымъ странности сами по себѣ еще не свидѣтельствуютъ въ пользу непремѣнной подложности разсматриваемаго документа; можно думать, что оригиналъ, находившійся у переписчика, былъ молдавскимъ спискомъ XIV—XV в.в. съ русской грамоты XII в. Съ этимъ соглашался и г. Богданъ, признавшій, что для молдавскаго дипломатическаго языка и графики XIV и XV в.в. указанныя А. И. Соболевскимъ особенности представляютъ явленіе обычное. Но затѣмъ г. Богданъ отмѣтилъ особенности въ языкѣ и дипломатической формулировкѣ и историческія несообразности, которыя, по его мнѣнію, ставятъ подложность грамоты внѣ сомнѣнія, и которыя однако, какъ сейчасъ увидимъ, могутъ быть объяснены помимо предположенія о подлогѣ.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію грамоты Берладника, считаемъ нужнымъ предложить читателямъ текстъ ея, какъ онъ воспроизведенъ въ газ. „Trajanŭ" 1869 г., съ варіантомъ по 1-му изданію, помѣщенному въ Instructiunea, откуда тотъ текстъ перепечаталъ А. С. Петрушевичъ въ 1862 и 1865 г.г. Замѣтимъ при этомъ, что въ „Instructiunea" говорилось, повидимому, объ оригиналѣ документа, а равно, по сообщенію намъ А. С. Петрушевича, о нахожденіи въ Букурештѣ пергаментнаго списка грамоты 1134 г. говорилъ уважаемому ученому библіотекарь Bianu, котораго А. С. Петрушевичъ просилъ касательно доставки точнаго списка съ этого подлинника. Куда дѣвался послѣдній, не видно изъ письма г. Хыждеу; быть можетъ, онъ утраченъ, если не удалось его видѣть и букурештскому ученому г. Богдану, напечатавшему на румынскомъ языкѣ спеціальное изслѣдованіе о Берладской грамотѣ [6]), лишь вкратцѣ изложенное имъ потомъ на VIII-мъ археологическомъ съѣздѣ.

Остается, слѣдовательно, теперь довольствоваться лишь перепечатками текста грамоты въ двухъ нѣсколько разнящихся изданіяхъ, хотя оба они вышли отъ одного и того же лица, г. Хыждеу.

Приведемъ прежде всего текстъ по второму изданію 1869 г.:

---

[6]) Diploma Barladéna din 1134 si principatulŭ Bĕrladuluĭ, Bucur. 1889.

Ȣімѣ ѡтца: існa... азъ: іванкоростіславовічь: ѡтстола: галічского: кнѣзь: берладсьскы: свѣдчȢю: купцемъ:.... брисьскьмъ: данеплатѣтъ: мытъ: оуградѣ: нашемь:.... ломъоугалічі: наізкладъ: развѣ: ouберладі: іоутекȢчомъ: ю... радохъ: нашіхъ: анаїсъвозъ: розьнымъ: товаромъ: тȢтошнымъ: іоугръсьскымъ: ирȢськымъ: їчес... а тода: платѣтъ: ніколіжь: развѣ: оумаломъ: оугалічі: а кажіть: воевода: анатомъ: ѡбѣтъ:... ѡтрожьства Х҃ва: тісѣщȢ: істъ: ітрдсть: ічетіре: лѣтъ: мца: маѣ: к: днь [7]).

По первому же изданію (1860 г.) текстъ этой грамоты такъ перепечаталъ А. С. Петрушевичъ въ 1865 г. съ дополненіями „истертыхъ мѣстъ словами, отмѣченными въ скобкахъ, а для удобнѣйшего разумѣнія ея, употребивъ настоящихъ знаковъ препинанія, ибо въ подлиницѣ за кождымъ почти словомъ стоитъ двоеточіе“:

„Оу имѣ ѡтца і С҃на (і с҃таго Духа аминь).

Азъ Іванко Ростіславічь, ѡтъ стола Галічского, кнѣзь Берладськыі свѣдчȢіȢ купцемъ (Меси)бріiськъымъ, да не платѣтъ мытъ оу градѣ нашемъ (оу Ма)ломъ оу Галічі наізкладъ, развѣ оу Берладѣ, і оу ТекȢчомъ, и о(Ȣ г)радохъ нашіхъ: а на ісъвозъ розьнъимъ товаромъ тȢтошнъимъ і оугръськъимъ і рȢськимъ, і чесь(къимъ), а то да платѣтъ ніколіжь, развѣ оу Маломъ оу Галічі. А кажіть воевода. А на томъ обѣтъ. (Въ лѣто) отъ рожьства Х҃ва, тісѣщу и стъ і тр҃стъ і четіре лѣтъ м҃ца Маѣ к҃. д҃нь“ [8]).

Сопоставляя оба изданія, нельзя не замѣтить, что текстъ позднѣйшаго изданія (1869 г.), которымъ пользовались А. И. Соболевскій и г. Богданъ, содержитъ, повидимому, значительное количество странностей, бросившихся въ глаза А. И. Соболевскому и г. Богдану и отсутствующихъ въ болѣе раннемъ изданіи 1860 г. Мы не знаемъ, чѣмъ объясняется это различіе, вызванное, повидимому, не одною небрежностію типографскаго воспроизведенія, опустившаго, напр., въ 1869 г. рядъ титлъ, но, можетъ быть, также неясностію или колебаніями копіи, снятой Ал. Хыждеу въ 1848—50 г.г. Скажемъ только, что эта разница текстовъ создаетъ новое затрудненіе для изслѣдователей и выдвигаетъ съ новою силою вопросъ о подлинности памятника, столь различно переданнаго однимъ и тѣмъ же издателемъ дважды въ теченіе девяти лѣтъ.

---

[7]) Traianu, № 50, 26 Augustŭ 1869.

[8]) Науковый сборникъ, издаваемый литературнымъ обществомъ Галицко-русской Матицы, 1865, вып. I, стр. 38.

Вопросъ этотъ требуетъ двоякаго разсмотрѣнія вызывающей его грамоты—со стороны содержанія ея и со стороны формы, разумѣя подъ послѣднею данныя дипломатики, графики, фонетики и орѳографіи.

Что до содержанія грамоты Иванка Ростиславича, то оно не заключаетъ въ себѣ признаковъ подлога.

А. С. Петрушевичъ подвергъ тщательному изслѣдованію разсматриваемый памятникъ въ отношеніи содержанія его и не усмотрѣлъ въ послѣднемъ никакихъ несообразностей, и нельзя не согласиться съ нимъ: съ исторической точки зрѣнія грамота Иванка не вызываетъ сомнѣній.

Опредѣляемая ею территорія Берладскаго княжества была издревле заселена русскими племенами и долго находилась подъ владычествомъ князей дома Владиміра Св., хотя при послѣднихъ не разъ бывала добычей кочевыхъ тюркскихъ племенъ. Эта территорія отпала отъ общенія съ остальною Русью, повидимому, лишь съ татарскаго нашествія.

Древнѣйшіе русскіе насельники земель отъ низовьевъ Днѣстра до Дуная—угличи [9]) и тиверцы, о которыхъ говорится въ начальной лѣтописи по Лаврентьевскому списку, что „Улучи, Тиверьци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви; бѣ множьство ихъ; сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря“ [10]).

По изслѣдованіямъ Ламбина [11]), угличи во время Олега населяли Черноморскую равнину между Бугомъ и Днѣстромъ. Чрезъ ихъ землю прошли мадьяры, передвинувшіеся къ низовьямъ Дуная не позже 80-хъ годовъ IX-го вѣка и занимавшіе въ теченіе нѣкотораго времени мѣстность нынѣшней Молдавіи [12]), а во второй половинѣ X вѣка угличи и тиверцы подпали, повидимому, подъ власть печенѣговъ, которыхъ западныя кочевья доходили до нынѣшняго Золочевскаго округа въ Га-

---

[9]) Такое написаніе ихъ имени устанавливается на основаніи „Ογγλος“ византійцевъ и „Unlici“ баварскаго географа IX в.

[10]) Опытъ исправленія этого мѣста лѣтописи см. въ ст. *А. И. Соболевскаго:* „Нѣсколько мѣстъ начальной лѣтописи“—Чтенія въ Ист. Общ. Нестора-лѣтописца, кн. V, К. 1891, стр. 3—5, гдѣ первоначальный текстъ возстановленъ такъ: „Дулеби живяху по Бугу, къде нынѣ Велыняне, а Улучичи Тиверьци сѣдяху по Днѣстру; присѣдяху бо къ Дунаеви. Бѣ множьство ихъ; сѣдяху бо по Днѣстру оли и до моря“.

[11]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, № 5, „Славяне на сѣверномъ Черноморьи“. Рецензія акад. Бычкова на „Опытъ возстановленія и объясненія Несторовой лѣтописи. I. О Свенгелдѣ и Угличахъ“—въ „Отчетѣ о XIV-мъ присужденіи наградъ графа Уварова.

[12]) О мадьярахъ см. новѣйшій этюдъ *К. Г-а.*: „Мадьяры.-III. Переселеніе на западъ и утвержденіе въ Дунайской равнинѣ“—Правит. Вѣстникъ 1903, №№ 240 и 241.

личинѣ, [13]) а южныя до Сулинскаго гирла Дуная [14]). По нижнему теченію послѣдняго еще въ моментъ составленія начальной лѣтописи [15]) сидѣли дунайскіе болгары.

Святославъ, какъ извѣстно, покорилъ Болгарію, завоевалъ было 80 городовъ по Дунаю и готовъ былъ признать въ „Переяславци въ Дунаи" середину своей земли.

Численныя поселенія печенѣговъ въ Венгріи встрѣчаются уже съ начала XI-го в., и изъ этого видно, что отливъ печенѣговъ на западъ начался довольно скоро. Впрочемъ, цѣлая вѣтвь печенѣговъ осталась въ восточныхъ степяхъ [16]). Во всякомъ случаѣ они не искоренили угличей, имя которыхъ встрѣчается еще въ „Пѣснѣ о Роландѣ" [17]) и позднѣе.

Въ придунайскомъ углу живали и проходили за Дунай узы, или торки. Затѣмъ половцы въ теченіе столѣтія съ лишнимъ, отъ конца XI-го до начала XIII-го вѣка, не разъ переходили черезъ Дунай, производя набѣги на Византійскія земли, въ числѣ которыхъ была Болгарія, такъ что „подунайци" по причинѣ постоянныхъ нападеній на нихъ половцевъ стали какъ бы притчей. Однажды (въ 1190 г.) Черные Клобуки такъ жаловались: „се Половцѣ сеѣ зимы воюють ны часто, а не вѣдаемь, Подунайци ли есмъ что ли" [18]). Но предѣлы половецкихъ кочевьевъ не доходили до Дуная [19]).

---

[13]) См. въ цитованной выше статьѣ А. С. Петрушевича стр. 39, примѣч.

[14]) Константинъ Порфирородный называетъ побережье Чернаго моря до Сулинскаго гирла Дуная враждебнымъ и опаснымъ берегомъ для русскихъ, такъ какъ оно было занято печенѣгами. Миновавъ этотъ берегъ, русскіе на своемъ пути въ Константинополь приставали въ Сулинѣ къ „болгарскому" побережью, безопасному для нихъ вплоть до Месемвріи, гдѣ оно оканчивалось.

[15]) „Первое преложены книги Моравѣ, яже прозвася грамота словѣньская, яже грамота есть въ Руси и въ болгарѣхъ Дунайскихъ".—„Намъ, писалъ Куникъ 30 почти лѣтъ назадъ, еще предстоитъ рѣшить вопросъ, дѣйствительно ли записано введеніе въ первоначальную лѣтопись лишь подъ конецъ XI-го вѣка. Есть причины предполагать, что нѣкоторыя этнографическія свѣдѣнія, встрѣчающіяся во введеніи, собраны и записаны скорѣе раньше, чѣмъ послѣ 1050 года". Дорна-Каспій, Спб. 1875, стр. 457.

[16]) *Vambery*, Die Magyaren, 88. См. также Ип., 354, подъ 1160 г., и 365, подъ 1169 г. рядомъ съ торками.

[17]) По крайней мѣрѣ, Мюллеръ отождествлялъ Euglez (v. 3243), находившихся въ войскѣ Балиганта, съ угличами. Если же принимать чтеніе Eugiez, то не разумѣлись ли огузы?

[18]) Ип., 491.

[19]) *Бурачковъ*, Опытъ изслѣдованія о Куманахъ или Половцахъ, 1876, стр. 2 и 15.

Съ выдѣленіемъ и усиленіемъ особаго Галицкаго княжества въ концѣ XI-го в. русская колонизація могла вновь постепенно занимать тѣ земли [20]), откуда ранѣе, будучи оттѣсняема инородцами, должна была возвращаться вверхъ. Благодаря этой колонизаціи, Малый Галичъ, нынѣшній Галацъ [21]), могъ явиться какъ колонія стольнаго города Галича [22]). Русскія владѣнія (при Владимірѣ Мономахѣ кіевскія [23]), а потомъ галицкія) опять могли простираться до Дуная и по Дунаю отъ устья—до Дристры, такъ что Ярославъ Осмомыслъ могъ „затворять Дунаю ворота" и „суды рядить до Дуная" [24]), при чемъ русскіе сталкивались тамъ съ греками. Вѣдь и по словамъ нашей лѣтописи „дасть царь Василкови въ Дунаи 4 городы" [25]), желая, вѣроятно, противопоставить своихъ посаженниковъ Ярославу. Нѣсколько ранѣе противникъ Ярослава, племянникъ галицкаго князя Владимірка Володаревича Иванко Ростиславичъ Берладникъ, боясь союза, составленнаго противъ него Ярославомъ, „шедъ с Половци и ста въ городѣхъ Подунайскыхъ" [26]). Тамъ же находились въ то время и галицкіе рыболовы. Берладникъ

---

[20]) См. въ ст. *Ю. А. Кулаковскаго*: „Гдѣ находилась Вичинская епархія Константинопольскаго патріархата?", помѣщенной въ № 3 „Византійскаго Временника" 1897, стр. 14 и слѣд.—Василько думалъ „переять" Болгаръ Дунайскихъ.

[21]) Ср. названіе горы Galacz въ Венгріи. Съ названіемъ Галаца ср. нынѣшнее малорусское выраженіе „галачь" (о сборищѣ галокъ). Въ связи съ горою Galacz и древнимъ сказаніемъ „О начатьи Галича, откуду ся почалъ" интересно упоминаніе галицко-волынской лѣтописи о „Галичиной могилѣ" вблизи Галича (Ип., 484). Упоминаніе Идриси, современника Берладника, о Галичѣ южномъ близъ устья Днѣстра (Дуная?), до котораго можно было доѣхать воднымъ путемъ по Днѣстру, А. С. Петрушевичъ относитъ именно къ малому Галичу, нынѣшнему Галацу.—Галичина въ XIII и XIV вв. также именовалась по латыни Galatia, а Галичане—Galathae (*Reifenkugel*, 407). У Длугоша встрѣчается нерѣдко выраженіе Gallatia seu Halicia (см. напр. лейпцигское изданіе 1711 г., col 784). Отождествленіе Galatia и Halitia продолжалось и въ позднѣйшее время; см., напр., у Стрыйковскаго, I, 290: „Colomana... koronowali biskupi Węgierscy na królestwo Halickie albo Galatskie i na Włodzimierskie".

[22]) Какъ давно указано, Галичъ упоминается уже въ Патерикѣ Печерскомъ въ разсказѣ о событіяхъ до 1113 г. (ок. 1098 г.) и затѣмъ подъ 1135 г. Въ лѣтописи же говорится о галицкой соляной торговлѣ подъ 1164 (Ип. 358), о „соляномъ" пути—ib., 368 подъ 1170 г.

[23]) Владиміръ Мономахъ въ 1116 г. „посажа посадники по Дунаю". Ип., 204.

[24]) Выраженія эти находятся въ „Словѣ о полку Игоревѣ".

[25]) Ип., 357—подъ 1162 г. О томъ же говоритъ и Киннамъ. Потомъ (1160?) византійскій императоръ подарилъ, по свидѣтельству Киннама, тотъ же удѣлъ при р. Дунаѣ прибывшему въ Грецію съ женою, дѣтьми и дружиною Владиславу изъ правившаго въ Россіи рода (τῶν ἐν Ταυροσκυθικῇ δυναστῶν).

[26]) Ип., 341.

могъ явиться главою русскаго населенія въ придунайскихъ земляхъ, тянувшаго врозь. Что до его сподвижниковъ, также прозванныхъ Берладниками, то въ этой вольницѣ, кажется, не несправедливо усматривали одну изъ сбродныхъ дружинъ, составлявшихся изъ людей различныхъ народностей [27]). Исторія знаетъ немало такихъ дружинъ. Берладники—предшественники и современники бродниковъ, которые въ 1147 г. и затѣмъ вскорѣ послѣ исчезновенія упоминаній въ лѣтописи о Берладникахъ являются, между проч., въ тѣхъ же мѣстахъ. Подобно бродникамъ, Берладники представляли вѣроятно вольницу, набиравшуюся изъ разнаго люда: изъ русскихъ (по свидѣтельству Акомината) и между проч. изъ румынъ [28]). Въ XIII в. упоминаются еще „выгонци Галичкыя" [29]). Они могли быть продолжателями того бѣгства изъ Галицкой земли, которое выникало изъ оппозиціи устанавливавшимся тамъ внутреннимъ отношеніямъ.

Такимъ образомъ, въ придунайскихъ земляхъ русскіе являлись постояннымъ населеніемъ въ теченіе XII-го в. и въ началѣ XIII-го, когда галицко-волынскій князь Романъ Мстиславичъ разгромилъ половцевъ и когда русскіе начали принимать дѣятельное участіе въ судьбахъ Болгаріи.

Повидимому и татарскій погромъ не вполнѣ уничтожилъ русское населеніе въ придунайскихъ земляхъ. По крайней мѣрѣ, въ „спискѣ градовъ русскихъ далныхъ и ближнихъ", помѣщенномъ въ приложеніи къ Воскресенской лѣтописи [30]) и относимомъ къ первой половинѣ XIV-го столѣтія, названъ въ числѣ русскихъ городовъ цѣлый рядъ городовъ на устьѣ Днѣстра, на Прутѣ, въ горахъ, на Дунаѣ и по ту сторону Дуная. По мнѣнію Бруна, въ этомъ спискѣ болгарскіе города могли быть названы русскими потому, что во время составленія Воскресенской лѣтописи у насъ еще не было совершенно забыто участіе, принятое русскими князьями въ дѣлахъ Болгаріи незадолго передъ тѣмъ [31]). Но наименованіе болгарскихъ городовъ русскими можетъ быть объя-

---

[27]) Уже Полевой въ рецензіи на исторію Малороссіи Бантыша-Каменскаго замѣтилъ, что молдавскій Берладъ напоминалъ собою позднѣйшую Сѣчь, военное осѣдлое товарищество, жившее грабежемъ и войною.

[28]) О бродникахъ это можно утверждать на основаніи выраженія въ одномъ источникѣ: „ad terminos Brodnicorum Valachorum". Повидимому, бродниковъ считалъ волохами и Шараневичъ.

[29]) Ю. А. Кулаковскій сопоставилъ ихъ съ „бѣженцами", приблизительно около того же времени упомянутыми у Акрополиты.

[30]) П. с. р. л., VII, 240. Объясненіе см. у *Ф. Бруна*, Черноморье, II, 347, и въ названной выше статьѣ Ю. А. Кулаковскаго.

[31]) Черноморье, II, 348.

сняемо и иначе: въ этихъ городахъ издревле могли быть русскіе насельники, да и потомъ вплоть до татарскаго нашествія [32]) туда могла проникать русская колонизація, такъ что русскіе жили совмѣстно съ другими народностями. Оттуда названіе Россовлахія въ XIV в.

Такое смѣшеніе народностей могло имѣть мѣсто въ частности въ Берладѣ, по имени котораго получилъ свое прозвище Иванко Ростиславичъ подобно своимъ сподвижникамъ—Берладникамъ.

Намъ не извѣстны данныя, современныя южнорусской лѣтописи XII в., при помощи которыхъ мы могли бы опредѣлить мѣстоположеніе лѣтописнаго Берлада. Въ нашемъ распоряженіи имѣются лишь позднѣйшія указанія, изъ которыхъ явствуетъ что въ XIV-мъ в. Берладомъ называли одинъ земельный участокъ въ Венгріи [33]), а въ XV-мъ в. названіе Берлета носилъ одинъ населенный пунктъ въ Молдавіи [34]). Въ настоящее время есть населенныя мѣстности такого же наименованія, напр., с. Берладка въ Могилевскомъ уѣздѣ Подольской губерніи. Лѣтописный Берладъ [35]) надо понимать въ смыслѣ „forum", т. е. торговаго пункта Берлада [36]) и также прилегавшей къ нему мѣстности; на это какъ будто указываетъ наименованіе Берлада торгомъ и въ то же время деревнею въ началѣ XV в. Любопытно, что въ спискѣ

---

[32]) Со времени татарскаго нашествія начиная отъ Болгаріи къ востоку тянулись уже татарскія владѣнія, какъ то показываетъ свидѣтельство Руисбрека. Ср. извѣстіе о путешествіи митрополита Кирилла въ Царьградъ уже черезъ Угрію: Ип. 537.—Татарскія владѣнія доходили до Болгаріи и при Узбекѣ.

[33]) Венгерскій документъ 1301 г. называетъ „quandam terram empticiam Barlad nuncupatam in Comitatu Bachiensi prope Kobol existentem". Cod. dipl. Hungariae Andegavensis, Anjoukori Okmánytár, elsö kötet, Budap. 1878, № 1.

[34]) Codex epistolaris Vitoldi, № XDII, p. 230: Владиславъ Ягайло и венгерскій король Сигизмундъ условились въ 1412 г., въ случаѣ если Молдавскій воевода откажется помогать противъ Турокъ, раздѣлить между собою его землю слѣдующимъ образомъ: Quod silue maiores Buccowyna dicte, incipiendo a montibus, sive Alpibus regni Ungarie, inter eandem terram Moldwanie et terram Sepenicensem situate penes Sereth, protendentes se ad aliam silvam minorem Buccowynam dictam usque ad fluvium Pruth, debent per medium dividi seu dimidiari, et quod forum Z (J?)asski targ in sinistra parte situm, maneat pro eodem domino rege Polonie, forum vero vel villa Berleth in dextra parte situm, maneat domino Sigismundo regi et corone regni Ungariae". И т. д. Ср. „тръгъ бръладъскыи съ ѵсею волостію" въ документѣ 1435 г. (Уляницкій, стр. 44).

[35]) *Барсовъ* (Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи, Вильно, 1865, стр. 7) полагалъ что „собственно городъ Берладъ въ лѣтописяхъ нашихъ не упоминается. Онъ находился на мѣстѣ нынѣшняго Бырлата или Барлада въ Молдавіи между Прутомъ и Серетомъ".

[36]) Онъ могъ играть въ торговомъ движеніи роль позднѣйшаго „Ясскаго торга" на Прутѣ.

русскихъ городовъ въ Воскресенской лѣтописи Берладъ не упомянутъ. Быть можетъ, во время составленія этого списка въ той мѣстности уже не было русскихъ, но ранѣе населеніе той территоріи, какъ и области нижняго Дуная [37]), могло быть смѣшанное и состоять изъ русскихъ, изъ болгаръ, хотя послѣдніе отодвинулись, вѣроятно, въ большей части на западъ отъ нижняго Дуная, и изъ румынъ, не говоря уже о кочевникахъ. Если кто не согласится считать румынъ древними насельниками земель къ сѣверу отъ Дуная, хотя въ пользу того говорятъ древнія свидѣтельства [38]), то можно указать и на не возбуждающія сомнѣній позднѣйшія извѣстія о новомъ движеніи румынъ на сѣверъ отъ Дуная во второй четверти XII-го в. Присутствіе румынъ среди Берладниковъ, быть можетъ, объяснило бы намъ обособленное положеніе Берлада по отношенію къ Галичу и возможность для князя Иванка Ростиславича находить тамъ поддержку въ борьбѣ съ галицкими князьями.

Въ занимающей насъ здѣсь грамотѣ подъ Берладомъ разумѣются и городъ и мѣстность, окружающая послѣдній, потому что очевидно князь названъ Берладскимъ по цѣлой мѣстности, въ которой кромѣ Берлада находились еще города Малый Галичъ и Текучій.

Иныхъ данныхъ о существованіи Малаго Галича и Текучаго въ XII-мъ стол., если оставить въ сторонѣ Идриси, мы не знаемъ, но старый уже въ то время городъ Месемврія, купцамъ котораго выдана разсматриваемая грамота, былъ важнымъ торговымъ пунктомъ [39]) и заключалъ въ себѣ, вѣроятно, болгарское населеніе наряду съ иноземнымъ. Равнымъ образомъ врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію оживленное торговое движеніе въ тѣхъ мѣстностяхъ и въ XII в. [40]), а не

[37]) См. о послѣдней въ ст. Ю. А. Кулаковскаго. Ранѣе о русскихъ на Дунаѣ собралъ данныя *Θ. И. Успенскій* въ монографіи „Образованіе второго болгарскаго царства" (Зап. Новоросс. унив., XXVII, 385 и слѣд.; въ отдѣльномъ оттискѣ стр. 75—88 и прилож. V, стр. 31 и слѣд.).

[38]) Между проч. отмѣтимъ и мнѣніе оріенталиста Гаркави (Travaux de la troisième session du congrès international des orientalistes, St.-Pétersb. 1876, t. II) о томъ, что Валинана арабскаго извѣстія—Волохи, а Mâdjak—то же что визант. Mousok или Mousak.

[39]) Въ „Anonymi Veneti Translatio corporis beatissimi Theodori martyris", написанномъ въ XIII в. вскорѣ послѣ событій, переданныхъ въ этомъ памятникѣ, сообщается объ экспедиціи адмирала венеціанскаго флота Giacomo Dauro въ 1257 г. „contra gentem Blachorum" и константинопольскаго правительства: „mare quod vulgo Magnum vocatur legentes, ad civitatem que Messembria nuncupatur applicuerunt, quam sine magna strage hominum, gratia faciente divina, ceperunt". Exuviae sacrae Constantinopolitanae, I, 157.

[40]) О торговлѣ на Балканскомъ полуостровѣ того времени см. въ статьѣ *W. Tomaschek,* Zur Kunde der Hämus-Halbinsel. II. Die Handelswege im 12 Jahrhundert nach den Erkundigungen des Arabers Idrîsi. Wien 1887.

только при Святославѣ Игоревичѣ, который хотѣлъ переселиться на Дунай и сдѣлать Переяславецъ средою земли своей.

Изъ другихъ подробностей, содержащихся въ грамотѣ Иванка, вопросъ можетъ возбуждать лишь титулъ, какой усвояетъ себѣ этотъ князь: „отъ стола Галичского". Дѣйствительно, съ перваго взгляда это выраженіе покажется необычнымъ, и могутъ сказать, что древняя Русь не знала такой формы княженія, но въ настоящее время нѣкоторые ученые (П.-Сильванскій и Тарановскій) уже признаютъ существованіе феодальныхъ отношеній и на Руси. Что до Галича, то онъ выдвинулся не только съ 1140 г., когда лѣтопись говоритъ о Владимиркѣ, какъ о князѣ того города [41]), послѣ того какъ „преставися у Галичи Василькович Иванъ", но и ранѣе [42]). Уже подъ 1138 г. встрѣчается въ одной изъ лѣтописей выраженіе „Галичане", а въ титулѣ Венгерскихъ королей слова: „rex Galliciae", найдены уже въ документѣ 1124 г. [43]). Очевидно, обозначеніе Галицкаго княжества было въ употребленіи уже до 1140 г. Выраженіе „отъ стола Галичского" означало бы въ такомъ случаѣ принадлежность Берлада и его князя къ Галичскому княжеству въ широкомъ смыслѣ этого слова совмѣстно съ Звенигородомъ, въ которомъ находимъ Иванка подъ 1144 г. Могло имѣть это выраженіе и болѣе узкій смыслъ—указанія на принадлежность Галича къ удѣлу Перемышльскому, въ которомъ нѣкогда княжилъ дѣдъ Иванка [44]). При послѣднемъ толкованіи пришлось бы думать, что Иванко титуломъ „отъ стола Галичского" какъ бы выявлялъ свои права на Галичъ [45]) и уже во время составленія разсматриваемой грамоты, до княженія въ Звенигородѣ, искалъ опоры въ Берладѣ у Берладниковъ, въ ряды которыхъ сталъ. Тогда было бы понятно, что однажды галичане въ отсутствіе Владимирка призвали

[41]) Ип., 218.

[42]) См. выше примѣч. 22-ое. Церковь Владимірка была построена, повидимому, въ XI в. См. въ Przegląd archeologiczny, I. Пріуроченіе къ надднѣстрянскому Галичу г. Галтиса, о которомъ говоритъ Іорданъ подъ 264 г., оставляемъ въ сторонѣ.

[43]) Бѣлёвскій (Monumenta Poloniae, I, 515) напрасно относилъ это выраженіе къ словацкому Галичу. Гипотеза эта не можетъ быть признана надлежаще обоснованною, о чемъ см. въ указанной выше превосходной статьѣ А. С. Петрушевича: „Было ли два Галича княжескіи города" и т. д.

[44]) Если вѣрить Длугошу, то дѣдъ Иванка, *Перемышльскій* князь Володарь, разбитый поляками подъ Вилиховомъ въ 1125 г., бѣжалъ въ *Галичъ*.

[45]) Притязанія Ивана Ростиславича на Галичъ врядъ ли могутъ подлежать сомнѣнію: недаромъ, по словамъ лѣтописи, „нача Ярославъ Галичьскый искати Ивана Ростиславича стрыичича своего; Ярославъ бо бяше подъмолвилъ князѣ Рускиѣ, и короля, и Лядьския князя, да быша ему помочьници на Ивана, и обѣщашася ему вси" (Ип., 341).

къ себѣ Иванка. Но въ моментъ написанія грамоты Иванко могъ еще и не быть открытымъ претендентомъ на Галичъ, могъ еще не быть во враждебныхъ отношеніяхъ съ Владимиркомъ и сидѣть въ Берладѣ въ качествѣ намѣстника Владимірка, при чемъ однако врядъ ли былъ бы названъ въ грамотѣ „воеводою“ самъ Иванко [46]).

Итакъ, необъяснимыхъ историческихъ анахронизмовъ интересующая насъ грамота не содержитъ.

Остается разсмотрѣть ее со стороны языка и правописанія, при чемъ необходимо помнить выводъ, вытекающій изъ предпосланнаго выше историческаго очерка судебъ края, къ которому относится грамота, усвояемая Иванку Ростиславичу.

Мы видѣли, что Берладъ долженъ былъ отличаться смѣшаннымъ населеніемъ; тамъ наряду съ русскими могли оказаться люди другихъ народностей: болгарской, румынской и тюркскихъ. Румыны также врядъ ли представляли чистый народный типъ: они вѣдь до переселенія въ земли къ сѣверу отъ Дуная странствовали по различнымъ территоріямъ со славянскимъ населеніемъ, въ томъ числѣ по сербскимъ. Потому и Берладники не могли быть чисто русскими людьми, и во всякомъ случаѣ населеніе Берлада не могло отличаться чистотою говора.

Въ силу того мы въ правѣ предположить, что и русскій языкъ письменности такой мѣстности, какъ древній Берладъ, могъ отличаться своеобразіемъ и смѣшеніемъ различныхъ діалектическихъ формъ, какимъ вообще характеризуются нарѣчія мѣстностей, гдѣ соприкасаются различные народности и говоры. Такъ, въ западныхъ литературахъ можно указать цѣлый рядъ памятниковъ, представляющихъ язычную помѣсь, напр., пѣснь о Гильдебрандѣ [47]), поэмы Каролингскаго цикла на діалектѣ сѣверной Италіи съ примѣсью оборотовъ, заимствованныхъ изъ языка d'oil и т. п. Точно также не было бы ничего удивительнаго въ томъ, если бы въ грамотѣ, написанной въ Берладѣ, пришлось встрѣтить отступленія отъ чистаго типа, какой представляютъ грамоты, написанныя въ то время въ другихъ русскихъ краяхъ [48]), и рядъ южно-

[46]) Что до этого титула, то онъ былъ въ ходу издревле, и Константинъ Багрянородный, напр., упоминаетъ о βοεβοδοι у мадьяръ.

[47]) См. статью *H. Jantzen*: Ist das Hildebrandslied deutsch oder englisch?—въ „Beilage zur Allgemeinen Zeitung“ 1903, № 209.

[48]) Таковы жалованныя грамоты кн. Мстислава Владиміровича Юрьеву монастырю (1128—1132); Всеволода Мстиславича церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ (1134—1135); Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю (1146—1154). Имѣется далѣе надпись на чашѣ черниговскаго князя 1151 г. Сверхъ того, въ Тверскомъ музеѣ хранится каменный крестъ, найденный у озера

славянскихъ особенностей. Вспомнимъ, что болгаризмы замѣчены также въ галицкихъ рукописяхъ конца XIII в. и что даже изъ правильно устроенныхъ канцелярій Запада иногда выходили разнообразныя грамоты, написанныя безъ соблюденія обычныхъ формальностей. Сверхъ того, данныя русской дипломатики непримѣнимы въ настоящемъ случаѣ, потому что мы не имѣемъ другихъ грамотъ той области, которыя восходили бы ко времени до XIV-го столѣтія. Сходство же грамоты Иванка съ позднѣйшими молдаво-влахійскими [49]) не можетъ составлять неотразимаго доказательства поддѣлки, если признать, что эти позднѣйшія грамоты были писаны по типу, сложившемуся ранѣе.

Но и помимо такихъ соображеній, заставляющихъ относиться съ особою осторожностію къ грамотѣ Берладника, примѣнительно къ особымъ историческимъ и этническимъ условіямъ предполагаемаго мѣста возникновенія разсматриваемаго памятника, можно спросить, заключаетъ ли послѣдній такія данныя языка и правописанія, которыя могутъ быть объяснены лишь позднѣйшимъ подлогомъ, а не сочетаніемъ разнородныхъ вліяній, искажавшихъ чистоту типа?

Здѣсь прежде всего умѣстно оговориться, что мы имѣемъ, повидимому, плохой списокъ съ оригинала грамоты. Является, напр., вопросъ, не написано ли кое-гдѣ ѣ вм. ꙗ или ѥ? Никакъ нельзя ручаться, что отецъ издателя грамоты Александръ Хыждеу точно списалъ ее съ оригинала, хотя онъ былъ человѣкъ ученый и уже съ 1827 г. „усердно занимался словесностію и исторіею Румыновъ какъ отечественною“ [50]). Во всякомъ случаѣ весьма любопытны нѣкоторыя суще-

Стержа, съ надписью: „(в лѣт)о 6641 мсця июля 14 днь почяхъ рыти рѣку сю язъ Иванко Павловичь и крестъ сь поставихъ“. Объ этомъ крестѣ былъ прочтенъ докладъ В. И. Колосовымъ на Московскомъ Археологическомъ съѣздѣ 1890 г. Монета 1132 г. съ надписью о побѣдѣ Ярополка подъ Галичемъ (объ этой монетѣ было сообщено въ „Нижегородскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ 1891 г.) оказалась поддѣлкою XIX в.

[49]) Прежде изслѣдователь могъ ознакомиться съ этими грамотами по сборникамъ *Ю. Венелина*: Влахо-болгарскія или дако-славянскія грамоты, Спб. 1840, и *Уляновскаго*: Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи, Валахіи и Турціи въ XIV—XVI вв.—Чтенія въ Импер. Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ 1887, кн. 3, и по галицкимъ изданіямъ (у Головацкаго и въ Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej, t. VII). Теперь напечатано немало влахо-болгарскихъ (съ конца XIV по начало XVI в.) грамотъ въ Сборникѣ за народни умотворенія, изд. болгарскимъ Министерствомъ Нар. Просвѣщенія, т. XIII.

[50]) См. Телескопъ 1833, № 8 (ч. XIV), статью: „Румынскія народныя пѣсни на русскомъ языкѣ.“ Ей предпослано письмо изъ Харькова къ издателю, подписанное: „Александръ де Хиждеу, бессарабъ“. Интересно, что въ этой статьѣ упоминается

ственныя разницы въ воспроизведенiи текста грамоты въ Instructiunea и въ Traianu: онѣ какъ бы указываютъ на колебанiе въ передачѣ подлиннаго текста, съ котораго снятъ списокъ.

Вѣроятно Ал. Хыждеу былъ не особеннымъ знатокомъ древне-славянской палеографiи. Повидимому А. Хыждеу былъ не вполнѣ надежнымъ ученымъ даже въ воспроизведенiи новѣйшихъ рукописей. Такъ, И. И. Срезневскiй [51]) обвинялъ А. Ѳ. Хиждеу въ томъ, что послѣднiй „оболгалъ Сковороду: нѣкоторыя изъ ссылокъ я повѣрялъ, и въ подлинникахъ не находилъ вовсе того, что авторъ тамъ начитывалъ, или что оттуда выписывалъ; послѣ того и о другихъ я не могъ не сомнѣваться". Потому и мы не станемъ вслѣдъ за г. Богданомъ придавать значенiе показанiю Хыждеу, что подлинникъ грамоты 1134 г. былъ написанъ полууставомъ „semiuncială fórte nereguiată", да и неизвѣстно точно, былъ ли то дѣйствительно подлинникъ, или же весьма старый списокъ съ послѣдняго.

Переходя къ разсмотрѣнiю особенностей правописанiя и языка воспроизведенiй текста, имѣщагося въ нашемъ распоряженiи, отмѣтимъ прежде всего, что интерпункцiя, или знаки препинанiя, употребленные въ разсматриваемой грамотѣ, встрѣчается въ сербскихъ памятникахъ. Двоеточiе въ качествѣ знаковъ препинанiя находится и въ напечатанной Срезневскимъ грамотѣ Iоанна Асѣня II (послѣ 1218 г.), также данной купцамъ и разрѣшавшей свободную торговлю „(в)сѣвѣрнымъ гѡ(стемъ)" [52]). Вообще, что до графики, то южно-славянское влiянiе, какъ весьма возможное, объяснило бы нѣкоторыя изъ странностей, указываемыхъ г. Богданомъ.

между проч. (стр. 518) „сѣчь Берладская въ Молдавiи" (ср. выше указанное мнѣнiе Полевого). Имѣется примѣръ поддѣлки древнѣйшей будто бы румынской хроники (см. *Czołowskiego*, Początki Mołdawii, 1890, str. 11), но думать на этомъ основанiи о поддѣлкѣ грамоты Иванка этимъ ученымъ нѣтъ основанiя, и мы вполнѣ можемъ повѣрить разсказу издателя, Б. Петричеику-Хыждеу, о томъ, какъ выникла эта грамота на свѣтъ. Можно сказать только, что родъ Хыждеу издавна отличался просвѣщеннымъ румынскимъ патрiотизмомъ. См. Телескопъ, ч. XXV (1835), „Бессарабскiе литераторы (изъ письма Ал. Хиждеу)", стр. 614.

[51]) Въ „Молодикѣ на 1844 годъ", въ концѣ „выписокъ изъ писемъ Гр. Сав. Сковороды", стр. 243.

[52]) *Срезневскiй*, Свѣдѣнiя и замѣтки о малоизвѣстныхъ памятникахъ LXXXI—XC, Спб. 1879, стр. 9. Новое изданiе: *Г. А. Ильинскiй*, Грамота царя Iоанна Асѣня II, Софiя 1901 (Извѣстiя Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, т. VII, вып. I, и отдѣльно). Ср. замѣчанiя *П. А. Сырку*: „Новое изданiе трехъ болгарскихъ грамотъ"—Извѣстiя отдѣленiя русскаго языка и словесности Имп. Ак. Наукъ 1903, кн. 2, стр. 417, 426 и слѣд. Интересно, что въ Енисейскихъ надписяхъ встрѣчается интерпункцiя:,;: (The Academy 1890, № 927, p. 103).

Равнымъ образомъ и фонетика и орѳографія грамоты не необъяснимы для XII в.

Форма кнѣзь подходитъ къ сербской и румынской [53]), а употребленіе ѣ вм. ꙗ и ѧ довольно обычно. См. въ грамотѣ 1130 г. Оно постоянно встрѣчается въ средне-болгарскихъ памятникахъ; напр., въ записи Болонской псалтири (до 1196) стоитъ: помѣни; ѿтъ ѱалтъірѣ [54]). Вмѣсто формы ꙗзва встрѣчается древне-русская форма ѣзва; къ старославянской формѣ ꙗдро подыскали серскую jedro [55]). Съ окончаніемъ мѣстнаго падежа: берладі, Галичі ср. въ болгарской грамотѣ: при цри Асѣни. Съ употребленіемъ префикса **из** въ сложныхъ вмѣсто префикса съ ср. въ грамотѣ 1130: „Кто сѧ йзо ѡстанеть въ манастъıри". **Оу** вм. **въ** встрѣчается рано въ галицко-волынскихъ памятникахъ, что̀ признаетъ и г. Богданъ [56]), а равно и въ другихъ грамотахъ, напр., въ Полоцкихъ. Могло быть оно и сербскою формою.

Плеонастическое употребленіе предлога: „**у** градѣ... **у** галичі", напоминаетъ таковое же употребленіе предлоговъ въ древнихъ грамотахъ. О плеонастическомъ употребленіи предлоговъ см. ст. *Игн. Козловскаго*: Zvei syntaktische Eigentümlichkeiten der russischen Sprache (Archiv für slav. Philol.). Не неупотребительна и форма „русьскый" [57]).

По поводу выраженія: „а кажіть (воевода)", надлежало бы поточнѣе вникнуть въ смыслъ этого слова [58]).

Что до формы разсматриваемой грамоты, то и грамоты владиміро-волынскаго князя Владиміра Васильковича начинаются словами:

[53]) См. *I. Bogdan*, Ueber die rumänischen knesen—Arch. f. slav. Philologie, Bd. XXV, 4-tes Heft (1903).

[54]) Срезневскій, l. c., 8—9.

[55]) Arch. f. slav. Phil., XII, ст. Фортунатова, 101—102.

[56]) Diploma, p. 13. Въ южной лѣтописи отмѣтили слѣды малороссизмовъ въ словахъ Черныхъ Клобуковъ: „поѣдьте *у* свой Кіевъ" (Ип., 295), „*у* города" (Ип., 554).

[57]) См., напр., сказаніе о Михаилѣ Черниговскомъ въ П. с. р. л., V.; *Соболевскаго*, Южно-славянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV вѣкахъ. Спб. 1874, стр. 15, прим. 1; Смоленская запись 1428, содержащая похвалу в. кн. Витовту—Чтенія въ Ист. Об. Нест. лѣт., кн. IX, стр. 219.

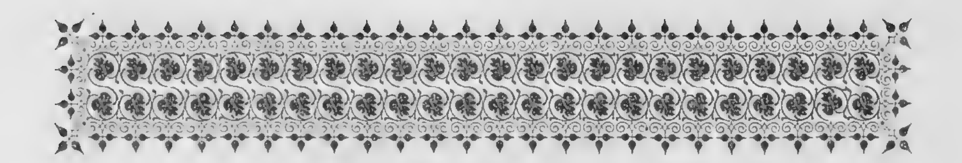
[58]) О *казити* и различныхъ смыслахъ слова казати см. у *Потебни*, Къ исторіи звуковъ русскаго языка, III, Варш. 1881, стр. 13, и у *Срезневскаго*, Матеріалы для словаря древне-русскаго языка, т. I, Спб. 1893, стр. 1174—1175; см. тамъ же 1175 подъ словомъ казити, кажу и 1173 каженикъ=кажьникъ=кажникъ. Ср. „кажникъ" въ Бесѣдѣ о Цареградѣ по изданію архим. Леонида въ „Памятникахъ древностей письменности" 1889. А. С. Петрушевичъ, стр. 47 въ цит. статьѣ, указалъ на буковинскую форму „кажити" въ смыслѣ казнить (strafen). См. еще у Даля: кази́ть, ка́живать—искажать, портить.

„Во имя Отца и Сына и святаго Духа“, и такъ же начинается Смоленская уставная грамота Ростислава 1151 г.

Наконецъ, лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова встрѣчается не только въ польскихъ грамотахъ, но и въ смоленскихъ. Западные купцы могли бывать и въ Берладѣ. Напомнимъ также, что не такъ давно поднимался вопросъ по поводу такого же счисленія въ записи на крестѣ преп. Сергія Радонежскаго.

На основаніи всѣхъ изложенныхъ фактовъ и соображеній мы, воздерживаясь пока отъ полнаго рѣшенія вопроса о подложности грамоты Берладника, думаемъ, что врядъ ли существующія данныя для этого рѣшенія даютъ полное право на отрицательное заключеніе о содержаніи означенной грамоты.

Н. Дашкевичъ.



Русская Правда и литовско-русское право [1]).

Какое право выражено въ Русской Правдѣ? Господствующее мнѣніе отвѣчаетъ, что въ ней содержится русское уставное и обычное право съ нѣкоторой примѣсью статей, заимствованныхъ изъ византійскихъ источниковъ. Едва ли можно удовлетвориться такимъ общимъ отвѣтомъ на предложенный вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ въ бѣглыхъ чертахъ состояніе древне-русскаго права. Если теперь, при господствѣ законодательства и государственнаго единства, все же не существуетъ единаго общерусскаго права, то въ старину и подавно. Тогда жили по обычному праву, а оно отличается въ высокой степени свойствомъ мѣстнаго разнообразія. Такъ, нашъ лѣтописецъ говоритъ о различіи въ обычаяхъ у полянъ, древлянъ, сѣверянъ и др. племенъ. Но еще лучшимъ свидѣтельствомъ мѣстнаго разнообразія въ древнерусскомъ правѣ являются уставныя грамоты Литовскаго и Московскаго государствъ, которыя выдавались правительствомъ отдѣльнымъ землямъ. Изъ нихъ видно, что каждая земля имѣла свое особое право. Надо имѣть въ виду, что уставныя грамоты относятся къ эпохѣ сравнительно поздней, главнымъ образомъ, къ 15 и 16 в.в., когда государственное объединеніе земель сдѣлало уже значительные успѣхи. Что же было раньше, при полной политической ихъ разобщенности, когда составлялась Р. Правда? Замѣчается также разнообразіе русскаго права и по районамъ болѣе широкихъ размѣровъ, чѣмъ отдѣльныя княжества;

[1]) Въ основѣ этой статьи лежитъ докладъ, читанный авторомъ на XII археологическомъ съѣздѣ. Но въ немъ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія: съ одной стороны, выброшено разсужденіе объ испытаніяхъ желѣзомъ и водой по Русской Правдѣ сравнительно съ литовско-русской пыткой; съ другой стороны, прибавлено нѣсколько страницъ, посвященныхъ вопросу о мести, личныхъ наказаніяхъ и объ отвѣтственности общины по Р. Правдѣ.

при чемъ это разнообразіе характеризуется болѣе рѣзкими и устойчивыми отличительными чертами. Въ этомъ отношеніи мы наблюдаемъ въ исторіи русскаго права три правовыхъ системы: 1) право Сѣверо-восточной Россіи, выразившееся въ московскихъ Судебникахъ и въ Уложеніи 1649 г.; 2) право Литовской Руси, лучшимъ воплощеніемъ котораго является Литовскій Статутъ, и 3) право Сѣверо-западнаго края, кодифицированное въ Судныхъ грамотахъ Новгорода и Пскова.

Достаточно ли, при такихъ различіяхъ русскаго права, сказать, что въ Р. Правдѣ отражается древне-русское право? Нѣтъ, всякій въ правѣ ожидать болѣе точнаго и детальнаго опредѣленія. Можетъ быть одно изъ двухъ: или право Р. Правды сборное, компилятивное, разномѣстное и въ такомъ смыслѣ общерусское, или же оно должно быть пріурочено къ опредѣленной мѣстности. Въ послѣднемъ случаѣ слѣдовало бы рѣшить, какая земля наложила свой отпечатокъ на Р. Правду. Если же для отвѣта на этотъ вопросъ не окажется надлежащихъ данныхъ, то по крайней мѣрѣ надо выяснить, къ какой изъ трехъ названныхъ системъ права принадлежитъ она.

Р. Правда заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя указанія на ту мѣстность, въ предѣлахъ которой примѣнялись ея нормы. Въ числѣ ея источниковъ названы уставы Ярослава Мудраго, его сыновей—Изяслава, Святослава и Всеволода, и, наконецъ, Владиміра Мономаха. Ярославъ княжилъ сначала въ Новгородѣ, потомъ въ Кіевѣ, Изяславъ въ Кіевѣ, Святославъ въ Черниговѣ, Всеволодъ въ Переяславлѣ, Владиміръ Мономахъ въ Черниговѣ, Переяславлѣ и Кіевѣ. Слѣдовательно, составитель Р. Правды включилъ въ нее законодательныя постановленія князей южной Руси и отчасти Новгорода. Но преобладающій источникъ ея не законодательство, а судебная практика. Большинство ея статей взято изъ судебныхъ рѣшеній тѣхъ же князей, т. е. Ярослава Мудраго и его преемниковъ. Вотъ почему въ Р. Правдѣ часто говорится то о судѣ Ярослава, то о судѣ Ярославлихъ дѣтей. Итакъ, изъ обзора источниковъ Р. Правды слѣдуетъ, что содержаніе ея должно быть пріурочено къ территоріи не одного, а нѣсколькихъ княжествъ. При этомъ необходимо замѣтить, что едва ли найдется много новгородскихъ элементовъ въ ея содержаніи, потому что уставная и судебная практика одного Ярослава Мудраго въ бытность его новгородскимъ княземъ не могла быть особенно значительна. Несравненно больше матеріала для Р. Правды должна была дать дѣятельность того же Ярослава и его преемниковъ въ Южной Руси. Этимъ обстоятельствомъ можно объяснить, почему составитель сборника назвалъ его Русской Правдой. Въ ту эпоху терминъ „русскій“ не обозначалъ всей терри-

торіи Россіи, а примѣнялся только къ названію Кіевской Руси. Въ такомъ же точно смыслѣ употребленъ этотъ терминъ Р. Правдой въ отношеніи къ сыновьямъ Ярослава—Изяславу, Святославу и Всеволоду, которые въ нѣкоторыхъ спискахъ ея названы русскими князьями.

Однако высказанныя соображенія нельзя считать достаточно вѣскими основаніями, чтобы опредѣлить мѣсторожденіе Р. Правды. Это все только намеки на рѣшеніе вопроса. Полная же разгадка его дается лишь при сличеніи Р. Правды съ литовско-русскимъ правомъ.

Такого рода сравненія не новость въ научной литературѣ. Но этотъ старый, уже испробованный, пріемъ я нѣсколько модифицирую. Во 1-хъ, до сихъ поръ Р. Правда являлась пособіемъ для объясненія литовско-русскаго права; по отношенію къ послѣднему она играла служебную роль. Напр., проф. Ѳ. И. Леонтовичъ сравнивалъ ее съ Литовскимъ Статутомъ для того, чтобы доказать необходимость включенія въ исторію русскаго права и литовско-русскаго законодательства. Я занимался такими же сличеніями съ тою цѣлью, чтобы опредѣлить объемъ вліянія русскаго обычнаго права на Литовскій Статутъ (см. „Источники уголовныхъ законовъ Литовскаго Статута“) и т. д. Теперь мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы идти обратнымъ путемъ, т. е. отъ литовско-русскаго права къ Р. Правдѣ и въ первомъ искать свѣта для объясненія второй. Во 2-хъ, я не утверждаю, что существуетъ сходство только между Р. Правдой и литовско-русскимъ правомъ; въ извѣстной мѣрѣ его можно найти и при сравненіи ея съ Псковской судной грамотой и московскимъ законодательствомъ. Иначе и быть не можетъ, потому что всѣ эти памятники суть мѣстныя варіаціи одного и того же, въ корнѣ своемъ тождественнаго, русскаго права. Но я имѣю въ виду указать не эти общія черты сходства, а спеціальныя особенности Р. Правды, сближающія ее съ правомъ литовско-русскимъ и, наоборотъ, отдаляющія ее отъ новгородско-псковскаго и московскаго права. Эти особенныя черты сходства дадутъ намъ основаніе высказать то положеніе, что родина Р. Правды находится на территоріи Литовско-Русскаго государства, что Р. Правда, заключая въ своей основѣ общерусскія начала права, въ то же время примыкаетъ къ спеціальной ея вѣтви, именно—къ литовско-русскому праву.

Обратимся прежде всего къ постановленіямъ Р. Правды по уголовному праву.

Р. Правда разсматриваетъ увѣчье, какъ преступленіе противъ жизни, а не противъ здоровья. Увѣчье отнимаетъ у потерпѣвшаго полжизни, умаляетъ его вѣкъ на половину. Поэтому за увѣчье взыскивался

штрафъ, называвшійся полувирой. Такой же взглядъ на это преступленіе мы находимъ въ литовско-русскомъ правѣ. Слуга пана Миколая Ганшеевича изувѣчилъ паробка; судъ рѣшилъ: „естли будетъ тотъ паробокъ на который члонокъ обраЖонъ, маетъ за того паробка тотъ слуга заплатити за половицу человека полтрети копы грошей“ [2]). Судъ разсматривалъ жалобу берестейской мѣщанки и вынесъ такую резолюцію: такъ какъ „она рукою не владнеть, присудили есмо той мещанце за полневѣсты водлугъ того, ижъ вѣчне на руку хрома“ и т. д. [3]). Такія же постановленія объ увѣчьѣ находимъ и въ Литовскомъ Статутѣ [4]).

Въ Р. Правдѣ удары батогомъ, чашей, рогомъ и *тылесницей*, т. е. тупой стороной меча, считались не только преступленіемъ противъ здоровья, но въ то же время и оскорбленіемъ чести. Поэтому виновный платилъ особенно высокій штрафъ—12 гривенъ. Такъ же характеризуются эти дѣянія и въ судебной практикѣ великаго княжества Литовскаго въ 15 и въ началѣ 16 в. Напр., бояринъ Матей Яновичъ напалъ на Андрея Чеха „и почалъ его бити кордомъ—*тыльемъ*“, т. е. тупой стороной меча. Судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, постановилъ заплатить Андрею Чеху „за бой безчестье шляхетское водлугъ обычая 12 рублевъ грошей“ [5]).

Въ чемъ состоялъ институтъ мести по Русской Правдѣ? Проф. В. И. Сергѣевичъ въ послѣднемъ изданіи своихъ Лекцій и изслѣдованій (1903 г.) говоритъ: „по Русской Правдѣ месть есть исполненіе, предшествующее приговору, а не слѣдующее за нимъ; Русская Правда сохранила указанія только на досудебную месть“ (стр. 378). Высоко ставя научный авторитетъ В. И. Сергѣевича, я позволю себѣ не согласиться съ мнѣніемъ уважаемаго ученаго. Основанія слѣдующія. Въ тѣхъ самыхъ спискахъ Р. Правды, которые говорятъ о мести за убійство, какъ о дѣйствующемъ правѣ (напр., Ак. сп., 1),—въ этихъ спискахъ въ то же время запрещается самоуправство: „или смердъ умучать, а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны; а въ гнищанинѣ и въ тивуницѣ и въ мечници 12 гривнѣ“ (Ак. сп., 31 и 32). Если безъ разрѣшенія князя (судебной власти) нельзя было мучить, то тѣмъ болѣе нельзя было убить. Этотъ косвенный выводъ прямо подтверждается 38 ст. Акад. сп.: вора, пойманнаго и связаннаго, потерпѣвшій не въ правѣ

---

[2]) Лит. Метрика, кн. III Судныхъ дѣлъ, л. л. 67—68.

[3]) Лит. Метр., кн. III Судн. дѣлъ, л. 14.

[4]) 1 ред., VII разд., 9 арт.

[5]) Лит. Метр., кн. VI Судн. дѣлъ, л. л. 34—36.

былъ убитъ; онъ долженъ былъ вести его на княжій дворъ для суда. Я предвижу возраженіе: скажутъ, что статьи 1, 31 и 32, хотя онѣ и въ одномъ спискѣ, тѣмъ не менѣе относятся къ разнымъ эпохамъ, что ст. 31 и 32 записаны въ Р. Правду тогда, когда месть уже вышла изъ употребленія; слѣдовательно, на нихъ нельзя ссылаться при объясненіи 1-й статьи. На чемъ однако основано мнѣніе о разновременномъ происхожденіи названныхъ статей? Только на предвзятой мысли, что месть Р. Правды была актомъ самоуправства. Изъ такого основанія едва ли можно дѣлать какіе-либо выводы: месть Р. Правды есть величина неизвѣстная, которую надо еще опредѣлить. Далѣе, тексту разбираемой статьи о мести (Ак. сп., 1) въ нѣкоторыхъ спискахъ предшествуетъ заглавіе: „судъ о душегубствѣ", а въ другихъ спискахъ она озаглавлена: „судъ Ярославль Володимеричь о душегубствѣ". Значитъ, убійцу судили; месть за убійство была слѣдствіемъ судебнаго опредѣленія, а не актомъ самоуправства. Тотъ же самый выводъ получается изъ сопоставленія 1-й и 2-й ст. Карамз. списка. Первая статья говоритъ о судѣ Ярослава Мудраго по дѣламъ о душегубствѣ. Судъ состоялъ въ томъ, что убійца подвергался мести со стороны родственниковъ убитаго. Статья вторая по этому поводу замѣчаетъ, что при сыновьяхъ его произошло измѣненіе въ судебной практикѣ. Они отмѣнили убіеніе за голову, назначавшееся прежде, и установили денежный выкупъ, а все прочее осталось попрежнему. Статья вторая находится въ непосредственной связи съ первой: отмѣняя ее, она вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ вспомогательнымъ источникомъ для истолкованія ея смысла. Очевидно, что месть 1-й ст. и есть то убіеніе преступника, которое имѣло мѣсто въ судебной практикѣ Ярослава Мудраго и было отмѣнено его сыновьями. Это—смертная казнь, но не въ современномъ смыслѣ этого слова. Она совершалась не исполнительными органами государства, а родственниками убитаго. Наконецъ, наше толкованіе института мести подтверждается лѣтописью. Оказывается, что точно такъ же смотрѣли на месть и современники Р. Правды. Подъ 1070 г. лѣтописецъ разсказываетъ о казни волхвовъ на Бѣлоозерѣ: воевода князя Святослава выдалъ ихъ на месть родственникамъ убитыхъ, и они предали осужденныхъ смерти [6]). По поводу половецкаго набѣга 1093 г. лѣтописецъ говоритъ слѣдующее: „ови ведутся полонени, друзіи посѣкаеми бываютъ, друзіи *на месть даеми бываютъ*, горкую *смерть пріемлюще*" [7]) и т. д.

[6]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ, стр. 313—314.

[7]) П. Мрочекъ-Дроздовскій, Изслѣдованіе о Р. Правдѣ. Приложенія ко второму выпуску, стр. 14.

Итакъ, месть Р. Правды есть исполненіе судебнаго приговора, а не актъ самосуда. Это положеніе, установленное нами относительно убійства путемъ сопоставленія различныхъ данныхъ, прямо выражено въ Р. Правдѣ относительно нанесенія ранъ и побоевъ: потерпѣвшій, если онъ окровавленъ или покрытъ синяками, не обязанъ представлять свидѣтеля; но если на немъ не будетъ никакихъ знаковъ, то необходимъ свидѣтель; доказавъ свое обвиненіе, потерпѣвшій могъ мстить обидчику или же взять съ него денежный выкупъ (Ак. сп., ст. 2).

Месть съ такимъ значеніемъ составляла характерную черту литовско-русскаго права, гдѣ она удерживалась въ теченіе долгаго времени. Преступникъ, осужденный на смерть, выдавался потерпѣвшимъ или ихъ родственникамъ. Послѣдніе приводили судебный приговоръ въ исполненіе, но могли и пощадить преступника, взявъ съ него выкупъ [8]).

Доказательство существованія въ Р. Правдѣ досудебной мести обыкновенно видятъ въ 21 ст. Карамз. сп.: „оже кто ударить кого батогомъ, или чашею, или рогомъ, любо тылисницею, то 12 гривенъ; не терпя ли противу тому тнеть мечемъ, то вины ему въ томъ нѣтъ". Но толкованіе этой статьи должно быть ограничительнымъ. Если она и говоритъ о досудебной мести, то не въ видѣ общаго правила, а въ видѣ исключенія. По общему порядку самоуправство запрещалось, а здѣсь оно допущено. Что статья 21 заключаетъ въ себѣ изъятіе изъ общихъ нормъ, это обнаруживается въ самой формулировкѣ ея: „не терпя ли противу тому тнеть мечемъ, *то вины ему въ томъ нѣтъ*". Эта послѣдняя оговорка была бы лишней, если бы досудебная месть составляла нормальное состояніе общественной жизни. Разрѣшеніе личной расправы въ данномъ случаѣ основывается не на внѣшнихъ условіяхъ общежитія, допускавшихъ месть, а на особенномъ психологическомъ состояніи потерпѣвшаго: онъ не могъ „стерпѣть" побоевъ, нанесенныхъ позорящими орудіями. Это психологическое основаніе допущенія мести доказывается аналогичной 3-й ст. Ак. сп.; тамъ сказано: „аще сего не постигнуть, то платити ему". Слѣдовательно, если обидчикъ успѣлъ уйти, то потерпѣвшій лишался права мести; его раздраженное чувство должно было болѣе или менѣе успокоиться, и онъ могъ уже овладѣть собою. При такомъ пониманіи этой статьи, мнѣ кажется, что она не заключаетъ въ себѣ ничего характернаго для эпохи мести. Подобное постановленіе мыслимо и на высшихъ ступеняхъ правового развитія.

Въ литовско-русскомъ правѣ 16 в. мы находимъ правило, тождественное съ разсмотрѣннымъ постановленіемъ Р. Правды: „естли бы

---

8) Лит. Стат. 1529 г., VII разд., 30 арт.; XIII разд., 6 и 25 арт.

хто мялъ кого гдежъ кольвекъ збити, а оный збитый, хочъ бы *мало погодивши*, не зыскуючи правомъ на томъ, хто его збилъ, а *на другомъ местцы* мялъ бы оному, хто его збилъ, мстити бою своего, а бити его, тогды тотъ, который бы мялъ то вчинити, бой свой первый тратить и того, кому ся мстилъ бою своего, ма навязати водлугъ стану его [9]). Отсюда вытекаетъ то же положеніе, которое высказано въ Р. Правдѣ: можно было мстить за обиду немедленно послѣ ея причиненія и на томъ же самомъ мѣстѣ. Иначе, при отсутствіи этихъ условій, месть преступна.

Р. Правда запрещаетъ мучить огнищанина, смерда и др. безъ позволенія князя (Кар. сп , 89 и 90; Ак. сп., 31 и 32). Мучить—значитъ подвергать наказанію. Слѣдовательно, можно было наказывать по суду, а значитъ, Р. Правда знаетъ личныя наказанія съ тою особенностью, что выполненіе ихъ было предоставлено самодѣятельности потерпѣвшихъ. Въ Р. Правдѣ не только присутствуетъ понятіе личныхъ наказаній въ указанномъ смыслѣ, но она упоминаетъ отдѣльные виды ихъ. Месть за убійство, какъ выяснено раньше, была смертной казнью по рѣшенію суда. При Ярославѣ Мудромъ смертной казни подвергался также холопъ, ударившій свободнаго мужа (Ак. сп., 16; Кар. сп., 76). При сыновьяхъ Ярослава за это преступленіе было назначено тѣлесное наказаніе (Кар. сп., 76). Русская Правда отмѣчаетъ и частный видъ тѣлесныхъ наказаній—битье кнутомъ „у колокольници" (Кар. сп., 135). Наконецъ, ей извѣстно лишеніе свободы: „а посидить у дворянина" (ibid.). Собственно Р. Правда предусматриваетъ случай самовольнаго наказанія кнутомъ или лишеніемъ свободы и считаетъ такое самоуправство преступнымъ. Но, очевидно, эти дѣянія признавались правомѣрными, если они совершались на основаніи судебнаго рѣшенія.

Указанная особенность Р. Правды продолжаетъ жить въ литовско-русскомъ правѣ; тамъ примѣненіе личныхъ наказаній къ преступнику въ большой мѣрѣ зависѣло отъ воли потерпѣвшаго [10]).

Въ литературѣ господствуетъ мнѣніе, что на общинѣ въ эпоху Р. Правды лежала обязанность ловить и выдавать судьямъ преступниковъ. Это мнѣніе основано на двухъ статьяхъ Р. Правды: 1) „аже кто убіетъ княжа мужа въ разбои, а головника не ищуть, то вервьную платити въ чей же верви голова лежить" (Кар. сп., 3); 2) „оже будуть рассѣчена земля или на земли знаменіе, имъ же ловлено, или

---

[9]) Не имѣя подъ руками Актовъ Виленской комиссіи, гдѣ напечатанъ этотъ документъ, цитирую его по книгѣ Г. В. Демченко: Наказаніе по Л. Статуту, стр. 211.

[10]) Г. В. Демченко, Наказаніе по Л. Статуту, стр. 219 и 220.

сѣть, то по верви искати къ себѣ татя, а любо продажа платити" (Кар. сп., 80). Первая статья толкуется такъ: община платила, если виновный въ убійствѣ на разбоѣ не былъ отысканъ. Точно такъ же смотрятъ и на вторую статью: она будто бы предписываетъ общинѣ найти вора или платить штрафъ. Думаемъ, что въ Р. Правдѣ отсутствуетъ такая полицейская точка зрѣнія. Прежде всего текстъ цитированныхъ статей противорѣчитъ изложенному толкованію. Статьи говорятъ объ обязанности *искать*, а не *отыскать* преступника: „а головника не ищуть", „искати къ себѣ татя". Члены общины отвѣчали только въ томъ случаѣ, если они отказывались искать преступника, несмотря на уличающіе ихъ слѣды преступленія. Если же они искали и не находили, то и отвѣтственности не подлежали. Этотъ выводъ находитъ себѣ подкрѣпленіе въ статьѣ Р. Правды о гоненіи слѣда: село, къ которому приводилъ слѣдъ татя, подвергалось отвѣтственности лишь тогда, когда жившіе въ немъ не шли искать преступника или не отводили отъ себя слѣда (Кар. сп., 88).

Совсѣмъ иное мы видимъ въ московскомъ правѣ, гдѣ существовали такія правила: „а не найдутъ душегубца, и они дадутъ намѣстникамъ 10 рублей"; „а не доищутся душегубца, и они дадутъ намѣстникомъ и третчикомъ и тіуномъ московскимъ вѣры за голову 4 рубля" [11]) и т. д. Здѣсь дѣйствительно принципъ отвѣтственности только виновныхъ принесенъ въ жертву полицейскому требованію открытія преступленій; здѣсь дѣйствительно община подъ угрозой отвѣтственности обязана была найти преступника. Если такъ, то едва ли можно считать московскіе порядки продолженіемъ того, что заключается въ Р. Правдѣ, какъ думаетъ проф. В. И. Сергѣевичъ [12]).

Напротивъ, наблюдается полное сходство въ этомъ отношеніи между Р. Правдой и литовско-русскимъ правомъ. Здѣсь, какъ и въ Р. Правдѣ, объ отвѣтственности общины говорится въ двухъ случаяхъ— за убійство и за кражу. По Л. Статуту община, отказавшаяся, въ лицѣ своихъ членовъ, искать убійцу или не пожелавшая отклонить отъ себя подозрѣніе посредствомъ очистительной присяги, платила головщину [13]). Точно такъ же село отвѣчало за кражу, если его жители отказывались присягнуть, что среди нихъ нѣтъ преступника, или если они не отводили отъ себя слѣда, оставленнаго воромъ, или же затаптывали его [14]).

[11]) В. И. Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія, 1903 г., стр. 390.

[12]) ibid.

[13]) 2 ред., XI разд., 31 арт.

[14]) 1 ред., XIII разд., 5 арт.; 2 ред., XIV, 16.

Посмотримъ, что даетъ для сравненія Р. Правда въ области гражданскаго права.

О наслѣдственныхъ правахъ вдовы Р. Правда говоритъ такъ: „аще жена сядеть по мужи, то дати ей часть, а у своихъ дѣтей взяти часть, а что на ню мужъ возложилъ, тому же есть госпожа, а задница ей мужня не надобѣ“ (Кар. сп., 106). Итакъ, жена не наслѣдуетъ мужу, но и не остается безъ средствъ послѣ его смерти. Р. Правда различаетъ имущество, которое достается ей по закону, и имущество, которое „возложилъ“, т. е. подарилъ или завѣщалъ ей, мужъ. Затѣмъ, по отдѣльнымъ выраженіямъ цитированной статьи можно замѣтить различіе правъ вдовы на то и другое имущество: во второмъ случаѣ она является „госпожей“, собственницей подареннаго или завѣщаннаго ей имущества; но названіе ея здѣсь „госпожей“ отрицательно указываетъ на то, что въ первомъ случаѣ она не получала права собственности. Дѣйствительно, въ статьѣ сказано, что она беретъ эту часть у своихъ дѣтей, т. е. эта часть выдѣляется ей изъ наслѣдства дѣтей. Отсюда можно сдѣлать предположеніе, что это имущество имѣло прожиточный характеръ, т. е. оставалось въ пожизненномъ пользованіи матери-вдовы, а послѣ ея смерти возвращалось тѣмъ, у кого оно было взято, т. е. дѣтямъ.

Такое толкованіе Р. Правды подтверждается литовско-русскимъ правомъ. Въ великомъ княжествѣ Литовскомъ существовали такіе же порядки, какъ и въ Р. Правдѣ. Обыкновенно мужъ записывалъ женѣ часть своего имѣнія, которая называлась вѣномъ. Вѣномъ вдова могла распоряжаться, какъ собственница. Но если вѣно не было записано ей, въ такомъ случаѣ она получала въ пожизненное пользованіе часть изъ наслѣдственной массы. Напр., въ одномъ судебномъ рѣшеніи отъ начала 16 в. этотъ порядокъ излагается въ слѣд. выраженіяхъ: „которая вдова по мужы своемъ останетъ, а вена записаного, ани жадное оправы отъ мужа своего мети не будетъ, таковая часть межы детми маетъ мети и тую часть маетъ держать и вжывати до своего жывота, а по ее смерти тая часть зася на дѣтей спасти маеть“. Изъ другихъ многочисленныхъ актовъ Литовской Метрики видно, что эта часть матери-вдовы была равныхъ размѣровъ съ тѣми частями, которыя получали сыновья.

Относительно правъ вдовы мы находимъ въ Р. Правдѣ еще слѣд. постановленіе: „не хотѣти ли еи начьнуть дѣти ни на дворѣ, а она начнеть всяко сидѣти восхощеть зъ дѣтми, то сотворити всяку волю ея, а дѣтемъ не дати воли; но что ей далъ мужь, съ тѣмъ же еи и сидѣти съ дѣтми, или свою часть뵈земше сидитъ же“ (Кар. сп., 113).

Смыслъ статьи тотъ, что вдова можетъ оставаться на имѣніи и въ домѣ умершаго мужа, несмотря на протесты наслѣдниковъ. Тотъ же самый порядокъ существовалъ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Въ случаѣ несогласія и ссоръ между вдовой и наслѣдниками судъ всегда становился на сторону первой. Напр., боярыня смоленская Ѳедьковая Рогозича жаловалась на своихъ деверей за то, что они выгнали ее изъ имѣнія ея умершаго мужа, въ которомъ она сидѣла, какъ на вдовьемъ стольцѣ; вел. князь и паны рада постановили: „маеть она на вдовиномъ столци мѣшкати до своего живота, а если похочеть она замужъ поити, и они мають ей вѣнець ее заплатити подлугъ обычая правъ земскихъ“ [15]). Относительно княжны Чарторыйской Ульяны вел. князь рѣшилъ такъ: „а не похочеть ли она послѣ смерти мужа замужъ пойти, то маеть она на всихъ имѣньяхъ мужа своего мешкати до своего живота водлугъ обычая и права земского на вдовьемъ столци“ [16]) и т. д.

Такимъ образомъ, обычное право Литовско-Русскаго государства относительно наслѣдственныхъ правъ вдовы совпадаетъ съ постановленіями Р. Правды и ихъ разъясняетъ.

Какъ извѣстно, Р. Правда стѣсняетъ завѣщательный произволъ отца. Онъ могъ завѣщать свое имущество только тѣмъ, кто и по закону наслѣдовалъ. Исключеніе составляла церковь, въ пользу которой разрѣшалось оставлять часть имущества, помимо законныхъ наслѣдниковъ. Такія же ограниченія завѣщательнаго права мы встрѣчаемъ и въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Напр., въ началѣ 16 в. староста берестейскій панъ Янъ Юрьевичъ Ильинича жаловался вел. князю, что отецъ обошелъ его въ завѣщаніи и устранилъ отъ наслѣдства безъ всякой вины съ его стороны. Вел. князь велѣлъ допустить его къ наслѣдованію наравнѣ съ братьями [17]). Тогда же одинъ смоленскій бояринъ завѣщалъ часть своихъ имѣній на церковь, а другую часть постороннему лицу. Сестра этого боярина жаловалась вел. князю по поводу такого распоряженія, и вел. князь рѣшилъ, что наслѣдодатель „неслушнымъ обычаемъ отъ близкое сестры своее всю отчину свою отписалъ, и такъ есмо вчинили, подлугъ обычая правъ земскихъ,—тотъ дворъ присудили сестрѣ его“. Завѣщаніе въ пользу посторонняго было кассировано въ интересахъ законной наслѣдницы, но распоряженіе въ пользу церкви осталось въ силѣ (Лит. Метр., кн. VIII Записей, л. л. 284—об.).

---

[15]) Лит. Метр., кн. VIII Записей, л. л. 286—287.

[16]) Лит. Метр., кн. XII Записей, л. 152.

[17]) Лит. Метр., кн. XIV Записей, л. л. 280—281.

Р. Правда предоставляетъ болѣе широкій просторъ завѣщательному усмотрѣнію матери-вдовы: „а матерня часть дѣтемъ не надобѣ, но кому мати всхощеть, тому дасть: дасть ли всѣмъ, и всѣмъ раздѣлять... А матери, который еи сынъ будеть добръ... тому же дасть все, аще ли и всѣ сынове ея будутъ лиси, а дщери можеть дати, кто ю кормить“ (Кар. сп., 114 и 116); т. е. мать можетъ завѣщать свое имущество всѣмъ дѣтямъ или же кому-либо одному изъ нихъ; кромѣ того, она можетъ обойти сына и завѣщать дочери. Такимъ образомъ, въ Р. Правдѣ проводится различіе между отцовскимъ и материнскимъ имуществомъ. Это различіе составляетъ харатерную особенность литовско-русскаго права. По литовско-русскому праву материзной можно было распоряжаться болѣе свободно, чѣмъ отчиной. Кромѣ законодательныхъ памятниковъ, до насъ дошло много судебныхъ актовъ отъ 15 и 16 в.в., иллюстрирующихъ это положеніе. Напр., жена воеводы кіевскаго Андрея Немировича завѣщала свои деньги дочери Маринѣ, обошедши ея брата и сестру; вел. князь и паны-рада, разсмотрѣвши это дѣло, „присудили подле тестаменту матки ее, а братъ и сестра ее въ тые пенязи не мають ся уступати“ [18]) и т. д.

Въ Р. Правдѣ есть слѣд. статья: „аще будуть робьи дѣти у мужа, то задници имъ не имати, но свобода имъ съ матерью“ (Кар. сп., 110). Это значитъ: дѣти отъ рабыни-наложницы не получаютъ наслѣдства послѣ смерти своего отца и господина, но отпускаются вмѣстѣ съ матерью на волю. Въ актахъ Литовской Метрики мы находимъ судебное рѣшеніе, постановленное на основаніи этого правила. Нѣкій бояринъ Кондратъ прижилъ отъ своей холопки-наложницы пять сыновей и одну дочь. Затѣмъ онъ вступилъ въ законный бракъ съ шляхтянкой, но дѣтей отъ нея не имѣлъ. Послѣ его смерти имущество его, по судебному постановленію, перешло къ племянницѣ; дѣти же рабыни были устранены отъ наслѣдства, но получили свободу [19]).

Р. Правдѣ извѣстна опека: „а оже будеть у мужа въ дому дѣти малы, а не дюжи ся сами собою печаловати, а мати имъ поидеть замужь, то кто имъ ближній будеть, тому же дати на руцѣ и съ добыткомъ и зъ домомъ, донежѣле возмогуть“ (Кар. сп., 111). Никакихъ слѣдовъ этого постановленія мы не находимъ ни въ Новгородѣ и Псковѣ, ни въ Москвѣ. Между тѣмъ въ литовско-русскомъ правѣ оно уцѣлѣло почти безъ всякихъ измѣненій. Въ актахъ Лит. Метрики есть приказъ вел. князя о назначеніи опеки надъ дѣтьми полоцкаго дворя-

[18]) Лит. Метр., кн. IV Судн. д., л. 202.

[19]) Лит. Метр., кн. I Судн. дѣлъ, л. л. 65—66.

нина Петра Епимаховича. Вскорѣ послѣ смерти этого дворянина жена его вступила во второй бракъ. Тогда братъ умершаго просилъ вел. князя назначить его опекуномъ надъ оставшимися дѣтьми. Просьба его была уважена на томъ основаніи, что „въ отчизне нашой великомъ князьстве Литовскомъ стародавна тотъ звычай естъ: естли вдова зъ удовьего стольца ступить а пойдеть за другого мужа, тогды детьми и именьи опекаются близкіи первого мужа ее“ [20]). На Волыни умеръ земянинъ Яковицкій, оставивъ послѣ себя трехъ сыновей и вдову, которая потомъ вышла замужъ. Братъ Яковицкаго просилъ, чтобы осиротѣвшія дѣти были отданы ему въ опеку. Вел. князь утвердилъ его опекуномъ, „водле обычая и права земского“ [21]).

Р. Правда различаетъ обѣльныхъ холоповъ и закуповъ. Съ этой терминологіей мы не встрѣчаемся болѣе ни въ судныхъ грамотахъ Пскова и Новгорода, ни въ памятникахъ московскаго законодательства. Значитъ ли это, что они исчезли и вымерли? Нѣтъ, обѣльные холопы и закупы продолжали свое существованіе, но только въ томъ краѣ, гдѣ возникла сама Р. Правда, т. е. на территоріи Литовской Руси. Въ литовско-русскомъ правѣ различались термины: „купить обель“, т. е. пріобрѣсти въ собственность, и „закупить“, т. е. взять въ закладъ. Напр., конюхъ Кревскій говорилъ на судѣ, что онъ заложилъ въ „лихую хвилю“ свою дочь Юхну Громыкѣ за копу грошей. Громыка возражалъ: „продалъ онъ мнѣ девку тую за неволную, а такъ я дѣвку тую въ неволю продалъ обель, якъ обель купилъ“ [22]). Намѣстникъ князя Андрея Сангушковича свидѣтельствовалъ: „князь его милость закупилъ былъ закупа у пяти копахъ грошей у татарина господарского у Легуша, и былъ тотъ закупъ у Мирятичахъ, а такъ того закупа вбили“ [23]) и т. д. Такимъ образомъ, литовско-русское право можетъ служить средствомъ для разрѣшенія вопроса о закупничествѣ, смутно изложеннаго въ Р. Правдѣ и спорнаго въ литературѣ. На этотъ путь уже сталъ мой глубокоуважаемый учитель М. Ф. Владимірскій-Будановъ [24]).

Переходя далѣе къ процессу, мы и здѣсь можемъ указать характерныя особенности Р. Правды, близко сродняющія ее съ литовско-русскимъ правомъ.

Р. Правда ни однимъ словомъ не обмолвилась о судебныхъ поединкахъ. Этотъ пробѣлъ памятника объясняется въ литературѣ раз-

---

[20]) Лит. Метр., кн. XIV Записей, л. 135.

[21]) Лит. Метр., кн. XIV Записей, л. л. 257—258.

[22]) Лит. Метр., кн. VI Судн. дѣлъ, л. л. 26--27.

[23]) Лит. Метр., кн. III Судн. дѣлъ, л. 92.

[24]) Обзоръ, стр. 38.

лично. Проф. В. О. Ключевскій думаетъ, что составитель Р. Правды зналъ судебный поединокъ, но игнорировалъ его умышленно, не хотѣлъ признавать его, потому что не сочуствовалъ ему. Не сочувствовалъ же онъ судебнымъ поединкамъ, потому что Р. Правда предназначалась для потребностей церковнаго суда, и самъ авторъ ея былъ лицомъ духовнаго класса [25]). Съ такимъ объясненіемъ едва ли можно согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, если даже мы станемъ на точку зрѣнія В. О. Ключевскаго, что составитель Р. Правды имѣлъ въ виду нужды церковнаго суда, то и тогда остается непонятнымъ, почему онъ обошелъ молчаніемъ судебные поединки, а между тѣмъ включилъ въ Р. Правду многія положенія, которыя точно также не могли имѣть примѣненія въ сферѣ церковной юрисдикціи, напр., статьи о мести, о вирахъ и продажахъ въ пользу князя и т. п.

Болѣе правдоподобно то мнѣніе, котораго придерживается большинство историковъ права. Говорятъ, что судебные поединки были извѣстны въ эпоху Р. Правды; если же Р. Правда умалчиваетъ о нихъ, то это случайный недосмотръ ея составителя. Мнѣ кажется, что и это толкованіе не можетъ быть принято. Процессуальная сторона права разработана въ Р. Правдѣ обстоятельно. Она говоритъ о многихъ видахъ доказательствъ по гражданскимъ спорамъ, по дѣламъ о побояхъ, ранахъ, убійствѣ, кражѣ и др. Значитъ, было много поводовъ, чтобы упомянуть и о судебныхъ поединкахъ, тѣмъ болѣе, что они не представляются такою мелочью, которую можно было бы забыть.

Всего вѣроятнѣе молчаніе Р. Правды о поединкахъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что она возникла въ той мѣстности, гдѣ поединки не практиковались. Ни въ законодательныхъ памятникахъ, ни въ судебныхъ актахъ вел. княжества Литовскаго я не находилъ указаній на судебные поединки.

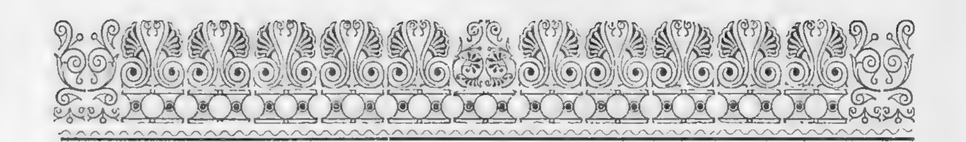
Р. Правдѣ извѣстны особыя формы процесса—сводъ и гоненіе слѣда. Онѣ удерживаются и въ литовско-русскомъ правѣ и т. д.

Предѣлы статьи, предназначенной для Сборника, не позволяютъ мнѣ входить въ подробности. Но и этихъ бѣглыхъ примѣровъ, я думаю, достаточно, чтобы убѣдиться, въ замѣчательномъ сходствѣ между Р. Правдой и литовско-русскимъ правомъ. Это сходство было результатомъ того обстоятельства, что Р. Прада возникла на той почвѣ, гдѣ развивалось литовско - русское право; она была исходнымъ пунктомъ его развитія. Ставъ на такую точку зрѣнія, едва ли можно признать правильнымъ обычный способъ изложенія исторіи

[25]) Краткое пособіе по русской исторіи, стр. 39.

русскаго права—сначала по Р. Правдѣ, далѣе по Псковской Судной грамотѣ, потомъ по московскому законодательству и т. д. Названные памятники являются не столько послѣдовательными стадіями въ развитіи русскаго права, сколько выразителями различныхъ типовъ его. Р. Правда послужила начальной основой для исторіи литовско-русскаго права. У новгородско-псковскаго права и московскаго законодательства были свои собственныя точки отправленія, намъ неизвѣстныя. Конечно, и отъ Р. Правды можно до извѣстной степени заключать о томъ, что было въ Новгородѣ и Псковѣ до составленія судныхъ грамотъ, а въ Сѣверо-восточной Руси до изданія уставныхъ грамотъ. Но въ данномъ случаѣ Русская Правда будетъ не прямымъ источникомъ для выводовъ, а лишь источникомъ для сужденій по аналогіи.

Н. Максимейко.



Къ вопросу о происхожденіи ѳемнаго строя Византійской имперіи.

Въ числѣ вопросовъ по исторіи политической организаціи Византійской имперіи однимъ изъ самыхъ живыхъ въ ученой литературѣ за послѣднее время является вопросъ о ѳемахъ. Со времени появленія этюда французскаго византиниста Диля въ 1896 году: L'origine du régime des thèmes dans l'Empire Byzantin, вопросу этому посвятилъ цѣлое изслѣдованіе германскій ученый Гельцеръ: Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung (Leipzig, 1899), глубоко вошелъ въ него нашъ акад. Ѳ. И. Успенскій въ своей работѣ: „Военное устройство византійской имперіи“ (Изв. Р. Арх. Инст. въ К—полѣ, VI, 1900), его же коснулся въ самое недавнее время Б. А. Панченко въ спеціальной статьѣ, посвященной разъясненію интереснаго вещественнаго памятника, заключающаго въ себѣ упоминаніе славянъ въ Виѳиніи въ VII вѣкѣ (Изв. Р. Археол. Инст. въ К-полѣ, VIII, вып. 1—2, стр. 40 и сл.). Не задаваясь цѣлью подвести итоги разработки вопроса въ названныхъ выше трудахъ и нимало не претендуя дать новую его постановку, позволяю себѣ надѣяться, что, въ видахъ всесторонняго выясненія этого сложнаго вопроса, не окажется излишней предлагаемая вниманію читателя замѣтка.

Въ разъясненіи вопроса о происхожденіи и сущности дѣленія Византійскаго государства на ѳемы, τὰ θέματα, важно прежде всего установить исторію этого слова и древность терминологическаго его значенія въ языкѣ византійскихъ писателей. Этимологія слова ясна. Ее совершенно правильно чувствовалъ Константинъ Порфирородный, когда сдѣлалъ по поводу этого слова такое замѣчаніе: αὐτὸ γὰρ τὸ

ὄνομα τοῦ θέματος Ἑλληνικόν ἐστι καὶ οὐ Ῥωμαϊκόν ἀπὸ τῆς θέσεως ὀνομαζόμενον (de them. p. 13 B.). Въ греческомъ языкѣ классическаго періода слово θέμα употреблялось, какъ имя существительное въ значеніи: утвержденіе, положеніе, откуда и то специальное его значеніе въ языкѣ школы, съ какимъ оно перешло и въ нашъ языкъ (не непосредственно впрочемъ изъ греческаго)—тема; древніе грамматики употребляли это слово для обозначенія основы въ противоположность флексіи; наконецъ, въ гражданскомъ оборотѣ оно примѣнялось въ сферѣ денежныхъ дѣлъ въ значеніи—вкладъ. Въ языкѣ права оно нерѣдко встрѣчается въ новеллахъ Юстиніана въ смыслѣ—положеніе, пунктъ, данный случай [1]). Съ Юстиніана принято начинать исторію византійской литературы. Въ сохранившихся памятникахъ VI вѣка первый по времени случай употребленія этого слова можно констатировать въ Стратегикѣ, носящей имя Маврикія. Во 2 гл. I кн. въ изложеніи о боевомъ снаряженіи кавалеристовъ, сдѣлано такое замѣчаніе о знаменахъ отдѣльныхъ боевыхъ частей: χρὴ τὰς μὲν κεφαλὰς τῶν βάνδων ἑκάστου μέρους ὁμοχρόους γίνεσθαι, τὰ δὲ φλάμμουλα ἑκάστης μοίρας ἰδιόχροα εἶναι. ἵνα δὲ καὶ τὸ καθ' ἕκαστον θέμα εὐκόλως ἐπιγινώσκῃ τὸ ἴδιον βάνδον, δεῖ ἕτερα ἰδικὰ σημεῖα προτιθέναι ταῖς κεφαλαῖς τῶν βάνδων, ἐγνωσμένα τοῖς στρατιώταις, ὥστε ἐκ τούτου εὐκόλως ἐπιγινώσκεσθαι αὐτὰ καὶ κατὰ τὸ μέρος, καὶ κατὰ τὴν μοῖραν, καὶ κατὰ τὸ τάγμα (p. 25 Scheffer). Это единственный случай употребленія слова τό θέμα у Маврикія. Рѣчь идетъ о кавалеріи. Въ походѣ и въ бою кавалерія подраздѣляется на „меры", которыя въ свою очередь дѣлятся на „миры", слагающіяся изъ „тагмъ". Въ каждой мерѣ верхушки знаменъ должны быть одноцвѣтны, а развѣвающійся на знамени кусокъ матеріи долженъ быть разнаго цвѣта по отдѣльнымъ мирамъ; такимъ образомъ легко различаются строевыя части. А для того, чтобы солдаты въ предѣлахъ каждой миры легко различали мѣсто своей тагмы, верхушки значковъ тагмъ должны быть снабжены отличительными примѣтами.—Вмѣсто термина μοῖρα авторъ употребилъ слово θέμα, какъ общее обозначеніе боевой единицы, составляющей въ строю одно цѣлое.

[1]) Nov. 5, c. 2, p. 30 Schöll: Εἰ γὰρ ἐν πολλοῖς θέμασι καὶ ὑπὸ τοῦ νόμου τοῦτο γίνεται... Nov. 115, c. 4, 7, p. 545: τούτοις τοῖς θέμασι καὶ τὴν τῆς αἰχμαλωσίας συμφορὰν προστίθεμεν... Nov. 117, c. 12, p. 562: ἐπὶ τούτοις γὰρ τοῖς τρισὶ θέμασι τὰ περὶ αὐτῶν τοῖς προτέροις ἡμῶν νόμοις περιεχόμενα βέβαια εἶναι θεσπίζομεν.—Первое изъ этихъ мѣстъ приведено было Θ. И. Успенскимъ, o. c., стр. 188, прим. 2, и сопровождается такимъ замѣчаніемъ: „смыслъ, усвояемый этому термину, не подходитъ ни подъ понятіе гражданскаго округа, ни военной части".

Современникъ Маврикія, Евагрій, не знаетъ слова θέμα, равно какъ и писатель первой половины VII вѣка, Өеофилактъ Симокатта, въ изложеніи котораго описаніе военныхъ событій играетъ первенствующую роль. Вполнѣ обычнымъ, и притомъ въ смыслѣ термина, становится это слово въ языкѣ писателя, литературная дѣятельность котораго принадлежитъ началу IX вѣка, Өеофана.

Өеофанъ очень часто употребляетъ слово θέμα; но въ высшей степени интересно отмѣтить, что оно входитъ въ его языкъ только уже съ описанія событій времени имп. Ираклія. Первый случай употребленія этого слова относится къ первому году правленія этого императора (611 г.): Ἐρευνήσας (sc. Heraclius) γὰρ τὸν στρατὸν εἰ ἄρα ἐσώζοντο ἐκ τῶν μετὰ Φωκᾶ κατὰ Μαυρίκιον στρατευσάντων ἐπὶ τῆς τούτου τυραννίδος, δύο μόνους εὗρεν ἐν πᾶσι τοῖς θέμασιν [2]). Такъ какъ Өеофанъ не занесъ въ свою хронику никакихъ свидѣтельствъ о реформахъ въ организаціи военной силы государства и въ дальнѣйшемъ употребляетъ постоянно слово θέμα въ смыслѣ территоріальныхъ частей военной силы: θέμα τῶν Ἀνατολικῶν, τῶν Ἀρμενιάκων, τῶν Θρακησίων, τοῦ Ὀψικίου, и разумѣетъ именно эту организацію также и тогда, когда говоритъ: πάντα τὰ θέματα, περατικὰ θέματα, τά ἔξω θέματα, ἄρχοντες τῶν θεμάτων,—то, очевидно, и въ томъ первомъ случаѣ употребленія этого слова онъ придавалъ ему такое же значеніе, не отдавая себѣ отчета, что составъ военной силы имперіи могъ быть въ ту пору еще иной. Тотъ же писатель наименованія частей военной силы примѣняетъ и къ обозначеніямъ территоріи. Такъ, напр., онъ говоритъ: ἐξελθὼν ἐν τοῖς μέρεσι τοῦ Ὀψικίου (414, 19), προσδραμὼν τῷ θέματι τῶν ἀνατολικῶν (414, 29) [3]). Въ одномъ мѣстѣ, желая обозначить территорію Өракисійской өемы, онъ выражается очень своеобразно: πάντα μοναχὸν καὶ μονάστριαν τοὺς ὑπὸ τὸ θέμα τῶν Θρακησίων ὄντας συνῆξεν εἰς Ἔφεσον (ὁ Λαχανοδράκων) (445, 4).

Патріархъ Никифоръ († 829) не употребляетъ слова τὸ θέμα; но въ его языкѣ войско и область нерѣдко тождественны. Такъ, онъ говоритъ: στρατηγὸς Ἀνατολῆς, τά τῆς Ἀνατολῆς χωρία, ἡ χώρα τῶν ἀνατολικῶν ὁ τῶν ἀνατολικῶν στρατός, στρατηγὸς τοῦ καλουμένου τῶν Ἀρμενιάκων στρατοῦ, ἡ τοῦ Ὀψικίου λεγομένη χώρα, ὁ τοῦ Ὀψικίου στρατός, ὁ Ὀψίκιος στρατός, στρατηγὸς τοῦ Ὀψικίου λαοῦ, ἡγεμὼν τοῦ λεγομένου βασιλικοῦ Ὀψικίου, ἄρχων τῆς ὑπὸ Κιβυραιωτῶν χώρας.

---

[2]) Theoph., p. 300. De Boor.

[3]) Событія 780 года.

Въ Тактикѣ имп. Льва Мудраго, т. е. памятникѣ конца IX вѣка [4]), слово τὸ θέμα встрѣчается какъ въ смыслѣ территоріи, такъ и военнаго контингента. Въ одномъ мѣстѣ своего изложенія царственный авторъ даетъ очень точное указаніе на то, что разумѣлось подъ словомъ θέμα въ смыслѣ контингента данной области, а именно: ἐπὶ τοῦ ἑνὸς θέματος ἐπιλεγέσθωσαν ἀνδρεῖοι στρατιῶται καὶ πληρούτωσαν τὸ λεγόμενον στρατιωτικὸν θέμα, ἤτοι τῶν δ' τὸν ἀριθμὸν ἐπιλέκτων (XVIII 149). Итакъ, нормальная численность ѳемы въ смыслѣ военнаго контингента, τὸ στρατιωτικὸν θέμα, въ пору Льва Мудраго была 4000 человѣкъ.

Въ языкѣ Константина Порфиророднаго слово θέμα имѣетъ тѣ же два значенія, что и въ писаніяхъ его отца. Примѣры приводить было бы излишне; но отмѣтимъ одно мѣсто, гдѣ слово это употреблено для обозначенія строевой ковалерійской части вообще. Въ описаніи царскаго похода на восточную границу имперіи, *De Caer.*, p. 489, Константинъ даетъ точныя указанія относительно охраны особы царя. Въ видѣ авангарда идетъ 500 человѣкъ, на разстояніи двухъ миль съ обоихъ фланговъ и съ тыла держатъ охрану кавалерійскіе отряды, назначаемые друнгаріемъ виглы, πλαγιοφύλακες и ὀπισθοφύλακες. Говоря о нихъ вообще, авторъ называетъ ихъ τά θέματα, не опредѣляя тѣмъ ни ихъ численности, ни принадлежности къ опредѣленной части арміи, а лишь квалифицируя этимъ терминомъ ихъ строевую обособленность, совершенно такъ же, какъ выражался Маврикій, употребляя то же самое слово.

Предложенное въ предшествующемъ краткое сопоставленіе данныхъ по исторіи слова θέμα позволяетъ сдѣлать важный историческій выводъ, а именно, что слово θέμα въ значеніи „военный отрядъ" древнѣе въ языкѣ византійскихъ писателей, нежели въ другомъ— область, состоящая подъ властью стратига. Рамбо, посвятившій вопросу о ѳемахъ обширную главу своей книги: *L'Empire byzantin au X-me siècle,* отмѣтивъ двойственное значеніе слова τὸ θέμα, останавливался въ нерѣшительности предъ тѣмъ, къ какому изъ двухъ столь различныхъ учрежденій первоначально прилагалось это обозначеніе [5]). Бэри въ своемъ разсмотрѣніи вопроса о ѳемахъ совершенно опредѣленно высказался за первенство значенія въ смыслѣ военной части [6]). Съ такой

[4]) Позволю себѣ сослаться на свою замѣтку о хронологіи этого памятника: Виз. Врем, V, 1898, № 3.

[5]) p. 184: Il est difficile à savoir à laquelle des deux choses, à la province ou au corps d'armée, s'est appliqué d'abord le mot grec θέμα.

[6]) History of the later Roman Empire, II, стр. 340: The word *theme* meant properly a military division or regiment, and this fait indicates that the geographical themes had a military origin, and that the new division was due at least primarily and partly to needs of warfare.

же опредѣленностью говоритъ объ этомъ и Диль[7]). Но послѣднiй по времени высказывавшiйся по этому вопросу ученый, Ө. И. Успенскiй, далъ съ полной рѣшительностью иной отвѣтъ. „Первоначальный смыслъ *өемы*,—говоритъ онъ,—есть гражданско-административный округъ, въ который входятъ жители городовъ и деревень, управляемые гражданскими чиновниками и отбывающiе опредѣленныя повинности, въ числѣ которыхъ была и военно-податная“ [8]). Ссылаясь на Дюканжа подъ словомъ θεματικοί—*provinciales*, акад. Успенскiй считаетъ излишнимъ доказывать свое положенiе. Но справка у Дюканжа является скорѣе возраженiемъ, чѣмъ подтвержденiемъ этой теорiи: всѣ приведенныя у Дюканжа цитаты относятся уже къ позднѣйшему времени и не восходятъ раньше X вѣка. Само собою разумѣется что слово θεματικοί стало употребляться въ значенiи *provinciales* только уже въ ту пору, когда утвердилось дѣленiе на өемы въ смыслѣ административныхъ округовъ. Если бы первоначальный смыслъ слова θέμα былъ именно „гражданско-административный округъ“, то никакого вопроса о өемахъ не существовало бы въ ученой литературѣ и оставалось бы только указать, когда исчезло изъ употребленiя слово ἐπαρχία (=provincia) и явилось на смѣну новое—θέμα. Но и самъ Ө. И. Успенскiй не только признаетъ существованiе вопроса, но и считаетъ его настолько труднымъ, что, по его словамъ, „онъ съ пользой для дѣла можетъ быть поставленъ на очередь много разъ, несмотря на появленiе работъ Диля и Гельцера“. Потому именно, что первоначальное значенiе слова *өема* есть военный отрядъ, и существуетъ въ наукѣ вопросъ о өемахъ, надъ разъясненiемъ котораго съ своей стороны потрудился и Ө. И. Успенскiй въ своей недавней работѣ.

Какъ и почему этотъ военный по существу терминъ сталъ прилагаться къ обозначенiю области и военные командиры стали во главѣ гражданскаго управленiя страны,—эти стороны вопроса о өемахъ остаются и доселѣ неясными, несмотря на наличность обширной литературы. Слѣдя словоупотребленiе писателей, можно лишь констатировать фактъ, что раньше половины VII вѣка слово τὸ θέμα не примѣнялось для обозначенiя территорiи. Полагая сущность өемнаго строя въ устраненiи гражданскихъ начальниковъ областей и перенесенiи функцiй гражданской власти на военныхъ начальниковъ, Гельцеръ въ своемъ изслѣдованiи о происхожденiи өемнаго строя возводитъ начало

[7]) O. c., 56—57: mais incontestablement, il c'est appliqué au corps d'armée bien avant de designer la province.

[8]) O. c., стр. 188.

[9]) O. c., p. 72—77.

этого порядка къ Льву Исавру [9]). Но ученый авторъ не могъ привести ни одного прямого свидѣтельства изъ источниковъ въ подтвержденіе своей гипотезы, хотя и старался дать ей видъ твердо установленнаго научнаго положенія. Общая вѣроятность не есть еще историческая достовѣрность, и положеніе, отстаиваемое Гельцеромъ, остается пока гипотезой. Если бы онъ былъ даже правъ въ своемъ утвержденіи, то и тогда здѣсь никоимъ образомъ не было бы дано полнаго отвѣта на поставленный себѣ изслѣдователемъ вопросъ *о происхожденіи* ѳемнаго строя. Такъ какъ по существу ѳемы являются дѣленіемъ военныхъ силъ государства и такой именно характеръ этого учрежденія съ полной опредѣленностью виденъ даже у Константина Порфиророднаго при всей неясности, недостаточности и спутанности его историческихъ свѣдѣній о прошломъ своей имперіи, то выясненіе начала ѳемнаго строя, его происхожденія, возможно только на почвѣ изученія военныхъ древностей Византии [10]). Гельцеръ подъ началомъ ѳемнаго строя разумѣетъ фактъ соединенія военной и гражданской власти въ предѣлахъ данной области въ рукахъ одного лица и поэтому возводитъ начало ѳемъ къ той эпохѣ, отъ которой нѣтъ болѣе прямыхъ свидѣтельствъ о существованіи *эпарховъ*. Но этотъ argumentum a silentio совершенно недостаточенъ. Для того, чтобы придать ему значеніе и силу, необходимо на конкретныхъ фактахъ — разъ отсутствуютъ свидѣтельства законодательныхъ актовъ — выяснить, какія функціи гражданской власти перешли къ стратигамъ ѳемъ. Ни самъ Гельцеръ, ни другіе ученые не вели изслѣдованія въ этомъ направленіи, и дѣло остается, такимъ образомъ, далеко не яснымъ. Ѳ. И. Успенскій, коснувшійся вопроса о разграниченіи компетенцій стратига и чиновъ, вѣдавшихъ гражданское управленіе, пришелъ къ выводу, который онъ формулировалъ въ такихъ словахъ: „при полномъ развитіи ѳемнаго устройства гражданская администрація въ провинціяхъ была независима отъ стратига“ [11]). Но если это такъ, то ѳемнаго строя въ томъ смыслѣ, какъ его обыкновенно понимаютъ и что въ немъ видитъ Гельцеръ, никогда не существовало въ Византійской имперіи. — Вопросъ о ѳемахъ ждетъ, такимъ образомъ, болѣе широкой постановки и бо́льшаго углубленія анализа свидѣтельствъ, которыя могутъ быть вовлечены въ кругъ изслѣдованія, направленнаго къ тому, чтобы выяснить исторію и сущность этого учрежденія.

[10]) Диль въ своемъ этюдѣ нѣсколько подвинулъ изслѣдованіе вопроса въ этомъ направленіи сопоставленіемъ нѣкоторыхъ данныхъ о дѣленіи имперской арміи въ V и VII вѣкѣ.

[11]) O. c., p. 189, прим. 2.

Позволю себѣ въ заключеніе указать на одинъ текстъ, который доселѣ не вовлекался въ обиходъ изслѣдованія по этому вопросу. Разумѣю краснорѣчивыя жалобы на притѣсненія стратіотовъ въ сочиненіи: *De velitatione bellica,* приписываемомъ имп. Никифору Фокѣ. Здѣсь читается между прочимъ слѣдующее: „Стыжусь сказать, эти мужи, что душу свою полагаютъ за службу нашимъ святымъ царямъ и за свободу и отмщеніе христіанъ, подвергаются побоямъ! И это терпятъ они отъ ничтожныхъ людишекъ, сборщиковъ податей, которые не только не приносятъ никакой пользы государству, но только притѣсняютъ и мучатъ бѣдняковъ, сбирая себѣ изъ обидъ и многой крови бѣдняковъ много талантовъ золота. Не слѣдуетъ, чтобы они, защитники и, съ Божьей помощью, спасители христіанъ, полагающіе, такъ сказать, каждый день душу свою за святыхъ нашихъ царей, терпѣли безчестіе отъ судей ѳемъ (τῶν θεματικῶν κριτῶν), чтобы ихъ пытали какъ рабовъ, подвергали побоямъ, налагали на нихъ (о ужасъ!) узы и оковы. Самъ законъ повелѣваетъ, чтобы каждый командиръ имѣлъ власть надъ своими людьми и судилъ ихъ. А чьи же ѳемные солдаты (λαὸς οἰκεῖος ὁ τοῦ θέματος), какъ не исключительно стратига, какого ставитъ ѳемѣ святой царь? Поэтому-то древніе римляне предоставили стратигу закономъ власть надъ его провинціей (τοῦ ἰδίου θέματος), право судить обращающихся къ нему по военнымъ дѣламъ, разрѣшать тяжбы, возникающія въ его провинціи, имѣя своимъ сотрудникомъ и помощникомъ судью; съ своей стороны, онъ оказываетъ содѣйствіе протонотарію и остальнымъ чинамъ, вѣдающимъ гражданскія дѣла...“ [12]).

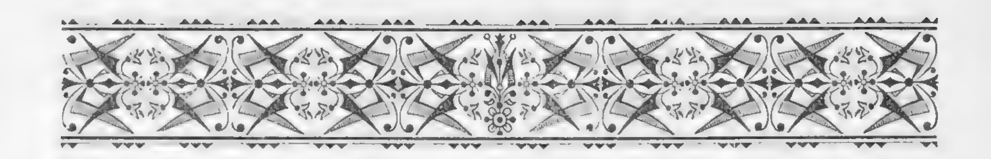
Авторъ настоятельно требуетъ, въ интересахъ безопасности государства отъ внѣшняго врага, возстановленія „стараго“, по его словамъ, порядка неподсудности военныхъ людей гражданскимъ чиновникамъ. Извѣстны ли были автору „законы“, обусловливавшіе прежній порядокъ, и даже существовали ли такіе законы, этого мы не знаемъ. Но интересно отмѣтить эту жалобу военнаго человѣка на притѣсненія гражданскихъ чиновниковъ. Она раздается во второй половинѣ X вѣка, т. е. въ пору полнаго развитія ѳемнаго строя въ Византійской имперіи. Гражданская власть во всей своей силѣ простирается на военныхъ людей, они отъ нея не изъяты, хотя имѣютъ своихъ военныхъ начальниковъ въ лицѣ стратига и подчиненныхъ ему турмарховъ. Итакъ, ѳемный строй нельзя разсматривать какъ устраненіе унаслѣ-

---

[12]) Nic. Phoc. De vel. bell. XIX, p. 239—40 B.

дованнаго Византіей отъ Римской имперіи порядка, по которому въ предѣлахъ отдѣльныхъ провинцій гражданская и военная власть были строго разграничены. Вопросъ о ѳемахъ сложнѣе и труднѣе, чѣмъ то обыкновенно представляется, и разысканіе датъ, когда впервые названа та или другая ѳема, ничего не разрѣшаетъ въ поискахъ о происхожденіи ѳемнаго строя.

Юліанъ Кулаковскій.



Древнѣйшій памятникъ болгарскаго права.

Культурная исторія болгарскаго народа, любопытная сама по себѣ и по тѣсной связи ея съ исторіей образованности другихъ славянъ, особенно сербовъ и русскихъ, какъ извѣстно, очень не богата памятниками мѣстнаго происхожденія. Въ самой Болгаріи, несмотря на принадлежавшую ей въ Средніе вѣка видную роль въ политической жизни Балканскаго полуострова и раннее развитіе своей образованности подъ вліяніемъ византійскихъ началъ, сохранились до настоящаго времени лишь самые скудные остатки стараго духовнаго наслѣдія. Болгарскихъ лѣтописей мы почти не знаемъ (за исключеніемъ одной довольно поздней), болгарскихъ грамотъ дошло ничтожное количество; произведенія болгарскихъ писателей и возникшіе въ Болгаріи переводы разнообразныхъ произведеній византійской литературы извѣстны главнымъ образомъ въ русскихъ и сербскихъ спискахъ; болгарскихъ надписей и вещественныхъ памятниковъ старины также сохранилось немного. О состояніи болгарской образованности въ Средніе вѣка по необходимости приходится судить главнымъ образомъ по слѣдамъ отраженія ея въ памятникахъ письменности единоплеменныхъ и единовѣрныхъ народовъ,—сербовъ, русскихъ, румынъ, и по отрывочнымъ указаніямъ и краткимъ свидѣтельствамъ византійскихъ и западно-европейскихъ источниковъ. Главной причиной такой скудости болгарскихъ историческихъ памятниковъ нужно признать тяжелыя условія, среди которыхъ много вѣковъ протекала національная жизнь болгаръ, и особенно страшный гнетъ фанаріотовъ въ XVIII и XIX в., который выражался, между прочимъ, въ систематическомъ истребленіи болгарскихъ рукописей. Можно съ увѣренностью предполагать, что, не будь у болгаръ столь тяжелаго историческаго прошлаго, изслѣдователи

судебъ этого народа имѣли бы въ своемъ распоряженіи не меньше національныхъ памятниковъ старины, чѣмъ, напримѣръ, изслѣдователи старой русской и сербской культурной жизни. Теперь же болгарскій историкъ вынужденъ довольствоваться скудными данными и при рѣшеніи многихъ важныхъ вопросовъ старой культурной жизни болгаръ долженъ ограничиваться областью догадокъ и предположеній.

Къ числу такихъ важныхъ и трудныхъ вопросовъ относится, между прочимъ, вопросъ о древне-болгарскомъ законодательствѣ. Существовали ли у болгаръ въ Средніе вѣка какія-либо памятники писаннаго права, свои сборники законовъ? Повидимому, никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ не можетъ быть, если принять во вниманіе, что Болгарія въ Средніе вѣка временами достигала большого политическаго могущества, очень рано стала средоточіемъ замѣчательной литературной дѣятельности и долгое время находилась подъ сильнымъ вліяніемъ образованности сосѣдней Византіи. Трудно допустить, чтобы славянскій народъ, достигшій такой степени политическаго и культурнаго развитія, обходился безъ писанныхъ законовъ. Вѣдь, еще въ IX в. болгарскій князь Борисъ, вскорѣ послѣ принятія христіанства, черезъ своихъ пословъ высказывалъ папѣ желаніе имѣть „законы". Итакъ, въ Болгаріи должны были существовать сборники законовъ, и вопросъ лишь въ томъ, какіе это были законы, куда они дѣвались и гдѣ ихъ слѣдуетъ искать. Въ виду историческихъ условій развитія Болгарскаго государства можно было бы предполагать, что древне-болгарскіе сборники законовъ были двоякаго рода: одни могли представлять мѣстное, національное (обычное) право, другіе—разныя позаимствованія изъ византійскаго права. Но о первыхъ рѣшительно ничего не извѣстно: отъ временъ стараго Болгарскаго царства не сохранилось никакого сборника законовъ въ родѣ тѣхъ, какими являются, напр., у насъ — Русская Правда, у сербовъ—Законникъ царя Стефана Душана, у хорватовъ—Винодольскій законъ, Керкскій законъ, Полицкій законъ и другіе статуты, у поляковъ—Вислицкій статутъ, у чеховъ—Majestas Carolina и Řad prava zemského. Что же касается разныхъ сборниковъ и компиляцій византійскихъ законовъ, переводы которыхъ съ извѣстною достовѣрностью можно было бы пріурочить къ Болгаріи, то ни одинъ изъ нихъ не дошелъ въ древнемъ болгарскомъ изводѣ, а только въ русскихъ и сербскихъ спискахъ, вслѣдствіе чего затрудняется болѣе точное рѣшеніе вопроса о томъ, какіе именно сборники византійскаго права составлены въ Болгаріи и предназначались для нуждъ болгарскаго народа. Вотъ почему вопросъ о древнемъ болгарскомъ правѣ стоитъ въ наукѣ очень неопредѣленно и медленно подвигается къ

разрѣшенію. Еще не такъ давно въ ученой историко-юридической литературѣ наблюдалось скептическое отношеніе къ самому факту существованія какихъ-либо старыхъ памятниковъ болгарскаго права. Такъ, извѣстный чешскій юристъ Г. Иречекъ, сообщивъ въ своемъ сборникѣ „Сводъ законовъ славянскихъ“ (1880 г.) тексты памятниковъ права всѣхъ славянскихъ народовъ, о болгарскомъ правѣ даже не упоминаетъ. Впрочемъ, такой скептицизмъ едва ли можно считать основательнымъ. Среди славянскихъ юридическихъ памятниковъ, представляющихъ рецепцію византійскаго права, извѣстенъ одинъ, который съ полною достовѣрностью признается авторитетными учеными за памятникъ болгарскаго происхожденія. Это т. н. „Законъ судный людемъ“, иначе „Судебникъ царя Константина“, входившій въ составъ древней редакціи славянской Кормчей (Іоанна Схоластика), сохранившійся въ двухъ редакціяхъ въ довольно древнихъ русскихъ спискахъ, а также извѣстный и изъ печатной Кормчей. Такое мнѣніе объ этомъ памятникѣ впервые было высказано еще въ 1829 г. барономъ Розенкампфомъ въ его извѣстномъ изслѣдованіи о Кормчей [1]) и подробно развито и обосновано сенаторомъ Р. Губе (1868) [2]), проф. А. С. Павловымъ (1869) [3]), В. Богишичемъ (1872) [4]), и въ новѣйшее время проф. Ѳ. Ѳ. Зигелемъ (1902) [5]).

Объ этомъ любопытномъ памятникѣ стараго болгарскаго права, очень рано проникшемъ на Русь и оказавшемъ вліяніе на Русскую Правду [6]), я имѣю намѣреніе представить нѣсколько замѣчаній въ данной статьѣ, вносящей мою скромную лепту въ юбилейный сборникъ, посвященный глубокоуважаемому Михаилу Флегонтовичу.

Замѣчанія мои вызваны главнѣйше наблюдаемымъ въ послѣднее время въ болгарской ученой литературѣ оживленіемъ интереса къ изученію этого пока единственнаго болѣе достовѣрнаго памятника стараго болгарскаго права. Проявленіе вниманія къ нему со стороны болгарскихъ ученыхъ несомнѣнно находится въ связи съ состоявшимся не-

---

[1]) *Баронъ Розенкампфъ,* Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ. М. 1829. Изд. 2-е 1837.

[2]) *R. Hube,* O znaczeniu prawa rzymskiego i rzymsko-byzantynskiego u narodów słowianskych, 1868 и Droit romain et gréco-byzantin chez les peuples Slaves. Paris. 1880.

[3]) *А. С. Павловъ,* Первоначальный славяно-русскій номоканонъ. Казань. 1869.

[4]) *Dr. V. Bogišić,* Pisani zakoni na slovenskom jugu. U Zagrebu. 1872.

[5]) *Feodor Sigel,* Lectures on slavonic law. London. 1902.

[6]) *Н. Калачовъ,* Излѣдованія о Русской Правдѣ, 147—149 и Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, изд. 2-е, Спб. 1880, стр. 245 слѣд.

давно открытіемъ въ болгарскомъ Высшемъ училищѣ (теперь преобразуемомъ въ университетъ) каѳедры исторіи болгарскаго права, а также съ успѣхами общаго развитія болгарской юридической литературы. Такъ, въ теченіе послѣднихъ 15—20 лѣтъ, появились въ Болгаріи хорошіе труды Оджакова, Родопскаго, Занетова, Балджіева, проф. С. Бобчева по общей исторіи болгарскаго права [7]), далѣе—прекрасный сборникъ по болгарскому обычному праву, составленный проф. Высшаго училища С. С. Бобчевымъ [8]), и значительное количество мелкихъ работъ по разнымъ отдѣламъ права [9]). Успѣху занятій болгарскимъ правомъ содѣйствуетъ издаваемый уже болѣе десяти лѣтъ проф. С. С. Бобчевымъ ученый журналъ „Юридически Прѣгледъ". Совершенно естественно, что болгарскіе ученые, приступая къ выясненію исторіи болгарскаго права, прежде всего должны были остановиться на изученіи „Закона суднаго людемъ", какъ такого памятника, за которымъ признано въ наукѣ болгарское происхожденіе и большая древность. Такъ, стали появляться работы, посвященныя въ большей или меньшей степени этому памятнику. Г. Родопскій еще въ 1885 г. напечаталъ въ журналѣ „Периодическо списание на българското книжовно дружество" статью подъ заглавіемъ: „Нѣщо върху стародавното болгарско законодателство", въ которой, изложивъ исторію „Закона суднаго людемъ" и познакомивъ съ содержаніемъ этого юридическаго сборника (главнѣйше по Бѣляеву: „Лекціи по исторіи русскаго законодательства", М. 1879), ставитъ общій вопросъ о воздѣйствіи подобныхъ рецепированныхъ изъ Византіи законовъ на юридическій бытъ болгаръ. Подобнымъ образомъ въ работѣ другого болгарскаго юриста Петра Оджакова „За обичайното наслѣдственно право" (Рущукъ, 1885), представляющей попытку проведенія въ области наслѣдственнаго права параллели между нормами стараго византійско-славянскаго права

[7]) *В. П. Оджаковъ*: а) Исторія на българско-то право, ч. I, кн. I. 1894. Видинъ. ч. II, кн. I. Руссе. 1893; б) Обичайно наслѣдствено право. Руссе. 1885; *Родопски*, Нѣчто върху стародавно-то българско законодателство, въ ж. Периодическо Списание, 1886, кн. XVII; *Занетовъ*, Българското население въ срѣднитѣ вѣкове. Русе. 1902; *Д-ръ В. Балджиевъ*: а) Историческото развитие на нашето право, въ журн. Мисль II ч., б) Студия върху нашето персон. съпружественно право, въ Сборн. Мин. Нар. Пр., кн. IV, V, VII, VIII, X; проф. *С. С. Бобчевъ*, Старобългарски правни паметници, ч. I. София. 1903 г.

[8]) Проф. *С. С. Бобчевъ*, Сборникъ на българскитѣ юридически обичаи, I т., Пловдивъ. 1892; II. т., София. 1902.

[9]) Библіографическій обзоръ болгарской юридической литературы представленъ въ брошюрѣ *С. С. Бобчева*: Юбилеенъ споменъ за десетогодошнината на Юридически Прѣгледъ (1893—1902).

и народными юридическими воззрѣніями, сообщены (главнымъ образомъ по Павлову) разныя свѣдѣнія о „Законѣ судномъ людемъ“ и высказано мнѣніе, хотя безъ подробной мотивировки, что эта болгарская компиляція, какъ и вся древняя болгарская Кормчая, была согласована съ народными нуждами и понятіями.

Въ 1892 г. тотъ же г. П. Оджаковъ напечаталъ въ ж. Трудъ (1—2 кн.) подъ заглавіемъ: „Старобългарски закони“, переводъ, впрочемъ, не вполнѣ точный, „Закона суднаго людемъ“. Въ 1901 г. въ XVIII т. извѣстнаго изданія болгарскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія: „Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина“, появилась и спеціальная работа о нашемъ памятникѣ, подъ заглавіемъ: „Единъ паметникъ на старото българско право“ (59 стр.). Авторъ его г. Г. Данаиловъ, питомецъ Московскаго университета, нынѣ профессоръ Высшаго училища въ Софіи, изслѣдуетъ „Законъ судный людемъ“ въ историческомъ и догматическомъ отношеніи. Въ исторической части труда, пользуясь изслѣдованіями русскихъ ученыхъ, онъ выясняетъ значеніе памятника въ связи съ разборомъ общаго вопроса о происхожденіи славянской Кормчей. По отношенію къ „Закону судному людемъ“ онъ вполнѣ принимаетъ мнѣніе знаменитаго канониста А. С. Павлова [10]), но оспариваетъ, въ согласіи съ нѣкоторыми другими учеными, взгляды его на происхожденіе трехъ древнихъ изводовъ славянской Кормчей. А. С. Павловъ, какъ извѣстно, считалъ болгарскимъ только первый древнѣйшій изводъ—Номоканонъ Іоанна Схоластика; второй же изводъ—Номокононъ въ XIV титуловъ (т. н. Фотіевъ), онъ склоненъ былъ разсматривать, какъ русскій переводъ съ греческаго, сдѣланный во времена Ярослава I, а третій—Номоканонъ съ толкованіями, полученный митрополитомъ Кирилломъ II въ 1262 г. отъ болгарскаго деспота Святослава, онъ признавалъ за сербскій переводъ греческой Кормчей новаго типа, сдѣланный при участіи св. Саввы, сербскаго архіепископа. Г. Данаиловъ считаетъ всѣ три славянскихъ извода древняго Номоканона возникшими въ Болгаріи. Того же мнѣнія держится и проф. С. С. Бобчевъ[11]). За историческими разъясненіями слѣдуетъ текстъ „Закона суднаго людемъ“ въ краткой редакціи по извѣстному списку Румянцевскаго музея (XIII в.) и въ обширной редакціи по изданію П. Строева (Софійскій Временникъ). Въ догматической части своей работы Г. Данаиловъ даетъ переводъ памятника на современный болгарскій языкъ и разсматриваетъ находящіяся въ немъ законоположенія по процессуаль-

---

[10]) *А. С. Павловъ,* Первоначальный славяно-русскій номоканонъ. Казань. 1869.

[11]) Старобългарски правни паметники, 23—29.

ному, уголовному, каноническому, гражданскому и военному праву. Обстоятельный разборъ изслѣдованія Г. Данаилова сдѣлалъ проф. С. С. Бобчевъ (Периодическо Списаніе 1901 г., кн. LXII), который и самъ внимательно занялся „Закономъ суднымъ людемъ" въ своемъ недавно выпущенномъ въ свѣтъ руководствѣ по исторіи староболгарскаго права [12]). Здѣсь онъ напечаталъ: 1) краткую редакцію памятника по Румянцевскому списку съ пунктуаціей и поправками по Срезневскому [13]) и съ подстрочными примѣчаніями; 2) краткую редакцію того же памятника по печатной Кормчей, 3) распространенную редакцію Закона суднаго по изданію Строева и 4) свой переводъ краткой редакціи на болгарскій языкъ. Въ объяснительной статьѣ, предшествующей текстамъ, авторъ сообщаетъ литературу предмета и даетъ критическій разборъ высказанныхъ въ наукѣ взглядовъ на исторію и значеніе памятника.

Таковы новѣйшія работы болгарскихъ ученыхъ о древнѣйшемъ памятникѣ болгарскаго права. Что же новаго вносятъ онѣ въ изученіе этого цѣннаго памятника въ дополненіе къ трудамъ предшествующихъ ученыхъ: барона Розенкампфа, А. С. Павлова, И. И. Срезневскаго, И. Д. Бѣляева, Р. Губе, Богишича и др.? Вообще въ какомъ видѣ представляются результаты изученія „Закона суднаго людемъ", начатаго болѣе 70 лѣтъ назадъ? Какіе изъ поставленныхъ изслѣдователями вопросовъ по внѣшней и внутренней исторіи даннаго памятника можно считать рѣшенными и какіе слѣдуетъ признать еще требующими дальнѣйшихъ разысканій? Наконецъ, въ какомъ направленіи должно вести послѣдующія работы для достиженія возможно болѣе полнаго и обстоятельнаго объясненія памятника?

Постараюсь, хотя бы кратко, отвѣтить на эти вопросы.

Поименованные болгарскіе ученые несомнѣнно внесли нѣкоторое оживленіе въ общее изученіе „Закона суднаго людемъ", независимо отъ того, что вызвали интересъ къ нему въ мѣстной ученой литературѣ, какъ къ цѣнному памятнику старой болгарской культуры. Они старались разобраться въ литературѣ предмета и отнестись кри-

---

[12]) *С. С. Бобчевъ*, Старобългарскиправни паметници, ч. I, София. 1903, стр. 176. Считаю не лишнимъ сообщить содержаніе этого небольшого, но весьма обстоятельнаго труда: Ч. I. Историко-юридическія замѣчанія. Введеніе. Гл. 1, Греческій Номоканонъ; гл. 2, Староболгарская Кормчая и ея судьба; гл. 3, Законъ судный людемъ; гл. 4, Хрисовулы; гл. 5, Литература и пособія по изученію староболгарскихъ юридическихъ памятниковъ. Тексты памятниковъ: 1) Изъ Кормчей; 2) Хрисовулы.

[13]) *И. И. Срезневскій*, Обозрѣніе древнихъ русскихъ списковъ Кормчей книги. Спб. 1897.

тически къ высказаннымъ мнѣніямъ и предположеніямъ по частнымъ вопросамъ, относящимся къ исторіи памятника, напр. по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ краткой и распространенной редакціи; они сдѣлали кое-что для объясненія текста памятника и содержащихся въ немъ законоположеній; наконецъ, они дали новыя изданія памятника по разнымъ редакціямъ, при чемъ, что особено важно, воспроизвели краткую редакцію по древнему Румянцевскому списку, остававшемуся досел̂ѣ неизвѣстнымъ. Во всемъ этомъ большая заслуга почтенныхъ болгарскихъ историковъ-юристовъ, особенно г. Родопскаго и профессоровъ Данаилова и Бобчева. Но, съ другой стороны, нужно признать, что всѣ эти болгарскія работы не вносятъ ничего существенно новаго для рѣшенія основныхъ вопросовъ по исторіи памятника, затронутыхъ, но неразъясненныхъ предшествующими изслѣдованіями. Въ нихъ не видно стремленія авторовъ возможно больше углубиться въ изслѣдуемый предметъ и подвергнуть разсматриваемый юридическій памятникъ подробнѣйшему изученію, согласно требованіямъ и методамъ современной науки. Большею частью они оперируютъ уже раньше сообщенными данными и въ слабой степени привлекаютъ новый матеріалъ. При такомъ направленіи работъ трудно, конечно, ждать новыхъ, болѣе обоснованныхъ выводовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, и въ настоящее время наиболѣе надежными остаются лишь тѣ немногія положенія относительно исторіи даннаго памятника, какія были уже установлены старыми изслѣдователями—Павловымъ, Губе и Богишичемъ; а именно: 1) Законъ судный людемъ представляетъ собой славянскую компиляцію византійскихъ законовъ, примѣненную къ мѣстнымъ потребностямъ и составленную въ Болгаріи вскорѣ послѣ принятія христіанства; 2) памятникъ дошелъ до насъ въ двухъ редакціяхъ, краткой и пространной; 3) въ основаніи памятника лежитъ Эклога Льва и Константина; 4) Законъ судный людемъ былъ весьма распространенъ на Руси и имѣлъ нѣкоторое вліяніе на Русскую Правду. Первыя три положенія, несмотря на ихъ важность, слишкомъ общи и требуетъ болѣе подробнаго, частнаго разъясненія. Ими во всякомъ случаѣ не можетъ удовлетвориться историкъ болгарскаго права и болгарской образованности вообще. Одновременно съ рѣшеніемъ общаго и главнаго вопроса выдвинутъ рядъ частныхъ вопросовъ, которые остаются пока безъ опредѣленнаго рѣшенія; по поводу ихъ высказаны пока одни предположенія, часто противорѣчивыя и недостаточно обоснованныя. Сюда относятся слѣдующіе вопросы: 1) болѣе точное опредѣленіе времени происхожденія Закона суднаго; 2) болѣе отчетливое уясненіе взаимныхъ отношеній краткой и пространной редакцій памят-

ника и установленіе старшинства одной изъ нихъ; 3) подробное опредѣленіе степени зависимости Закона суднаго отъ византійскихъ юридическихъ памятниковъ съ точнымъ указаніемъ чертъ оригинальности; 4) выясненіе значенія памятника: былъ ли это законникъ, изданный государственною властью, или частный сборникъ законовъ, составленный съ практической цѣлью?

Остановимся ближе на этихъ вопросахъ.

1. По общему мнѣнію Законъ судный составленъ въ Болгаріи, вскорѣ послѣ утвержденія въ государствѣ христіанства. Но, точнѣе, къ какому времени должно быть пріурочено происхожденіе этого памятника? Мнѣнія объ этомъ расходятся. Баронъ Розенкампфъ считалъ авторомъ Закона св. Меѳодія, которому приписываетъ и переводъ Кормчей первой редакціи (Іоанна Схоластика) [14]). Проф. А. С. Павловъ считалъ Законъ судный за „болгарскую компиляцію изъ различныхъ источниковъ византійскаго права, составленную, вѣроятно, *не позднѣе конца X в.*" [15]). Другіе изслѣдователи старались дать болѣе точное рѣшеніе вопроса. Р. Губе [16]) и за нимъ Зигель [17]) видятъ въ Законѣ судномъ памятникъ законодательной дѣятельности знаменитаго болгарскаго царя Симеона (888—927). Подобнымъ образомъ одинъ изъ болгарскихъ ученыхъ—Родопскій, приписываетъ памятникъ царю Симеону или одному изъ его современниковъ [18]). Напротивъ, проф. С. С. Бобчевъ энергично возстаетъ противъ мнѣнія Р. Губе и Зигеля и старается доказать, что нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній на то, чтобы памятникъ приписывать царю Симеону и вообще видѣть въ немъ законникъ, составленный и изданнный государственной властью. Наконецъ, третій болгарскій ученый, профессоръ Данаиловъ, спеціально занимавшійся Закономъ суднымъ, опять относитъ происхожденіе памятника къ болѣе ранней порѣ, къ 866—879 г., т. е. ко времени князя Бориса. Какое же изъ этихъ мнѣній слѣдуетъ считать болѣе близкимъ къ истинѣ? При отсутствіи въ памятникѣ какихъ бы то ни было хронологическихъ намековъ и при недостаточномъ изученіи самаго текста отвѣтъ на вопросъ можетъ быть только приблизительно-вѣрный. Прежде всего

---

[14]) *Баронъ Розенкампфъ,* Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ, 1 изд., стр. 15.

[15]) *А. С. Павловъ,* Первоначальный славяно-русскій номоканонъ, стр. 24. Утвержденіе проф. С. С. Бобчева (Старобългарски правни паметници, стр. 43), что проф. А. С. Павловъ считалъ авторомъ Закона суднаго св. Меѳодія, не точно.

[16]) *R. Hube,* Droit romain et gréco-byzantin chez les peuples slaves, p. 20.

[17]) *Ѳ. Зигель,* Lectures on slavonie law, p. 18.

[18]) *Родопскій,* Период. Спис. XVII, 280—286.

не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы авторомъ Закона суднаго былъ самъ св. Меѳодій, первоучитель славянъ. Еслибъ это было такъ, то нашъ памятникъ былъ бы не болгарскимъ, а моравскимъ, такъ какъ просвѣтительная и литературная дѣятельность св. Меѳодія происходила не въ предѣлахъ Болгарскаго государства, а въ Великоморавскомъ княжествѣ. Св. Меѳодію, по всей вѣроятности, принадлежитъ лишь переводъ Номоканона Іоанна Схоластика, перешедшій вскорѣ затѣмъ и въ Болгарію. Что касается Закона суднаго, то онъ составленъ именно въ Болгаріи, могъ быть нѣкоторое время въ самостоятельномъ употребленіи и лишь позже былъ присоединенъ къ Номоканону Схоластика, составивъ съ нимъ главную часть славянской Кормчей древней редакціи, очень рано попавшей и на Русь [19]). Что болгары, со времени принятія христіанства пріобщившіеся къ семьѣ образованныхъ народовъ, особенно чувствовали потребность въ письменныхъ законахъ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Еще въ 866 г. послы князя Бориса-Михаила прямо говорили объ этомъ папѣ Николаю I [20]). Законъ судный людемъ, какъ передѣлка византійскихъ законовъ, могъ удовлетворять этой первой потребности. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, къ какой порѣ правильнѣе пріурочивать этотъ юридическій памятникъ: ко времени ли князя Бориса, или царя Симеона. По моему мнѣнію все указываетъ скорѣе на эпоху царя Симеона. На основаніи достовѣрныхъ историческихъ свѣдѣній, начало распространенія славянской письменности въ Болгарскомъ государствѣ слѣдуетъ ставить въ связь съ переселеніемъ сюда изгнанныхъ изъ Моравіи учениковъ и послѣдователей св. Кирилла и Меѳодія, а это событіе произошло въ самые послѣдніе годы правленія Бориса-Михаила (886—887 г.). Слѣдовательно, самые ранніе памятники болгарской письменности, въ томъ числѣ и Законъ судный людемъ, могли явиться лишь въ слѣдующее царствованіе. Время Симеона, основателя могущественнаго государства, мудраго правителя, горячаго поборника византійской образованности и покровителя славянской литературы, вполнѣ благопріятствовало появленію и сборника законовъ. Соображенія проф. Данаилова относительно вѣроятнаго пріуроченія Закона суднаго къ 866—879 г. не имѣютъ большого значенія. Болгарскій ученый указываетъ, что въ основаніи Закона суднаго лежитъ Эклога Льва и Константина, а между тѣмъ въ Византіи въ 870—879 г. явился новый сборникъ законовъ—Прохиронъ

[19]) Такимъ образомъ отстаиваемое болгарскими учеными мнѣніе о болгарскомъ происхожденіи славянской Кормчей древняго состава можетъ быть принято только съ ограниченіями.

[20]) *Гильфердингъ*, Письма объ исторіи сербовъ и болгаръ. Собр. Соч. II, 68.

Василія Македонянина, замѣнившій Эклогу. Еслибъ болгарская компиляція была составлена послѣ означеннаго срока, то въ ней, по мнѣнію Данаилова, должно было бы отразиться вліяніе Прохирона, чего на дѣлѣ нѣтъ. По поводу этого соображенія можно замѣтить, что съ изданіемъ Прохирона Эклога отнюдь не утрачивала своего значенія и могла быть хорошо извѣстна въ Болгаріи, какъ византійскій законникъ, въ которомъ въ значительной степени отразилось вліяніе славянскаго обычнаго права[21]). Послѣднее свойство Эклоги объясняетъ, почему именно этотъ юридическій памятникъ легъ въ основаніе славянской компиляціи законовъ для новопросвѣщеннаго болгарскаго народа. Итакъ, Законъ судный людемъ, независимо отъ того, видѣть ли въ немъ законникъ, изданный государственною властью, или частный юридическій сборникъ, вѣроятнѣе всего могъ быть составленъ въ эпоху царя Симеона.

2. Законъ судный людемъ сохранился, какъ извѣстно, въ двухъ редакціяхъ: краткой и пространной. Краткая редакція, находящаяся въ Кормчихъ (Румянцевскій спис. XIII в. № 230, Московск. Синод. 1280 г. № 132, Чудовскій или Варсонофіевскій № 4, печатная Кормчая, гл. 46-я), состоитъ изъ 32 главъ, которыя за исключеніемъ первыхъ двухъ, взятыхъ изъ другихъ источниковъ, воспроизводятъ въ точномъ или измѣненномъ видѣ Эклогу Льва и Константина. Пространная редакція, встрѣчающаяся въ частныхъ юридическихъ сборникахъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Мѣрила Праведнаго", и въ лѣтописяхъ[22]), содержитъ, кромѣ указанныхъ 32 статей, заимствованныхъ изъ Эклоги, еще 45 другихъ, взятыхъ большею частью изъ Моисеевыхъ законовъ. Какую же изъ двухъ редакцій слѣдуетъ считать первоначальной? Первое обоснованное рѣшеніе этого вопроса было предложено проф. Павловымъ[23]), которому принадлежитъ и заслуга болѣе точнаго опредѣленія источниковъ Закона суднаго той и другой редакціи. Онъ полагалъ, что текстъ обширной редакціи, насколько онъ имѣетъ своимъ источникомъ Эклогу, древнѣе соотвѣтственнаго текста краткой редакціи, такъ какъ въ сравненіи съ послѣднимъ отличается бо́льшею близостью къ греческому подлиннику; именно, въ немъ нѣтъ примѣровъ назначенія церковныхъ

---

[21]) Ср. изслѣдованія покойнаго проф. *В. Г. Васильевскаго* о законодательствѣ Иконоборцевъ (Ж. М. Н. Пр. 1878 г.) и проф. *Ѳ. И. Успенскаго* (Юридич. Вѣстникъ 1886 г. и Ж. М. Н. Пр. 1883).

[22]) Издана *Дубенскимъ*, II т. Русскихъ Достопамятностей (М. 1848 г.), по сп. XIV в. и *П. Строевымъ* въ Софійскомъ Временникѣ (М. 1820—1821) по сп. XVI в. Послѣднее изданіе воспроизведено въ указанныхъ выше трудахъ Данаилова и Бобчева.

[23]) Первонач. слав.-русск. номоканонъ, стр. 95—99.

наказаній, на ряду съ уголовными или въ замѣнъ этихъ послѣднихъ, какъ это видимъ въ краткой редакціи. Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію покойнаго канониста, обширная редакція не зависима отъ краткой, какъ это видно изъ того уже, что въ первой находятся такія статьи изъ Эклоги, которыхъ нѣтъ во второй. Въ концѣ-концовъ проф. А. С. Павловъ пришелъ къ заключенію, что подъ именемъ Закона суднаго людемъ или Судебника царя Константина существовали двѣ славянскія компиляціи изъ Эклоги, изъ которыхъ одна (краткая) назначена для судей духовныхъ, другая (обширная)—для судей гражданскихъ. Этимъ объясняется и то обстоятельство, что списки первой редакціи получили мѣсто въ Кормчихъ, а списки послѣдней въ другихъ юридическихъ сборникахъ. Эти выводы А. С. Павлова были приняты безъ возраженій другими учеными, напр. Богишичемъ и Бобчевымъ, но съ ними не соглашается новѣйшій болгарскій ученый проф. Данаиловъ[24]): по его мнѣнію, первоначальной слѣдуетъ считать краткую редакцію, отличающуюся и наиболѣе древнимъ языкомъ; обширная же редакція возникла черезъ распространеніе краткой, что выражается въ болѣе подробномъ изложеніи самыхъ статей и во вставкѣ новыхъ статей между старыми. Собственно, болгарское происхожденіе авторъ признаетъ только за краткой редакціей, а обширная редакція представляется ему возникшей на Руси черезъ расширеніе и измѣненіе краткой. Впрочемъ, г. Данаиловъ не выдаетъ своего мнѣнія за безусловно вѣрное, признаваясь, что объ обширной редакціи онъ судитъ лишь по ея изданію въ „Софійскомъ Временникѣ“ П. Строева и не знакомъ съ текстомъ ея по болѣе древнему (XIV в.) списку, изданному Дубенскимъ. Какое же изъ этихъ двухъ мнѣній слѣдуетъ признать болѣе правдоподнымъ? Какъ нужно представлять себѣ взаимное отношеніе обѣихъ редакцій памятника? И тутъ сколько-нибудь удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ затруднителенъ по причинѣ недостаточнаго изученія рукописей и текстовъ памятника. Проф. Данаиловъ находитъ возможнымъ строить свою гипотезу, отправляясь лишь отъ одного списка пространной редакціи, извѣстнаго ему лишь по старому изданію П. Строева (1820 г.). Онъ даже не справился съ позднѣйшимъ (1853 г.) болѣе критическимъ изданіемъ того же списка, представленнымъ въ Полномъ Собраніи Русскихъ лѣтописей (т. VI). Профессору А. С. Павлову извѣстны были, конечно, всѣ три изданія пространной редакціи (Строева, Дубенскаго и Полн. Собр. Рус. лѣт.), а краткую редакцію онъ изучалъ непосредственно по Румянцевскому и Софійскому сп. Кормчей; но онъ

---

[24]) Единъ паметникъ на старото българско право, 39—40.

не представилъ болѣе подробныхъ данныхъ, относящихся къ сравнительному изученію списковъ текста каждой редакціи и къ сопоставленію обѣихъ редакцій между собой и съ предполагаемыми греческими источниками. Отсюда сдѣланные имъ выводы не кажутся вполнѣ убѣдительными. Послѣ выхода въ свѣтъ труда проф. А. С. Павлова, сколько мнѣ извѣстно, никто не занимался сравнительнымъ изученіемъ рукописей и изводовъ Закона суднаго, и, такимъ образомъ, изслѣдованіе внѣшней исторіи даннаго памятника далеко еще не закончено. У насъ нѣтъ критическаго изданія Закона суднаго ни въ краткой, ни въ обширной редакціи, т.е. такого изданія, въ которомъ текстъ памятника, воспроизводимый по древнѣйшему и лучшему списку съ подведеніемъ варіантовъ изъ важнѣйшихъ списковъ, былъ бы напечатанъ параллельно съ текстомъ предполагаемыхъ византійскихъ источниковъ. Для обширной же редакціи еще не выяснено все разнообразіе сохранившихся типовъ этой редакціи, въ виду незначительнаго количества описанныхъ и изданныхъ списковъ. Затѣмъ еще не изслѣдованъ языкъ обѣихъ редакцій Закона суднаго. Всѣ ученые, писавшіе по поводу даннаго памятника, повторяютъ сужденіе А. Х. Востокова о глубокой древности языка краткой редакціи по Румянцевскому сп. XIII в. (№ 230); но самъ Востоковъ не привелъ никакихъ данныхъ для характеристики языка памятника, и, такимъ образомъ, эта сторона вопроса остается совсѣмъ не раскрытой. Проф. Данаиловъ также подчеркиваетъ древность языка краткой редакціи по сравненію съ языкомъ обширной редакціи, но не подтверждаетъ этого своего взгляда какими-либо сопоставленіями текста обѣихъ редакцій. При такихъ условіяхъ окончательное рѣшеніе вопроса о сравнительной древности и взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ редакцій—дѣло будущаго. Основываясь на сравнительномъ изученіи извѣстнаго въ печати матеріала, я нахожу возможнымъ сдѣлать лишь слѣдующія замѣчанія и поправки по поводу вышеприведенныхъ взглядовъ.

Прежде всего о пространной редакціи. Эта редакція, насколько можно судить по напечатаннымъ спискамъ ея, не была однородной, но представляла по крайней мѣрѣ два извода, на что изслѣдователями доселѣ не было обращено должнаго вниманія при рѣшеніи вопроса о сравнительной древности обѣихъ редакцій. Первый изводъ представленъ пергаменнымъ спискомъ юридическаго сборника Москов. Общ. истор. и древн., изданномъ въ Русскихъ Достопамятностяхъ Дубенскимъ; второй находится въ первой Софійской лѣтописи, изданной по списку XVI в. Строевымъ и въ Полномъ Собраніи Лѣтописей. Различіе между этими изводами состоитъ въ слѣдующемъ: 1) въ первомъ изводѣ, при общемъ сходствѣ состава статей съ составомъ второго и лишь ничтож-

номъ различіи въ ихъ соединеніи и размѣщеніи, отсутствуютъ пять послѣднихъ статей очевидно позднѣйшаго происхожденія, находящихся во второмъ изводѣ, и одна статья (23) изъ первой части памятника, находящаяся также въ краткой редакціи Закона суднаго; 2) общій характеръ формулировки статей, возникшихъ изъ Эклоги, во второмъ изводѣ совпадаетъ съ формулировкой соотвѣтствующихъ статей въ краткой редакціи памятника, между тѣмъ какъ въ первомъ изводѣ эта формулировка уклоняется отъ формулировки краткой редакціи и ближе стоитъ къ формулировкѣ византійской Эклоги, чтó и было подчеркнуто проф. Павловымъ: во второмъ изводѣ суровыя наказанія за разныя преступленія, по сравненію съ постановленіями Эклоги, замѣнены или дополнены церковными взысканіями (эпитеміями), а въ первомъ они оставлены безъ измѣненія, какъ въ Эклогѣ; 3) въ частности изложеніе текста во второмъ изводѣ болѣе распространено и отмѣчено позднѣйшими прибавками по сравненію съ изложеніемъ въ спискѣ перваго извода; 4) при всемъ томъ языкъ текстовъ второго извода нерѣдко представляетъ архаизмы, утраченные спискомъ перваго извода и ясно выступающіе въ древнихъ рукописяхъ краткой редакціи; напр., въ немъ уцѣлѣло слово „жупаны", вмѣсто котораго въ спискѣ, изданномъ Дубенскимъ, стоитъ исключительно „князи"[25]). Въ виду этихъ данныхъ трудно признать правильнымъ мнѣніе проф. А. С. Павлова, что обширная редакція, поскольку она касается статей, возникшихъ изъ Эклоги, стоитъ ближе къ византійскому источнику, а потому и древнѣе краткой. Оказывается, что въ отношеніи этой близости къ первоисточнику по крайней мѣрѣ одинъ видъ обширной редакціи ничѣмъ не отличается отъ краткой. Вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ всякое значеніе утвержденіе того же автора, что одна редакція (краткая) была назначена для судей духовныхъ, другая (обширная)—для судей свѣтскихъ. Далѣе, признаніе существованія двухъ разновидностей обширной редакціи заставляетъ предпослать рѣшенію общаго вопроса о сравнительной древности обѣихъ редакцій уясненіе частнаго вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ видовъ обширной редакціи. Изъ приведенныхъ выше данныхъ явствуетъ, что второй видъ обширной редакціи (т. е. Софійскій или лѣтописный) въ той своей части, которая возникла изъ Эклоги, какъ по составу статей, такъ по ихъ формулировкѣ и по нѣкоторымъ архаизмамъ языка близко совпадаетъ съ краткой редакціей. Этотъ

[25]) Ст. 3. „*О полонѣ:* довлѣетъ бо *жюпаномъ* часть княжа..." (кратк. ред. Румянц. и друг. списк., печатн. Кормчая и обширн. ред. по Софійск. сп.); „достоитъ бо кнземь часть кнжа" (по списку, изд. Дубенскимъ).

фактъ можетъ говорить только въ пользу первоначальности или старшинства этого вида или извода. Въ такомъ случаѣ первый изводъ, несмотря на то, что онъ пока извѣстенъ въ болѣе древнемъ спискѣ, нужно признать позднѣйшимъ, возникшимъ изъ второго извода, быть можетъ, уже на Руси черезъ сокращеніе послѣдняго и примѣненіе его текста къ потребностямъ русской жизни. Въ числѣ этихъ сокращеній было опущеніе церковныхъ наказаній, на которыя указывать не было надобности въ сборникѣ свѣтскаго законодательства. Если эти соображенія имѣютъ значеніе, то уясняется съ извѣстной вѣроятностью и поставленный выше главный вопросъ. Съ точки зрѣнія общаго состава памятника краткая редакція, безъ сомнѣнія, должна быть признана первоначальной. Законъ судный въ первичномъ видѣ содержалъ только видоизмѣненную и передѣланную Эклогу. Дополнительныя статьи, находящіяся въ обширной редакціи и взятыя изъ другихъ источниковъ, были прибавлены позже. Но въ частностяхъ дошедшіе до насъ списки краткой редакціи, несмотря на ихъ относительную древность (XIII в.), быть можетъ, не всегда вполнѣ точно воспроизводятъ первоначальный текстъ памятника. Обширная редакція второго типа (лѣтописная) въ той части, которая основана на Эклогѣ, кое въ чемъ стоитъ ближе къ предполагаемому древнему оригиналу памятника. Такъ напримѣръ, нѣкоторыя статьи (о прелюбодѣяніи, кровосмѣшеніи), изложенныя въ обширной редакціи (согласно съ Эклогой) раздѣльно, въ краткой соединены въ одну статью съ сокращеніемъ изложенія. Естественно допустить, что въ подобныхъ мѣстахъ текстъ пространной редакціи, какъ ближе стоящій къ подлиннику, носитъ бо́льшій отпечатокъ первоначальности. Такимъ образомъ, краткая редакція, находящаяся въ непосредственной близкой связи съ первой частью (статьи изъ Эклоги) пространной редакціи второго типа (лѣтописной), и должна быть древнѣйшей. Но первоначальный ея текстъ уже въ старую пору могъ пережить нѣкоторыя, вѣроятно, незначительныя измѣненія и въ такомъ измѣненномъ видѣ сохранился въ извѣстныхъ древнихъ спискахъ и въ печатной Кормчей. Для выясненія этихъ измѣненій можетъ служить обширная редакція второго типа, кое-гдѣ лучше сохранившая первоначальную рукописную традицію. О времени присоединенія къ краткой редакціи разныхъ дополненій, обусловившихъ происхожденіе пространной редакціи памятника, пока нельзя сказать ничего опредѣленнаго.

3. Весьма важенъ самъ по себѣ и по связи съ вышеизложеннымъ вопросомъ о редакціяхъ разсматриваемаго памятника вопросъ объ отношеніи Закона суднаго людемъ къ его византійскимъ первоисточникамъ. Прочное основаніе изученію этого вопроса было положено барономъ

Розенкампфомъ, а затѣмъ особенно проф. А. С. Павловымъ; но послѣ выхода въ свѣтъ извѣстныхъ трудовъ этихъ ученыхъ дѣло почти не подвинулось впередъ и вопросъ остается не разъясненнымъ съ желательной обстоятельностью. Относительно обширной редакціи проф. Павловъ замѣтилъ (стр. 97), что находящіяся въ ней дополнительныя статьи (т. е. дополняющія краткую редакцію) заимствованы, большею частію, изъ законовъ Моисеевыхъ. Уже раньше Дубенскимъ [26]) были указаны ближе источники для нѣкоторыхъ статей, но безъ приведенія соотвѣтствующихъ параллелей. Но какія именно статьи взяты изъ Моисеева законодательства и какія изъ другихъ юридическихъ памятниковъ и въ какомъ видѣ произведено заимствованіе—все это пока остается безъ отвѣта. Что касается краткой редакціи, которая здѣсь главнымъ образомъ и занимаетъ насъ, какъ древнѣйшій памятникъ болгарскаго права, то пока установлено слѣдующее. Согласно розысканіямъ бар. Розенкампфа, 1-я ст. имѣетъ своимъ источникамъ Cod. Theod. l. XLI, tit. XII, Justin. Cod. lib I, tit. IX, а 2-я ст.—Правила св. Василія В. и 2 кн. Правилъ Апостольскихъ. Всѣ остальныя 30 статей, по мнѣнію проф. А. С. Павлова, основаны на Эклогѣ, при чемъ 10 статей (12, 15, 18, 21—24, 26, 31, 32) представляютъ буквальный переводъ соотвѣтствующихъ статей Эклоги (XVII, т. 32, 40, 5; XIV, 9; XVII, 6, 7, 8, 12, 17; II, 12), а прочія 20—„болѣе или менѣе значительную передѣлку греческаго текста“. По словамъ того же ученаго, эта передѣлка обыкновенно состоитъ въ томъ, что вмѣсто уголовныхъ наказаній, назначаемыхъ Эклогою за тѣ или другія преступленія, Законъ судный въ противоположность „Закону людскому“ (свѣтскому) опредѣляетъ церковныя эпитиміи (ст. 4—9, 11, 14 и 16), въ другихъ случаяхъ — замѣняетъ греческую казнь (отсѣченіе руки, носа, головы, ослѣпленіе, палочные удары) денежною пенею и продажею (ст. 25, 27, 28 и 29). Какъ ни важны эти выводы, составляющіе несомнѣнно большую заслугу знаменитаго канониста, ими далеко не исчерпывается разсматриваемый вопросъ. Прежде всего нужно отмѣтить, что за вычетомъ изъ общаго числа статей, составленныхъ по Эклогѣ, 10 статей, представляющихъ дословный переводъ греческаго подлинника, и 13 статей, представляющихъ измѣненіе византійскаго источника въ указанномъ направленіи, остается еще 7 статей, отношеніе которыхъ къ источнику пока совсѣмъ не выяснено, хотя уже указаны соотвѣтствующія имъ статьи въ Эклогѣ. Затѣмъ, недостаточно знать, что такія-то статьи просто переведены съ греческаго, а такія-то представляютъ передѣлку или измѣненіе такихъ-то

---

[26]) Русскія Достопамятности, II, 175—200.

статей Эклоги. Въ виду глубокой древности и важности памятника и въ силу требованій современнаго научнаго метода желательно, съ одной стороны, выясненіе во всей подробности степени близости перевода къ подлиннику, съ другой—указаніе всѣхъ мельчайшихъ уклоненій въ редакціи статей славянскаго текста по сравненію съ греческимъ, для чего, конечно, необходимо сопоставленіе того и другого текста. Только по выполненіи этой работы опредѣлятся всѣ оригинальныя черты памятника и выяснится, что именно въ немъ слѣдуетъ отнести на долю болгарскаго законодателя или юриста. Равнымъ образомъ только тогда станетъ возможнымъ объяснить темныя и спорныя мѣста въ редакціи отдѣльныхъ статей въ дошедшихъ до насъ спискахъ Закона суднаго. Однако, подобной работы по сопоставленію славянскаго текста съ греческимъ пока не сдѣлано. Желая хотя отчасти содѣйствовать восполненію этого пробѣла, я позволю себѣ опредѣлить отношеніе къ византійскому оригиналу тѣхъ семи статей Закона суднаго, которыя оставлены безъ вниманія проф. Павловымъ и послѣдующими изслѣдователями, и, пользуясь этимъ случаемъ, приведу рядъ греческихъ параллелей изъ Эклоги къ статьямъ болгарскаго памятника. Я остановлюсь на ст. 3, 10, 13, 17, 19, 20 и 30-й.

Подъ 3-й статьей или главой въ разныхъ спискахъ, а соотвѣтственно этому и у разныхъ изслѣдователей, разумѣются двѣ статьи совершенно несходнаго содержанія—„О послусѣхъ" и „О полонѣ". Объясняется это обстоятельство тѣмъ, что статья „О послусѣхъ" въ однихъ спискахъ (Варсонофіевскій, Румянцевск. муз. № 231, печатная Кормчая) находится въ самомъ началѣ текста за второй статьей, а въ другихъ (м. Румянцев., № 230) послѣ 7-й ст., и что она не вездѣ имѣетъ свой особый номеръ. Я долженъ коснуться той и другой статьи. Проф. А. С. Павловъ считаетъ 3-й статьей статью „О послусѣхъ", какъ это видно изъ приложенной имъ таблицы, представляющей соотношеніе между Закономъ суднымъ, греческою Эклогой и 49 гл. печатной Кормчей. Зато въ его таблицѣ совсѣмъ опущена слѣдующая статья—„О полонѣ", для которой такимъ образомъ и не указано византійскаго источника. Проф. С. С. Бобчевъ разсматриваетъ ст. „О послусѣхъ", какъ дополнительную къ 2-й ст., а 3-ей ст. считаетъ статью „О полонѣ", при чемъ въ опредѣленіи источника этой статьи слѣдуетъ бар. Розенкампфу, указавшему на 60 кн. Василикъ [27]). Между тѣмъ оказывается, что и для

---

[27]) *С. С. Бобчевъ*, Старобългарски правни паметници. Объяснительное примѣчаніе № 22 на 85 стр. (гдѣ напечатанъ текстъ Закона суднаго), очевидно, относится къ ст. „О полонѣ", а не къ ст. „О послусѣхъ". Нѣкоторая путаница относительно данной статьи и въ таблицѣ на 56 стр.

ст. „О полонѣ“ ближайшимъ источникомъ служитъ та же Эклога, изъ которой заимствованы почти всѣ статьи Закона суднаго краткой редакціи. Это—послѣдній (XVIII) титулъ подъ заглавіемъ: Περὶ διαμερισμοῦ σκύλων (по изданію Цахаріэ[28]), стр. 51). Греческій текстъ этого источника стоитъ еще ближе къ тексту славянскаго памятника, чѣмъ текстъ соотвѣтствующей статьи Василикъ. Сопоставляю оба текста, пользуясь для Закона суднаго изданіемъ Срезневскаго (Обозрѣніе древнихъ русскихъ списковъ Кормчей книги, Спб., 1897, стр. 201).

Эклога.

Τίτλος ὀκτωκαιδέκατος. Περὶ διαμερισμοῦ σκύλων.

ά. Τοὺς ἐξερχομένους εἰς ἐχθροὺς ἐπὶ πολέμῳ φυλάξασθαι δεῖ ἑαυτοὺς ἀπὸ παντὸς πονηροῦ ῥήματος καὶ πράγματος καὶ πρὸς μόνον τὸν θεὸν τὸν νοῦν αὐτῶν ἔχειν καὶ τὴν δέησιν καὶ μετὰ συμβουλίας ποιεῖσθαι τὸν πόλεμον. βοήθεια γὰρ ἐκ θεοῦ δίδοται μετά καρδίας ἐπιδεομένοις. οὐκ ἐν πλήθει γὰρ δυνάμεως νίκη πολέμου, ἀλλ᾽ἐκ θεοῦ ἡ ἰσχύς. τοῦ δε θεοῦ παρέχοντος νίκην τὸ ἕκτον μέρος ἀφιεροῦσθαι τῷ δημοσίῳ καὶ τὸ λοιπὸν πᾶν μέτρον πάντας τοὺς λαοὺς ἐξ ἴσου καὶ ἐπ᾽ἴσης μοίρας μερίζεσθαι, τὸν μέγαν καὶ τὸν μικρόν. ἀρκεῖ γὰρ τοῖς ἄρχουσιν ἡ προσθήκη τῶν ῥογῶν αὐτῶν. εἰ δὲ εὑρεθῶσί τινες ἐκ τῶν ἀρχόντων ἀνδρείως φερόμενοι, ὁ εὑρισκόμενος στρατηγὸς ἐκ τοῦ εἰρημένου ἕκτου μέρους τοῦ δημωσίου ἵνα παράσχῃ

Законъ судный людемъ.

О полонѣ. Глава Г҃.

Исходѧ к супостатомъ на брань, подобаетъ хранитисѧ отъ всихъ неприꙗзниныхъ словесъ и вещии къ Богу мысль свою имѣти и молитву творити и съ свѣты творити брань: помощь бо даѥтьсѧ отъ Бога съ сердцемь свѣтивомь. Не въ премногу бо силу побѣда брани, нъ отъ Бога крѣпость; таже Богу дающю побѣду ѕ҃-ю часть достоить изимати *кнѧзю*, а прочее все число вьзимати всѣмъ людемъ, въ равную часть раздѣлити великаго и малаго; довлѣетъ бо *жюпаномъ часть кнѧжа и прибытокъ оброку людьскому имъ*[29]). Аще ли обрѧщутьсѧ етери отъ тѣхъ дерзнувше *или кметищи или простыхъ людии*, подвиги и храборьство сдѣꙗвше обрѣтаꙗсѧ *кнѧзь или воевода* въ то времѧ отъ реченаго *урока кнѧжа* да подаѥть, ꙗко и

[28]) Collectio librorum juris graecoromani ineditorum. Lipsiae, 1852.

[29]) Въ обширной редакціи: „довлѣеть бо жюпаномъ и казначѣемъ княжа часть а прибытокъ людемъ“ (Соф. лѣт.); „достоитъ бо княземь часть княжа, а прибытокъ людемъ“ (изд. Дубен.). Въ славянскомъ переводѣ Эклоги, вошедшемъ въ печатную Кормчую (гл. 49): „довлѣетъ оубо полководцемъ часть княжа, и прибытокъ оброку людскому имъ“.

καὶ κατὰ τὸ πρέπον συγκροτήσῃ αὐτούς. κατὰ δὲ τὴν μερίδα τοῦ εὑρισκομένου εἰς τὸν πόλεμον οὕτως ἔστω κατὰ τὸ γεγραμμένον καὶ ἡ μερὶς τῶν ἐν τοῖς τούλδοις ἀπερχομένων.

лѣпо, да подъѥмлетъ ихъ [30]); по части, ѥже обрѣтающимсѧ на брани бываѥть и часть останущимъ настануть [31]) *и тако бо и глаголано и писано и предано отъ пророка Давида.*

Источникомъ статьи о послусѣхъ (о свидѣтеляхъ) проф. А. С. Павловъ указалъ 1 гл. XIV тит. Эклоги. Если это такъ, то необходимо признать, что составитель славянской компиляціи не только совсѣмъ передѣлалъ текстъ подлинника, но и внесъ въ него существенныя дополненія (о числѣ свидѣтелей въ зависимости отъ важности дѣла), для которыхъ пока неизвѣстны византійскіе источники. При сопоставленіи текстовъ рѣзко выступаетъ ихъ различіе.

Эклога.

Τίτλος τεσσαρακαιδέκατος. Περὶ μαρτύρων πιστῶν καὶ ἀπροσδέκτων.

ά. Οἱ μάρτυρες ἢ ἀξίαν ἢ στρατείαν ἢ ἐπιτήδευμα ἢ εὐπορίαν ἔχοντες κατὰ πρόληψιν δεκτέοι τυγχάνουσιν. εἰ δὲ εὑρεθῶσι μάρτυρες ἄγνωστοι καὶ ἀμφισβητεῖται τὰ τῆς αὐτῶν μαρτυρίας, κανονιζέτωσαν οἱ δικασταὶ καὶ διὰ βασάνων ἐρχέσθωσαν πρὸς αὐτούς, ὅπως τὴν τῆς ἀληθείας κατάληψιν εὕρωσιν.

Законъ судный людемъ.

О послусѣхъ.

Надо всѣми же сими достоить на всѧкои при кнѧзю и судии съ всѧцѣмъ испытаньемъ и терпѣньемъ испытание творити и не бес послухъ осужати, нъ искати послухъ истиненъ, боꙗщихся Бога, нарочитъ и не имуще вражды никоѥгоꙗже, ни лукавьства, ни мерзости, ни тѧжи, ни при, на негоже гл҃ть, нъ страха Бж҃ꙗ ради и правды ѥго. *Число же послухъ да бываѥтъ ѥдинъ на десѧте, а лише сего рока и в ма-*

[30]) Соотвѣтственно съ греческимъ подлинникомъ, знакъ препинанія долженъ стоять здѣсь, предъ словами: „по части“, а не послѣ нихъ, какъ это видимъ въ рукописяхъ и изданныхъ текстахъ памятника.

[31]) Въ печатной Кормчей: „и часть оставшимъ оставять“. Въ обширной редакціи: „иже обрѣтаются на брани да бываетъ часть и иже остаютъ на стану да бываетъ (Соф. лѣт.)“; „иже обрѣтаеться на брани, да бываетъ часть, и остають на стану, да бываетъ тако“ (Дубенск.).

лыѣ прѣ от з҃ до трий, а на мне сего рока[32]*); власть же имать на него же глють суди залагати и глати послухомъ ли присягу, ли продажю, ли та же казнь, аще ли въ коіе время обрящють лъжюще. Недостоить же ни въ іедину примати послухъ, иже будуть когда обличени лжюще и преступающе законъ Бжи, ли житье скотьскоіе имуще, или иже о себе непобѣдими на присягъ отимуться*[33]).

Статья 19-я (въ Румян. ст. 18-я, въ Варсоноф. ст. 20-я), тоже о свидѣтеляхъ, въ рукописяхъ краткой и обширной редакціи сохранилась, по моему мнѣнію, въ испорченномъ видѣ, но вездѣ существенно отличается отъ оригинала. Привожу ее во всѣхъ варіантахъ параллельно съ греческимъ текстомъ.

Эклога.

Τίτ. XIV.

β'. Οἱ γονεῖς καὶ τὰ τέκνα κατ' ἀλλήλων λέγοντες μὴ προσδεχέσθωσαν.

γ'. Μήτε ὑπὲρ δεσπότου μήτε κατὰ δεσπότου δοῦλος ἢ ἀπελεύθερος μαρτυρείτω.

Законъ судный людемъ.

(Варсоноф. и Румянц. сп.)

Роди и дити, аще на ся глть, ли не имуть и имъ вѣры, *ни гсини на гсд; рабъ ли, свободникъ ли, да послухъ да бываетъ.*

(Обширн. ред. въ Соф. лѣтоп.)

Родители и дѣти, иже нася что возглаголютъ, да не имуть имъ вѣры, ни *господыни на господа,* ни по осподѣ рабѣ; ни[34]) свободьнику, *или отъ иноя чади аще кто будеть, тому да имуть вѣры, но то съ испытаніемь, да будетъ безъ грѣха, рабъ ли свободникъ ли послухъ да бываетъ.*

(Обширн. ред. въ изд. Дубенскаго).

Роди дѣти иже на ся что възглть, да не имуть имъ вѣры, *ни гсиъ рабъ ни свободнику; и от иноячади аще кто будеть, тому да имуть вѣры, но съ испытаніемь, да будетъ без грѣха.*

---

[32]) Въ Румянц. сп.: „а наи менѣ сего рока"; въ печатн. Кормч.: „а мнѣе сего числа въ меншей при не пріимати"; въ обширн. редакц.: „а не менѣ сего рока".

[33]) Въ печатн. Кормч.: „или иже о себѣ не побѣдими на присягу отимутся"; въ обшир. ред.: „иже о себѣ невѣдими нашею на прю отъемлются" (Соф. лѣтоп.); „или же о себе не бдими, на прю отъіемлющеся" (Дубенск.).

[34]) Въ печатномъ текстѣ вм. *ни*, которое признано ошибкой, стоитъ *но*.

(Краткая редакція въ печ. Кормчей.)

Родители и дѣти аще на ся глаголютъ, да не имутъ имъ вѣры, *ни рабъ на господина: но токмо свободникъ, послухъ да бываетъ.*

Изъ краткой рукописной редакціи данной статьи, весьма отличной отъ редакціи ея въ печатной Кормчей, можно было бы сдѣлать заключеніе, что Законъ судный людемъ, во 1-хъ, особенно подчеркивалъ недопущеніе свидѣтельства жены противъ мужа и, во 2-хъ, признавалъ безъ всякихъ ограниченій за рабомъ такое же право быть свидѣтелемъ, какое и за свободнымъ. Такъ и понимаютъ эту статью болгарскіе ученые Данаиловъ и Бобчевъ [35]). Между тѣмъ въ Эклогѣ особо не говорится о свидѣтельствѣ жены (госпожи) противъ мужа (господина), хотя въ § 1 подъ οἱ γονεῖς могли разумѣться не только родители, но и супруги; а § 2 о свидѣтельствѣ раба имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ: „ни рабъ, ни отпущенный на свободу (ἀπελεύθερος) не можетъ быть свидѣтелемъ ни за, ни противъ своего господина". Такимъ образомъ, въ славянской компиляціи, если признать точность дошедшаго до насъ древняго ея текста, соотвѣтствующая статья византійскаго законодательнаго сборника подверглась весьма существенному измѣненію, а въ дальнѣйшей обширной редакціи памятника она получила еще новыя дополненія. Но все ли было такъ въ дѣйствительности? Можно ли признать за несомнѣнное, что болгарскій законодательный памятникъ въ данномъ пунктѣ такъ рѣзко расходится со своимъ византійскимъ источникомъ? Сопоставленіе различныхъ версій данной статьи Закона суднаго съ греческимъ подлинникомъ привело меня къ заключенію, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ недоразумѣніемъ, которое вызвано частью испорченностью текста, частью, быть можетъ, неправильностью перевода греческой статьи. Прежде всего скептическое отношеніе къ древнему тексту данной статьи подсказывается несогласіемъ его съ текстомъ той же статьи въ печатной Кормчей. Послѣдній текстъ ближе къ греческому оригиналу; въ немъ не дозволяется рабу свидѣтельствовать противъ господина, и только за свободнымъ безусловно признается право быть свидѣтелемъ: „ни рабъ на господина; но токмо свободникъ послухъ да бываетъ". Затѣмъ, въ обширной редакціи (изд. Дубенскаго) совсѣмъ отсутствуетъ фраза краткой редакціи: „и рабъ ли, свободникъ ли послухъ да бываетъ", а текстъ статьи, хотя и носитъ слѣды порчи (*ни гснь рабъ ни свободнику*), все-таки ближе къ подлиннику, чѣмъ въ краткой редакціи. Отсюда естественно предположить, что древній текстъ

[35]) Сборн. М. Н. Пр. XVIII. Ст. Единъ паметникъ, 45; Период. Спис. LXII (1901), 640.

краткой редакціи дошелъ въ испорченномъ видѣ. Въ немъ пропущенъ предлогъ *по* и отрицаніе *не* передъ глаголомъ *бываетъ*, а другое отрицаніе *ни* присоединено къ предшествующему слову *господи*. При этомъ опущеніе отрицанія *не* передъ глаголомъ можетъ быть объяснено неудачнымъ, чрезмѣрно близкимъ къ подлиннику переводомъ, а другіе два промаха—небрежностью писца. Если исправить эти предполагаемыя погрѣшности (подтверждаемыя позднѣйшими версіями статьи) [36]), то болгарскій текстъ статьи окажется до слова сходнымъ съ греческимъ:

Μήτε ὑπὲρ δεσπότου μήτε κατὰ δεσπότου δοῦλος ἢ ἀπελεύθερος μαρτυρείτω.	Ни (по) гс҃и ни на гд҃ рабъ ли свободникь ли да послухъ (не) бываеть.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній я полагаю, что въ данной статьѣ Закона суднаго едва ли слѣдуетъ видѣть какое-либо существенное и притомъ намѣренное измѣненіе соотвѣтствующей статьи Эклоги.

Статья 10-я (по нумераціи проф. Павлова и печатн. Кормчей, 9-я по Румянц. сп., 11-я по Варсоноф. сп.) отличается отъ соотвѣтствующей статьи Эклоги и болѣе пространнымъ изложеніемъ, и характеромъ опредѣляемаго ею наказанія за преступленіе.

Эклога.	**Законъ судный людемъ.**
Τίτ. XVII λ'. Ὁ βιαζόμενος κόρην καὶ φθείρων αὐτήν, ῥινοκοπείσθω.	Приложисѧ дв҃ци дв҃ою въ пустѣ мѣстѣ нудими идеже не могый будетъ кто помогый, да продастьсѧ, а имѣнье ѥго дастьсѧ дв҃ци.

Впрочемъ, проф. А. С. Павловъ допустилъ, что для этой статьи могъ быть и другой источникъ—„Избраніе отъ закона Божія, даннаго Моисеомъ“.

Статья 13-я „о кровосмѣшеніи“ (12-я—по Румянц. сп., 14-я—по Варсоноф. сп.) представляетъ полное сокращеніе редакціи соотвѣтствующей статьи Эклоги съ замѣной суроваго наказанія (смертная казнь и членовредительство) болѣе мягкимъ (разлученіемъ).

[36]) Между прочимъ въ славянскомъ переводѣ Эклоги, вошедшемъ въ печатную Кормчую, стоитъ въ данномъ мѣстѣ: „ни по господинѣ ни на господина рабъ, но свобоженый да послушествуетъ“.

Эклога.

Τίτ. XVII. λγ΄.

Οἱ αἱμομίκται ἢ γονεῖς πρὸς τέκνα ἢ τέκνα πρὸς γονεῖς ἢ ἀδελφοὶ πρὸς ἀδελφὰς, ξίφει τιμωρείσθωσαν. οἱ δὲ πρὸς ἄλλην συγγένειαν συμφθειρόμενοι, τουτέστι πατὴρ εἰς γυναῖκα υἱοῦ ἢ υἱὸς εἰς γυναῖκα πατρὸς ἤγουν μητρυὰν ἢ παῖρωὸς εἰς προγονὴν ἢ ἀδελφὸς εἰς γυναῖκα ἀδελφοῦ ἢ θεῖος εἰς ἀνεψιὰν ἢ ἀνεψιὸς εἰς θεῖαν, ῥινοκοπείσθωσαν. ὁμοίως δὲ καὶ ὁ εἰς δύο ἀδελφὰς εἰδήσει μιγνύμενος.

Законъ судный людемъ.

Кровь мѣсѧщи въ свою кровь, свадбу дѣють, *да разлучатьсѧ*.

—

Въ обширной редакціи:

Кровь мѣсяще въ свою кровь, свадбу дѣють творещеи *да біють и разлучать и*.

Статья 17-я (16-я по Румянц. сп., 18-я по Варсоноф. сп.) о правѣ убѣжища, по сравненію съ византійскимъ оригиналомъ, представляетъ, кромѣ мелкихъ особенностей въ редакціи текста, усиленіе наказанія за нарушеніе даннаго закона.

Эклога.

Τίτλ. XVII. ά.

Μηδεὶς τὸν ἐν ἐκκλησίᾳ προσφεύγοντα βίᾳ ἀφαιρέσθω, ἀλλὰ τὴν αἰτίαν τοῦ προσφύγου δηλοποιείτω τῷ ἱερεῖ καὶ παρ'αὐτοῦ μετὰ τῶν ἀσφαλῶν παραλαμβανέτω τὸν προσφεύγοντα τοῦ νομίμως ζητηθῆναι καὶ διοικηθῆναι τὸ κατ' αὐτὸν κεφάλαιον. εἰ δέ τις δοκιμάσει χειρὶ ἀπὸ ἐκκλησίας πρόσφυγον ἐπάραι τὸν οἱονδήποτε ὁ τοιοῦτος ιβ ἀλλακτὰ λαμβανέτω, καὶ τότε κατὰ τὸ πρέπον τὸ τοῦ αὐτοῦ προσφύγου ζητείσθω κεφάλαιον.

Законъ судный людемъ.

Никый же прибѣгающаго въ цр҃квь нужею [38]), но вещь прибѣгый ꙗвлꙗѥть попови и вину отъ него створеную да приѥмлетъ, ꙗко убѣгаꙗ ꙗко да по закону изищетсѧ и испытаѥтсѧ обида ѥго; аще ли кто покуситьсѧ нужами отъ цр҃кве извести прибѣгшаго, кто любо буде да приимлетъ р҃л ранъ и тогда ꙗко не [39]) подобаѥть да испытаѥтсѧ обида прибѣгшему.

Статья 20-я (19-я по Румянц. сп., 21-я по Варсоноф. сп.) о выкупѣ плѣнника отличается, по сравненію съ греческимъ подлинникомъ, болѣе точнымъ опредѣленіемъ условій расплаты за выкупъ.

---

[38]) Въ обширн. ред. прибавлено: „да не извлачитъ“.

[39]) Въ Румянц. сп.—„ꙗко подобаетъ“, что правильнѣе.

Эклога.

Τίτ. VIII. ϛ'.

Ὁ ἐκ τῶν ἐχθρῶν ἐλεύθερον ἀγοράζων αἰχμάλωτον καὶ ἐν τῷ ἰδίῳ οἴκῳ ἀποκαθιστῶν αὐτὸν, εἰ μὲν εὐπορεῖ τὰς συμφωνηθείσας μεταξὺ αὐτῶν πληρῶσαι τιμὰς, ἀπολυέσθω ἐλεύθερος. εἰ δὲ ἀπορεῖ, ἐχέτω αὐτὸν ὁ ἀγοράσας μίσθιον μέχρις ἂν πληρωθῇ, ἅπερ ἐστίχησεν, ὁριζομένου δηλονότι ὑπὸ ἀκροατῶν τοῦ ὀφείλοντος ἑκάστῳ ἔτει ὑπὲρ μισθῶν τῷ ἀγορασθέντι λογίζεσθαι.

Законъ судный людемъ.

Иже отъ страньныхъ купить плѣньника *и весь строи* *ѥго*, аще имать цѣну, юже дасть на немъ, давъ на собѣ да идеть свободь; аще ли не имать, да имать искупъ ѥго *мездьника* доньдеже издрабоѥтатьсѧ юже свѣщą цѣну нарицающиисѧ мъздѣ ѥму на всѧко лѣто г҃ *стелѧзѧ* [40]) *предъ послухы, и тако кончавшю ѥму и тако отпущаетъсѧ свободь.*

Статья 30-я (29-я по Румян. сп., 31-я по Варсоноф. сп.) о порабощенiи свободныхъ людей отличается отъ соотвѣтствующей ей статьи Эклоги и по редакцiи текста, и по существу налагаемаго ею наказанiя: вмѣсто требуемаго византiйскимъ законодательствомъ отсѣченiя рукъ она осуждаетъ виновныхъ на рабство.

Эклога.

Τίτ. XVII. ιϛ'.

Ὁ σῶμα ἐλεύθερον κλέπτων καὶ πιπράσκων, χειροκοπείσθω.

Законъ судный людемъ.

Иже свободу украдеть и продасть ли поработить, *да поработитъсѧ ꙗко же и онъ, свободу поработивъ, въ туже работу да въступить.*

Приведенныя параллели и сопоставленiя, относящiяся лишь къ небольшой части памятника, даютъ возможность составить нѣкоторое представленiе объ отношенiи Закона суднаго людемъ къ его византiйскому первоисточнику. Составитель или составители болгарской компиляцiи въ однихъ случаяхъ дословно переводили нѣкоторыя статьи Эклоги, въ другихъ болѣе или менѣе значительно измѣняли и передѣлывали греческiй текстъ. Эти измѣненiя и передѣлки различнаго рода. Иногда они состоятъ въ простомъ распространенiи или, наобо-

---

[40]) Въ печатн. Кормч.—*стлязя*; въ обширн. р. *цлязя* (Соф. сп.). Уже въ печ. Кормч. это слово пояснено словомъ „златникъ". По мнѣнiю Дубенскаго (Русск. Достоп., II), *стлязь* можно поставить въ связь съ греч. στίλη (мелкая монета).

ротъ, сокращеніи греческаго текста безъ измѣненія основного смысла рецепируемой статьи; иногда византійскій законъ является въ своеобразной славянской бытовой редакціи (жюпаны, кметищи) и содержитъ дополненія, объясняемыя мѣстными условіями и обычаями (напр., ст. 3, 20, 30); наконецъ, во многихъ случаяхъ измѣненія касаются существенной стороны закона: суровыя наказанія, налагаемыя Эклогой, замѣнены другими, болѣе легкими и гуманными. Такимъ абразомъ, Законъ судный людемъ необходимо признать не простой компиляціей изъ Эклоги, а славянскимъ (болгарскимъ) сборникомъ законовъ, основанныхъ на византійскомъ правѣ и нерѣдко весьма измѣненныхъ въ сравненіи съ ихъ византійскимъ первоисточникомъ.

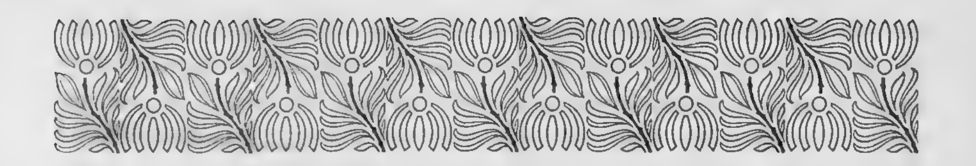
4. Какое значеніе въ жизни имѣлъ Законъ судный людемъ? Былъ ли это сборникъ законовъ, составленный и изданный государственною властью и, слѣдовательно, имѣвшій значеніе дѣйствующаго права, или же въ немъ слѣдуетъ видѣть частный юридическій сборникъ, составленный какимъ-либо книжникомъ или юристомъ для извѣстныхъ практическихъ цѣлей? Одни ученые, какъ Р. Губе и особенно Зигель, отстаиваютъ первое мнѣніе и прямо считаютъ Законъ судный людемъ за плодъ законодательной дѣятельности царя Симеона. Другіе, какъ Богишичъ и С. С. Бобчевъ, придерживаются второго взгляда. Самъ памятникъ, надо признаться, не даетъ никакихъ надежныхъ указаній для рѣшенія вопроса въ ту или другую сторону. Встрѣчающаяся въ одной статьѣ (10-я по Рум. сп., 12-я по печатн. Кормч.) ссылка на одну изъ предшествующихъ статей: „Ꙗкоже *преже* мужатицѣ дѣлѧ *глаголахомъ*", повидимому, указываетъ скорѣе на чисто-книжное, чѣмъ на офиціальное происхожденіе сборника. Едва ли бы законодатель сталъ пользоваться такой формой ссылки; но это соображеніе, конечно, не можетъ имѣть большого значенія. Важнѣе другія соображенія, основанныя на изученіи содержанія Закона суднаго сравнительно съ Эклогой. Присутствіе въ Законѣ статей, представляющихъ византійскія нормы въ значительно измѣненномъ и передѣланномъ видѣ, само по себѣ свидѣтельствуетъ, что эти статьи примѣнялись въ жизни, имѣли значеніе общепризнаннаго закона. Чѣмъ инымъ, какъ не требованіями самой жизни, можно объяснить эту передѣлку византійскихъ законовъ, которые, какъ и другія явленія культуры, болгары охотно заимствовали изъ сосѣдней Восточной имперіи? Конечно, дѣйствующіе законы могли попасть и въ частный юридическій сборникъ, какимъ представляется нѣкоторымъ изслѣдователямъ Законъ судный людемъ; но если вспомнить, что происхожденіе этого юридическаго памятника падаетъ на ту эпоху, когда Болгарское государство только сформировывалось

на началахъ византійско-христіанской образованности, когда число образованныхъ людей, а тѣмъ болѣе юристовъ, не могло быть значительнымъ, и когда главной движущей силой въ странѣ былъ самъ государь, то, кажется, естественнѣе будетъ признать Законъ судный сборникомъ законовъ, вышедшихъ отъ государственной власти. Указываютъ иногда на незначительный объемъ и вообще на неполноту Закона суднаго, какъ на доказательство того, что онъ не могъ быть офиціальнымъ законникомъ. Дѣйствительно, неполнота и односторонность Закона суднаго не подлежитъ сомнѣнію. Большая часть его статей относится къ уголовному (21) и процессуальному праву (7) и лишь немногія къ церковному, гражданскому и военному праву. Но и въ отдѣлѣ уголовнаго права очевидны крупные пробѣлы; напримѣръ, въ немъ не оказывается постановленій объ убійствѣ. Это возраженіе, однако, не имѣетъ существеннаго значенія для рѣшенія даннаго вопроса. Очевидно, Законъ судный людемъ обнималъ лишь часть нормъ стараго болгарскаго права. Для Болгаріи X в. трудно предположить существованіе вполнѣ обработаннаго, цѣльнаго законника, который охватывалъ бы всѣ отдѣлы права. Такой полноты не представляютъ и позднѣйшіе болѣе обширные славянскіе законодательные сборники, какъ, напримѣръ, сербскій Законникъ царя Стефана Душана XIV в. Ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что рядомъ съ Закономъ суднымъ существовалъ другой подобный сборникъ законовъ, изданный совершенно независимо отъ него; онъ только остается намъ неизвѣстнымъ. Затѣмъ несомнѣнно, что съ появленіемъ первыхъ опытовъ писаннаго права продолжало сохранять свою силу обычное (неписанное) право. Наконецъ, представляемыя разными отдѣлами Кормчей первоначальнаго славянскаго состава нормы византійскаго права, церковнаго и свѣтскаго, также могли имѣть въ Болгаріи значеніе дѣйствующаго права. Самъ Законъ судный людемъ въ древней редакціи дошелъ до насъ лишь какъ составная часть Кормчей. Такимъ образомъ неполнота Закона суднаго восполнялась другими источниками права. Какъ и въ чемъ выражалось это восполненіе, можно было бы отчасти знать, еслибъ изученіе содержанія Закона суднаго было поставлено въ связь съ изученіемъ другихъ статей Кормчей древняго состава. Къ сожалѣнію, пока нѣтъ ни одной работы, посвященной этому вопросу.

На основаніи приведенныхъ выше замѣчаній и соображеній, я прихожу къ слѣдующему общему заключенію. Законъ судный людемъ, древнѣйшій памятникъ не только болгарскаго, но вообще славянскаго права, еще ждетъ всесторонняго и глубокаго изслѣдованія. Подготовкой къ такому изслѣдованію должно быть критическое, основанное

на тщательномъ изученіи рукописей, редакцій и изводовъ, изданіе памятника параллельно съ предполагаемыми его греческими первоисточниками, а равно подробное филологическое изученіе его текста. Возможно скорое осуществленіе этого изданія слѣдуетъ считать одной изъ важнѣйшихъ задачъ науки исторіи славянскаго права. Пока не будетъ выполнена эта необходимая работа, историки славянскаго права въ своихъ сужденіяхъ о Законѣ судномъ людемъ не въ состояніи будутъ выйти изъ области произвольныхъ предположеній и догадокъ.

Т. Флоринскій.



Закупы Русской Правды и памятниковъ западно-русскаго права.

I.

Вопросъ о закупничествѣ и закупахъ, о которыхъ трактуетъ впервые Русская Правда, является и до сихъ поръ очень спорнымъ и рѣшается весьма различно.

Что представлялъ собою институтъ закупничества, что лежало въ его основѣ—личный ли наемъ, какъ то думаютъ одни изслѣдователи, или заемъ, соединенный съ самозалогомъ, какъ то утверждаютъ другіе? Кто такіе были закупы, съ точки зрѣнія ихъ общественнаго и юридическаго положенія,—люди ли свободные, какими ихъ считаютъ одни ученые, или же неполные, временные холопы, полусвободные люди, какъ ихъ называютъ другіе? Можно ли отождествлять закуповъ Р. Правды съ упоминаемыми различными актами, начиная съ XIII в. (преимущественно новгородскими договорами и памятниками восточно-русскими), закладнями (иначе—закладниками, закладчиками), что̀ дѣлаютъ Неволинъ, Мейеръ и Чичеринъ и отрицаютъ нѣкоторые другіе изслѣдователи (напр., г. Павловъ-Сильванскій)? Наконецъ, имѣетъ ли генетическую связь закупничество съ кабальнымъ холопствомъ, какъ то думаютъ, напр., проф. Ключевскій и М. Ф. Владимірскій-Будановъ (сближающій закупничество съ служилой кабалой), или же, какъ то утверждаетъ В. И. Сергѣевичъ, а за нимъ и г. Дебольскій, закупничество и кабальное холопство—два весьма различныхъ института? Вотъ тѣ темы, которыя въ теченіе уже нѣсколькихъ десятилѣтій занимали рядъ изслѣдователей въ области исторіи русскаго права и которыя создали довольно значительную литературу, отличающуюся, какъ видно уже изъ предыдущихъ строкъ, весьма большимъ разнообразіемъ высказанныхъ мнѣній.

Послѣднему обстоятельству, особенно поскольку рѣчь идетъ о главномъ вопросѣ, которому преимущественно посвященъ и нашъ настоящій этюдъ, а именно,—въ чемъ состояла сущность закупничества, нисколько не слѣдуетъ удивляться: всѣ изслѣдователи, при рѣшеніи означеннаго вопроса, оперируютъ почти исключительно надъ 6, много 7-ью статьями Р. Правды [1]) пространныхъ списковъ, посвященными закупамъ. Этотъ же матеріалъ не только крайне скуденъ количественно, но и весьма неполонъ, ибо оставляетъ многія существенныя стороны вопроса безъ всякаго отвѣта. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ посвященныхъ закупамъ статей Р. Правды (напр., начало 71 и 73 ст. Кар. сп.) изложены такъ неясно, такъ туманно, представляютъ такія „почти непреодолимыя трудности“, что не поддаются ясному и опредѣленному объясненію и тѣмъ не только открываютъ широкое поле для всякаго рода гипотезъ и болѣе или менѣе гадательныхъ толкованій, но даже принуждаютъ прибѣгать къ этимъ послѣднимъ всякаго ученаго, который желаетъ привести въ стройную систему и согласовать между собою тѣ немногія данныя, какія онъ находитъ о закупахъ въ текстѣ Р. Правды.

Даже самый бѣглый, отнюдь не претендующій на исчерпывающую полноту, обзоръ литературныхъ мнѣній о закупничествѣ и закупахъ какъ нельзя лучше иллюстрируетъ все выше сказанное.

Упомянувъ, что Карамзинъ еще въ 1816 г. [2]) опредѣлилъ закуповъ, какъ „на время закабаленныхъ людей“, начнемъ нашъ краткій обзоръ съ Эверса и Рейца, положившихъ начало науки исторіи русскаго права. Воззрѣнія этихъ ученыхъ на закуповъ не отличаются опредѣленностью и послѣдовательностью. Особенно это приложимо къ первому изъ нихъ: въ своемъ переводѣ Р. Правды XIII в., помѣщенномъ въ прибавленіи къ „Древнѣйшему русскому праву“, слово „закупъ“ Эверсъ передаетъ то словомъ „наемникъ“, то выраженіемъ—„на время закабаленный человѣкъ“, то опять словами—„наемникъ“, „наемный слуга“, то, наконецъ, величаетъ закупа „вольнымъ слугой“ или просто „слугой“ [3]). Гораздо опредѣленнѣе и точнѣе выражается Рейцъ, мнѣніе

[1]) Закупамъ посвящены слѣд. шесть статей Р. Правды Карамзинскаго списка: 70, 71, 72, 73, 75 и 77, которыя соотвѣтствуютъ 52, 53, 54, 55, 57 и 59 ст. Р. П. Троицк. сп. Къ этимъ статьямъ изслѣдователи не безъ основанія присоединяютъ также 122 ст. Карамз. сп. (105—Троицк. сп.), которая хотя и не упоминаетъ прямо о закупахъ, но, безъ сомнѣнія, имѣетъ въ виду и ихъ между прочимъ.

[2]) Во 2-мъ томѣ своей „Исторіи госуд. Россійскаго“, вышедшемъ впервые въ 1816 г.

[3]) *Эверсъ,* Древнѣйшее русское право, переводъ И. Платонова, Спб., 1835 г., стр. 391, 402—403.

котораго проф. Сергѣевичъ признаетъ наиболѣе близкимъ къ истинѣ изъ всѣхъ высказанныхъ въ литературѣ: Рейцъ считаетъ закупа „нанятымъ работникомъ", который „обязывался нести извѣстную службу по условію", но въ то же время относитъ закуповъ, какъ и полныхъ рабовъ, къ числу несвободныхъ людей на томъ основаніи, что „служба по условію была въ родѣ неволи, хотя неполной" [4]).

Какъ бы то ни было, но очевидно, что по мнѣнію Рейца въ основѣ закупничества лежитъ не заемъ, а договоръ личнаго найма. Къ этому мнѣнію присоединился, повидимому, и Дубенскій, издавшій въ 1843 г. и комментировавшій списокъ пространной Р. Правды, извѣстный подъ именемъ Пушкинскаго. Въ одномъ изъ своихъ примѣчаній къ тексту означеннаго памятника Дубенскій такъ объясняетъ слово закупъ: „закупъ—за плату, по найму служащій" [5]).

Въ такомъ положеніи находился вопросъ о закупахъ до начала 50-хъ годовъ.

Въ самомъ началѣ 1851 г. вышло первое изданіе знаменитой „Исторіи россійскихъ гражданскихъ законовъ" Неволина. Въ 1-мъ же томѣ этой Исторіи авторъ ея установилъ совершенно новую и притомъ вполнѣ опредѣленную точку зрѣнія на закуповъ: „Залогъ,—говоритъ онъ,—назывался закупомъ; почему въ особенности и человѣкъ, взявшій въ заемъ деньги у другого подъ залогъ своей свободы, назывался въ древнія времена закупомъ" [6]). Болѣе подробно развилъ свой взглядъ Неволинъ въ 3-мъ томѣ того же труда: „Въ древнія времена—читаемъ тамъ—заемъ весьма часто былъ обезпечиваемъ личною свободою должника. Занимавшій деньги или другіе предметы становился на время, пока онъ не выплатитъ долга, холопомъ своего заимодавца и долженъ былъ отправлять на него извѣстныя работы или службы, условленныя при самомъ заключеніи договора займа. Въ Р. Правдѣ заемщики этого рода называются закупами,—словомъ, означав-

---

[4]) *Рейцъ,* Опытъ исторіи россійск. госуд. и гражд. законовъ, перев. Ѳ. Морошкина, Москва, 1836 г., стр. 191 и 194.

[5]) Русскія Достопамятн., ч. 2, стр. 87, прим. 166, стр. 88, прим. 175. Впрочемъ, въ другихъ примѣч. (156 на стр. 85, 173 на стр. 88 и 178 на стр. 89) Дубенскій склоненъ объяснять закупа по Карамзину: закупъ—это на время закабаленный человѣкъ.—Замѣтимъ мимоходомъ, что проф. Мрочекъ-Дроздовскій во 2-мъ вып. своего „Изслѣд. о Р. Правдѣ", вышедшемъ въ 1885 г., находитъ первое изъ приведенныхъ у Дубенскаго объясненій (см. у насъ въ текстѣ) слова закупъ „вполнѣ удовлетворительнымъ" (стр. 164).

[6]) *Неволинъ,* Полное собр. соч., т. III, стр. 339, примѣч. 124. Цитуемъ по 2-му изд. (1857 г.), при чемъ въ приведенной выдержкѣ выпускаемъ ссылки автора на Доп. къ Акт. Ист. и на статьи Р. Правды.

шимъ прежде вообще залогъ или закладъ. Позже встрѣчается для нихъ заимствованное отсюда наименованіе закладчиковъ или закладней" [7]).

Въ томъ же смыслѣ, но еще подробнѣе высказались о закупничествѣ Мейеръ въ своемъ изслѣдованіи: „Древнее русское право залога", появившемся въ 1855 г., и Чичеринъ въ своей статьѣ: „Холопы и крестьяне въ Россіи до XVI в.", перепечатанной въ 1858 г. въ книгѣ того же автора: „Опыты по исторіи русскаго права".

Названные сейчасъ ученые [8]), подобно Неволину, пришли къ убѣжденію, что въ основѣ закупничества лежалъ не договоръ личнаго найма, а заемъ, соединенный съ древнѣйшей формой залога—личнымъ закладомъ, т. е. закладомъ личности должника кредитору, обезпечивающимъ исправность будущей уплаты долга; что этотъ послѣдній погашается работой должника [9]); что до погашенія долга или уплаты его закупъ находился „во временномъ холопствѣ" (Неволинъ, Мейеръ) или „въ состояніи близкомъ къ холопству" (Чичеринъ). Далѣе, всѣ три изслѣдователя согласны въ томъ, что наименованіе „закупъ" позже замѣняется названіемъ „закладня" или „закладчика", которое, по мнѣнію Чичерина, „въ свою очередь превращается, наконецъ, въ названіе кабальнаго холопа". Кромѣ того, отъ вниманія ни Мейера, ни Чичерина не ускользнуло наименованіе въ одной статьѣ Р. Правды закупа наймитомъ, но это нисколько не поколебало ихъ убѣжденія, что первоисточникъ закупничества—заемъ, соединенный съ личнымъ закладомъ должника за сдѣланный имъ долгъ: „Въ статьѣ 73 (Р. П.),—говоритъ Мейеръ [10]),—закупъ названъ наймитомъ, но это ничего не доказываетъ противъ значенія заложника... Закупъ можетъ быть названъ наймитомъ потому, что онъ слѣдующею ему за службу платою очищаетъ лежащій на немъ и обезпеченный его лицемъ долгъ". То же самое обстоятельство (наименованіе закупа наймитомъ) приводитъ Чичерина къ мысли, что закупничество есть результатъ соединенія договора займа съ договоромъ личнаго найма, съ преобладаніемъ, однако,

---

[7]) Ibid., т. 5, стр. 147.

[8]) *Мейеръ,* Юридическій Сборникъ, Казань, 1855 г., стр. 225—226; *Чичеринъ,* Опыты по исторіи русскаго права, Москва, 1858 г., стр. 154—156.

[9]) Собственно эта послѣдняя мысль (т. е. что долгъ закупа погашается его работой) опредѣленно высказана лишь Мейеромъ. Но того же мнѣнія, повидимому, былъ и Чичеринъ, судя по слѣд. его словамъ, отмѣчающимъ недостаточность постановленій Р. П. о закупахъ: „ими не опредѣлялись ни время, которое онъ (закупъ) долженъ употребить на господскую работу, ни цѣна трудовъ его..." (о. с., 155).

[10]) *Мейеръ,* о. с., 225.

перваго изъ нихъ: „Въ одной статьѣ Р. П.,—разсуждаетъ Чичеринъ,—онъ (т. е. закупъ) называется также наймитомъ, и дѣйствительно это былъ родъ личнаго найма, но съ присоединеніемъ къ этому заемнаго обязательства (купы). Поэтому такое состояніе (т. е. состояніе закупа) скорѣе можно назвать личнымъ закладомъ, на что указываетъ и слово закупъ, тождественное съ закладомъ" [11]).

Воззрѣнія Неволина, Мейера и Чичерина на сущность или юридическую природу закупничества сдѣлались надолго прочнымъ достояніемъ науки. Ихъ мнѣніе [12]) принялъ цѣлый рядъ ученыхъ: Бѣляевъ [13]), Ѳ. И. Леонтовичъ [14]), проф. Загоровскій [15]), М. Ф. Владимірскій-Будановъ [16]), проф. Ключевскій [17]) и нѣкот. др.

Того же мнѣнія придерживался вначалѣ и В. И. Сергѣевичъ, какъ это видно изъ его „Лекцій и изслѣдованій по исторіи русскаго права", изданныхъ въ 1883 г. На стр. 197—198 названнаго труда проф. Сергѣевичъ закуповъ Р. Правды называетъ „должниками", которые „составляли разрядъ зависимыхъ лицъ", занимавшихъ среднее мѣсто между людьми свободными и рабами; говоритъ, что „закупничество возникло, по всей вѣроятности, путемъ договора", а именно (какъ это видно изъ предыдущаго и послѣдующаго изложенія автора)—„договора о ссудѣ", и, наконецъ, такъ характеризуетъ закуповъ: „закупами были лица, поступившія къ кому-либо въ услуженіе; они были

---

[11]) *Чичеринъ*, о. с., 154.

[12]) Особенно въ смягченной, такъ сказать, формѣ, предложенной Чичеринымъ, а именно, что закупничество есть результатъ соединенія договора займа съ договоромъ личнаго найма.

[13]) Крестьяне на Руси, изд. 2-ое (1879 г.), стр. 13—16 и особенно стр. 14.

[14]) Крестьяне Юго-западн. Россіи, Кіевъ, 1863 г., стр. 21, прим. 1, стр. 10—12.

[15]) Историч. очеркъ займа по русск. праву до конца XIII ст., Кіевъ 1875 г., стр. 65 и слѣд. Признавая закупничество, по основанію и цѣли, договоромъ займа съ залогомъ, г. Загоровскій утверждаетъ въ то же время, что приравненіе закупничества даже къ временному рабству неосновательно.

[16]) Христом. по ист. русск. пр., вып. 1, примѣч. 97 къ тексту Р. Правды; Обзоръ ист. русск. пр. (3 изд., 1900 г.), стр. 38, 389 (прим. 1), 390 (прим. 2) и особенно стр. 386 (по изд. 1-му, 1886г., вып. 2, стр. 76; изд. 2, стр. 334), гдѣ читаемъ: „Заемъ въ древнее время обезпечивался обыкновенно личнымъ закладомъ (т. е. закладомъ личности должника кредитору). Такимъ образомъ и устанавливалось временное холопство, именуемое въ земскій періодъ закупничествомъ, а въ Московскомъ государствѣ служилою кабалою".

[17]) Русская Мысль, 1885 г., № 8 (статья: „Происхожденіе крѣпостн. права въ Россіи"), стр. 11, 12, и 14, особенно же стр. 12, гдѣ говорится: „Личная зависимость закупа создавалась заемнымъ обязательствомъ, которое состояло въ обязательной работѣ закупа на хозяина-заимодавца до уплаты долга".

не просто наемниками, а получали ссуду деньгами, или, садясь на землѣ, занимали плугъ, борону, лошадь и т. п.“.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ появленія означеннаго изданія „Лекцій и изслѣдованій“ проф Сергѣевичъ началъ печатать свой капитальный трудъ „Русскія Юридическія Древности“, первый томъ которато вышелъ въ 1890 г. Въ этомъ томѣ, посвященномъ территоріи и населенію, авторъ между проч. подвергъ подробному пересмотру вопросъ о закупничествѣ (ему онъ удѣлилъ около 14-ти стр.) [18]) и въ результатѣ пришелъ къ совершенно иному взгляду на этотъ институтъ, чѣмъ тотъ, какой господствовалъ въ наукѣ съ 50-хъ годовъ и какой дотолѣ онъ раздѣлялъ и самъ.

Вновь предложенное почтеннымъ ученымъ изъясненіе закупничества основано главнымъ образомъ на встрѣчающейся въ Р. Правдѣ замѣнѣ слова „закупъ“ словомъ „наймитъ“, на толкованіи слова „купить“ въ смыслѣ „нанять“ и на утвержденіи, что слово „закупъ“ никогда не означало залога или заклада, какъ то думали и доказывали, ссылаясь на различные акты, Неволинъ, Мейеръ и Чичеринъ. Сущность этого изъясненія заключается въ слѣдующемъ: закупничество отнюдь не было договоромъ займа, а являлось чистой формой договора личнаго найма; закупъ—несомнѣнно свободный человѣкъ, тотъ же смердъ, но бѣдный; закупъ—наймитъ, наемный слуга, наемный работникъ; онъ не дѣлалъ займа и не уплачивалъ долга, а только (и то не всегда) бралъ впередъ заработную плату и въ такомъ случаѣ погашалъ ее своей работой.

Изложенное сейчасъ вкратцѣ воззрѣніе проф. Сергѣевича на сущность закупничества и положеніе закуповъ, аргументированное съ присущимъ автору талантомъ, быстро завоевало себѣ видное мѣсто въ наукѣ и нашло многихъ ревностныхъ послѣдователей. Къ числу таковыхъ принадлежатъ г.г. Павловъ-Сильванскій [19]), Н. Дебольскій [20]), В. Сторожевъ [21]) и нѣкот. др. Можно даже сказать, что взглядъ В. И.

[18]) Русскія Юридич. Древности, т. I, Спб., 1890 г., стр. 176—190. Во 2-мъ изданіи (1902 г.) того же тома стр. 189—204 представляютъ воспроизведеніе сказаннаго въ 1-мъ изд. лишь съ небольшими измѣненіями и дополненіями въ примѣчаніяхъ. Мы пользуемся 2-мъ изданіемъ, на которое и дѣлаемъ ссылки въ дальнѣйшемъ.

[19]) Ж. М. Нр. Пр. 1895 г., № 1 (статья „Люди кабальные и докладные“), стр. 220.

[20]) Ж. М. Нр. Пр. 1895 г., № 11 (статья „Къ вопросу о прикрѣпл. владѣльч. крестьянъ“); Гражданская дѣеспособность по русск. праву до конца XVII в., Спб., 1903 г., стр. 85 и слѣд.

[21]) Библіотека для самообразованія. Сборникъ „Русская исторія съ древн. врем.“ подъ редакціей В. Н. Сторожева, вып. 1, стр. 386—402, гдѣ вопросъ о закупахъ изложенъ по В. И. Сергѣевичу.

Сергѣевича на закупничество и закуповъ сдѣлался въ послѣднее время самымъ распространеннымъ въ литературѣ. По крайней мѣрѣ онъ сталъ достояніемъ не только многихъ новѣйшихъ ученыхъ работъ, но даже такихъ изданій, которыя разсчитаны на широкую публику; разумѣемъ книгу по русской исторіи въ „Библіотекѣ для самообразованія“ [22]) и энциклопедическіе словари [23]).

Мы не имѣемъ никакого намѣренія полемизировать съ В. И. Сергѣевичемъ [24]), но крѣпко думаемъ, что наука еще не сказала своего послѣдняго слова о древне-русскомъ закупничествѣ, что она не можетъ довольствоваться предложеннымъ означеннымъ ученымъ изъясненіемъ этого института и считать данный вопросъ окончательно рѣшеннымъ, а теорію Неволина, Мейера и Чичерина (и ихъ послѣдователей) сданной безвозвратно въ научный архивъ.

Въ самомъ дѣлѣ, попытка проф. Сергѣевича установить новое понятіе о закупничествѣ, какъ о договорѣ личнаго найма, и истолковать съ этой точки зрѣнія неясныя, темныя, а временами и весьма загадочныя (или, какъ выражается В. И. Сергѣевичъ, „представляющія непреодолимыя трудности“) выраженія нѣкоторыхъ статей Р. Правды, трактующихъ о закупахъ, возбуждаетъ рядъ вопросовъ и недоумѣній. Почему во всѣхъ 6-ти статьяхъ Р. Правды, посвященныхъ непосредственно закупамъ, многократно употребляемое тамъ слово „закупъ“ замѣняется словомъ „наймитъ“ лишь одинъ только разъ (въ ст. 73 Кар. сп.), точно случайно [25]), хотя этотъ послѣдній терминъ

---

[22]) См. предыд. примѣч.

[23]) Энциклопедическій Словарь, изд. Брокгаузомъ и Ефрономъ, полут. 23, стр. 185; Большая Энциклопедія (Мейера), изд. Товарищ. Просвѣщ., т. IX, стр. 479.

[24]) Это отнюдь не входитъ въ нашу задачу. Правда, занявшись важнымъ, но спорнымъ вопросомъ о закупничествѣ, мы вынуждены неоднократно въ дальнѣйшемъ касаться воззрѣній В. И. Сергѣевича на закупничество и закуповъ и не соглашаться съ отдѣльными его доводами, но во всѣхъ этихъ случаяхъ руководимся исключительно тѣмъ же побужденіемъ (стремленіемъ къ научной истинѣ), которое заставило названнаго многоуважаемаго ученаго отказаться отъ прежняго своего взгляда на закуповъ, а при новомъ пересмотрѣ вопроса о закладняхъ (сравн. Р. Юр. Др т. 1, изд. 1-ое, стр. 269—274 со статьею того же автора „Закладничество въ древн. Руси“ въ Ж. М. Нр. Пр. 1901 г., № 9, стр. 111—133, вошедшею потомъ во 2-е изд. I т. Р. Ю. Др.) признать „ошибочнымъ“ прежнее свое мнѣніе по вопросу о зависимости закладника отъ господина.

[25]) Замѣтимъ кстати, что въ 14-ти спискахъ Рус. Правды, указанныхъ Калачовымъ (см. его Предварит. Юридич. свѣд. для объясн. Р. Правды, изд. 2-ое, Спб., 1880 г., стр. 144), такой замѣны нѣтъ, и вм. „наймитъ“ стоитъ, какъ и раньше, „закупъ“.

былъ хорошо извѣстенъ не только Р. Правдѣ, но и другимъ древнимъ памятникамъ XIII—XIV вв. [26]), не говоримъ уже о Псковской Судной грамотѣ и послѣдующихъ памятникахъ? Далѣе, почему закупы, хотя безъ всякаго сомнѣнія они и противопоставляются „обелямъ", или полнымъ холопамъ, и отнюдь не причисляются Р. Правдой къ таковымъ, противополагаются въ то же время и свободнымъ (см. ст. 73 и 77 Кар. сп.), и, въ частности, почему закупы, по совершенно ясному указанію 77 ст. Р. Правды, не могутъ быть такими же послухами, какъ вполнѣ свободные люди, и приравниваются въ этомъ отношеніи къ лицамъ несомнѣнно несвободнымъ (а именно къ холопамъ высшаго разряда—дворскимъ тіунамъ боярскимъ) [27])? Затѣмъ, почему закупъ, бѣжавшій отъ своего господина, обращается въ полное рабство, какъ о томъ гласитъ 70 ст. Р. Правды; неужели нарушеніе договора личнаго найма, при всѣхъ возможныхъ ограниченіяхъ по адресу наймита въ пользу и интересахъ нанимателя, могло влечь за собою столь суровыя послѣдствія для перваго изъ нихъ? Не естественнѣе ли, не правдоподобнѣе ли предположить, что бѣгство закупа приводило его къ полному рабству потому, что въ основѣ закупничества лежалъ не какой-либо иной договоръ, а именно договоръ займа, сопровождавшійся самозалогомъ,—займа, при которомъ, по воззрѣніямъ древнихъ народовъ, должникъ разсматривался какъ вещь, цѣна каковой должна была въ извѣстныхъ случаяхъ удовлетворить заимодавца, или кредитора? Наконецъ, если даже допустить, что нарушеніе именно договора личнаго найма могло повлечь за собою столь суровыя послѣдствія, какъ обращеніе въ рабство, то все же остается непонятнымъ, почему закупъ въ случаѣ совершенія преступленія, за которое хозяинъ вознаграждаетъ истца, обращается также въ раба (ст. 75 Кар. сп.)?

Итакъ, повторяемъ, предложенное въ послѣднее время изъясненіе закупничества не устраняетъ ряда недоумѣній и во всякомъ случаѣ не дѣлаетъ означеннаго вопроса безспорно, а слѣд. и окончательно, рѣшеннымъ. Отсюда логически вытекаетъ необходимость еще разъ (а можетъ быть, и не одинъ разъ) пересмотрѣть весьма важный, какъ

[26]) Въ лѣтописи XIII в.: „наяша наимиты возити мьртвьця из города" (Синод. Харат., 24). Заимствуемъ эту цитату изъ комментаріевъ къ Р. Правдѣ проф. Мрочекъ-Дроздовскаго (op. cit.). См. также жалов. грамоту первой полов. XIV в., напечатанную подъ № 3 въ I т. Акт. Арх. Эксп.

[27]) Не говоримъ уже, что по 73 ст. Р. Правды „господинъ" могъ подвергать закупа, и притомъ по собственному усмотрѣнію, безъ всякаго суда, тѣлесному наказанію, что̀ можно, пожалуй, удовлетворительно объяснить съ точки зрѣнія особенности отношеній между хозяиномъ и наймитомъ-работникомъ.

было ужъ замѣчено, и притомъ важный во многихъ отношеніяхъ, вопросъ о закупничествѣ и закупахъ.

Какъ же это сдѣлать? Неужели вновь обратиться къ тому скудному и не вполнѣ ясному матеріалу, какимъ прежде всего мы располагаемъ для рѣшенія даннаго вопроса, а именно къ 6—7 статьямъ Р. Правды, которыя уже на всѣ лады подвергались объясненію и толкованію и, кажется, вполнѣ использованы, хотя это и не дало до сихъ поръ безспорнаго, для всѣхъ одинаково убѣдительнаго рѣшенія вопроса о юридической природѣ закупничества?

Представленныя выше замѣчанія о свойствахъ указаннаго матеріала и обзоръ литературныхъ мнѣній, свидѣтельствующій о коренныхъ разногласіяхъ между учеными по вопросу о закупничествѣ, несмотря на то, что они оперировали надъ одними и тѣми же данными,—все это, надѣемся, вполнѣ доказываетъ безполезность новаго анализа, объясненія или истолкованія подлежащихъ статей Р. Правды. Конечно, можно было бы предложить тѣ или другія новыя объясненія неясныхъ и темныхъ мѣстъ и выраженій нѣкоторыхъ несомнѣнно испорченныхъ переписчиками статей Р. П. о закупахъ, но это едва ли подвинуло бы дѣло, а породило бы лишь новые споры. Всякій близко знакомый съ литературой даннаго вопроса хорошо знаетъ, что изслѣдователи, даже вполнѣ согласные въ своихъ взглядахъ на существо закупничества, нерѣдко рѣзко расходятся между собою при толкованіи отдѣльныхъ выраженій, мѣстъ и даже цѣлыхъ статей Р. Правды о закупахъ. Примѣромъ могутъ служить разногласія между проф. Сергѣевичемъ и его послѣдователемъ Н. Дебольскимъ въ объясненіи нѣкоторыхъ подлежащихъ статей Р. Правды [28]). Послѣднее обстоятельство является, кажется, еще однимъ, правда частнымъ, но весьма краснорѣчивымъ, доказательствомъ въ пользу мысли о безплодности всякой новой попытки пересмотрѣть вопросъ о закупничествѣ, опираясь исключительно лишь на соотвѣтственныя статьи Р. Правды, т. е. на матеріалъ, который самъ по себѣ, какъ показалъ опытъ, не разрѣшаетъ, а лишь обусловливаетъ коренныя разногласія между учеными по данному вопросу и принуждаетъ многихъ изъ нихъ прибѣгать ко всякаго рода гипотезамъ и гадательнымъ толкованіямъ.

Очевидно, надо поискать новыхъ дополнительныхъ данныхъ и привлечь ихъ на помощь къ тому крайне скудному, отрывочному и нерѣдко совершенно неясному матеріалу, какой заключается въ Р. Правдѣ.

---

[28]) См. *Н. Дебольскаго*: Гражданская дѣеспособность по русск. праву, стр. 91—96.

Къ счастью, такія данныя имѣются. Они содержатся отчасти въ памятникахъ восточно-русскихъ, а главнымъ образомъ — западно-русскихъ. Особенно драгоцѣнны для насъ эти послѣднія, т. е. тѣ данныя, которыя заключаются въ судебныхъ актахъ и законодательныхъ памятникахъ Западной Руси, — драгоцѣнны по нижеслѣдующимъ соображеніямъ.

Уже неоднократно и вполнѣ основательно указывалось въ литературѣ, что именно западная, или литовская, а не восточная, или московская, Русь наиболѣе сохранила и развила древне-русскія правовыя нормы и явилась, такимъ образомъ, непосредственной въ указанномъ отношеніи преемницей Руси земскаго періода; что только сравнительное изученіе русскаго права древнѣйшаго періода съ послѣдующимъ западно-русскимъ можетъ содѣйствовать полному объясненію весьма многихъ неясныхъ мѣстъ Р. Правды, и что вообще только всестороннее изученіе западно-русскихъ юридическихъ памятниковъ можетъ восполнить существующіе пробѣлы, разсѣять темноту, какіе еще и доселѣ имѣются въ исторіи древне-русскаго права. Это — во-первыхъ. Во-вторыхъ, западно-русскіе юридическіе акты и памятники законодательства свидѣтельствуютъ, что въ XV—XVI вв. институтъ закупничества еще сохранился въ Литовско-Русскомъ государствѣ, какъ извѣстно, обнимавшемъ собою между прочимъ коренную и древнѣйшую Русь (бассейнъ р. Днѣпра), т. е. ту именно территорію, гдѣ зародились и развились всѣ правовые институты древней Руси и гдѣ сложилась и самая Р. Правда. Въ-третьихъ, означенные памятники заключаютъ въ себѣ не отрывочныя, а довольно полныя и многочисленныя данныя о закупничествѣ и притомъ такія данныя, которыя не только уясняютъ сущность этого института, но и помогаютъ истолковать многія изъ тѣхъ темныхъ мѣстъ Р. Правды о закупахъ, которыя доселѣ не были вполнѣ удовлетворительно объяснены и вызывали лишь однѣ болѣе или менѣе правдоподобныя гипотезы.

Привлечь и использовать указанный богатый и въ значительной степени новый матеріалъ съ возможной полнотой въ цѣляхъ выясненія прежде всего сущности древне-русскаго закупничества и составляетъ главную задачу настоящаго очерка.

Спѣшимъ, однако оговориться, Нельзя вовсе сказать, что доселѣ отдѣльные изслѣдователи, касавшіеся закупничества, оставляли въ полномъ пренебреженіи указанный матеріалъ. Такъ, Ѳ. И. Леонтовичъ еще въ первомъ своемъ печатномъ трудѣ (1863 г.): „Крестьяне юго-зап. Россіи по литовск. праву XV и XVI ст.“, остановился между проч. и на „людяхъ закупныхъ“, упоминаемыхъ Лит. Статутомъ и нѣкото-

рыми актами; но, къ сожалѣнію, его замѣчанія по данному вопросу слишкомъ бѣглы и заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя ошибочныя утвержденія [29]). Затѣмъ, въ недавнее, сравнительно, время того же вопроса, т. е. западно-русскихъ закуповъ, касались въ своихъ работахъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ и проф. Любавскій, съ цѣлью, между прочимъ, опредѣлить, насколько факты изучаемаго ими времени свидѣтельствуютъ въ пользу того или другого изъ двухъ существующихъ объясненій древне-русскаго закупничества. Къ удивленію, однако, оба изслѣдователя пришли къ различнымъ выводамъ.

Впрочемъ, сужденія проф. Любавскаго основаны (не считая одной ссылки на Лит. Статутъ) всего на двухъ-трехъ актахъ Литовской Метрики, упоминающихъ о „закупахъ" и „людяхъ въ пенязѣхъ" (тѣхъ и другихъ г. Любавскій строго различаетъ) лишь вскользь и истолкованныхъ авторомъ весьма поспѣшно, и, кромѣ того, обнаруживаютъ недостаточное его знакомство съ литературой вопроса и въ частности со статьей М. Ф. Владимірскаго-Буданова, которая появилась за два съ лишнимъ года до выхода въ свѣтъ даннаго труда г. Любавскаго [30]) и которая трактуетъ между проч. о закупахъ въ Западной Руси [31]). Неудивительно послѣ этого, что означенныя сужденія проф. Любавскаго страдаютъ неувѣренностью, большою неопредѣленностью и даже нѣкоторымъ противорѣчіемъ [32]).

---

[29]) Таково, напр., утвержденіе, что въ Литовскомъ Статутѣ говорится только о „закупничествѣ урядовомъ" (по выраженію Ѳ. И. Леонтовича), т. е. такомъ, которое являлось результатомъ выдачи должника кредитору по судебному приговору. Op. cit., стр. 11.

[30]) *М. Любавскій,* Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, Москва, 1892 (1893) г.

[31]) *М. Ф. Владимірскій-Будановъ,* Очерки изъ исторіи литовско-русскаго права вып. 2: Черты семейнаго права XVI в., Кіевъ, 1890 г.

[32]) На стр. 393 своего упомянутаго труда (Областное дѣленіе и мѣстн. управл. въ Л.-Р. госуд.) г. Любавскій закуповъ, упоминаемыхъ западно-русск. актами, считаетъ наймитами; затѣмъ на слѣд. страницѣ приходитъ къ выводу, что „люди въ пенязѣхъ" и „закупы"—не одно и то же, и, наконецъ, свои разсужденія авторъ заключаетъ слѣд. словами: „Въ виду этого, если отъ фактовъ изучаемаго времени позволительно сдѣлать заключеніе и о прошломъ закупничества, *нельзя принять* тѣ объясненія этого института, какія даны у Бѣляева... и у г. Владимірскаго-Буданова... и *скорѣе можно согласиться съ мнѣніемъ г. Сергѣевича, считающаго закупа наймитомъ,* который погашалъ свой долгъ работою. Впрочемъ,—продолжаетъ далѣе г. Любавскій,—*наймитомъ его считать вполнѣ нельзя:* наймитъ не за долгъ работалъ, а за жалованье, которое ему выдавалось не впередъ, а по мѣрѣ или по окончаніи работы; наймитъ поэтому и не былъ такъ связанъ съ господиномъ, какъ закупъ, который обращался въ раба, если уходилъ отъ господина, не заработавъ долга" (о. с.,

Больше всего въ указанномъ направленіи, т. е. въ цѣляхъ разрѣшенія спорнаго въ литературѣ вопроса о закупничествѣ съ помощью данныхъ литовско-русскаго права, и притомъ съ надлежащей основательностью сдѣлано проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ. Рѣчь идетъ объ упомян. 2-мъ выпускѣ его „Очерковъ изъ исторіи литовско-русскаго права“, озаглавленномъ: „Черты семейнаго права XVI в.“, и вышедшемъ въ 1890 г., т. е. почти одновременно съ появленіемъ 1-го тома „Русск. Юрид. Древн.“ проф. Сергѣевича. Къ сожалѣнію, авторъ статьи, имѣя въ виду главный предметъ своего изслѣдованія (семейное право), коснулся закупничества лишь постольку, поскольку оно имѣло отношеніе къ правамъ родителей на свободу дѣтей (праву закладывать ихъ) и вообще лицъ, подчиненныхъ семейной власти, а потому ограничился лишь нѣсколькими (тогда еще ненапечатанными) судебными актами, непосредственно сюда относящимися, и вовсе не затронулъ другихъ матеріаловъ, трактующихъ о закупничествѣ, и въ частности законодательныхъ памятниковъ. Тѣмъ не менѣе авторъ успѣлъ сдѣлать нѣсколько весьма важныхъ замѣчаній о закупничествѣ вообще, какъ въ эпоху Р. Правды, такъ и въ періодъ самостоятельнаго существованія Литовско-Русскаго государства [33]),—замѣчаній, которыхъ, къ сожалѣнію, доселѣ многіе или не замѣтили, или не оцѣнили по достоинству.

Таковы мои предшественники и таковы результаты ихъ трудовъ. Я буду очень счастливъ, если съ помощью тѣхъ довольно многочисленныхъ данныхъ, которыми располагаю и которыя я постарался всесторонне изучить, мнѣ удастся пролить нѣкоторый свѣтъ на темный, запутанный и спорный въ литературѣ вопросъ о закупничествѣ и тѣмъ содѣйствовать его разрѣшенію въ смыслѣ, наиболѣе близкомъ къ истинѣ.

стр. 394—395; курсивъ нашъ). Итакъ, авторъ сначала какъ будто признаетъ, согласно съ проф. Сергѣевичемъ, древне-русскаго закупа наймитомъ, а затѣмъ какъ будто отрицаетъ это; въ результатѣ—или никакого опредѣленнаго вывода, или выходитъ такъ, что закупъ обладалъ какой-то невозможной ролью, какой-то несуществующей профессіей—„наймита не вполнѣ“. Для такого по меньшей мѣрѣ страннаго вывода, конечно, вовсе не стоило прибѣгать къ даннымъ западно-русскаго права.—Что касается заключенія г. Любавскаго, что упоминаемые западно-русскими актами „закупы“ и „люди въ пенязѣхъ“—вовсе не одно и то же, то крайнюю поспѣшность и неосновательность этого вывода мы будемъ имѣть случай обнаружить нѣсколько ниже.

[33]) См. назв. статью, стр. 25 и слѣд. Данными этой статьи и выводами изъ нея, поскольку они касаются вопроса о закупничествѣ, авторъ вкратцѣ воспользовался въ послѣднемъ изданіи (1900 г.) своего „Обзора исторіи русск. права“ (см. стр. 38, примѣч. 2).

II.

Начнемъ съ того, съ чего начинали Неволинъ и В. И. Сергѣевичъ, эти главнѣйшiе представители, чтобы не сказать—родоначальники, двухъ существующихъ въ наукѣ различныхъ взглядовъ на древне-русское закупничество: почему закупъ названъ этимъ именемъ, и что̀, собственно, значитъ это слово,—слово *закупъ*?

Неволинъ съ присущей ему прозорливостью тонкаго юриста и опытнаго историка утверждалъ [34]), что слово закупъ означало залогъ; въ доказательство онъ сослался на одинъ изъ документовъ 1639 г., помѣщенный во 2-мъ томѣ Дополн. къ Акт. Историч. (стр. 136), гдѣ значится: „и та нынѣ вотчина очищена вся отъ Василья Шорина и отъ Якима Патокина и ни у кого *не въ закупѣ и въ закладѣ нѣтъ*". Надо сознаться, что Неволинымъ выбранъ примѣръ не изъ удачныхъ, хотя бы потому, что онъ относится къ довольно позднему времени. Во всякомъ случаѣ проф. Сергѣевичъ, полемизируя съ названнымъ ученымъ, имѣлъ возможность заявить по поводу ссылки Неволина слѣд.: „здѣсь слово «закупъ» противопоставлено «закладу» и, конечно, должно означать что-либо другое, а не тотъ же закладъ" [35]). На этомъ между прочимъ основанiи В. И. Сергѣевичъ утверждаетъ, что слово закупъ никогда не означало залога или заклада, и склоненъ думать, что это выраженiе могло означать сдачу въ аренду, или въ наемъ. Самъ же почтенный ученый въ своемъ объясненiи слова *закупъ* производитъ его отъ слова *купить*, которое де въ старину означало и *наемъ*, какъ это замѣчается даже и теперь, напр., у крестьянъ Лужскаго уѣзда и у кубанскихъ казаковъ.

Не будемъ возражать противъ этого и ссылки проф. Сергѣевича на современные намъ обороты простонароднаго юридическаго языка можемъ даже увеличить еще одной подобной. И мы лично слыхали, какъ крестьяне Волынской губ. говорятъ: „продалъ (купилъ) поле на два (три и т. д.) года", въ смыслѣ—„отдалъ (взялъ) землю въ аренду, въ

---

[34]) *Неволинъ*, op. cit,, т. III, стр. 339, прим. 124.

[35]) Рус. Юр. Древн., т. I, стр. 190, прим. 1.—Намъ же лично кажется, что въ приведенной формулѣ: „не въ закупѣ и въ закладѣ нѣтъ", мы имѣемъ лишь образецъ часто встрѣчающейся въ старинныхъ актахъ тавтологiи, или плеоназма; иначе говоря, приведенныя слова можно перевести такъ: „та вотчина... ни у кого не состоитъ въ закупѣ, или (т. е.) въ закладѣ".—Не слѣдуетъ также упускать изъ вида, что данный актъ относится почти къ половинѣ XVII в., когда истинный смыслъ древняго слова „закупъ" могъ быть утраченъ, забытъ, почему и самое это слово, употребленное въ силу традицiи, но почти механически, нуждалось въ замѣнѣ его или, точнѣе, поясненiи другимъ, болѣе современнымъ и понятнымъ (словомъ „закладъ").

наемъ на такой-то срокъ"[36]). Однако, все это, на нашъ взглядъ, мало относится къ дѣлу и ничего не уясняетъ: рѣчь вѣдь идетъ не о словахъ „купить", „купля", существовавшихъ прежде и существующихъ и нынѣ, а о словѣ „закупъ", которое, какъ справедливо замѣтилъ самъ проф. Сергѣевичъ, не дожило до нашихъ дней.

Что же въ дѣйствительности означало слово *закупъ?* Утверждаемъ, что въ старину это слово и въ приложеніи его къ землѣ и въ приложеніи къ людямъ означало именно *залогъ* или *закладъ.*

Приведемъ доказательства. Съ этою цѣлью обратимся прежде всего къ актамъ восточно русскимъ.

Изъ нѣсколькихъ московскихъ актовъ съ упоминаніемъ слова „закупъ" въ отношеніи къ землямъ[37]) выбираемъ тотъ, который не оставляетъ никакихъ сомнѣній и не позволяетъ даже и предполагать, что слово „закупъ" означаетъ здѣсь наемъ, а не залогъ или закладъ[38]). Вотъ что читаемъ мы въ одномъ изъ завѣщаній начала XVI в. (1518 г.): „А что моя вотчина, деревня Стремячка, а то сыну моему Андрею да внуку моему Михайлу по половинамъ, и земя и пожни..... а будетъ внуку моему Михайлу не до земли своего жеребьи, и внуку моему Михайлу мимо своего дяди Андрея земли своей *ни продать, ни промѣнити, ни въ закупи не поставити, ни въ приданые не дать, ни по душѣ не дати, ни въ наймы не дати,* ни земли, ни пожни, ниодному мимо одного" (Акт. Юр., № 417, стр. 447).

Приведенное мѣсто не только съ несомнѣнностью доказываетъ, что выраженіе „въ закупи поставити" совершенно отличное отъ выраженія „въ наймы дати", но и убѣждаетъ насъ, что слово „закупъ"

---

[36]) Съ другой стороны, мы можемъ привести не мало примѣровъ изъ западно-русск. актовъ XVI в., показывающихъ, что глаголы „купить—продать" безъ прибавки словъ „обель-вѣчне" или „на вѣчность" (съ подобными прибавками назван. глаголы употреблялись обыкновенно съ современнымъ намъ значеніемъ, см. Акт. Вил. Ком., т. XVII, №№ 551, 861), т. е. въ смыслѣ—нанять, взять въ аренду, уже вышли, очевидно, изъ употребленія даже въ XVI в. и обычно замѣняются словами „наймовать", „нанять". См. А. Вил. Ком., т. XVII, №№ 383, 403, 427, 514, 901, 905, 910 и др.

[37]) Акт. Арх. Эксп. I, № 160; Акт. Юр., № 13 и № 417, и Допол. къ А. Ист., II, стр. 136.

[38]) Удивительнѣе всего то, что и проф. Сергѣевичъ, отрицающій основательность представленнаго Неволинымъ толкованія слова закупъ, и г. Павловъ-Сильванскій, не соглашающійся (см. Ж. М. Н. Пр. 1895 г., № 1, стр. 222, прим. 6) съ утвержденіемъ проф. Сергѣевича, что означенное слово никогда не означало залога или заклада,—оба упускаютъ изъ вида этотъ актъ (краснорѣчиво свидѣтельствующій въ пользу мнѣнія Неволина), а между тѣмъ ссылка на него имѣется еще у Мейера и Чичерина.

употреблено именно въ смыслѣ залога (заклада), ибо какое же иное право распоряженія собственностью можетъ означать выраженіе „въ закупи поставити“, стоящее непосредственно послѣ словъ „продать“ и „промѣнити“ [39]) и впереди выраженій, имѣющихъ въ виду различные другіе акты распоряженія даннымъ недвижимымъ имуществомъ: передачу (выдѣлъ) его въ видѣ приданаго, дареніе или пожертвованіе церковнымъ учрежденіямъ (вкладъ) на поминъ души и, наконецъ, отдачу его въ наемъ?!

Обыкновенно утверждаютъ, что древне-русскій терминъ „закупъ“ въ приложеніи къ людямъ, т. е. въ смыслѣ—заложившійся за долгъ человѣкъ или, по мнѣнію другихъ, наймитъ, нигдѣ въ прочихъ памятникахъ,—ни въ судныхъ грамотахъ Пскова и Новгорода, ни въ памятникахъ московскаго законодательства, не встрѣчается, что попадающееся въ названныхъ памятникахъ слово „закупенъ“ или „закупень“ ничѣмъ, кромѣ простого созвучія, не напоминаетъ закупа Р. Правды и употребляется лишь въ значеніи купца, торговаго человѣка, торговца-скупщика [40]). Едва ли, однако, все это можно утверждать категорически. Есть, напротивъ, основаніе предполагать, что встрѣчающійся въ московскихъ актахъ терминъ „закупень“, какъ и терминъ Р. Правды „закупъ“, означалъ заложившагося за долгъ человѣка, иначе (по позднѣйшей терминологіи)—закладня, закладника, закладчика [41]). Впрочемъ,

---

[39]) Въ такомъ же порядкѣ (послѣдовательности) всѣ три названныя выраженія употребляются и въ друг. актахъ; такъ, въ купчей 1508 г. читаемъ: „ми (Ѳедору Кемскому) тѣхъ земель не освоивати, *ни продати, ни мѣнити, ни въ закупъ не дати*“ (А. Ю., № 13). См. также А. А. Э. I, № 160.

[40]) *В. И. Сергѣевичъ*, op. cit., I, 190, прим. 1, стр. 203; *П. Мрочекъ-Дроздовскій*, op. cit., II, стр. 164, и нѣк. др.

[41]) Оставляемъ въ сторонѣ „закупня“, о которомъ говоритъ Псковская Судная грамота, и остановимся лишь на терминѣ „закупень“, встрѣчающемся въ одномъ изъ московскихъ актовъ, а именно въ челобитной русскихъ торговыхъ людей разныхъ городовъ, поданной ц. Алексѣю Михайловичу въ 1646 г. (А. А. Эксп., т. IV, № 13, стр. 14—23). Мнѣніе, что упомянутый въ означ. челобитной закупень есть тотъ же закладень или закладчикъ, высказано было вскользь еще Мейеромъ (op. cit., 226). Другіе изслѣдователи оспариваютъ это и утверждаютъ, какъ было уже замѣчено, что слово „закупень“ употреблено здѣсь въ значеніи торговаго человѣка, скупщика; при этомъ обыкновенно ссылаются (или имѣютъ его въ виду) на слѣд. мѣсто упомян. документа, на которое опирался и Мейеръ: „а то ваше государево жалованье продаютъ *инымъ закупнямъ торговымъ людемъ* и жаловалною грамотою проѣзжаютъ нѣмцы иные, которые вашимъ государевымъ жалованьемъ не пожалованы“ (стр. 16). Изъ этого пункта челобитной, въ которомъ рѣчь идетъ о злоупотребленіяхъ иностранныхъ купцовъ тою привилегіей, какая предоставлена была лишь нѣкоторымъ изъ нихъ по части торговли, и въ частности изъ подчеркнутыхъ словъ выводятъ, что закупень и торговый человѣкъ—понятія тождественныя. Съ этимъ, однако, рѣшительно нельзя согласиться, если принять во вниманіе и другія мѣста той же челобитной. Такъ, нѣсколько

имѣющіяся указанія на это въ московскихъ памятникахъ не столь уже ясны и опредѣленны, чтобы можно было считать ихъ вполнѣ безспорными, а потому мы и оставляемъ ихъ въ сторонѣ, ограничившись тѣми указаніями восточно-русскихъ актовъ, которыя уясняютъ намъ значеніе слова „закупъ“ по отношенію къ землѣ и вообще недвижимымъ имуществамъ.

Перейдемъ теперь къ многочисленнымъ и весьма опредѣленнымъ даннымъ западно-русскихъ памятниковъ права, изъ которыхъ вытекаетъ, что терминъ „закупъ“ употреблялся одинаково въ приложеніи и къ землямъ и къ людямъ и притомъ—именно въ смыслѣ залога или заклада.

Вотъ нѣкоторыя данныя XV—XVI вв. по отношенію къ землямъ, изъ которыхъ становится очевиднымъ между прочимъ и истинное значеніе словъ: закупъ, закупля, закупить-запродать, закупный и имъ подобныя [42]):

выше строкъ, приведенныхъ изъ челобитной, въ ней же имѣется такой пунктъ: „А *русскіе товары* въ Московскомъ государствѣ, которыми мы, холопи и сироты твои, мѣняли на ихъ товары, *они покупаютъ нынѣ сами*, своимъ заговоромъ, и *розсылаютъ покупать по городомъ и въ уѣзды, закабаля и задолжа многихъ бѣдныхъ и должныхъ русскихъ людей*, и *тѣ товары покупя русскіе люди привозятъ къ нимъ*, а они провозятъ въ свою землю безпошлинно...“ (стр. 15). Тамъ же, нѣсколько ниже, читаемъ: „И того, Государь, въ жаловалной грамотѣ не написано, что пріѣзжати въ Московское государство.... а по вашему государеву жалованью вѣлено, Государь, ѣздить самимъ съ своими товары.... а чужихъ товаровъ за свои товары съ собою не привозить *и закупней русскихъ людей у себя не держать...*“ (стр. 16). Послѣднія двѣ цитаты уясняютъ, кто такіе--закупни первой цитаты. Рѣчь идетъ о тѣхъ бѣднякахъ-русскихъ людяхъ изъ торговаго класса, которые за долги попадаютъ къ иностранцамъ-купцамъ въ положеніе закуповъ или закладней и въ качествѣ таковыхъ употребляются своими кредиторами въ роли прикащиковъ для скупки туземныхъ продуктовъ (въ видахъ устраненія посредничества мѣстныхъ русскихъ купцовъ). Что слово закупень употреблено въ означенной челобитной 1646 г. именно въ смыслѣ человѣка, попавшаго за долги, за денежную ссуду, въ зависимость отъ своего кредитора-иностранца (иностранцы-купцы, очевидно, охотно ссужали подходящихъ для нихъ лицъ деньгами съ цѣлью такъ или иначе обойти правило, воспрещающее иностраннымъ купцамъ имѣть наемныхъ прикащиковъ изъ русскихъ людей), и что слово „закупень“ тождественно не съ словами „торговый человѣкъ“, скупщикъ, а съ словомъ „закладень“—это видно также изъ грамоты (1619 г.) ц. Михаила Ѳедоровича къ псковскимъ воеводамъ о дозволеніи англійскому купцу Фабіану Ульянову „съ товарищи“ закупать во Псковѣ ленъ (Собр. госуд. гр. и дог., III, № 49). Въ грамотѣ этой читаемъ между проч. слѣд.: „а тогобъ есте велѣли таможеннымъ головамъ сматривати, чтоб у нихъ чужихъ товаровъ съ собою не было, и во Псковѣ ихъ не продавали и на ленъ не мѣняли, и *нашибъ люди отъ нихъ ихъ товары не торговали, и закладчиковъ нашихъ людей за собою не держали*“.

[42]) По поводу приведенныхъ ниже выдержекъ изъ актовъ считаемъ не лишнимъ сдѣлать слѣд. замѣчаніе. Значеніе, или смыслъ, вышеозначенныхъ словъ (закупить,

1. На великокняжескомъ судѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Гроднѣ (Городнѣ) 2 октября 1495 г., разбиралась тяжба о землѣ между намѣстникомъ утенскимъ п. Войткомъ Яновичемъ и волковыйскими боярами Пашковичами. Въ состоявшемся по этому дѣлу великокняжескомъ вырокѣ (рѣшеніи) мы читаемъ нижеслѣд.: „Тежъ жаловалъ намъ Войтко Яновичъ на тыхъ бояръ, на Довкгирда, а на Янушка Пашковичовъ, рекучи: тые Пашковичи посажали люди свои на моей земли, на имя на Палковщинѣ. И тые Пашкевичи рекли: *тая земля* Палковщина *въ насъ въ пенязехъ,—позакупали* есмо *тую землю* въ людей. И мы (вел. князь), того смотрѣвши, и тую землю Палковщину присудили Войтку, а тымъ Пашковичомъ казали есмо пенязей своихъ постигати на тыхъ исцохъ, въ кого они тую *землю закупили*“ (Акты Лит. Метр., изд. Ѳ. И. Леонтовичемъ, № 222).

2. Въ жалов. грамотѣ (1501 г.) короля и вел. кн. Александра виленскому городничему Занку на человѣка Тишила съ братьею и съ землею значится: „тежъ што будетъ тотъ Тышило изъ братьею земли свои *попродали, або заставили кому въ пенязехъ*, а либо кому отдали, и мы и тыи ихъ земли дали Занку вѣчно, заньже людемъ нашимъ *нельзе земль продавати, ани запродавати*, безъ нашего призволенія“ (ibid., № 595).

3. Изъ жалов. грамоты (1503 г.) короля Александра служебнику новгородскаго намѣстника Словику Ивановичу видно, что послѣдній просилъ у короля означенной грамоты на купленныя имъ у различныхъ лицъ земли и между проч. на ту, которую проситель купилъ у Юрія Бутвиловича и у его дѣтей, а именно: „нивкужъ туюжъ, што *въ закупѣ была* въ Товгина“ (ibid., № 666).

4. Въ 1539 г. на судѣ, при разборѣ земельной тяжбы, отвѣтчикъ „отдверный господарскій“ Иванъ Миленькій заявлялъ: „маю я бортную землю ихъ изъ сеножатью *въ закупехъ*: отци ихъ (истцовъ) *запродали* матце моей тую землю и сеножать *въ дву копахъ грошей* и на смертной постели записала мнѣ у духовнице тую землю...“ [43]). Истцы признали

закупъ и пр.) обнаруживается: 1) съ помощью тѣхъ указаній или поясненій, каковыя содержатся большею частью непосредственно въ каждой изъ приведенныхъ цитатъ (см., напр., цитаты 2, 4, 6, 7, 9 и 10-ую) и 2) путемъ сопоставленія между собою отдѣльныхъ выдержекъ. Число же послѣднихъ объясняется желаніемъ представить (почти за цѣлое столѣтіе) наиболѣе характерные образцы употребленія какъ словъ „закупить-запродать“, такъ и всѣхъ производныхъ отъ нихъ.

[43]) „Заставное“ владѣніе, т. е. владѣніе (и пользованіе) недвижимымъ имуществомъ по закладной, хотя и не исключало для собственника, или залогодателя, права выкупить свое имущество изъ владѣнія залогодержателя во всякое время (право выкупа въ указ. время не ограничивалось никакою давностью), могло, однако, продолжаться

справедливость приведеннаго заявленія отвѣтчика относительно бортной земли, но категорически отрицали основательность этого заявленія по отношенію къ сѣножати: „*маеть* онъ землю бортную *въ заставе*, лечъ ку сеножате не маеть ничего...“ (Акт. Вил. Ком., т. XVII, № 35).

5. Въ другомъ судебномъ актѣ отъ того же 1539 г. читаемъ: „Жаловалъ передъ нами бояринъ господарьский Петко Рымтовтовичъ на Миколая а Петра Богдановичовъ тымъ обычаемъ: *закупиломъ* я поле у отца ихъ небожчика Богдана за 70 грошей и ямъ тое поле во въпокою держалъ ажь и до сихъ часовъ и эни тыми разы отъ мене тое поле отняли, а мнѣ *пьнязей моихъ не заплатили*. И они (отвѣтчики) передъ мною (судьею) очевисто стоячи ку тому *закупу* ся не знали, и онъ (истецъ) шапку до людей поставилъ....“ (ibid., № 90).

6. Въ томъ же 1539 г. нѣкая мѣщанка жаловалась на братьевъ Петричичей „тымъ обычаемъ: *закупила* есми у нихъ *поле у копъ грошей*, то пакъ они, пенязей моихъ не отдавши, тое поле у меня отняли“. Отвѣтчики, на эту жалобу „отпоръ чинечи, поведили: правда, ижъ *позычили есмо* у нее *копу грошей* и *въ тыхъ пенязехъ ей поле заставили* безъ службы и подачокъ; ино вже она *тое поле* давно держить, а такъ *могло бы ся у нее выробити*...“ [44]). Судъ, однако, присудилъ взыскать съ отвѣтчиковъ „тую копу грошей“ (ibid., № 113).

и обыкновенно продолжалось такъ долго (см., напр., А. В. К., XVII, №№ 350 и 853, изъ которыхъ видно, что заставное владѣніе тянулось 40 и свыше лѣтъ), что нерѣдко переходило къ наслѣдникамъ залогодержателя по закону или завѣщанію. Поэтому, особенно въ крестьянскомъ быту, „закупная“ или „заставная“ земля нерѣдко называется дѣдовщиной, дядковщиной (А. В. К., XVII, № 251) и т. п. и подвергается даже раздѣлу между наслѣдниками залогодержателя (ibid., № 48), не переходя, однако, въ собственность этого послѣдняго и его правопреемниковъ (ibid., № 869 и др.). Болѣе интеллигентныя лица, лица высшихъ классовъ, выражались и писали обыкновенно болѣе точно, какъ это видно, напр., изъ приведенной въ текстѣ цитаты (за № 9) изъ завѣщанія зем. Ив. Миленькаго.

[44]) Въ послѣднихъ словахъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ актахъ (см. здѣсь же, ниже), заключается весьма любопытное указаніе, что по обывательскому, такъ сказать, мнѣнію заложенное недвижимое имущество можетъ „выробитися“, т. е. выработаться изъ лежащаго на немъ долга, такъ же, какъ и закупъ, или закупный человѣкъ—отслужиться, или отработать свой долгъ. Другими словами, существовало убѣжденіе, что долгъ, обезпеченный залогомъ недвижимаго имущества, какъ и долгъ, обезпеченный закладомъ личности должника, можетъ и долженъ постепенно погашаться путемъ ежегодныхъ „выпустовъ“ или „выпусковъ“, т. е. зачетовъ въ пользу должника извѣстной суммы денегъ, извѣстной части капитальнаго долга, опредѣлявшейся для закупа-человѣка количествомъ заработной платы, а для „закупного“ недвижимаго имущества количествомъ, по всей вѣроятности, арендной платы. Мнѣніе это, поскольку оно касалось земли, не раздѣлялось, однако, по крайней мѣрѣ въ XVI в., ни законодательствомъ, ни судебной практикой. Иначе стояло дѣло съ

7. Въ Гродненскомъ же судѣ въ томъ же 1539 г. разсматривалось дѣло между великокняжескимъ „солеником“ Жукомъ Петровичемъ и великокняж. бояриномъ Миколаемъ Ходоровичемъ „*о двѣ поли*, которые тотъ Миколай ему *у двухъ копахъ грошей заставилъ* и не отдавши пенязей тые поля въ него отнялъ, а передо мною (судьею) ся *ку запроданью* тыхъ поль не зналъ“. Послѣ допроса свидѣтелей, показавшихъ, что отвѣтчикъ раньше „призналъ, ижъ тому Жукови *двѣ копе грошей виненъ зосталъ и въ тыхъ пенязехъ ему два поля свои запродалъ*“, судья постановилъ: „росказалъ есми Жукови зася тое *поле у пенязехъ своихъ держати* до того часу, поки ему Миколай пѣнязи его отложитъ“ (ibid., № 294).

8. Въ 1539 г. въ Гродненскомъ судѣ господарскій человѣкъ Янко Нарбутовичъ обвинялъ свою тетку Кахну въ томъ, что она „по смерти отца нашого вси статки наши и тежъ листы батька нашого на *поля закупные*, не вѣмъ для чого, побрала собѣ, а намъ ихъ отдати не хочетъ“. Обвиняемая лично возражала на судѣ слѣд.: „ямъ ихъ отцовскихъ статковъ не брала и къ тому ся не знамъ, нижли тотъ Янко зъ рахунку осталъ ми виненъ 70 грошей и въ тыхъ пенязехъ онъ зъ братьею своею дали ми листъ отца своего а брата моего небожчика на *поле закупное*, а отецъ тежъ ихъ, братъ мой, *въ закупехъ* тое поле *мѣлъ*, за которымъ я листомъ и теперь тое поле держу...“ (ibid., № 13).

9. Въ завѣщаніи земянина Гродненскаго повѣта Ив. Миленькаго (отъ 1556 г.) имѣется слѣд. любопытное мѣсто: „А што есми у Косяновщинѣ *поля закупилъ у восмидесятъ грошахъ* и у Трокиня также у *восьмидесяти грошахъ поле закупилъ*, на то и листы есть, *тые пенези* дочкамъ моимъ—дѣвкамъ на сукни (т. е. на платья или костюмы)“ (ibid., № 987).

10. Въ 1570 г. земянинъ повѣта Слонимскаго Янъ Милевскій, явившись въ судъ, заявилъ: „*закупилъ* у шурина своего п. Яна Балтромеевича Талька *три поля... у шести копахъ грошей*“; при этомъ Милевскій предъявилъ, какъ значится въ судебной записи, на свою „*закуплю* и листъ небожчика п. Яна Балтромеевича“, который начинал-

„выпустомъ“ или „выпускомъ“ въ пользу закупныхъ людей, но объ этомъ подробнѣе ниже.—Указаніе, подобное имѣющемуся въ актѣ, приведенномъ въ текстѣ, находимъ еще въ А. В. Ком., XVII, № 77 (залогодатели на судѣ по дѣлу о заложенной сѣножати, признавая долгъ, обезпеченный означ. сѣножатью, заявляли: „знамыся къ тому, ижъ есмо ему тую сеножать заставили (въ 40 грош.), нижли мѣлъ быти съ тыхъ пенязей *выпустъ* за тую сеножать, а онъ выпуску не чинить, а сеножать колько лѣтъ коситъ“; на это залогодержатель возражалъ: „ижъ *выпусту* жадного не вымовляно“, и сослался на „*листъ закупный*“) и № 119 („онъ—т. е. залогодержатель—такъ долго тое поле и сеножать держить, а *выпусту* съ тыхъ пенязей не чинить“).

ся слѣд. словами: „Я, Янъ Балтромеевичъ Талько.... *позычилъ* и взялъ есми власными руками своими *шесть копъ грошей...* у п. Яна Милевского и въ малжонки его п. Алены Бортломеевны, въ которыхъ грошахъ *заставилъ есми имъ три поля...*“ (ibid., т. XXII, № 634).

Я бы могъ, если бы не боялся утомить читателя, удвоить и даже утроить число приведенныхъ выдержекъ изъ актовъ, но полагаю, что и тѣхъ, которыя сейчасъ представлены, вполнѣ достаточно, чтобы прійти къ нижеслѣдующимъ несомнѣннымъ выводамъ: 1) глаголъ „закупить“ означалъ не купить или арендовать что-либо [45]), а нѣчто совершенно другое, а именно—онъ вполнѣ тождественъ съ выраженіемъ „взять въ заставу“, т. е. въ залогъ; сообразно съ этимъ, глаголъ „запродать“ (отъ него—существит. „запроданье“) означалъ то же, что̀ и „заставить“, т. е. отдать въ залогъ, въ закладъ въ обезпеченіе долга; 2) существительное „закупъ“ (или рѣже встрѣчающееся—„закупля“) вполнѣ соотвѣтствуетъ „заставѣ“, т. е. по-нашему—залогу, закладу; поэтому и прилагательное „закупный“ означало „взятый въ заставу“, т. е. въ залогъ или въ закладъ, и 3) выраженія: „быть въ пенязехъ“, „держать у пенязехъ“, означали то же самое, что̀ и выраженія: „быть въ закупѣ“, „мѣть (имѣть) въ закупехъ“, „мѣть (имѣть) въ заставѣ“, т. е. быть, держать или имѣть въ залогѣ, въ закладѣ.

Хотя все это, какъ вытекающее непосредственно изъ приведенныхъ нами документовъ, является совершенно очевиднымъ и безспорнымъ, а потому едва ли нуждается въ новыхъ доказательствахъ, считаемъ не лишнимъ, однако, сослаться еще и на Литовскій Статутъ, гдѣ вышеозначенныя слова и выраженія употребляются рѣшительно съ

---

[45]) Глаголы „купить“ и „продать“ въ обычномъ смыслѣ—пріобрѣсти что-либо въ собственность и совершить полное отчужденіе даннаго имущества, употреблялись обыкновенно съ прибавкой словъ: *вѣчно* (Акт., изд. Леонтовичемъ, №№ 185, 312), *на вѣчность* (Лит. Стат. 1529 г., I, 15, 16; XI, 6; Акт. Вил. Ком. XVII, №№ 114, 618), *сбель* (Ак. Леонт., 401, 454; Ак. В. К., XVII, 66, 214) и еще чаще—*обель-вѣчно* (Ак. Леонт., 228, 312, 337, 340, 347, 353, 441, 531, 534, 603, 680; Ак. В. К., XVII, 80, 83, 114, 158, 166, 222, 551).—Для выраженія же понятія—отдать к.-л. недвижимость въ наемъ, въ аренду, употреблялся глаголъ „нанять“, „наймати“, „наймовать“ (см. ссылки въ концѣ примѣч. 36-го). Терминомъ „наемъ“ означался не только соотвѣтств. договоръ (см., напр., Ак. В. К. XVII, №№ 901, 910), но и наемная или арендная плата (Ак. В. К., XVII, № 652: „за домъ есмо *найму* взяли полторы копы грошей“; № 901: „взялъ дей у него *найму* отъ того поля двадцеть грошей“; № 930: „съ той сеножати мне *найму* не даетъ“). При заключеніи арендиаго договора арендаторъ, или наемщикъ, нерѣдко уплачиваетъ задатокъ: „правда дей есть, ижъ *нанялъ есми* былъ ему *сеножать* (за 6 грошей) и *задатку* въ него *взялъ* полторы гроша“ (Акт. В. К., XVII, № 383).

тѣмъ же значеніемъ и въ томъ же смыслѣ, какъ и въ приведенныхъ выше выдержкахъ изъ различныхъ актовъ [46]).

Какъ ни важно, однако, само по себѣ и для нашихъ цѣлей опредѣленіе точнаго значенія словъ: „закупить", „запродать", „закупъ", „закупный" и т. п., когда они употреблялись по отношенію къ землямъ и вообще къ недвижимымъ имуществамъ, но для насъ еще важнѣе установить, примѣнялись ли эти термины къ людямъ, а если да, то въ какомъ именно смыслѣ.

И относительно этого въ западно-русскихъ актахъ сохранилось множество цѣнныхъ указаній, изъ которыхъ мы вынуждены, въ интересахъ экономіи мѣста, ограничиться лишь нѣсколькими. Надѣемся, что читатель не посѣтуетъ на насъ за сравнительно обильныя выписки изъ памятниковъ, такъ какъ приведенныя ниже документальныя данныя [47]) не только вполнѣ уяснятъ значеніе вышеупомянутыхъ терминовъ въ приложеніи ихъ къ людямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и истинную юридическую природу закупничества, но и знакомятъ также, и притомъ непосредственно, со многими интересными подробностями даннаго института.

I. Въ завѣщаніи, составленномъ п. Станиславомъ Кондратовичемъ въ пользу своей жены Марины и представленномъ въ 1506 г. королю Александру на утвержденіе, значилось, между прочимъ, что завѣщатель „записалъ ей дву человѣковъ своихъ купленыхъ вѣчно и непорушно и всю челядь свою невольную купленую; а особно записалъ ей на вѣки отчинную свою дѣвку, на имя Магдыцу; а што въ него заставлены были люди, и земли, и нивы, и сѣножати, то ей же отписалъ тымъ обычаемъ: естли хто ближнихъ всхочетъ тое къ своей руцѣ мѣти, тотъ маетъ тые пенязи ей отдати, *въ чемъ* мужу ее *были тые люди, и земли, и нивы, и сѣножати заставлены*". Подтверждая это завѣщаніе, король Александръ вписываетъ въ свою жалованную грамоту слѣд.: „А што ся тычетъ *закупныхъ людей, земль, и нивъ, и сѣножатей*, за то она ма-

[46]) Лит. Статутъ 1529 г., р. XI, арт. 6; Л. Статутъ 1566 г., р. I, арт. 10 (слово „купить" противополагается слову „закупить", „продать"—„запродать"); Л. Стат 1529 г., X, 8, 9, 11; Л. Ст. 1566 г., II, 4, VII, 17, 18, 21 („запродать" отожествляется съ „заставить", „закупить"—съ „взять въ заставу"); Л. Ст. 1529 г., II, 3, V, 6, 11, X, 2, 5; Л. Ст. 1566 г., VII, 12, 15, 19 („имѣнье закупное у которой сумѣ держать"; „имѣнье закупное"=„имѣнье должное", т. е. такое, на которомъ лежитъ долгъ; „заставнымъ обычаемъ закупить"; „имѣніе въ пенезехъ заставнымъ обычаемъ держать"; „речь которую (какую-либо) у пенезехъ заставить"; „заставить имѣнье, або люди въ которой сумѣ пенезей") и т. д.

[47]) Нѣкоторыя изъ нихъ взяты непосредственно изъ Литовской Метрики и появляются въ печати впервые.

етъ пенязи взяти, если хто ближнихъ всхотятъ тые пенези отложити. А тыхъ дву человѣковъ и челядь невольную, куплю мужа своего, и дѣвку Магдыцу маетъ она держати вѣчно" (Акты, изд. Леонтовичемъ, № 768).

II. Въ 1510 г. на маршалковскомъ судѣ въ Вильнѣ разбиралось слѣд. дѣло: „Што *заставилъ* Якуб Самодурович, боярин господарьский, *человека* своего на имя Петра Висилевича п. Яну Техоновскому *в тридцати золотых без золотого*, ино докол Якуб за того человека тыи золотыи отдасть, до тых часов дал бы человеку тому во всем впокой,— ни в чем бы его не рушал, под виною господарьскою под тридцатми рубли грошей; а што клячу в того человека пограбил был, ино што тая кляча гинула шесть недель, а службы не было, и мы (казали) навязати на клячу полкопы грошей..." (Лит. Метр., кн. Судн. дѣлъ № 1, л. 9).

III. Въ 1528 г. господарскій конюхъ Совьевичъ жаловался на судѣ на п. Юхна Громыку: „лихое хвили *заставил* есми ему *дочку свою в копъ грошей*; ино я ему пенязей от пять год даю, а он пенезей не берет, а дочки моее мнѣ не ворочает". Отвѣтчикъ п. Громыка, возражая на жалобу, заявилъ: „продал он (Совьевичъ) мнѣ девку тую за неволную, а такъ я дѣвку тую в неволю продал обель, як обель купилъ", и сослался при этомъ на „вызнаный листъ" Совьевича (Лит. Метр., кн. Судн. д. № 6, л. 26).

IV. Въ 1537 г. въ Витебскомъ замковомъ судѣ нѣкій „паробокъ господарскій" жаловался на мѣщанина Виньника: „*запродалъ* былъ есми ему *дочъку свою у двадцати грошах,* на имя Неделку; а такъ онъ тую дочъку мою у себе держачи зкгвалътовалъ (т. е. изнасиловалъ), венъца ее збавилъ, якож тая дочъка моя скоро после оного зкгвалътованья тотъ кгвалтъ оповедила войтовой свислоцъкой Урбановой и инъшымъ жонамъ". Обвиняемый возражалъ: „правъда естъ, ижъ тая Неделка, дочъка его, *была у мене у закупех у двадцати грошох* и вкрала у мене деветь копъ грошей и втекла прочъ; а такъ, хотячи отъ того права быти, тую потвар на мене зложила, а я ей жадного кгвалъту не чинилъ, и ни знаю, а ни ведаю, бо маю жону и дети и семъю" (ibid., кн. Судн. д. № 9, л. 20 об.).

V. Въ 1539 г. тамъ же нѣкая „жонка" Акулина жаловалась на витебскаго мѣщанина Васка Куровижа: „штож дей есми *зостала виновата копою грошей ему и не мела есми чимъ платити и я в той копе грошей дала есми ему сынъка своего*, детину малого Дементейца, жебы ему служилъ за тую копу грошей до полътретядцати (25-ти) летъ, або до тыхъ часовъ, поколя тую копу грошей ему заплатимъ; ино я тепер тую копу грошей за тое дитя свое ему отъдаю, нижли онъ ее брати

а сына моего отъпустити не хочеть". На эту жалобу отвѣтчикъ представилъ слѣд. возраженіе: „правда естъ, иж *тая Акулина тую детинъку* малого пяти летъ *мне в той копе грошей* широкихъ *заставила* до тыхъ часовъ, *поколя бы мне тыи пенези были заплачоны* и прокормъ; *а еслибъ тыхъ пенезей мне не заплатила, тогъды тая детина мела мне служити* (до) *полътретядцать год и за тую копу грошей и за прокормъ*". Представляя въ подтвержденіе сказаннаго „листъ вызнаный тое жонъки Акулины", отвѣтчикъ далѣе пояснилъ: „тая детина была въ мене семъ летъ, службы жадное с него не было, только есмо кормили, яко детину малого; ино она копу грошей мне отъдаеть, а прокорму платити не хочеть".—Судъ, полагая, что „съ того детины служба никоторая не могъла быти, бо ещо малъ, еноже только хлебъ елъ", рѣшилъ: „казали есмо той Акулине, жебы тую копу широкихъ грошей ему заплатила, а за прокормъ 20 грошей широкихъ; а если не хочеть 20 грошей за прокормъ платити, тогъды тотъ детина ещо два годы тому Васку за прокормъ маеть служити, а копу грошей предся широкихъ маеть ему отъдати" (ibid., кн. Судн. д. № 9, л. 93 об.—94).

VI. Въ 1539 г. въ Гродненскомъ судѣ зем. Б. Гынца жаловался на мѣщанина Пищиковича: „*заставилъ есми* ему *двое челяди* своей *у полъчетверты* (т. е. 3½) *копы грошей* и вжо есть тому *лѣтъ о пятьнадцать,* то пакъ я не вѣмъ, въ которую причину *тая челядь* моя такъ долго ему *служитъ, а выробитися въ него не можетъ*". Отвѣтчикъ возразилъ: „тая челядь первей ув Олтуха была, потомъ онъ *тую челядь мнѣ обель вечно продалъ, а не запродалъ,* на штожъ и листъ купчий... въ себе мамъ", и въ доказательство справедливости своего возраженія представилъ означенный листъ суду (Акт. В. К., XVII, № 80).

VII. Въ томъ же 1539 г. и въ томъ же судѣ нѣкая „жонка Васица" жаловалась на мѣстнаго мѣщанина Р. Кудаевича: „*запродала есми ему тую дочку мою* Маланку *въ полукопью грошей,* вже тому есть семь або осмъ лѣтъ, то пакъ онъ теперъ тую дочку мою въ неволю вернеть, не вѣмъ для которой причины". Возражая на эту жалобу, отвѣтчикъ заявилъ: „правда есть, ижъ она мнѣ тую *дочку* свою *не заставила, але обель продала* за копу грошей, а не за полкопы грошей", и сослался на „купчій листъ", въ которомъ дѣйствительно значилось, „ижъ тая Васица *продала дочку* свою Маланку *обель-вѣчне* Роману Кудаевичу за копу грошей".—Истица, однако, продолжала твердить на судѣ: „я есми *не продавала обель дочки* своей, алемъ *заставила ему въ полукопью грошей,* а не въ копѣ".—Свидѣтель, бывшій при сдѣлкѣ и допрошенный на судѣ, въ свою очередь, показалъ: „ижъ есми при томъ былъ, якъ Романъ тую *девъку купилъ,—въ полукопью грошей* отъ Бель-

чиное *выкупилъ,* полкопы грошей готовыхъ Васицѣ далъ“ [48]).—Судья, исходя изъ того положенія, что „не есть речь годная, абы матка мѣла дочку, або отецъ сына *въ неволю вечную продавати, хиба можетъ запродати*“, распорядился уничтожить „купчій листъ“ и приказалъ Васицѣ уплатить Р. Кудаевичу копу грошей, а этому послѣднему возвратить матери ея дочь (ibid., № 66).

VIII. Въ судебныхъ книгахъ Гродненскаго замка имѣется слѣд. запись отъ 1539 г.: „Я, Янъ Внучко, смотрелъ есми того дѣла. Жаловалъ передо мною Богданъ Игудичъ, жидъ Городенский, на Гапона Понарчица тымъ обычаемъ: *запродали* они были *зятя своего,* на имя Матея, изъ жоною его Ориною *у рубли грошей* личбы и монеты литовское п. Павлу Внучку, якожь п. Павелъ того Матея у себе державши до году и ему выпуску съ того рубля выпустилъ 20 грошей; и потомъ п. Павелъ того *закупа* мнѣ перевелъ за осмьдесятъ грошей и у мене служилъ годъ сполна... и я ему выпуску выпустилъ 20 и 6 грошей, и онъ, мнѣ только одинъ годъ служивши за тотъ мой выпускъ, отъ мене отыйшолъ прочь и такъ долго мнѣ пенязей моихъ остатка 54 грошей не заплатилъ; на штожъ и *листъ закупный* того Гапона передо мною покладалъ“. Такъ какъ правильность требованія истца не опровергалась отвѣтчикомъ, то судья постановилъ взыскать съ него въ пользу жида Игудича 54 гроша и еще 4 гроша судебныхъ издержекъ (ibid., № 144).

IX. Въ томъ же 1539 г. господарскіе гродненскіе татары братья Миськовичи, заявивъ на судѣ слѣд. жалобу: „мужики наши непохожие, койминцы [49]), *купленые,* на имя Янушко а Стесель Миколаевичи, тыхъ часовъ ночнымъ обычаемъ отъ насъ прочь пошли изъ статками своими и мѣшкають теперь у рудниковъ господарьскихъ“, просили, чтобы судья далъ имъ вижа для привлеченія бѣжавшихъ къ судебной отвѣтственности.—Отвѣтчики, привлеченные къ суду, заявили: „мы есмо люди господарьские похожие, а не есть есмо жадные ихъ невольницы“. Но истцы представили на это слѣдующее возраженіе: „отецъ нашъ небожчикъ

[48]) Отсюда видно, что Маланка была раньше въ залогѣ у п. Бельчиной въ суммѣ 30 грошей (½ копы гр.); покупая означенную Маланку у ея матери въ вѣчную неволю за 1 копу грошей, Р. Кудаевичъ перевелъ на себя (и вслѣдъ затѣмъ погасилъ его) долгъ Васицы (т. е. ту полкопы грошей, въ которой была заложена Маланка) и уплатилъ наличными продавщицѣ остальные 30 (½ копы) грошей.

[49]) Что такое „койминцы“, это отчасти разъясняется текстомъ настоящей выдержки изъ документа. Болѣе подробныя свѣдѣнія о нихъ см. у *М. Ф. Владимірскаго-Буданова:* Крестьянское землевладѣніе въ Зап. Россіи, К., 1892, стр. 22—23, и у *И. А. Линниченка:* Черты изъ исторіи Галицкой Руси, М. 1894, стр. 98—99.

(т. е. покойникъ) — князь Мисько, *закупилъ матку* тыхъ людей *и трехъ* дочокъ ее, *сестръ тыхъ людей, у двухъ копахъ грошей* у хоружого высокодворского у Миколая Хведевича, которые уже въ насъ *выробилися;* а тыхъ двухъ—Янушка и Стеселя Миколаевичовъ, тотъ же хоружий *продалъ* ихъ отцу нашому за 2 копѣ грошей не за паробковъ, але за койминцовъ, ижь мѣли не у дворѣ у насъ мѣшкати, але у домехъ своихъ подъ нами, якожь и мешкали служачи намъ тымъ обычаемъ". При этомъ истцы предъявили и „листъ купчій", въ которомъ значилось, что мать и сестры отвѣтчиковъ были заложены впредь до отработка суммы займа, а сами отвѣтчики „*проданы на вѣчность* за 2 копѣ грошей".—Судъ, допросивъ свидѣтелей сдѣлки, постановилъ, чтобы отвѣтчики истцамъ „служили и подъ ними у домѣхъ своихъ мѣшкали сами изъ статками своими постарому; а естли бы ся имъ кривда въ чомъ видѣла, и они ся нехай зъ ними правомъ объходятъ, а украдкомъ отъ нихъ не отходятъ" (ibid., № 249).

X. Бурмистръ гродненскій Р. Кудаевичъ принесъ въ 1539 г. слѣд. жалобу на господарскаго крестьянина Андрея Семениковича: „*позычилъ онъ у мене* черезъ руки Гриня Савчича а брата своего Паца 70 грошей, а потомъ у меня самъ 10 грошей позычилъ и *въ тыхъ пенезехъ почалъ ми* былъ самъ *служити,* а потомъ *ми сына своего въ тыхъ пенязехъ подалъ;* и ямъ того сына его зъ животиною при иншихъ товарышохъ до Немецъ послалъ, и онъ, не доходячи до того мѣстца, гдѣмъ я его послалъ, утекъ отъ тое животины и отъ товарышовъ прочь, а теперь пѣнязи мои за нимъ гинутъ".—Отвѣтчикъ на это возражалъ: „правда, ижемъ я пану Роману 80 грошей виненъ зосталъ и въ тыхъ пензехъ есми ему сына своего подалъ, але онъ сына моего не мѣлъ до Прусъ посылати, только мелъ у него въ дому служити и животину пастивити".—Судья постановилъ взыскать съ отвѣтчика 80 грошей, предоставивъ ему вмѣсто уплаты денегъ истцу отработать свой долгъ лично или побудить къ тому убѣжавшаго сына (ibid., № 311).

XI. Въ 1540 г. мѣщанка Петровая Марья заявила въ Гродненскомъ судѣ слѣд. жалобу на господарскаго крестьянина Матея Чоботаря, поручившагося за своего отца-закупа: „отецъ его Гринъ *запродался* мнѣ, посполъ за мужомъ моимъ, *въ сороку грошахъ,* ижъ мелъ ми служити отъ Вербное недели прошлое сего року ажъ до тогожъ року до Вербное недели, а *выпусту* ему 24 гроши...; то пакъ дей тотъ Гринъ пошолъ прочь безъ ведома, року не дослуживши, и вжо 20 недель, якъ не служить" (ibid., № 376).

XII. Въ томъ же 1540 г. въ судебныя книги Гродненскаго замка была занесена слѣд. запись: „Жаловалъ мне жидъ Городенский Ог-

ронъ Игудичъ на *закупа* своего Андрейца и на сына его Юрца, штожъ дей они въ мене *въ закупе у двухъ копахъ грошей* и, не заслуживши дей мне тыхъ пенезей, отишли отъ мене оба-два прочь. И просилъ мя Огронъ Игудичъ вижа, съ которимъ хотелъ тыхъ *закуповъ* своихъ знаходити. И понаместнѣкъ мой Щасный далъ ему вижомъ слугу своего Петюка; гдежъ тотъ Петюкъ вижъ того *закупъня* его знашолъ изъ сыномъ его, ино дей сынъ боярина господарьского Глебка... сына того Юрца у вижа отнялъ" (ibid., № 564).

XIII. Тогда же и тамъ же бояринъ господарскій Олизаръ Григорьевичъ жаловался „на *закупа* своего, на имя Матейца Тишевича": „штожъ дей будучи въ мене *въ закупе* у 70 грошей, втратилъ ми саблю и ножъ ческий, и железа жорновыи, и секачъ и секирку немецкую, а кожухъ, а 5 грошей готовыми пенезми безъ 3 пенезей и другий кожухъ и сермягу, а службы ми умешкалъ и не служилъ, отходячи отъ мене прочъ, 6 недель и 4 дни" (ibid., № 664).

XIV. Въ 1541 г. господарскій бояринъ Миско Толочковичъ жаловался въ Гродненскомъ судѣ на господарскую крестьянку Оршулю Бѣлевну: „матка ее Осопка Белевая *заставила была ее* мне *у 80 грошей,* ино дей *она не оддавши и не заслуживши мне тыхъ пенезей*, шкоды мне поделавши, втикла отъ мене прочъ, и вжо дей тому девятый годъ, яко ся она крыетъ". Отвѣтчица сдѣлала на судѣ слѣд. неожиданное возраженіе: „ижъ дей якъ *я въ него въ заставе не была,* такъ дей и не знаю его, и имена наши не такъ, какъ онъ поведаетъ, але дей батька моего звано Якубомъ, а матку мою звано Кахною, а мене дей зовутъ Касютою". Такъ какъ въ дальнѣйшемъ и судья и истецъ убѣдились, что произошла ошибка относительно личности отвѣтчицы, то дѣло было прекращено (ibid., № 877).

XV. Въ дарственной записи нѣкоего Войтеха Хрыщановича отъ 19 ноября 1563 г. между проч. значится слѣд.: „што которые земли пустовскіе купилъ есми былъ посполъ зъ жоною моею Зофіею Мацковною у земянъ господарскихъ... а *чоловѣкъ закупный* Янъ Войжкгѣнисъ изъ землею, на которой онъ седить, увъ осми копахъ грошей...,—тые вси земли вышейпомененые, купленые у тыхъ земянъ вышейописаныхъ, и *чоловѣка заставного* вышейописаного дароваломъ тыми землями куплеными вѣчными часы, а *чоловѣка изъ землею до отданья сумы пенезей* пасынковъ своихъ Яна, Миколая, Мартина Яновичовъ..." (Археогр. Сборн. докум. Сѣверо-зап. Руси, т. III, № 18).

Приведенныя нами выдержки изъ памятниковъ съ полной очевидностью показываютъ, что интересующіе насъ термины: „закупить", „запродать", „заставить", „быть въ заставѣ", „быть въ закупѣ", „быть

(дать) въ пенязехъ", „закупъ", закупный", употреблялись и по отношенію къ людямъ рѣшительно въ томъ же смыслѣ, какъ и по отношенію къ землямъ. Другими словами, изъ приведенныхъ свидѣтельствъ документовъ вполнѣ явствуетъ, что заемъ обезпечивался не только залогомъ недвижимости, но также, если не было иного имущественнаго обезпеченія, закладомъ личности самого должника или подвластныхъ ему лицъ.

Отсюда же, изъ тѣхъ же документальныхъ данныхъ, слѣдуетъ, что человѣкъ, обезпечивающій своею личностью сдѣланный заемъ, отдавшій себя самого въ закладъ своему кредитору или отданный ему съ тою же цѣлью другимъ, имѣющимъ на то соотвѣтственную власть (власть родительскую, власть господина), впредь до погашенія долга своею работою (или въ нѣкоторыхъ случаяхъ впредь до возвращенія его наличными деньгами),—это и есть *закупъ* или *закупень, закупный человѣкъ* (терминъ, извѣстный и Р. Правдѣ), *заставной человѣкъ* или, наконецъ, что́ одно и то же, *человѣкъ въ (у) пенязехъ*[50]).

[50]) Послѣднее замѣчаніе, а именно, что „человѣкъ въ пенязехъ" и „закупъ"—понятія тождественныя, вытекаетъ какъ изъ приведенныхъ нами документальныхъ данныхъ о людяхъ-закупахъ, такъ и полной (въ отношеніи терминологіи) аналогіи этихъ данныхъ съ сообщенными выше свидѣтельствами памятниковъ о закупленной, заставленной или заложенной землѣ. Въ виду, однако, высказаннаго въ литературѣ (г. Любавскимъ, см. объ этомъ выше, примѣч. 32), и притомъ въ весьма категорической формѣ, взгляда, который совершенно противоположенъ нашему, хотя и основанъ также якобы на документальныхъ данныхъ, мы вынуждены, не ограничиваясь приведенными выше выдержками изъ памятниковъ, представить еще два-три свидѣтельства памятниковъ, въ твердой надеждѣ, что они устранятъ всякое сомнѣніе по данному вопросу. Прежде всего укажемъ на рядъ артикуловъ въ Л. Статутѣ 1529 г. (р. X, арт. 11, 12; XI, 6; послѣдній изъ артик. приведенъ нами ниже въ текстѣ), изъ которыхъ видно, что выраженія: „заставить люди въ которой суме пенезей", „закупить люди", „закупить въ пенезехъ" кого-либо—совершенно тождественны. Но еще очевиднѣе свидѣтельствуетъ въ пользу нашего заключенія о тождественности понятій „закупъ" и „человѣкъ въ пенязехъ" нижеслѣд. выдержка изъ одного судебнаго акта 1557 г. Изъ этого акта видно, что господарскій бояринъ Б. Чешейковичъ принесъ „судьямъ повѣта Городенского" жалобу на мать свою Марину Жуковну, вышедшую вторично замужъ, и въ этой жалобѣ заявлялъ, между проч., слѣд.: „што дей именье (оставшееся послѣ отца жалобщика) она знищила и зубожила и всю маетность отца моего, которая была въ томъ именью моемъ, до именья мужа своего, а иншое до приятелей своихъ выводила и челедь невольную, паробковъ, которые за дворомъ домами мешкали, такъ дей *закуповъ, которие въ пенезяхъ были,* прочъ зогнала" (Акт. Вил. Ком., XXI, № 328).

На чемъ же основано категорическое утвержденіе проф. Любавскаго, что „закупы" и „люди въ пензѣхъ"—вовсе не одно и то же? Утвержденіе это основано на актѣ (отъ 1524 г.) мѣны (точнѣе, королевскаго подтвержденія мѣны) имѣніями между

Справедливость этого вывода подтверждается не только приведенными судебными актами, но и памятниками законодательства. Такъ, въ XI раздѣлѣ старѣйшей редакціи Литовскаго Статута (1529 г.) имѣется два артикула (6 и 8-й), посвященныхъ спеціально закупамъ.

подскарбіемъ Иваномъ Андреевичемъ и дворяниномъ Ленькомъ Сасинымъ, изъ котораго г. Любавскій приводитъ лишь двѣ небольшія выдержки. Въ актѣ этомъ (Лит. Метр., кн. Записей № 12, л. 184—185) говорится, что п. подскарбій уступилъ Сасину имѣніе свое Гнойницу со всѣми землями и угодьями, а также съ „прикуплеными земълями и закупъными" (объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ г. Любавскій не упоминаетъ и на него не обращаетъ вниманія), при чемъ сохранилъ за собою право вывести изъ даннаго имѣнія „*челядь невольную, и закуповъ, и наймитовъ*", а равно „дву боярыновъ"; примѣрно 10 строками ниже, въ документѣ имѣется такой пунктъ: „а которыи люди прыхожии в томъ именьи были за п. Иваном у пенязех, тыи люди мають Леньку служыти; а который бы человекъ не хотел ему служыти и онъ маеть Ленку пенязи отъложыти подле запису своего и отъ него доброволне поити прочъ, а земъли ихъ маеть Ленъко держати". Отсюда г. Любавскій безъ дальнѣйшихъ разсужденій дѣлаетъ выводъ: „Люди въ пенязѣхъ, слѣдовательно, не были закупы" (Обл. дѣл. и мѣстн. упр. Л.-Р. госуд., стр. 394). Выводъ во всякомъ случаѣ крайне поспѣшный и почти ничѣмъ не аргументированный. Въ самомъ дѣлѣ, откуда съ несомнѣнностью вытекаетъ, что въ данномъ актѣ „закупы" и „люди въ пенязехъ" противополагаются одни другимъ; откуда слѣдуетъ, что оба термина не употреблены и здѣсь, какъ это наблюдается въ другихъ случаяхъ, совершенно безразлично—одинъ вмѣсто другого? Почему не предположить (и это́, на нашъ взглядъ, самое правдоподобное и вмѣстѣ съ тѣмъ самое бо́льшее, что̀ можно предположить), что составители акта мѣны своимъ означеннымъ словоупотребленіемъ хотѣли лишь отмѣтить, во избѣжаніе будущихъ недоразумѣній, двѣ группы закупныхъ людей: 1) тѣхъ, которые жили и служили п. подскарбію въ усадьбѣ имѣнія и которыхъ прежній владѣлецъ Гнойницы могъ увести съ собою, и 2) тѣхъ (изъ числа такъ наз. перехожихъ крестьянъ), которые занимались обработкою земли на данныхъ имъ участкахъ и которые, впредь до уплаты своего долга, должны были оставаться въ имѣніи и нести службу въ пользу новаго владѣльца его. Возможно, наконецъ, предположить и то, что „людьми въ пенязехъ" названы въ данномъ актѣ закупы, поселившіеся на упомянутыхъ въ немъ „закупныхъ земляхъ", т. е. земляхъ, находившихся въ залогѣ у прежняго владѣльца и перешедшихъ, согласно договору мѣны, къ новому владѣльцу совмѣстно съ собственнымъ имѣніемъ п. подскарбія. Такъ или иначе, но означенное заключеніе г. Любавскаго, слишкомъ поспѣшное и мало обоснованное, совершенно противорѣчитъ цѣлому ряду вполнѣ опредѣленныхъ и не оставляющихъ никакихъ сомнѣній актовыхъ данныхъ.—Чтобы не возвращаться вновь къ мнѣніямъ г. Любавскаго по интересующимъ насъ въ данной статьѣ вопросамъ, сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Если упомянутый выше документъ, на который ссылается г. Любавскій въ подтвержденіе своей мысли о нетождественности „закуповъ" и „людей въ пенязехъ", не даетъ, какъ мы видѣли, никакихъ опредѣленныхъ и безспорныхъ данныхъ для этого, то зато онъ чрезвычайно важенъ въ другомъ отношеніи, которое, однако, совершенно игнорировалъ названный изслѣдователь: въ этомъ актѣ (см. выше выдержку изъ него, набранную курсивомъ) содержится весьма ясное указаніе, что „закупы" и

Чтобы не оставалось у читателя никакого сомнѣнія относительно того, что́ именно разумѣетъ Лит. Статутъ подъ словомъ „закупъ“, и въ чемъ именно состояла сущность закупничества, приведемъ русскій текстъ означенныхъ артикуловъ en regard съ латинскимъ переводомъ указанныхъ мѣстъ памятника, заимствованнымъ изъ Порицко-Пулавскаго списка (первой половины XVI в.) Лит. Статута 1529 г.[51]).

Разд. XI, арт. 6:

Жид, татаринъ хрестьянъ въ неволи мети не маютъ.

Теж уставуемъ, естлибы который жидъ або татаринъ которого колве стану хрестиянина купилъ або *закупилъ*; отъ того часу приказуемъ воеводамъ, старостамъ и державцамъ, абы того ся доведывали и каждаго хрестьянина отъ жида або отъ татарина з неволи

Judei et Thartari, ne tenuerint Christianos in illiberalite.

Si aliquis Judeus aut Tharthărus emerit, aut *pignori acceperit* Christianum: ex tunc mandamus palatinis, capitaneis et tenutariis, ut de hoc perquirant. Nam omnem Christianum ex illibertate a Judeo et Thartaro liberamus eo modo. Si fuerit emptus in perpetuum, aut ex

„наймиты“—не одно и то же. Между тѣмъ это цѣнное указаніе при болѣе внимательномъ къ нему отношеніи могло бы предостеречь г. Любавскаго отъ другого ошибочнаго утвержденія—отъ отождествленія закуповъ съ наймитами (op. cit., 393). Вообще нельзя не пожалѣть, что г. Любавскій, располагавшій при своей работѣ цѣлой сокровищницей документальныхъ данныхъ въ видѣ Лит. Метрики, не обратилъ въ частности должнаго вниманія хотя бы на приведенную имъ же самимъ (op. cit., 394) слѣд. весьма любопытную цитату изъ одного документа начала XVI в.: „штожъ отчичи тыхъ земль позапродавалися въ пенязѣхъ нѣкоторымъ людемъ, а иные не въ пенязѣхъ розошлися въ покормы“, а затѣмъ и на значеніе термина „запродать-закупить“, который онъ весьма неосновательно понимаетъ въ смыслѣ—отдать-взять въ аренду (op. cit., стр. 719, тезисъ 113). Если бы все это сдѣлано было г. Любавскимъ, мы бы избавлены были отъ необходимости возражать ему и составлять для этого столь пространное примѣчаніе, какъ настоящее.

[51]) Приведенные тексты 6 и 8-го арт. XI разд. Л. Статута 1529 г. взяты: 1) русскій—изъ изданія этого памятника Моск. Общ. Ист. и Древ. Россійск. (Временникъ, кн. XVIII, М., 1854 г.), а 2) латинскій—изъ изданія гр. Дзялынскаго: „Zbiór praw litewskich“ (Poznań, 1841 г.); гдѣ напечатанъ Л. Статутъ 1529 г. на русскомъ (польск. буквами), латинскомъ и польскомъ языкахъ въ спискахъ, приготовленныхъ къ печати проф. Даниловичемъ.—Порицко-Пулавскій списокъ, содержащій въ себѣ латинскій переводъ Л. Статута 1529 г., относится ко времени до 1538 г. и считается болѣе раннимъ, нежели тотъ русскій списокъ, который напечатанъ въ XVIII кн. „Временника“.

вызволяли. А то тымъ обычаемъ: естлибы купилъ на вечность або въ купленое жонки его родилъ, (тогды)[52]) доросшы летъ своихъ, маетъ ся въ него выробити за семъ летъ, а по семи летехъ маетъ на волю пущонъ быти. А естлибы жидъ або татаринъ (кого) *закупилъ въ пенезяхъ*, тогды уставуемъ таковымъ выпуску на каждый годъ (якъ) мужчизне, такъ и жонце полкопы грошей, (и) до тыхъ часовъ маетъ ему (тот) *закупъ* служити, поки с тое сумы выробится...

muliere empta procreatus: tunc adeptus etatem suam elaborabit se ab eo per septennium; et post septem annos efficitur liber. Si vero *fuerit impignoratus* Christianus apud aliquem hujusmodi perfidorum: tunc sit ei relaxamenti singulis annis utriusvis sexus fuerit, triginta grossi et quousque se elaboraverit tenebitur *impignoratus* servire eis.

Р. XI, арт. 8:

О выпусканья пенезей *закупнымъ людемъ*.

Тежъ уставуемъ, *естлибы хто* закупа (въ нѣкот. списк.: *в закупы*) *закупилъ* мужика або жонку, а с нимъ бы не вмовилъ, што маетъ (ему) присевати або пенезей выпустити, тогды маеть также с пенезей отручоно быти (въ одномъ спискѣ прибавл.: „мужику") пятнадцать грошей на лѣто, а жонце десеть грошей [53]).

Hominibus se ipsis impignorantibus pecuniae defalcantur.

Si *se impignoraverit*, vir aut mulier, non facto contractu de seminando, aut de falcando: tunc defalcabuntur annatim, viro quindecim grossi, mulieri decem.

---

[52]) Слова, заключенныя въ скобки, взяты изъ другихъ списковъ Л. Ст. 1529 г. и являются прибавленіями и поправками къ той рукописи (т. н. Виленской), которая послужила оригиналомъ при напечатаніи текста Л. Статута 1529 г. въ XVIII кн. „Временника".

[53]) Приведеннымъ въ текстѣ артикуламъ Л. Стат. 1529 г. соотвѣтствуютъ по содержанію (съ нѣкоторыми, впрочемъ, измѣненіями): въ Л. Статутѣ 1566 г.—первая половина арт. 5 и конецъ арт. 7-го разд. XII, а въ Л. Ст. 1588 г.—арт. 9 и 11 того же XII разд.—Въ концѣ 11 арт. XII р. Л. С. 1588 г. находятся слѣд. интересныя слова: „а *закупнымъ людемъ* тымъ же обычаемъ (т. е. какъ указано выше) з сумы пенежное выпускъ быти маеть, *то есть тымъ* волнымъ, *которые бы ся сами въ чомъ запродали*".

Лицо, переводившее въ первой половинѣ XVI в. русскій текстъ Л. Статута 1529 г.[54]) и передававшее слово *закупить* съ помощью выраженія *pignori accipere* (взять въ залогъ), а древне-русскій терминъ *закупъ* словами: *(homo) impignoratus, homo se ipse impignorans* или *homo, qui se impignoraverit* (т. е. заложившійся человѣкъ, человѣкъ, который самъ себя отдалъ въ закладъ), никакъ нельзя заподозрѣть въ неправильности или неточности передачи смысла и буквы переводимаго закона[55]): институтъ закупничества въ XVI в. еще существовалъ, и переводчикъ былъ живымъ свидѣтелемъ его существованія.

Приведенныя документальныя данныя съ достаточной убѣдительностью свидѣтельствуютъ, что сдѣлка о закупничествѣ по своему существу, основанію и цѣли есть только лишь сдѣлка о займѣ и притомъ займѣ, сопровождавшемся личнымъ залогомъ или закладомъ. Если первая изъ нихъ и имѣетъ нѣкоторое сходство со второй, если закупъ иногда и называется попросту (хотя и неправильно) наймитомъ (въ нѣкоторыхъ, но далеко не во всѣхъ спискахъ пространной Р. Правды[56]) и изрѣдка въ западно-русскихъ судебныхъ актахъ), то это исключительно объясняется особымъ, господствовавшимъ на практикѣ, способомъ исполненія предварительно заключеннаго договора о займѣ, обезпеченномъ самозалогомъ должника и вообще личнымъ закладомъ: занятый капиталъ вмѣстѣ съ процентами погашался обыкновенно личнымъ трудомъ, личной работой закупа[57]). Погашеніе это совершалось постепенно, въ теченіе извѣстнаго времени, въ зависимости отъ суммы долга

---

[54]) Имя переводчика неизвѣстно. Ѳ. Чацкій утверждаетъ, что переводъ этотъ принадлежалъ перу извѣстнаго канцлера вел. кн. Литовскаго и воеводы виленскаго Альбрехта Гаштольда.

[55]) Нелишне прибавить, что выраженіе *закупные люди,* имѣющееся въ концѣ 7-го арт. XII разд. Л. Стат. 1566 г., въ латинскомъ текстѣ этого памятника (рукопись Папроцкаго начала послѣдней четверти XVI в., напечат. проф. Пѣкосинскимъ) передано словами *homines oppignerati,* т. е. люди, отданные въ залогъ или закладъ. См. Collectanea ex Archivo Collegii Iuridici, tom VII, Kraków, 1900, p. 221.

[56]) См. выше примѣч. 25 и соотвѣтств. ему текстъ.

[57]) Говоримъ *обыкновенно,* потому что о такомъ способѣ, какъ обычномъ и самомъ распространенномъ, свидѣтельствуютъ и судебные акты и Литовскій Статутъ всѣхъ трехъ редакцій. Послѣдній постепенное погашеніе долга „закупа" путемъ ежегодныхъ „выпусковъ" дѣлаетъ даже обязательнымъ. Въ актахъ, однако, встрѣчаются указанія на то, что иногда, очевидно въ случаѣ спеціальнаго о томъ соглашенія сторонъ, долгъ не погашался службой закупа, а значитъ, и путемъ ежегодныхъ „выпусковъ", а лежалъ на немъ полностью впредь до уплаты занятыхъ денегъ наличными. Такъ, напр., въ „листѣ вызнаномъ" боярина господарскаго Захарія Швалевича и его

и размѣра (который опредѣлялся договоромъ или обычаемъ, а позже также и закономъ) такъ наз. „выпуска", т. е. заработной платы, идущей въ погашеніе долга и опредѣляемой, повидимому, съ такимъ разсчетомъ, что кредиторъ, кромѣ части долга, получалъ ежегодно и извѣстный процентъ на занятый имъ капиталъ. Такимъ образомъ, упомянутое сходство отношеній, возникавшихъ изъ закупничества, съ отношеніями по личному найму, несомнѣнно, чисто внѣшнее, а потому и не должно вводить изслѣдователя въ заблужденіе при рѣшеніи вопроса объ юридической природѣ закупничества. Сказанное сейчасъ подтверждается и прямыми свидѣтельствами памятниковъ западно-русскихъ, на которыхъ мы вкратцѣ остановимся и изъ которыхъ видно, что закупничество и личный наемъ—сдѣлки совершенно различныя, и что договоръ о личномъ наймѣ сопровождался иными условіями, нежели тѣ, какія обычно сопровождали заемъ-закупничество.

Что закупъ не наемный слуга или работникъ, это видно прежде всего изъ тѣхъ указаній памятниковъ, въ которыхъ закупы прямо противополагаются наймитамъ. Такъ, изъ акта, относящагося къ 1524 г. и трактующаго о мѣнѣ имѣніями между Иваномъ Андреевичемъ и Ленькомъ Сасинымъ, видно, что первый изъ нихъ выговорилъ себѣ право вывести изъ своего бывшаго имѣнія „челядь невольную, и закуповъ, и наймитовъ" [58]). Значитъ, закупы не рабы, но въ то же время и не наймиты. Далѣе, въ Витебской „уставѣ" 1531 г., составленной князьями, панами, боярами и мѣщанами витебскими, о вольныхъ людяхъ, ихъ службахъ и повинностяхъ читаемъ между проч. слѣд.: „а который человѣкъ у пенезѣхъ, тотъ какъ ся съ паномъ своимъ умовить", а нѣсколько ниже— „а хто наймита найметь а задатокъ дасть, тотъ наймитъ маетъ до року стоять" [59]). И отсюда опять таки вытекаетъ, что „человѣкъ у пенезѣхъ", или, другими словами, „закупъ", и наймитъ—не одно и то же. Этимъ, однако, не исчерпываются факты, указывающіе на отличіе

жены значилось между проч., что они „сына своего, прозвищомъ Путила, *заставили тому жиду Мисану у полторы копы и пяти грошохъ, и мелъ служити ему ажъ до того часу, покуль бы ему тые пенези сполна заплатили*" (А. Вил. Ком., т. XVII, № 976, актъ 1555 г.). Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ сдѣлка о личномъ закупничествѣ принадлежала къ той формѣ закладныхъ, какая практиковалась по отношенію къ недвижимымъ имуществамъ (см. выше, прим. 43 и 44). Ясно также, что закупничество этого рода (при которомъ долгъ не погашался службой или работой закупа) лишено даже той внѣшней черты сходства съ личнымъ наймомъ, о которой говорится въ текстѣ. Въ этомъ нельзя не видѣть еще одного яркаго доказательства, что закупничество и личный наемъ, закупы и наймиты—не одно и то же.

[58]) Лит. Метр., кн. Запис. № 12, л. 184.

[59]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. I, № 94, стр. 79.

личнаго найма отъ закупничества, наймитовъ отъ закуповъ. Во-первыхъ, для всего, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ личному найму, существовала своя особая терминологія, совершенно отличная отъ той, какая употреблялась по отношенію къ закупничеству и закупамъ: „наймитъ", „наймитка", „наймичка", „нанять наймита", „нанять на работу", „наймовати", „взять зъ найму" („онъ далъ ми сына Якуба зъ найму"), „наймоваться" [60]); кромѣ того, плата, получаемая наймитомъ, называлась такъ же, какъ и арендная плата за землю [61]), „наймомъ" [62]), рѣже—„мытомъ" [63]). Во-вторыхъ, при личномъ наймѣ работали не за долгъ, какъ при закупничествѣ, а за условленную заработную плату или жалованье, которое выдавалось не впередъ, но лишь по окончаніи работы или срока найма, какъ это видно, между проч., изъ жалобы въ Гродненскомъ судѣ нѣкоей „жонки Олены" на боярыню Малкгорету (Маргариту) Толочковую: „штожъ дей я въ ней отъ малыхъ часовъ зъ мыта служу, а она мне жадного мыта за службу не платитъ, и когды дей я оное заплаты своей заслужоное ее впоминатися почала, она дей мене зъ двора своего вонъ выбила и речи мои въ себе загамовала" (А. Вил. Ком., XVII, № 998). Впрочемъ, заработная плата могла, по уговору, уплачиваться не только по окончаніи работы или срока найма, но и по мѣрѣ работы, въ извѣстные промежутки времени; такъ, нѣкій Стась, нанятый „Мишкомъ стрихаремъ (т. е. кирпичникомъ)" за полкопы грошей съ прибавленіемъ бочки жита, сорочки и фартука „на роботу стрихарскую отъ светого Юрья вѣшнего до светого Юрья осеннего" и ушедшій отъ него до истеченія указаннаго срока, слѣдующимъ образомъ оправдывался на судѣ: „мелъ онъ (Мишко) мнѣ на неделю по полугрошью давати и того ми давати не хотелъ, и я-мъ дей прочь пошолъ" (А. В. К., XVII, № 330). Въ-третьихъ, если при закупничествѣ сумма взчтыхъ впередъ (занятыхъ) денегъ предопредѣляла срокъ или продолжительность обязательной работы, то при личномъ наймѣ, наоборотъ, срокъ работы, срокъ найма опредѣлялъ ту сумму, на которую могъ претендовать въ будущемъ наймитъ. Такъ, напр., портной Сенко Ивановичъ жаловался „на наймитку свою Андрейковую Марюху": „штожъ она была въ мене нанялася и задатку взяла шесть грошей, а до остатку мѣлъ есми ей дати семь грошей, то есть всего

[60]) Акт. Вил. Ком., т. XVII, №№ 90, 109, 115, 356, 364, 376, 399, 405, 439, 528, 563, 586, 720, 882 и др.

[61]) См. выше прим. 45.

[62]) Лит. Метр., кн. Судн. дѣлъ № 9, л. 19 об.—20; А. В. К., XVII, №№ 356, 931 и др.

[63]) Акт. Вил. Ком., XVII, № 998.

найму тринадцать грошей, а она за тыи пенези мѣла мнѣ служити целый годъ... она, не служивши мне пяти недель, отъ мене прочъ безъ вѣдома моего пошла..." (А. В. К., XVII, № 931). Наконецъ, изъ послѣдняго акта, какъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ [64]) и въ частности изъ приведенной выше выдержки изъ „Витебской уставы" 1531 г., видно, что при личномъ наймѣ наниматель хотя и не уплачивалъ впередъ всей заработной платы, но обыкновенно выдавалъ наймиту, при заключенiи договора, извѣстный задатокъ. Этотъ обычай, аналогичный съ тѣмъ, какой практиковался при наймѣ или арендѣ недвижимаго имущества [65]), эта черта, сближающая оба вида найма, является въ то же время однимъ изъ отличительныхъ признаковъ личнаго найма отъ закупничества, имѣвшаго, въ свою очередь, не мало, какъ мы видѣли, чертъ сходства съ залогомъ недвижимыхъ имуществъ [66]).

Итакъ, на основанiи всѣхъ вышеприведенныхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ доводовъ, можно утверждать слѣдующее:

во-первыхъ, что въ основѣ всѣхъ отношенiй, возникавшихъ изъ закупничества, лежалъ не договоръ личнаго найма, какъ думаютъ В. И. Сергѣевичъ и нѣкоторые другiе изслѣдователи, а договоръ займа, соединенный съ личнымъ закладомъ, и что, такимъ образомъ, закупничество ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть названо договоромъ найма, а тѣмъ болѣе чистой формой этого послѣдняго;

а, во-вторыхъ, что закупъ былъ не наймитомъ, а должникомъ, обезпечивавшимъ свой долгъ залогомъ или закладомъ своей личности кредитору и погашавшимъ этотъ долгъ (если не было иного условiя) [67]) своею работою или службою въ пользу кредитора.

Этотъ выводъ одинаково относится какъ къ западно-русскимъ закупамъ XV—XVI вѣковъ, къ каковому времени прiурочиваются имѣющiяся у насъ и приведенныя выше документальныя данныя, такъ и къ закупамъ эпохи Р. Правды, ибо закупничество XV—XVI вв. находится

---

[64]) Лит. Метр., кн. Суд. д. № 9, л. 19 об.—20; Ак. В. К., XVII, №№ 330, 364 и др.

[65]) См. выше, конецъ прим. 45.

[66]) Напомнимъ между проч., что въ западно-русскихъ (и не только въ западнорусскихъ, но и въ московскихъ также) памятникахъ, какъ это видно изъ многочисленныхъ представленныхъ выше выдержекъ изъ нихъ, даже самые термины „закупъ" „закупный" употреблялись безразлично, какъ для обозначенiя заложившаго себя человѣка, такъ и для обозначенiя земли, находившейся въ залогѣ.

[67]) См. примѣч. 57 и цитаты въ текстѣ за №№ I, II, V, XV.

въ несомнѣнной и тѣсной генетической связи съ закупничествомъ Р. Правды и отрицаніе этой связи было бы равносильно утвержденію, что западно-русское закупничество вышло, такъ сказать, „изъ пѣны волнъ морскихъ".

Несмотря на это, намъ могутъ, пожалуй, возразить [68]), что весьма рискованно изъ позднѣйшаго значенія того или иного термина объяснять его первоначальную природу, что слово, вполнѣ опредѣленное въ извѣстномъ смыслѣ въ болѣе древнее время, въ позднѣйшее время нерѣдко получало хотя опредѣленный же, но совсѣмъ иной смыслъ, взятый изъ одного изъ признаковъ первоначальнаго значенія даннаго термина. На это можно отвѣтить слѣдующее. Конечно, если бы рѣчь шла о болѣе или менѣе случайномъ созвучіи, о чисто внѣшнемъ или даже внутреннемъ, но весьма частичномъ сходствѣ, то подобное возраженіе имѣло бы основаніе, такъ какъ безспорно, что тотъ или другой терминъ самъ по себѣ еще ничего не доказываетъ: всякій терминъ не есть сама жизнь и на пространствѣ длиннаго ряда вѣковъ можетъ прикрывать, обозначать собою далеко не аналогичныя явленія правовой или иной жизни. Но въ данномъ случаѣ мы вѣдь имѣемъ дѣло не съ случайнымъ созвучіемъ, а съ терминомъ, даже рядомъ терминовъ, оказавшихся весьма устойчивыми, имѣемъ дѣло съ рядомъ явленій, чуждыхъ внѣшняго лишь сходства, а вполнѣ аналогичныхъ съ тѣми, съ которыми мы встрѣчаемся въ древней, земской Руси и которыя воспроизводятся въ позднѣйшей исторической средѣ, въ новой жизненной обстановкѣ, хотя и съ нѣкоторыми приспособленіями къ этой послѣдней, но безъ всякихъ измѣненій ихъ сущности и со многими несомнѣнно архаическими чертами. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ обезпеченіе долга личнымъ закладомъ, этотъ самозалогъ, о которомъ говорятъ съ такою ясностью и подробностью западно-русскіе акты, трактующіе о закупахъ, можетъ быть продуктомъ позднѣйшей эпохи и въ частности XV—XVI вв.? Развѣ онъ не есть древнѣйшая, архаическая форма залога, сохранившаяся какъ пережитокъ отъ болѣе древней эпохи, когда свобода еще не признавалась неотчуждаемымъ благомъ, когда не возникала даже и тѣнь сознанія (сознанія, замѣчаемаго уже въ Литовскомъ Статутѣ) противоестественности такого порядка вещей, при которомъ вполнѣ свободный человѣкъ можетъ быть не только

---

[68]) Подобное возраженіе было сдѣлано Н. Дебольскимъ проф. М. Ф. Владимірскому-Буданову по поводу его ссылки на западно-русскіе акты, имѣющейся въ прим. 2 на стр. 38 „Обзора исторіи русск. права" (изд. 3). См. *Н. Дебольскій,* Гражданская дѣеспособность по русскому праву до конца XVII в., стр. 97—99.

предметомъ заклада, но и купли—продажи? Отрицать эволюціи даннаго института нельзя, и мы не станемъ этого дѣлать, но утверждать, что закупничество западно-русское не ведетъ своего происхожденія по прямой линіи отъ закупничества Р. Правды, что то и другое не тождественные институты, такъ же странно, какъ странно было бы, напр., утверждать, что столь извѣстные памятникамъ западно-русскаго права *сводъ* и *гоненіе слѣда* не имѣютъ ничего общаго съ тѣми сводомъ и гоненіемъ слѣда, о которыхъ трактуетъ Русская Правда. Измѣнились обстановка, детали, отпали нѣкоторыя суровыя черты, свойственныя древне-русскому закупничеству (напр., возможность обращенія „закупа" въ „обеля"), но дальше этого, повторяемъ, не пошла эволюція даннаго института: его юридическая природа, его основаніе и цѣль, т. е. самыя существенныя черты, остались и въ XV—XVI в. тѣ же, что были въ XII—XIII в., и самый институтъ, такимъ образомъ, вполнѣ уцѣлѣлъ, хотя и приспособился къ иной исторической средѣ.

Въ чемъ выразилось означенное приспособленіе, это отчасти видно изъ представленныхъ выше мѣстъ памятниковъ западно-русскаго права. Разсмотрѣть подробно эти послѣдніе съ указанной точки зрѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и остановиться на нѣкоторыхъ другихъ интересныхъ вопросахъ, болѣе или менѣе связанныхъ съ закупничествомъ (напр., на вопросѣ о тождественности закуповъ или закупныхъ людей съ закладнями или закладниками), въ настоящей статьѣ мы, къ сожалѣнію, лишены возможности. Не теряемъ, однако, надежды вернуться къ указаннымъ темамъ въ другое время и въ другомъ мѣстѣ.

М. Ясинскій.